Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

XXXIII-я КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Бумаги Елисаветинскаго времени). Складъ изданія въ Петербургѣ, на Моховой, въ домѣ 8-мъ.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Цѣна 30 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій. его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля, съ пересылкою **3** р. **30** к.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ. Четыре книги. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ. Двѣ книги. Цѣна 4 р. съ перес. 4 р. 50 к.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887.

2.

Въ 1887 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

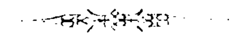
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

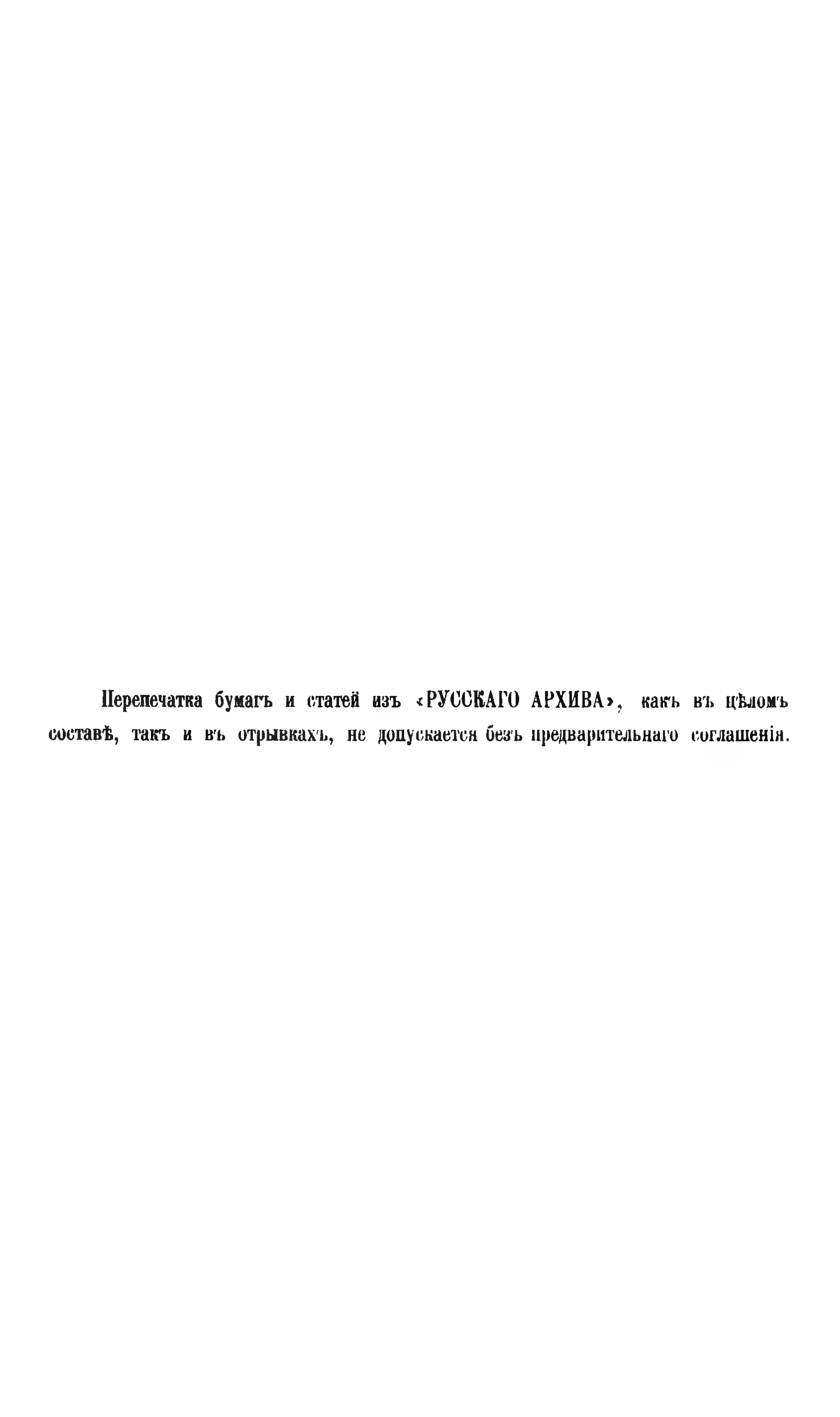
Петромъ Бартеневымъ.

1887.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ПИСЬМА ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ.

Письма Павла Петровича къ митрополиту Платону списаны съ собственноручныхъ подлинниковъ, хранящихся въ библіотекѣ Виѳанской Духовной Семинаріи. Они издаются въ первый разъ. Содержаніе ихъ показываетъ, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ стоялъ Павелъ Петровичъ къ Платону, который былъ избранъ его законоучителемъ въ 1763 году, будучи еще іеромонахомъ и ректоромъ Троицкой Семинаріи.

Протоіерей С. Смирновъ.

1 *).

Преподобный отецъ!

Разсужденіе ваше о Мелхиседекѣ читалъ я съ крайнимъ удовольствіемъ, почитая оное подтвердительнымъ опытомъ усердія вашего въ изъясненіи мнѣ ученія христіанскаго и усматривая въ немъ основательныя и сановитаго учителя достойныя толкованія, съ каковыми ваше преподобіе священныя истины предлагаете. Довольно я отъ васъ наслышался, что вы поставляете за правило показывать всегда заключающихся въ Святомъ Писаніи уставовъ и бытій съ естественнымъ разумомъ согласованіе, и утверждать оные доводами здраваго человѣческаго разсужденія. Сей дѣйствительно наисильнѣйшій есть способъ къ благоуспѣшному въ сердцахъ насажденію божественнаго сѣмяни и къ неминуемому богодухновенныя благодати распространенію.

---

*) Это первое письмо, не могло быть написано самимъ Великимъ Княземъ, который былъ тогда всего десяти лѣтъ отъ роду. Его сочинилъ и продиктовалъ Павлу Петровичу наставникъ его С. А. Порошинъ, какъ видно изъ его Дневныхъ Записокъ подъ 20-мъ числомъ Ноября 1764 года. Въ слѣдующемъ 1765 году вышла въ Спб. книга: „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія для употребленія Его Императорскаго Высочества, сочиненная іеромонахомъ Платономъ“, и при ней напечатано это письмо. Д. К.

Несказанно расширилось и возрасло ученіе свѣтское съ тѣхъ временъ, какъ ревнующій по правдѣ поборникъ Картезій, отложась отъ порабощенія Аристотельскаго, любопытствующій разумъ на путь явственнаго и бодрствующаго изслѣдованія поставилъ. Взошло новое свѣтило, представилися науки въ новомъ, прекрасномъ видѣ и привлекли къ себѣ множество любителей, коихъ до того распростертая по ученому владычеству темнота отъ нихъ удаляла. Въ нынѣшніе благополучные дни наши, выключая сообщество собственно называемыхъ людей ученыхъ, нѣтъ почти ни единаго благовоспитаннаго человѣка, который бы не привлекаемъ былъ наукъ красотою и на упражненіе въ оныхъ не полагалъ времяни. Кромѣ красоты ихъ и кромѣ услажденія, съ ученіемъ соединеннаго, велика и польза, отъ него происходящая. И въ отдаленныхъ оныхъ вѣкахъ видѣли уже сію пользу и знали. Порфирою и премудростію украшенный Соломонъ написалъ, что *множество премудрыхъ спасеніе міру и царь премудръ утвержденіе людемъ* и еще, что *все злато предъ премудростію песокъ малый, и сребро яко бреніе предъ нею вмѣнится.* А подъ имянемъ премудрости не иное что́ онъ разумѣетъ какъ знанія, остроуміемъ человѣческимъ открытыя. Нѣтъ состоянія, гдѣ бы не видны были широко разливающіеся отъ наукъ прибытки. Науки пріучаютъ разумъ къ порядочному и глубокому размышленію и изощряютъ силы онаго; проницая во глубину сердца человѣческаго, видятъ всѣ склонности его и побужденія, и связь и причины ихъ открываютъ; укрощаютъ и исправляютъ нравы; служатъ къ совершенству всѣхъ дѣлъ житейскихъ; обращаясь въ обширности всего созданія, величіе дѣлъ творческихъ показываютъ ясно. Небеса повѣдаютъ славу Божію въ полномъ великолѣпіи тѣмъ только, кои стройное ихъ расположеніе, неизмѣримое пространство и союзное движеніе усматриваютъ. Вѣкъ, въ коемъ науки процвѣтаютъ, есть вѣкъ просвѣщенія и вѣкъ людей великихъ во всякомъ родѣ.

Правда, что приступъ къ наукамъ нѣсколько труденъ и не приманчивъ. Но терпѣніе и прилежаніе, употребленныя на преодолѣніе первыхъ трудностей, награждается вскорѣ неизобразимымъ удовольствіемъ и очевидною пользою. По собственному своему искусству я сіе вѣдаю. Признаться долженъ, что при началѣ ученій моихъ не безъ скуки мнѣ было; но, послѣдуя доброхотнымъ совѣтамъ, преодолѣвалъ оную и вижу, что она ничто въ разсужденіи послѣдующаго за нею удовольствія.

Все приносимое науками просвѣщеніе и неоцѣненное ими пріобрѣтаемое сокровище много бы потеряли своего достоинства, или бы еще и во зло обратились, естьли бы всему ученію за основаніе по-

ложенъ не былъ союзъ и утвержденіе человѣческаго сообщества—Законъ Божій. Помянутый высотою разума блистающій Соломонъ говоритъ: *Богъ премудрости Предводитель есть и премудрыхъ Исправитель; въ руку бо Его и мы, и словеса наша, и всякій разумъ, и дѣлъ художество!* [1]) Въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова такожъ читаемъ: *Источникъ премудрости слово Божіе въ вышнихъ, и шествія ея заповѣди вѣчныя* [2]). Итакъ каждому первымъ поученіемъ для себя надлежитъ поставить законъ Господній, дабы узнать волю сотворившаго насъ и украситься христіянскими добродѣтелями. На семъ-то основаніи утвержденныя науки видны во всемъ ихъ изяществѣ, для того что тогда онѣ прямо служатъ ко всеобщему наставленію и блаженству. Не могу изъяснить вамъ, сколько я тѣмъ увеселяюсь, что для сооруженія въ сердцѣ моемъ таковаго основанія имѣю такого какъ вы священнаго строителя. Ради вожделѣннаго въ сихъ трудахъ вашихъ успѣху, не престану я никогда приносить сіе къ Подателю всѣхъ благъ моленіе: *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей* [3]).

Желательно, дабы при воспитаніи Россійскаго юношества никогда не оставлялось въ забвеніи, коль для цвѣтущаго состоянія всѣхъ государственную громаду составляющихъ членовъ необходимо, чтобъ прилежному въ наукахъ руководству предшествовало основательное наставленіе въ православномъ нашемъ законѣ. Сіе единое дѣйствительное есть средство произвесть добрыхъ гражданъ и достойныхъ сыновъ отечества. Науками просвѣщены будучи, не впадутъ они въ погрѣшности, невѣжеству свойственныя и неисчетные откроютъ пути, ведущіе къ благополучію народному; утверждены православіемъ удалятъ отъ себя всѣ развращенныя мыслей покушенія и непоколебимымъ постоянствомъ оградятся.

Ваше преподобіе съ своей стороны распространенію христіянскаго въ Россіи ученія поспѣшествовать можете изданіемъ книгъ, до истолкованія и вкорененія Слова Божія касающихся. Небезызвѣстны мнѣ ваши въ семъ дѣлѣ богоугодныя упражненія. Побужденіемъ ко онымъ, кромѣ вышеупомянутой обществу пользы, служить могутъ вашему преподобію и многія въ самомъ Священномъ Писаніи мѣста, гдѣ о мужахъ, на расширеніе благочестія и святыя церкви ученія труды свои положившихъ, съ несказанными хвалами упоминается. Читаемъ

---

[1]) Премудр. 7, 15.

[2]) Сирахъ 1, 5.

[3]) Псал. 85, 11.

мы такъ о таковыхъ мужахъ, что *пребудетъ до вѣка сѣмя ихъ, и слава ихъ не потребится* [1]). Какое заслужилъ себѣ уподобленіе великій оный іерей Симонъ Оніинъ своимъ о утвержденіи Слова Божія усердіемъ! О немъ-то написано, что онъ *яко солнце, сіяющее на церковь Вышняго, и аки дуга свѣтящаяся на облацѣхъ славы.*

Вѣрьте, что съ приращеніемъ душеполезныхъ трудовъ вашихъ приростетъ и мое особливое удовольствіе, въ разсужденіи совершеннаго почтенія, которое я къ вамъ имѣю.

Павелъ.

Ноября 20 дня
1764 года.

2.

Царское Село, Мая 20-го 1774.

Ваше преосвященство [2])!

Отправляю письмо сіе съ Армяниномъ Иваномъ Лазаревымъ, которой ѣдетъ въ Москву. Прошу извинить меня, естьли столь долго умедлилъ отвѣтомъ на столь пріятное мнѣ письмо ваше. Вы меня тронули, сказавъ мнѣ въ ономъ, что вы не забудете послѣдняго разговора нашего и то, что̀ вы отъ насъ отъ обоихъ тогда слышали. Вамъ извѣстно, что я всегда такъ отзывался о тѣхъ вещахъ, которыя нынѣ пренебрегаютъ. Богъ сохранилъ меня въ сихъ мысляхъ да и осчастливилъ меня, соединя союзомъ дружбы самой искренней и любви самой непорочной съ женою моею [3]), которая, будучи воспитана въ тѣхъ правилахъ, всегда подкрѣпляетъ меня въ оныхъ. Естьли бы случились вы цѣлой день съ нами, то бы слышали нерѣдко въ теченіи онаго подобные тому разговоры. Ваше преосвященство раздѣлите несомнѣнно печаль нашу общую о потерѣ почтенной и столь любезной тещи моей [4]). Смерть ея тронула весьма насъ обоихъ и едва не поколебала здоровья жены моей, но Богу благодаря теперь она оправилась. Поручила она мнѣ вамъ поклонъ свой отдать и благодарить за приписанное въ письмѣ ко мнѣ, равно какъ и за то, что̀ вы мнѣ о ней писали. Прошу быть увѣренну о дружбѣ моей къ вамъ и о желаніи васъ видѣть какъ можно скорѣе, остаюсь на вѣки вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

---

[1]) Сирахъ, 44, 12.

[2]) Платонъ въ 1770 году назначенъ архіепископомъ Тверскимъ съ оставленіемъ въ должности архимандрита Троицкой Лавры, которую получилъ въ 1766 году.

[3]) Первою супругою Павла была Наталія Алексѣевна принцесса Гессенъ-Дармштатская. Вступила въ бракъ въ 1773 году, скончалась отъ родовъ въ 1776 году.

[4]) Ландграфиня Каролина † 19 Марта 1774. Письма къ ней Екатерины Великой въ Русскомъ Архивѣ 1878, вып. 4-й.

Je rends bien de grâces à votre éminence pour ce que vous m'avez écrit dans la lettre du Grand-Duc; je suis enchantée de trouver occasion d'assurer en peu de mots votre éminence de la parfaite estime et de la considération distinguée que j'aurai toute ma vie pour vous; je vous prie de me conserver toujours votre amitié [1])

Natalie.

3.

Царское Село, Маія 5 дня 1776.

Ваше преосвященство!

Получилъ я съ крайнимъ удовольствіемъ письмо ваше и благодарю васъ за все то, чтò ваше преосвященство въ немъ пишете. Переводъ съ Чина Исповѣданія нашелся между бумагами покойной жены моей и съ переводомъ Нѣмецкимъ [2]). За долгъ свой почитаю благодарить васъ за труды ваши въ наставленіи, за дружбу и за все сдѣланное вами передъ самою кончиною покойницы въ разсужденіи ея. Я имѣлъ всегда притчины быть вамъ благодарнымъ и любить васъ по бытности вашей при мнѣ въ младенчествѣ моемъ и по трудамъ и старанію, приложеннымъ вами къ воспитанію моему. Сіи притчины возросли по дружбѣ и попеченію вашему оказаннымъ вами къ женѣ моей, но дошли до вышней степени всѣмъ тѣмъ, чтó вы сдѣлали при концѣ и послѣ смерти ея. Еще имѣю притчину взирать на васъ какъ на друга своего. Ваше преосвященство были всегда свидѣтелемъ и подкрѣпленіемъ тѣхъ чувствъ сердечныхъ моихъ, которыми я всегда наполненъ. Вы знаете сердце и намѣреніи мои. Сколь же пріятно мнѣ знать, что есть на свѣтѣ люди, которые отдаютъ справедливость честности и чистотѣ духа. Вы, зная меня, и я, съ своей стороны зная васъ, не могу инако почитать какъ другомъ своимъ. Увѣщаніе ваше продолжать хранить въ непорочности сердце мнѣ свое и призывать во всѣхъ дѣлахъ моихъ помощь небесную принимаю съ благодарностію и на сіе скажу вамъ, что то, чтó подкрѣпляло меня въ извѣстныя вамъ столь тяжкія для меня минуты, то всегда во всѣхъ путѣхъ моихъ служитъ свѣтомъ, покровомъ и подкрѣпленіемъ. Сіе на

---

[1]) Очень благодарна вашему преосвященству за то, чтò вы мнѣ написали въ письмѣ къ Великому Князю; я очень рада найти случай въ немногихъ словахъ увѣрить ваше преосвященство въ моемъ совершенномъ почтеніи и отличномъ уваженіи, которыя я буду имѣть къ вамъ во всю мою жизнь. Прошу васъ сохранить навсегда вашу ко мнѣ дружбу. Наталія.

[2]) Исповѣданіе вѣры великой княгини Маріи Ѳеодоровны напечатано (безъ обозначенія года и мѣста, на 40 стр.) на Нѣмецкомъ языкѣ: Glaubens-Bekenntniss I. K. H. der Grossfürstin Maria Feodorowna. Д. К.

Бога упованіе отнявъ, истинно немного притчинъ будемъ мы всѣ имѣть для чего въ свѣтѣ жить. При семъ случаѣ за долгъ свой почитаю вамъ сказать (прося оставить сіе подъ глубокимъ секретомъ), что въ сіи горестныя минуты не забылъ помыслить о долгѣ въ разсужденіи отечества своего [1]), полагаясь и въ семъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ протчемъ на судьбы Божіи.

Ея Величество поручила мнѣ вамъ сказать, чтобъ ваше преосвященство пожаловали, ѣздили сюда когда угодно вамъ будетъ.

Съ истинною дружбою пребываю на всегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

4.

С. Петербургъ. Марта 11 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Получилъ письмо ваше, которымъ вы меня поздравляете съ Новымъ Годомъ. Мнѣ оно тѣмъ пріятнѣе было, что заключало въ себѣ тѣ ко мнѣ расположенія ваши, которыхъ цѣну я столь знаю и которыя мнѣ при всякомъ случаѣ вы показывали. Мои же сентименты къ вамъ съ возобновленіемъ года всегда возобновляются и, имѣя благодарность и дружбу за основаніе, перемѣниться никогда не могутъ.

Сожалѣя, что разстояніе дѣлитъ насъ, прошу при этомъ, чтобъ вы продолжали ко мнѣ писать и были увѣрены, что я пребуду на вѣки

Вашимъ вѣрнымъ Павелъ.

5.

С.-Петербургъ, Марта 25 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за желанія и поздравленія ваши съ Новымъ Годомъ; зная ихъ искренность, мнѣ оныя тѣмъ пріятнѣе. Продолжайте ваше ко мнѣ расположеніе и будьте увѣрены, что вы меня всегда найдете вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя [2]) поручила мнѣ вамъ отдать поклонъ свой.

---

[1]) Т. е. о вступленіи во второй бракъ и сохраненіи династіи, коей былъ онъ тогда единственнымъ явнымъ представителемъ. П. Б.

[2]) Второю супругою Павла была принцесса Виртембергская Марія Ѳеодоровна, съ которою онъ вступилъ въ бракъ 16 Сентября 1776 года.

6.

Царское Село, Іюня 3 дня 1777

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за поздравленіе меня съ праздникомъ Святыя Пасхи и притомъ за молитвы принесенныя вами Богу какъ о упокоеніи души покойной жены моей, такъ и о мнѣ. Просите Бога, чтобъ сохранилъ меня и жену мою въ той непорочности совѣсти, которую вы во мнѣ старались насадить и чтобъ она предостережена была Всемогущимъ отъ ищущихъ пагубы ласкателей въ моемъ мѣстѣ и отъ совѣта нечестивыхъ.

Сообщу вамъ хорошую вѣсть. Услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святаго и отъ Сіона заступилъ: я имѣю большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною о семъ порадовались. Продолжайте не сумнѣваться о дружбѣ моей къ вамъ и будьте увѣрены, что я семь и буду вашъ вѣрной

Павелъ.

Жена моя кланяется вамъ.

И я благодарю ваше преосвященство за письмо ваше ко мнѣ, пребываю вамъ благосклонная

Марія.

7.

Петергофъ. Іюля 15 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Всѣмъ сердцемъ благодаримъ, какъ жена моя, такъ и я, за желанія и выраженія ваши, заключающіяся въ письмѣ вашемъ отъ 18-го Іюня. Сколь я сожалѣю, что обстоятельства препятствуютъ вамъ быть участникомъ радости моей, которую ожидаю къ Декабрю мѣсяцу. Будучи увѣренъ о расположеніи вашемъ ко мнѣ, увѣренъ и въ томъ, что мѣсто не уменьшитъ участія вами принимаемаго, и что вы будете увѣрены всегда о дружбѣ моей къ вамъ, съ которою пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

8.

Царское Село, Августа 16 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Весьма благодаримъ, какъ жена моя, такъ и я, за желанія ваши намъ въ письмѣ вашемъ отъ 30-го Іюля. Оныя подтверждаютъ извѣстное

мнѣ расположеніе ваше въ разсужденіи насъ обоихъ. Желалъ бы я имѣть случай съ своей стороны доказать чрезъ опытъ дружбу мою къ вамъ, равномѣрно и благодарность. Мѣжду тѣмъ прошу быть увѣреннымъ, что я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Жена моя поручила мнѣ вамъ поклонъ свой сказать.

9.

С.-Петербургъ, Октября 7 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Извините меня, что я отвѣтствую однимъ письмомъ на два ваши. Отъ всего моего сердца благодарю васъ за поздравленія меня со днемъ рожденія моего и за желанія ваши мнѣ всякаго блага. Равномѣрно и жена моя съ чувствительностію приняла поклоны ваши и поручила мнѣ съ своей стороны вамъ кланяться. Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствіемъ, происходящимъ отъ чистой совѣсти. Пожелайте и молите Бога, чтобъ Онъ намъ на вѣки ее сохранилъ, безъ чего ни пользы, ни славы быть не можетъ. Таковымъ желаніемъ будете вы соотвѣтствовать сентиментамъ дружбы, съ которыми пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

10.

С.-Петербургъ, Октября 28 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за полученное мною ваше письмо отъ 16-го текущаго мѣсяца, равномѣрно и за желанія ваши мнѣ и женѣ моей всякаго блага. Молите теперь Бога о подвигѣ, которымъ счастіе и удовольствіе мое усугубятся удовольствіемъ общимъ. Начало Декабря началомъ будетъ отеческаго для меня званія. Сколь велико оное по пространству новыхъ возлагаемыхъ чрезъ сіе отъ Бога на меня должностей! Его рука мнѣ всегда видна была. Грѣшилъ бы, есть-ли бы при семъ случаѣ усумнился. Пребываю вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Жена моя, благодаря васъ, вамъ кланяется.

11.

С.-Петербургъ, Ноября 25 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Стараться буду его выще заслужить, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякой въ ономъ долженъ, а особливо каждой въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ. Съ истинною дружбою пребываю на вѣки вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Жена моя поручила мнѣ вамъ свой поклонъ засвидѣтельствовать.

12.

С.-Петербургъ. Декабря 23 дня 1777.

Ваше преосвященство!

Подѣлите со мною радость мою, вы участвующій во всемъ томъ, что̀ до меня касаться можетъ, вы знающій чувства мои и притомъ расположеніе мое къ отечеству моему. Втораго надесять сего мѣсяца даровалъ мнѣ Богъ сына, которой названъ Александромъ. Хорошіе признаки и здоровое сложеніе его подаютъ надежду о немъ. Желаю, чтобъ онъ усердіемъ къ Богу и къ отечеству своему походилъ бы на меня. При принятіи на себя бремяни воспитанія его, первой мой предметъ будетъ въ него поселить сіе усердіе и къ Тому и другому. Благодарю ваше преосвященство за принесеніе ко Всевышнему молитвъ о счастливомъ разрѣшеніи отъ бремени жены моей, которая поручила мнѣ васъ за оное также благодарить и при томъ кланяться. Прося вашего преосвященства благословенія сыну моему, пребываю вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

13.

С.-Петербургъ, Генваря 13 дня 1778.

Ваше преосвященство!

Получивъ письмо ваше съ посылкою драгоцѣнною къ сыну моему, благодарю васъ за оную и отъ себя и отъ него. Письмо вашего преосвященства ободрило меня въ разсужденіи воспитанія сына моего, и, привыкнувъ слушать совѣты ваши и вѣрить словамъ вашимъ, пріят-

нымъ симъ увѣреніемъ ласкаю себя, что Богъ благословитъ воспитаніе сына моего и оградитъ его отъ всѣхъ золъ и пошлетъ ему Ангела мирна, вѣрна, наставника и хранителя душъ и тѣлесъ. Примите еще мое благодареніе за принесеніе вами Богу молитвъ публичныхъ, и будьте увѣрены, что я пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

Жена моя кланяется и благодаритъ ваше преосвященство.

14.

С.-Петербургъ, Генваря 27 дня 1778

Ваше преосвященство!

Жена моя и я благодаримъ васъ за желанія ваши, изъявленныя въ письмѣ вашемъ отъ 28 Декабря. Пріятно мнѣ видѣть, сколь вы хорошо о мнѣ мыслите; желаю заслужить оное, хотя впредъ, дѣлами своими и думаю, чтобъ съ меня довольно было, естьли бы я таковъ былъ, каковымъ вы мнѣ быть желаете: ибо кромѣ благодѣяній моральныхъ отъ васъ ничего не получалъ, а сіе благодѣяніе паче всѣхъ другихъ. Вашъ навсегда вѣрной

Павелъ.

15.

С.-Петербургъ, Февраля 24 дня 1778.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за письма ваши, одно отъ 25 Генваря, а другое отъ 5 Февраля. Пріобыкши провождать съ вами тѣ дни, въ которые соединялся съ Богомъ и церковію святымъ причастіемъ по сіе время, не могъ оставить въ молчаніи сегодняшній, не будучи съ вами персонально, дабы хотя мысленно проводить его съ вами. Вы извѣстны, сколь цѣлителенъ таковой для меня день, день, въ которой приношу покаяніе чистосердечное во всѣхъ моихъ грѣхахъ и въ которой получаю очищеніе отъ нихъ святымъ причастіемъ и слѣдовательно сколь драгоцѣненъ таковой день долженъ для меня быть. Обыкновенно друзья сообщаютъ другъ другу радости житейскія, тѣмъ больше радости духовныя, какова сія есть. И такъ, сообщивъ вамъ оную, долгъ свой сдѣлалъ и прошу вашего благословенія, пребывая навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

16.

С.-Петербургъ, Генваря 13 дня 1779.

Ваше преосвященство!

Пріятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего, что вы оставили въ себѣ воспоминовеніе о друзьяхъ вашихъ отсутственныхъ и что отдаете справедливость сентиментамъ ихъ. Возобновлять мнѣ нечего при наступленіи Новаго Года увѣренія о дружбѣ моей къ вамъ, какъ долго не забудете послѣднее свое посѣщеніе. Воспоминая о немъ, вспомните, что оставили здѣсь друзей, которые вамъ желаютъ всякаго блага. Естьли бы сынъ мой былъ въ лѣтахъ мыслить, присоединился бы къ отцу и матери своимъ во увѣреніяхъ дружбы нашей къ вамъ. Съ симъ названіемъ дружескимъ пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

17.

С.-Петербургъ, Февраля 17 дня 1779.

Ваше преосвященство!

Пріобыкнувъ видѣть васъ свидѣтелемъ того подвига, которымъ всякой Христіанинъ сообщается съ Богомъ и получая сей залогъ взаимной изъ вашихъ рукъ, не могъ пропустить не сдѣлать васъ свидѣтелемъ, хотя чрезъ письмо сіе, того облегченія, которое чувствую исполня сей долгъ вчера вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Прошу васъ, чтобъ призвали вы на нихъ на обоихъ благословеніе Божіе, а особливо на первую при нынѣшнихъ ея обстоятельствахъ и на будущій ея плодъ. Съ непремѣнною къ вамъ моею дружбою пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

18.

Царское Село, Апрѣля 9 дня 1779.

Ваше преосвященство!

Не могу ничего въ отвѣтъ на послѣднее ваше письмо сказать, кромѣ приношенія моей благодарности вмѣстѣ и съ женою моею, за учрежденныя вами въ каѳедрѣ вашей молитвы о благополучномъ ея разрѣшеніи отъ бремяни. Я не сумнѣваюсь, чтобъ не подѣйствовали оныя въ скоромъ времяни и не имѣли счастливаго успѣха. Между тѣмъ пребываю на вѣки вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

19.

Царское Село, Апрѣля 29 дня 1779.

Ваше преосвященство!

Уже конечно вы извѣстны о рожденіи сына моего Константина: теперь остается мнѣ только отдать долгъ дружбы вамъ, дабы вы, принявъ мое собственное извѣщеніе, вмѣстѣ со мною порадовались и вмѣстѣ со мною мысленную принесли жертву Богу, Которой не по заслугамъ моимъ наградилъ меня. Жена моя, мучившись только 1¾ часа, слава Богу здорова, равномѣрно какъ и Константинъ. Теперь остается мнѣ васъ просить принести теплыя благодарственныя молитвы мои къ Господу упованія моего, прося васъ притомъ и не сумнѣваться о дружбѣ, съ которою пребуду на вѣки вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

20.

Царское Село, Іюня 10 дня 1779.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за письма ваши отъ 5 и 9 прошедшаго мѣсяца, содержащія въ себѣ новые залоги дружбы вашей ко мнѣ, которыя исправно получилъ. Новое Божіе благодѣяніе, съ которымъ вы меня поздравляете, должно быть новымъ побужденіемъ мнѣ быть оной достойнымъ, употребляя къ тому всѣ тѣ средства, которыми вы меня научали стать добродѣтельнымъ и онымъ достичь до сего предмета и симъ самымъ пріобрѣсти къ себѣ продолженіе дружбы вашей ко мнѣ. За симъ пребываю вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Жена моя поручила засвидѣтельствовать вамъ поклонъ свой.

21.

С.-Петербургъ, Февраля 8 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Искренно благодарю васъ за послѣднія два письма ваши, которыми вы меня поздравляли съ днемъ рожденія сына моего и съ праздникомъ Рождества Христова. Послѣ столь частыхъ опытовъ дружбы вашей ко мнѣ не остается мнѣ никакого сумнѣнія о чистосердечіи желаній вашихъ мнѣ всякаго добра. Прошу васъ быть всегда увѣреннымъ въ совершенной взаимности съ моей стороны и что я пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Жена моя и дѣти поручили мнѣ кланяться вашему преосвященству.

22.

С.-Петербургъ, Марта 8 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Вчерашній день сподобился я причаститься святыхъ таинъ, слѣдовательно и обновилъ духъ свой. Кому первому сообщить сіе, какъ тому, которой всегда вперялъ и подкрѣплялъ меня въ расположеніяхъ, которыя служатъ мнѣ всегда единственнымъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ всего бытія моего. Помолитесь, чтобъ Всевышній сподобилъ меня быть всегда достойнымъ чувствовать всю цѣну сего христіянскаго дѣйствія. Сумнѣніи, которыя ваше преосвященство изъясняете мнѣ въ письмѣ своемъ, мнѣ бы были чувствительны, естьли бы чувствовалъ я себя нѣсколько перемѣнившимся въ расположеніи своемъ къ вамъ: но какъ сего я не обрѣтаю въ себѣ, то и остается мнѣ со удовольствіемъ принять таковое ваше о мнѣ сумнѣніе, хотя безъ основанія, какъ знакъ вашей ко мнѣ любви: ибо не безпокоятся о тѣхъ къ кому ничего не чувствуютъ. Вы имѣете сему залогомъ благодарность мою, съ которою, равномѣрно какъ и съ дружбою, пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя и дѣти кланяются вамъ и благодарятъ за благословеніе ваше.

23.

С.-Петербургъ, Апрѣля 12 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за послѣднія два письма ваши, равномѣрно и за посылку слова. Вы можете быть увѣрены, что я всегда съ равнымъ удовольствіемъ получаю все то, что̀ отъ васъ ко мнѣ идетъ, будучи увѣренъ о дружбѣ вашей ко мнѣ. Желаю, чтобъ вы взаимно были увѣрены о моей къ вамъ и что я пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя и дѣти, благодаря васъ, посылаютъ къ вамъ поклонъ.

24.

Царское Село, Маія 28 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Отъ всего сердца благодарю васъ за поздравленіе меня съ прошедшимъ праздникомъ и за желанія ваши, присоединенныя къ оному. Прошу быть увѣреннымъ о взаимности оныхъ и о искренности дружбы моей, съ которою пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя и дѣти благодарятъ за поклонъ и благословеніе ваши, приписанныя въ письмѣ ко мнѣ.

25.

Царское Село, Маія 30 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 14-го числа и за желаніе содержащееся въ немъ, дабы я время лѣтнее весело препроводилъ. Я думаю, что письмо мое застанетъ у васъ гостя, которой къ вамъ ѣдетъ *). Желаю, чтобъ вы его къ намъ весело прислали. Впрочемъ жена моя посылаетъ къ вамъ поклонъ, а я пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

26.

Петергофъ, Іюня 27 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Получилъ я съ удовольствіемъ письмо ваше, которымъ увѣдомляете меня о пребываніи Императора у васъ. Не стану вамъ о немъ говорить, ибо имѣли случай его узнать сколько-нибудь; но нахожу, что заключеніе ваше о немъ справедливо.

Теперь не имѣю времени болѣе ничего писать; примите поклоны ото всѣхъ моихъ, а отъ меня увѣреніе, что я есмь и буду вамъ вѣрной.

Павелъ.

27.

Петергофъ, Іюля 14 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Благодарю васъ за письмо ваше, которымъ вы меня поздравляете съ имянинами моими и притомъ посылаете поклонъ свой женѣ моей и дѣтямъ, которыя равномѣрно благодаря поручаютъ мнѣ тоже самое исполнить въ разсужденіи васъ, чтó исполня пребываю вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

---

*) Императоръ Германскій Іосифъ II-й.

28.

С-Петербургъ, Сентября 25 дня 1780.

Ваше преосвященство!

За поздравленіе ваше меня съ днемъ рожденія моего искренно благодарю, равномѣрно и за все то, что въ слѣдствіе онаго мнѣ, женѣ моей и дѣтямъ нашимъ желаете. Будьте увѣрены о чистосердечіи непремѣнномъ дружбы моей къ вамъ и что я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

29.

С.-Петербургъ, Декабря 25 дня 1780.

Ваше преосвященство!

Пишу отвѣтъ на послѣднее ваше письмо въ самой праздникъ, съ которымъ васъ искренно поздравляю, благодаря за ваше со онымъ меня поздравленіе. Но негодую нѣсколько на васъ за то, что къ намъ не будете, хотя и согласенъ, что вамъ гораздо пріятнѣе быть посреди паствы вашей. Припишите таковое негодованіе дружбѣ моей къ вамъ съ которою нелицемѣрно пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя и дѣти, благодаря васъ, кланяются вамъ.

30.

С.-Петербургъ, Февраля 4 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Пріятное письмо ваше вчера получилъ. Угадалъ я не по проницанію моему, а по свычкѣ съ вами и при томъ конечно заимствуя вашего образа мыслей, чѣмъ при всякомъ случаѣ могу хвастать; ибо естьли бы сего не было, то не соотвѣтствовалъ бы намѣренію воспитавшихъ меня и не могъ бы пользоваться дружбою ихъ. Вы скажете, что самолюбивъ или тщеславенъ. Но сего рода самолюбіе или тщеславіе единственно служитъ мнѣ утѣшеніемъ и поощреніемъ. Послѣ сего не остается мнѣ иного вамъ сказать, какъ просить васъ о продолженіи вашихъ расположеній ко мнѣ и быть увѣрену, что есмь вашъ вѣрной

Павелъ.

Жена моя и дѣти вамъ кланяются.

Сіе письмо было уже написано, когда я получилъ ваше чрезъ г. Воронцова, за которое весьма вамъ благодаренъ.

31.

С.-Петербургъ, Февраля 22 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Пишу отвѣтъ свой на письмо ваше отъ 11 текущаго извѣщеніемъ васъ, что начинаю сегодня говѣть. Первую недѣлю былъ нездоровъ и за тѣмъ отложилъ исполненіе сего долга до нынѣшней. Вы знаете расположеніе, съ которымъ пріуготовляюсь къ тому дѣйствію, которое, возобновляя всю нашу внутренность, подкрѣпляетъ всѣ силы наши. Помолитесь, чтобъ наставилъ на землю праву и далъ духъ разума Тотъ, Котораго руку столь явно и столь часто видѣлъ надъ собою. Жена моя и дѣти кланяются вамъ, а я остаюсь на вѣки вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

32.

С.-Петербургъ, Марта 10 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Академіи ректору и префекту публика и я весьма обязаны тѣмъ, что вздумали новую и полную едицію напечатать вашихъ сочиненій. Я же съ своей стороны нахожу особливое удовольствіе встрѣчаться на всякой строкѣ съ тѣми правилами и наставленіями, которымъ я столь много обязанъ и которыя поставили основаніе нашей дружбы и моей благодарности. Прочтеніемъ оныхъ возобновлю я въ памяти своей все то, что̀, можетъ быть, суетами свѣта сего во мнѣ уже начало слабѣть; но конечно не дружба моя, съ которою пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя съ благодарностію получила то, чему дѣтямъ моимъ останется учиться.

33.

С. Петербургъ, Марта 12-го 1781.

Ваше преосвященство!

Искренно благодарю васъ за поздравленіе съ исполненіемъ долга христіянскаго. Сіе выраженіе самое препятствуетъ мнѣ страшиться и убѣгать дѣйствія сего, ибо, исключая собственнаго утѣшенія и удовольствія въ примиреніи совѣсти своей съ Богомъ, нѣтъ ничего пріятнѣе для меня, какъ исполненіе должностей своихъ. Совѣсть моя вездѣ

за симъ слѣдуетъ, поелику возможно. Слѣдуя же сему съ терпѣніемъ, научаетъ меня преодолѣвать всѣ препятствія и подъ благословеніемъ Божіимъ сносить за симъ многое. Мужество не въ томъ состоитъ, чтобъ отличное что-либо дѣлать всегда, но въ томъ, чтобъ слѣдовать должностямъ, какъ бы трудны ни были, и тѣмъ оно и болѣе сіе мужество, что награжденіе кромѣ собственной своей совѣсти иного въ то самое время рѣдко знаетъ. Вотъ образъ мыслей и основаніе сентиментовъ дружбы вашего вѣрнаго.

Жена и дѣти кланяются.

Павелъ.

34.

С.-Петербургъ, Марта 27-го 1781.

Ваше преосвященство!

Получилъ письмо ваше отъ 18-го съ обыкновеннымъ удовольствіемъ; тѣмъ паче оно умножилось, когда въ немъ нашелъ совѣты, укрѣпляющіе душу мою. Молитесь, чтобъ Богъ сдѣлалъ меня достойнымъ всегда таковыхъ подкрѣпленій и душевныхъ, и тѣлесныхъ. Дѣти наши сегодня причащаются. Желаю, чтобъ сіе дѣйствіе производило надъ ними равное со мною. Жена моя кланяется вамъ, а я пребываю вамъ вѣрнымъ.

Павелъ.

35.

С.-Петербургъ, Апрѣля 7 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Поздравляя васъ съ праздникомъ, благодарю за ваше по тому же случаю, равномѣрно и за всѣ желанія ваши мнѣ всякаго добра. О сколь къ статѣ и ко времяни послѣднее, которымъ окончали письмо свое! Но прошедъ въ своей жизни столь различные случаи, въ которыхъ подлинно удивлялъ Господь силою судебъ Своихъ, сіе самое надеждою мнѣ служитъ. Жена моя, поздравляя васъ, кланяется, а я остаюсь на всегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

36.

С.-Петербургъ, Апрѣля 15 дня 1781.

Ваше преосвященство!

За полученное мною ваше отъ 8-го текущаго письмо весьма благодарю, равномѣрно и за изъявленіе продолжающейся дружбы вашей

ко мнѣ. Жена моя и дѣти кланяются и благодарятъ васъ. За симъ и мнѣ не останется ничего болѣе какъ просить, чтобъ были всегда увѣрены въ искренней дружбѣ, съ которою пребываю вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

37.

Царское Село, Апрѣля 26 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Весьма пріятно мнѣ видѣть изъ письма вашего увѣреніе, въ которомъ вы находитесь о дружбѣ моей къ вамъ и то, которое подасте о продолженіи взаимно и съ вашей стороны оной. Ваше преосвященство счастливѣе насъ; у васъ, какъ пишете, хорошая весенняя погода; а у насъ холодно, зелени почти нѣтъ, и вчера снѣгъ перепадывалъ. Жена моя и дѣти кланяются, за чѣмъ и остаюсь вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

38.

Павловское, близъ Царскаго Села, Маія 15 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Вы пишете въ послѣднемъ своемъ письмѣ о пріятныхъ и цвѣтущихъ веселостяхъ весны. Видно вы ею завладѣли; ибо у насъ, исключая нѣсколькихъ день, почти все или стужа или снѣгъ, которой вчера цѣлой день шелъ. Призывая на насъ благословеніе Божіе, призовите также и милость Его къ климату нашему. Жена моя и дѣти кланяются вамъ, а я пребываю на всегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

39.

Павловское, Іюня 19 дня 1781.

Ваше преосвященство!

Опять изъ Павловскаго къ вамъ пишу. Вы въ письмѣ своемъ много мнѣ чести дѣлаете, сравнивая мои упражненія съ Кировыми. Они ни славою, ни важностію не могутъ съ оными быть сравнены; но со стороны добрыхъ намѣреній могутъ на Кировы походить когда нибудь; а теперь стараюсь успокоивать духъ свой и занимаю себя невиннымъ здѣшняго мѣста иногда упражненіемъ. Вотъ цѣна здѣшняго мѣста и пребыванія моего въ немъ. Потъ же мой не упражненія, ни трудовъ, а потъ развѣ иногда скуки. И такъ изъ сего видите, что и тутъ на Кира не похожъ; ибо онъ проливалъ его въ трудахъ, въ ко

торыхъ отдыхалъ отъ важнѣйшихъ; а я, не имѣя таковаго рода, естьли отъ чего могу отдыхать, такъ развѣ со стороны духа, и тѣмъ самимъ сіе сельское житіе мое оправдывать или извинять, естьли извиненіе надобно, передъ вами же никогда, думаю; ибо, зная меня, отдадите справедливость намѣреніямъ моимъ и дружбѣ къ вамъ, съ которою есмь вашъ вѣрной.

Павелъ.

Жена и дѣти мои кланяются вамъ.

40.

Петергофъ, Іюля 3 дня 1781.

Г. Собакинъ вручилъ мнѣ письмо вашего преосвященства. Не могъ онъ лутчимъ образомъ предстать передъ меня какъ со онымъ и подъ титуломъ друга вашего. Съ благодарностію прочелъ я письмо ваше и видѣлъ въ немъ продолженіе дружбы вашей ко мнѣ во всемъ томъ, чего вы мнѣ желаете по случаю имянинъ моихъ. Жена моя, благодаря за поклонъ вашъ, поручаетъ мнѣ вамъ свой отдать, что̀ равномѣрно и за дѣтей исполняю, самъ же съ непремѣнною моею къ вамъ дружбою пребываю вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

41.

Царское Село, Іюля 16-го дня 1781.

Все что̀ ваше преосвященство пишете въ послѣднемъ письмѣ своемъ о скукѣ столь справедливо, что остается мнѣ только напрягать силы свои къ исполненію подаваемыхъ мнѣ вами совѣтовъ. Все-конечно ослабляетъ она духъ, отымая силы, и нѣтъ лучшаго средства оборониться отъ нея, какъ занимая себя предметами сходными съ состояніемъ каждаго. Тогда, хотя бы и оставалось праздное время, будетъ то утѣшеніе, что употреблено хотя протчее въ пользу, и отъ сего самого должно и спокойствіе духа проистекать. Но властны ли мы всегда такимъ образомъ располагать временемъ своимъ? Сей вопросъ стоитъ нѣкотораго вниманія. Конечно властны, поелику другихъ препятствій не настоитъ. Но когда съ самою лутчею волею къ тому отымаются средства не отъ насъ зависящими способами, то что̀ тутъ дѣлать? Я не вывожу изъ того слѣдствія, чтобъ отъ того должно было унывать; но нельзя не чувствовать, что принужденно занятъ не тѣмъ и не съ такою пользою, чѣмъ и съ каковою бы надлежало. Вы конечно не ошиблись въ томъ, что все вами писанное не было взято въ

прямой своей цѣнѣ и вѣрьте, что можетъ быть одинъ изъ предметовъ намѣренной нашей ѣзды *) тотъ, чтобъ время свое втунѣ и въ унынiи не проводить вмѣстѣ съ прiобрѣтенiемъ бóльшой способности, бóльшимъ знанiемъ людей и вещей. Дайте свое благословенiе и испросите у Бога ангела мирна, вѣрна наставника и хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ. За симъ продолжайте дружбу свою ко мнѣ и вѣрьте, что я навсегда вашъ вѣрной

Павелъ.

Жена моя и дѣти кланяются вамъ.

42.

Павловское, Iюля 24-го дня 1781.

Теперь уже извѣстны ваше преосвященство о подлинности слуховъ разнесшихся о путешествiи нашемъ, чрезъ письмо мое послѣднее, и извѣстны вы о всѣхъ моихъ по сему случаю разсужденiяхъ. Но естьли чтò меня трогаетъ и утѣшаетъ, то послѣдняя фраза письма вашего о томъ, для чего публика не хочетъ вѣрить слуху, о которомъ рѣчь. Сiе лестно для меня; но сiе самое мнѣ дороже станетъ, когда буду я чувствовать, что не упустилъ ничего сдѣлаться достойнымъ таковаго къ себѣ; а поелику вояжъ мой не можетъ инаго предмета имѣть, то тѣмъ самымъ всякое прискорбiе отлагая, я на оный съ удовольствiемъ взираю и прiемлю то, чтò вы на волю Господню отдаете. Таковая мысль руководствуетъ меня повсюду и всегда, и сiе мое лутчее утѣшенiе. Примите возобновленiе увѣренiй нелицемѣрной дружбы моей, съ которою есмь и буду вашъ вѣрный

Павелъ.

Жена моя и дѣти свидѣтельствуютъ вамъ свой поклонъ.

43.

Царское Село, Августа 5-го дня 1781.

То чтò ваше преосвященство пишете о ѣздѣ моей, доказывая наиболѣе дружбу вашу ко мнѣ, меня сердечно тронуло. Но въ семъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, отдаюсь на волю Всевышняго. Проѣздъ мой чрезъ Москву прiятенъ бы былъ, но не отъ меня зависитъ, и такъ творю волю Пославшаго мя. Надѣюсь, что Богъ, на Котораго волю отдался, споспѣшествуетъ намѣренiю моему и не тщетенъ мой путь

*) Въ 1781 году Павелъ путешествовалъ по Европѣ.

сотворить. Призовите Его благословеніе на того, который съ младенчества прилѣпился къ Нему сердцемъ и мыслію. Жена моя кланяется вамъ, а я пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

44.

Царское Село, Августа 19-го дня 1781.

Искренно благодарю ваше преосвященство за желанія ваши мнѣ всякаго добра во время путешествія моего. Я постараюсь пріобрѣсть, поелику силы мои мнѣ дозволятъ, знанія, которыхъ конечно довольно снискать нельзя и которыхъ чувствую въ себѣ недостатокъ. Вы знаете и отдадите справедливость моему въ семъ предмету. Теперь ожидаю прививанія дѣтямъ оспы, прежде окончанія котораго не выѣду, ибо хочу видѣть ихъ перешедшихъ опасности и ѣхать съ покойнымъ духомъ. За симъ пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя и дѣти вамъ кланяются и благодарятъ за поклонъ вашъ.

45.

Царское Село, Сентабря 1-го дня 1781.

Послѣднее письмо пишу вашему преосвященству отъ сюда; ибо, будучи занятъ теперь прививаніемъ оспы дѣтямъ моимъ, котораго продолженіе доведетъ меня почти до дня отъѣзда моего, не буду имѣть времяни за сборами болѣе писать къ вамъ. И такъ симъ письмомъ прощаюсь съ вами, прося, чтобы вы обратили молитвы свои не только на путешествующихъ, но и на драгоцѣнные залоги, которые здѣсь оставляю. Отечество первой, а дѣти другой. Да устроитъ Богъ первое въ тишинѣ и благоденствіи; да сохранитъ цѣлыхъ и невредимыхъ вторыхъ душевно и тѣлесно; а намъ путешествующимъ испросите совершить путь святъ, миренъ и безгрѣшенъ и ангела мирна, вѣрна, наставника и хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ. Продолжите мнѣ дружбу свою и вѣрьте, что я навсегда вашъ вѣрный другъ

Павелъ.

Я не могла отсюда ѣхать, не простясь съ вашимъ преосвященствомъ; я васъ прошу насъ не позабыть. Мы вамъ оставляемъ драгоцѣнной залогъ, дѣтей моихъ: молитеся Богу за нихъ и за насъ, чтобъ Онъ насъ сохранилъ въ нашемъ путешествіи. Дѣти, слава Богу, еще здоровы; дай Богъ чтобъ это всегда было, и чтобъ это страш-

ное время прошло поскорѣе. Безпокойствіе души моей я не могу вамъ описать. Продолжайте мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены, что я на всегда остаюсь ваша благосклонная

Марія.

46.

Царское Село, Сентября 10-го дня 1781.

Хотя и писалъ вашему преосвященству въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что отъ сюда писать къ вамъ болѣе не буду, но не могъ однакоже онаго себѣ возбранить, равномѣрно какъ и того, чтобъ не писать къ вамъ во время путешествія своего. Таковое съ вами сношеніе, основанное на дружбѣ и благодарности моей къ вамъ, не должно быть прервано и особливо въ такое время, гдѣ отъ отечества столь отдаленъ. Продолжайте извѣщеніемъ меня о себѣ и таковымъ дружескимъ сношеніемъ заставьте забыть дальную разлуку.

Преподайте намъ свое благословеніе, которое я конечно пріемлю съ радостію и залогомъ.

Съ нами назначенъ отецъ Замборскій *), но по сіе время не знаю, ни гдѣ онъ, ни когда съ нами и гдѣ соединится. Но какъ бы то ни было, плодъ, котораго сѣмя вы во мнѣ посѣяли, со мною всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, равномѣрно какъ и дружба моя къ вамъ. Вашъ вѣрной

Павелъ.

Прививаніе оспы, слава Богу, идетъ благополучно. Оспа налилась и хотя на большомъ и отмѣнно велика, но ничего дурнаго нѣтъ, и надѣюсь, что отпою предъ отъѣздомъ молебенъ о ихъ выздоровленіи совершенномъ. Жена моя кланяется вамъ.

П.

47.

Мирополье, Октября 30-го (19-го) 1781.

Изъ подписи ваше преосвященство видите, что мы уже въ пути. Не хотѣлъ упустить однакоже свободной минуты, чтобъ не напомянуть себя вамъ и не отдать долга дружбѣ. Мы ѣдемъ благополучно и подъ безпосредственнымъ Божіимъ покровительствомъ; ибо и погода, и дорога соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Благодарю васъ за поздравленія ваши и за желанія. Простите, что болѣе не пишу. Помолитесь за насъ и имянно за вашего друга.

Павелъ.

---

*) Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій былъ настоятелемъ Русской посольской церкви въ Лондонѣ, потомъ законоучителемъ в. к. Александра и Константина Павловичей.

48.

Вильферздорфъ, 10-го (21-го) Ноября 1781.

Сколь для меня пріятно было письмо вашего преосвященства отъ 11-го Октября, въ которомъ увѣдомляете меня о праздновaніи вами выздоровленія дѣтей моихъ, столь пріятнѣе еще то, чѣмъ вы препровождаете меня въ путешествіи. Помолитеся, чтобъ Богъ послалъ намъ ангела мирна, вѣрна наставника и хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ и споспѣшествовалъ насъ въ немъ къ пользѣ отечества, для котораго оное путешествіе предпринято. Сего дня въѣзжаемъ мы въ Вѣну вмѣстѣ съ Императоромъ, которой насъ ласками и дружбою осыпалъ; тутъ же найдемъ и родныхъ жены моей. Прося адресовать письмы ваши ко мнѣ въ Вѣну на имя к. Голицына и о продолженіи дружбы вашей, есмь вашъ вѣрной

Павелъ.

49.

Римъ, Генваря 27-го (Февраля 7-го) 1782.

Письмо вашего преосвященства отъ 9 Декабря я получилъ съ удовольствіемъ, каковое дружба надъ дружбою производитъ. Путешествіе наше благополучно, и мы здѣсь хотя сутки остались и спѣшимъ въ Неаполь, но уже остатки трудовъ великихъ людей видѣли съ восхищеніемъ и съ чувствомъ поощренія къ уподобленію себя, происходящимъ отъ заключенія, что и мы такіе же люди, то для чего же и другимъ таковымъ не быть? Церковь Св. Петра такова, что желательно бы было, чтобъ другъ мой архіепископъ Московской въ таковой въ Москвѣ служилъ. Больше не имѣю времяни сказать, а остается увѣрить о дружбѣ, съ каковою есмь вашъ вѣрной

Павелъ.

50.

Римъ, Февраля 20-го (Марта 3-го) 1782.

Письмо вашего преосвященства отъ 28-го Декабря дошло до меня третьяго дня. Весьма благодарю за то, что ко мнѣ пишете и любопытству моему приписываете настоящій и дѣйствительной его предметъ. Вы видите, что пишу сіе письмо изъ средины святыни, но главнаго дѣйствующаго ея лица недостаетъ: папа уѣхалъ въ прошлой Вторникъ въ Вѣну за дѣлами. Вы также съ своей стороны паству свою покидаете; но причины ваши, естьли не важнѣе, такъ по крайней мѣрѣ побудительнѣе его: ибо въ его положеніи мудрено то дѣлать,

что́ онъ дѣлаетъ, для того, что причина не понятна, и страшно, чтобъ отъ поѣздки кромѣ стыда не понесъ. Здѣшнее пребываніе наше пріятно со стороны древностей, художествъ и самой лѣтней погоды. Благословите продолженіе путешествія нашего и тѣмъ и возвращеніе, которое подастъ случай мнѣ изустно васъ увѣрить о дружбѣ, съ которою остаюсь навсегда вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

51.

Флоренція, Марта 14 (25) 1782.

Благодарю ваше преосвященство за письмо ваше отъ 31 Генваря. Вы уже, надѣюсь, получили съ тѣхъ поръ мое, писанное въ Генварѣ. Естьли вы скучаете нашимъ отсутствіемъ, то и мы тоже вамъ скажемъ про себя, удаленіемъ отъ разныхъ залоговъ. Мы протекаемъ разныя земли и правленія, но въ сихъ странахъ кромѣ картинъ и тому подобнаго нечего смотрѣть, развѣ плакать надъ развалинами древнихъ, показывающими, что́ человѣкъ можетъ, когда хорошо управляемъ, и сколь онъ отъ того удаляется, когда управляемъ какъ теперь, не взирая на безпогрѣшность папы. Сей доказалъ нынѣшнимъ своимъ поступкомъ, что и сего качества въ немъ нѣтъ. Мы ѣдемъ чрезъ два дни отъ сюда въ Пизу и Ливорну и такъ далѣе. Продолжайте дружбу свою ко мнѣ и благословенія свои и вѣрьте, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя благодаритъ за поклонъ вашъ и съ своей стороны мнѣ поручила вамъ кланяться.

52.

Этюпъ, Августа 1 (12) дня 1782.

Благодарю ваше преосвященство за письмо ваше отъ 21 Іюня, которымъ поздравляете меня съ имянинами. Я о чистосердечіи сего столь удостовѣренъ, сколько вы должны быть о дружбѣ моей къ вамъ. Сердечно сожалѣю, что васъ въ Петербургѣ не найду и желаю вамъ счастливаго пути и успѣха при открытіи губерніи *). Естьли вы давно писемъ отъ меня не получали, то припишите сіе не иному чему, какъ недостатку времяни въ ѣздѣ; теперь же, живучи на мѣстѣ у родни своей, наслаждаясь спокойствіемъ духа и тѣла, пользуюсь симъ вре-

*) Въ 1782 году послѣдовало открытіе Московскаго намѣстничества.

мянемъ и отвѣтствую вамъ, прося быть увѣреннымъ, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя кланяется вамъ.

53.

Бернъ, Августа 31 (Сентября 11) 1782.

Изъ средины благополучной нравами и законами Швейцаріи пишу отвѣтъ на вашего преосвященства письмо отъ 1 сего. Сожалѣю, что васъ не застану; но разлука сія не перемѣнитъ со обѣихъ сторонъ расположеній нашихъ. Путешествіе наше весьма благополучно, и страшныхъ горъ видъ становится пріятнымъ здѣсь зрѣлищемъ, ибо оно какъ будто защита отъ порчи нравовъ. Мы доѣзжали до ледяныхъ горъ до самыхъ. Препоручая себя молитвамъ и дружбѣ вашей, пребываю вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя кланяется вамъ.

54.

Лубница, Октября 21 дня 1782.

За письмо вашего преосвященства отъ 12 прошедшаго и за поздравленіе ваше благодарю. Желаю, чтобъ открытіе намѣстничества было открытіемъ порядка и правосудія, о чемъ и не сумнѣваюсь. Мы теперь уже въ Польшѣ и подвигаемся къ себѣ, отъ куда прошу прислать морозовъ и снѣгу. Жена моя поручила мнѣ кланяться вамъ, я же пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

55.

Вольмарсгофъ, Ноября 16-го 1782.

На письмо вашего преосвященства отъ 27 прошедшаго и на ожиданіе моего возвращенія отвѣтствую пріѣздомъ своимъ; ибо пишу уже изъ Лифляндіи, которая хотя и искони Швейцарія, но покрыта снѣгомъ. День черезъ нѣсколько буду въ Петербургѣ. Мы, слава Богу, оба здоровы, жена же моя поручила вамъ кланяться, а я остаюсь вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

56.

С.-Петербургъ, Декабря 17 дня 1782.

Письмо вашего преосвященства, нѣсколько денъ тому назадъ мною полученное, съ обыкновеннымъ бы удовольствіемъ мною было принято, естьли бы не открыли вы въ немъ своего намѣренія оставить мѣсто свое. Таковое не только меня удивило, но и опечалило, какъ любящаго свое отечество и какъ друга вашего, находя его и съ той и съ другой стороны осудительнымъ; и притомъ и то и другое заставляетъ меня вамъ совѣтывать отъ такого намѣренія отстать, а стараться и духъ и тѣло разсудкомъ и сбереженіемъ здоровья подкрѣплять. Не въ обыкновенномъ теченіи вещей качества душевныя показываются, какъ и бодрость духа одно изъ первѣйшихъ, а при трудностяхъ, гдѣ они испытываются, и тутъ прямое ихъ достоинство и цѣна узнаются. Извините, естьли противорѣчу вамъ; но два сильные долга меня сему обязываютъ, и естьли чему-либо обучило меня путешествіе, то тому, чтобъ въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ, ибо соединяетъ оно три удостовѣренія, безъ которыхъ и быть не можетъ: удостовѣреніе о милости Божіей, поелику ея стоимъ, о истинномъ и единомъ добрѣ въ отправленіи должностей и за симъ въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющихъ свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разнствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Послѣ сего можемъ мы имѣть совѣсть спокойную, а сія на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ. Не знаю, предуспѣю ли въ моемъ намѣреніи отвратить васъ отъ вашего, но инаго во мнѣ быть не можетъ какъ сообразнаго вашему добру, ибо васъ люблю и есмь вашъ вѣрной другъ

Павелъ.

57.

С.-Петербургъ, Декабря 19-го 1782.

Послѣдніе томы сочиненій вашихъ получилъ съ благодарностію чрезъ Богоявленскаго архимандрита, съ тѣмъ уваженіемъ, съ каковымъ пріемлется обыкновенно все отъ воспитавшихъ насъ, помня, что то продолженіе преподанныхъ однажды познаній. Вскорѣ за симъ получилъ также и письмо вашего преосвященства отъ 12 текущаго. Естьли бы позволительно было имѣть самолюбіе, то бы имѣлъ я два удовольствія; но онаго дѣйствіе не должно примѣшено быть къ происходящему отъ дружбы и желанія пользы отечеству своему, когда увидѣлъ я перемѣну намѣренія вашего. Я довольствуюсь чувствомъ сего

послѣдняго рода и сердечно и васъ и себя поздравляю; а какъ почти всегда перемѣна сферы идей сколько-нибудь дѣйствуетъ и надъ образомъ мыслей, то уповаю, что оная заставитъ забыть первую вашу мысль, и тѣмъ прилежнѣе упражняться станете настоящимъ дѣломъ, оставляя мечты тунеядцамъ. Сіе уже въ человѣкѣ и его слабости мѣнѣе видѣть вещь безпрестанно подъ глазами находящуюся, пока близъ ея и наконецъ совсѣмъ перестать; а какъ скоро что-либо выведетъ тебя изъ сего моральнаго сна, такъ скоро зачать находить какъ будто совсѣмъ новыя во оной достоинства, которыя въ самомъ дѣлѣ ни больше ни меньше существовали. Сіе примѣчу вамъ, дабы того же не случилось съ уваженіемъ дружбы, съ каковою есмь и буду вашъ вѣрной

Павелъ.

58.

С.-Петербургъ, Декабря 26-го 1782.

Естьли бы письмо вашего преосвященства отъ 19-го не было наполнено выраженіями дружбы, то счелъ бы его за краснорѣчивой трудъ учтивости, чтобъ не сказать ласкательства. Я бы желалъ быть таковымъ, каковымъ вы меня описываете и почитаю сіе побужденіемъ отъ васъ мнѣ на таковое предпріятіе, и въ семъ случаѣ вамъ сіе прощаю. Между тѣмъ примите мое поздравленіе какъ съ наступившими, такъ и съ будущимъ праздникомъ; не говорю о желаніяхъ вамъ своихъ, ибо залогъ ихъ дружба, съ которою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

59.

С.-Петербургъ, Генваря 6-го 1783.

Пользуюсь отъѣздомъ вручителя сего и отвѣтствую на письмо вашего преосвященства отъ 29. Я недавно имѣлъ случай долго о васъ говорить съ пріѣхавшимъ однимъ моимъ знакомымъ. Вы, зная дружбу мою къ себѣ, будете, надѣюсь, увѣрены, что не хулу глаголалъ, а бралъ участіе въ трудностяхъ, встрѣчающихся въ отправленіи въ свѣтѣ должностей и желаю вамъ подкрѣпленія силъ отъ удовольствія таковаго отправленія. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

60.

С.-Петербургъ, Генваря 12-го 1783.

Письмо вашего преосвященства всеконечно было бы мнѣ пріятно, естьли бы и не содержало нравоученія, въ каковомъ чувствую часто

нужду. То что́ вы о подвигѣ добра и образѣ его творить говорите столь справедливо и ко времяни мнѣ пришло, какъ только сказать можно. Въ жизни на всякомъ шагу встрѣчаются обстоятельства, въ каковыхъ потребны вся твердость и постоянность, но не всякому даны силы врожденныя къ тому и другому. Правда, что гдѣ трудности нѣтъ, тутъ и въ силахъ нужды не настоитъ, и достоинство перестаетъ. Но сего недуга не настоитъ между мною и васъ къ продолженію дружбы нашей, а замѣняютъ сердечныя расположенія взаимныя, съ каковыми есмь и буду вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

61.

С.-Петербургъ, Генваря 27 дня 1783.

Совершенно доволенъ былъ письмомъ вашего преосвященства, полученнымъ мною вчера отъ 19. Разсужденія ваши таковы, что ничего къ нимъ прибавить невозможно, а желаю, при случаѣ, когда мнѣ, по человѣчеству, въ нихъ нужда случится, отъ васъ въ совѣтъ получить въ соотвѣтствіе всего того, что̀ и мнѣ къ вамъ при случаѣ же писать довелося. Таковая взаимность, вѣрнѣйшій залогъ, дружбы вашей, драгоцѣнна, и подвигъ сего вамъ извѣстенъ, а съ моею по той же самой притчинѣ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

Жена моя поручила мнѣ кланяться вамъ.

62.

С.-Петербургъ, Февраля 2-го 1783.

Вашего преосвященства письмо отъ 2 получилъ и за оное, какъ и за содержащія въ себѣ разсужденія, благодарю, но нахожу, что я недостоинъ сравненія съ ними, а долженъ стараться бы доходить до того. Между тѣмъ таковое разсужденіе буду имѣть предъ глазами, какъ доброй и полезной совѣтъ. Въ протчемъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

63.

С.-Петербургъ, Марта 30 дня 1783.

Письмо вашего преосвященства вчера получилъ, которымъ вы меня увѣдомляете о исполненіи Николаемъ Ивановичемъ *) моей къ вамъ

*) Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ.

комисіи. Весьма чувствителенъ за то, что̀ вы мнѣ по сему случаю писали. Прошу быть увѣрену, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ другомъ. Павелъ.

Жена моя кланяется вашему преосвященству; чтожъ касается до дѣтей, то съ радостію бы подѣлилъ съ ними ваше имъ желаніе.

64.

С.-Петербургъ, Апрѣля 7-го 1783.

Уже извѣстны ваше преосвященство о посѣтившей насъ печали, смертію графа Никиты Ивановича *). Извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ я ему долженъ; слѣдственно и о обязательствахъ моихъ въ разсужденіи его. Судите, прискорбна ли душа моя? Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону, и не сумнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели въ сей кончина отрада и покой. Поелику души остающіяся еще съ слабостями тѣла соединены, нельзя имъ не чувствовать печали отъ разлуки. Раздѣлите оную со мною, какъ съ другомъ вашимъ. Павелъ.

65.

Царское Село, Апрѣля 20-го 1783.

Искренно благодарю ваше преосвященство за письмо ваше отъ 10 и за поздравленіе съ праздникомъ. Отдавая справедливость привязанности моей къ закону, помолитесь о сохраненіи моемъ въ той непорочности, безъ каковой человѣкъ не можетъ чувствовать цѣны той привязанности. Жена моя и дѣти вамъ кланяются, а я пребываю вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

66.

Царское Село, Апрѣля 24-го 1783.

Вашего преосвященства письмо отъ 17 получилъ. Не могу на него ничего отвѣчать; ибо въ моемъ подвигѣ, кромѣ движенія натуральнаго сердечнаго и исполненія долгу, ничего не было, а симъ мы обязаны. Долгъ же свой легко дѣлать, ибо совѣсть своего дѣла не упуститъ, поелику не погасла еще. За симъ пребываю вашимъ вѣрнымъ другомъ. Павелъ.

67.

Царское Село. Маія 8-го 1783.

Вашего преосвященства письмо отъ текущаго получилъ и всѣмъ сердцемъ радуюсь, что бесѣда наша вамъ скучною не становится. Мы здѣсь наслаждаемся пріятною самою, лѣтнею погодою и всѣмъ тѣмъ,

*) Панинъ, гофмейстеръ и воспитатель в. к. Павла Петровича.

что́, а особливо въ нашемъ климатѣ, о ней слѣдствіемъ. Жена моя поручила вамъ кланяться, а я пребываю вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

68.

Царское Село. Маія 29-го 1783.

Вашего преосвященства письмо отъ 22 получилъ и нашелъ новое побужденіе въ немъ къ добру—единое добро отъ похвалы, которой я не заслужилъ. Я судилъ такъ. Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое, сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе удовольствіе мы ничѣмъ не пріобрѣли; и такъ заведемъ что-нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы иныхъ, кромѣ себя и чѣмъ дѣлили удовольствіе и спокойствіе съ другими. Вотъ наша мысль. Всѣмъ сердцемъ радъ, что познакомились вы съ шуриномъ моимъ. Я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

69.

Царское Село. Іюня 12-го 1783.

Конечно желалъ бы, чтобъ ваше преосвященство могли пересѣлиться къ намъ; но не знаю, наши мѣста будутъ ли имѣть равныя пріятства съ вашими. Между тѣмъ благодарю за благословеніе ваше, которое пріемлю на всякой случай и на всякое мѣсто. Нельзя предвидѣть все случающееся въ свѣтѣ, но надлежитъ призывать помощь Божію располагаться по совѣсти и благоразумію, а за симъ сохранять спокойствіе духа и тѣла здоровье. Вашъ вѣрной Павелъ.

70.

Царское Село. Іюня 30-го 1783.

Весьма благодаренъ вашему преосвященству за поздравленіе меня съ имянинами моими. Недѣли чрезъ двѣ или три надѣюсь увѣдомить о томъ, чего ожидаете, какъ вижу изъ письма вашего. Препоручаю и жену и будущее, равномѣрно и себя, въ молитвы ваши и прошу быть увѣреннымъ, что никогда не престану быть вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Павелъ.

71.

Царское Село. Іюля 17-го 1783.

Нетерпѣніе вашего преосвященства во ожиданіи вѣсти отъ меня весьма мнѣ пріятно подвигомъ своимъ. Я бы и самъ желалъ, чтобъ ожиданіе мое, основанное на упованіи на милость Божію, скорѣе кончилось. Между тѣмъ препоручаю жену и себя, какъ и дѣтей, молитвамъ вашимъ, пребывая вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

72.

Царское Село. Іюля 29-го 1783.

Воздайте Богу благодареніе, ваше преосвященство, утѣшившему меня радостію, даровавъ мнѣ дочь *). Сія и мать, слава Богу, здоровы. Сіе я все относя къ Его милости, новое получаю поощреніе прилѣпляться къ Нему. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

73.

Царское Село. Августа 2-го 1783.

Уже удовольствовалъ я письмомъ своимъ отъ 29 прошедшаго нетерпѣніе, оказанное въ письмѣ вашего преосвященства отъ 24. Слава Богу, мать и дочь здоровы, и третій день благополучно прошелъ. Помолитесь и о продолженіи Божія неотъемлемаго отъ меня благословенія. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ другомъ. Павелъ.

74.

Царское Село. Сентября 8-го 1783.

Вчера, пріѣхавъ изъ Гачины, получилъ письмо вашего преосвященства, въ которомъ про нее говорите. Я благодарю за то, чтó при семъ случаѣ мнѣ сказали и почитаю дружескимъ совѣтомъ желаніе ваше. Вы сами знаете, что я никогда инаго не искалъ, соображаяся всегда съ одобрѣніемъ совѣсти. Мѣсто же само собою весьма пріятно, а милость сама по себѣ дорогá. Пріѣзжайте туда, дабы изустно могъ вамъ сказать, что есмь вашъ вѣрной другъ Павелъ.

75.

Павловское, Октября 10-го 1783.

Съ обыкновеннымъ удовольствіемъ получилъ бы письмо вашего преосвященства отъ 2-го, естьли бы не нашелъ во ономъ опять тѣхъ же мыслей, которымъ сколько могъ уже противился **). Теперь лишь относъусь къ письму моему, писанному къ вамъ прошлою зимою. Въ протчемъ, конечно, каждому человѣку во всемъ суть предѣлы, а не моей къ вамъ дружбѣ, кромѣ смерти. Вашъ вѣрной другъ Павелъ.

76.

С.-Петербургъ, Ноября 9-го 1783.

Письмо вашего преосвященства отъ 2-го получилъ и радуюсь, что мысль свою остановили, по крайней мѣрѣ ничего болѣе о ней не по-

---

*) Александру Павловну.

**) Разумѣется просьба Платона объ увольненіи на покой.

минаете. Надѣюсь, что и впередъ сему послѣдуете; сіе заставляетъ меня къ вамъ писать дружба, съ которою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

77.

С.-Петербургъ, Ноября 25-го 1783.

Письмо вашего преосвященства отъ 16 получивъ, не могъ съ вами во многомъ не быть согласенъ. Трудно иное переносить, а особливо когда ничто не предуспѣваетъ. Но сіе то и жертва Богу. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ соглашать обстоятельства съ совѣстію, видѣвъ особливо въ другихъ сію заглушенную въ дѣлахъ предъ Богомъ и людьми, относя все къ уму. Укрѣпи васъ Богъ и со вчерашнимъ казнодѣемъ (которой о Богѣ не поминалъ). Я же есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

78.

С.-Петербургъ. Февраля 19-го 1784.

Пріобыкъ по вся годы изъявлять чувство, рождающееся во мнѣ отъ исполненія того дѣйствія, которое знакомъ соединенія съ Тѣмъ Существомъ, Котораго понятію ваше преосвященство мнѣ первой путь отворили. Предъ вами, лутчимъ, думаю, удостовѣреніемъ примете о дружбѣ моей къ себѣ таковое извѣщеніе о семъ дѣйствіи, бывшемъ третьяго дня. Оное укрѣпляетъ мою душу, возвышая мою мысль и удостовѣряя о томъ, что̀ есть человѣкъ по первому существу своему. Таковое укрѣпленіе души моей приведу въ увѣреніе о дружбѣ, съ каковою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

79.

С.-Петербургъ. Марта 12-го 1784.

Весьма благодарю ваше преосвященство за присылку трудовъ вашихъ при письмѣ вашемъ отъ 5-го, но никакъ пропустить не могу безъ обыкновенной моей оговорки то, что̀ пишете о старости своей. Желаю, чтобъ вы о ней не помышляли; сіе заставляетъ меня писать дружба моя къ вамъ, съ каковою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

80.

С.-Петербургъ. Марта 21-го 1784.

Естьли бы не было честнымъ душамъ отрады во увѣреніи на милость Божію, которой дѣйствія вѣрнѣе и сильнѣе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, были бы мы въ плачевномъ состояніи часто въ свѣтѣ. Вы

извѣстны о моей вѣрѣ и опытахъ милости неотъемлемой ко мнѣ Божіей, слѣдственно и можете изъ сего вывесть сами заключеніе, которое прошу и на себя самаго оборотить. Вотъ отвѣтъ мой на письмо ваше отъ 14-го, а за симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

81.

С.-Петербургъ. Апрѣля 5-го 1784.

Отвѣтствуя на письма вашего преосвященства отъ 25 и 28 прошедшаго, весьма благодарю васъ за поздравленія съ праздникомъ и за все то, что по сему случаю о мнѣ самомъ пишете. Я съ своей стороны равномѣрно васъ съ онымъ поздравляю, желая здоровья и силъ къ исполненію возможному должностей, ибо желанія одного не довольно, а надобна и возможность всякому и во всякомъ случаѣ; а гдѣ возможности или моральной или физической нѣтъ, тутъ исполненіе перестаетъ. Дружба моя таковыхъ препятствій не находя, я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Письмо ваше къ Ея Величеству я отослалъ къ Пастухову.

82.

Царское Село. Апрѣля 18-го 1784.

Мысль ваша, писанная въ письмѣ ко мнѣ отъ 11-го, совершенно согласна съ моими. Я полагаюсь слѣпо на Бога, а впротчемъ укрѣпляюсь терпѣніемъ, стараяся исполнять долгъ свой, которой часто мертвъ дѣйствіемъ, но не таковъ намѣреніемъ. Въ протчемъ не усумнитесь о дружбѣ, съ каковою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

83.

Царское Село. Апрѣля 22-го 1784.

Весьма благодарю ваше преосвященство за принятое вами участіе по случаю приключенія съ больницею моею. Съ сею же почтою пишу къ Ивану Онуфріевичу [1]) о принятіи мѣръ къ начатію новой каменной. Что же касается до церкви, то до построенія новой вмѣстѣ съ больницею надобно будетъ для больныхъ, хотя бы домовую или полковую, въ удобномъ мѣстѣ оставшагося строенія поставить. Прошу принять мою благодарность за память по покойной женѣ моей [2]).

Навсегда вашъ вѣрной Павелъ.

---

[1]) Брылкину, который завѣдывалъ Павловскою больницею въ Москвѣ. О немъ не рѣдко упоминаетъ Павелъ Петровичъ въ своихъ письмахъ въ Москву къ князю А. М. Голицыну. (Р. Архивъ, 1881, I, 25).

[2]) Великая княгиня Наталья Алексѣевна скончалась 16 Апрѣля 1776 года.

84.

Царское Село, Іюня 7-го 1784.

Вашего преосвященства письмо отъ 30 Маія получивъ, нашолъ въ немъ то самое, что̀ во всѣхъ случаяхъ насъ утѣшать должно. Я не отрекаюсь, что оно мнѣ самому часто нужно и можетъ быть въ самую сію минуту. Таковое подкрѣпленіе приводитъ въ самаго себя. Находя таковую пользу въ письмахъ вашихъ, не можете сумнѣваться о чистосердечіи дружбы моей, съ каковою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Дѣти мои и жена кланяются вамъ.

85.

Царское Село, Іюня 26-го 1784.

Вашего преосвященства письмо отъ 17-го получилъ третьяго дня. Содержаніе его такаго свойства, что не могу ничего даже въ прибавокъ сказать, а нахожу лишь, что соединяетъ все то, что̀ мнѣ всегда помнить должно, изъ чего вижу безпосредственно дружбу вашу къ себѣ. Послѣ сего не могу не соотвѣтствовать тою, съ каковою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена моя поручаетъ мнѣ вамъ кланяться.

86.

Царское Село, Іюля 10-го 1784.

Вашего преосвященства письмо отъ 4-го получа, не могу лутче на оное отвѣчать, какъ просить васъ вспомнить похожденіе всей жизни моей и все, что̀ подъ глазами нашими открывалося, показывающее безпосредственно Промыслъ Божій надо мною дѣйствующій. Послѣ сего могу ли, не будучи неблагодаренъ, не быть покойнымъ, осѣненъ таковымъ покровительствомъ? Вотъ исповѣданіе вѣрнаго друга вашего.

Павелъ.

87.

Гачина, Іюля 31-го 1784.

Вашего преосвященства письмо получилъ я, писанное отъ 22-го По сіе время вѣра моя была всегдашнимъ подкрѣпленіемъ и сильнымъ побужденіемъ мнѣ во всемъ и, что̀ больше, дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію. То какъ можетъ она во мнѣ не быть велика? Я здѣсь со вчерашняго дни и пробуду нѣсколько времяни. На всякомъ мѣстѣ и во всякое время есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена моя и дѣти вамъ, благодаря, кланяются.

88.

Царское Село. Августа 19-го 1784.

Отвѣтствую на письма вашего преосвященства отъ 8-го и 12-го, благодаря за содержаніе оныхъ. На скуку два лѣкарства: терпѣніе и надежда, а оба относительны безпосредственно къ Богу. Я могу опытами доказать, что Онъ надѣющихся на Него не покидаетъ. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена вамъ кланяется, желая, чтобъ вы ея не позабыли.

89.

Царское Село. Сентября 13-го 1784.

Желаю отъ всего сердца, чтобъ лѣкарства мои были цѣлительны вашему преосвященству. Весьма сожалѣлъ о смерти г. Чернышова [1]). Онъ имѣлъ конечно добрыя качества, а особливо со стороны наблюденія порядка. Въ прошлой Понедѣльникъ освятили въ Павловскомъ церковь [2]), при которой содержитъ жена моя инвалидовъ, а при томъ и школу нормальную. Сожалѣю, что васъ при томъ не было. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

90.

Гатчина, Сентября 28-го 1784.

Съ чувствительностію и благодарностію получилъ письмо вашего преосвященства отъ 12-го, которымъ поздравляете меня со днемъ рожденія моего. Молите Всеустрояющаго, чтобъ сдѣлалъ достойнымъ того, кого избралъ, того, къ чему оной избранъ. Утро и вечеръ о семъ моляся, присовокупите свои молитвы; впрочемъ вѣрьте, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

91.

Гатчина, Октября 8-го 1784.

Весьма благодарю ваше преосвященство за содержаніе письма вашего отъ 23 прошедшаго; все мое желаніе отдавать Божіе Богу и не забывать всего того, что̀ Онъ для меня дѣлаетъ, помня однакоже, что все, что́ ни въ состояніи сдѣлать возвратить не можетъ долгу Его благодѣяній. Одно увѣреніе о Его милости можетъ вмѣстѣ съ упованіемъ быть воздаяніемъ въ человѣкѣ. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

---

[1]) Графъ Чернышовъ, Захаръ Григорьевичъ, Московскій градоначальникъ, скончался 29 Августа 1784 года.

[2]) Церковь въ Павловскѣ во имя св. Маріи Магдалины освящена въ Сентябрѣ 1784.

92.

С.-Петербургъ, Октября 25-го 1784.

Весьма пріятно мнѣ было видѣть въ письмѣ вашего преосвященства отъ 7-го расположеніе ваше ко мнѣ и упованіе ваше, основанное на вѣрѣ. Нѣтъ дня, гдѣ бы не получалъ я новыхъ отъ нея подкрѣпленій и утѣшеній. Радуюсь о всякомъ, кто въ таковыхъ мысляхъ, о особливо о друзьяхъ своихъ. Вашъ вѣрной Павелъ.

93.

С.-Петербургъ, Октября 31-го 1784.

Не могу сказать, чтобъ былъ весьма доволенъ я письмомъ вашего преосвященства отъ 17-го, ибо встрѣчаю въ немъ опять тѣ самыя расположенія, которыя уже столь часто опровергалъ. Никакъ не могу и сего пропустить, что вы думаете лучше убѣгать и удаляться отъ зрѣнія смущающихъ насъ предметовъ [1]). Сіе не есть бодрость, а слабость; и такъ не могу никакъ сего пропустить, а совѣтую бодрствовать, уповая на Бога. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

94.

С.-Петербургъ, Ноября 9-го 1784.

Въ письмѣ вашего преосвященства, отъ 31-го прошедшаго, много пріятнаго, но удивительно ученику учителя учить. Впротчемъ вамъ я долженъ тѣмъ самимъ, что́ меня питаетъ и утверждаетъ. Нѣтъ же дня, гдѣ бы не получалъ новой пищи и новаго утвержденія. Благословеніе ваше всегда пріемля, есмь и буду и со всею семьею вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

95.

С.-Петербургъ, Ноября 16-го 1784.

Не могу отвѣчать на письмо вашего преосвященства отъ 7-го инако, какъ воспомянуть все то, что́ въ предъидущихъ своихъ къ вамъ писалъ. Я радъ былъ познакомиться съ арх. Павломъ [2]). Весьма благодарю за желаніе счастливаго разрѣшенія женѣ моей. Помолимся же о семъ оба мы. Впрочемъ есмь навсегда вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

---

[1]) Разумѣется повторяемое Платономъ прошеніе объ увольненіи его на покой.

[2]) Настоятель Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря.

96.

С.-Петербургъ, Декабря 13-го 1784.

Благодаримъ Бога. Сего часа разрѣшилась отъ бремени благополучно жена моя дочерью *). Зная вашу къ себѣ дружбу, знаю и о участіи вашемъ. Есмь вашъ вѣрной Павелъ.

97.

С.-Петербургъ, Марта 10-го 1785.

Очистившись по долгу христіанскому отъ душевныхъ недугъ третьяго дни, по обычаю своему увѣдомляю о семъ ваше преосвященство, прося присовокупить молитвы ваши къ моимъ, да буду охраненъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, свойственныхъ человѣку, вышедшему изъ перваго своего состоянія. Вѣра и повиновеніе да будутъ мои сопутники. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

98.

Павловское, Іюня 11-го 1785.

При нынѣшнихъ вашихъ упражненіяхъ нарочно мѣшкалъ письмомъ своимъ къ вашему преосвященству. Благодарю весьма за содержаніе письма вашего отъ 14 Апрѣля. Весьма пріятны мнѣ молитвы ваши; ибо Тотъ, къ Которому они, Одинъ для меня. Онъ все, безъ Него ничто же бысть еже бысть. Помолимся Ему и о утвержденіи насъ въ любви другъ къ другу. Пребываю вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

99.

Каменной Островъ, Августа 25-го 1785.

Виноватъ бы я былъ предъ вашимъ преосвященствомъ, естьли бы долгое мое молчаніе происходило отъ перемѣны въ расположеніи моемъ. Но сіе быть не можетъ по основанію самой вещи; и такъ прошу васъ не дѣлать о мнѣ никакихъ заключеній, а вѣрить моей къ вамъ дружбѣ. Время должно доказать все то, что̀ оно по сей часъ скрытымъ оставляетъ. Я взираю спокойно на все, что̀ меня ни окружаетъ, поминая съ Іовомъ: Богъ даетъ, Богъ и беретъ, а намъ говорить буди воля Твоя. Не мудрствуя надѣюсь, а за симъ покоенъ. Къ вамъ же пребываю нелицемѣрно вашимъ вѣрнымъ другомъ. Павелъ.

Жена моя поручаетъ себя въ ваши молитвы.

---

*) Елена Павловна.

100.

С.-Петербургъ, Декабря 1-го 1785.

Богу угодно посылать человѣкамъ посѣщеніи. Посѣщенія таковыя тяжки дѣйствіями своими бываютъ, но происходя отъ таковаго существа, каково Онъ, не могутъ не клониться къ добру. И такъ да пріемлемъ ихъ съ повиновеніемъ и терпѣніемъ, почитая въ молчаніи непостижимое. Посѣтилъ насъ на сихъ дняхъ Всевышній смертію сестры жены моей принцессы Голштинской *). Смерть сія тронула весьма какъ жену мою, такъ и меня. Но буди воля Господня! Въ таковомъ расположеніи приняла и жена моя сію печаль, что̀ послужило къ облегченію духа ея и предохраненію отъ всякаго припадка по состоянію ея. По истинѣ нѣтъ ни утѣшенія, ни подкрѣпленія инаго кромѣ того, котораго ищемъ мы въ Богѣ; примѣтимъ сіе, что какъ скоро мы отъ Него удалимся, такъ скоро или въ силахъ нашихъ, или въ исполненіи или успѣхѣ встрѣчаемъ неудачи и огорченія. И такъ отдадимся Его волѣ, исполняя возложенное Имъ Самимъ на насъ, не отступая или слѣдуя сей волѣ. Письмо мое стало долго, но матерія существа привязывающаго. Кончу, прося васъ присоединить молитвы мои къ вашимъ, принять поклонъ отъ жены моей и вѣрить, что я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

101.

С.-Петербургъ, Декабря 15-го 1785.

Благодарю весьма ваше преосвященство за участіе, принимаемое вами въ печали нашей, которое доказательствомъ дружбы вашей къ намъ. По истинѣ по мѣрѣ надежды нашей на Бога и посылаетъ Онъ намъ и силы, но трудны искушенія. Сія мысль столь наполнила душу мою, что не нашелъ ничего болѣе въ сію минуту что̀ писать. Я есмь вашъ вѣрной. Павелъ.

102.

С.-Петербургъ, Генваря 26-го 1786.

Увѣреніе о расположеніи и образѣ мыслей вашихъ наполняютъ письма ваши ко мнѣ пріятностію. Читаю ихъ, надѣяся найти въ нихъ всегда питаніе для души моей. Нѣтъ мнѣ нужды спрашивать себя: вѣрить ли писанному? Причина сего вамъ извѣстна: вамъ я долженъ тѣмъ, что̀ меня подкрѣпляетъ и часъ отъ часу болѣе чувствую плоды сего. Таковое признаніе залогомъ есть дружбы, съ каковою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

---

*) Это бабка принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. П. Б.

103.

С.-Петербургъ, Февраля 5-го 1786.

Съ истинною благодарностію получилъ даръ отъ Бога рожденіемъ дочери *). Вчера ввечеру разрѣшилась жена моя отъ бремени весьма благополучно. Новорожденная нарѣчена Маріею. Спѣшу извѣстіемъ симъ къ вашему преосвященству, дабы принести чрезъ васъ благодарность мою въ церкви Тому, отъ Кого и Кѣмъ все въ томъ же мѣстѣ, которое столько вѣковъ престоломъ было. Нѣтъ изрѣченій довольныхъ благодарности моей предъ Богомъ, и силы мои слабы заслужить Его милости. Здѣсь прилагаю вексель на сумму, назначаемую нами обоими для раздачи бѣднымъ у васъ. За симъ есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

104.

Царское Село, Апрѣля 28-го 1786.

Разсужденіе вашего преосвященства о истинномъ праздникѣ справедливо, и самымъ опытомъ сіе я испыталъ; когда же при упованіи на Бога духъ покоенъ, то всегдашній и повсемѣстный праздникъ. О испрошеніи сего присовокупите вы свои молитвы и будьте увѣрены, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

105.

Павловское, Маія 4-го 1786.

Совершенно доволенъ, естьли могъ чѣмъ либо споспѣшествовать отвращенію скуки вашего преосвященства, и что дружба моя могла чѣмъ нибудь вамъ послужить. Продолжайте свою ко мнѣ и вѣрьте, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

106.

Павловское, Маія 11-го 1786.

Сердечно бы желалъ, чтобъ ваше преосвященство у насъ могли весенними пріятностями пользоваться и ихъ раздѣлять. Чѣмъ бы я ни пользовался, первое мое движеніе благодарить Того, отъ Котораго я все получаю, и сіе самое прибавляетъ и утверждаетъ чувство. Примите увѣреніе дружбы, съ каковою есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

---

*) Маріи Павловны.

107.

Павловское, Маія 25-го 1786.

Совершенно справедливо ваше преосвященство пишете, что мысленному зрѣнію никто препятствовать не можетъ, и сіе я почитаю однимъ изъ большихъ благодѣяній Божіихъ. Кажется какъ будто бы сіе одно осталось въ человѣкѣ отъ перваго бытія его для напамятованія о свободѣ и могуществѣ его; ибо мысль не всегда обстоятельствами препятствуема быть можетъ. Сіе я вижу и въ положеніи моемъ съ вами, разстояніе не мѣшая дружбѣ, съ каковою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

108.

Гачина, Іюня 8-го 1786.

Вашего преосвященства письма отъ 25 и 31 прошлаго получилъ. Подлинно кромѣ подкрѣпленія Божія ничего въ свѣтѣ нѣтъ. Молю Его только, чтобъ силы мнѣ даровалъ. Вы Его служитель, помолитесь со мною. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

109.

Павловское, Іюля 20-го 1786.

Съ благодарностію принимаю благословеніе вашего преосвященства, а особливо зная расположеніе ваше ко мнѣ. Не мѣста насъ успокоиваютъ, но расположеніе духа. Совѣсть чистая и спокойное ожиданіе воли Божіей всѣ мѣста пріятными дѣлаютъ. Затѣмъ прошу продолженія дружбы вашей и есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

110.

Павловское, Августа 3-го 1786.

Подлинно должно относить къ Промыслу Божію, когда встрѣчаемъ мы въ жизни такое, что̀ имѣетъ силу не только разогнать мысли, но и увеселять среди самыхъ скучныхъ обстоятельствъ. Сіе и сокровеніе будущаго суть одни изъ главнѣйшихъ милостей Божіихъ. Въ протчемъ буди во всемъ воля Его! За симъ препоручая себя и своихъ въ молитвы вашего преосвященства, есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

111.

С.-Петербургъ, Сентября 12-го 1786.

Весьма чувствителенъ за писанное вашимъ преосвященствомъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ. Не славы мнѣ про́сите у Бога, а сходнаго

съ волею Его житія. О сколь бы я желалъ вмѣсто писемъ изустно вамъ изъяснить расположеніе свое, пребывая навсегда вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. Жена моя поручила мнѣ вамъ кланяться.

112.

С.-Петербургъ, Октября 26-го 1786.

Естьли что-нибудь утѣшать и подкрѣплять меня можетъ, такъ конечно то что̀ описываете ваше преосвященство въ письмѣ своемъ послѣднемъ. Я радуюсь, видя, что у одного источника почерпаемъ мы. Истинно и то, что̀ пишете про жену мою, и не инако на нее взираю какъ на помощь и даръ Божій. Могу сказать, что часто говорю, смотря на себя: Твоя отъ Твоихъ и пр. Остаюсь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

P. S. Любезной мужъ мой мнѣ позволилъ читать письмо вашего преосвященства, и я съ чувствомъ видѣла все о мнѣ сказанное. Дай Боже, чтобъ я достойна была всей милости Его; любовь моя къ любезному мужу моему несказанна, и только любовь къ Богу сильнѣе въ моемъ сердцѣ. Я бы желала, чтобъ вы свидѣтелемъ были нашего союза, тѣмъ больше, чтобы я тогда имѣла случай васъ увѣрить, что я всегда ваша благосклонная Марія.

113.

С. Петербургъ, Ноября 3-го 1786.

Хотя мы и давно съ вашимъ преосвященствомъ въ разлукѣ, но перепискою нашею какъ будто, не взирая на обстоятельства, превозмогаемъ оныя и оную тщетною дѣлаемъ. Испытаніе таковое должно утверждать взаимныя расположенія наши. За симъ есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. Жена моя, благодаря, кланяется вамъ.

114.

С.-Петербургъ, Ноября 9-го 1786.

По справедливости могъ бы негодовать на начало письма вашего преосвященства, похожее болѣе на ласкательство, нежели на меня. Простите мнѣ сіе; ежедневное испытаніе удаляетъ меня отъ всякаго мечтанія весьма, и такъ что̀ пишете ни по правдѣ, ни по мечтѣ мною принято быть не можетъ. Надежда моя одна, и ту власти міра сего у меня не отымутъ, ибо она въ душѣ моей; таковаго же роду и свойства и то что̀ къ вамъ чувствую. Есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

115.

С.-Петербургъ, Ноября 16-го 1786.

Вашего преосвященства письмо отъ 9-го получилъ я и весьма благодарю за содержаніе онаго. Что же касается до красоты моей, то она того рода вещей, которыя при похвалѣ теряютъ и остатокъ цѣны своей. Прошу вѣрить, что есмь, чтò бъ въ протчемъ у меня на сердцѣ ни было, вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

116.

Каменной островъ, Ноября 23-го 1786.

Я увѣренъ конечно, что ваше преосвященство не причастны ласкательству, но и не къ статѣ мнѣ излишняя похвала. Доволенъ весьма дружбою вашею; прошу и съ своей стороны, вѣрьте чистосердечію моей къ вамъ, съ которою и есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

117.

С.-Петербургъ, Декабря 28-го 1786.

Искренно благодарю ваше преосвященство за поздравленіе меня съ нынѣшними праздниками и Новымъ годомъ. Нынѣшній хотя и дòма проводилъ, но не менѣе въ сердцѣ праздновалъ, чувствуя всю важность и цѣну онаго. О новомъ же годѣ присоедините свои къ моимъ молитвы, да будетъ онъ святъ, миренъ и безгрѣшенъ. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

118.

С.-Петербургъ, Генваря 18-го 1787.

Пріятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего преосвященства, что мы мыслимъ одинаково. Мнѣ же ежечасное испытаніе, а особливо въ сіе время, доказало справедливость вами писаннаго, естьли бы могъ я когда-либо усумниться. Прилпѣ душа моя ко Тебѣ; мене же пріятъ десница Твоя. Сіе могу сказать къ Богу. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

119.

С.-Петербургъ, Февраля 15-го 1787.

Симъ письмомъ отвѣтствую на два письма вашего преосвященства отъ 1-го и 8. Благодарю за молитвы ваши и прошу присоеди-

нить ихъ къ моимъ. Третьяго дни причастился я съ несказаннымъ удовольствіемъ, прося Бога, чтобъ не въ судъ мнѣ было сіе дѣйствіе, но въ оставленіе и во очищеніе. Жена моя благодаритъ васъ за поклонъ и поручаетъ мнѣ вамъ кланяться. Я же есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

120.

С.-Петербургъ, Марта 15 дня 1787.

Вашего преосвященства письмо отъ 8 съ удовольствіемъ получилъ и благодарю за оное. Между тѣмъ, зная участіе пріемлемое вами во всемъ, чтò до меня коснуться можетъ, увѣдомляю васъ, что оба мои сыновья больны корью, но благодаря Бога одинъ уже на ногахъ, а большой имѣетъ самую легкую. Богъ намъ Помощникъ и Покровитель. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена моя поручила вамъ кланяться.

121.

С.-Петербургъ, Апрѣля 15 дня 1787.

Вы извѣсты, сколь пріятенъ для меня тотъ день, съ которымъ ваше преосвященство меня поздравляете, то и можете судить и о благодарности моей. Молитесь, чтобъ Богъ продолжилъ мнѣ непорочность совѣсти, которая причиною въ насъ сей радости. Благодарю за участіе, пріемлемое вами въ болѣзни сыновей моихъ, отъ которой Богъ уже освободилъ ихъ. Прошу быть увѣрену, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

122.

Павловское, Маія 24 дня 1787.

Дѣти мои отправились подъ благословеніе вашего преосвящéнства третьяго дня. Препоручаю ихъ вашимъ молитвамъ. Равномѣрно и себя препоручаю вашему у Бога заступленію и молитвамъ. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

123.

Гатчина, Іюня 15-го 1787.

Весьма пріятно для меня видѣть изъ письма вашего преосвященства, что вы довольны дѣтьми моими и при томъ все то, чтò вы по сему случаю пишите. Вы знаете, что единое прибѣжище мое въ добромъ и въ дурномъ одинъ Богъ, все отношу къ Нему и получаю отъ Него. Жена моя соучаствуетъ во всемъ и въ моемъ расположеніи вамъ, съ каковымъ и пребываю вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

124.

Гатчина, Іюня 51 дня 1787.

Вчера, получа письмо вашего преосвященства отъ 14-го, весьма порадованъ былъ тѣмъ, что̀ вы о дѣтяхъ моихъ пишете *). Желаю и уповаю на Бога, да будутъ они къ добру, а не въ тягость отечеству нашему. Вчера мы молебствовали по выздоровленію дочерей моихъ. Препоручаю себя въ молитвы ваши и есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена моя кланяется вамъ.

125.

Царское Село, Іюля 12-го дня 1787.

Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ точнаго извѣстія о новомъ титулѣ вашего преосвященства и, получивъ отъ васъ самихъ о семъ увѣдомленіе, спѣшу васъ съ симъ, какъ и жена моя, поздравить. Вы должны знать, каково участіе принимаемое нами при семъ случаѣ, зная дружбу нашу къ себѣ, съ каковою и есмь навсегда вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Александръ и Константинъ Павловичи лѣтомъ 1787 года были въ Москвѣ, гдѣ встрѣтили императрицу Екатерину, возвращавшуюся изъ Крыма, и посѣтили Платона, который въ этотъ пріѣздъ Императрицы пожалованъ митрополитомъ.

ДОРОЖНЫЯ ПИСЬМА С. А. ЮРЬЕВИЧА

во время путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году.

17.

Уральскъ, 16-го Іюня 1837 года.

Вчера, въ 5 часовъ утра, оставили мы Оренбургъ и сегодня въ первомъ часу ночи едва дотащились до Уральска: одинъ изъ самыхъ трудныхъ переѣздовъ нашихъ и по количеству верстъ, и по песчаной степной дорогѣ, и по нестерпимому жару, который тѣмъ несноснѣе чѣмъ болѣе мы подвигаемся къ Югу. Оставляя завтра Уральскъ, мы, благодаримъ Бога, что благословилъ насъ совершить благополучно самую трудную часть пути нашего: отселѣ, такъ сказать, начинается наше обратное шествіе; давай Богъ, въ добрый часъ! Чрезъ два дня мы будемъ въ Казани, и какъ-то сердцу легче при мысли, что покидаемъ степи. Куда какъ надоѣли ужъ намъ эти Башкирцы и Киргизы и этотъ безотвязный мертвый Уралъ, который только сегодня видѣли мы оживленнымъ удалыми рыбаками, Уральскими казаками. По всему теченію Урала солнце пекло насъ всею своею огненною силою. Въ Оренбургѣ жаръ былъ для насъ несносенъ, но вчера и сегодня въ Уральскѣ даже и Уральцамъ было жарко: говорятъ, что въ тѣни сегодня было до 30-ти градусовъ по Реомюру. За то мы не вытерпѣли сегодняшняго зною, и подъ вечеръ Великій Князь и вся его свита (кромѣ стариковъ нашихъ, Кавелина, Жуковскаго и Арсеньева) съ

---

*) Первыя 16-ть писемъ см. въ Р. Архивѣ сего года, кн. 4-я, стр. 441.

жадностью бросились въ Уралъ. Это было для насъ истинное наслажденіе, которое было бы больше, еслибы вода Урала была похолоднѣе: мнѣ казалось, что я попалъ въ отварную воду. Для Великаго Князя козаки мигомъ построили ванну, изъ которой ему выйдти не хотѣлось. Это первое купанье наше нынѣшнее лѣто.

Кстати объ Уралѣ, о которомъ въ послѣдній разъ, вѣроятно, я говорилъ въ письмахъ моихъ. Такъ называемые Уральскіе козаки, по моему мнѣнію, больше рыбаки, нежели козаки: ихъ станицы, или какъ они называютъ ихъ, форпосты расположены по берегу Урала, вода котораго для нихъ жизнь, богатство, отечество; они стерегутъ, берегутъ ее какъ сокровище и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Бѣда Киргизу, подкравшемуся къ берегамъ его; бѣда всякому, кто бы не въ урочный часъ нарушилъ вѣковые законы: закинуть сѣть, чтобы поймать осетра, ихъ кормильца.

Для Великаго Князя сегодня показана была примѣрная ловля осетровъ и лѣтняя, и зимняя, которыя совершаются у нихъ разомъ, всѣмъ населеніемъ, торжественно, по условленному знаку отъ Гурьева (у Каспійскаго моря) до Уральска. Тысячи маленькихъ челноковъ бросаются тогда на перерывъ одинъ передъ другимъ съ своими сѣтями въ извѣстные притоны осетровъ и вытаскиваютъ ихъ на берегъ, складываютъ въ огромныя кучи и тутъ же потрошатъ ихъ. Солятъ икру въ боченкахъ, солятъ осетровъ въ большихъ кадяхъ; и кто больше наловилъ, насолилъ и продалъ, тотъ и богаче. Мы видѣли образчикъ этой весьма любопытной ловли и всей продѣлки съ осетрами и знаменитою Уральскою икрою. При насъ осетръ былъ пойманъ, изъ него вынута икра, посолена и подана къ закускѣ, тутъ же на нарочно устроенномъ плоту приготовленной, которую мы съ большимъ аппетитомъ ѣли и которую нельзя нигдѣ ѣсть такую вкусную, какъ на самомъ мѣстѣ. Это самое любопытное, что̀ мы видѣли въ городѣ Уральскѣ, и кажется какъ бы для этого сюда пріѣзжали. Нѣтъ, виноватъ, быть можетъ посѣщеніе Уральска Великимъ Княземъ будетъ со временемъ считаться эрою въ сей странѣ, погрязшей въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ самаго упорнаго раскола: эрою начала Православія. Сегодня Великій Князь положилъ первый камень при закладкѣ первой Православной здѣсь церкви имени Св. Александра Невскаго и двухъ придѣловъ: Благовѣщенія и Іоанна Златоустаго. (Я также положилъ кирпичъ возлѣ кирпича Великаго Князя). Въ Уральскѣ много церквей, но все старообрядческія; изъ нихъ двѣ единовѣрческихъ, т.-е. сближающихся съ Православною церковью, и въ казармахъ здѣшняго гарнизона одна маленькая Православная церковь. Великій Князь посѣтилъ ихъ и по-

клонился въ сихъ трехъ церквахъ, но въ раскольничьи не заходилъ. Эти единовѣрческія церкви недавно обращены изъ старообрядческихъ. Уральцы самые упорные и закостенѣлые раскольники; между ними числомъ всего пять человѣкъ православныхъ, изъ коихъ одинъ только офицеръ. Здѣсь отъ простаго козака до генерала всѣ носятъ бороды и при мундирѣ. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ для пріѣзда Великаго Князя выбрились; но, говорятъ, имъ придется расплатиться за сіе (съ своими матерьми и женами, злѣйшими поборницами раскола) по отъѣздѣ Великаго Князя. Эти козачки раскольницы во всемъ, и даже въ своихъ костюмахъ, который они сохранили съ поконъ вѣку: всѣ, и генеральши, бывшія атаманши, и простыя козачки носятъ одинъ нарядъ: на головахъ свои уродливыя сороки, а дѣвицы поднизи (мы видѣли сороку у одной козачки цѣною въ 40 тыс. рублей), и всѣ одинаково въ сарафанахъ. Чтобы доставить Великому Князю случай видѣть здѣшнихъ козачекъ-аристократокъ, ихъ собрали въ домъ учреждаемаго здѣсь дѣвичьяго училища (дай Богъ, въ добрый часъ!), гдѣ онѣ, выстроившись рядушкомъ, привѣтливо кивали ему своими нарядными головками, богато унизанными жемчугомъ и каменьями; но ни одного лица порядочнаго; у всѣхъ при томъ зубы черные, говорятъ, отъ румянъ. Впрочемъ и нравственность этихъ козачекъ также не похваливаютъ. Чтобы кончить объ Уральскѣ, надобно сказать, что для степи это богатый городъ. Одна предлинная улица вся изъ прекрасныхъ большихъ каменныхъ домовъ, и все козаковъ здѣшнихъ; внутренность домовъ также богато отдѣлана (я былъ въ нѣкоторыхъ). Много церквей каменныхъ, есть училище для козачьихъ сыновей, но мало отдаютъ въ оное. Великій Князь посѣтилъ сіе училище, посѣтилъ войсковую канцелярію, выставку, на которой только были травы степныя и птицы (чучелы) Уральскія примѣчательныя, да армячина (матерія для армяковъ).

Наконецъ (чтобы не забыть) надобно сказать, что во время плаванья нашего въ лодкѣ по Уралу, насъ удивляли мальчишки, бросавшіеся съ высокаго здѣсь и крутаго берега Урала съ разбѣга въ воду и нырявшіе въ ней какъ рыба, и этихъ мальчишекъ здѣсь такъ много, что они на всемъ протяженіи болѣе версты забавляли насъ, бросаясь одинъ за другимъ. Кажется, все высказалъ объ Уралѣ, что̀ имѣлъ въ памяти, и что̀ на досугѣ хотѣлъ пересказать объ этомъ мѣстѣ, въ которомъ вѣроятно въ другой разъ не буду, да и не захочу быть: довольно разу.

18.

Казань, 22-го Іюня 1837 г.

Куда какъ мы рады, что выбрались на свѣтъ изъ дикихъ степей Киргизскихъ и Башкирскихъ!.. Въ Казань прибыли мы, благодаря Бога, всѣ благополучно въ Воскресенье, 19-го числа, къ обѣду, въ 5 часовъ пополудни. Здѣсь опять что-то родное, Русское, не смотря на множество Татаръ, не смотря на Татарское названіе Казани; сердцу отрадно видѣть опять Русскій, коренной народъ, Русскій привѣтъ, Русскую живую радость народа при видѣ нашего дорогаго Путешественника. Въ тотъ же день мы были на выставкѣ, катались по городу, по прекрасной торцевой мостовой, по богатымъ широкимъ улицамъ, съ большими, какъ бы столичными каменными домами, огромными казенными зданіями. Выставка разнообразная, прекрасно устроенная, но состоящая болѣе въ издѣліяхъ, приготовляемыхъ для мѣстныхъ потребностей и Азіи, для которой Казань есть тоже, что Кяхта. Я не нашелъ ничего здѣсь особеннаго, кромѣ кожъ и мыла, но эти вещи не стоятъ пересылки; а чаю, надѣюсь, лучше купить въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ Понедѣльникъ, по обыкновенію, представленія, объѣздъ примѣчательныхъ мѣстъ и богоугодныхъ заведеній, обѣдъ съ гостями и, наконецъ, балъ, взяли всѣ минуты дня. Сегодня продолженіе объѣзда того, чего не успѣли видѣть вчера поутру; а послѣ обѣда гулянье на Арскомъ полѣ, въ такъ называемой Русской Швейцаріи (гдѣ танцовали въ галереѣ и ходили въ полонезѣ по лугу, между многочисленнымъ народомъ, среди хороводовъ и хоровъ пѣсенниковъ) и въ заключеніе, спектакль, также все время наше забрали. Въ промежуткахъ, мое обыкновенное занятіе—разбирать и сортировать безчисленныя и безконечныя просьбы. Особенныя примѣчательности Казани суть (въ краткцѣ говорю, ибо изъ бюллетеня нашего можно видѣть болѣе подробностей): Казанскій женскій монастырь, въ коемъ хранится икона чудотворной Богоматери, великолѣпный, съ двумя огромными, богатыми церквями, богатыми ризами на иконахъ, особенно на чудотворномъ образѣ. Казанскій университетъ, и по прекрасному новому зданію своему, и по устройству внутреннему (говорятъ даже и по учебной и моральной части), и по обсерваторіи своей, извѣстной въ Европѣ по наблюденіямъ здѣшняго астронома Симонова, Великій Князь съ должнымъ вниманіемъ, по достоинству этого учебнаго заведенія, осматривалъ во всей подробности. Казанскій Кремль—съ древнимъ, по наружности, соборомъ, съ первою маленькою христіанскою церковью, построенною въ годъ завоеванія Казани, съ своею, такъ называемою, Сумбекиной башнею

(башня въ видѣ Кремлевскихъ Московскихъ башень) и съ своими вновь строющимися казармами, для учебнаго полка. Казанскій памятникъ побѣды надъ Татарами, построенный въ видѣ пирамиды надъ могилою Русскихъ убитыхъ, въ коей устроена церковь, а подъ церковью склепъ, гдѣ хранятся черепы и кости Русскихъ. Теперь нѣсколько словъ о забавахъ нашихъ въ Казани. Старинный твой знакомый С. С. Стрекаловъ мастеръ великій этого дѣла. Какой прекрасный, великолѣпный балъ онъ устроилъ, какое гулянье и, наконецъ, Русскій спектакль; по истинѣ—и то, и другое, и третье, хоть бы въ столицахъ! Общество дамъ въ Казани, и большое, и отличное; мой Великій Князь съ удовольствіемъ провелъ на балѣ около трехъ часовъ времени. Онъ танцовалъ, кромѣ полонезовъ, кадрили съ тремя дочерьми Стрекалова (одна изъ нихъ, старшая, замужемъ за Тереневымъ), съ бывшею воспитанницею Смольнаго монастыря, дочерью генерала Мандрыки и съ старшею дочерью старичка здѣшняго, морскаго генерала Дурасова, брата Ѳедора Алексѣевича (я полагаю, ты ее знаешь; она въ прошлое лѣто была въ Петербургѣ). Дурасова одна изъ красавицъ бала; я познакомился съ нею и съ ея сестрою и со старичкомъ, весьма уважаемымъ здѣсь отцемъ ихъ; старшая дочь, съ которой я больше говорилъ и танцовалъ, весьма умная дѣвица. На балѣ нашелъ я многихъ Смолянокъ, камрадокъ сестры Саши, моихъ давнихъ знакомыхъ; я со всѣми ими возобновилъ знакомство и былъ по возможности очень любезенъ (вѣдь это по твоему приказанію); я танцовалъ со всѣми, и вчера по паркету, и сегодня по лугу. Рудановская, также Смолянка, была весьма замѣчена на балѣ. Тоумева, институтка изъ Москвы, также очень хорошенькая. Кстати, о новыхъ знакомствахъ: здѣсь явился ко мнѣ управляющій въ Казани комисаріатскою коммиссіею 4-го класса, Рогожинъ, женатъ на Симбирской помѣщицѣ, едва ли не Топорниной (она родственница тетеньки Елисаветы Петровны), который познакомилъ меня съ своею женою (бойкая и умная дама, я танцовалъ съ ней и вчера и сегодня) и съ матушкой ея, которая оставила Симбирскъ и живетъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ Казани (у нея одна дочь Рогачева); я былъ также у нихъ въ домѣ съ визитомъ, ибо они признались мнѣ твоею роднею. У нихъ свой домъ; они уважаемы въ Казани. Познакомился съ m-me Чертовой (жена генерала, здѣшняго коменданта), дама, которая непремѣнно хотѣла познакомиться со мною, желая сказать мнѣ, что она тебя знаетъ и видѣлась съ тобою часто на балахъ въ Петербургѣ. Пребойкая дама (даже полагаю слишкомъ бойкая), такъ по крайней мѣрѣ кажется; она всѣхъ и все знаетъ, какъ видно изъ разговоровъ. Сегодняшнее гулянье есть подражаніе Оренбургскому балу, въ степи, гдѣ вмѣсто смѣси Русскихъ и Кирги-

зовъ съ Башкирцами, были зрителями онаго Русскіе съ Татарами. Галерея въ Русской Швейцаріи была преобразована въ великолѣпную залу, въ видѣ палатки, возлѣ коей кабинетъ, убранный съ отличнымъ вкусомъ, служилъ мѣстомъ собранія лучшаго общества дворянъ и купечества (это угощеніе купечества). Жена Долова была хозяйкою. Музыка заиграла Польскій, и Великій Князь открылъ танцы съ хозяйкою и потомъ попеременно, то съ дворянками, то съ купчихами, прогуливался и по галереѣ, и по лугу, между несмѣтнымъ числомъ собравшагося народа; потомъ на открытомъ воздухѣ танцовалъ кадриль съ m-me Тереневъ (дочь Стрекалова). Тутъ были презабавныя сцены между зрителями. Русскіе мужички и Татары, чтобы лучше и больше видѣть Великаго Князя, взлѣзали толпами на большія деревья, толкая и спихивая другъ друга такъ, что нѣкоторые падали съ поля своего воздушнаго сраженія. Два часа Великій Князь доставлялъ удовольствіе любоваться собою и самъ охотно забавлялся общимъ веселіемъ. Въ 9-ть часовъ съ гулянья мы поѣхали въ театръ. Сцены изъ Аскольдовой Могилы, оперы Верстовскаго (слова Загоскина), были разыграны отлично, хоть бы въ Петербургѣ такъ сыграть. Потомъ вся труппа, актеры и актрисы, пѣли народную пѣсню Жуковскаго (Слава на небѣ солнцу высокому, на землѣ Государю Великому) прекрасно. Публика, съ гулянья прибывшая въ театръ, требовала повторенія гимна; рукоплесканіямъ не было конца. Великій Князь остался весьма доволенъ, вообще, своимъ временемъ въ Казани, да и Казанцы, вообще, всѣ восхищены имъ. Надобно отдать ему справедливость: онъ, дѣйствительно, весьма любезенъ и необыкновенно внимателенъ ко всѣмъ. Князь Ливенъ не пріѣхалъ; истинно жаль, что его нѣтъ: пусть бы и онъ полюбовался нашимъ Великимъ Княземъ.

19.

23-го Іюня 1837 года.

Сегодня въ 8-мъ часу мы будемъ на дорогѣ въ Симбирскъ. Въ Симбирскѣ готовится балъ въ домѣ тетиньки, и она будетъ принимать Великаго Князя.

20.

Симбирскъ, 24 по 25-е Іюня 1837 года.

Симбирскъ сегодня кипѣлъ народною, Русскою, коренною Русскою любовью къ своему Гостю; мы, такъ сказать, должны были едва не драться съ этою любовью: такъ бокамъ нашимъ доставалось отъ нея при входахъ и выходахъ въ церкви и другія посѣщаемыя Вели-

кимъ Княземъ мѣста. Симбирскъ не ударилъ себя лицомъ въ грязь и баломъ, хотя онъ былъ вдругъ послѣ Казанскихъ увеселеній и баловъ. Общество блестящее, премилое, ну право хоть въ столицу.

Балъ сегодняшній взялась тебѣ описывать тетушка со всѣми подробностями. Тетинька, какъ представительница Симбирскихъ дамъ, какъ хозяйка бала, принимала Великаго Князя, который былъ съ нею очень любезенъ и въ полонезѣ, и безъ полонеза. Тетенька наша была на балѣ по крайней мѣрѣ двадцатью годами моложе: такъ она была со вкусомъ и ловко одѣта, такъ держала себя молодецки. Куда ея товарищъ, вторая хозяйка бала, губернаторша Хомутова! Передъ нею никуда не годится. На балѣ также всѣ меня про тебя спрашивали: Баратаевы, Столыпины и пр. и пр., всѣхъ не упомню. Чтобъ кончить о балѣ, доложу, что Великій Князь танцовалъ кадрили: съ Бестужевой, сестрою предводителя, съ старшею Баратаевой, съ бывшей фрейлиной (княжна Гагарина) Анненковой и Арсеньевой (урожденной Бороздиной). Но лучшія фигурки на балѣ, по моему, были три: Андреева, Бабкина и.... право забылъ третью.

21.

Пенза, 30-е Іюня 1837 года.

Могу поздравить тебя, мой другъ: мы уже имѣемъ крестнаго отца для нашего будущаго, кого намъ Богъ пошлетъ. Добрый Царь нашъ, въ письмѣ своемъ къ Великому Князю нашему, пишетъ въ отвѣтъ на мою просьбу: «у Юрьевича съ удовольствіемъ крестить буду». Теперь дѣло за крестной матерью.... и я совершенно твоего мнѣнія: просить нашу покровительницу, ангела, Великую Княжну Ольгу Николаевну. Только однакожъ думаю, что ее не идетъ просить прежде пришествія на свѣтъ ожидаемаго нами малютки. Съ первой вѣсточкою радостной напишу къ Юліи Ѳедоровнѣ Барановой: я увѣренъ, что Императрица не откажетъ въ позволеніи своемъ на то Великой Княжнѣ, которая съ своей стороны несомнѣнно не откажется.

Въ 12 часовъ съ блестящаго Пензенскаго бала возвратился я за Великимъ Княземъ; цѣлый часъ возился, приводя въ порядокъ дѣла нѣсколько запущенныя отъ поѣздки моей въ Лопуховку *).

Балъ въ Пензѣ былъ данъ въ саду, въ галлереѣ, нарочно для того выстроенной дворянствомъ въ двѣ недѣли. Галерея большая и

*) Саратовской губ. Аткарскаго уѣзда, имѣніе супруги С. А. Юрьевича. П. Б.

вся разукрашена цвѣтами прекраснаго Александровскаго сада. Панчулидзева губернаторша и Никифорова губернская предводительша— патронессы бала. Хорошенькихъ, миленькихъ личекъ было больше нежели въ Казани, въ Симбирскѣ и даже Саратовѣ, который до Пензы у насъ считался лучшимъ баломъ, какъ Симбирскій лучше Казанскаго и какъ Казанскій не уступалъ Оренбургскому. Я совершенно согласенъ съ нашею молодежью, у коихъ почти всегда послѣдній балъ есть лучшій..... Доказательство: градація вышеизложенная. Чтобы не забыть о балѣ, скажу, что Великій Князь танцовалъ въ Пензѣ съ двумя сестрами губернатора Панчулидзева и съ Ховриной (пожилая дама, но еще прекрасная собою, урожденная Лужина); съ Арнольди, дочерью вице-губернатора; съ Ступишиной, дочерью Пензенскаго уѣзднаго предводителя и еще съ одной, которой имя ускользнуло изъ памяти, такъ какъ именъ всѣхъ дамъ Саратовскихъ, Симбирскихъ и пр. хоть убей ужъ не припомню; такъ какъ послѣ Тамбовскаго бала забуду Пензенскій: это настоящая фантасмагорія для меня. По моему мнѣнію и мнѣнію Великаго Князя, дѣвица Салова была первою на балѣ въ Пензѣ между множествомъ красивыхъ лицъ. Для исторіи баловъ, все что̀ могу сказать о Саратовскомъ (о коемъ ничего не говорилъ тебѣ за недосугомъ), что онъ былъ великолѣпнѣйшій по прекрасной залѣ, множеству пренарядныхъ дамъ и множеству офицеровъ тамъ квартирующихъ. А въ Пензѣ кавалеры жалость: на 30 дамъ хорошенькихъ по одному уродцу.

Погода, которая доселѣ такъ намъ благопріятствовала, измѣнила намъ въ Саратовѣ и Пензѣ. Первый день нашего пребыванія въ Саратовѣ лилъ проливной дождь во весь день; 29-го числа дождь лилъ во всю дорогу нашу, равно и сегодня 30-го въ Пензѣ тотъ же проливной дождь испортилъ всѣ приготовленія Пензенскихъ жителей; обида да и только! Изъ поименованныхъ чиселъ ты видишь, что мы днемъ опередили маршрутъ; этотъ день мы бережемъ про запасъ на дурную дорогу, которой начало мы уже испытали. Забылъ сказать, что до сихъ поръ мы вездѣ терпѣли давку отъ мужчинъ; но въ Саратовѣ и Пензѣ вытерпѣли такую отъ дамъ, что я долго буду помнить прекрасный полъ въ Саратовѣ и особенно въ Пензѣ, при выходѣ изъ церкви Великимъ Княземъ: настоящее сраженіе!

22.

Тамбовъ, 3-го Іюля.

Сейчасъ съ бала Тамбовскаго. То и дѣло что балъ за баломъ: не правда ли весело? Ужъ какъ надоѣдятъ мнѣ наконецъ эти балы!

Теперь мы вступили въ районъ баловъ: почти каждый день, опомниться некогда; некогда дѣло дѣлать, некогда писать за балами даже о балахъ. Ну, такъ и быть, скажу нѣсколько словъ о Тамбовскомъ. Зала, построенная третьяго года для пріѣзда Государя, великолѣпная, чуть ли не лучше Саратовской; дамы одѣты прекрасно, много пригоженькихъ лицъ, однакожъ не столько, сколько въ Пензѣ: тамъ ихъ какъ пчелъ въ ульѣ. Великій Князь нашъ танцовалъ и здѣсь усердно: первый контръ-дансъ съ женою флигель-адъютанта Баратынскаго (здѣсь въ отпуску проживающаго), второй съ Араповой, женой отставнаго генералъ-маіора, третій съ хорошенькой дѣвицей Сатиной старшей (младшая еще лучше ея), потомъ еще два съ дѣвицами Герасимовой и Поповой, здѣшними дворянками. Полторацкая, жена предводителя, была хозяйкой. Губернаторша Гамалей не была на балѣ по болѣзни (она дочь Эмме); на этомъ балѣ однакожъ Баратынская наша перещеголяла всѣхъ по мнѣнію здѣшнихъ *).

Кавалеровъ почти столько же, какъ и въ Пензѣ. Кончу статью о балахъ; чтобы исполнить желаніе твое скажу, что въ Саратовѣ Великій Князь танцовалъ съ Свѣчиной, рожденною Григоровичъ, женою управляющаго удѣльною конторою. Въ Саратовѣ двѣ монастырки, дочери жандармскаго полковника Баскова; съ ними Великій Князь танцовалъ для монастыря; еще съ дочерью предводителя Скибеневскаго (замужнею) и съ молоденькой и хорошенькой Устиновой, дочерью здѣшняго помѣщика, которая была въ такомъ восторгѣ отъ своего счастія (она въ первый разъ въ обществѣ), что послѣ контрданса, съ двумя ручьями радостныхъ слезъ, бросилась на шею своей матери. Милая дѣвочка!

Наши ожиданія дождаться пріѣзда князя Ливена оказались тщетными: онъ не къ намъ, а за границу ѣдетъ лѣчиться. По истинѣ жаль.... Онъ бы очень пригодился намъ важностью сана, своею хладнокровною, всегда одинаковою любезностью со всѣми, словомъ тѣмъ, чего не достаетъ намъ..... Всѣ наши спутники единодушно жалѣютъ о князѣ. Жуковскій также намѣревается покинуть насъ; ему также жаль очень князя Ливена. Нашъ всегда милый Великій Князь все-таки любезенъ со всѣми, не смотря на отсутствіе любезности...... Жуковскій весьма справедливо выразился: когда мы говоримъ о своей неспособности, когда просимъ дать намъ кого-либо поважнѣе насъ для великаго нашего дѣла, то говоримъ правду; и что получивъ на то отказъ, мы уже считаемъ, что мы хороши такъ какъ есть, и что намъ перемѣняться и примѣняться къ обстоятельствамъ не для чего и не для кого!!... Это я говорю для тебя и при этомъ невольно вспоминаю лю-

---

*) Анна Давыдовна, ур. княжна Абамелекъ, воспѣтая Пушкинымъ. П. Б.

безность покойнаго.... Какая бы жатва была для покойнаго *)..... привыкать собирать на пути нашемъ сердца и сближать ихъ съ сердцемъ нашего юнаго Путешественника.

Въ Пензѣ я оказалъ услугу Панчулидзеву, доставивъ ему возможность сопровождать Великаго Князя изъ Пензы до границы губерніи; я ходатайствовалъ о семъ у Великаго Князя, что̀ составляетъ великую важность для губернатора, которому возбранено это. Съ твоимъ и братнинымъ protégé купцомъ Моршанскимъ также познакомился, имѣлъ случай представить его Великому Князю и восхитилъ его тѣмъ до крайности: мы останавливались на его мызѣ подъ Моршею пить чай и ѣли его фрукты. Сынъ его пріѣзжалъ ко мнѣ въ Тамбовъ съ просьбою о своемъ дѣлѣ по Сенату; я далъ ей ходъ. Мнѣ еще удалось здѣсь доброе дѣло: я просилъ Великаго Князя о предстательствѣ у Государя Императора о помилованіи молодаго Гурова (сосланнаго за шалость въ Сибирь); онъ сынъ здѣшняго старика помѣщика, коего дочь замужемъ въ Петербургѣ за Вердеревскимъ. Она здѣсь теперь у отца, я видѣлся съ нею на балѣ. Старикъ со слезами умолялъ меня; я передалъ его слезы доброму нашему Великому Князю, и онъ взялся быть ходатаемъ. Дай Богъ въ добрый часъ! Царь милостивъ.

23.

Воронежъ, 6-го Іюля 1837 года.

Вчера пріѣхали мы въ Воронежъ къ обѣду, въ 5 ч. по полудни; остановились въ домѣ губернскаго предводителя дворянства Тулинова, богатаго Воронежскаго помѣщика: прекрасный домъ, отлично отдѣланъ къ пріѣзду Великаго Князя. Послѣ обѣда, не теряя времени, ѣздили осматривать заведенія Общественнаго Призрѣнія (огромное зданіе, гдѣ предполагаютъ устроить Воронежскій кадетскій корпусъ на деньги, Черткова пожертвованія); были въ старинномъ, временъ Петровыхъ, зданіи адмиралтейскаго цейхауза, нынѣ обращаемаго въ инвалидный домъ, гдѣ нашли знаменитую саблю Мазепы; а сегодня были на выставкѣ богатой только лошадьми и коровами Домогацкаго и другихъ; были въ женскомъ монастырѣ. Вотъ все, что̀ мы видѣли, или почти все въ Воронежѣ, весьма красивомъ и большомъ городѣ, который не уступаетъ даже красотою улицъ Казани и по мѣстоположенію на высокомъ берегу рѣки весьма красивый городъ. Вчера ночевали мы въ Липецкѣ; тоже премиленькій городокъ, на живописномъ мѣсто-

*) Т.-е. для К. К. Мердера? П. Б.

положеніи съ прекрасною шосированною Дворянскою улицей. Третьяго дня вечеромъ успѣли осмотрѣть заведеніе водъ съ садомъ, чистенькія комнаты для ваннъ, дворянскій садъ и самый городъ, въ коемъ все, также какъ и въ Воронежѣ, напоминаетъ Петра Великаго: тутъ на чугунной доскѣ отпечатана рука его въ 1705 году. Въ Липецкѣ познакомился я съ г. Волчковымъ, помѣщикомъ, который женатъ на Дубовицкой (сестрѣ пажа). Видѣлся я въ Липецкѣ съ Прибытковымъ. Кстати о балѣ, откуда только сію минуту возвратились мы: зала небольшая съ прекраснымъ портретомъ во весь ростъ Государя (чтò большая рѣдкость въ этихъ мѣстахъ); вотъ почти все прекрасное, чтó было на балѣ; дамъ весьма немного и пригожихъ и того меньше (насъ избаловали Пенза и Симбирскъ). Великій Князь танцовалъ съ Тулиновой, племянницей предводителя, съ Мариной, невѣстою вице-губернатора Мѣшковскаго, съ Юрьевой и Басовой.

Сегодня, во второмъ часу, по полудни, во время ученья кантонистовъ, пріѣхавшій фельдъегерь обрадовалъ меня письмомъ твоимъ. Кавелину фельдъегерь привезъ Александровскую ленту съ прекраснѣйшимъ рескриптомъ за 20-ти лѣтнее нахожденіе его адъютантомъ при Государѣ и за отличное исполненіе, пріятное родительскому сердцу Государя-Отца, возложеннаго на него важнаго порученія. 1-го Іюля минуло 20 лѣтъ свадьбы Ихъ Величествъ, а 3-го адъютанты Государевы, въ память сего событія, украшены Александровскими лентами: Кавелинъ, Перовскій, Адлербергъ. Это тройство нераздѣльное въ наградахъ. Жаль намъ, что Жуковскій не попалъ въ число награжденныхъ. Онъ еще прежде свадьбы состоялъ при Императорѣ *). Всѣ того времени даже придворные служители получили свои награды.

24.

Тула, 10-го Іюля 1837 года.

Сегодня мы еще въ Тулѣ, т.-е. второй уже день здѣсь, и тѣмъ опять входимъ въ колею нашего маршрута (день, выигранный черезъ отмѣну поѣздки въ Самару, употребленъ въ Тулѣ для обозрѣнія оружейнаго завода). Изъ Москвы маршрутъ нашъ долженъ нѣсколько измѣниться, ибо для пріѣзда туда Императрицы Великій Князь желаетъ остаться тамъ по 6-е Августа съ тѣмъ, чтобы уже второй разъ въ Москву не возвращаться изъ Нижняго-Новгорода.

---

*) С. А. Юрьевичъ ошибается: В. А. Жуковскій, до свадьбы Николая Павловича, состоялъ въ званіи чтеца при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. П. Б.

Въ Нижній предполагается ѣхать на Владиміръ, а изъ Нижняго въ Рязань и чрезъ Тулу въ Орелъ и далѣе опять по маршруту. На это еще однакожъ мы не имѣемъ разрѣшенія Государя. Лучше два дня дольше пробыть въ Москвѣ, нежели опять въ нее возвращаться на одни сутки. Я сейчасъ составилъ для отправленія къ Государю проектъ предложенія нашей перемѣны, о коей упоминаю. Въ Тулу мы пріѣхали вечеромъ въ 9 часовъ третьяго дня; вчера осматривали городскія примѣчательности и выставку, на которой почти одни желѣзныя и мѣдныя вещи, да кожа. Сегодня цѣлое утро до 3-хъ часовъ употребили на смотръ находящихся здѣсь двухъ полковъ, на посѣщеніе Тульскаго кадетскаго корпуса (который во всемъ лучше Тамбовскаго) и оружейнаго завода, огромнаго зданія; на немъ приготовляется болѣе 50 т. ружей, девятью тысячами оружейниками, безпрерывно работающими. Тула, какъ фениксъ, воскресла изъ пожарнаго пепла; почти не видать слѣдовъ пожара, истребившаго здѣсь болѣе тысячи домовъ и домиковъ нѣсколько годовъ тому назадъ. Зуровъ, военный губернаторъ здѣшній, старался всѣми силами прикрыть еще во многихъ мѣстахъ однакожъ видные слѣды опустошенія. И въ Тулѣ, какъ и вездѣ, насъ угощали баломъ. Балъ хоть куда, не смотря на казенную залу въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. М-мъ Зуровъ, бывшая графиня Стройновская, была хозяйкой и украшеніемъ бала; она, не смотря на продолжительное первое ея супружество съ старикомъ, не смотря на 16-ти лѣтнюю дочку (танцовавшую съ Великимъ Княземъ кадриль на балѣ), все еще въ полномъ смыслѣ belle-femme. Я съ ней познакомился и много говорилъ на балѣ. Другихъ примѣчательныхъ лицъ не назову; ибо ихъ не было, кромѣ развѣ дѣвицы Дуровой, съ которой также танцовалъ Великій Князь, да развѣ по богатству дочери купца Маслова съ большими бриліантовыми камнями на шеѣ и на головѣ. Сегодня заключили мы день прекраснымъ и весьма удачнымъ фейерверкомъ, выписаннымъ изъ Москвы дворянствомъ; здѣшнее дворянство и губернаторъ изъ кожи лѣзли, чтобы угодить своему Гостю. Да и Гость былъ вообще здѣсь весьма доволенъ, равно и военными, которые дали отличный парадъ; гвардейскій генералъ Крейцъ представлялъ войско.—Жуковскій изъ Калуги ѣдетъ на свою родину въ Бѣлевъ и соединится съ нами опять въ Москвѣ. Здѣсь въ Тулѣ, когда представлялось дворянство, Кавелинъ и Жуковскій стали въ рядъ съ прочими, какъ здѣшніе дворяне; предводитель дворянства представлялъ ихъ обоихъ какъ помѣщиковъ. Забылъ тебѣ сказать, что мои ученики съ легкой руки моей уже пишутъ письма: оба и Николай Николаевичъ, и Михаилъ Николаевичъ писали къ моему Великому Князю, и мнѣ каждый прислалъ по поклону. Ве-

ликая Княжна Марія Николаевна весьма мило вспоминала меня особеннымъ поклономъ Симочкѣ *).

25.

Калуга 12-го Іюля 1837 года.

Князя Ливена мы уже болѣе не ждемъ, какъ я писалъ къ тебѣ, а полковникъ Веймарнъ съ полковникомъ генеральнаго штаба Яковлевымъ пріѣхали къ намъ для сопровожденія Великаго Князя во время обзора полей сраженія Отечественной войны 1812-го года; первый какъ читавшій Великому Князю исторію войны 1812 года, а второй какъ знающій мѣстность, которую снималъ на планъ. Оба они будутъ сопровождать насъ до Москвы и оттоль имѣютъ возвратиться обратно въ Петербургъ. Экипажъ свой они передадутъ мнѣ, данный имъ нарочно и вновь сдѣланный, на перемѣну моего, уже много пострадавшаго отъ ѣзды.

Забылъ сказать о пребываніи нашемъ въ Калугѣ; вотъ нѣсколько словъ. Вчера, т.-е 11-го числа, пріѣхали мы къ обѣду въ Калугу въ 5 часовъ, а въ 9-ть были на балѣ: это день имянинъ Великой Княжны Ольги Николаевны. Балъ по сравненію съ другими не блестящій, но весьма усердный; въ домѣ губернаторскомъ пристроена галерея для залы весьма порядочная и прекрасно была освѣщена; дворянство и купечество очень хлопотали показать себя хорошо. Общество дамъ не имѣетъ ничего, о чемъ бы заговориться особо. Великій Князь танцовалъ съ Донауровой (урожденная княжна Голицына, здѣсь временно съ мужемъ, пріѣхала изъ Петербурга); съ Охотниковой, женой кавалергардскаго офицера, только что женившагося въ Москвѣ (на родственницѣ здѣшняго предводителя дворянства, Емельяненко); съ Теличеевой, дочерью предсѣдателя уголовной палаты; съ Беринговой, также родственницей предводителя дворянства и графини Разумовской. Вотъ все, что замѣтилъ я. Охотникова будетъ нравиться въ Петербургѣ; она похожа на молодую невѣстку княгини Голицыной (Бабеты), рожденную графиню Апраксину, такъ называемую красавицу. На балѣ я видѣлъ гр. Витта, женатаго на Петрищевой, но графини не замѣтилъ. Жена предводителя и губернаторша Жуковская—патронессы бала.

Сегодня осматривали (послѣ представленій) артилерійскій паркъ съ миліонами ядеръ и бомбъ на берегу Оки (заведенія отличныя здѣсь по содержанію), выставку, на которой кромѣ хрусталя гр. Орлова ничего

---

*) Такъ звали въ царской семьѣ С. А. Юрьевича. П. Б.

не было примѣчательнаго. Наконецъ, послѣ обѣда, ѣздили въ мужской монастырь, были на двухъ здѣшнихъ гульбищахъ: въ городѣ и за городомъ на берегу Оки и для шутки заходили въ Калужскій театръ, гдѣ піеса и два актера на сценѣ умора. Вечеромъ разсматривали планы сраженій, которыя завтра увидимъ въ натурѣ.

26.

Смоленскъ, съ 16-го по 17-е Іюля 1837 года.

Хоть нѣсколько словъ тебѣ изъ Смоленска, чтобы не пропустить ни одного губернскаго города.

Вчера весь день по обыкновенію въ разъѣздахъ по предмету обзора примѣчательнаго въ городѣ, а тутъ прибавилось еще: обзоръ историческихъ мѣстъ (и древней и новѣйшей исторіи Смоленска) и въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ, гдѣ столько было пролито и крови непріятельской (въ старь Поляковъ и недавно Французовъ съ Поляками и двадесятью языкъ).

Сегодня же мы объѣздили верхомъ окрестности Смоленска съ картою въ рукахъ и съ тою же картою и планами сраженія подъ Краснымъ, ѣздили въ Красное и не пропустили ни одного пункта, гдѣ легло въ 1812 году (5-го и 6-го Ноября) до 12 т. ретирующихся изъ Москвы Французовъ.

Веймарнъ съ планами, Яковлевъ съ знаніемъ мѣстности и Campagne de 1812 par Ségur, съ нѣсколькими изъ старожиловъ, очевидцевъ-провожатыхъ, сопровождали насъ въ семъ интересномъ обозрѣніи достопамятныхъ мѣстъ.

Великій Князь съ жадностью изучалъ мѣстность, повторяя прочитанное имъ въ классахъ. Смоленскъ самый примѣчательный городъ въ историческомъ отношеніи во всемъ нашемъ доселѣ странствіи; мѣстоположеніе надъ Днѣпромъ величественно-живописно, на нѣсколькихъ одна другую превышающихъ высотахъ, которыя обогнуты древнею зубчатою стѣною (болѣе пяти верстъ въ окружности, постройка Годунова), съ церковью-соборомъ, такого великолѣпія въ архитектурѣ (внутренняго и внѣшняго), что Французы, все истреблявшіе, пощадили изъ уваженія сей храмъ.

Здѣсь образъ изъ Греціи, Божіей Матери Смоленскія, съ которой списокъ въ большомъ размѣрѣ сопровождалъ войска въ 1812 году изъ Смоленска въ Москву и нынѣ находится въ церкви надъ Днѣпровскими воротами; мы были въ обѣихъ церквахъ и поклонились симъ чтимымъ святымъ иконамъ.

27.

Калуга, съ 20 по 21 Іюля 1837 года.

Сегодня въ 5 часовъ пріѣхали мы въ Калугу, и послѣ обѣда ѣздили въ имѣніе Полторацкаго въ 16 верстахъ отъ города, извѣстное издавна Англійскою методою сельскаго хозяйства. Великій Князь со своей свитой ѣздилъ по полямъ для обозрѣнія обработыванія ихъ по сей методѣ; осматривалъ со вниманіемъ всѣ земледѣльческія орудія, молотьбу на машинѣ, вѣяніе хлѣба посредствомъ машины и самъ пробовалъ пахать Англійскимъ приспособленнымъ къ нашей почвѣ плугомъ. Хозяинъ сего имѣнія Полторацкій *) женатъ на Киндяковой (сестрѣ m-me Пашковъ, твоей давней знакомки), показывалъ всѣ подробности своего хозяйства, устроеннаго отцомъ его, при коемъ уже оно было извѣстно до того, что покойный императоръ Александръ и нынѣ царствующій Государь были въ его дачахъ изъ любопытства.

Эта дача называется Овчурино. Великій Князь посѣтилъ на минуту домъ хозяина, лежащій на живописномъ берегу Оки. Сегодня мы были также мимоходомъ на дачѣ Калужскаго губернскаго предводителя дворянства Емельяненко, гдѣ завтракали. Емельяненко женатъ на Охотниковой; ея мать сестра графини Разумовской, которая просила меня познакомиться съ ними, и по просьбѣ ея Великій Князь заѣхалъ къ нимъ.

Въ Бѣлевѣ Великій Князь посѣтилъ домъ, нѣкогда принадлежавшій нашему В. А. Жуковскому и тѣмъ восхитилъ до безконечности и прежняго, и новаго его владѣльца, протоколиста Емельянова, который былъ изумленъ симъ неожиданнымъ для него визитомъ и въ память этого получилъ отъ Великаго Князя подарокъ. А въ домѣ, гдѣ скончалась императрица Елисавета, отслужили панихиду.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Великому Князю, Государь говоритъ, какой ужасной опасности подвергался при опытахъ, производимыхъ ген.-ад. Шильдеромъ, воспламененія минъ по его методѣ. Нѣсколько человѣкъ вблизи Государя были ранены, и только Промыслъ Божій спасъ Государя. Мы ужаснулись сей вѣсти и благодарили Бога, что такъ кончилось. Шильдеру конечно болѣе не продолжать своего сумасбродства. Въ Москву мы пріѣдемъ 23-го числа и имѣемъ позволеніе дождаться тамъ пріѣзда Императрицы; маршрутъ нашъ утвержденъ, о которомъ писалъ я къ тебѣ.

---

*) Сергѣй Дмитріевичъ, извѣстный библіофилъ.

28.

Село Бородино, въ 10 в. отъ Можайска, 22-е Іюля 1837 г.

Нѣсколько словъ хочу написать тебѣ, добрый другъ мой, изъ Бородина, гдѣ мы препорядочно устали, объѣзжая верхомъ съ 5-ти до 9-ти часовъ, театръ достопамятной битвы (combat des géants) въ 1812 году. Это незабвенная могила болѣе 70 т. храбрыхъ (по ровну съ обѣихъ сторонъ) и могила славолюбивыхъ, безграничныхъ замысловъ Наполеона.

Мой милый Великій Князь входитъ въ мое настоящее положеніе. Онъ говоритъ: «Вотъ бы изъ Москвы можно успѣть съѣздить къ себѣ»: но этихъ словъ его для сего недостаточно. Тутъ нужно высшее соизволеніе, невыпрошенное; а я не могу, не смѣю и не хочу просить о томъ. Ты сама знаешь, что мнѣ нельзя приступить къ тому, хотя дѣйствительно можно бы успѣть. А. А. Кавелинъ съ своей стороны не совѣтуетъ по опытности, говоря о минутѣ свиданія и часѣ разлуки; онъ имѣетъ резонъ во всѣхъ отношеніяхъ.

29.

Москва, 24-го Іюля 1837 г.

Вчера, или лучше, вѣрнѣе сказать, сегодня, въ первомъ часу ночи, благодаря Бога, мы благополучно прибыли въ Москву, совершивъ болѣе десяти тысячъ трехъ сотъ верстъ со 2-го Мая по 24 Іюля.

Великій Князь по волѣ родительской занялъ въ Николаевскомъ (Чудовомъ) дворцѣ въ Кремлѣ квартиру Государя и провелъ ночь въ той комнатѣ, въ которой провелъ первую ночь своей жизни; я по обыкновенію возлѣ него расположился на томъ диванѣ, который занимала его кормилица. Мы тутъ остаемся до пріѣзда Императрицы, 3-го Августа. Великій Князь остается въ Москвѣ по 9-е Августа, день отъѣзда Государыни въ Воронежъ. Сегодня въ 10 часовъ, по обычаю и велѣнію родительскому, Великій Князь отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ трогательною рѣчью митрополита Филарета (я посылаю тебѣ ее), оттоль въ Благовѣщенскій и Архангельскій, а оттуда въ Грановитую Палату и во дворецъ чрезъ Красное крыльцо, по обыкновенію въ Москвѣ, чрезъ тьму толпящагося народа, при неумолкаемыхъ крикахъ ура! (Врученный мнѣ Великимъ Княземъ въ Успенскомъ соборѣ образъ, благословеніе митрополита, помогъ мнѣ слѣдовать за Великимъ Княземъ черезъ непроницаемую толпу). Изъ дворца Великій Князь, по осмотрѣ примѣчательныхъ въ немъ по-

коевъ и вновь отдѣланнаго отлично, на древній Русскій манеръ, терема, поѣхалъ къ генералъ-губернатору съ визитомъ, а оттуда къ разводу на Кремлевскую площадь. Передъ обѣдомъ Великій Князь ѣздилъ съ генералъ-губернаторомъ по городу и въ четыре часа обѣдалъ у него съ своею свитой и съ избранными изъ Московской знати. Въ семь часовъ мы ѣздили въ кадетскій лагерь, подъ Коломенскимъ селомъ, откуда возвратились въ десять часовъ вечера. Великій Князь, простившись съ княземъ Д. В. Голицынымъ, откушавъ чай, принялся писать къ родителямъ: а я, окончивъ служебныя мои дѣла, т.-е. нѣкоторыя дѣловыя приготовивъ бумаги, также за вчерашній начатый листокъ. Вотъ нашъ дебютъ въ Москвѣ. Завтра поутру, послѣ обѣдни, представленія, разводъ, выставка, большой обѣдъ, вечеромъ спектакль въ Большомъ театрѣ («Аскольдова Могила»), а послѣ завтра представленія, разводъ, обѣдъ большой, посѣщеніе какихъ-либо примѣчательностей, балъ; послѣ-завтра и такъ далѣе подобная же продѣлка. Вотъ нашъ отдыхъ въ Москвѣ. Нѣтъ, Москва не порадовала меня по ожиданію. Я летѣлъ въ нее, полагая быть встрѣченнымъ кипою писемъ твоихъ; но вотъ цѣлые сутки въ Москвѣ, а фельдъегеря нѣтъ, какъ нѣтъ изъ Петербурга. Мы всѣ, то и дѣло, что объясняемъ себѣ причину, отчего нѣтъ фельдъегеря уже шесть сутокъ, чего не случалось съ нами и въ отдаленной Сибири. Говорятъ, гвардія на маневрахъ—вотъ единственная причина, какую мы можемъ принять не въ утѣшеніе, но въ объясненіе неутѣшительное для всѣхъ насъ, начиная съ Великаго Князя, который также непремѣнно полагалъ быть встрѣченнымъ въ Москвѣ радостными письмами отъ родителей. Вчерашній въѣздъ нашъ въ Москву спящую (ни плошки, ни живаго человѣка на улицахъ не встрѣтили мы во весь проѣздъ до дворца, къ чему мы не привыкли въ нашемъ торжественномъ шествіи) былъ какъ бы предвѣстникомъ, что не получимъ ожидаемыхъ вѣстей по нетерпѣливому желанію нашему; сегодняшнія горящія плошки авось хоть къ утру развеселятъ насъ. Но я менѣе другихъ имѣю право сѣтовать въ семъ отношеніи: я имѣлъ о тебѣ почти самыя свѣжія вѣсти, по крайней мѣрѣ новѣйшія, нежели послѣднія письма твои, отъ 11-го Іюля. Ты отгадала, я полагаю, черезъ кого? Екатерина Сергѣевна *), душевное ей спасибо, пріѣхавъ въ окрестностяхъ Можайска къ Леоновымъ, узнала, что мы въ Бородинѣ проводимъ 22 и 23-е числа, прискакала въ Бородино рано поутру 23-го числа; я только что со сна продиралъ глаза, какъ мнѣ доложили о ней. Я полагалъ, что это какая-нибудь родственница ея, новая родня, желающая познакомиться

---

*) Вдова полковника Купфера, рожденная Слѣпцова, тётка супруги С. А. Юрьевича.

со мною на пути. («Еще тетушка!» сказалъ Великій Князь, узнавъ, что меня спрашиваетъ дама; «а вы говорили, что уже выѣхали изъ раіона своихъ тетушекъ.») Vraiment s'était excessivement aimable de sa part de venir me voir, pour me donner de tes nouvelles. Я провелъ съ ней время до трехъ часовъ—минуты нашего выѣзда изъ Бородина. О пребываніи нашемъ въ Бородинѣ и особенно о посѣщеніи Спасской пустыни (родъ женскаго монастыря), основанной М. М. Тучковой (рожденная Нарышкина), на мѣстѣ, гдѣ убитъ мужъ ея въ 1812 году, гдѣ въ церкви Великій Князь служилъ панихиду по убіеннымъ, Катерина Сергѣевна, какъ очевидецъ, обѣщала сообщить тебѣ; а мнѣ теперь некогда болѣе входить въ подробности, впрочемъ преинтересныя. Тучкова—жена и мать достойная уваженія. Фельдъегерь, вручающій письмо сіе, есть тотъ, который сопровождалъ Его Высочество во всю дорогу; я ему выхлопоталъ позволеніе обнять его жену въ Петербургѣ и завидую ему. Онъ тебѣ лично разскажетъ обо мнѣ.

30.

Москва, 27 Іюля 1837 года.

Московскіе пиры, прогулки, разнаго рода представленія и увеселенія и разнаго рода обозрѣнія и посѣщенія примѣчательностей города, при нестерпимомъ жарѣ, до 28-ми градусовъ (въ тѣни), уходили насъ въ три дни пребыванія нашего въ Москвѣ такъ, что поистинѣ, въ три мѣсяца нашего странствія мы не чувствовали такой усталости.

28-е Іюля.

Посланный изъ Москвы фельдъегерь, съ первыми изъ Москвы письмами, имѣетъ порученіе лично тебя видѣть и разсказать тебѣ о нашемъ путешествіи; онъ все время былъ въ свитѣ Великаго Князя. Я писалъ къ тебѣ, что завидую ему: ему можно было поѣхать для свиданія съ своимъ семействомъ, мнѣ же никакъ нельзя. Князь Ливенъ измѣнилъ намъ. А. А. Кавелинъ, имѣя здѣсь много родныхъ, часто долженъ отлучаться; я остаюсь прикованнымъ и доселѣ. Вотъ сегодня пятый день нашего пребыванія въ Москвѣ; а я, по совѣсти, не имѣлъ еще ни секунды времени, чтобы выѣхать изъ дворца по собственной надобности; не могъ видѣть лицъ, пріѣзжавшихъ ко мнѣ по нѣскольку разъ не съ простыми визитами (я даю имъ rendez-vous за зваными обѣдами, въ спектакляхъ, на балахъ) не могъ выполнить желанія маменьки—посмотрѣть на ея домъ; вдовѣ, генеральшѣ Тучковой, нѣсколько разъ писавшей ко мнѣ, чтобы назначить часъ для ея пріема, указалъ часъ посѣщенія нашего Чудова монастыря. Вчера,

при посѣщеніи нашемъ Донскаго монастыря съ митрополитомъ Филаретомъ, я воспользовался случаемъ, чтобы отъискать гробъ незабвеннаго, добраго твоего родителя. Я познакомился съ настоятелемъ монастыря и просилъ его отслужить надъ гробомъ панихиду, не имѣя времени лично самъ присутствовать при томъ. Посылаю тебѣ обѣщанную рѣчь, говоренную митрополитомъ при входѣ Великаго Князя въ Успенскій соборъ; при ней найдешь описаніе пребыванія нашего на поляхъ Бородина и прекрасную статью о прибытіи Великаго Князя въ Москву. Я прочелъ ее ему.

Сегодня едва ли не послѣдній фельдъегерь, отправляемый прямо отъ насъ въ Петербургъ; впредъ они будутъ посылаться въ мѣсто пребыванія Государя и оттоль уже въ Петербургъ.

Посылаю для свѣдѣнія твоего маршрутъ Великаго Князя изъ Москвы до Вознесенска, Государевъ *) и Императрицы. Изъ нихъ ты усмотришь, что первое соединеніе наше съ Ихъ Величествами будетъ въ Вознесенскѣ, а потомъ съ Государемъ въ Новочеркаскѣ 17-го Октября. Путешествіе по Крыму, предполагаемъ, будетъ вмѣстѣ до Одессы, а потомъ снова разлучимся; во время поѣздки Государя въ Грузію и за Кавказъ, мы полагаемъ странствовать по Юго-Западной Россіи, но доселѣ еще не имѣемъ утвержденнаго маршрута по этимъ краямъ. Я пришлю тебѣ копію, коль скоро получимъ сей маршрутъ. Изъ Новочеркаска путь нашъ будетъ прямо въ Петербургъ, если Московскіе слухи о пребываніи двора въ Москвѣ до Декабря несправедливы. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, если не я къ тебѣ, то уже ты ко мнѣ пріѣзжай непремѣнно. На вчерашнемъ дворянскомъ балѣ Великій Князь танцовалъ съ дочерью оберъ-шталмейстера Муханова, съ дочерью графа Гудовича, съ падчерицей его графиней Мантейфель и съ графиней Кутайсовой, урожд. княжной Урусовой.

31.

Москва, 1-го Августа 1837 г.

Вчера наши вечернія забавы кончились великолѣпнымъ баломъ у князя Д. В. Голицына. Постъ наступилъ, и слава Богу! Сегодня мы почти заключили наши странствія по городу, а завтра заключимъ загородныя. Послѣ завтра вступаемъ въ сферу Императрицы, и наше время отъ нея будетъ зависить.

*) „Маршрутъ Его Императорскаго Величества отъ Санктпетербурга до Новочеркасска. Спб. 1837". Рѣдкая книжка въ малую 8-ку, 23 стр., съ 1-го Августа по 17-е Октября, на Вильну, Черниговъ, Кіевъ и т. д. и остановкою съ 23 Августа по 2 Сентября въ Вознесенскѣ, гдѣ происходили знаменитые пугавшіе Европу маневры. П. Б.

32.

Москва, 3-е Августа 1837 г.

Я вовсе не полагалъ, что буду имѣть случай писать къ тебѣ еще разъ съ фельдъегеремъ. Онъ зашелъ ко мнѣ за письмомъ, и вотъ нѣсколько словъ къ тебѣ, другъ мой, на скорую руку.

Государыня Императрица пріѣхала въ Москву сегодня въ 6-ть часовъ по полудни и передала мнѣ поклонъ твой, сказавъ, что видѣла тебя при самомъ отъѣздѣ и что ты здорова. Ю. Ѳ. Баранова сообщила мнѣ подробнѣйшія о тебѣ извѣстія съ письмомъ отъ тебя. Императрица послѣ завтра переѣзжаетъ на свою дачу (Александрія) и насъ съ собой перевозитъ. Она была въ моей квартирѣ (бывшей Великаго Князя) и тутъ объявила, что по возвращеніи изъ Одессы пробудетъ въ Москвѣ по 6-е Декабря, что̀ ты, кажется, уже знаешь.

33.

Владиміръ на Клязьмѣ, 10-е Августа 1837 г.

Вчера въ 11-мъ часу мы едва добрались до Владиміра; дорога премерзкая и сверхъ того отъ старой деревянной мостовой претрясская во многихъ мѣстахъ. Дождь лилъ почти безпрерывно вчера и сегодня до полудня во Владимирѣ.

Владиміръ старинный городъ, много примѣчательныхъ историческихъ древностей и святыхъ мощей въ храмахъ. Тутъ гробъ Святаго Александра Невскаго (мощи его перенесены при Петрѣ Великомъ въ Петербургъ); такъ называемыя Золотые Ворота, построенные при Андреѣ Боголюбскомъ сохранились въ цѣлости; нѣсколько церквей съ XI-го и XII-го столѣтія.

Поутру, по обыкновенію, Великій Князь принималъ дворянство и купечество, былъ въ соборѣ и другихъ замѣчательныхъ церквахъ, въ двухъ монастыряхъ, въ гимназіи, въ заведеніяхъ богоугодныхъ и на выставкѣ, богатой мануфактурными издѣліями, большею частью состоящей изъ полотенъ, бумажныхъ матерій, ситцевъ, полубархату, кисеи и тому подобнаго. Обѣдъ по обыкновенію былъ съ гостями, а послѣ обѣда въ 8-мь часовъ были мы въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ дворянство угощало Великаго Князя чаемъ и фруктами, гдѣ грустныя Владимирскія барыни и барышни, выстроившись рядышкомъ, должны были довольствоваться только лицезрѣніемъ своего Гостя: неумѣстный постъ лишилъ ихъ удовольствія похвастать, что онѣ танцовали съ

Его Высочествомъ. Въ томъ же домѣ, гдѣ выставка была, было и вечернее собраніе: странное соединеніе живой и матеріальной выставки. Владимирская губернія богата; но городъ Владимиръ бѣденъ, и такъ, что бѣднѣе многихъ видѣнныхъ нами уѣздныхъ городовъ этой губерніи. Завтра въ 4 часа мы отправляемся въ Нижній, чтобы, если возможно, туда завтра же добраться.

34.

Нижній Новгородъ, 13-го Августа 1837 г.

Я писалъ къ тебѣ изъ Владимира съ фельдъегеремъ, теперь пишу по почтѣ черезъ стараго моего сослуживца, почтъ-инспектора. Я увѣренъ, что письмо это также скоро принесетъ тебѣ вѣсточку обо мнѣ изъ Нижняго, куда мы дотянулись насилу, вчера по утру въ 5-ть часовъ, ѣхавъ день и ночь изъ Владимира подъ дождемъ и по испорченой дорогѣ. Въ Нижнемъ дождь также не переставалъ и день и ночь досаждать намъ. Ужъ куда какъ не во время совсѣмъ испорченъ народный праздникъ, такъ сказать, цѣлой Россіи. (Тутъ конечно есть представители всѣхъ классовъ и всѣхъ поколѣній Русскаго царства, на ярмаркѣ, на лицо). Вчера подъ дождемъ ѣздили мы по рядамъ ярмарочнаго гостинаго двора; подъ дождемъ выѣзжали на вечеръ къ губернаторшѣ Бутурлиной (урожд. княжнѣ Шаховской); сегодня подъ проливнымъ дождемъ ѣздили осматривать богоугодныя заведенія, гимназію, соборъ, новыя гигантскія земляныя работы (производившіяся для отдѣлки набережной Волги въ городѣ) и только маленькій имѣли отдыхъ отъ дождя во время смотра здѣшняго 4-го учебнаго карабинернаго полка и вечеромъ, когда отправились на вечеръ въ дворянское собраніе. Вечеръ безъ танцевъ, особенно въ незнакомомъ обществѣ, это неодушевленное тѣло, хотя можетъ быть физически и прекрасное. Таковъ сегодняшній вечеръ дворянскаго собранія; вчера былъ тоже и еще болѣе gênant. Общество здѣсь и не большое, и ничѣмъ особымъ себя не отличающее. Удивительно, что даже и ярмарочный съѣздъ не сдѣлалъ его блистательнымъ. Зала дворянства небольшая, но очень хороша; въ ней каждую недѣлю зимой собираются потанцовать, но говорятъ, собирающихся не много; у губернатора же раза два въ зиму; вотъ все объ увеселеніяхъ Нижняго вообще, и теперь, при насъ, и сказать болѣе нечего кромѣ сказаннаго. Не умѣю никого указать изъ общества, развѣ генеральшу Тришатную съ дочкой уже подросшею и съ будущими правами на вниманіе молодежи. Губернаторша—бойкая дама, но уже не молодая. Виноватъ, слона-то и не примѣтилъ: здѣсь красуется предъ всѣми и доселѣ еще прекрасная

бывшая фрейлина Эйлеръ, теперь Зубова, жена прежняго гусара, нынѣ камергера, директора ярмарки. Это старинное мое знакомство въ домѣ Сары Николаевны Мердеръ. Я говорю объ Эйлеръ.

Объ ярмаркѣ скажу только то, что я черезъ-чуръ уже высокую идею имѣлъ о ней прежде. Можетъ быть, дождь и слякоть отняли у нея весь эффектъ. Гостиный дворъ наполненъ почти все купцами Московскими и ихъ товарами; Петербургскихъ мало. Модныя лавки доминируютъ Ярославскія, другихъ я даже не замѣтилъ.

Простаго чернаго народа тьма (однако же не тьма тьмущая), который, не смотря на грязь по колѣно, бѣжитъ и кричитъ вслѣдъ повсюду свое усердное Русское ура! Народу средняго, а тѣмъ паче такъ-называемаго высшаго, мы даже не встрѣчали нигдѣ кромѣ собранія. Изъ насъ никто ничего не купилъ въ Нижнемъ; да намъ Московско-Петербургскимъ жителямъ не приходится здѣсь покупать: у насъ товары здѣшніе дома. Великій Князь купилъ только двѣ шали Турецкія за 9½ т. р. у Бухарцевъ, да нѣсколько серебряныхъ вещей, которыя, т.-е. послѣднія, раздарилъ намъ на память.

35.

Рязань, 16 Августа 1837.

Я писалъ къ тебѣ изъ Владимира, изъ Нижняго; теперь пишу изъ Рязани чрезъ Віельгорскаго, который завтра возвращается въ Москву съ тѣмъ, чтобы оттоль отправиться въ Петербургъ и серіозно пользоваться отъ ревматизма. Онъ не можетъ по причинѣ сей слѣдовать далѣе за Великимъ Княземъ. Жаль намъ, поистинѣ жаль его вдвойнѣ и за него, и за Великаго Князя, которому бы пригодился онъ со временемъ своими свѣдѣніями, имъ собираемыми. Кажется, Віельгорскому придется ѣхать за границу въ теплый климатъ. Въ Рязани намъ погода благопріятствовала; дождя не было, и отъ того на все веселѣе глядѣлось. Впрочемъ Рязанцы съ необыкновеннымъ Русскимъ радушіемъ радуются своему Гостю; это радушіе видно во всемъ: и въ ихъ илюминаціи, и въ выставкѣ, и въ приготовленномъ праздникѣ, и въ крикѣ народнаго ура, и наконецъ въ пожертвованіи дворянства: составить капиталъ для учрежденія учебнаго заведенія на сто малолѣтнихъ бѣдныхъ дворянъ, въ ознаменованіе прибытія въ Рязань Великаго Князя.

Предводитель дворянства, полковникъ Рѣдькинъ, просилъ Его Высочество украсить заведеніе сіе своимъ именемъ; но Великій Князь

принимая усердіе дворянства, отклонилъ сіе последнее предложеніе и совѣтовалъ обратиться къ Императрицѣ, чтобы она дозволила заведеніе именоваться ея именемъ, ибо она предшествовала ему своимъ посѣщеніемъ Рязани. Балъ Рязанскій хоть куда, по дамскому обществу напомнилъ Пензу: такъ много молоденькихъ, хорошенькихъ лицъ.

Великій Князь танцовалъ съ губернаторшей Прокоповичъ-Антонской и съ ея сестрою; съ Масловой, Кутыкиной (обѣ хорошенькія) и съ здѣшней помѣщицей, фрейлиной Кикиной, недавно сюда пріѣхавшей. Еще одна молоденькая Казначеева отличалась на балѣ. Балъ былъ данъ въ загородномъ прекрасномъ домѣ Рюмина, а въ городскомъ мы помѣщаемся. Вотъ тебѣ обычный мой рапортъ о балѣ.

36.

Тула, 17 Августа 1837.

Мы пріѣхали въ Тулу на свѣжіе слѣды Великой Княгини Елены Павловны, которая вчера была здѣсь въ Тулѣ на балѣ, а сегодня поутру отправилась въ Орелъ, чтобы предупредить насъ и не сдѣлать задержки въ лошадяхъ. Спасибо ей большое: намъ бы лишнія хлопоты были по необходимости при встрѣчѣ съ нею. Сегодня обошлись безъ дождя, и дорога была суше и лучше; мы хорошо доѣхали до Тулы.

37.

Орелъ, 19 Августа 1837.

Сейчасъ съ бала, отличнаго по прекрасной залѣ и по прекрасному обществу дамъ, коего патронессою была предводительша, жена Шереметева, кажется Юлія Васильевна, бывшая фрейлина, сестра Обрѣзковой. Великій Князь танцовалъ съ дочерью графа Сиверса, дивизіоннаго командира, съ женами двухъ отставныхъ полковниковъ: барона Сакена и Казакова, съ женою дворянина Клушина, съ дочерью помѣщика графа Толстаго и съ двумя дѣвицами Хитровыми. Орелъ не уступаетъ Рязани и по обществу дворянства, и по усердію; жаль только, что его затѣямъ погода не благопріятствовала: предполагалось гулянье; дождь лилъ во весь день ливмя и только пощадилъ насъ во время торжественной закладки кадетскаго корпуса Бахтина и смотра кавалерійской дивизіи, а во время осмотра разныхъ заведеній перемочилъ насъ порядкомъ.

Выставка въ Орлѣ болѣе составлена изъ первыхъ, коренныхъ простыхъ произведеній земли и промышленности. Вотъ тебѣ краткій

обзоръ сегодняшняго дня нашего, проведеннаго въ Орлѣ, куда мы прибыли вчера въ девять часовъ вечера при блескѣ прекрасной илюминаціи, при безчисленномъ множествѣ народа. Намъ еще предстоитъ одинъ губернскій балъ: въ Курскѣ, откуда мы должны летѣть безъ оглядки чрезъ Харьковъ и Полтаву, останавливаясь только для ночлега, чтобы 24-го быть въ Вознесенскѣ. Сегодня на балѣ Кавелину сдѣлалось дурно, и онъ ранѣе уѣхалъ съ бала, почему съ Великимъ Княземъ я возвращался съ бала. Мы нашли, что А. А., напившись чаю, отдохнулъ и ему лучше; стало-быть ничего опаснаго нѣтъ, и докторъ нашъ говоритъ, что это отъ сегодняшней погоды, которая черезъ-чуръ несносна. Завтра мы будемъ въ Курскѣ, оттуда тоже буду писать къ тебѣ.

38.

Курскъ, 21 Августа 1837.

Пользуюсь случаемъ написать къ тебѣ нѣсколько словъ изъ Курска съ фельдъегеремъ, пріѣхавшимъ съ письмами къ Его Высочеству отъ Императрицы и ѣдущимъ черезъ Москву въ Петербургъ. Фельдъегерь отъѣзжаетъ, да и я тороплюсь къ выходу Великаго Князя на пріемъ Курскаго дворянства и купечества. Вчера въ 9 часовъ вечера мы пріѣхали благополучно въ Курскъ. Погода сегодня прелесть какъ хороша и тепла послѣ несносныхъ дождей и сыраго холода, подѣйствовавшаго на Кавелина такъ, что онъ снова захирѣлъ, почему мое дѣло было ѣздить съ Великимъ Княземъ и на прекрасную илюминацію въ городской садъ, гдѣ купечество угощало его фруктами (стеченіе народа необыкновенное, такъ что нашего Адлерберга порядочно подавили, и онъ не могъ быть на балѣ), и на балѣ дворянства, очень миломъ и блестящемъ. M-elle Дука была первая танцовавшая съ Великимъ Княземъ контрдансъ; m-me Хрущова вторая, потомъ княгиня Шаховская, потомъ m-me Хорватъ. Это нашъ заключительный балъ. Мы имѣемъ извѣстія отъ Великой Княжны *), что Императрица была тамъ также довольна баломъ. Вотъ тебѣ послѣдній бюллетень (можетъ быть) о балахъ нашихъ. Мы еще не знаемъ, куда насъ пошлютъ изъ Крыма и Одессы. На балѣ были патронессами m-me Дука и m-me Солнцева, предводительша дворянства; маленькая какая-то Пожидаева была милѣе всѣхъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Маріи Николаевны. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

VI *).

Сунгуровское тайное общество.

Гуровъ и Сунгуровъ.—Недовольство студентовъ.—Приглашеніе къ вступленію въ тайное общество.—Полковникъ Козловъ.—Мое сомнѣніе.—Топорнинъ, Кольрейфъ и Кноблохъ.—Кошевскій.—Сходка въ квартирѣ Кноблоха.—Каникулы въ деревнѣ у Рахманова.

Съ грустью приступаю къ воспоминанію о томъ событіи, которое въ свое время надѣлало много шуму въ Москвѣ и которое имѣло роковое значеніе въ моей жизни.

Вскорѣ послѣ Маловской исторіи появился на лекціяхъ нашего факультера, въ родѣ вольнаго слушателя, нѣкто Өедоръ Гуровъ, будто бы побочный братъ проживавшаго въ Москвѣ помѣщика Тамбовской губерніи Сунгурова. Онъ былъ лѣтъ двадцати пяти, съ большими сѣрыми глазами, блондинъ и небольшаго роста, большой весельчакъ, шутникъ до сквернословія, и пописывалъ стишки самаго вольнаго содержанія. Сначала онъ познакомился на лекціяхъ съ товарищемъ моимъ по гимназіи Полоникомъ, который потомъ познакомилъ и меня съ нимъ и, послѣ нѣсколькихъ свиданій на лекціяхъ, Гуровъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Мы пошли къ нему вмѣстѣ съ Полоникомъ, который уже бывалъ у него прежде, и Гуровъ познакомилъ меня съ своимъ братомъ Сунгуровымъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Кузнецкомъ мосту. Сунгуровъ былъ мущина лѣтъ тридцати, маленькаго роста, блондинъ, съ быстрыми, вѣчно бѣгающими глазами, закрытыми золотыми очками. Онъ имѣлъ жену, женщину еще молодую, но простую и необразованную, кажется, бывшую его крестьянку, и двухъ малютокъ мальчиковъ. Квартира у него была большая, хорошо меблированная; жилъ онъ очень прилично, имѣлъ хорошій столъ, экипажъ, прислугу, всю обстановку, обнаруживавшую въ немъ богатаго и порядочнаго

*) См. выше, первую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 99, 229 и 321.

человѣка, которая, въ глазахъ неопытнаго и мало знающаго свѣтъ юноши, придавала ему особенную важность и значительность.

Тотъ же Полоникъ познакомилъ съ Гуровымъ и Антоновича [1]), который также былъ введенъ имъ въ домъ Сунгурова. Сунгуровъ принималъ насъ очень хорошо, былъ съ нами очень любезенъ, познакомилъ съ своей женой, за которой Антоновичъ тотчасъ же началъ ухаживать, просилъ бывать у него почаще и запроста, и мы, разумѣется, очень рады были такому знакомству, гдѣ всегда можно было провести пріятно время, и стали посѣщать его, то вмѣстѣ всѣ трое, то есть, я, Антоновичъ и Полоникъ, то по одиночкѣ, какъ случится. Кромѣ насъ, посѣщали еще Сунгурова: полковникъ Козловъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ орденами на шеѣ, тоже Тамбовскій помѣщикъ и человѣкъ очень образованный; офицеръ изъ Польской арміи поручикъ Сѣдлецкій и нѣсколько другихъ разнаго званія лицъ. Иногда я встрѣчалъ въ его домѣ и бывшаго тогда Московскаго оберъ-полицеймейстера Муханова, съ которымъ, какъ мнѣ казалось, Сунгуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Во время нашихъ посѣщеній, а особливо вечернихъ, Сунгуровъ, а особливо Гуровъ, часто заводили съ нами разговоры о деспотизмѣ, о взяточничествѣ нашего чиновничества, о казнокрадствѣ даже министровъ, ихъ глупости и подлости, о бѣдствіяхъ народа, несправедливости судей и прочихъ возмутительныхъ предметахъ. При этомъ, въ особенности Гуровъ отличался своими неистовыми выходками противъ правительсва и царской фамиліи, читалъ на счетъ ихъ своего сочиненія стихи, разсказывалъ про нихъ самыя скандальныя исторіи, и проч. и мы, разумѣется, согласны были почти со всѣми этими мыслями. Не говоря уже о томъ, что недостатки и злоупотребленія тогдашняго нашего правительства были слишкомъ очевидны для каждаго, сколько нибудь образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе для студентовъ, знакомыхъ уже достаточно съ образомъ правленія другихъ государствъ, личныя дѣйствія правительства въ отношеніи студентовъ тоже сильно насъ раздражали. Еще было въ свѣжей памяти студентовъ, какъ поступилъ покойный Государь съ даровитымъ и ни въ чемъ неповиннымъ [2]) Полежаевымъ; къ тому же Государь никогда не посѣщалъ университета, и между нами было убѣжденіе, что онъ насъ ненавидитъ. Говорили, что онъ считаетъ студентовъ бунтовщиками и даже не ѣздитъ мимо университета. Въ это же время, т. е. въ 1837 году, началась Польская революція. Погодину, который въ этомъ году началъ было читать

[1]) Платона Александровича, бывшаго въ слѣдующее царствованіе попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. П. Б.

[2]) ? П. Б.

лекціи Польской исторіи, было запрещено читать ихъ. Безъ всякаго сомнѣнія, лекціи Погодина раскрыли бы намъ всю истину отношеній Россіи къ Польшѣ, все коварство Поляковъ, всю ихъ ненависть къ Россіи и къ Русской вѣрѣ, и показали бы необходимость и справедливость тогдашней войны съ ними. Но запрещеніе чтенія такихъ лекцій студенты приняли за боязнь, чтобы не обнаружились жестокости противъ Поляковъ, и поэтому студенты, зная только поверхностно эту исторію и руководясь, то состраданіемъ къ угнетеннымъ, то внушеніями товарищей Поляковъ и Нѣмцевъ, считали войну эту несправедливою, варварскою и жестокою: въ Полякахъ видѣли страдальцевъ за родину, а въ правительствѣ нашемъ—жестокихъ тирановъ, деспотовъ.

Къ тому же, разныя несправедливости и нелѣпости собственнаго нашего учебнаго начальства мы приписывали тоже деспотизму. Уже одно то, что мы почти не имѣли сколько нибудь порядочныхъ профессоровъ, а все такія личности, какъ я уже описалъ ихъ, которыя, при всей своей негодности, получали однакожъ чины и ордена; потомъ, и образъ дѣйствія самаго университетскаго начальства, которое болѣе обращало вниманія на посѣщеніе студентами лекцій и ихъ скромность, нежели на знанія, и часто отдавало предпочтеніе малознающему, но скромному и посѣщающему всегда лекціи студенту предъ истиннознающимъ, давая первымъ степень кандидата—все это не могло внушить въ насъ уваженія къ нашему министерству. А тутъ еще постигла насъ самая вопіющая въ отношеніи насъ несправедливость! По случаю бывшей въ Москвѣ холеры, какъ я уже говорилъ выше, университетъ былъ закрытъ два мѣсяца. При хорошихъ профессорахъ такой пропускъ лекцій, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы значительное вліяніе на недостаточность нашихъ знаній; но при такомъ составѣ ихъ, какимъ онъ былъ тогда, непрочтеніе ими нѣсколькихъ своихъ глупыхъ лекцій, вмѣсто которыхъ хорошій студентъ прочелъ нѣсколько хорошихъ авторовъ по тѣмъ предметамъ—рѣшительно нисколько не могло уменьшить объема нашихъ знаній. Но когда, по окончаніи трехгодичнаго испытанія студентовъ, сдѣлано было университетскимъ совѣтомъ представленіе министру о томъ, какъ поступить съ тѣми студентами, которые, хотя по экзаменамъ и оказались достойными къ награжденію учеными степенями, но по случаю холеры два мѣсяца не посѣщали лекцій, то министръ велѣлъ оставить всѣхъ такихъ студентовъ еще на одинъ годъ въ университетѣ, въ какой категоріи находился и я! Это уже была личная и жестокая для насъ обида отъ правительства. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ нетерпѣніемъ студентъ, проведя лѣтъ двѣнадцать надъ скучнымъ ученіемъ, ожидаетъ окончанія своихъ мученій и скорѣйшаго вступленія въ манящую его новую жизнь, въ новую дѣятельность. И

вдругъ разбить всѣ мечты его и оставить еще на годъ сидѣть надъ глупыми лекціями, въ безполезности которыхъ для его образованія онъ убѣжденъ, и такимъ образомъ совершенно потерять годъ самой лучшей, самой энергической жизни! Поэтому, недовольство студентовъ на правительство было сильное, и оно могло вызвать ихъ на всякаго рода противуборство, и мы, разумѣется, охотно слушали всякія нападки на него Сунгурова и Гурова.

Когда уже мы довольно коротко познакомились съ Сунгуровымъ и Гуровымъ, они начали намъ по секрету разсказывать, что бывшее прежде въ Россіи тайное общество, имѣвшее цѣлію ввести въ ней конституціонный образъ правленія, не совсѣмъ уничтожено въ 1826 году, что оно и теперь существуетъ, очень усилилось и, быть можетъ, скоро начнетъ дѣйствовать, что они состоятъ членами этого общества, и поэтому приглашали и насъ принять участіе въ этотъ важномъ дѣлѣ.... Не говоря уже о накипѣвшемъ во мнѣ недовольствѣ противъ правительства и желаніи моемъ всѣми силами содѣйствовать къ его измѣненію, идея участвовать въ тайномъ обществѣ сильно меня интересовала. Я уже и самъ стремился къ образованію общества между студентами, хотя, положимъ, и съ другою цѣлію; общество Нѣмецкихъ студентовъ тоже порождало во мнѣ желаніе участвовать въ какомъ либо тайномъ обществѣ; къ тому же, свойственная юности жажда дѣятельности, тѣмъ болѣе дѣятельности высокой, патріотической и таинственной... все это сильно взволновало мое пылкое воображеніе, и я готовъ былъ сдѣлаться революціоннымъ героемъ, мечтая не только о тріумфѣ успѣха, но даже и о страданіяхъ неудачи. Я зналъ исторію Декабристовъ, и участь ихъ не только меня не пугала, но я всегда, подобно имъ, радъ былъ пострадать за великое дѣло введенія въ своемъ отечествѣ правленія, которое, по моимъ понятіямъ, было бы для него благодѣтельнымъ, и уже во всякомъ разѣ лучше тогдашняго сурово-деспотическаго правленія.

Когда мы спрашивали Сунгурова, кто же члены этого общества, то онъ намъ отвѣчалъ, что и самъ ихъ не знаетъ. Въ этомъ обществѣ, говорилъ онъ, принято такое правило, что каждый его членъ старается привлекать другихъ членовъ; но эти члены знаютъ только того, который пригласилъ ихъ, и этотъ можетъ указать имъ только того одного, отъ котораго самъ получилъ такое приглашеніе. Это, говорилъ онъ, необходимо для безопасности общества, и въ случаѣ измѣны, могутъ быть открыты только нѣкоторые члены его, а другіе останутся въ неизвѣстности... И вотъ и вы, господа, если вступите въ наше общество и будете потомъ пріискивать другихъ участниковъ, то вы можете назвать только одного меня, какъ члена, отъ котораго сами получили приглашеніе, но болѣе никого. Мы убѣждались въ бла-

горазумін такого правила и, еще не изъявляя формальнаго нашего согласія, спрашивали Сунгурова, кто же такой членъ этого тайнаго общества, отъ котораго онъ самъ получилъ приглашеніе вступить въ общество? И онъ указывалъ намъ на полковника Козлова. Правда-ли это была или нѣтъ, дѣйствительно-ли полковникъ Козловъ участвовалъ въ какомъ-либо тайномъ обществѣ и былъ агентомъ его въ домѣ Сунгурова—это осталось для меня совершенно неизвѣстнымъ и въ послѣдствіи. Полковникъ Козловъ, котораго мы очень часто встрѣчали въ домѣ Сунгурова, никогда не говорилъ съ нами объ этомъ обществѣ, никогда даже мы не слыхали отъ него какихъ-либо неблагопріятныхъ сужденій о правительствѣ, и даже почти не были съ нимъ знакомы. Не знаю, была ли то осторожность съ его стороны или, быть можетъ, онъ былъ совершенно невиненъ въ роли, которую ему придавалъ Сунгуровъ.

Однакожъ, какъ я ни былъ расположенъ къ участію въ каждомъ, какомъ бы ни было, тайномъ патріотическомъ обществѣ, но предложеніе Сунгурова меня сильно озадачило: и вѣрилъ я ему, и не вѣрилъ. Я не зналъ Сунгурова настолько, чтобы вполнѣ положиться на его добросовѣстность, и предполагалъ иногда, не ловушка ли это какая съ его стороны? Быть можетъ, думалъ я, это было съ его стороны только испытаніемъ для насъ, только намѣреніемъ узнать нашъ образъ мыслей, и потомъ сдѣлать на насъ доносъ... Между тѣмъ, я началъ говорить объ этомъ предложеніи Сунгурова нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, сохраняя большую осторожность, и говорить, разумѣется, такимъ только товарищамъ, въ единомысліи которыхъ и скромности я былъ совершенно увѣренъ. Въ то время, послѣ Антоновича, однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей былъ Топорнинъ, и я, зная его благородный образъ мыслей, какъ мы тогда выражались о всѣхъ либералахъ, объявилъ ему о приглашеніи меня въ тайное общество, не называя впрочемъ лица приглашающаго. Но въ Топорнинѣ, не смотря на его либерализмъ, я встрѣтилъ такое благоразуміе, какое рѣдко можно встрѣтить было въ молодомъ человѣкѣ. Онъ, вполнѣ сочувствуя идеѣ этого общества, сильно возставалъ противъ участія въ немъ, доказывалъ мнѣ несвоевременность этого предпріятія, невозможность успѣха, не вѣрилъ даже въ дѣйствительность существованія такого общества, и сильно отклонялъ меня отъ всякаго въ немъ участія.

Изъ другихъ товарищей я открылъ свою тайну Кольрейфу, сыну Московскаго Нѣмецкаго пастора (это былъ превосходно-образованный юноша, нѣжнаго сердца и кроткаго характера, и хорошій музыкантъ, что̀ въ особенности и сдружило меня съ нимъ) и другому студенту, Нѣмцу же изъ Сарепты, Кноблоху, человѣку очень ученому и трудо-

любивому, обладавшему необыкновенной памятью, и слѣдовательно огромными свѣдѣніями, такъ что я называлъ его живымъ энциклопедическимъ лексикономъ. Еще былъ у меня студентъ Медико-хирургической Академіи—Кошевскій, сынъ бѣднаго, проживавшаго въ Москвѣ Поляка, музыкальнаго учителя. Онъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ, и это меня съ нимъ сблизило. Это былъ замѣчательнаго ума юноша, твердаго и рѣшительнаго характера, проникнутый самыми патріотическими стремленіями. Онъ имѣлъ хорошій даръ слова и всегда отличался логичностью своихъ сужденій и способомъ ихъ выраженій. Въ этихъ трехъ лицахъ я нашелъ полное со мною единомысліе и готовность на всякое, даже отчаянное предпріятіе, и вотъ мы впятеромъ, т.-е. я, Антоновичъ, Кольрейфъ, Кноблохъ и Кошевскій, начали часто сходиться и толковать о Сунгуровскомъ дѣлѣ.

При всей нашей готовности къ участію въ этомъ тайномъ обществѣ, намъ все казалось что-то страннымъ предложеніе Сунгурова. Къ чему приглашать ему такихъ молодыхъ людей, какъ мы, говорили мы между собою, ежели и дѣйствительно существуетъ такое общество? Какую мы можемъ принести пользу этому обществу? Да и существуетъ ли еще такое общество? Не думаетъ ли Сунгуровъ еще только начать его составленіе? Да если оно и существуетъ, то настолько ли оно сильно, чтобы въ состояніи было сдѣлать что-нибудь серіозное? Да и не ловушка ли это для насъ какая-нибудь? Всѣ эти и подобные имъ вопросы насъ сильно занимали. Съ Сунгуровымъ имѣли сношеніе только я и Антоновичъ, прочіе же трое не знали его, и какъ на дѣлаемые ими намъ вопросы мы не могли отвѣчать удовлетворительно, то, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній между собою, мы положили, чтобы намъ всѣмъ пятерымъ собраться гдѣ-нибудь вмѣстѣ, пригласить въ это собраніе Сунгурова и тамъ допросить его обо всемъ положительно, а потомъ уже, сообразно добытымъ отъ него отвѣтамъ, и дѣйствовать. Помню, что на такое наше дѣйствіе болѣе всего навелъ насъ Кошевскій. По передачѣ нашего желанія Сунгурову, онъ согласился придти къ намъ и дать намъ удовлетворительный отвѣтъ. Скажу здѣсь, чтобы не забыть, что Полоникъ, также какъ и мы, и даже чаще меня, посѣщавшій Сунгурова и бывшій также приглашенъ имъ ко вступленію въ общество, къ счастью однакожъ, не бывалъ въ нашихъ собраніяхъ. Мы его чуждались, считали человѣкомъ мало образованнымъ, неразвитымъ и не подходящимъ къ нашему дѣлу. Это свѣдѣніе необходимо для будущаго моего разсказа.

Мѣстомъ нашего собранія избрали мы квартиру Кноблоха, какъ бывшую ближе другихъ отъ дому Сунгурова. Кноблохъ жилъ на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Кистера, гдѣ былъ тогда мужской пенсіонъ

Кистера, и въ которомъ теперь помѣщается Дворянскій Клубъ, занимая въ немъ одну небольшую комнату, въ нижнемъ этажѣ, на право при входѣ съ улицы въ парадныя сѣни. Когда мы собрались въ ней и переговорили о предстоящемъ объясненіи съ Сунгуровымъ, явился къ намъ и Сунгуровъ. Комната была съ перегородкой. Сунгуровъ спросилъ, нѣтъ ли кого за ней и самъ посмотрѣлъ за перегородкой. Послѣ этого заперли комнату, чтобы никто не помѣшалъ нашей бесѣдѣ, и приступили къ переговорамъ. Прежде всего, Сунгуровъ потребовалъ отъ насъ клятвеннаго обѣщанія, чтобы все то, о чемъ мы будемъ говорить, осталось тайной между нами, и чтобы никто изъ насъ никогда и никому не говорилъ о знакомствѣ съ нимъ, что̀ мы, безъ сомнѣнія, утвердили самою искреннею клятвой. Послѣ этого, какъ было условлено между нами, я держалъ къ Сунгурову почти такое слово: «Вы «приглашали меня и Антоновича къ вступленію въ тайное общество, «имѣющее цѣлію введеніе въ Россіи конституціоннаго правленія. Раз«дѣляя вполнѣ образъ мыслей этого общества, я передалъ все, что̀ отъ «васъ слышалъ, вотъ этимъ тремъ моимъ товарищамъ (указывая на «Кольрейфа, Кноблоха и Кошевскаго), которыхъ образъ мыслей объ «этомъ предметѣ совершенно одинаковъ съ моимъ и которые готовы «на всякое патріотическое дѣйствіе. (Можно было бы сказать: которыхъ либеральное направленіе.... но этотъ терминъ тогда не былъ еще такимъ какъ теперь общеупотребительнымъ.) Но намъ хотѣлось бы знать «положительно, существуетъ ли такое общество, и довольно ли оно «сильно, или же, быть можетъ, вы только еще намѣрены основать это «общество? Если общество это существуетъ и довольно сильно, то ка«кую оно можетъ имѣть надобность въ насъ, молодыхъ и неопытныхъ «людяхъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ придать ему ни силы, «ни значенія? Не думаетъ ли это общество употребить насъ только «для произведенія какого-нибудь уличнаго безпорядка? Но какъ мы ни «молоды, и какъ бы ни желали введенія въ Россіи конституціи, мы ни«когда не согласимся, очертя голову, буйствовать на улицѣ и вообще «участвовать въ какомъ-нибудь низкомъ и неблагородномъ поступкѣ.... «Если же этого общества еще нѣтъ, и вы только еще думаете начать «его составленіе, то вы очень дурно дѣлаете, что начинаете съ насъ, «людей молодыхъ, ничего незначущихъ, и совершенно для начала дѣла «безполезныхъ, въ какомъ случаѣ мы никогда не согласимся на ваше «предложеніе». На эти вопросы Сунгуровъ отвѣчалъ намъ, что общество уже существуетъ, что это остатокъ того самаго общества, часть котораго уничтожена въ 1826 году, что до настоящаго времени оно очень значительно усилилось, имѣетъ во главѣ своей Ермолова, и что, ежели мы въ него вступимъ, то дѣйствія наши должны заключаться

только въ томъ, чтобы распространять между своими товарищами конституціонныя идеи, для того, что когда общество начнетъ революцію, то оно, считая студентовъ очень вліятельными на молодое поколѣніе людьми, желало бы встрѣтить въ нихъ единомысліе, и въ чемъ нужно будетъ, и единомысліе.—Когда же общество намѣрено приступить къ предполагаемому имъ перевороту? спросили мы. Этого я не знаю, отвѣчалъ Сунгуровъ; да еслибы и зналъ, то не имѣю права открыть вамъ, какъ людямъ еще не вступившимъ въ общество. На все это мы отвѣчали ему, что намъ нечего стараться распространять между студентами конституціонныя идеи—всѣ благомыслящіе студенты, и безъ нашихъ убѣжденій, проникнуты ими, и что общество напрасно объ этомъ безпокоится. И какъ намъ болѣе этого не предстоитъ никакой другой дѣятельности въ этомъ обществѣ, то поэтому мы *отъ вступленія въ него совершенно отказываемся*. Этимъ окончены были всѣ наши съ Сунгуровымъ переговоры, и съ тѣмъ вмѣстѣ мы всѣ разошлись.

Съ этихъ поръ я и Антоновичъ, не говоря уже о другихъ, почти прекратили даже знакомство съ Сунгуровымъ, и помню, что послѣ этого я только одинъ разъ и былъ у него въ гостяхъ, и то случайно, на дачѣ за Симоновымъ монастыремъ. Эта сходка наша въ квартирѣ Кноблоха происходила въ началѣ весны, въ Мартѣ или Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Припоминая теперь это событіе, я даже удивляюсь, какъ въ наши молодыя лѣта (мнѣ былъ тогда девятнадцатый годъ), при нашей пылкости и страсти къ необыкновеннымъ приключеніямъ, у насъ достало столько благоразумія и осторожности, что мы отказались отъ такого соблазнительнаго участія въ такомъ обществѣ, цѣль котораго мы считали самою благородною и патріотическою.

Въ Маѣ или Іюнѣ мѣсяцѣ были у насъ трехгодичные экзамены, которые я выдержалъ превосходно, и еслибы не послѣдовало министерское распоряженіе объ оставленіи насъ въ университетѣ еще на одинъ годъ, то я былъ увѣренъ, что, по успѣхамъ моимъ, былъ бы удостоенъ степени кандидата.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Рахмановы переѣзжали изъ Москвы въ свою подмосковную деревню, куда и меня пригласили, и я, разумѣется, былъ очень радъ провести каникулы въ деревнѣ и въ такомъ добромъ семействѣ. Деревня эта показалась мнѣ раемъ! На возвышенности стоялъ большой деревянный барскій домъ съ антресолемъ и мезониномъ; кругомъ его превосходный садъ, съ бесѣдками, цвѣтниками и оранжереями; потомъ разныя хозяйственныя постройки, и вся эта усадьба окружена была чудеснѣйшимъ мѣстоположеніемъ. Вокругъ на далекое пространство тянулись поля, безпрестанно пересѣкаемыя самыми живописными рощами, оврагами и ручьями, и вся эта окрестность цвѣла,

благоухала и сіяла подъ теплыми лучами Іюньскаго солнца. Мнѣ дали помѣщеніе въ мезонинѣ, гдѣ былъ открытый балконъ, изъ котораго былъ прелестный видъ на далекую окрестность. Комната была у меня просторная, прохладная, и милая хозяйская дочь ежедневно украшала ее превосходными садовыми и оранжерейными цвѣтами, до которыхъ я всегда былъ большой охотникъ.

Въ домѣ всѣ меня очень любили, и я проводилъ время, какъ нельзя лучше. Поутру я занимался съ дѣтьми, потомъ гулялъ въ саду, а вечеромъ все молодое общество: дѣвица Рахманова, племянница, всѣ дѣти, гувернантка и гувернеръ, отправляемся, бывало, пѣшкомъ по окрестности, поемъ пѣсни, бѣгаемъ, рвемъ цвѣты, и уже поздно возвращаемся домой къ чаю или къ ужину. Часто пріѣзжали и гости, молодыя дамы и дѣвицы, и еще болѣе оживляли нашу дачную счастливую и безпечную жизнь. По тогдашнему обыкновенію, у Рахманова было множество борзыхъ собакъ и охотниковъ, одѣтыхъ въ охотническій костюмъ, и иногда мы всѣмъ обществомъ ѣздили на охоту, мущины верхами, а дамы въ экипажахъ, а иныя тоже верхами. Я еще никогда не ѣздилъ верхомъ на лошади, и хотя сначала и боялся, однакожъ совѣстно было ѣхать въ экипажѣ, да и самому хотѣлось поохотиться. Мнѣ предложили скромную лошадь, и я съ перваго же раза оказался порядочнымъ наѣздникомъ. И какъ это пріятно было носиться по полямъ и лѣсамъ! Признаюсь, меня не столько занимала охота, какъ живописная мѣстность.... Взъѣдешь, бывало, на какой-либо пригорокъ, остановишься, оглянешься кругомъ и залюбуешься, замечтаешься!... Къ намъ часто пріѣзжала одна молоденькая и хорошенькая полковница, Полька, мужъ которой былъ въ то время на войнѣ. Она выѣзжала на охоту всегда верхомъ, въ красивой амазонкѣ, и тоже была большая любительница природы. И вотъ, бывало, съ ней вмѣстѣ, то взъѣдемъ на какой нибудь холмъ и оттуда любуемся на окрестность, то, ѣдучи рядомъ, заговоримся и замечтаемся, то заберемся въ чащу лѣса, слѣземъ съ лошадей, привяжемъ ихъ къ дереву, и сядемъ подъ густую тѣнь нависшихъ и непроницаемыхъ вѣтвей.... Однажды мы такъ уже замечтались, что совершенно отстали отъ охотниковъ, забрались въ страшную глушь, сбились съ дороги, и едва уже ночью возвратились домой.... Однимъ словомъ, я велъ самую пріятную и безпечную деревенскую каникулярную жизнь въ домѣ богатаго помѣщика, увлекался миленькой полковницей и забылъ весь остальной міръ, въ особенности Сунгурова и его тайное общество. Но судьба моя, какъ видно, не дремала и уже готовила мнѣ свое предопредѣленіе.... Блаженство мое продолжалось не болѣе мѣсяца.

(Окончаніе будетъ).

ВЗГЛЯДЪ НА РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЕВРОПѢ СЪ 1815 ПО 1848 г.

Австрійскій фельдмаршальскій мундиръ императора Николая Павловича

Послѣ окончательнаго паденія Наполеона I-го никакое внѣшнее давленіе не могло препятствовать союзу *Вѣнскаго конгресса* въ его рѣшеніяхъ по возстановленію Европейскаго политическаго равновѣсія.

Ранѣе Вѣнскаго конгресса, судьбы міра буквально зависѣли отъ двухъ императоровъ: восточнаго Александра I-го и западнаго Наполеона I-го. Теперь же вліяніе послѣдняго, хотя, быть можетъ, въ менѣе рѣшающей формѣ, перешло къ дому Габсбурговъ, точнѣе сказать, въ руки князя Меттерниха, признаваемаго тогда оракуломъ своего времени.

Этимъ вліяніемъ не замедлилъ, по своему, воспользоваться князь Меттернихъ, прозванный еще школьными товарищами: Prince de trois F, отъ словъ: fin, faux, fanfaron. Задавшись идеей остановить расширеніе Россіи на Западъ правымъ берегомъ Вислы, т.-е. обдѣлить Россію Польскими землями, онъ въ началѣ же Вѣнскаго конгресса составилъ секретный союзъ изъ Австріи, Англіи, Франціи, Баваріи, Сардиніи и Нидерландовъ противъ *Сѣвернаго союза*—Россіи и Пруссіи.

Такое, по отношенію къ Россіи, странное выраженіе признательности Меттерниховской политики было открыто императору Александру I-му Прусскимъ министромъ Штейномъ и позднѣе возвратившимся съ о. Эльбы Наполеономъ I, который, чрезъ совѣтника Русскаго посольства Бутягина, переслалъ даже самый текстъ союзнаго договора. Изумленный императоръ Александръ I, сначала не довѣрившій Штейну, какъ стороннику проекта объ ограниченіи требованій Россіи, принужденъ былъ, однакоже, поручить великому князю Константину Павловичу формированіе новой арміи къ походу, и Европейскій миръ, достигнутый моремъ пролитой крови, повисъ на ниткѣ. Но благодаря паникѣ, охватившей завистниковъ Россіи, при вѣсти о вторичномъ вступленіи Наполеона на престолъ Франціи, оказалось возможнымъ без-

кровно разрѣшить вопросъ о Польскихъ земляхъ. Съ другой стороны, извѣстное миролюбіе императора Александра склонило его предпочесть путь взаимныхъ уступокъ вооруженному спору. И потому Россія въ 1816 году удовольствовалась присоединеніемъ къ своимъ окраинамъ Варшавскаго герцогства, подъ названіемъ Царства Польскаго, но уже безъ Тарнопольскаго округа, Кракова, Торна, Познани и Помераніи.

Гораздо менѣе усилій потребовалось со стороны Вѣнскаго конгресса на перестроеніе Западной Европы по новой политической картѣ, въ основаніе которой, для удовлетворенія возстановляемыхъ государствъ, были приняты лишь линейныя мѣры новыхъ границъ каждаго государства, да численность населенія, заключеннаго въ этихъ границахъ. Племенныя же различія населеній, иногда исконно враждебныхъ между собою, и ихъ религіозныя вѣрованія оставлены были почти безъ всякаго вниманія.

При такомъ презрѣніи къ этнографическому принципу, Австрія, успѣвшая стать во главѣ новаго Германскаго союза изъ 38 независимыхъ земель, вновь проявила свой неподражаемый талантъ—превращаться, послѣ цѣлаго ряда испытанныхъ пораженій, въ державу болѣе прежняго обширную. И вотъ, на основаніи Вѣнскихъ соглашеній, въ ея государственный составъ вошли: эрцгерцогство Австрійское съ Зальцбургомъ, Тироль съ Форальбергомъ, королевства Венгерское, Богемское, Иллирійское, Ломбардо-Венеціанское, Галиційское съ Буковиною, маркграфство Моравія съ Австрійскою Силезіей, графства Грацъ, Градишекъ и Истрія, Поморье (Littorale, Rüstenland), Далмація и Военная граница, что̀, взятое вмѣстѣ, составило пространство въ 12,518 □ миль съ населеніемъ до 37 миліоновъ *), изъ котораго число Нѣмцевъ не превышало восьми миліоновъ.

Само собою разумѣется, что огромный численный перевѣсъ иноплеменниковъ, какъ условіе внутренняго единства пестро составленной монархіи, мало способствовалъ ея дѣйствительному могуществу, столь грозному съ внѣшней показной стороны, и тѣмъ болѣе, что между главенствующими и подчиненными племенами не было ничего общаго, ни въ историческомъ происхожденіи, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ и обычаяхъ.

Несомнѣнно, что эта слабая сторона обширной Австрійской имперіи, выбрасывая изъ программы государственной жизни всякіе поры-

*) Населеніе Австріи состояло изъ 8 миліоновъ Нѣмцевъ, 17 мил. Славянъ, 5 мил. Финско-монгольскаго племени (Мадьяръ), 5 мил. Романскаго племени, къ которому причисляютъ себя Валахи (Румыны); остальное число населенія дополнялось Цыганами, Греками и повсемѣстно расползающимися Жидами.

вы къ національнымъ единеніямъ, должна была, особеннымъ образомъ, руководить внѣшнею политикою Австріи. Отсюда истекали ея соглашенія на дробленіе Италіи между Габсбургами и Бурбонами, на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи, Помераніи и Познани къ Пруссіи, Бельгіи и Люксанбурга къ Голандіи, Гибралтара, Мальты, Гельголанда и Іоническихъ острововъ къ Англіи и т. д.

Также и то несомнѣнно, что когда независимость союзной Германіи, по мнѣнію Вѣнскаго конгресса, была признана основнымъ условіемъ Европейскаго мира и когда съ цѣлью, по возможности, поставить ея государства въ одинакія политическія условія внутренняго порядка, было, на основаніи 13-й статьи Вѣнскаго конгресса, положено ввести въ нихъ конституціонную форму правленія: то Меттернихъ тотчасъ рѣшился не допускать ничего подобнаго въ Австрійской монархіи. Кромѣ того, онъ заключилъ со всѣми Итальянскими правительствами секретныя условія о преслѣдованіи ими, въ своихъ государствахъ, всякихъ покушеній въ пользу конституціоннаго устройства.

Въ этихъ договорахъ Меттернихъ былъ усердно поддержанъ Талейраномъ; но послѣдній дѣйствовалъ по побужденіямъ мало политическимъ, и Неаполитанскій дворъ издержалъ на подкупы иностранныхъ дипломатовъ два съ половиною миліона.

Какъ извѣстно, Вѣнскій конгрессъ мало кого удовлетворилъ. Германскіе народы, ожидавшіе однимъ изъ первыхъ его итоговъ объединенія Германіи, увидѣли себя въ прежней раздробленности и, къ тому же, конституціи не были введены ни въ Австріи, ни въ Пруссіи, а въ Ганноверѣ, Саксоніи, Мекленбургѣ право на участіе въ законодательствѣ было предоставлено собранію земскихъ чиновъ, но собираемыхъ только изъ привилегированныхъ сословій.

Такой безпорядокъ во вновь установленномъ порядкѣ сдѣлался источникомъ неудовольствій, волненій и породилъ новую политическую общину *буршей*, цѣлью которой предназначалось объединеніе Германіи на началахъ широкой внутренней политической свободы.

Къ бурсачествамъ, составлявшимся изъ всѣхъ студенческихъ корпорацій каждаго университета, примкнули многіе ученые, профессоры, редакторы газетъ, редакторы журналовъ, масса Нѣмецкой молодежи. Но послѣ вѣроломнаго убійства, въ 1819 году, студентомъ Зандомъ статскаго совѣтника Коцебу многіе общественные кружки значительно охладѣли къ буршамъ и встрѣтили казнь Занда съ одобреніемъ.

Тѣмъ не менѣе, по циркуляру встревоженнаго Австрійскаго императора, съѣздъ изъ представителей Германскихъ правительствъ поспѣшилъ собраться въ Карлсбадѣ. Здѣсь, для пресѣченія политической

пропаганды, были одобрены и приняты строгія рѣшенія, какъ по преслѣдованію подозрительныхъ людей, такъ и по усиленію цензуры; особые *синдики* должны были наблюдать за поведеніемъ студентовъ и профессоровъ. Кромѣ того, министерская конференція, созванная въ Вѣну для опредѣленія неустановленнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ размѣра конституціонныхъ правъ въ Германскихъ государствахъ, будучи поражена убійствомъ герцога Беррійскаго и Испанскою революціею, обнародовала въ Маѣ 1820 г. дополнительный, для *Германскаго союза*, законъ, предоставлявшій Нѣмецкимъ государямъ право абсолютныхъ распоряженій и дѣйствій при исполненіи ими союзныхъ обязательствъ.

Еще менѣе была удовлетворена Вѣнскимъ конгрессомъ Италія, добровольно принявшая Австрійскіе гарнизоны, мѣсяцъ послѣ взятія Парижа. Ей вначалѣ были обѣщаны, устами Австрійскаго эрцгерцога Іоанна и Англійскаго генерала Ньюджента, объединеніе страны и конституція; но скоро послѣ, изъ устъ самаго Австрійскаго императора, жители Ломбардіи узнали, что вѣрноподданническій долгъ требуетъ отъ отъ нихъ полнаго забвенія ихъ Итальянскаго происхожденія.

Такая жертва уже не была возможною для Итальянцевъ, пробудившихся отъ вѣковой спячки. Идея политическаго единенія, не умиравшая отъ временъ Данте и Макіавели, сдѣлалась теперь общимъ стремленіемъ всѣхъ Италіянцевъ. Толчкомъ къ возрожденію Италіи послужило Французское владычество, внесшее, для всѣхъ Итальянскихъ земель, одинаковость законовъ, замѣнившее инквизиціонное судопроизводство гласнымъ судомъ, уничтожившее феодализмъ, распредѣлившее государственные налоги въ равномѣрности для всего населенія, организовавшее народное просвѣщеніе, утвердившее свободу богослуженія и усилившее своимъ покровительствомъ торговлю. Не смотря однако на эти услуги Французскаго господства, оно было не изъ легкихъ, и его тяжесть побудила Италію, въ чаяніи будущаго объединенія, добровольно броситься въ объятія Австрійскаго покровительства. Но такое перерожденіе Италіи лишало Австрію слишкомъ большихъ выгодъ и слѣдовательно не могло входить въ расчеты Меттерниха. Поэтому Австрійскій премьеръ рѣшился, до послѣдней возможности, удерживать Италію въ раздробленіи. Поэтому же, послѣ Лайбахскаго конгресса 1821 г., Неаполитанскій король Фердинандъ IV, чувствуя за собою поддержку Австріи, позабылъ собственныя клятвы на вѣрность конституціи. Играя словами, онъ утверждалъ, будто конституція была обязательна для Неаполитанскаго короля Фердинанда IV, но утратила этотъ смыслъ для короля Обѣихъ Сицилій Фердинанда I *). Въ томъ же

*) Послѣ Мюрата Сицилія была присоединена къ Неаполю.

духѣ дѣйствовали всѣ Итальянскіе государи, и ихъ тюрьмы быстро наполнились политическими преступниками. Но если казни карбонаровъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій давали цыфры въ сотняхъ, то въ Папской области, за время правленія Пія VII, Льва XII, Пія VIII (занимавшаго престолъ св. Петра всего 20 мѣсяцевъ) и Григорія XVI, такіе итоги выражались въ тысячахъ. Пій VII нашелъ даже необходимымъ воскресить орденъ іезуитовъ, уничтоженный въ 1773 г. папою Климентомъ, и возстановилъ его буллою 1814 года.

Итальянскіе государи, не исключая папъ, чувствуя себя въ условіяхъ почти вассальной зависимости отъ Австріи, усердно занялись, въ угоду Меттерниху, изгнаніемъ *Кодекса* Наполеона и привившихся Французскихъ учрежденій; сама же Австрія, пользуясь удобствомъ своего положенія, опредѣлила налоги для своихъ Итальянскихъ владѣній въ полуторномъ размѣрѣ сравнительно съ налогами другихъ своихъ провинцій.

Вслѣдствіе сказаннаго, раздробленность Италіи не помѣшала неудовольствію сдѣлаться общимъ, и ненависть Итальянцевъ къ Австрійцамъ возросла до такой степени, что слова: cani tedeschi (Нѣмецкія собаки) получили значеніе самой оскорбительнѣйшей ругани на всемъ пространствѣ отъ Альпъ до Мессинскаго залива и далѣе того.

Между тѣмъ по сосѣдству, въ Испаніи, вспыхнула революція. Безпорядки тамъ начались уже въ 1814 г., когда король Фердинандъ VII, занявъ престолъ Іосифа Бонапарта, отмѣнилъ конституцію, называемую *конституціей 18 Мая 1812 г.* и возстановилъ инквизицію. Возвратъ же монастырямъ земель, отчисленныхъ *кортесами* *) въ имущество націи (при чемъ, вмѣсто вознагражденія, владѣльцы участковъ подверглись денежной пени за незаконное пріобрѣтеніе), преслѣдованіе всѣхъ чиновниковъ своего предшественника, всѣхъ его сторонниковъ, *афранцесадоссовъ* (офранцузившихся), не исключая и чиновъ арміи, и лишеніе ихъ пенсій, подняло бурю, которая разразилась 1 Января 1820 года въ Кадиксѣ, среди экспедиціонныхъ войскъ, собранныхъ для усмиренія Испанскихъ колоній въ Америкѣ. Самъ главнокомандующій этихъ войскъ О'Доннель принялъ въ возстаніи непосредственное участіе. Уже при самомъ началѣ возмущенія, революціонеры раздѣлились на партіи, и партія *Экзальтадосовъ* (крайнихъ, изступленныхъ) вступила въ ожесточенную борьбу съ *Модерадосами* (умѣренными) и *Воинствомъ Вѣры*, руководимымъ Таррагонскимъ архіепископомъ Матафлоридою. Тѣмъ не менѣе, Испанское правительство оказалось такимъ безсильнымъ, что для водворенія у себя порядка, ему, даже послѣ присяги короля

---

*) Собраніе представителей изъ народныхъ сословій.

конституціи, понадобилось вмѣшательство извнѣ. По предложенію Веронскаго конгресса 1822 г., обязанность возстановить королевскія права Фердинанда VII принялъ за себя Людовикъ XVIII, и сто тысячъ Французовъ, подъ предводительствомъ принца Ангулемскаго, перешли Пиренеи. Фердинандъ VII, освобожденный революціонерами отъ плѣна изъ Кадикса, подъ условіемъ общей амнистіи, торжественно вступилъ въ Мадридъ въ Ноябрѣ 1823 года.

Испанская революція оказалась точно сигналомъ, по которому должны были вспыхнуть революціи Итальянскія, сначала въ Неаполѣ, потомъ въ Піемонтѣ. Эти новости поразили уже въ Февралѣ оффиціально закрывшійся Лайбахскій конгрессъ, на которомъ, съ согласія своего парламента, присутствовалъ и Неаполитанскій король. Не менѣе его самого встревожилась Австрія, Итальянскія границы которой непосредственно соприкасались съ Піемонтомъ. Революціонная волна могла прежде всего опрокинуться къ ближайшему сосѣду. А Нѣмецкій сосѣдъ имѣлъ полное основаніе опасаться, чтобы общая ненависть къ нему Итальянцевъ не обратила всю Италію въ резервуаръ революціоннаго разлива. У страха глаза велики, но онъ не очищаетъ зрѣнія. Такъ было съ Австріей, владычеству которой на Апеннинахъ не могла угрожать крайняя опасность со стороны Итальянцевъ, соединившихся въ одной только къ ней ненависти. И дѣйствительно, въ политическихъ стремленіяхъ тайныхъ Итальянскихъ обществъ царила рознь. *Карбонары* домогались объединенія Италіи на началахъ конституціоннаго правленія, *Консисторіалы* призывали господство инквизиціи и главенство папъ надъ міромъ, *Адельфы* стояли на сторонѣ принца Кариньянскаго, *Федераты* желали демократической республики, *Санфедисты* (благонамѣренные въ глазахъ правительствъ), *Истинные Итальянцы* (italianissimi), *Общество Лучей, Черная Лига, Юная Италія*, всѣ они между собою совершенно не ладили.

Австрійскій генералъ Фримонтъ, во главѣ 60-ти тысячной арміи, быстро погасилъ возстаніе въ Неаполѣ; другой Австрійскій генералъ Бубна сдѣлалъ тоже самое въ Піемонтѣ. Неаполитанскіе революціонеры и войска, при встрѣчѣ съ Австрійцами, разбѣжались почти безъ боя; для умиротворенія Піемонта, битва при Новарѣ, проигранная принцемъ Кариньянскимъ, оказалась дозою наркотическаго свойства, и совершенно достаточною.

Не смотря, однакоже, на повсемѣстный успѣхъ правительственнаго оружія, революціонное движеніе не обошло крайняго Юго-Запада Европы. Правда, конституція 1820 г. въ Португаліи установилась стремленіемъ къ ней военнаго сословія, но и здѣсь она была уничтожена въ 1828 году правительственнымъ оружіемъ дона-Мигуэля. Кстати

тутъ замѣтить, что этотъ правитель, принявъ въ подражаніе, для укорененія монархическаго принципа, пріемы сосѣднихъ государей, не упрочилъ своей побѣды надолго: воскрешенные имъ инквизиція и іезуиты оказались въ монархическомъ строеніи цементомъ гораздо болѣе разлагающимъ, нежели вяжущимъ.

Наконецъ, заволновался и Юго-Востокъ Европы. Въ 1821 г. возстала за свою независимость безправно и позорно угнетаемая Греція, надъ распятымъ первосвященникомъ которой издѣвались Жиды, влача его трупъ за ноги по улицамъ Стамбула. Но стоны обездолѣнной Греціи были старательно заглушены Меттернихомъ для слуха императора Александра I-го, подобно тому, какъ въ 1804 г. до него не дошли мольбы Кара-Георгія за самостоятельность Сербовъ, благодаря вліянію Адама Чарторыжскаго [1]). Пользуясь развившеюся наклонностію императора Александра I-го къ мистицизму и забывая уваженіе къ чувству царя православнаго, Меттернихъ доказывалъ ему святость обязанности—не разрушать основы *Священнаго Союза* своимъ содѣйствіемъ торжеству Греческой революціи [2]).

Самъ же Австрійскій премьеръ такъ охранялъ эти основы, что перваго борца за свободу Греціи, князя Александра Ипсиланти [3]), искавшаго спасенія отъ Турокъ въ Австріи, посадилъ въ крѣпость Мункачъ. Глава Русской дипломатіи, Нессельроде, полуиностранецъ, родившійся на Англійскомъ кораблѣ въ Лиссабонской гавани, поддерживалъ Меттерниха всѣми силами, и еще и позднѣе, а именно въ 1825 г., объявилъ независимость Греціи *химерою*. Императоръ Николай Павловичъ убѣдилъ его въ совершенно-противномъ.

Даже изъ бѣглаго, поверхностнаго взгляда на посѣвы Меттерниховской политики, въ періодъ Вѣнскаго конгресса, нельзя прійти къ двумъ заключеніямъ, а надобно согласиться, что никто лучше его не зажигалъ Европы со всѣхъ четырехъ концовъ. Одна Франція могла соперничать съ нимъ своими собственными умиротворителями, которые такъ далеко завели дѣло реакціи, что самъ Людовикъ XVIII не иначе называлъ собраніе защитниковъ его королевскихъ правъ, какъ *chambre introuvable*. Едва-ли, и безъ ироніи, можно было называть иначе такую палату депутатовъ, которая готова была признать либералами короля

---

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, Россія и Пруссія въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

[2]) Меттернихъ называлъ графа Каподистрію, бывшаго первымъ президентомъ Греческой республики, *архи-революціонеромъ*.

[3]) Сынъ Молдавскаго господаря князя Константина Ипсиланти, создавшаго проектъ *Дакійскаго царства* изъ соединенныхъ Молдавіи и Валахіи.

Людовика XVIII и его министра герцога Ришелье *), зиждителя *бѣлаго террора*. Во имя короля, чернь рѣзала иновѣрцевъ въ Марсели, въ Нимѣ—протестантовъ, убивала Наполеоновскихъ генераловъ и офицеровъ, грабила среди дня; а Французскіе умиротворители бросили въ тюрьмы до семидесяти тысячъ человѣкъ и выгнали изъ службы болѣе ста тысячъ, и все это въ десять мѣсяцевъ времени. Сосѣди Франціи, народы либеральнаго Запада, пребывали нѣмы, и совѣтъ конституціонному королю о человѣколюбіи раздался изъ далекаго Востока, отъ власти монархической неограниченной. Голосу этому прежде всѣхъ внялъ умный министръ полиціи Деказъ, выдвинувшійся еще при деспотѣ-Наполеонѣ. Деказъ рѣшился просить короля о распущеніи палаты, которой Франція была обязана одними только заговорами и нескончаемыми уголовными процессами. Въ 1816 г. адвокатъ Дидье составилъ заговоръ въ Дофинэ; въ 1820 г., Апрѣля 13, безграмотный рабочій Лувель (Louvel), не принадлежа ни къ какому заговору, убилъ втораго сына графа д'Артуа, герцога Беррійскаго. Убійца откровенно показалъ, что онъ совершилъ преступленіе, не питая никакой личной вражды къ *доброму* и *ласковому* герцогу, и что цѣлью его жестокой рѣшимости было пресѣченіе линіи Бурбоновъ. Лувель не зналъ, что герцогиня Беррійская (Каролина Неаполитанская) уже должна была дать жизнь герцогу Бордосскому, въ послѣдствіи извѣстному подъ именемъ графа Шамбора. Въ 1822 г. во Франціи открыто было пять заговоровъ; по одному изъ нихъ подверглись казни: генералъ Бертенъ, унтеръ-офицеры Бори, Губенъ, Рауль, Поммье; соучастникъ же ихъ, лекарь Каффе, во избѣжаніе эшафота, открылъ себѣ въ тюрьмѣ жилы и истекъ кровью.

Только на удаленномъ Сѣверѣ Европы постановленія Вѣнскаго конгресса не вызвали кровавыхъ послѣдствій. Норвегія тогда не могла выставить никакой арміи противъ Шведскаго наслѣднаго принца Бернадота, бывшаго маршала Наполеона. Но это отнюдь не помѣшало Бернадоту, отъ имени короля Карла XIII, принять *Эйдсвольдскую* конституцію 4 Ноября 1814 г., и Норвегія тихо присоединилась къ Швеціи, на условіяхъ равноправности обоихъ государствъ.

Время, послѣдовавшее за помянутыми событіями, не было спокойнѣе предшествовавшаго.

---

*) Праправнукъ кардинала герцога Ришельё, эмигрантъ Арманъ Эммануилъ дю-Плесси, герцогъ Ришельё, умершій въ 1822 г., участвовалъ въ Турецкомъ походѣ Суворова, былъ назначенъ въ 1803 г. губернаторомъ Новороссійскаго края и основалъ въ Одессѣ Лицей. Время его министерства во Франціи получило названіе *бѣлаго террора*.

Во Франціи, по смерти разбитаго параличемъ Людовика XVIII въ 1824 г., престолъ перешелъ къ его брату графу д'Артуа. Стремленіе новаго короля утвердить монархическую власть на принципѣ: *cy veut le roi, cy veut la loi* [1]), не находило въ странѣ удобной почвы для своего укорененія. Возстановленіе же іезуитовъ, введеніе жестокаго закона *о святотатствѣ*, по которому обвиненный въ оскверненіи храма подвергался, передъ смертною казнію, еще отсѣченію правой руки, обращеніе, по проекту Виллеля, государственной ренты изъ 5% въ 3% для вознагражденія миліардною экономіей только эмигрантовъ изъ дворянъ, вызвали Іюльскую революцію 1830 года. Карлъ X, принужденный оставить Францію, отказался отъ короны въ пользу своего внука, графа Шамбора и, переселившись изъ Англіи въ Австрію, умеръ тамъ въ 1836 году.

Въ механическомъ скрѣпленіи Голандіи съ Бельгіей, т.-е. католическаго Фламандскаго населенія [2]) съ потомками *Фризовъ*, Кальвинами Германскаго племени, не могло быть прочной государственной связи, и полное разрушеніе насильственной скрѣпы, навязанной Вѣнскимъ конгрессомъ, обнаружилось въ 1819 г., тотчасъ же послѣ провозглашенія конституціи, выработанной Вильгельмомъ I-мъ [3]). Не говоря уже о томъ, что этою конституціей никто не остался доволенъ, Бельгійцы особенно негодовали на равенство числа народныхъ представителей отъ каждой изъ обѣихъ странъ, тогда какъ своею численностію они вдвое превышали Голандцевъ. Кромѣ того Бельгійцы не хотѣли признавать Голандскаго языка языкомъ государственнымъ, обязательнымъ; а клерикалы-католики и Бельгіское духовенство возмущались привилегіей высшаго духовнаго училища въ Лувенѣ, воспитанники котораго только и могли получать духовныя мѣста. Въ конечномъ итогѣ неудовольствіе Бельгійцевъ выразилось, 13-го и 14-го Августа н. с. 1830 года, расклейкою на домахъ Брюсселя программы слѣдующаго содержанія: *въ Понедѣльникъ—фейерверкъ, во Вторникъ—иллюминація, въ Среду—революція!*

Лондонская конференція изъ представителей отъ пяти великихъ державъ признала, протоколомъ 20-го Декабря 1831 г., независимость Бельгіи и нѣсколько позднѣе признала Бельгію государствомъ *нейтральнымъ*. Первымъ конституціоннымъ королемъ нейтральной Бельгіи былъ превозглашенъ герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій Леопольдъ I, зять Англійскаго короля Георга IV.

---

[1]) Чего желаетъ король, то повелѣваетъ законъ.

[2]) Отъ слiянія Кельтско-Гальской народности съ Римскою.

[3]) Нассау-Оранскаго дома.

Уже совсѣмъ не по пути, революціонный мятежъ вспыхнулъ въ Петербургѣ 14-го Декабря 1825 г., въ день обнародованія манифеста о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича. Огорченный молодой Государь, безъ колебаній направляясь на выстрѣлы заговорщиковъ, раздававшихся по площади отъ зданія Сената до Зимняго дворца, отпустилъ слѣдовавшій за нимъ дипломатическій корпусъ, сказавши: *Это дѣло семейное, въ которое Европѣ нѣтъ причинъ вмѣшиваться.* То, что̀ въ этой лаконической рѣчи называлось *дѣломъ семейнымъ*, былъ обширный заговоръ, раскинутый отъ Сѣвера Россіи до крайнихъ предѣловъ ея на Югѣ. Къ главнымъ дѣятелямъ заговора принадлежали люди изъ высшихъ классовъ Русскаго общества. При опытной дѣятельности Польскаго усердія, заговорщики приняли всѣ мѣры, необходимыя для обезпеченія успѣха перевороту. Но конституціонное зданіе, созидавшееся нѣсколько лѣтъ, рухнуло до основанія въ нѣсколько часовъ, какъ не имѣвшее фундамента въ самомъ народѣ Русскомъ.

По странной случайности, Русскіе заговорщики и Меттернихъ, расходясь въ совершенно-противныя стороны, одинаково не желали убѣдиться въ томъ, что матеріальная сила даетъ прочную побѣду той сторонѣ, въ существо которой вошли цѣли и стремленія народныхъ желаній. И Русскіе заговорщики, и Меттернихъ плавали, каждый въ своихъ водахъ, противъ главнаго теченія—народнаго, и всѣ они захлебнулись. А первымъ, во избѣжаніе напрасныхъ человѣческихъ жертвъ, слѣдовало бы помнить, что живы сердитые народные крики времени воцаренія Анны Іоанновны: *Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывали законы, не хотимъ, чтобы вмѣсто одного государя было восемь!...* Меттерниху же не слѣдовало забывать, что на Западѣ давно умерла подобная редакція для выраженія искреннихъ народныхъ стремленій. И вотъ почему клочки ограничительнаго акта, уничтоженнаго въ Москвѣ руками царственной женщины *), должны въ исторіи пользоваться значеніемъ торжественнаго преобладанія не правительственнаго, а чисто-народнаго.

Ѳома-Близнецъ говорилъ: *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры.* Также, какъ Ѳома-Близнецъ, поступилъ и Меттернихъ, прислушиваясь въ Троппау къ словамъ самодержавнаго Александра: *Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить.*

*) Эти клочки хранятся въ Государственномъ архивѣ въ конвертѣ, на которомъ Анна Іоанновна написала: „Зловредныя писмы, какъ я на престолъ взошла". П. Б.

Но можно ли вводить ихъ безъ различія у всѣхъ народовъ?...... [1]. Но Ѳома-Близнецъ вложилъ руку въ *язвы гвоздинныя* Іисуса Христа и увѣровалъ; Меттернихъ же не вложилъ руку въ *язвы гвоздинныя* Австріи въ дни тяжкихъ для нея годовъ 1848 и 1849 и удаленіе въ Англію предпочелъ увѣрованію, оставивъ своего государя при самой неблагопріятной обстановкѣ. Невѣрующій Меттернихъ и ранѣе этихъ событій не замѣчалъ, что военныя прогулки Наполеона І-го разрушили до тла всѣ старые порядки Европы, не замѣчалъ, что пушечный громъ великаго капитана пробуждалъ народные инстинкты къ національности, что эти обновленія заставили сотню мелкихъ государствъ Германіи и Италіи сознать себя въ своихъ группахъ единородными и что, въ результатѣ всего этого, у него же на глазахъ, создалась полная невозможность когда-нибудь возвратить Европу къ феодализму и духовнымъ привилегіямъ.

Между тѣмъ Меттерниху совсѣмъ не было трудно подмѣтить у Прусскихъ государственныхъ людей иной взглядъ на происходившее. Въ основѣ ихъ обсужденій неизмѣнно лежала историческая оцѣнка факта по его духу и историческому смыслу, какъ оцѣнка продукта мысли, родившейся почти всегда много ранѣе осуществленія самаго факта. Оттого ихъ предусмотрительныя заключенія получали, до значительной степени, характеръ прорицательный, и оттого же они могли твердо совѣтовать королю Фридриху Вильгельму III-му установить демократическія правила въ его монархическомъ правленіи. Послѣднимъ взглядомъ особенно проникнуты были Штейнъ, Гумбольтъ и др.

Поговорка: *de mortuis aut nihil aut bene* не создана, конечно, для суда исторіи, которая нынѣ не признаетъ за Меттернихомъ ни особой талантливости государственнаго человѣка и политика, ни искреннихъ убѣжденій прямаго, честнаго консерватора, ни трудолюбія, необходимаго вліятельному дѣятелю, объясняя послѣднимъ недостаткомъ безпринципнаго министра его пристрастіе къ *status quo* [2].

Между современниками Меттерниха первымъ его разгадчикомъ несомнѣнно былъ императоръ Николай Павловичъ, хотя далеко не сразу, но уже до нѣкоторой степени довольно въ пору для Греческихъ дѣлъ. Вызвавъ къ себѣ графа Каподистрію, онъ обнадежилъ его своимъ заступничествомъ и въ 1826 году условился о союзныхъ дѣйствіяхъ съ Англіей. Къ этому союзу Франція присоединилась въ слѣдующемъ году, во время *Лондонской конференціи.* Все краснорѣчіе

---

[1] Эпоха конгрессовъ, С. М. Соловьева.

[2] Эпоха конгрессовъ, С. М. Соловьева. Deutche Geschichte in XIX Jahrhundert. Treutschke.

Меттерниха, усиленно-вскипѣвшее по поводу опять возникшаго вопроса о судьбахъ Греціи, не было удостоено никакимъ знакомъ вниманія со стороны императора Николая Павловича, и *Лондонскій трактатъ* былъ подписанъ 6 Іюля 1827 года.

Монархическіе принципы императора Николая Павловича, извѣстные всему міру, отнюдь не мѣшали ему дѣлать различіе между революціонными движеніями для насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка и движеніемъ національнымъ, ради самостоятельнаго права, громко, на весь міръ, исповѣдывать свое религіозное вѣрованіе. Меттернихъ не понималъ знаменитаго Государя и, вопивши противъ Грековъ, ошибся въ расчетахъ.

Подошелъ 1830 годъ, и съ нимъ Іюльская революція во Франціи, а вслѣдъ за нею началось новое политическое броженіе въ Германіи и съ Юга дошло до Берлина. Особенно сильно сказались безпорядки въ Брауншвейгѣ, гдѣ толпа подожгла и ограбила дворецъ своего герцога. Революціонерамъ была оказана на этотъ разъ уступка: сверженный Брауншвейгскій герцогъ не былъ возстановленъ, и права на престолъ перешли къ его брату. Но дѣло не было оставлено безъ вниманія и, по призыву Австріи, съѣзды уполномоченныхъ министровъ Россіи, Пруссіи и Австріи начались въ 1833 г. сначала въ Теплицѣ, Мюнхенгрецѣ, а потомъ, въ 1834 г., въ самой Вѣнѣ. Меттернихъ указывалъ на статьи *Вѣнской коммиссіи*, дающія *Священному Союзу* право вмѣшательства во внутреннія дѣла каждаго Нѣмецкаго государства, конституціонное представительное собраніе котораго не оказало своему правительству должнаго послушанія. Въ заключеніе указаній онъ, отъ имени Австріи, отказался признавать конституціонныя учрежденія всей Германіи и просилъ членовъ съѣзда послѣдовать его примѣру и сдѣлать тоже самое. Но члены съѣзда не послѣдовали его примѣру, не сдѣлали того же самаго, и Германскія конституціи удержались безъ всякой борьбы и препятствій.

Между тѣмъ, къ этому времени характеръ революціонныхъ движеній окончательно отлился въ другую форму. Уже не перемѣна правительства, не перемѣна образа правленія сдѣлались ихъ цѣлью, но непремѣнное достиженіе національнаго единства. Близился роковой моментъ разложенія Австрійской монархіи, моментъ издалека подготовленный патріотическою литературой.

Еще въ концѣ XVIII столѣтія западная Европа стала проникаться идеями о благѣ національнаго единства. Проводникомъ истины была, конечно, литература. Громкими проводниками Италіи были: Альфіери, Сильвіо Пеллико, Гверацци, Леонарди, Манцони, въ особенности Уго Фосколо, угадавшій начало возрожденія своего отечества во

Французскомъ господствѣ, которое пріучило Италіанцевъ становиться подъ одно знамя; Джусти, скорбящій въ своемъ il Stival (сапогъ-фигура Италіи) о заплатахъ на немъ изъ разнаго товара и о его судьбѣ служить не тѣмъ погамъ, которыя бы имѣли право его носить; Джузеппе Маццини, издатель *Indicatore Genovese*, *Indicatore Livornese*, и другіе.

Центрами литературной пропаганды, въ пользу объединенія Германіи, были ея университеты, *Гейдельбергскій*, по преимуществу. Сильнѣйшее слово съ профессорской каѳедры принадлежало Фридриху Христофу Шлоссеру, автору *Исторіи XVIII вѣка*, съ сочувственнымъ отзывомъ къ *основамъ* Французской революціи 1789 года, историку Гервинусу, Гоффнеру, написавшему *Die Reorganisatoren des Preussichen Staates*, философу Фихте, основателю общества буршей, Массману, оратору на празднествѣ буршей въ Вартбургѣ, Роттеку, автору популярной Нѣмецкой исторіи и многимъ другимъ ученымъ.

Славянская литература также имѣла своихъ знаменитыхъ поборниковъ *Панславизма*, т. е. Славянскаго единенія. Ихъ ученая разработка историческихъ матеріаловъ увѣнчалась неожиданнымъ историческимъ открытіемъ о древности Чешской письменности, которая существовала ранѣе письменности другихъ народовъ Европы. Доказательствомъ права на такое утѣшеніе національнаго самолюбія послужили двѣнадцать пергаментныхъ листковъ, найденныхъ Ганкою въ 1817 года на чердакѣ одной церковной башни небольшаго городка Краловъ-дворъ. Эти Кралодворскія рукописи послужили къ чрезвычайному возбужденію Славянской національности, и восхищенные взоры Славянъ обратились въ сторону могущественной Славянской Россіи. Словакъ Колларъ, въ своей поэмѣ *Slavy Dcera* (Дочь Славы), призывалъ *Русскаго великана* быть вождемъ Славянскаго отечества отъ Урала до Лабы (Эльбы). Въ 1826 г. Шафарикъ издалъ *Исторію Славянскихъ литературъ*. Въ 1829 г. Чехъ Челяковскій, желая ознакомить западныхъ Славянъ съ Русскою народною поэзіей, сталъ издавать *Отголоски Русскихъ пѣсенъ*; въ 1833 г. Людевитъ Гай призывалъ Славянъ въ *коло;* въ 1836 г. Палацкій принялся за изданіе *Чешской Исторіи*; въ 1837 г. Шафарикъ окончилъ свой трудъ *Славянскія Древности*. Въ сороковыхъ годахъ у Славянъ даже явилась своего рода Марсельеза со стихомъ противъ Мадьяръ: *Черный Татаринъ (Мадьяръ) попираетъ нашу націю и языкъ; но прежде чѣмъ онъ успѣетъ покорить насъ, мы бросимъ его въ бездну ада.* Наконецъ, въ журналѣ *Загребскія Иллирійскія Новины*, Иванъ Кокулевичъ заговорилъ о съѣздахъ изъ лучшихъ людей Славянства. Такъ, среди хаотическихъ правоотношеній Германскихъ государствъ между собою и западныхъ правительствъ къ народамъ,

зрѣла и созрѣла великая идея о самобытности каждой національности, обладающей отдѣльною областью, населеніемъ сплоченнымъ въ массу, языкомъ собственнымъ, особымъ и собственною литературою. Такимъ національностямъ, для ихъ историческаго будущаго, не доставало только государственной самостоятельности. Революціи приняли направленіе въ эту сторону.

А между тѣмъ Австрія, государственные швы которой, по своей этнографической пестротѣ, не могли быть прочны и должны были неминуемо уступить внутреннему напору, во имя правъ національности, не предприняла никакихъ реформъ, забывая, что, въ государственномъ механизмѣ, реформамъ иногда принадлежитъ существенная роль предохранительныхъ клапановъ паровыхъ двигателей. На всѣ новости о мудрыхъ распоряженіяхъ Прусской администраціи, въ пользу своего объединенія съ новыми провинціями, отошедшими къ ней по Вѣнскому конгрессу, на всѣ новости о Прусскомъ ландверѣ, Прусскихъ *провинціальныхъ сеймахъ*, Прусскомъ главенствѣ въ Таможенномъ Союзѣ, Zollverein, о горячемъ участіи Пруссіи ко всѣмъ вопросамъ Нѣмецкой націи, Меттернихъ только повторялъ, что Австрія *не Германская держава, а Европейская* и что для нея одинаково важны политическіе вопросы, какой бы странѣ изъ Европейскихъ они ни принадлежали.

Тѣмъ временемъ, второстепенныя Германскія государства не останавливались передъ уступками демократамъ, по вопросамъ ни о замѣнѣ *Германскаго сейма Германскимъ парламентомъ*, ни о судѣ присяжныхъ, ни о равенствѣ религіозныхъ вѣроисповѣданій. Пруссія слѣдила за этими перемѣнами съ большимъ вниманіемъ и принимала въ нихъ участіе, насколько того требовало ея поступательное движеніе къ политическому первенству въ Германіи. Австрія стала поперекъ ея дороги. Но это соперничество отозвалось Австріи разгромомъ при Садовой въ 1866 году, а для Пруссіи—поднесеніемъ, въ 1871 году въ Версали, Германскими государями Прусскому королю Императорской Германской короны *).

---

*) Выборы въ члены *Германскаго парламента*, собравшагося въ Мартѣ 1848 г., были произведены по постановленію Франкфуртскаго *Союзнаго сейма*. Новыя парламентскія преобразованія заключались, главнѣйшимъ образомъ, въ замѣнѣ представителей отъ народовъ Германіи и въ передачѣ исполнительной власти особому *регенту* или *намѣстнику* государства, избранному по большинству голосовъ. Пруссія отказалась подчинять свои войска *намѣстнику* и обусловила такіе случаи декретами своего короля. Первымъ намѣстникомъ избранъ былъ Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ. Это избраніе не помѣшало дробленію парламента на партіи и не помѣшало демократической партіи взволновать

Но еще за двадцать почти лѣтъ до Садовой, внутренняя политика Меттерниха поставила самое существованіе Австріи въ крайне-опасное положеніе: Ломбардо-Венеція возстала за независимость, Чехи заявили рѣшительное желаніе пользоваться національнымъ самоуправленіемъ, Венгрія вознамѣрилась вовсе отдѣлаться отъ Австріи [1]).

Такимъ образомъ, когда во Франціи, послѣ Февральской Парижской революціи въ 1848 г., установилось республиканское правленіе, то Меттернихъ уже былъ застигнутъ очень зловѣщими для Австріи признаками. Сообщая о своихъ опасеніяхъ графу Нессельроде, онъ находилъ необходимымъ усилить восьмидесятитысячную Австрійскую армію въ Италіи еще сорокатысячнымъ корпусомъ и искалъ въ Россіи субсидіи изъ 5% на сто. Въ томъ же письмѣ къ графу Нессельроде онъ увѣдомлялъ его, что даже Австрійское посольство въ Петербургѣ не посвящено въ эту тайну, которая извѣстна одному только Австрійскому императору. Вслѣдъ затѣмъ Меттернихъ, при конфиденціальномъ письмѣ отъ 6 Января 1848 г., переслалъ секретную депешу лорда Пальмерстона къ лорду Понсоби (Ponsoby), Англійскому посланнику въ Вѣнѣ [2]). Содержаніе этой депеши заключалось въ томъ, что лордъ Пальмерстонъ, заявляя объ удовлетвореніи Англіи по поводу объясненій Вѣнскаго кабинета, изъ которыхъ усмотрѣно, что Австрія не будетъ преслѣдовать въ Италіи другихъ цѣлей, кромѣ охраненія

чернь противъ парламентскаго большинства, при чемъ были убиты члены парламента: князь Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ. Франкфуртъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Но собственно объединеніе Германіи было, однако-же, общимъ желаніемъ. Достигнуть же этой цѣли не оказывалось возможности вслѣдствіе соперничества Австріи съ Пруссіей. *Малогерманская* партія требовала объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, съ исключеніемъ Австріи изъ союза, *Велико-германская* партія настаивала на объединеніи Германіи безъ такого исключенія. Когда же большинство голосовъ избрало Прусскаго короля наслѣднымъ Германскимъ императоромъ, то и самъ Фридрихъ Вильгельмъ IV не принялъ избранія, основывая отказъ на томъ, что въ этомъ избраніи Нѣмецкіе государи не имѣли свободнаго участія.

[1]) Венгерское королевства состояло изъ собственно Венгріи съ Венгерскимъ населеніемъ до 5½ милліоновъ; Кроаціи съ Славоніей, Далмаціи, Военной Границы, Поморья съ Славянскимъ населеніемъ въ 4½ милліона, Трансильванія съ населеніями: Валаховъ до 2½ милліоновъ, Нѣмцевъ до 1½ мил. Цыгане, Армяне, Греки, Итальянцы, Албанцы и Жиды составляли до 500,000 разбросаннаго населенія. Въ 1825 г. Венгерцы добились, чтобы ихъ національный сеймъ былъ собираемъ въ установленные сроки. Славянскія области, входящія въ составъ Венгерскаго королевства, посылали отъ себя депутатовъ въ Офенъ, но управлялись своими *банами*, съ титуломъ бароновъ Венгерскаго королевства. Баны, въ общихъ государственныхъ дѣлахъ, подчинялись палатину.

[2]) Госуд. Архивъ. Карт. № 20.

своихъ областей, не находилъ никакихъ признаковъ революціоннаго движенія ни въ одномъ изъ Итальянскихъ государствъ. Что же касалось до волненій въ Неаполѣ (которыхъ Пальмерстонъ не могъ не видѣть, при всемъ нежеланіи ихъ видѣть), то, по его мнѣнію, они должны были прекратиться въ ближайшемъ будущемъ. Ихъ источникомъ лордъ опредѣлялъ нежеланіе короля *Обѣихъ Сицилій* слѣдовать въ реформахъ примѣрамъ короля Сардиніи, герцога Тосканы и папы, и выражалъ твердую надежду, что Неаполитанскій король несомнѣнно не пожелаетъ долѣе оставаться назади ихъ на пути прогресса. Въ заключеніе прибавлялось, что правительство королевы Викторія убѣждено въ безопасности Австрійскихъ владѣній со стороны внѣшнихъ нападеній; самъ же Пальмерстонъ искренно сожалѣлъ, что и *очевидное спокойствіе Италіи* не внушаетъ Австріи слѣдуемаго довѣрія.

Къ этой перепискѣ лордовъ Меттернихъ приложилъ собственноручное письмо, которое начиналось просьбою о сохраненіи тайны: . . . . de ne point avoir l'air d'avoir lu. Lord Ponsoby m'en a fait part confidentiellement et sous la promesse, que je ne ferai pas à son gouvernement la honte d'en faire usage. Où, mon cher comte, le monde ira-t-il dans les . . . . (одно слово не разобрано) dans lesquelles l'engagent certains hommes? Nous tiendrons tête à l'orage aussi longtemps que les forces de la résistance ne seront point éteintes en nous. Le jour où elles seront usées que deviendra le monde? Ce jour je ne le verrai sans doute plus, mais je suis trop ami de l'humanité pour me consoler du mal qui, en ne me touchant plus, frappera bien d'autres [1]) . . . .

Слѣдующее затѣмъ письмо Меттерниха къ графу Нессельроде [2]), отъ 2 Февраля н. с. 1848 г., очерчивая положеніе дѣлъ въ Италіи, говоритъ, что Австрія одна не можетъ исчерпать этотъ вопросъ (vider cette question), что общее вниманіе должно быть обращено по преимуществу на Неаполь, и что крайне необходимо впередъ условиться о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для будущаго.

На этомъ письмѣ сдѣлана помѣтка рукою графа Нессельроде: *nous en parlerons* (объ этомъ мы поговоримъ).

---

[1]) Не показывать и вида, что прочли. Лордъ Понсоби сдѣлалъ мнѣ сообщеніе конфиденціально и подъ условіемъ, что я имъ не воспользуюсь къ стыду его правительства. Куда, дорогой мой графъ, двинется міръ, подчиняясь извѣстнымъ людямъ? Мы будемъ твердо сопротивляться бурѣ и до истощенія послѣднихъ своихъ силъ. Въ день, когда силы эти изсякнутъ, что̀ будетъ съ міромъ? Этого дня я, конечно, не увижу; но я слишкомъ большой другъ человѣчества, чтобы утѣшаться зломъ, которое, не задѣвая меня, поразитъ столькихъ другихъ.

[2]) Госуд. Архивъ, Картонъ № 226.

Это *nous en parlerons* было высказано въ отвѣтѣ, отъ 7 Фев. с. с., на проектѣ котораго, рукою императора Николая Павловича, начертано: *Быть по сему* [1]).

Nous ne saurions donner des conseils à l'Autriche, dans la crise actuelle en Italie, sans connaître précisément les intentions et les ressources du cabinet de Vienne. Notre assistance est limitée aussi par nos propres intérêts. Nous sommes trop éloignés de la scène des événements de l'Italie. L'Empereur ne saurait envoyer un corps auxiliaire. Il ne faut pas disseminer nos forces, mais les réserver concentrées pour des points plus rapprochés de nous. C'est à l'Autriche à remédier au mal; sa force militaire doit y suffir. Mais si la France (ce qui n'est pas probable) prenait part pour l'Italie contre l'Autriche, la guerre deviendrait générale, et nous soutiendrons l'Autriche. Nous viendrions aussi au secours de l'Autriche si le radicalisme éclatait en Allemagne. Pour l'Italie nous bornons notre action au maintenir l'état de possession territoriale consacré par traité.

En cas d'un démembrement du royaume des Deux-Siciles, l'Angleterre, la France, la Russie, aussi bien que l'Autriche, seraient obligées de faire respecter les traités [2]).

Такъ началась переписка императора Николая Павловича по наступавшему вопросу о существованіи Австріи. Слѣдя орлинымъ взоромъ за судьбою Славянской національности въ Венгріи, онъ принялъ рѣшающее участіе въ судьбѣ Австріи и спасъ ее отъ крушенія.

Одаренный высокими качествами ума и сердца, волею непреклонною и воспитанный въ религіозномъ пониманіи самодержавія, императоръ Николай Павловичъ искренно почиталъ законность. Въ его гла-

---

[1]) Госуд. Архивъ, Карт. № 55.

[2]) Мы не можемъ давать совѣты Австріи, по поводу нынѣшняго кризиса въ Италіи, не зная точныхъ намѣреній и средствъ Вѣнскаго кабинета. Наша помощь ограничена собственными нашими интересами. Мы слишкомъ удалены отъ сцены Итальянскихъ событій. Императоръ не можетъ отправить туда вспомогательнаго корпуса. Не слѣдуетъ намъ разсѣевать свои силы, но слѣдуетъ держать ихъ сосредоточенными для мѣстъ болѣе къ намъ приближенныхъ. Австрія должна сама излѣчить зло, ея военная сила для этого достаточна. Но если Франція (что едва ли вѣроятно) приняла бы сторону Италіи противъ Австріи, то, въ общей войнѣ, которая за тѣмъ воспослѣдуетъ, мы поддерживали бы Австрію. Мы также придемъ на помощь Австріи, еслибы взрывъ радикализма обнаружился въ Германіи. Для Италіи мы ограничиваемъ свое участіе поддержаніемъ существующаго положенія земельнаго владѣнія, освященнаго договоромъ. Въ случаѣ же расчлененія королевства обѣихъ Сицилій, Англія, Франція, Россія, также какъ и Австрія, обязаны заставить уважать договоры.

захъ насильственное ограниченіе монархической власти представлялось не иначе, какъ безнравственнымъ нарушеніемъ религіознаго принципа и сугубымъ вредомъ для подданныхъ. *Одинъ Корнель,* говорилъ онъ. *имѣлъ справедливую и истинную идею о верховной власти и относился къ ней съ уваженіемъ, какъ къ власти истекающей отъ самого Бога.* Такое же убѣжденіе онъ вносилъ въ свой взглядъ и на условія семейной жизни, правильно считая семью началомъ государственныхъ и нравственныхъ основъ. Это отношеніе къ семейному очагу онъ однажды рѣзко выразилъ, еще въ юношескомъ возрастѣ, во время своего возвращенія въ 1815 г. изъ Парижа чрезъ Швейцарію. Осматривая, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, Цюрихское поле битвы, мѣсто пораженія Корсакова въ 1799 г. Массеною, онъ узналъ, что императрица Французовъ, Марія-Луиза, проѣзжаетъ Цюрихъ, направляясь въ Акеръ. Сопутствующіе ожидали, что Великій Князь поторопится видѣться съ нею, но они обманулись. *Гораздо пріятнѣе было бы знать, что она, исполняя долгъ жены, отправляется, наконецъ, къ мужу на островъ Эльбу,* сказалъ онъ и продолжалъ печальную прогулку.

Какъ искренній патріотъ, онъ нераздѣльно слилъ свое самолюбіе съ достоинствомъ отечества и умеръ отъ огорченія, когда во внѣшнихъ сношеніяхъ высота ноты Русскаго голоса показалась ему упавшею. Страшной Англіи онъ не задумался пригрозить, въ 1850 году, удаленіемъ изъ Россіи всѣхъ ея подданныхъ, если она не прекратитъ своихъ требованій, предъявленныхъ къ Неаполю, Тосканѣ и Греціи, объ удовлетвореніи Англійскихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ во время народныхъ безпорядковъ.

При такихъ убѣжденныхъ воззрѣніяхъ императора Николая Павловича на государственную народную жизнь, его царствованіе отличалось характеромъ охранительнымъ, что совершенно сходилось съ завѣтами Русскаго народа. Эта крѣпкая связь неограниченной власти Царя съ религіознымъ отзывомъ къ ней со стороны Русскаго народа просто и чрезвычайно сильно высказывалась при всякихъ взаимныхъ обращеніяхъ и, конечно не было ничего преувеличеннаго въ словахъ манифеста отъ 11-го Апрѣля 1854 года: *какъ мыслитъ Русскій Царь, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ нимъ Русская земля....!*

Меттернихъ, обращаясь къ Россіи за помощью, всецѣло разсчитывалъ на монархическіе принципы Русскаго Государя, и потому онъ былъ уничтоженъ отвѣтомъ, полученнымъ изъ Петербургскаго кабинета. Слова: *Notre assistance est limitée aussi par nos propres intérêts* и *c'est à l'Autriche à rémedier au mal* прямо указали, что колебанія Габсбургскаго престола не вызовутъ къ его услугамъ непосредственнаго содѣйствія Русскихъ баталіоновъ. И дѣйствительно, Русскій дву-

главый орелъ перелетѣлъ Карпаты только въ минуту, когда могучій ударъ его крыла очень понадобился дѣлу изнемогающаго Славянства.

Между тѣмъ революціонные валы запѣнились прежде всего въ самой Вѣнѣ, и ихъ первый шумъ потребовалъ удаленія Меттерниха. Императоръ Фердинандъ, выслушавъ народную депутацію, назначилъ Меттерниха посломъ въ Лондонъ, куда тотъ немедленно уѣхалъ, вопреки своей, недавно еще, высказанной рѣшимости въ письмѣ къ Нессельроде. Съ дороги онъ отправилъ, на имя императора Николая Павловича письмо отъ 14-го Марта н. с. 1848 года *), въ которомъ, выставляя на видъ свою сорокалѣтнюю борьбу съ соціализмомъ, увѣдомлялъ о своемъ отъѣздѣ и поручалъ себя благоволенію Государя.

Почти одновременно съ Вѣнскими событіями политическіе безпорядки открылись и въ Берлинѣ. Но изъ-за нихъ Прусскіе государственные люди не оставили ни своего короля, ни его столицы и постарались захватить народное движеніе въ свои руки.

Вмѣсто *провинціальныхъ сеймовъ* созванъ былъ въ Берлинѣ *Общій* или *Соединенный сеймъ*, который, въ Апрѣлѣ 1847 г., былъ открытъ королемъ въ Бѣлой залѣ дворца слѣдующимъ вступленіемъ: *Никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ на небесахъ и моею страною на землѣ былъ помѣщенъ въ роли втораго Провидѣнія листъ исписанной бумаги, параграфы котораго управляли бы нами......* Далѣе развивалась картина превращенія Германіи изъ *союза государствъ* въ объединенное *союзное государство,* съ представительными формами правленія. Вскорѣ послѣ этой рѣчи, король даровалъ конституцію, впрочемъ довольно ограниченную. Въ слѣдующемъ 1848 году, Берлинское населеніе, подъ вліяніемъ Февральской Парижской революціи и оппозиціонной партіи изъ либераловъ, потребовало расширенія конституціонныхъ правъ. Настали Мартовскіе дни. Король находилъ возможнымъ оказать до нѣкоторой степени удовлетвореніе новымъ настояніямъ, и восхищенные Берлинцы кинулись ко дворцу, для выраженія своей признательности. Но союзъ верховной власти съ народомъ вовсе не входилъ въ разсчеты либераловъ. Два вѣроломныхъ выстрѣла, пущенные въ ликующую толпу, совершенно ее обманули. Съ крикомъ: *насъ убиваютъ, къ оружію*! народъ бросился на баррикады. Войска разрушили баррикады; но, изъ-за этого печальнаго безпорядка король не измѣнилъ своимъ намѣреніямъ и, оставаясь на высотѣ собственнаго значенія и политической задачи, онъ собралъ въ Берлинѣ *учредительное* или *національное собраніе* и, согласно своему обѣщанію,

---

*) Госуд. Архивъ, Картонъ № 994.

утвердилъ новую конституцію. Вся Германія прониклась чувствомъ уваженія и симпатіи къ Прусскому королю, Фридриху Вильгельму IV [1]). И Прусскіе государственные люди также пользовались народнымъ довѣріемъ, хотя они очень мало церемонились съ либералами. Оттофонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, замѣнившій князя Гогенлоэ въ 1851 году, говорилъ бюджетной коммиссіи: *Не рѣчами и не рѣшеніями большинства въ парламентахъ разрѣшаются великіе вопросы вѣка, а желѣзомъ и кровью.....*, на несогласіе же либеральной палаты депутатовъ утвердить бюджетъ военнаго министерства онъ прямо объявилъ, что для дѣла онъ обойдется безъ палаты и: *буду брать нужныя суммы тамъ, гдѣ ихъ найду*. Сказано-сдѣлано. А послѣ *хирургической операціи 1866 года* подъ Садовой, когда сѣверная Германія до р. Майна, подъ названіемъ *Сѣверо-Германскаго союза*, признала политическое главенство Пруссіи, всѣ Нѣмцы поклонились тому имени, которое еще такъ недавно произносилось ими совсѣмъ нелюбовно. Имя это—Бисмаркъ.

Послѣ удаленія Меттерниха, едва императоръ Фердинандъ I, по просьбѣ прибывшей Венгерской коммиссіи съ Кошутомъ во главѣ, даровалъ Венгріи право національнаго управленія, какъ вслѣдъ за этимъ ему были поднесены адресы о дарованіи конституціонныхъ правъ самой Австріи. Эти адресы были переданы въ *Нижне-Австрійскій сеймъ* на разсмотрѣніе. Но 13-го Марта уличная толпа ворвалась въ засѣданіе съ крикомъ: *да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи!* Новое соглашеніе императора Фердинанда не успокоило столицы, и онъ, быть можетъ опасаясь услышать даже провозглашеніе республики, удалился въ Инспрукъ (Тироль). Отсюда было получено его письмо, отъ 11-го Іюля 1848 года [2]), на имя императора Николая Павловича, въ которомъ, жалуясь на разстроенное здоровье, онъ сообщалъ о передачѣ правленія государствомъ, на все время своего отсутствія, Австрійскому эрцгерцогу Іоанну.

Тѣмъ временемъ вспыхнуло возстаніе за независимость въ Миланѣ. Сардинскій король поддержалъ возстаніе своими войсками. Ему теперь очень льстила надежда стать во главѣ объединенной Италіи, хотя на подобныя предложенія онъ еще недавно отвѣчалъ: *Italia farà da se.* (Италія сама сдѣлается). Съ своей стороны и лордъ Пальмер-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV неизлѣчимо заболѣлъ въ 1856 году. Король Вильгельмъ I вступилъ на престолъ Пруссіи въ 1861 г., а въ 1871 г. былъ провозглашенъ Германскимъ императоромъ.

[2]) Госуд. Архивъ, Картонъ № 2622.

стонъ, тоже еще недавно удивлявшійся тревожной подозрительности Вѣнскаго кабинета, поддерживалъ теперь инсургентовъ и совѣтами, и деньгами.

Успѣхъ, въ началѣ, благопріятствовалъ видамъ Карла-Альберта, и Ломбардія была очищена отъ Австрійскихъ войскъ. Но престарѣлый Австрійскій фельдмаршалъ Радецкій, подкрѣпленный корпусомъ генерала Вельдена, воспользовался проволочкою дипломатическихъ переговоровъ о Ломбардіи и, оставивъ свою позицію между Минчіо и Эчемъ, разбилъ Итальянцевъ на голову, 25 Іюня, при Кустоцци. Эта побѣда возвратила Австріи всю Ломбардію; въ слѣдующемъ году другая, при Новарѣ, лишила Карла-Альберта короны, отъ которой онъ, на другой же день битвы, отказался въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Побѣдитель Радецкій получилъ изъ Петербурга знаки ордена св. Георгія первой степени. Онъ горячо выразилъ свою признательность за награду, императору Николаю Павловичу, письмомъ изъ Милана [1], а императоръ Фердинандъ письмомъ изъ Шёнбруна [2], за вниманіе къ его арміи.

Въ тоже время Венгерцы, устраивая свои дѣла, выразили на *Пресбургскомъ* сеймѣ совсѣмъ недвусмысленное желаніе преслѣдовать Славянскую національность до полнаго ея искорененія. Въ отвѣтъ на это, 3 Іюня 1848 года, собрался *Славянскій конгрессъ* въ Прагѣ. Славяне, не понимавшіе или мало понимавшіе разговоръ разныхъ своихъ народностей, могли здѣсь уразумѣть, что часъ ихъ единенія еще не пробилъ; но надежды на то, что часъ этотъ настанетъ, окрѣпли и получили значеніе полной вѣроятности въ будущемъ.

Между тѣмъ толки по поводу самаго съѣзда и толки Чеховъ о равноправности коронъ св. Вацлава и св. Стефана на автономію, при общемъ политическомъ броженіи, ожесточили отношенія Славянъ къ Нѣмцамъ и послужили поводомъ къ кровавымъ уличнымъ схваткамъ. Князь Виндишгрецъ, Австрійскій фельдмаршалъ, бомбардировалъ Прагу и, по усмиреніи, объявилъ городъ въ осадномъ положеніи. При такой неожиданной обстановкѣ, сеймовыя сходки Славянъ сдѣлались немыслимы, и съѣздъ былъ ими объявленъ отложеннымъ на неопредѣленное время.

Но этотъ жестокій эпизодъ слабѣе волновалъ Славянскую кровь, чѣмъ усиленіе Венгріи нераздѣльнымъ присоединеніемъ къ ней Тран-

---

[1]) Госуд. Архивъ, Картонъ № 3328, отъ 10 Сент. 1848 г.

[2]) Госуд. Архивъ, Картонъ № 3240, получено 12 Сент. 1848 г.

сильваніи. Эта уступка Фердинанда I, назначившаго Венгерца, графа Людовика Батіани, главою Венгерскаго министерства и пріѣхавшаго, 29 Марта н. с., въ Пештъ, для подтвержденія на сеймѣ всего сдѣланнаго въ пользу Венгерцевъ, заставила Славянъ составить особую депутацію, которая изъ Загреба (Аграмъ) отправилась къ императору въ Вѣну. Ходатайства ея имѣли цѣлію: отдѣленіе Кроаціи, Далмаціи и Славоніи отъ Венгерской короны и назначеніе *баномъ* этихъ земель народнаго любимца, полковника барона Іосифа Іелачича, съ непосредственнымъ подчиненіемъ его Вѣнскому правительству.

Императоръ охотно согласился утвердить Іелачича въ званіи *бана*, которое производило его изъ полковниковъ прямо въ фельдмаршалъ-лейтенанты, но, избѣгая открытой распри съ Венгріей, не согласился на отдѣленіе отъ нея Славянскихъ земель.

Неудовлетворенные Славяне, сдѣлавъ въ Аграмѣ торжественную встрѣчу Іелачичу, образовали *Сербское народное собраніе*, сначала открытое въ Нейзацѣ (Новый Садъ), потомъ въ Карловицахъ. Съѣзды эти постановили добиться отдѣленія отъ Венгерской короны всѣхъ Сербскихъ земель и соединенія ихъ съ Кроаціей и Славоніей подъ непосредственною властію Австрійскаго императора. Трансильванскіе Валахи и Нѣмцы, тоже сильно не сочувствовавшіе мадьяризму, стали на сторону Славянъ.

Борьба между Славянами и Венгерцами не замедлила открыться, несмотря на переговоры Батіани съ Іелачичемъ въ Вѣнѣ, и 11 Сентября (30 Августа) Іелачичъ съ войсками перешелъ р. Драву. Венгерскій палатинъ, эрцгерцогъ Іоаннъ, по полученіи конфиденціальныхъ объясненій отъ Іелачича, оставилъ ввѣренныя ему войска на попеченіе генерала Мога и уѣхалъ въ Вѣну.

Венгерцы не были готовы къ серьезной оборонѣ, и начало военныхъ дѣйствій Іелачича сопровождалось успѣшнымъ наступленіемъ. Пользуясь удобными обстоятельствами, Вѣнское правительство обратилось къ Венгерцамъ съ воззваніемъ, требуя отъ нихъ непосредственнаго подчиненія вновь назначенному правительственному комиссару, фельдмаршалъ-лейтенанту Ламбергу и бану Іелачичу. Воззваніе произвело взрывъ между Венгерцами, и жертвою ихъ раздраженія сдѣлался Ламбергъ, котораго они растерзали на Дунайскомъ мосту, при въѣздѣ его въ Офенъ. Въ свою очередь, негодующее Вѣнское правительство, не знавшее еще о неудачѣ Іелачича при встрѣчѣ съ Могою у Веленче, и объ отступленіи бана къ пограничному Дейчъ-Альтенбургу, объявило Венгрію на военномъ положеніи и, на мѣсто Ламберга назначило барона Речей. Тогда Венгерцы, ободренные успѣхами своихъ войскъ, обратились къ открытому возстанію.

Между тѣмъ тайные агенты Котута успѣли возбудить населеніе Вѣны къ анархическому мятежу. Обманутый народъ совершенно безсмысленно бросился останавливать выступленіе войскъ, часть которыхъ, по ошибочному предположенію, назначалась къ Офену, на подкрѣпленіе Іелачича. Народное покушеніе не обошлось безъ жертвъ. Озлобленные потерями, мятежники ворвались въ домъ военнаго министра, убили его безчеловѣчнѣйшимъ образомъ и разогнали національное собраніе. Когда слухи объ этихъ безпорядкахъ достигли до Виндишгреца, онъ немедленно оставилъ Богемію, а Іелачичъ—Дейчъ-Альтенбургъ, и оба поспѣшили къ Вѣнѣ, откуда императоръ Фердинандъ удалился въ Ольмюцъ.

Воззваніе главноначальствующаго Виндишгреца къ столицѣ осталась безъ желанныхъ послѣдствій. Во главѣ мятежниковъ стоялъ членъ Германскаго парламента, Робертъ Блюмъ; оборону города взялъ на себя Польскій генералъ Бемъ. Но послѣдній удалился въ Венгрію ранѣе конца осады столицы, которая продолжалась всего шесть дней; а Блюмъ, не взирая на достоинство народнаго представителя, былъ, по приказанію фельдмаршала, разстрѣлянъ вмѣстѣ съ главными зачинщиками, внушенія которыхъ убѣдили жителей Вѣны воевать, въ данномъ случаѣ, противъ самихъ себя.

Императоръ Николай Павловичъ, увѣдомленный объ усмиреніи Вѣны, послалъ генералъ-адъютанта барона Ливена къ императору Фердинанду съ поздравленіемъ [1]), бану барону Іелачичу знаки св. Георгія первой степени, а Виндишгрецу—свои собственные знаки св. Андрея Первозваннаго, осыпанные бриллiантами.

Австрійскій императоръ живо былъ тронутъ этимъ вниманіемъ; самъ же Виндишгрецъ, въ письмѣ изъ Шёнбруна, просилъ Государя о согласіи на сохраненіе ордена, съ его плеча, въ своемъ потомствѣ [2]). Вслѣдъ за этимъ Государю было доставлено Австрійскимъ эрцгерцогомъ Вильгельмомъ два письма изъ Ольмюца, оба отъ 2 Декабря 1848 г., одно—отъ Фердинанда I, другое—отъ Франца-Іосифа I.

Фердинандъ I, изложивъ успѣхи своей арміи въ Италіи, продолжаетъ [3]): «Mais il s'agit maintenant de créer un nouvel ordre de choses; il s'agit de le créer au milieu de l'exagération des passions et des

---

[1]) Госуд. Архивъ. Картонъ № 597. Въ картонѣ хранится лишь извлеченіе изъ поздравительнаго письма императора Николая Павловича, отъ 29 Октября.

[2]) Госуд. Архивъ. Картонъ № 3967. Письмо это, отъ 23 Ноября н. с., вмѣстѣ съ письмомъ Австрійскаго императора, было доставлено г.-ад. барономъ Ливеномъ.

[3]) Госуд. Архивъ. Картонъ № 4010.

menées constantes des ennemis de l'ordre. Je ne sens point la force de satisfaire à une vocation aussi ardue. Ma santé est affectée, et j'éprouve le besoin du repos. Le salut de l'Empire réclame des forces que la jeunesse seule peut donner à l'âme et au corps» [1]).

Письмо оканчивается увѣдомленіемъ о передачѣ престола старшему своему племяннику, 18-ти лѣтнему эрцгерцогу Францу-Іосифу 1-му, сыну Франца-Карла, и просьбою о благоволеніи къ преемнику.

Новый Австрійскій императоръ писалъ [2]):

Sire,

L'Empereur mon auguste oncle m'encourage à demander à Votre Majesté une faveur, à laquelle je n'ai encore aucun titre. Je ne méconnais point la grave responsabilité que m'impose mon avénement au trône devant Dieu et les hommes. Je n'ai point l'expérience qu'il faudrait pour affronter une époque comme la nôtre. Daignez, Sire, porter sur moi une partie des sentiments de confiance et d'affection, dont feu l'Empereur François, de glorieuse mémoire, a reçu tant de preuves jusqu'à sa mort, et dont son successeur a eu soin de graver le souvenir dans mon coeur. L'armée dont j'ai eu l'occasion d'apprécier la valeur et l'excellent esprit me donne de la confiance dans l'avenir, et j'entretiens l'espoir que les principes politiques et la marche de mon gouvernement me concilieront le suffrage de Votre Majesté.

Veuillez agréer, Sire, l'hommage de la haute considération, avec laquelle j'ai l'honneur d'être de Votre Majesté le très affectionné Frère

François Joseph.

Olmütz, ce 2 de Décembre. 1848 [3]).

Два дня спустя, новый императоръ послалъ въ Варшаву курьера къ Государю съ собственноручнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія.

---

[1]) Но нынѣ необходимо создать новый порядокъ вещей; необходимо создавать его среди преувеличенныхъ (въ смыслѣ разнуздавшихся) страстей и постоянныхъ происковъ враговъ порядка. Я совсѣмъ не чувствую силы для удовлетворенія такому тяжкому призванію. Здоровье мое разстроено, и я испытываю необходимость покоя. Спасеніе Имперіи требуетъ силъ, которыя одна только молодость можетъ дать душѣ и тѣлу.

[2]) Госуд. Арх. Карт. № 4011. Письмо отъ 2-го Декабря н. с.

[3]) Государь! Императоръ, мой августѣйшій дядя, ободряетъ меня въ испрошеніи у Вашего Величества милости, на которую я еще не имѣю никакого права. Я признаю чрезвычайную отвѣтственность, которую на меня возлагаетъ мое восшествіе на престолъ, передъ Богомъ и людьми. Я вовсе не имѣю опытности, необходимой для смѣлой борьбы

Monsieur Mon Frère,

J'ai appris par le c-te de Medem que Votre Majesté Impériale et Monsieur Son fils, le Grand-Duc Héritier, ont reçu avec indignation la nouvelle de la défection des deux régiments hongrois qui avaient l'honneur de porter Leurs Augustes noms. Certes, si Votre Majesté Impériale et le Grand-Duc Héritier se fussent trouvés à la tête de ces régiments, les sentiments chevaleresques et l'esprit militaire qui caractérisent Son Auguste Maison, auraient suffit pour maintenir ces troupes égarées dans la ligne du devoir et de l'honneur. Le c-te de Medem a ajouté que, pour prouver à ma brave et vaillante armée, à quel point Elle sait apprécier ses vertus militaires, Votre Majesté avait manifesté le désir de conserver pour Elle et pour le Grand-Duc Héritier le droit de porter l'uniforme de généraux autrichiens.

Je suis profondément touché de cette marque d'amitié que Votre Majesté Impériale veut bien me donner et qui ne laissera pas d'être accueillie comme elle le mérite dans mon armée. Je La prie par conséquent, ainsi que son Altesse Impériale le Grand-Duc Héritier, vouloir bien m'honorer en portant désormais l'uniforme des Feld-Maréchaux et d'agréer l'expression des sentiments d'amitié inviolable et de haute considération, avec lesquels je suis, Monsieur mon Frère, de Votre Majesté Impériale le bon frère, ami et fidèle allié François Joseph.

Olmütz
le 4 Décembre 1848 *).

противъ времени какъ наше. Благоволите, Государь, перенести на меня часть тѣхъ чувствъ довѣрія и расположенія, которыхъ, славной памяти, императоръ Францъ получалъ столько доказательствъ до самой своей смерти, и воспоминанія о которыхъ его преемникъ заботливо начерталъ въ моемъ сердцѣ. Армія, храбрость и отличный духъ которой я имѣлъ случай оцѣнить, вселяетъ въ меня полное довѣріе къ будущему, и я сохраняю надежду, что политическіе принципы и направленіе моего правительства заслужатъ мнѣ одобреніе Вашего Величества. Соблаговолите принять Государь, свидѣтельство глубочайшаго уваженія, съ которымъ имѣю честь пребыть. Вашего Величества искренно любящій братъ Францъ Іосифъ 1-й. Ольмюцъ, сего 2-го Декабря 1848 г. Госуд. Арх. Карт. № 4065.

*) Государь мой братъ. Я узналъ отъ графа Медема, что Ваше Императорское Величество и Вашъ сынъ, Великій Князь Наслѣдникъ, встрѣтили съ негодованіемъ новость объ отступленіи двухъ Венгерскихъ полковъ, имѣвшихъ счастіе носить Ваши Августѣйшія имена. Несомнѣнно, что если бы Ваше Императорское Величество и Великій Князь Наслѣдникъ находились бы во главѣ этихъ полковъ, то рыцарскія чувства и воинственный духъ, которые характеризуютъ вашъ Августѣйшій домъ, оказались бы достаточными, чтобы

Замѣчательный отвѣтъ императора Николая Павловича, отъ 6-го Декабря с. с. 1848 г., былъ врученъ Великому Князю Константину Николаевичу, для передачи Австрійскому императору въ Ольмюцѣ.

Monsieur mon Frère [1]).

Je ne saurais assez dire à Votre Majeste Impériale, combien nous avons été touchés, moi et mon fils, de la preuve d'amitié, qu'Elle a bien voulu nous donner dès le début de son règne, en nous proposant de revêtir désormais l'uniforme de Feld-Maréchaux de l'armée autrichienne en échange de celui des deux régiments hongrois, dont les drapeaux ont été flétris par une indigne défection et qui jusqu'ici avaient porté nos noms. Votre Majesté Impériale a compris toute l'indignation qu'un pareil crime a dû nous inspirer et rendu justice à nos sentiments.

Néamoins, Monsieur mon frère, nous ne saurions accepter la proposition telle que Votre Majesté vient de nous le faire. Ni moi, ni mon fils, nous n'avons eu le bonheur de mériter sur le champ de bataille le grade de feld-maréchal dans notre propre armée. Il nous serait donc impossible de porter un autre uniforme que celui de général. Mais cet uniforme nous l'acceptons avec joie, conservant ainsi notre place dans les rangs de la brave et fidèle armée, qui a sauvé le Trône et la Monarchie. Je prie Votre Majesté Impériale d'agréer l'hommage de l'amitié inviolable et de la haute considération, avec lesquelles je suis, etc.

Nicolas.

6 Décembre 1848 [2]).

удержать эти полки, сбившіеся съ пути, въ чертѣ ихъ обязанности и чести. Графъ Медемъ добавилъ, что для доказательства моей мужественной и храброй арміи, до какой степени Вы изволите цѣнить ея воинскую доблесть, Ваше Величество изъявили желаніе сохранить за собою и за Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ право носить мундиръ Австрійскихъ генераловъ. Я глубоко тронутъ этимъ знакомъ дружбы, которымъ Ваше Императорское Величество желаете меня удостоить и которое будетъ принято, по достоинству, моею арміей. Вслѣдствіе этого я прошу Васъ, а также и Его Императорское Высочество, Великаго Князя Наслѣдника, оказать мнѣ честь ношеніемъ отнынѣ мундира фельдмаршаловъ, и благосклонно принять выраженіе чувствъ несокрушимой дружбы и высочайшаго уваженія, съ которыми остаюсь, мой братъ, Вашего Императорскаго Величества добрый другъ и вѣрный союзникъ Францъ-Іосифъ. Ольмюцъ, 4-го Декабря н. с. 1848.

[1]) Госуд. Архивъ. Карт. № 643.

[2]) Государь мой братъ,

Я не въ состояніи выразить Вашему Императорскому Величеству, сколь были мы тронуты, я и мой сынъ, тѣмъ доказательствомъ дружбы, которымъ вамъ угодно было

За этимъ отвѣтомъ послѣдовали, одно за другимъ, два собственноручныя письма императора Франца-Іосифа I *), въ которыхъ онъ выражаетъ надежду, что императоръ Николай, вѣрный своимъ обѣщаніямъ, даннымъ его дѣду въ Мюнхенгретцѣ, поддержитъ его и Австрію своею дружбою, а въ случаѣ необходимости окажетъ помощь матеріальную и, высказывая свое удовольствіе по случаю принятія Государемъ и Наслѣдникомъ Австрійскихъ мундировъ, также надѣется, что обмѣнъ мундировъ и шефскихъ полковъ возобновитъ связь дружбы, существующую между обѣими арміями.

Юный Австрійскій императоръ, Францъ-Іосифъ I, признанный совершеннолѣтнимъ наканунѣ своего вступленія на престолъ, обнаружилъ, не по лѣтамъ, серьезную дѣятельность энергическаго правителя. Несмотря на это, Венгерцы объявили Габсбурго-Лотарингскій домъ лишеннымъ короны св. Стефана, Венгрію—республикою, съ диктаторомъ Кошутомъ во главѣ, и Венгерскій языкъ—языкомъ государственнымъ, обязательнымъ для Славянъ.

До этихъ поръ Россія сохраняла положеніе только наблюдательное, хотя тревожное состояніе Европы заставило ее принять предупредительныя мѣры, по охраненію своихъ западныхъ границъ и внутренней тишины. Эта правительственная осторожность была тѣмъ необходимѣе, что Западъ и Юго-западъ Россіи кишѣли недоброжелателями всѣхъ націй, и князь Паскевичъ, отъ 9 (21) Апрѣля доносилъ Государю:

Что мнѣ сказать о здѣшнихъ Полякахъ? Они въ восхищеніи о томъ, что случается въ Венгріи; но не смѣютъ ничего предпринять — не го-

---

насъ подарить при самомъ началѣ вашего царствованія, предлагая намъ облечься отнынѣ въ фельдмаршальскій мундиръ Австрійской арміи, въ замѣнъ мундировъ тѣхъ двухъ Венгерскихъ полковъ, которые, до сихъ поръ, нося наши имена, обезчестили свои знамена позорнымъ отступленіемъ. Ваше Императорское Величество постигли все негодованіе, которое было намъ внушено такимъ преступленіемъ, и оправдываете наши чувства.

Тѣмъ не менѣе, Государь мой братъ, мы не можемъ принять предложеніе въ томъ видѣ, какъ оно намъ сдѣлано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Ни я, ни мой сынъ не имѣли счастія заслужить на полѣ битвы фельдмаршальскіе чины въ нашей собственной арміи. Поэтому намъ совершенно невозможно носить иной мундиръ, кромѣ генеральскаго. Но этотъ мундиръ мы принимаемъ съ радостію, сохраняя такимъ образомъ наши мѣста въ строю храброй и вѣрной арміи, которая спасла Тронъ и Монархію. Я прошу Ваше Императорское Величество благосклонно принять выраженіе ненарушимой дружбы и высокаго уваженія, съ которыми пребываю и проч. Николай. 6 Декабря 1848 г.

*) Госуд. Архивъ. Карт. №№ 4317, 4318; послѣднее изъ нихъ отъ 16 (28) Декабря 1848 года.

товы. Естественно, что эта *готовность* не только не могла быть допущена, но требовала и быстраго предупрежденія. Поэтому Русская *дѣйствующая* армія, приведенная на военное положеніе, расположилась въ 1848 году на западныхъ границахъ Имперіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ, отъ 14 Марта 1848 г., который, оглашая Европейскіе мятежи, говорилъ: . . . *Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи. Но да не будетъ такъ!*

А между тѣмъ армія оставалась въ бездѣйствіи до 3 Іюня 1849 г.

Венгерцы очень долго не хотѣли вѣрить, чтобы Россія пожелала вмѣшаться въ ихъ войну съ Австріей. Подобные слухи они приписывали дѣйствіямъ Вѣнскаго кабинета, съ цѣлію напугать возставшихъ и взглядъ свой основывали на выгодности для Россіи допустить ослабленіе Австріи. Случилось иначе. Тогда Венгерцы и не Венгерцы приписали политику Русскаго императора вліянію идей Священнаго Союза, и на побѣдоносное Русское оружіе посыпались упреки за остановку историческаго хода принципа національности. Венгерцы, упуская изъ виду заступничество императора Николая Павловича за Грековъ (только единовѣрцевъ) желали не понимать, что его руку они сами на себя подняли, наступивъ пятою на Славянскую національность. А Славяне? Многимъ Славянамъ можно указать на текстъ Св. Евангелія (отъ Луки, гл. 12, ст. 1) *внемлите себѣ отъ кваса фарисейска, еже есть лицемѣріе.* Не лишнее было бы имъ обратить вниманіе также и на слова В. И. Ламанскаго, сказанныя въ 1867 году: «*Прежніе безусловные приверженцы самостоятельности, не только въ отношеніи къ политикѣ, но даже и языку, мало-по-малу приходятъ наконецъ къ сознанію слабосилія отдѣльныхъ Славянскихъ народностей и рѣшительной для нихъ невозможности уберечь и обезпечить свою народную самобытность отъ посягательствъ и захватовъ сильныхъ иноплеменниковъ, безъ нѣкотораго сближенія и извѣстныхъ союзовъ или договоровъ съ Россіей*».

В. А. Абаза.

20 е Февраля 1887 г., С.-Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗАПИСКАХЪ ГРАФА ФИЦТУМА.

«С.-Петербургъ и Лондонъ въ 1852—1864 годахъ» («St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—1864»). Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Штутгардѣ первая часть (въ 8-ку, 356 стр.) Записокъ Саксонскаго дипломата, бывшаго въ теченіе почти одного года при нашемъ, а потомъ при Англійскомъ дворѣ, графа Фицтума-фонъ-Экштета. Это выборъ изъ современныхъ его замѣтокъ и частныхъ писемъ. Неизвѣстный издатель полагаетъ, что все относящееся ко времени до 1866 года уже не должно составлять личной и политической тайны и вполнѣ принадлежитъ Исторіи.

Графъ Фицтумъ (лѣтъ слишкомъ 30-ти отъ роду, служившій передъ тѣмъ секретаремъ Саксонскаго посольства въ Берлинѣ и Вѣнѣ) приплылъ къ намъ въ Кронштатъ на почтовомъ пароходѣ «Прусскій Орелъ» изъ Штетина, 4 Іюня 1852 г. (н. ст.). Съ первыхъ же строкъ его Записокъ обнаруживается предвзятое непріязненное отношеніе къ Россіи. Русскіе его спутники кажутся ему плѣнниками, которымъ изъ милости дозволено было подышать свободно и которые уже въ Кронштатѣ чувствуютъ себя какъ бы ѣдущими назадъ въ заточеніе. Князь Менщиковъ, съ которымъ графъ Фицтумъ прежде всѣхъ познакомился въ Петербургѣ, немедленно угостилъ его своими язвительными анекдотами и конечно не могъ разсѣять предубѣжденій его противъ всего Русскаго.

Прусскимъ посломъ былъ тогда у насъ генералъ Роховъ, съ которымъ, по словамъ графа Фицтума, Николай Павловичъ бывалъ гораздо откровеннѣе, нежели съ самимъ трепетавшимъ его графомъ Нессельроде. Гомеопатъ докторъ Мандтъ переносилъ вѣсти отъ Государя къ генералу Рохову и обратно. Но еще болѣе чѣмъ Роховъ, вниманіемъ двора и яко бы подобострастіемъ общества пользовался Австрійскій посолъ графъ Александръ Менсдорфъ-Пульи, родной по матери пле-

мянникъ Бельгійскому королю Леопольду и вдовѣ великаго князя Константина Павловича Аннѣ Өеодоровнѣ: его считали въ Петербургѣ какъ бы членомъ царской семьи. Но обоихъ этихъ пословъ превышалъ умомъ Англійскій товарищъ, ихъ многоопытный въ политическихъ дѣлахъ Гамильтонъ-Сеймуръ, нѣкогда личный секретарь лорда Кастьлрея.

Бесѣдуя съ генераломъ Роховымъ, авторъ Записокъ узналъ нижеслѣдующее. Главный Австрійскій министръ, князь Феликсъ Шварценбергъ, въ Мартѣ 1852 года, писалъ къ графу Нессельроде, что такъ какъ президентъ Французской республики въ ближайшемъ будущемъ объявитъ себя императоромъ, то Австріи, Пруссіи и Россіи слѣдуетъ напередъ сговориться, какъ отнестись къ этому новому императору. По трактатамъ никто изъ Бонапартовъ не можетъ царствовать во Франціи, и если императоръ Николай и король Прусскій желаютъ держаться этихъ трактатовъ, то и Австрія должна будетъ приготовить 300 тысячъ войска для совокупной борьбы съ Франціей. Въ противномъ случаѣ не лучше ли избѣжать ошибки 1830 года, когда не хотѣли признавать Людовика-Филиппа? Правда, иноземныя войска могутъ посадить на Французскій престолъ Генриха V-го; но вѣдь онъ конечно не удержится долго. Людовику же Наполеону поневолѣ приходится подавлять революціонное движеніе, и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ онъ будетъ дѣйствовать за одно съ Австріей, Пруссіей и Россіей. Нужно только внушить ему, чтобъ онъ не дерзалъ помышлять о завоеваніяхъ. Николай Павловичъ склонялся къ этой мысли; но князь Шварценбергъ скоро умеръ. Преемникъ его, графъ Буоль, настоялъ, чтобы три союзные государя не давали Людовику-Наполеону имени *своего брата*. Такъ и было условлено между тремя державами; но Австрійскій императоръ и Прусскій король вскорѣ измѣнили этому соглашенію, и только Русскій царь остался ему вѣренъ, продолжая называть новаго императора, какъ и президента Сѣверо-американскихъ Штатовъ: Mon grand ami (мой великій другъ). Наполеонъ, какъ извѣстно, не простилъ ему этого, и вражда его выразилась въ Крымской войнѣ. На военномъ парадѣ, зимою 1852 года, Николай Павловичъ громко выразилъ обоимъ посламъ Менсдорфу и Рохову, что союзники измѣнили ему.

Лѣтомъ 1852 г. на Красносельскія маневры пріѣхали къ намъ Саксонскій принцъ Альбертъ и Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій, нынѣшній наслѣдный принцъ. Государь самъ привезъ ихъ на своей яхтѣ изъ Кронштата въ Зимній дворецъ. Черезъ нѣсколько дней принцъ Альбертъ получилъ помѣщеніе въ Петергофскомъ дворцѣ, и съ нимъ также и графъ Фицтумъ, которому отвели комнаты рядомъ съ генераломъ Роховымъ.

Первая аудіенція графа Фицтума у Николая Павловича была 8 (20) Іюля, въ Воскресенье, послѣ обѣдни, въ кабинетѣ. На 57-мъ году возраста Государь былъ еще свѣжъ и прекрасенъ. Фидій—говоритъ Саксонскій повѣренный въ дѣлахъ—взялъ бы его за образецъ, чтобы изваять Зевеса или Марса. Но черепъ былъ уже почти голый. Лобъ малъ и выдавался въ ровень съ носомъ; за то необыкновенно развита задняя часть черепа, гдѣ френологи помѣщаютъ силу воли. Небольшаго объема голова покоилась на затылкѣ, достойномъ Фарнезскаго Геркулеса. Во всей внѣшности что-то рыцарское и внушительное; въ глазахъ однако неустойчивость, а въ устахъ какое-то нервное, болѣзненное подергиванье. Графъ Фицтумъ вспомнилъ, глядя на этого колосса, какъ онъ однимъ появленіемъ своимъ поставилъ на колѣни толпу на Сѣнной площади въ Петербургѣ во время первой холеры. Намъ вспоминается другой разсказъ, слышанный нами отъ очевидца (нынѣ генерала, въ то время юноши). Въ Берлинѣ въ 1849 году, Николай Павловичъ съ королемъ Прусскимъ, прибывъ на парадъ, замѣтилъ, что собравшіеся зрители стоятъ въ шляпахъ и шапкахъ. «Начинать?» спрашиваетъ его Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й.—«Нѣтъ еще», говоритъ ему Государь, и начинаетъ внушительно глядѣть на толпу: одна за другою головы обнажились, и тогда Николай Павловичъ, обращаясь къ шурину, сказалъ: «Теперь прикажите начинать» *).

Предоставимъ говорить самому графу Фицтуму.

«Съ привлекательною любезностью выразивъ свою радость по поводу того, что принцъ Альбертъ пріѣхалъ навѣстить его, императоръ Николай какъ будто позабылъ, что передъ нимъ стоитъ молодой дипломатъ, котораго онъ никогда до того времени не видѣлъ и о которомъ врядъ ли даже слышалъ. Онъ выражался съ такою довѣрчивостью, какъ будто слова его обращались къ давнишнему знакомцу, и сталъ разсказывать подробности своего путешествія, изъ котораго передъ тѣмъ возвратился. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, навѣстилъ императрицу Марію-Анну въ Прагѣ, заѣзжалъ въ Веймаръ и Дармштатъ,

---

*) Въ каждое изъ многократныхъ посѣщеній Берлина Николай Павловичъ присутствовалъ на военныхъ парадахъ и до того пріучилъ къ себѣ Прусскихъ солдатъ, что, ожидая его, они говорили: „Нашъ будетъ",—выраженіе объясняемое во первыхъ щедротою Государя, а во вторыхъ воинственною красотою его, которая особенно выигрывала отъ сравненія. Николай Павловичъ, въ великодушіи своемъ, ласкалъ себя мыслію о братствѣ по оружію между войсками обоихъ государствъ (см. Воспоминанія Алексѣя Ѳедоровича Львова въ Р. Архивѣ 1884, II, 248—252). Его портреты и изваянія до сихъ поръ сохраняются во многихъ Берлинскихъ домахъ и гостинницахъ, а дворцы изобилуютъ его подарками. Если кто вѣрилъ въ „Священный Союзъ", то конечно онъ. П. Б.

а въ Стутгардѣ видѣлся со своею дочерью. Орлиный взглядъ его въ немного дней обозрѣлъ все, и онъ передавалъ съ безпримѣрнымъ отсутствіемъ сдержанности замѣченное имъ во время этого инспекторскаго путешествія. Всего хуже отзывался онъ о Берлинѣ и распространялся въ жалобахъ на своего шурина. Я пытался было успокоить его въ этомъ неожиданно-гнѣвномъ проявленіи моимъ пошлымъ (конечно) замѣчаніемъ, что король Прусскій все же одушевленъ наилучшими намѣреніями и одаренъ самыми любезными качествами. «Эти любезныя качества—загремѣлъ царь—только во вредъ ему. А что касается до его добрыхъ намѣреній, то я вамъ скажу, что онъ никогда не знаетъ чего хочетъ. Государю такъ поступать не годится. Онъ намъ портитъ наше дѣло. Знайте же (тутъ онъ топнулъ ногою), что почва подъ моими ногами подкопана, какъ и подъ вашими. У насъ у всѣхъ круговая порука. Мы всѣ имѣемъ одного непріятеля—революцію. Если не перестанутъ съ нею любезничать, какъ въ Берлинѣ *), то пожаръ скоро сдѣлается всеобщимъ. У себя я ничего не опасаюсь для настоящаго времени. Пока я живъ, все останется спокойно, потому что я солдатъ; шуринъ же мой никогда имъ не былъ. Вотъ (продолжалъ онъ спокойнѣе, и въ благозвучномъ голосѣ его послышалась очаровательная прелесть) вы меня видите уже на тридцать девятомъ году моей службы, которую я началъ съ 1813 года. Да, я солдатъ; это мое ремесло. Другимъ ремесломъ, которое возложено на меня Провидѣніемъ (прибавилъ онъ медленно и почти шопотомъ) занимаюсь я потому, что долженъ и что некому меня избавить отъ него. Но это не мое ремесло».

«Было что-то трагическое въ этомъ признаніи, замѣчаетъ графъ Фицтумъ; чувствовалось, какъ тяготѣли надъ нимъ заботы управленія, которыя несъ онъ одинъ въ теченіе слишкомъ 26 лѣтъ сряду».

За годъ передъ тѣмъ Николай Павловичъ праздновалъ въ Москвѣ двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Мы помнимъ это время. Государь говорилъ, что пора ему на отдыхъ, что и солдатской службѣ положенъ срокъ. По Москвѣ ходили толки, будто онъ купилъ себѣ мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ съ величавымъ видомъ на Волгу и намѣренъ тамъ поселиться. Вся царская семья прибыла съ нимъ въ Мо-

*) Графу Бейсту въ Дрезденѣ въ томъ же году Государь отозвался: „Съ моимъ Прусскимъ зятемъ я пересталъ говорить о политикѣ; со своими идеями онъ до того выше меня, что рядомъ съ нимъ я самъ себѣ кажусь простачкомъ“ (Aus drei Vierdel Jahrhunderten). Намъ неизвѣстно, зналъ ли Николай Павловичъ, что подобной же политики заигрыванья держалась Пруссія и въ первую Французскую революцію, въ концѣ прошлаго столѣтія. Тогдашній нашъ посланникъ въ Берлинѣ графъ Н. П. Панинъ съ негодованіемъ писалъ о томъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову, который въ свою очередь былъ свидѣтелемъ, какъ Питтъ, воюя съ революціонною Франціею, отправлялъ въ Парижъ тайныхъ посланцевъ съ деньгами на помощь террористамъ. „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

скву 19-го Августа 1851 года съ первымъ поѣздомъ еще не открытой тогда для всѣхъ желѣзной дороги. Поѣздъ запоздалъ [1]. Московскій главнокомандующій графъ Закревскій, уже поздно ночью, откланиваясь Государю въ Кремлевскомъ дворцѣ, упомянулъ о торжественномъ выходѣ на слѣдующее утро. Государь прямо выразилъ ему, что не желаетъ этихъ торжествъ, что праздновать тутъ нечего, и что ему хотѣлось бы отмѣнить самый выходъ. Графъ доложилъ, что это сдѣлать уже невозможно, такъ какъ съ ранняго утра весь Кремль будетъ переполненъ несмѣтными толпами народа. Въ Берлинѣ, по случаю этого двадцатипятилѣтія, изготовлена была художникомъ Крюгеромъ, превосходная литографія съ апоѳеозою Николая Павловича. Узнавъ о томъ, Государь запретилъ продавать эту картинку въ Россіи [2]. Люди, близко знавшіе Николая Павловича, увѣрены, что онъ охотно отрекся бы отъ престола, еслибы считалъ это возможнымъ и полезнымъ для блага Россіи. Что касается до его откровенности, которой такъ дивится (не безъ оттѣнка осужденія) Саксонскій дипломатъ, то Русскіе люди къ ней привыкли и высоко ее цѣнили. Своимъ прямодушіемъ Государь пріобрѣталъ себѣ приверженность ближайшаго своего окруженія и всего народа. И теперь еще немало людей, со слезами на глазахъ вспоминающихъ про обаяніе крутаго иногда, но вполнѣ прямаго и всегда искренняго Государя. Разумѣется, въ дѣлахъ политическихъ откровенность бываетъ неудобна. Въ этомъ самомъ 1852 году лежалъ въ предсмертной болѣзни старикъ князь П. М. Волконскій, министръ двора съ титуломъ фельдмаршальскимъ, съ дѣтства своего близкій еще къ императору Александру Павловичу. Семейство и друзья окружали его заботами и для развлеченія говорили съ нимъ про времена былыя. Кто-то позволилъ себѣ выразиться про Александра Павловича: «Pourtant, il faut avouer qu'il a été faux».—Старикъ оскорбился и съ живостью произнесъ: Et celui-ci est d'une indiscrétion impardonnable pour un particulier et presque criminel pour un souverain» [3].

Князь П. М. Волконскій скончался въ Августѣ 1852 г. Государь устроилъ ему торжественные похороны и самъ участвовалъ при несеніи гроба въ могилу. Бывшій на похоронахъ графъ Фицтумъ говоритъ: «Утверждаютъ, что Наполеонъ I-й передъ каждымъ торжествомъ бралъ уроки у актера Тальмы и съ нимъ заранѣе проигрывалъ предстоявшее дѣйствіе. Но никакой Тальма не могъ научить Николая I-го до-

[1] См. въ Русскомъ Архивѣ 1876 (III, 175) письмо о томъ митрополита Филарета къ графу Протасову.

[2] Она имѣется въ нашемъ собраніи. П. Б.

[3] Слышано отъ А. О. Смирновой. П. Б.

стоинству и изяществу его движеній и пріемовъ. Онъ самъ по природѣ былъ настоящій художникъ, и величайшіе актеры могли бы у него поучиться. Все у него выходило просто и естественно, хотя нельзя сказать, чтобы не чувствовалось преднамѣреннаго разсчета произвести впечатлѣніе».

Черезъ нѣсколько дней послѣ князя Волконскаго скончался зять Государя, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Графъ Фицтумъ былъ и на его похоронахъ въ католической церкви Пажескаго корпуса и распространяется о томъ, что торжества было гораздо меньше и будто Государь нарочно одѣлся въ малый мундиръ и выражалъ какую-то небрежность. Въ этихъ отзывахъ Саксонца слышится католикъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1852 г. Австрійскій посолъ Менсдорфъ поѣхалъ въ Чугуевъ на маневры. Графъ Фицтумъ воспользовался этимъ, чтобы на даровщинку съѣздить въ Москву. Обоихъ дипломатовъ везли по царски: на станціяхъ роскошные покои, обильныя снѣди и всякаго рода вина. На встрѣчу къ нимъ изъ Москвы выѣхалъ адъютантъ графа Закревскаго князь Абамелекъ. Въ Москвѣ графъ Фицтумъ прожилъ трое сутокъ, угощаемый на славу; но вмѣсто благодарности, изъ-подъ пера его вылились только ѣдкія замѣчанія. Въ Воспитательномъ Домѣ, въ книгѣ младенцевъ за 1812 годъ, отыскалъ онъ много «Наполеончиковъ». Онъ смѣется надъ тѣмъ, что въ Кремлѣ собраны отнятыя у непріятеля пушки. Насмѣшками отблагодарилъ онъ за гостепріимство князя С. М. Голицына и барона М. Л. Боде-Колычова. Если судить о Запискахъ графа Фицтума по тому, что̀ онъ пишетъ о Москвѣ, то онѣ мало заслуживаютъ вѣроятія: зоркому Саксонцу нельзя отказать въ наблюдательномъ умѣ и образованности, но онъ не въ силахъ преодолѣть въ себѣ затаенной вражды къ Россіи. Ему постоянно мерещатся завоевательныя намѣренія Русскаго правительства и народа, и онъ напоминаетъ намъ собою другаго Саксонца, Гельбига, сочинителя извѣстной книги: «Случайные люди въ Россіи», клеветавшаго на Россію при Екатеринѣ, которая говоритъ про него, что онъ былъ орудіемъ Прусскаго министра Герца и называетъ его «настоящимъ врагомъ Русскаго имени» *).

Все у насъ кажется графу Фицтуму рабскимъ, напускнымъ и притворнымъ. Однако не можетъ онъ надивиться свободѣ, съ которою въ Петербургскихъ гостиныхъ обсуждались правительственныя мѣры.

---

*) C'est un vrai ennemi du nom russe. Si on ne le retire pas d'ici, je le ferai mettre dans un kibitka et le ferai passer la frontière; car ce gueux-là est trop impertinent. Письма къ Гриму, въ Сборникѣ Р. Ист. Общества, XXIII, 651 и 674.

Разумѣется, выше всѣхъ ставитъ онъ въ Петербургѣ великую княгиню Елену Павловну. Онъ часто бывалъ у слѣпаго графа Г. А. Строганова, но сына его графа Сергѣя Григорьевича называетъ старшимъ братомъ графа Григорья Александровича. Его ласково принимали графы Киселевъ, Протасовъ, Кушелевъ и Воронцовъ-Дашковъ. Къ Карамзинымъ случалось ему пріѣзжать около 4 часовъ пополуночи и заставать всѣхъ еще въ сборѣ. Онъ описываетъ встрѣчу Свѣтлаго Христова Воскресенья у княгини Кочубей (гдѣ принимала дочь ея новобрачная княгиня Е. Э. Трубецкая) и не можетъ не отдать справедливости Русскому церковному пѣнію, язвительно прибавляя, что мальчикиизъ крѣпостныхъ людей заступаютъ мѣсто папскихъ кастратовъ.

Любопытно показаніе графа Фицтума о знаменитомъ разговорѣ Николая Павловича съ Сеймуромъ про Турцію и про необходимость покончить ея существованіе въ Европѣ. Разговоръ этотъ, какъ извѣстно, былъ оглашенъ въ печати самимъ Сеймуромъ и послужилъ средствомъ къ возбужденію Европейскаго общественнаго мнѣнія противъ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Сеймуръ былъ посломъ въ Вѣнѣ, Меттернихъ назвалъ его однажды счастливцемъ. Сеймуръ не понялъ что это значитъ. «Да какъ же, сказалъ ему Меттернихъ, вѣдь вы разговаривали съ императоромъ Николаемъ съ глазу на глазъ. А если бы онъ отказался отъ своихъ словъ? Что тогда бы вышло? На ваше счастье, онъ этого не сдѣлалъ, потому что Европа повѣрила бы ему, а не вамъ».

Людямъ, какъ Меттернихъ, ничего не стоитъ отрекаться отъ словъ своихъ. Не таковъ былъ нашъ Государь, и даже тѣ изъ представителей его политики, которые плохо знали порусски, держали высоко врученное имъ знамя прямоты и честности. Такъ напр., графъ Медемъ *), Русскій посолъ въ Вѣнѣ, въ 1848 году, когда новое министерство, образовавшееся послѣ позорнаго бѣгства Меттерниха, прислало спросить, не угодно ли ему имѣть при домѣ Русскаго посольства охранную стражу на случай какихъ либо выходокъ со стороны мятежниковъ, вмѣсто отвѣта позвонилъ и, обращаясь къ явившемуся чиновнику своему, спросилъ, сколько имѣется при домѣ флаговъ. «Не знаю навѣрное, но ихъ нѣсколько».—«Прикажите же сейчасъ размѣстить ихъ надъ каждымъ окномъ», сказалъ графъ Медемъ, и тутъ же прибавилъ: «Damit der Pöbel wisse, wo die wiener Schweinerei aufhört und wo Russland anfängt (чтобы чернь знала, гдѣ кончается Вѣнское свинство и гдѣ начинается Россія). П. Б.

---

*) Про графа Медема (человѣка умнаго, честнаго и преданнаго Россіи) разсказываютъ, что онъ совсѣмъ чуждался Славянскихъ дѣлъ и однажды за обѣдомъ спросилъ: „Wie sehen die Serben aus?“ (Какого вида Сербы?) П. Б.

АДМИРАЛЪ УНКОВСКОЙ.

Разсказы изъ его жизни *).

Вторую половину 1850 года Иванъ Семеновичъ плавалъ, какъ сказано, въ Средиземномъ морѣ, заходилъ въ Италію, но большую часть времени провелъ на Пирейскомъ рейдѣ. Въ это время болѣзнь Лазарева быстро развивалась и начинала грозить роковою развязкою. Получивъ заграничный отпускъ при самомъ милостивомъ рескриптѣ императора Николая Павловича, Михаилъ Петровичъ въ началѣ 1851 года былъ перевезенъ Екатериною Тимофеевною въ Вѣну для консультаціи съ тамошними знаменитостями. Жена адмирала писала Ивану Семеновичу, что эта консультація—соломенка утопающаго, что дни больнаго сочтены и что если онъ хочетъ съ нимъ проститься, то медлить невозможно. Получивъ это горестное письмо, Иванъ Семеновичъ тотчасъ собрался, и 9-го Марта раннимъ утромъ бросилъ якорь на Тріестскомъ рейдѣ. Здѣсь судьба приготовила ему пріятный сюрпризъ, которымъ онъ еще разъ могъ утѣшить своего учителя.

Нечего и говорить, что *Эней* содержался въ порядкѣ не худшемъ чѣмъ *Оріанда* и что опытность и энергія командира воспитали образцовую команду. Не морякъ, я постоянно боюсь вдаваться въ морскія подробности и потому не позволяю себѣ передавать множество деталей, которыя, быть можетъ, не вполнѣ вѣрно врѣзались въ моей памяти, но помню, какъ Иванъ Семеновичъ разсказывалъ о постоянныхъ ученіяхъ въ открытомъ морѣ, о разнообразныхъ эволюціяхъ во время свѣжей погоды и объ особомъ способѣ артилерійскаго ученія боевыми снарядами. Способъ этотъ заключался въ томъ, что въ морѣ на полномъ ходу выбрасывался буёкъ со вставленнымъ на древкѣ краснымъ флагомъ; буёкъ этотъ былъ привязанъ за тонкую бичевку, другой конецъ которой оставался на бригѣ; когда бригъ отходилъ отъ буйка на разстояніе пушечнаго выстрѣла, то производилась стрѣльба ядрами по буйку; за каждый мѣткій выстрѣлъ командиръ дарилъ комендору по талеру.

Бросивъ, какъ сказано выше, якорь на Тріестскомъ рейдѣ, Иванъ Семеновичъ былъ удивленъ оживленнымъ видомъ города: на набережной

---

*) См. первую книгу „Русскаго Архива" сего года, стр. 129 и 280.

развѣвались флаги, виднѣлись мундиры, очевидно кого-то ожидали, и дѣйствительно не прошло и получаса, какъ съ моря показался пароходъ подъ штандардтомъ Австрійскаго императора. Въ то время молодой, незадолго до того вступившій на престолъ Францъ-Іосифъ задумалъ завести у себя военный флотъ и въ качествѣ руководителя и совѣтника пригласилъ извѣстнаго Англійскаго адмирала Непира. Въ данную минуту Францъ-Іосифъ возвращался изъ Венеціи и былъ обрадованъ видѣть Русское военное судно, къ тому же Черноморскаго флота: слава Черноморцевъ уже давно гремѣла по Европѣ, и убѣдиться въ ея справедливости было интересно. Едва стихъ громъ салютаціонныхъ выстрѣловъ, какъ къ *Энею* причалила шлюпка съ флигель-адъютантомъ императора, присланнымъ спросить, когда командиръ можетъ принять вѣнценоснаго посѣтителя; флигель-адъютантъ добавилъ, что императору извѣстно о недавнемъ приходѣ *Энея* и что, не желая тревожить команду, занятую уборкою судна послѣ похода, онъ предлагаетъ отложить посѣщеніе до слѣдующаго дня. Иванъ Семеновичъ отвѣчалъ, что команда уже убралась и что онъ готовъ принять императора хоть въ туже минуту. Такой отвѣтъ вѣроятно заинтересовалъ Непира, какъ знатока, и по его желанію (въ чемъ впослѣдствіи онъ сознавался Ивану Семеновичу) Францъ-Іосифъ прямо съ парохода, не сходя на берегъ, направился къ *Энею*.

Эней дѣйствительно оказался въ полномъ порядкѣ и не носилъ на себѣ какихъ-либо слѣдовъ недавняго перехода. Тщательный осмотръ брига въ мельчайшихъ подробностяхъ убѣдилъ въ этомъ Англійскаго адмирала, неоднократно выражавшаго не только одобреніе, но даже удивленіе. Францъ-Іосифъ просилъ Унковскаго сняться съ якоря и на ходу производить парусное ученіе; желаніе императора было немедленно исполнено, и *Эней*, выйдя на просторъ Адріатическаго моря, привелъ въ совершенный восторгъ своихъ неожиданныхъ гостей. На просьбу произвести артилерійское ученіе съ боевыми снарядами немедленно пробита была тревога, выброшенъ буёкъ, и едва только бригъ отошелъ на извѣстное разстояніе, какъ раздался первый выстрѣлъ, по счастливой случайности, сбившій красный флагъ. Продолжать было нечего. Раздался отбой. Смотръ *Энея* былъ законченъ. Францъ-Іосифъ не находилъ словъ для выраженія благодарности, обнималъ Ивана Семеновича, подарилъ десять золотыхъ счастливому комендору и обѣщалъ написать о видѣнномъ Николаю Павловичу. Дорого было Ивану Семеновичу одобреніе Франца-Іосифа, но во много кратъ дороже восторженное изумленіе Непира. Францъ-Іосифъ сдержалъ свое слово и написалъ Николаю Павловичу; но и Непиръ чувствовалъ потребность подѣлиться впечатлѣніями, а быть-можетъ и затаенной тре-

вогою, со своими соотечественниками. Изъ Вѣны онъ отправилъ въ *Times* подробное описаніе смотра *Энея*, и насколько пришлось по сердцу это описаніе Англичанамъ, можно заключить изъ того, что когда черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Лондонъ пришло извѣстіе о смерти Лазарева, то нѣкоторые Англичане, не скрывая своего чувства, чокаясь бокалами Шампанскаго, злорадно поздравляли другъ друга со счастливымъ для нихъ событіемъ.

Распростившись съ Францемъ-Іосифомъ, Иванъ Семеновичъ отправился въ Вѣну, гдѣ на смертномъ одрѣ, изнемогая отъ тяжкаго недуга, угасалъ одинъ изъ лучшихъ Русскихъ людей, честь и слава Русскаго флота, образецъ вѣрноподаннаго Государю и Россіи.

Иванъ Семеновичъ засталъ Лазарева въ ужасномъ видѣ. Страдая болѣзнью не вполнѣ опредѣленною докторами, вѣроятно ракомъ желудка, Лазаревъ умиралъ голодной смертью за невозможностію принятія пищи. Тучный отъ природы, онъ исхудалъ до послѣдней степени, и когда Иванъ Семеновичъ увидалъ его лежавшимъ въ кровати, изнеможеннымъ, съ измѣнившимся отъ страданій лицомъ, носившимъ признаки надвинувшейся смерти, онъ не выдержалъ и, выбѣжавъ въ сосѣднюю комнату, разрыдался какъ ребенокъ. Близъ умиравшаго, кромѣ жены и дочери, находился одинъ изъ ближайшихъ и любимѣйшихъ его учениковъ, мой дядя, Владиміръ Ивановичъ. Дядя, значительно старшій годами Ивана Семеновича, питалъ къ Лазареву тоже юношеское чувство обожанія; для него, какъ и для Унковскаго, со смертью этого человѣка какъ бы обрывался самый смыслъ жизни. Имъ казалось, что со смертью Лазарева умираетъ самый Черноморскій флотъ. Они не знали, что это роковое событіе волею судьбы отодвигалось еще на четыре года!

Дядя передавалъ Ивану Семеновичу подробности послѣдняго времени, разсказывалъ, какъ, несмотря на жестокія мученія и изо дня въ день увеличивавшуюся слабость, Лазаревъ продолжалъ заниматься дѣлами, заботился о родномъ флотѣ, дѣлалъ распоряженія, подписывалъ бумаги. Дядѣ пришло въ голову въ интересахъ семьи умиравшаго воспользоваться его довѣріемъ. Не говоря никому, дядя заготовилъ всеподданнѣйшее письмо на имя Государя, въ которомъ Лазаревъ вручалъ семью свою его милостивой заботливости. Лазаревъ, лежа въ постели, подписывалъ бумаги и замѣтилъ необычный форматъ одной изъ нихъ. «Что̀ это такое?» спросилъ онъ. Дядя молчалъ. Лазаревъ взялъ бумагу, пробѣжалъ ее глазами и обратился съ укоромъ къ дядѣ. «Какъ могли вы, Владиміръ Ивановичъ, обмануть мое довѣріе? сказалъ онъ. Во всю жизнь я ни разу не просилъ ни о чемъ; не теперь измѣнять своимъ правиламъ». И онъ разорвалъ бумагу.

Двѣ недѣли прожилъ Иванъ Семеновичъ въ Вѣнѣ, ожидая печальной развязки; но могучій организмъ боролся упорно. Дальше ожидать было невозможно. Обливаясь слезами, поцѣловалъ онъ руку человѣка, котораго «въ помышленіяхъ потому только не дерзалъ ставить выше отца и сильнѣе любить его, что опасался навлечь на себя гнѣвъ Божій....» и разстался съ нимъ на вѣки.

Иванъ Семеновичъ вернулся на бригъ въ Пирей, плавалъ по Архипелагу и, получивъ наконецъ извѣстіе о смерти Лазарева, пошелъ въ Яфу, откуда, раздѣливъ команду на двѣ половины, посылалъ ее на свой счетъ въ Іерусалимъ и самъ отправился туда съ первою очередью помолиться за усопшаго благодѣтеля.

Возвратившись въ Пирей, Иванъ Семеновичъ нашелъ письмо отъ Екатерины Тимофеевны, адресованное такъ: «Его высокоблагородію Ивану Семеновичу Унковскому, г-ну флигель-адъютанту Государя Императора». Такимъ образомъ узналъ Иванъ Семеновичъ о новомъ блестящемъ назначеніи, тѣсно связанномъ со смотромъ *Энея* на Тріестскомъ рейдѣ и со смертью Михаила Петровича.

Позволю себѣ небольшое отступленіе, вызываемое именно этимъ назначеніемъ. Я хочу сказать о томъ благодарномъ воспоминаніи, которое всегда сохранялось у Черноморцевъ къ императору Николаю, Многихъ изъ нихъ я зналъ и знаю лично, и всѣ они только въ немъ одномъ видѣли справедливаго цѣнителя Лазарева и воспитаннаго имъ сословія Черноморскихъ моряковъ. Рыцарь по духу, онъ чувствовалъ, что Черноморскій флотъ, жившій собственной жизнью, во многомъ не удовлетворявшій тогдашнимъ требованіямъ формалистики, строевому идеалу и прочему въ его понятіяхъ важному, былъ рыцарскимъ орденомъ. Синопскій бой и Севастопольскіе бастіоны оправдали это довѣріе.

30-го Октября 1851 года *Эней* закончилъ заграничную кампанію на Севастопольскомъ рейдѣ, а вслѣдъ за тѣмъ Иванъ Семеновичъ переведенъ былъ въ списки Балтійскаго флота. Въ формулярѣ его существуетъ пробѣлъ до Сентября 1852 года; но Иванъ Семеновичъ мнѣ разсказывалъ, что онъ нѣкоторое время исполнялъ обязанности помощника эскадръ-маіора, часть лѣта прожилъ въ Петергофѣ и затѣмъ былъ назначенъ командиромъ фрегата *Паллада*, отправлявшагося вокругъ свѣта съ контръ-адмираломъ Ефимомъ Васильевичемъ Путятинымъ. Путятинъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для заключенія торговаго трактата съ Японіей, въ то время еще жившей совершенно замкнутой жизнью и не допускавшей малѣйшаго общенія съ Европейцами.

Назначеніе Унковскаго командиромъ фрегата, отправлявшагося въ кругосвѣтное плаваніе, служило доказательствомъ особой милости.

Тогда, не такъ какъ теперь, кругосвѣтныя плаванія были величайшею рѣдкостью; можно сказать, что имена парусныхъ судовъ и фамиліи командировъ посѣщавшихъ порта дальняго Востока извѣстны на перечетъ; къ тому же и времена наступали тревожныя. Появленіе Наполеона III предвѣщало мало хорошаго; запутывались отношенія на Востокѣ, чувствовалось приближеніе грозы. Тѣмъ радостнѣе было на душѣ Унковскаго. Ему, привыкшему къ оживленной дѣятельности Черноморскаго флота, чувствовалось не по себѣ среди семимѣсячнаго затишья Балтійской зимы. Посланникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и адмираломъ шелъ Черноморецъ, нѣкогда извѣстный командиръ *Ифигеніи*; наконецъ, слѣдуетъ принять въ разсчетъ и самолюбіе тридцатилѣтняго молодаго командира.

25-го Сентября *Паллада* вышла на Кронштадтскій рейдъ и, послѣ окончательныхъ приготовленій и Высочайшаго смотра, 7-го Октября 1852 года снялась съ якоря.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ, какъ извѣстно, совершившій кругосвѣтное плаваніе на этомъ фрегатѣ въ должности секретаря адмирала, отмѣтилъ день 7-го Октября слѣдующимъ образомъ: «Вскорѣ все стройно засуетилось на фрегатѣ, до тѣхъ поръ неподвижномъ. Всѣ четыреста человѣкъ экипажа столпились на палубѣ, раздались командныя слова, многіе матросы поползли вверхъ по вантамъ, какъ мухи облѣпили реи, и судно окрылилось парусами. Но вѣтеръ былъ не совсѣмъ попутный, и потому насъ потащилъ по заливу сильный пароходъ и на разсвѣтѣ воротился, а мы стали бороться съ поднявшимся бурнымъ или, какъ моряки говорятъ, «свѣжимъ» вѣтромъ. Началась сильная качка».

Такъ вышла старая *Паллада* сослужить свою послѣднюю службу.

Говорить о плаваніи *Паллады* и безполезно, и неумѣстно: имя ея съ ранней юности усвоивается каждымъ Русскимъ человѣкомъ, благодаря высокоталантливому описанію плаванія, составленному И. А. Гончаровымъ; достаточно сказать, что фамилія командира, скрытаго подъ буквами И. С. У., была Унковской, а затѣмъ перейти къ подробностямъ, лично до него относившимся. Вскорѣ показалась оборотная сторона медали: вопервыхъ *Паллада* была слишкомъ стара для такого дальняго похода, вовторыхъ команда требовала усиленныхъ съ нею занятій по недостаточной подготовкѣ, въ третьихъ, и это самое главное, начались постоянныя столкновенія командира съ адмираломъ. Трудно себѣ представить двѣ такихъ противуположности. Съ одной стороны идеалистъ, энергичный, до самозабвенія преданный дѣлу, живущій нервами Унковской; съ другой, добрый въ душѣ, до крайности набожный, склонный къ монастырскому уставу, честный, но упрямый

и мелочной Путятинъ. Разница характеровъ скоро сказалась сначала въ глухой, едва замѣтной борьбѣ; затѣмъ, какъ это всегда бываетъ, начали возникать недоразумѣнія, много накопилось невысказаннаго, командиръ началъ тяготиться адмираломъ. Иванъ Семеновичъ обладалъ способностью подражать въ разговорѣ изображаемому лицу; знавшіе Путятина говорятъ, что онъ подражалъ ему необыкновенно удачно. Лично я, видѣвшій Путятина всего одинъ разъ въ жизни, не могу быть судьею, но скажу только, что всѣ разсказы Унковскаго о Путятинѣ дышали полной правдивостью. Слушая его, живо представлялись моменты изображаемые, и воображеніе невольно переносило слушателя на палубу старой *Паллады*. Попробую передать нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, безъ связи, такъ какъ они приходятъ на память, хотя и сознаю, что записанные, а не разсказанные они теряютъ почти всю свою прелесть.

Какъ упомянуто выше, Путятинъ отличался исключительной набожностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свойственной большинству моряковъ горячностью. Среди моряковъ ходили слухи, будто въ молодости, страдая тяжкою болѣзнью, Путятинъ далъ обѣтъ въ случаѣ выздоровленія поступить въ монахи. Болѣзнь прошла, а съ нею вмѣстѣ и рѣшимость отрѣчься отъ міра. Невыполненное обѣщаніе будто бы тяготило душу адмирала, и онъ старался въ трудныхъ условіяхъ морской жизни по возможности строго блюсти уставъ и требованія церкви. Имѣлъ-ли подобный слухъ какое нибудь основаніе, рѣшить конечно трудно; но несомнѣнно, что образъ жизни адмирала требовалъ объясненій. На *Палладѣ*, по словамъ Унковскаго, въ теченіе дня многократно раздавалось молитвенное пѣніе, то и дѣло въ каюту адмирала требовали фрегатскаго іеромонаха, а въ свободное отъ служебныхъ и молитвенныхъ занятій время адмиралъ любилъ слушать чтеніе «Житія Святыхъ» или другія душеспасительныя книги. Глубокая религіозность Путятина и благородство его души сказались впослѣдствіи поистинѣ геройскимъ поступкомъ. Забѣгу нѣсколько впередъ, такъ какъ не буду имѣть другаго случая записать интересный разсказъ, слышанный мною отъ Ивана Семеновича. Многіе конечно слышали о землетрясеніи у береговъ Японіи, бывшемъ 11-го Декабря 1854 г., землетрясеніи, во время котораго сначала страшно пострадалъ, а затѣмъ и окончательно затонулъ, стоявшій на Симодскомъ рейдѣ Русскій фрегатъ *Діана* подъ флагомъ контръ-адмирала Путятина; но немногіе знаютъ эпизодъ, достойный почтительнаго воспоминанія. Въ 1854 году христіанство въ Японіи еще преслѣдовалось съ неумолимою безпощадностью. Послѣ поголовнаго избіенія христіанъ въ началѣ XVII столѣтія, вызваннаго корыстными и безнравственными поступками

миссіонеровъ-іезуитовъ, Японія окончательно замкнулась, и правительство Микадо установило законъ, по которому переходъ въ христіанство наказывался смертной казнью. Чрезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ этотъ законъ оставался въ полной силѣ. И вотъ, однажды утромъ, во время стоянки *Діаны* на Симодскомъ рейдѣ, къ борту фрегата приблизился вплавь какой-то Японецъ. Поднявшись на палубу, онъ знаками старался объяснить грозившую ему опасность и, растегнувъ воротъ рубашки, указалъ на висѣвшій на шеѣ крестъ. Чрезъ переводчика удалось узнать, что этотъ Японецъ провелъ дѣтство въ Кореѣ, былъ крещенъ въ православіе и по возвращеніи на родину тщательно старался скрыть свое исповѣданіе. Но какимъ-то образомъ Японцы провѣдали его тайну, и онъ бѣжалъ подъ защиту единовѣрныхъ отъ грозившей, неминуемой смерти. Путятинъ разумѣется принялъ Японца. Наступуло 11-е Декабря. Расшатанная ударами воды во время землетрясенія *Діана* требовала самыхъ серіозныхъ исправленій. На совершенно открытомъ Симодскомъ рейдѣ производить исправленія было невозможно, и пришлось передвигаться въ болѣе удобную бухту *Хеда*. На этомъ переходѣ, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, *Діана* затонула, а спасенная команда въ числѣ четырехъ сотъ человѣкъ осталась на берегу въ надеждѣ тѣмъ или другимъ способомъ вернуться на родину. Положеніе было критическое. Вѣками замкнутое населеніе Японіи отвыкло отъ Европейцевъ и должно было относиться къ нимъ враждебно; съ Англіей и Франціей мы находились въ открытой войнѣ, и непріятельскія эскадры тщательно розыскивали *Діану*, еще не зная о ея гибели. Все зависѣло отъ такта, умѣнья обойтиться съ мѣстнымъ населеніемъ; все зависѣло отъ милліона случайностей, предвидѣть которыя было невозможно. И вдругъ, въ такую-то минуту, когда команда *Діаны*, начиная съ адмирала, буквально находилась въ рукахъ Японцевъ, послѣдніе обратились съ требованіемъ выдать бѣжавшаго христіанина! Начались переговоры. Путятинъ разумѣется отказалъ на отрѣзъ. Японцы настаивали; требованія мирнаго свойства перешли въ угрозы. Поначалу Японцы угрожали не давать провизіи. Путятинъ не уступалъ. Тогда Японцы объявили, что при дальнѣйшемъ сопротивленіи они будутъ вынуждены отобрать соотечественника силою. На собранномъ совѣтѣ Путятинъ объявилъ рѣшеніе въ случаѣ необходимости расположить команду *Діаны* въ каре, по угламъ каре поставить спасенныя пушки, и защищаясь до послѣдней крайности, умереть всѣмъ до единаго, но не выдавать единовѣрца и тщательно блюсти завѣтъ Божественнаго Учителя, сказавшаго: «что нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ». Японцы уступили, пораженные благородною рѣшимостью. Мало того, это обстоятельство повело за собой большее сближе-

ніе, и Японцы сдѣлали все возможное, чтобы облегчить Русскимъ пребываніе на ихъ землѣ и спасеніе. Можно смѣло сказать, что *Паллада* и *Діана* покорили сердца Японцевъ и установили прочную симпатію двухъ народовъ, существующую до сего дня. Мы увидимъ дальше, какъ трогательны были всегда отношенія Японцевъ къ Ивану Семеновичу и какъ случайно онъ былъ однимъ изъ миссіонеровъ въ этой симпатичной и благородной странѣ.

Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Возвращаюсь къ *Палладѣ* и разсказамъ Унковскаго.

Гдѣ-то, не помню именно гдѣ, во всякомъ случаѣ въ тропикахъ, въ невыносимо-жаркій день, Иванъ Семеновичъ, лежа въ рубкѣ, т.-е. въ каютѣ на палубѣ и свѣсившись за кормовыя окна, глядѣлъ въ море. Этажемъ ниже, во всю ширину кормы, находилась каюта адмирала, окаймленная наружнымъ балкономъ. Окна, или выражаясь морскимъ языкомъ, портà каюты были также растворены, и въ одномъ изъ нихъ раздавалось мѣрное чтеніе однимъ изъ гардемариновъ Житія Кирилла Александрійскаго, а на подоконникѣ другаго покоилась запрокинутая голова адмирала съ слегка развивающимися волосами подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтра. Вниманіе Унковскаго привлечено было неожиданнымъ зрѣлищемъ. На перилахъ балкона появилась вдругъ фрегатская обезьяна Яшка и оглядѣвшись остановила свое вниманіе на развѣвающихся волосахъ адмирала. Судя по лукавому выраженію лица проказницы, она очевидно задумывала какую-то штуку. И. С. Унковскій притаилъ дыханіе. Среди однообразной скуки морскаго безвѣтрія каждое развлеченіе цѣнится дорого. Яшка, осторожно озираясь, шелъ къ намѣченной цѣли. Изъ каюты продолжали доноситься звуки усыпительнаго чтенія, голова адмирала изрѣдка покачивалась, видимо охваченная сладкой дремотою, и вдругъ однимъ прыжкомъ Яшка повисъ на волосахъ Путятина, дернулъ ихъ два-три раза и съ быстротою молніи изчезъ изъ глазъ зрителя. Раздался пронзительный крикъ, затѣмъ ругательства, и вслѣдъ за тѣмъ Путятинъ выскочилъ на палубу съ приказаніемъ свистать всѣхъ наверхъ и Яшку за бортъ бросать. Началась невообразимая суматоха. Яшка, увидѣвшій множество людей и все хорошо ему знакомыхъ, лѣзущихъ по вантамъ, принялъ самое живое участіе въ этой новой забавѣ. Едва только протягивалась къ къ нему чья либо рука, какъ онъ легкимъ движеніемъ забирался выше, перебрасывался со снасти на снасть, щелкалъ зубами и видимо наслаждался общимъ веселіемъ. Путятинъ выходилъ изъ себя, то грозилъ людямъ наказаніемъ, то обѣщалъ награду поймавшему; а Яшка уходилъ все выше и выше, начиная недоумѣвать, зачѣмъ его загоняютъ уже слишкомъ высоко. Наконецъ, на клотикѣ одной изъ мачтъ, не

видя болѣе никакого спасенія, Яшка былъ схваченъ матросомъ, скрѣпя сердце спускавшимся съ общимъ любимцемъ, для исполненія приказанія адмирала. Принесли обезьяну къ Путятину съ вопросомъ, слѣдуетъ ли бросать ее въ море? Вспыльчивость адмирала уже прошла безслѣдно, онъ только взглянулъ на Яшку и со словами: «А ну ее къ черту-съ, Эдакая гадкая!» ушелъ въ каюту, пощипывая усы.

Вспыльчивость Путятина вообще была чрезмѣрна; разскажу случай, чуть было не отразившійся на всей служебной карьерѣ Унковскаго.

Главная причина непріятностей между Иваномъ Семеновичемъ и Путятинымъ заключалась въ томъ, что послѣдній вмѣшивался во внутренній распорядокъ фрегатской жизни, часто требовалъ исполненія приказаній шефскихъ въ разрѣзъ со взглядами капитана и, разъ предъявивъ свои требованія, не отступалъ ни передъ какими доводами. Унковскаго выводило изъ терпѣнія упрямство Путятина. Онъ начиналъ испытывать умаленіе своихъ правъ, столь вредное на военномъ суднѣ; ему казалось, по собственному признанію, что офицеры и команда, лично къ нему расположенные и относившіеся съ глубокимъ довѣріемъ къ его морскимъ познаніямъ, тѣмъ не менѣе какъ бы теряли убѣжденіе въ незыблемости его власти. Путятинъ вмѣшивался рѣшительно во все. Страстный и горячій отъ природы Унковской тяготился невыносимо. Рѣдкій день проходилъ, не усиливая его раздраженія. Возбужденіе нервъ достигло крайней степени и, какъ всегда бываетъ, наконецъ разразилось по поводу ничтожнаго случая.

На *Палладѣ* ревизоромъ былъ лейтенантъ *, извѣстный Ивану Семеновичу еще съ кадетской куртки. Офицеръ этотъ, по отзыву Унковскаго, отличался безупречной честностью и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Дѣло шло прекрасно. Но Путятинъ, дрожавшій не менѣе Унковскаго надъ казенною копѣйкой, находилъ необходимымъ фактическій контроль надъ дѣйствіями ревизора. Путятинъ доказывалъ, что капитанъ обязанъ провѣрять цѣны, по которымъ производились покупки и проч. Иванъ Семеновичъ со своей стороны не допускалъ подобнаго униженія для лица лично извѣстнаго, съ самой лучшей стороны, адмиралу, капитану и избранному всѣмъ обществомъ офицеровъ. По мнѣнію Унковскаго ни одинъ порядочный человѣкъ не согласился бы служить при подобныхъ условіяхъ. Идеалистъ отъ природы, онъ и честность допускалъ только идеальную. Дѣло шло уже не о личности, а о принципѣ. Несогласіе Унковскаго усиливало упрямство Путятина, и онъ чаще и чаще сталъ говорить Ивану Семеновичу объ его обязанностяхъ, которыя тотъ понималъ по своему.

Однажды утромъ, въ Февралѣ 1854 года, во время стоянки *Паллады* на Манильскомъ рейдѣ, офицеры сообщили Унковскому, что но-

чевавшій на берегу адмиралъ раннимъ утромъ обходилъ магазины, провѣряя цѣны, по которымъ произведены были ревизоромъ закупки. Это сильно раздражило Ивана Семеновича. Не успѣлъ онъ еще успокоиться, какъ замѣтили адмиральскій катеръ, направлявшійся къ фрегату. Вызвали почетный караулъ, музыку и встрѣтили адмирала съ подобающими по уставу почестями. Путятинъ, проходя въ свою каюту, сказалъ, что сейчасъ же опять съѣдетъ на берегъ. И офицеры, и караулъ, и музыканты остались на шханцахъ для проводовъ. Дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ изъ каюты показался Путятинъ, и, подойдя къ Ивану Семеновичу, онъ, правда, въ полголоса, но такъ однако, что близъ стоявшіе слышали, сказалъ ему съ видимымъ раздраженіемъ: «А я все-таки заставлю васъ провѣрять дѣйствія ревизора».—«Не заставите», глухо отвѣтилъ Унковской, чувствуя, какъ кровь бросилась ему въ голову. «Заставлю-съ», громко повторилъ Путятинъ. «Не заставите», также громко возразилъ Унковской. Произошла крайне-тяжелая сцена. Раздраженный Путятинъ кричалъ только одно слово «заставлю-съ» и повторялъ его даже въ то время, когда спиною спускался по трапу и усаживался въ катеръ. Въ свою очередь Унковской повторялъ свое «не заставите» и, не считая возможнымъ разстаться съ Путятинымъ, чѣмъ-либо съ нимъ не покончивши, приказалъ спустить свою гичку съ противоположнаго борта.

Черезъ много лѣтъ, когда Иванъ Семеновичъ разсказывалъ эту сцену, онъ еще сильно волновался. Легко представить себѣ его состояніе, когда онъ садился въ гичку. Катеръ значительно ушелъ впередъ, когда Унковской отвалилъ отъ борта *Паллады*. И тутъ и тамъ матросы навалились на весла, гичка не догнала катера, и Путятинъ уже уѣхалъ въ коляскѣ, когда Иванъ Семеновичъ причалилъ къ пристани. Унковской говорилъ, что въ ту минуту онъ не давалъ себѣ никакого отчета въ своихъ поступкахъ; его влекло только неотразимое желаніе такъ или иначе покончить съ невыносимымъ положеніемъ; но счастье, столько разъ улыбавшееся Ивану Семеновичу, улыбнулось ему и въ этотъ разъ. Между свиданіемъ адмирала съ капитаномъ прошло два отрезвляющихъ часа.

Когда Унковской пріѣхалъ къ консулу—уже не помню какой державы—въ домѣ котораго остановился Путятинъ, послѣдняго не было: онъ вернулся домой только къ званому обѣду и прямо прошелъ на половину хозяина. Иванъ Семеновичъ дожидался на половинѣ адмирала, обдумывая свое положеніе. Тутъ онъ рѣшился оставить *Палладу* и просить Путятина отпустить его съ отходившимъ на слѣдующій день Русскимъ военнымъ судномъ, кажется шхуною *Востокъ*, въ Петропавловскъ. Послѣ происшедшей сцены на шханцахъ военнаго судна,

этотъ выходъ казался единственно возможнымъ; къ тому же и для Путятина представлялось немыслимымъ продолжать службу съ враждебно-настроеннымъ капитаномъ. Такъ бы и вышло вѣроятно въ девяносто девяти случаяхъ изо ста, но Черноморцы покончили дѣло иначе.

Едва окончился обѣдъ, какъ Путятинъ, повидимому совершенно спокойный, пришелъ къ Унковскому. Несомнѣнно храбрый и безусловно благородный, Ефимъ Васильевичъ не боялся встрѣчи съ глазу на глазъ съ ожесточеннымъ противникомъ; онъ избѣгалъ только публичнаго недоразумѣнія.

Иванъ Семеновичъ горячо объяснилъ адмиралу всю тягость своего положенія, упомянулъ о только что происшедшей прискорбной сценѣ и заявилъ о принятомъ рѣшеніи оставить *Палладу*.

— Этого нельзя-съ, отвѣчалъ пощипывая усы Путятинъ: я не могу лишить Русское судно подобнаго капитана, въ то время когда Россія наканунѣ военныхъ дѣйствій. А если вы такъ оскорблены мною, что желаете возстановленія чести, то я готовъ вамъ дать сейчасъ же всякое удовлетвореніе.

Рыцарскій порывъ Путятина сразу осадилъ желчь Унковскаго; они искренно помирились и заключили договоръ, по которому Унковской оставался капитаномъ *Паллады*, а Путятинъ обязался не вмѣшиваться въ область непосредственно принадлежащую командиру.

Путятинъ держалъ свое слово повидимому съ большимъ трудомъ.

Однако цѣлыхъ три мѣсяца никакихъ столкновеній между адмираломъ и капитаномъ не было. Только однажды, въ. Маѣ, плавая у Корейскихъ береговъ, *Паллада* стала на якорь въ мало извѣстномъ заливѣ. На утро, по случаю сильнаго тумана, Иванъ Семеновичъ счелъ невозможнымъ сниматься съ якоря, опасаясь, вполнѣ основательно, наскочить при лавировкѣ на скалистый берегъ; Путятинъ же, не смотря на сдѣланныя ему возраженія, приказалъ сниматься. Скрѣпя сердце, разсказывалъ Иванъ Семеновичъ, исполнилъ я полученное приказаніе; но этимъ дѣло не ограничилось: на Путятина видимо напалъ одинъ изъ припадковъ упрямства. Адмиралъ самъ стоялъ на мостикѣ, распоряжаясь лично. Во время одного изъ гальсовъ Унковскому показалось, что фрегатъ слишкомъ долго идетъ въ одномъ направленіи, и потому, предполагая близость берега, онъ замѣтилъ Путятину о необходимости поворота, но Путятинъ не хотѣлъ уступать.—«Нѣтъ-съ, еще до берега не можетъ быть близко» сказалъ онъ и не отдавалъ приказанія. Въ это время порывомъ вѣтра слегка разчистило туманную завѣсу, и къ ужасу присутствующихъ предъ ихъ глазами предстали нависшіе скалистые уступы. Раздалась громовая команда «лѣво на бортъ», и *Паллада*, только по непостижимой случайности, вполнѣ бла-

гополучно, совершила маневръ перемѣны гальса. Путятинъ сконфузился, вспомнилъ данное на Маниллѣ обѣщаніе и, ни слова не говоря, ушелъ въ каюту. Это было послѣднее недоразумѣніе.

Наступило тревожное время. Съ минуты на минуту ожидали объявленія войны, нервы были настроены въ направленіи болѣе серьезномъ, домашніе счеты временно забылись. Становилось очевиднымъ, что старая *Паллада*, къ тому же сильно расшатанная вынесенными штормами и въ особенности ураганами въ Китайскомъ морѣ, не будетъ въ состояніи оказать должнаго сопротивленія съ надеждою на успѣхъ. Поджидали шедшій на смѣну *Паллады* фрегатъ *Діану*. Поджидалъ *Діану* и Унковской. Впечатлительный до крайности, онъ, несмотря на наступившее затишье въ отношеніяхъ съ Путятинымъ, томился натянутостью положенія. Случай у Корейскихъ береговъ заставлялъ его опасаться повторенія чего-либо подобнаго въ моментъ боя. Молодой и честолюбивый, въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, онъ душою рвался на встрѣчу врагу, но желалъ дѣйствовать самостоятельно и потому, зная объ участи ожидавшей *Палладу*, надѣялся вòвремя вернуться въ Европейскую Россію, чтобы принять участіе въ предстоявшей войнѣ на судахъ Балтійскаго или, того лучше, Черноморскаго флота.

Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что послѣдніе мѣсяцы служенія на *Палладѣ* онъ былъ совершенно боленъ, нервность держала его въ постоянной лихорадкѣ, онъ только и думалъ о счастливомъ моментѣ освобожденія. Давно ожиданный моментъ наконецъ насталъ: *Діана* появилась въ водахъ Татарскаго пролива.

Отслужившую *Палладу* рѣшено было затопить, дабы она не попалась какъ нибудь въ руки непріятели, а командира и команду сухимъ путемъ отпустить въ Европейскую Россію.

Вдругъ Путятинъ обратился къ Унковскому съ совершенно-неожиданною просьбою. Говоря о важности минуты, объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ (дѣло было въ Сентябрѣ 1854 года), Путятинъ сталъ доказывать, поскольку ему необходимы офицеры и команда знакомые и такой командиръ какъ Иванъ Семеновичъ. Поэтому онъ высказалъ предположеніе перевести команду *Паллады* на *Діану*, а команду послѣдней отпустить сухимъ путемъ. Вотъ на это-то предположеніе просилъ онъ согласія Ивана Семеновича.

Удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко тронутый новымъ доказательствомъ благородства души Путятина, Унковской тѣмъ не менѣе не могъ исполнить его желанія. Съ одной стороны твердая рѣшимость вернуться въ Россію глубоко засѣла ему въ душу; съ другой онъ слишкомъ уважалъ и личныя достоинства, и морскую опытность ко-

мандира *Діаны* Степана Степановича Лесовскаго, чтобы лишить его права выпавшаго ему на долю. Всѣ переговоры Путятина по этому поводу остались безплодными. Приходилось разставаться. Старую *Палладу* сначала думали затопить въ Амурѣ, но за мелководьемъ это оказалось невозможнымъ. Тогда ее ввели въ Императорскую гавань, разоружили и затопили. «Такъ, по словамъ Ивана Александровича Гончарова, *Паллада* и кончила свое существованіе въ этой бухтѣ; отъ нея оставалось одно днище, которое вѣроятно пригодилось нашимъ людямъ, содержавшимъ тамъ постъ». Добавлю отъ себя, что бывшій командиръ клипера *Наѣздникъ* Л. К. Калогерасъ, въ 1885 вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, въ моемъ присутствіи разсказывалъ Ивану Семеновичу, что онъ еще видѣлъ это днище; но посѣтившій въ 1886 году портѣ дальняго Востока управляющій Морскимъ Министерствомъ И. А. Шестаковъ уже не нашелъ слѣдовъ нѣкогда воспѣтой Гончаровымъ *Паллады*.

Отказавши въ просьбѣ Путятину и вспоминая всѣ бывшія съ нимъ столкновенія, Иванъ Семеновичъ не разсчитывалъ на особенно лестный пріемъ въ Петербургѣ; тѣмъ болѣе былъ онъ пріятно удивленъ ошибкою въ своихъ предположеніяхъ. Лично Государь и высшее морское начальство встрѣтили его крайне милостиво, ссылаясь на лестные отзывы о немъ Путятина; а жена послѣдняго приняла его какъ роднаго, говоря, что чувства мужа къ Ивану Семеновичу ее къ этому обязываютъ.

Я старался, какъ умѣлъ, со словъ, покойнаго адмирала выяснить отношенія двухъ личностей, снискавшихъ себѣ каждый по своему и уваженіе, и извѣстность. Я дорожилъ даже мелочами, быть можетъ не вполнѣ вѣрно сохранившимися въ моей памяти, дорожилъ ими потому, что въ этихъ отношеніяхъ сказывалась прочная закваска людей превосходнаго закала, людей умѣвшихъ отдѣлять свои эгоистичныя чувствованія отъ служебнаго долга и все и вся приносить ему въ жертву. По странной случайности, Ивану Семеновичу пришлось еще разъ столкнуться съ Путятинымъ, въ тѣхъ же водахъ Тихаго Океана и провести съ нимъ на *Аскольдѣ* ночь знаменитаго урагана. Объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь же скажу только, что я былъ свидѣтелемъ впечатлѣнія, произведеннаго на Ивана Семеновича извѣстіемъ о кончинѣ Путятина, и дай Богъ, чтобы люди, прожившіе всю жизнь вмѣстѣ и ни разу не имѣвшіе повода быть другъ другомъ недовольны, такъ же искренно и тепло относились къ постигнувшей ихъ неожиданной утратѣ.

В. Истоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

по воспоминаніямъ съ 1837 года *).

Четырнадцатый провалъ.

Независимо отъ проваловъ, породившихъ вредное и очевидное для всѣхъ разрушеніе экономической жизни всей Россіи, существуютъ еще мѣстные провалы, поражающіе обѣдненіемъ только ту часть народонаселенія, которая подвергнулась ихъ разрушительному дѣйствію. Въ настоящее время память моя сохранила нѣкоторыя подробности о провалахъ въ Дагестанской области мареноводства и въ Соликамскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ (Пермской и Вологодской губерній) солевареннаго производства. Несомнѣнно, что и въ другихъ мѣстностяхъ и, даже въ очень многихъ, были свои разрушительные провалы; но о нихъ точнѣе и вѣрнѣе могутъ откликнуться изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя поражены губительными послѣдствіями совершившихся проваловъ.

Если бросить внимательный взглядъ на нѣкоторые города и селенія, то въ нихъ мы увидимъ печальныя развалины разрушившейся промышленности, ясно свидѣтельствующія о томъ, что когда-то въ мѣстахъ, представляющихъ теперь оскудѣніе, процвѣтало полное благоденствіе, и что кѣмъ-то это благоденствіе разбито въ дребезги. Вотъ очевидныя доказательства разрушенія.

Въ Ярославлѣ и Вологдѣ существуетъ нѣсколько корпусовъ когда-то выстроенныхъ лавокъ, теперь совершенно заброшенныхъ и заключающихся въ однѣхъ каменныхъ стѣнахъ съ провалившимися крышами и истлѣвшими отъ времени дверями. Точно такіе же корпуса лавокъ, находящихся въ полномъ запустѣніи, можно видѣть въ городахъ:

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, книга первая, стр. 245, 369 и 503.

Галичѣ, Старицѣ, Торопцѣ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ лавокъ, по ихъ фасадамъ, относятся къ началу нынѣшняго столѣтія, а нѣкоторыя—къ Петровскому времени. Понятно, что въ старинное время сооруженіе церквей вызывалось религіознымъ усердіемъ, а сооруженіе лавокъ цѣлыми линіями могло вызываться только одною лишь потребностію торговли. Точно также понятно, что обращеніе этихъ лавокъ въ развалины выражаетъ совершенное обѣднѣніе. Наиболѣе всего поразительнымъ представляется запустѣніе огромнаго количества лавокъ въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, гдѣ одинъ лавковладѣлецъ (купецъ Хлѣбниковъ) потерялъ 20 тыс. рублей годоваго дохода отъ запустѣнія своихъ лавокъ. Лѣтъ черезъ десять послѣ введенія акцизной системы питейнаго сбора, мнѣ пришлось быть на Ростовской ярмаркѣ и видѣть заброшенныя лавки, окруженныя массою нищихъ, умолявшихъ прохожихъ о подаяніи на дневное пропитаніе. При этомъ мнѣ пришла мысль вступить въ разговоръ съ нищими съ цѣлью узнать причину ихъ обѣднѣнія и посредствомъ этого добраться до вѣрнаго опредѣленія упадка мѣстной торговли.

На вопросъ мой, обращенный къ одной изъ нищихъ, ходила ли по міру за подаяніемъ ея мать или бабушка, нѣсколько нищихъ отвѣчали въ одинъ голосъ: «Мы и сами еще только 4-й годъ стали ходить по міру, а родители наши жили сытно, мужья же и сыновья все пропили; вѣдь въ нашей деревнѣ не было прежде ни одного кабака, а теперь завелось пять кабаковъ, отчего и погибло все то, что̀ было заведено по крестьянскому житью, разная скотинка, сбруя и одежда». Другія отвѣчали, что у нихъ поле заброшено за неимѣніемъ удобренія по случаю закрытія винокуренія въ ближайшихъ къ нимъ заводахъ. Безъ барды не стало скота, безъ скота окаменѣло поле, земля ничего не родитъ, и вотъ имъ пришлось кормиться мірскимъ подаяніемъ. Иные объясняли, что бывшія у нихъ въ полѣ полосы для посѣва льна давно заброшены какъ по неимѣнію удобренія, такъ и по отсутствію покупателей на ленъ, вслѣдствіе замѣны холстинныхъ рубахъ ситцевыми (смотри провалъ 3-й). Наконецъ, всѣ эти партіи нищихъ въ одинъ голосъ выражали свою скорбь слѣдующими словами: «Крестьянское бытье не заправное; если чѣмъ-либо его немножко подкосятъ, то уже во весь вѣкъ не справишься и на свои ноги не встанешь; а нужда такъ тебя забьетъ, что и жизни не радъ, и не знаешь куда дѣваться съ горя. Ребятишки ревутъ въ худой, непризорной избѣ; просятъ, глупые, молока и хлѣба; вѣдь не понимаютъ того, что кабакъ всю нашу силушку высосалъ въ казну».

Изъ всего сказаннаго ясно какъ день, что покупная способность, которая поддерживала существованіе лавокъ на Ростовской ярмаркѣ,

равно какъ и въ другихъ городахъ, исчезла, и народныя денежныя крохи перемѣстились въ кабаки и въ Америку въ видѣ уплаты за привозимый оттуда хлопокъ. Непонятно то, почему финансовая статистика довѣряетъ оффиціальнымъ донесеніямъ и составляетъ изъ нихъ свои безполезныя обозрѣнія, чуждаясь пріобрѣтенія свѣдѣній изъ прямыхъ жизненныхъ сообщеній самого обѣднѣвшаго народа.

Кромѣ городовъ, есть множество селеній, въ которыхъ около церквей сдѣланы каменныя ограды съ лавками на наружную сторону. Всѣ эти лавки десятки лѣтъ стоятъ пустыми и безжизненными, подобно памятникамъ на кладбищѣ, выражая собою горькое воспоминаніе о минувшей жизни, низвергнутой въ могилы ложными теоріями тѣхъ народопопечителей, которые устраиваютъ Россію по иностраннымъ сочиненіямъ и по своимъ личнымъ соображеніямъ, не простирающимся далѣе знанія Невскаго Проспекта. Кто не знаетъ, что большинство законопроэктовъ исходитъ не изъ потребности жизни, а изъ желанія пишущихъ лицъ создать для себя служебную карьеру?

Самыя наши выставки сельскохозяйственныя, огородныя, промышленныя и т. п. имѣютъ въ основаніи своемъ чистѣйшую ложь: онѣ представляютъ чудовищную по объему капусту и картофель, крупныя зерновыя сѣмена и породистый скотъ и т. д., тогда какъ въ народной жизни ничего этого нѣтъ, и за всю эту ложь получаютъ въ награду золотыя и серебряныя медали. Плачетъ, горько плачетъ вразумительная дубинка Петра I-го. Было бы истинно поучительно составить правдивую выставку, на которой мы бы увидали не диковинки, а обыкновенныхъ крестьянскихъ коровъ и лошадей и тѣ зерновыя сѣмена, какими деревня обсѣваетъ свои поля. На такой выставкѣ не было бы самообмана, и она скорѣе бы навела насъ на самыя вѣрныя мысли о нужныхъ мѣропріятіяхъ, нежели выставки пустаго самохвальства. Не мѣшаетъ присоединить къ правдивой выставкѣ приданое большинства крестьянскихъ невѣстъ и показать въ картинахъ избы безъ соломенныхъ крышъ, снятыхъ для корма скота въ концѣ зимы; равно изобразить кистью художника коровъ, поворачиваемыхъ кольями отъ безсилія встать на ноги, вслѣдствіе зимней безкормицы, и наконецъ заключить все это кладовой большинства нашихъ крестьянъ съ содержащимся въ ней имуществомъ. При этомъ обнаружится, что имущество заключается единственно изъ старыхъ тряпокъ, кое-какихъ веревокъ, изношенной обуви, оборванной сбруи и обвитыхъ берестомъ горшковъ.

Но среди этого бѣднаго имущества всегда найдется огромное богатство, которому нѣтъ цѣны. Въ этомъ богатствѣ кроется вся сила Русскаго государства и народа—сила великаго терпѣнія и вѣры. Это

восковая свѣчка и нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ на поминъ души, завернутыхъ въ чистую бумагу и хранимыхъ для той торжественной минуты, въ которую человѣкъ оканчиваетъ всѣ свои земныя страданія. Въ эту минуту восковая свѣчка ставится къ образу и потомъ переносится къ гробу, а пятаки раздаются тѣмъ неимущимъ горемыкамъ, для которыхъ еще не пришелъ конецъ страданій.

Составители статистическихъ и промышленныхъ обозрѣній, на которыхъ финансисты основываютъ свои проэкты, безъ сомнѣнія, сами бы ужаснулись тѣхъ бѣдствій, которыя они понадѣлали въ послѣднее время, еслибы заглянули въ жизнь народа. Пора прекратить составленіе обозрѣній Русской экономической жизни, основанныхъ на оффиціальныхъ донесеніяхъ, вовсе не выражающихъ дѣйствительности, и послѣ искренняго раскаянія пора поставить себѣ правиломъ изучать прежде всего Русскую жизнь въ деревняхъ, дабы согласовать свои взгляды съ народными потребностями, безъ чего при самыхъ добрыхъ желаніяхъ происходятъ горькія послѣдствія.

Да, пора содрогнуться при мысли о томъ, что оскудѣніе, въ самомъ огромномъ большинствѣ деревенскихъ домовъ, дошло до того, что обѣдъ крестьянина заключается въ одномъ черномъ хлѣбѣ и похлебкѣ изъ одной воды съ малымъ количествомъ затхлой крупы. Сомнѣвающіеся въ этомъ могутъ легко удостовѣриться, побывавъ въ нѣсколькихъ деревняхъ около Николаевской дороги, въ разстояніи 10—20 верстъ отъ какой угодно желѣзнодорожной станціи, а чѣмъ далѣе, тѣмъ еще бѣднѣе. Трудно понять, чѣмъ живетъ крестьянинъ и какъ можетъ его семья существовать среди лишеній первыхъ потребностей жизни.

Теперь, отъ общихъ разсужденій, порожденныхъ признаками бывшихъ проваловъ, перейдемъ къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ на нашей памяти совершились очевидные провалы, породившіе разрушительныя бѣдствія. Начинаемъ съ Дагестанской области. Мѣстность эта, въ началѣ второй четверти настоящаго столѣтія, стала заниматься разведеніемъ корней марены, которая впослѣдствіи составила необходимую потребность для всѣхъ почти фабрикъ при окраскѣ разныхъ тканей во всевозможные цвѣта.

Производство марены составляло главное и выгодное занятіе жителей Дагестанской области и дѣйствовало въ свое время на умиротвореніе живущихъ тамъ племенъ гораздо сильнѣе и благотворнѣе дѣйствія пороха и пушечныхъ выстрѣловъ. До 1872 года, болѣе 20 лѣтъ сряду, мы видѣли появленіе на Нижегородской ярмаркѣ Дагестанскихъ Черкесовъ съ гильдейскими правами на торговлю, пріѣзжавшихъ въ Нижній для продажи привозимой ими по Волгѣ марены, въ которой нуждались всѣ фабриканты Московско-Владимирскаго фабричнаго окру-

га. Черкесская гражданственность развилась до такой степени, что векселя мареноводовъ, полученные ими за проданную марену, принимались къ учету въ банкахъ, и въ платежѣ денегъ по этимъ векселямъ не было ни одного случая неисправности. Пишущій эти строки очень живо помнитъ, какъ обращались къ нему для учета векселей въ Волжско-Камскомъ банкѣ Дагестанскіе купцы въ военныхъ Черкесскихъ платьяхъ съ патронами на груди. Развитіе мареноводства могло въ будущемъ времени идти гораздо далѣе; потому что марена давала такую краску, которая во всѣхъ своихъ цвѣтахъ не уступала въ яркости Китайскимъ краскамъ, и притомъ, по удостовѣренію специалистовъ, окрашеніе мареной не производило никакого вреднаго вліянія на прочность тканей. Не смотря на все это, производству марены былъ нанесенъ смертельный ударъ по случаю изобрѣтенія за границей анилиновыхъ красокъ, которыя оказались выгоднѣе марены, но за то имѣли вредное дѣйствіе на прочность тканей. Марена до такой степени упала въ цѣнѣ, что производство ея не могло долѣе продолжаться, и весь Дагестанскій край лишился своего единственнаго промысла, отчего начавшееся на западномъ берегу Каспійскаго моря образованіе промышленнаго гражданства вовсе уничтожилось. Вмѣстѣ съ этимъ, всѣ тѣ миліоны, которые платились за марену и оживляли собою недавно присоединенный къ Россіи край, перешли за границу за пріобрѣтаемыя оттуда, взамѣнъ марены, или анилиновыя краски или минеральный матеріалъ, для выдѣлки ихъ въ Россіи. Такимъ образомъ рушилась торговая связь, существовавшая между Дагестаномъ и внутреннею Россіей. Дагестанцы увидали, что они напрасно трудились десятки лѣтъ надъ разведеніемъ въ своей почвѣ корней марены, напрасно чаяли отъ развитія этого промысла обогащенія своей страны: всѣ ихъ надежды рушились, потому что многократныя просьбы Дагестанскихъ мареноводовъ объ обложеніи анилиновыхъ красокъ такою привозною пошлиною, которая бы обезпечила существованіе мареноводства, не удостоились въ С.-Петербургѣ никакого вниманія. Между тѣмъ, въ тоже самое время, когда мы погребали промыселъ марены, очень много говорилось и писалось о разведеніи хлопчатныхъ плантацій въ Закавказьи и Ташкентѣ, но во всѣхъ этихъ разговорахъ ни разу не слышалось такой мѣры, которая бы могла содѣйствовать разведенію хлопка. Мѣра эта очень простая: нужно поднять привозную пошлину на Американскій хлопокъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы было выгодно разводить его на своихъ земляхъ, и тогда доходность предпріятія сдѣлалась бы самымъ сильнымъ двигателемъ къ употребленію труда и капитала на хлопчатные посѣвы.

Замѣна марены иностранными красками напоминаетъ собою замѣну старинной набивки по холсту разныхъ узоровъ ситцами. Вообще, говоря о Русской изобрѣтательности, нельзя не скорбѣть о томъ, что все создавшееся у насъ дома чахнетъ и погибаетъ отъ недостатка попеченія и заботливости о поддержкѣ народной промышленности. Теперь, вѣроятно, анилиновыя краски такъ прочно водворились въ фабричномъ производствѣ, а мареноводныя плантаціи такъ густо заросли бурьяномъ, что о возрожденіи мареноводства и рѣчи быть не можетъ; но это, однакожъ, не мѣшаетъ сожалѣть о разрушеніи промышленнаго значенія Дагестана. Если внимательнѣе осмотримся, то увидимъ, что таже участь приближается и къ нашимъ зерновымъ хлѣбамъ, по случаю появленія на Европейскихъ рынкахъ изъ Австраліи овса и пшеницы.

*

Приступая къ мѣстному провалу въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, поразившему солеваренное производство совершеннымъ разрушеніемъ, нельзя умолчать о стародавности этого производства. Оно образовалось при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, болѣе пяти сотъ лѣтъ тому назадъ. Разрушеніе этого промысла дѣйствуетъ на меня съ особенною впечатлительностію. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что изображенная въ первомъ провалѣ губительная серебрянная единица уничтожила солевареніе въ Костромской губерніи, въ городѣ Солигаличѣ, и въ числѣ пострадавшихъ былъ солеваренный заводъ, находившійся въ моемъ владѣніи, совмѣстно съ моими родственниками. Когда въ 1883 году подобное разрушеніе подуло изъ Петербурга на Пермскіе солеваренные заводы, я былъ арендаторомъ казеннаго Дедюхинскаго завода. Заводъ этотъ пришелъ въ такое изнеможеніе, что, вмѣсто прежней выгодности, сталъ приносить убытка около 100 тысячъ рублей въ годъ, и я, едва дотянувъ контрактъ, оканчивавшійся въ 1885 году, отказался отъ дальнѣйшей аренды этого завода, за который платилось правительству болѣе 30 тыс. рублей въ годъ, а существованіе завода кормило 400 человѣкъ заводскихъ рабочихъ съ ихъ семействами и доставляло заработки нѣсколькимъ тысячамъ крестьянъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ по заготовленію дровъ и постройкѣ судовъ для сплава соли на Волгу, выварка которой въ Дедюхинѣ простиралась до 3 милліоновъ пудовъ. Подобно тому, какъ въ 1840 году Солигаличскіе рабочіе пошли питаться подаяніемъ, такъ и въ 1885 году Дедюхинскіе рабочіе, за прекращеніемъ солеваренія, подверглись той же бѣдственной участи. Пермскій губернаторъ представилъ подробную картину этихъ бѣдствій, и картина эта передана,

какъ слышно, на разсмотрѣніе какой-то особо составленной комиссіи; но какъ, между тѣмъ, рабочіе изнемогали отъ голода, то, конечно, извѣстіе, послѣдовавшее на всѣ ихъ просьбы о назначеніи комиссіи не могло ихъ накормить. Все, что я могъ сдѣлать съ своей стороны, заключалось въ обезпеченіи рабочихъ хлѣбнымъ продовольствіемъ на шесть мѣсяцевъ послѣ закрытія завода.

Дедюхинскій заводъ въ 1885 году нѣсколько разъ предлагался на торгахъ въ арендное содержаніе, но никого желающихъ не явилось, даже безъ всякой арендной платы. По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось при самомъ началѣ моего коммерческаго поприща пережить разрушеніе Солигаличскаго солеваренія и черезъ 45 лѣтъ быть свидѣтелемъ подобнаго же разрушенія въ Дедюхинѣ!

Считаю необходимымъ ознакомить читателя съ тѣмъ, какія глубокія доказательства Русской природной разумности проявляетъ исторія Дедюхинскаго солеваренныго завода и сопредѣльныхъ съ нимъ заводовъ князей Голицина, Абамелекъ-Лазарева, графовъ Строгановыхъ и Шуваловыхъ. Въ заводахъ этихъ существуютъ разсольныя трубы, изъ которыхъ самыя старинныя пробуравлены 300—400 лѣтъ тому назадъ на 100 саженъ въ глубину земли, для добычи изъ нихъ разсола на выварку соли. Трубы эти (такъ принято называть ихъ между заводскимъ населеніемъ) выражаютъ собою тоже самое, что артезіанскіе колодцы въ Европѣ, но колодцы изобрѣтены черезъ 200 лѣтъ послѣ образованія Дедюхинскихъ трубъ. Всѣ потребные для сверленія этихъ трубъ инструменты, счетомъ болѣе 150 нумеровъ, цилиндры для огражденія отъ напора боковой земли и прѣсной воды, равно и машины для подъема разсола, изобрѣтены и приспособлены къ дѣйствію въ глубокой древности мыслію и умомъ мѣстныхъ заводскихъ мастеровъ. И въ то время, когда еще Россія не имѣла солей Астраханской, Крымской и Илецкой, Русское народонаселеніе питалось нѣсколько столѣтій одною Пермскою солью; и все это было создано силою Русскаго простонароднаго ума, въ то время, когда еще не было въ Россіи ни горнаго института и никакихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Нынѣ, въ вѣкъ прогресса и цивилизаціи, на долю правнуковъ древнихъ изобрѣтательныхъ Дедюхинцевъ досталось безотрадное нищенство, потому что за прекращеніемъ въ Дедюхинѣ заводскаго производства пришлось спасаться отъ голода, протягивая руку за подаяніемъ хлѣбныхъ корокъ къ доброхотныхъ дателямъ.

Древнее существованіе въ Россіи разсольныхъ трубъ, устроенныхъ нѣсколько столѣтій тому назадъ въ Дедюхинѣ, Усольѣ, Сольвычегодскѣ, Тотьмѣ, Леденскѣ и Яренскѣ, хотя выражало собою совершенную однородность съ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ въ Европѣ

артезіанскихъ колодцевъ, но оно до такой степени было малоизвѣстно и предано забвенію, что никто и не думалъ видѣть въ артезіанскихъ колодцахъ повтореніе Русской изобрѣтательности. Это обстоятельство было причиною, что на бывшей въ Костромѣ губернской выставкѣ въ 1837 году, по случаю путешествія по Россіи Наслѣдника престола Цесаревича Александра Николаевича, я рѣшился выставить модель разсольной трубы, пробуравленной мною въ городѣ Солигаличѣ, на глубину 101 сажени, со всѣми моделями употреблявшихся при буреніи инструментовъ, дабы объяснить Его Императорскому Высочеству, что изобрѣтеніе этихъ трубъ относится еще ко временамъ Московскаго государства. Выставка была посѣщена Наслѣдникомъ Престола въ сопровожденіи В. А. Жуковскаго и К. И. Арсеньева, и трехъ юношей въ военныхъ мундирахъ, сколько мнѣ помнится, Адлерберга, Паткуля и Мердера. Вѣроятно, объясненіе значенія разсольныхъ трубъ признано было удовлетворительнымъ, и я удостоился отъ Государя Цесаревича пожатія руки, а отъ Жуковскаго и Арсеньева поцѣлуя. На другой день послѣ этого, я представилъ К. И. Арсеньеву докладную записку объ увеличеніи пошлины на иностранную соль, дабы дать ходъ полному сбыту Астраханской и Илецкой солей. Арсеньевъ обѣщалъ представить эту записку министру финансовъ графу Канкрину, что̀ имъ и было исполнено; потому что мѣсяца черезъ два я получилъ изъ канцеляріи министра финансовъ увѣдомленіе, что записка моя, по признанному въ ней полезному содержанію, будетъ напечатана въ «Коммерческой Газетѣ». Это странное рѣшеніе не могло не удивить меня, потому что безъ всякаго соприкосновенія къ министерсту я могъ бы и самъ отъ себя послать мою записку, въ видѣ статьи, въ редакцію «Коммерческой Газеты».

Возвращаясь къ Пермскому солеваренному производству, нельзя знать, какая готовится ему участь въ будущемъ времени; но можно навѣрное заключить, что уничтоженіе этого производства породитъ въ Пермской губерніи явленіе совершенно новое—нищенство. До сихъ поръ на Верхне-Камскихъ пристаняхъ не встрѣчалось ни одного человѣка, просящаго милостыни, всѣ жили отъ труда рукъ своихъ: теперь же этотъ способъ жизни является уничтоженнымъ вслѣдствіе новыхъ законоположеній о соли, основаніемъ которыхъ служили, какъ выше сказано, не потребность дѣла, а карьера.

Точно таже участь, какая постигла Соликамскій край, обрушилась и на Тотемскій уѣздъ Вологодской губерніи, гдѣ дѣйствіе солеваренія находится наканунѣ прекращенія въ двухъ заводахъ Тотемскомъ и Леденскомъ и, если эти заводы кое-какъ тянутъ еще свое существованіе, то единственно для того чтобы употребить въ дѣло

оставшіяся въ заготовкѣ дрова, а на будущій годъ и въ Вологодскомъ краѣ повторится тоже, что и въ Перми, т.-е. рабочіе пойдутъ по міру, и для устройства ихъ быта вѣроятно откроется въ С.-Петербургѣ особая коммиссія. Не проще ли бы было не разстраивать существовавшаго быта солеваренныхъ рабочихъ въ Перми и Вологдѣ, чѣмъ придумывать мѣры къ исправленію нанесенныхъ золъ?

Но читатель, безъ сомнѣнія, давно уже желаетъ знать о причинѣ упадка солеваренія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ. Причина эта заключается въ сложеніи акциза съ соли, отчего усилился привозъ самосадочныхъ и горныхъ солей въ Москву, на Волгу и во всѣ центральныя губерніи, и усиленіе это произвело такое пониженіе цѣнъ, которое вытѣснило съ рынка всѣ вообще поваренныя соли, и солеваренныыъ заводамъ пришлось переносить столь сильный убытокъ, что они сочли за лучшее прекратить производство солеваренія. Но здѣсь возникаетъ вопросъ касающійся государственныхъ заботъ о рабочихъ и о всемъ мѣстномъ населеніи, окружающемъ заводы, безъ которыхъ нѣтъ ему возможности къ безбѣдному существованію. На все это могутъ возразить, что если заводское народонаселеніе повергнуто въ бѣдность, то за то вся Россія осталась въ выигрышѣ отъ удешевленія соли. Да, это было бы такъ, еслибы сложеніе акциза послѣдовало отъ избытка денежныхъ средствъ и не повлекло за собой установленія множества разныхъ новыхъ налоговъ; но и при этомъ надобно было, прежде чѣмъ разрушать солеваренное производство, создать въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были заводы, новую дѣятельность въ родѣ выработки соды или другихъ производствъ, могущихъ дать трудъ и хлѣбъ. А когда съ раззореніемъ заводскихъ населеній соединились новые налоги, установленные очевидно взамѣнъ потеряннаго акциза съ соли, тогда уже раззореніе заводскихъ населеній ничѣмъ оправдать нельзя.

Главнымъ побужденіемъ къ сложенію акциза съ соли было желаніе достигнуть употребленія соли для корма скота, но эта цѣль ни въ одной губерніи не выразилась вполнѣ удовлетворительно; потому что соль на полную сумму сложеннаго акциза (30 коп. съ пуда) нигдѣ не подешевѣла, и теперешняя ея цѣна въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ болѣе распространенное скотоводство, не дешевле 50 коп. за пудъ. Еще нескоро наступитъ то время, когда крестьянинъ признаетъ полезнымъ употреблять соль для скота; но чтобы могли это употребленіе дѣлать въ образцовыхъ фермахъ, которыхъ у насъ очень немного, было бы достаточно отпускать для каждой губерніи по 50 тыс. пудъ соли для раздачи ея по извѣстнымъ фермамъ на первое время даже даромъ, дѣлая это посредствомъ зем-

скихъ управъ. При такомъ порядкѣ количество даромъ раздаваемой соли не составило бы во всей Россіи болѣе двухъ миліоновъ пудовъ, слѣдовательно государство теряло бы отъ этого миліонъ рублей въ годъ и сохранило бы при существованіи акциза свой доходъ въ 10 миліоновъ рублей въ годъ; причемъ цѣль ввести въ обычай посыпку корма для скота солью была бы вполнѣ достигнута. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ пять, когда бы употребленіе соли для скота вошло въ привычку и спросъ на даровую соль усилился, она бы могла быть отпускаема уже не даромъ, а съ назначеніемъ умѣренной цѣны отъ 10 до 20 коп. за пудъ.

Въ заключеніе скажемъ, что властительной мысли, могущей дать устройство соляному дѣлу и снова призвать къ жизни Пермскіе и Вологодскіе соляные промыслы, предстоитъ трудъ уровнять на главныхъ рынкахъ цѣнность всѣхъ солей, т.-е. поваренной, самосадочной и горной, такъ чтобы ни одна соль для другой не изображала изъ себя Австраліи, которая теперь цѣнностію своего зерна (пшеницы и овса) убиваетъ Русское сельское хозяйство при вывозѣ нашихъ хлѣбовъ за границу.

Очень было бы желательно, чтобы другія мѣстности, гдѣ послѣдовали мѣстные провалы, откликнулись со всѣми подробностями о переживаемыхъ ими затрудненіяхъ. Изъ яснаго разумѣнія этихъ затрудненій родились бы указанія, подобныя тому, на какія наводитъ соляной вопросъ, и разрѣшеніемъ этихъ указаній, въ смыслѣ цѣлесообразномъ мѣстнымъ интересамъ, была бы достигнута поправка многихъ ошибокъ прежняго времени.

Упомянувъ объ Австраліи, нельзя не видѣть, что къ намъ приближается быстрыми шагами новый экономическій провалъ, который будетъ состоять въ томъ, что иностранные Европейскіе рынки для сбыта нашихъ хлѣбовъ будутъ навсегда для насъ потеряны, потому что Австралійскій хлѣбъ можетъ продаваться дешевле нашего. Причины тому состоятъ въ слѣдующемъ. Въ Австраліи овесъ родится самъ—30, а у насъ самъ—6; пшеница родится самъ—150, а у насъ самъ 12. Въ Австраліи, погрузивъ хлѣбъ на корабль, привозятъ его прямо къ берегамъ Европейскихъ приморскихъ городовъ; а мы должны, положимъ, изъ Самары провезти чрезъ Волгу и Маріинскую систему съ разными перегрузками 4 тыс. верстъ и только въ Финскомъ заливѣ можемъ погрузить нашъ хлѣбъ въ корабль, такъ что провозъ нашего хлѣба до Европейскихъ портовъ обходится гораздо дороже Австралійскаго. Если же возьмемъ другую хлѣбородную мѣстность, положимъ Тамбовскую, то здѣсь приходится имѣть дѣло съ желѣзными дорогами, что̀ еще болѣе возвышаетъ перевозочную цѣну, не говоря

уже о томъ, что на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ не имѣется никакихъ крытыхъ помѣщеній для складки хлѣба, отчего въ ненастное время хлѣбъ подвергается неизбѣжной порчѣ.

Кромѣ означенныхъ неудобствъ, самый тарифъ за перевозку по желѣзнымъ дорогамъ направленъ къ угнетенію вывоза за границу нашего зерна. Такъ напримѣръ: съ пуда пшеницы за провозъ изъ Москвы до Ревеля берутъ 30 коп., а съ пуда хлопка за провозъ по той же линіи изъ Ревеля въ Москву 14 к., не смотря на то, что пудъ хлопка стоитъ 10 р., а пудъ пшеницы 1 р. 50 коп. Изъ этого выходитъ тотъ выводъ, что мы сами для себя гораздо злѣе Бисмарка, сочинившаго ввозную пошлину въ Германіи на Русскій хлѣбъ.

Нельзя не предвидѣть, что первые годы прекращенія сбыта нашего хлѣба за границу отзовутся самымъ тяжелымъ образомъ на экономической жизни народа и на финансовыхъ оборотахъ правительства; потому что наступитъ такое время, въ которое у насъ не будетъ иностранныхъ векселей для уплаты ими по тѣмъ векселямъ, которые выдаетъ Русская торговля за ввезенные къ намъ иностранные товары.

Хотя мнѣ вѣроятно и не суждено дожить до тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ Австралійскій кризисъ, но могу съ полнымъ убѣжденіемъ и даже увѣренностію предположить, что когда Россія будетъ завалена массою хлѣба отъ прекращенія заграничнаго спроса на него, тогда деревня несомнѣнно выиграетъ: всѣ будутъ питаться до сыта, лица просіяютъ, мускулы окрѣпнутъ. А какъ за полнымъ достаточнымъ питаніемъ будетъ оставаться еще огромная масса излишняго хлѣба, то она пойдетъ на изобильное откармливаніе скота и преобразуетъ Русскую вывозную хлѣбную торговлю въ торговлю мясомъ и кожами. Въ этихъ двухъ продуктахъ мы никогда уже ни съ чьей стороны не можемъ встрѣтить соперничества, по неимѣнію въ Европѣ природныхъ пастбищъ. Но чтобы пережить кризисъ безъ сильныхъ потрясеній, надобно идти на встрѣчу ему съ преобразовательными мѣропріятіями, въ смыслѣ перехода нашей отпускной торговли съ хлѣба на мясо. Вотъ тутъ-то и является вопросъ о мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокурняхъ вопросомъ самой жгучей настоятельной и неотложной надобности, такимъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ *быть или не быть.*

Если къ устройству сельскохозяйственныхъ винокурень будетъ приступлено немедленно, то до времени образованія ихъ пройдетъ по крайней мѣрѣ два года, и это какъ-разъ сойдется съ тѣмъ временемъ, когда Австралія произведетъ сильное потрясеніе нашей экономической почвы; но оно уже не застанетъ насъ неприготовленными къ перенесенію производимаго этимъ потрясеніемъ колебанія. Подумаемъ о томъ,

что̀ насъ ожидаетъ въ томъ случаѣ, когда мы будемъ продолжать свое бездѣйствіе, будемъ сидѣть сложа руки и, не приступая къ устройству сельскаго винокуренія, будемъ заниматься только наводненіемъ Россіи циркулярами по акцизному вѣдомству? Отгадать нетрудно: нищенство, подобное тому какое видѣли мы на Ростовской ярмаркѣ, образуется во многихъ уѣздахъ, изъ тѣхъ людей, которые, не занимаясь хлѣбопашествомъ, живутъ на фабрикахъ долженствующихъ значительно уменьшиться отъ безденежья помѣщиковъ и крестьянъ по случаю прекращенія спроса на хлѣбъ. Въ какомъ же положеніи будетъ тогда духъ народа, его внутреннее настроеніе? Не будемъ разгадывать будущаго и омрачать наши дни новою скорбію. Еще успѣемъ наплакаться и въ то время, когда разразится надъ нами грозная Австралійская туча; но замѣтимъ одно: черное пятно этой тучи уже показалось на дальнемъ небосклонѣ. Пора приготовлять громоотводъ.

Провалъ пятнадцатый.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію вѣрность всѣмъ извѣстнаго опредѣленія, что подъемъ промышленности составляетъ главное условіе народнаго благоденствія и силы государства. У насъ этотъ подъемъ не только не замѣтенъ, но даже наоборотъ видны доказательства движенія назадъ, явно выражающіяся въ упадкѣ производительныхъ силъ. Причиною тому особая болѣзнь нѣкоторыхъ лицъ Русскаго коммерческаго сословія, поддерживаемая, къ несчастію, такъ сказать, поблажками въ смыслѣ удовлетворенія болѣзненныхъ желаній. Эта болѣзнь — чинобѣсіе.

Для развитія коммерческой дѣятельности на обширномъ пространствѣ Русской земли нужна масса коммерсантовъ съ глубокимъ знаніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ сосредоточены ихъ дѣйствія. Успѣхъ этой дѣятельности зависитъ отъ продолжительнаго существованія торговыхъ домовъ, передающихъ изъ рода въ родъ порядокъ веденія дѣлъ вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ ихъ усовершенствованіемъ. На этомъ создается общее народное довѣріе къ стариннымъ торговымъ домамъ, представителей которыхъ у насъ очень мало; но и тѣ, которые есть, быстро рѣдѣютъ отъ производства ихъ въ чины и классы. Этотъ провалъ производитъ промышленный застой во многихъ мѣстностяхъ, обращая лучшія коммерческія конторы въ совершенное ничтожество. Въ видѣ образности такое явленіе можно сравнивать съ слѣдующей картиной. Представимъ себѣ многолиственную самородную дубовую рощу, пораженную короѣдами (червоточиной) и начинающую постепенно засыхать и обращаться въ голые, безлиственные сучья. Такое явленіе, конечно, не сопровождается никакой видимой бурей; но оно постепенно отнимаетъ силу роста до такой степени, что возвращеніе въ

прежній цвѣтущій видъ, при всяческихъ усиліяхъ, дѣлается невозможнымъ. Точно также гибнутъ и наши коммерческіе дома. Заключеніе это я могъ бы оправдать двумя списками съ поименованіемъ фамилій: одинъ списокъ изобразилъ бы всѣхъ погибшихъ для коммерческой дѣятельности домовъ отъ производства въ чины; а другой, менѣе многочисленный, уцѣлѣвшихъ отъ дѣйствія червоточины и передавшихъ свою дѣятельность дѣтямъ и внукамъ. Рѣшительно нельзя понять, что заставляетъ купца дезертировать изъ своего сословія въ другое сословіе. Въ первомъ положеніи этотъ купецъ былъ замѣтенъ, во второмъ онъ представляетъ личность самую заурядную и даже смѣшную, находящуюся въ положеніи человѣка, отставшаго отъ одного берега и никогда не могущаго пристать къ другому.

Братья Хлудовы, будучи мануфактуръ-совѣтниками съ Владимірскими крестами на шеѣ, когда имъ предлагали ходатайствовать о переименованіи ихъ въ статскіе совѣтники, чтобы потомъ достигнуть слѣдующаго чина и получить дворянство, отвѣчали: «Мы имѣемъ въ Государственномъ Банкѣ, какъ купцы, личный кредитъ въ миліонъ рублей и, чтобъ сохранить этотъ кредитъ, будемъ въ необходимости, послѣ полученія дворянства, снова записываться въ гильдію, т.-е. возвратиться къ тому положенію, въ которомъ мы находимся. Изъ-за чего же тутъ хлопотать? Развѣ для того, чтобы наши сыновья и внуки, выйдя на какой-то новый, невѣдомый имъ путь, отстали отъ своей дѣятельности и этимъ разрушили бы существованіе нашего стариннаго торговаго дома, который доставляетъ полезный трудъ десяткамъ тысячъ лицъ?»

По общему мнѣнію всѣхъ истинныхъ патріотовъ и здравомыслящихъ людей, дезертерство изъ коммерческаго сословія въ другія сословія должно быть прекращено въ видахъ общей пользы. Здѣсь вполнѣ примѣняются всѣ тѣ соображенія, которыми руководилось правительство, находя несовмѣстимымъ государственную службу съ частною. Для купцовъ достаточно быть коммерціи или мануфактуръ-совѣтниками, и крайнею наградою должно служить пожалованіе Владиміра на шею. Звѣздоносіе должно принадлежать только лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. При этомъ надобно имѣть въ виду, что каждый купецъ, преобразованный въ превосходительное званіе, если не лично самъ, то въ лицѣ своихъ наслѣдниковъ, будетъ жить на счетъ государственной росписи, и такая жизнь составитъ отяготительное бремя и для общества, и для того, кто мнимымъ возвышеніемъ возведенъ на извращенный путь.

Пока существуютъ чины, совершенно понятно правильное стремленіе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, къ полученію чиновъ въ извѣстномъ порядкѣ; потому что чины, давая воз-

можность занимать высшія должности, выражаютъ награду за служебные труды. Но какое же право имѣютъ купцы на уравненіе ихъ въ наградахъ съ государственными чиновниками? Между тѣмъ награды купцовъ дѣлаются такими скачками, что они сразу производятся въ 5-й и 4-й классы, и чрезъ это самое умаляется и унижается значеніе государственныхъ наградъ для чиновниковъ, которые получаютъ означенные классы за нѣсколько десятковъ лѣтъ ихъ служебной дѣятельности. Мы полагаемъ, что награда для купца всегда въ рукахъ его самого: она существуетъ въ неразрывной связи съ его жизнью и дѣйствіями, и заключается въ широтѣ и успѣхѣ коммерческихъ предпріятій и продолжительной ихъ прочности. И неужели человѣкъ не можетъ возвышаться самъ изъ себя, нисколько не нуждаясь въ классномъ возвышеніи? Если допустить, что не можетъ, то это значитъ, что мы находимся, уже внутри самихъ себя, на самой глубинѣ не только экономическихъ, но и духовныхъ проваловъ.

Еслибы стремленіе къ переходу изъ купеческаго сословія въ чиновничество охватило собою нашъ фабричный округъ въ губерніяхъ Московской и Владимирской, тогда бы Иваново-Вознесенскъ, Шуя и всѣ Кинешемскія и другія фабрики изобразили бы изъ себя, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, совершенныя развалины потому только, что владѣльцы ихъ предпочли званіе превосходительства значенію своего прежняго положенія. Разрушеніе фабрикъ было бы естественнымъ послѣдствіемъ того, что сыновья дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ нашли унизительнымъ для себя сидѣть въ конторѣ или амбарѣ, гдѣ продаются фабричные товары. И неужели бы можно было считать преуспѣніемъ Россіи, еслибъ она имѣла лишнихъ 50 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, потерявъ въ тоже время такое же количество коммерческихъ домовъ, сохранившихъ за собою по своей дѣятельности выразительную исторію?

Еслибы какую-либо самую зажиточную деревню вздумалось, со всѣмъ ея народонаселеніемъ, произвести въ коллежскіе регистраторы, то жители этой деревни были бы, конечно, сначала сбиты съ толку отъ изумленія, не смогли бы понять, что̀ они такое, и потомъ, отвыкнувъ отъ труда и заразившись презрѣніемъ къ своему дѣлу, пришли бы къ необходимости испрашивать пособія отъ тѣхъ, кого не поразило подобное благополучіе.

Нерѣдко слышится мнѣніе, что награды купцовъ вызываются подвигами благотворенія съ ихъ стороны; но развѣ добродѣтель нуждается въ реализаціи ея? Державинъ давно уже опредѣлилъ, что добро надобно лишь для добра творить, и, конечно, самая лучшая награда за добро состоитъ въ сознаніи общей пользы, приносимой дѣйствіемъ добротворенія.

Ранѣе мы сказали, что могли бы поименовать множество фамилій разныхъ коммерческихъ домовъ, потерпѣвшихъ крушеніе отъ производства въ чины; но мы налагаемъ на себя молчаніе изъ нежеланія пробуждать въ наслѣдникахъ этихъ домовъ тяжелыя воспоминанія о пораженіи ихъ дѣлъ болѣзнію чинобѣсія. И пока эта червоточина не изсушила окончательно всю нашу дубовую самородную рощу, необходимо спасти остальную часть ея отъ пораженія. Было бы вполнѣ благодѣтельно, вмѣсто удовлетворенія болѣзненныхъ стремленій къ мнимому возвышенію, обливать заболѣвающихъ водою холодныхъ отказовъ.

Да; совсѣмъ забылъ сказать о томъ, какъ многіе говорятъ, что чины они получили вдругъ, внезапно, не зная сами какъ и почему это случилось. Это оправданіе важно тѣмъ, что оно проявляетъ сознаніе виновности и внутренняго угрызенія, но въ сущности это чистая выдумка. Ни на кого чины не сыплются сами собою, а всѣ лица купеческаго сословія, получившія переименованіе въ разные классы, сами того добивались, выпрашивали, вымаливали, выклянчивали и выплакивали. Мало ли есть старыхъ коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, которые десятки лѣтъ имѣютъ эти званія, и такъ какъ они не помышляютъ о переходѣ въ чины, то и остаются въ купечествѣ, не будучи никѣмъ насилуемы къ переходу въ новое положеніе. Мнѣ впрочемъ за доказательствами ходить далеко не надо: съ 1851 года я состою коммерціи совѣтникомъ, и ничѣмъ инымъ никогда быть не желалъ и не желаю. И вотъ въ теченіи 36 лѣтъ ни отъ кого и никогда мнѣ не представлялось опасности очутиться въ другомъ званіи, не соотвѣтственномъ, по моимъ понятіямъ, общимъ промышленнымъ интересамъ Россіи. Такимъ образомъ очевидно, что стремленіе нѣкоторыхъ купцовъ къ полученію чиновъ прямо исходитъ изъ ихъ собственнаго желанія, и, если стремленіе это будетъ возрастать, тогда при существующей благосклонности правительства, производство купцовъ въ чины можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, что во всѣхъ торговыхъ амбарахъ и лавкахъ, при разговорѣ приказчиковъ съ хозяиномъ, будетъ какъ въ департаментахъ безпрерывно слышаться возгласъ: «Ваше прев—ство! ваше прев—ство! Почемъ прикажите продавать товаръ, вчера полученный съ фабрики его прев—ства? и т. д.» Нужно-ли прибавлять, какъ будетъ интересно посѣщать такія лавки и купеческія конторы, гдѣ смѣхъ тѣсно связанъ съ горемъ. Здѣсь опасность предстоитъ для театровъ: они опустѣютъ; потому что въ нихъ искусство артистовъ олицетворяетъ жизнь, а здѣсь сама жизнь въ лицѣ *ихъ превосходительствъ* олицетворяетъ и заканчиваетъ собою печальную исторію нашего экономическаго развитія.

В. Кокоревъ.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. (Императоръ Александръ Павловичъ въ частныхъ бесѣдахъ, императрица Марія Өеодоровна, придворное и высшее Петербургское и Московское общества, тогдашнее политическое и умственное движеніе, живыя и яркія картины быта и страстей). Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ө. П. ЕЛЕНЕВА:

Въ захолустьи и столицѣ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ" выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива" составляютъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

За перемѣну адреса Московскаго на Московскій и иногородняго на иногородный—**20** к.; иногородняго на Московскій—**50** к.; Московскаго на иногородный—**90** к. (по платѣ почтовой).

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884, 1885 и 1886 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

6.

На оборотѣ см. объявленіе объ изданіи Записокъ графини Эдлингъ во Французскомъ подлинникѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПОДЛИННИКѢ.

По желанію нѣкоторыхъ лицъ открывается подписка на изданіе ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ во Французскомъ подлинникѣ. Желающіе имѣть эти Записки отдѣльною Французскою книгою благоволятъ доставлять **3** рубля (включая и пересылку) въ **Москвѣ** въ Контору «Русскаго Архива» на Садовой, д. 175-й или въ книжный магазинъ Готье на Кузнецкомъ мосту; въ **Петербургѣ**—на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ книжный магазинъ Мелье.

*

ANNONCE.

Les Mémoires de la comtesse Edling ont été imprimés dans les «Archives Russes» de l'année 1887, traduits du manuscrit français *inédit*. Ils ont vivement attiré l'attention de l'élite intellectuelle de notre société.

Leur contenu est également important pour la littérature historique européenne. Aussi le désir de les faire connaître dans leur original a-t-il été exprimé avec insistance, par un nombre de lecteurs des plus competents en la matière.

Cela nous a déterminé à entreprendre la publication de l'original français de ces remarquables Mémoires.

Les personnes désirant posséder ce livre, peuvent s'en rendre acquéreurs, *par souscription* (3 roubles ou 6 francs, avec envoie à domicile) en s'adressant soit à S-t Pétersbourg, chez Mellier, libraire de la Cour Impériale, Perspective Newsky près du Pont de Police; soit à Moscou, à la Rédaction des «Archives Russes» (Sadovaya, 175), ou chez Gauthier, libraire, au Pont des Marechaux.

ИЗЪ АРХИВА ХАРЬКОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

За отсутствіемъ намѣстника, князя Потемкина-Таврическаго, имѣвшаго прямую резиденцію свою въ Кіевѣ, Харьковскимъ намѣстничествомъ, открытымъ въ 1780 году, правилъ его помощникъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ „правящимъ должность правителя“, а затѣмъ и „правителемъ Харьковскаго намѣстничества“ былъ Ѳедоръ Ивановичъ Кишенской, возведенный вскорѣ изъ бригадира въ генералъ-майоры. Преемникомъ ему былъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ. Помѣщаемые документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на дѣла намѣстничества за то время, о чемъ въ печати до сихъ поръ не было почти ничего извѣстно. (Въ „Губернскомъ Служебникѣ“, князя Туркестанова, о Тепловѣ, напримѣръ, совсѣмъ не упомянуто). Между тѣмъ, какъ оказывается, въ Харьковскомъ намѣстничествѣ встрѣтились на первыхъ порахъ практическія неудобства съ введеніемъ ассигнацій и употребленіемъ вымѣниваемой на нихъ мѣдной монеты; въ дворянскихъ собраніяхъ не всегда былъ наблюдаемъ законный порядокъ; дворяне и дворянки, получившіе право курить вино для своего обихода и для поставки въ казну, перешли желаемую правительствомъ мѣру, устраивая заводы въ неудобныхъ мѣстахъ и, къ убыли казнѣ, занимаясь потаенною продажей вина и корчемствомъ; Харьковская казенная палата почему-то не досылала денегъ, назначенныхъ въ Черноморское адмиралтейское правленіе; запаснаго въ сельскихъ магазейнахъ хлѣба (откуда онъ частію долженъ былъ направляться въ военные сборные магазейны) въ 1795 году значилось по Харьковской губерніи 32.903 четверти; доставляли немало хлопотъ мѣстнымъ властямъ духоборцы и разные преступники, причисляемые къ политическимъ. Императрица Екатерина II-я на все давала свои указы и разъясненія. Когда Харьковская уголовная палата, разбирая дѣло духоборцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались противниками также царской власти, однихъ положила отдать въ солдаты, а негодныхъ сослать на поселеніе: то Екатерина велѣла лицъ, отвергающихъ царскую власть, прислать къ себѣ, въ С.-Петербургъ; потому что, поясняла она въ своемъ указѣ Кишенскому, „дѣла милосердія нашего мы предоставили сами

себѣ, кольми паче касающіяся до цѣлости всеобщаго, каковы суть нарушающія законъ Божій до основанія, да и власть всякую пренебрегающія". Одновременно съ духоборцами содержался подъ стражею арестантъ гусаръ Пасечниковъ, допустившій „дерзкія слова". Императрица потребовала къ себѣ записку, гдѣ излагалось произнесенное имъ и, разсмотрѣвъ ее, велѣла отправить его въ монастырь для принесенія тамъ должнаго покаянія, мотивируя помилованіе отъ тяжкаго наказанія, котораго онъ заслуживалъ, тѣмъ, что онъ сидѣлъ подъ стражею уже около четырехъ лѣтъ, а болѣе всего своимъ человѣколюбіемъ. Безпокоилъ также мѣстное начальство дворянинъ поручикъ Волковъ. Онъ былъ съ нарочитымъ курьеромъ тайно вызванъ и привезенъ въ С.-Петербургъ. Въ своемъ письмѣ къ Державину онъ объявилъ, что ему извѣстенъ одинъ секретъ, и тѣмъ обезпокоилъ Государыню. Но на допросѣ онъ жаловался только на крайне стѣсненное свое положеніе; на службѣ же онъ оказался ничѣмъ не запятнаннымъ. Государыня, „оставляя ему сію дерзость безъ должнаго осужденія", повелѣла водворить его на прежнемъ мѣстѣ жительства, пригрозивъ должнымъ наказаніемъ, если онъ снова окажется виновнымъ въ подобной дерзости. Замѣчательно, что въ Кишенскомъ и знаменитомъ Шешковскомъ проглядываетъ желаніе увеличить тяжесть обвиняемыхъ; но Императрица, напротивъ постоянно руководствовалась снисходительностью и прозорливостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ видна ея забота держать въ должной дисциплинѣ органы правительственной власти. Узнавъ, что при собраніяхъ Харьковскаго дворянства не соблюденъ установленной законами обрядъ и порядокъ, она велѣла дать Кишенскому строгій выговоръ за то, что онъ не выполнилъ высочайше предписанной ему по должности его обязанности и не сумѣлъ ни предупредить, ни во время прекратить безпорядки. Въ этомъ отношеніи, какъ ни отрывочны предлагаемые матеріалы, они дополняютъ такъ любезныя всѣмъ качества великой Императрицы.

Всѣ нижеслѣдующіе документы подлинные, а указы съ собственноручною подписью Екатерины II-й. Они переданы намъ семьею недавно умершаго здѣсь д. ст. сов. М. П. Цвѣткова, начавшаго свою службу въ Харьковѣ и кончившаго ее въ Москвѣ. Въ свою бытность въ Харьковѣ имъ однажды было отыскано въ подвалѣ перестраиваемаго дома нѣсколько кипъ старыхъ бумагъ и книгъ. Съ согласія его семьи мы помѣщаемъ здѣсь часть этихъ бумагъ и приносимъ ихъ въ даръ Московскому Публичному и Румянцевскому Музеямъ.

Дм. Цвѣтаевъ.

Москва, 26-го Февраля 1887 года.

1.

Нашему бригадиру, правящему должность правителя Харьковскаго намѣстничества Кишенскому.

Давъ повелѣнія всѣмъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, а въ отсутствіи ихъ губернаторамъ, отъ 28-го Генваря

1789 года, касательно бездоимочнаго сбору податей, употребленія расходовъ и промѣна мѣдной монеты на ассигнаціи въ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ и о прочемъ, нужнымъ находимъ нынѣ вновь подтвердить.

Первое. Исполняя во всей силѣ и точности вышепомянутыя предписанія, наблюдать строго и неотложно, дабы вступающая въ казенный сборъ мѣдная монета казенными палатами, казначеями и приставами не иначе употребляема была, какъ на расходы по росписанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ и для промѣна казеннымъ мѣстамъ либо частнымъ людямъ на ассигнаціи.

Второе. При таковомъ промѣнѣ, которой предполагаетъ цѣлію вящее обращеніе мѣдной монеты въ облегченіе государственнаго ассигнаціоннаго банка и къ выгодѣ народной имѣть крайнее попеченіе съ стороны генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, дабы не происходило тутъ никакихъ злоупотребленій, и таковый для пользы общей дѣлаемый изъ казны промѣнъ не былъ обращаемъ въ корысть частныхъ людей, въ чемъ обличающихся подвергать неизбѣжно всей строгости законнаго взысканія.

Третіе. Въ разсужденіи, что по продажѣ питейной большею частію вступаетъ мѣдная монета, то и относится къ попеченію генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, а особливо вице-губернаторовъ, довести до того, чтобъ откупщики, естьли болѣе невозможно, хотя половинное число или треть откупной суммы вносили въ казну мѣдною монетою, каковое обстоятельство и при заключеніи на будущіе откупы контрактовъ наблюдать и по возможности предостерегать.

Четвертое. Какъ еще по многимъ губерніямъ не окончены разсчеты въ мелкихъ ассигнаціяхъ, въ казенныя палаты изъ банка разосланныхъ на промѣнъ сто-рублевыхъ, то, въ предупрежденіе, дабы не оставалось въ обращеніи ассигнацій больше опредѣленнаго количества, понудить кого слѣдуетъ о скорѣйшемъ приведеніи къ окончанію таковыхъ разсчетовъ.

Исполненіе всего вообще вышеписаннаго возлагая на неусыпное попеченіе и точный отчетъ нашихъ генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, предоставляемъ имъ изъ сего указа нашего что до кого слѣдуетъ предписать къ непремѣнному исполненію, и въ слѣдствіе того за казенными палатами и прочими вообще по губерніи мѣстами наблюдать, дабы ни въ чемъ упущенія не было, донося намъ при доставленіи вѣдомостей о сборахъ, сколько мѣдной монеты вступило, сколько и куда отправлено и коли-

кое число употреблено гдѣ въ промѣнъ для облегченія народнаго. Пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
Генваря 29-го 1791 [1]).

2.

Господинъ бригадиръ и Харьковскій губернаторъ Кишенской. Увѣдомившися изъ донесенія командующаго нынѣ арміею и флотомъ Черноморскимъ генерала Каховскаго, что изъ ассигнованныхъ для означеннаго флота на сей истекающій годъ штатныхъ суммъ не дослано изъ Харьковской Казенной Палаты тридцати семи тысячъ шести сотъ двадцати двухъ рублей шестидесяти пяти копѣекъ, да за прежніе годы одного рубля шестидесяти одной копѣйки съ половиною, повелѣваемъ вамъ приложить всевозможное стараніе и настояніе, дабы сіи суммы немедленно въ Черноморское адмиралтейское правленіе доставлены были, и по исполненіи того намъ донести съ представленіемъ объясненій у Казенной Палаты истребованныхъ, какія причины препятствовали выполнить благовременно ей предписанное.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
Декабря 8-го 1791 [2]).

3.

Секретно.

Указъ нашему бригадиру и правящему должность правителя Харьковскаго намѣстничества Кишенскому.

Усмотря изъ присланнаго отъ васъ въ нашъ Сенатъ отъ 30-го Декабря прошлаго 1791 года репорта о производившемся въ Харьковской Уголовной Палатѣ дѣлѣ объ извѣстныхъ отступникахъ отъ истиннаго Православія, изъ коихъ Аникей и Тимоѳей Сухаревы и Иванъ Щировъ оказали себя противниками и власти нашей, что вы рѣшились годныхъ отдать въ солдаты, а негодныхъ сослать на поселеніе; но понеже дѣла милосердія нашего мы предоставили сами себѣ, кольми паче касающіяся до цѣлости всеобщаго, каковы суть нарушающія законъ Божій до основанія, да и власть всякую пренебрегающія: и для того повелѣваемъ оныхъ Сухаревыхъ и Щирова прислать

---

[1]) Рукою графа Безбородки.

[2]) Рукою Трощинскаго.

сюда подъ стражею, а достальныхъ, кои не признались въ своихъ заблужденіяхъ, для лучшаго словомъ Божіимъ увѣщанія, отослать къ епархіальному архіерею, не чиня однакожъ ихъ, буде не отстанутъ отъ своего заблужденія, свободными до указу.

«Екатерина».

ч. 22-го Генваря 1792 года,
въ С.-Петербургѣ.

4.

Циркулярной.

Нашему генералу-маіору, правителю Харьковскаго намѣстничества Кишенскому.

Между безчисленными благодѣяніями, которыя мы въ теченіи тридцати-двухъ-лѣтняго царствованія нашего непрерывно оказывали вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, даровавъ имъ разныя права, выгоды и преимущества, служитъ не меньшимъ доказательствомъ попеченія нашего о пользѣ ихъ дозволеніе дворянамъ и дворянкамъ въ отчинахъ ихъ курить вино для своего обихода и для поставки въ казну. Сія отрасль хозяйства распространилась нынѣ даже за предѣлы желаемые: ибо съ одной стороны устроеніе многихъ винокуренныхъ заводовъ въ безлѣсныхъ и безхлѣбныхъ мѣстахъ подняло на сіи необходимыя вещи неслыханную до сего цѣну; а съ другой обращается оное и въ сущій подрывъ казны нашей, производствомъ потаенной продажи вина или корчемства. Для положенія таковому злоупотребленію нужной преграды соизволяемъ, чтобы генералы-губернаторы, правящіе ихъ должность, а въ отсутствіи ихъ губернаторы, чрезъ капитановъ-исправниковъ и нижніе земскіе суды немедленно освидѣтельствовали состоящія въ губерніяхъ, порученныхъ ихъ управленію, винокурни и доставили намъ подробныя вѣдомости: 1) о числѣ тѣхъ заводовъ и чьи они именно; 2) сколько въ нихъ въ годъ выкуривается вина; 3) сколько на то издерживается дровъ и хлѣба; 4) припасы сіи собственнаго ли суть произведенія или покупкою пріобрѣтаются и на коликую сумму; 5) изъ высиживаемаго вина какое дѣлается употребленіе, то-есть сколько его поставляется въ казну и какое количество оставляется на домашній обиходъ; а наконецъ 6) сколько владѣльцы сихъ винокуренныхъ заводовъ имѣютъ въ своемъ владѣніи душъ? Таковыя вѣдомости повелѣваемъ присылать къ намъ и впредъ въ концѣ каждаго года непремѣнно, а другія на семъ же основаніи доставлять посредствомъ казенныхъ палатъ въ нашъ Сенатъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
Апрѣля 1-го 1794.

5.

Циркулярной.

Нашему генералъ-маіору правителю Харьковскаго намѣстничества Кишенскому.

Предписавъ Сенату нашему о сборѣ положенной указомъ нашимъ отъ 23-го Іюня прошлаго 1794 года хлѣбной подати вмѣсто ржи мукою и утвердивъ представленныя намъ отъ Сената по сему случаю распоряженія, за нужное признали мы, въ уваженіи, что по настоящему позднему уже годовому времени въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пріемлемой хлѣбъ на утвержденныхъ отъ насъ правилахъ за всѣмъ стараніемъ иногда не можетъ вступать къ опредѣленному сроку, а между тѣмъ пройти можетъ самое удобнѣйшее время къ отправленію онаго въ главные магазины, сверхъ вышесказанныхъ распоряженій повелѣть чрезъ сіе начальникамъ губерній для отвращенія могущаго въ иныхъ мѣстахъ встрѣтиться означеннаго неудобства на сей токмо случай, что естьли гдѣ-либо паче чаянія не успѣютъ всей той хлѣбной подати въ постановленное время свезти въ пріемные, то чтобъ не упустить лучшаго времени къ дальнѣйшему онаго отправленію въ главные магазины, а при томъ дабы и не причинить напраснаго казнѣ убытка закупкою лишняго провіанта нужнаго для пропитанія войскъ нашихъ. для коихъ сей сборъ учрежденъ, недовезенное количество муки въ сборные магазейны ко времени удобнѣйшаго отправленія замѣнить запаснымъ въ сельскихъ магазейнахъ находящимся хлѣбомъ, коего по Харьковской губерніи показано тридцать двѣ тысячи девятьсотъ три четверти, наблюдая только-то, чтобъ сей послѣдній былъ не гнилой и не затхлый, но совершенно въ пищу годной; по доставленіи же собраннаго съ душъ хлѣба, возвратить заимообразно взятое число по прежнему въ сельскіе магазейны. Сіе предписаніе дѣлается единственно на нынѣшній только годъ, когда по настоящему позднему времени случиться можетъ замедленіе въ доставленіи положеннаго числа хлѣба въ провіантскіе магазейны; а на будущее время начальники губерній обязаны наблюдать неупустительно, дабы хлѣбная подать исправно и бездоимочно въ положенные сроки собираема и въ назначенныя мѣста доставляема была непремѣнно.

Пребываемъ впрочемъ Императорскою нашею милостію вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.Петербургѣ,
Октября 6-го 1795.

6.

Секретно.

Милостивый государь мой Өедоръ Ивановичъ.

Посланнымъ при семъ имяннымъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ велѣно извѣстныхъ вамъ трехъ преступниковъ Щирова и Сухаревыхъ прислать сюда за стражею; но поелику въ ономъ высочайшемъ повелѣніи не означено къ кому именно по привозѣ ихъ въ Петербургъ конвойному съ ними явиться, то посему я за нужное почелъ увѣдомить васъ, милостиваго государя моего, чтобы оной конвойной съ тѣми преступниками явился прямо ко мнѣ въ мой домъ. При чемъ нужно имѣть свѣдѣніе: былъ ли произведенъ объ нихъ повальной обыскъ, какого они поведенія люди, какіе имѣютъ промыслы и что объ нихъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они жиживутъ, поселенцы показали? Также развѣдать: откуда сія ересь начало свое возъимѣла и кто въ нихъ сіе поселилъ, когда и гдѣ?

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашего высокородія милостиваго государя моего покорный слуга

«Степанъ Шешковской».

ч. 23-го Генваря 1792 года,
С.-Петербургъ.

7.

Секретно.

Милостивый государь мой Өедоръ Ивановичъ.

По присланному отъ васъ въ Правительствующій Сенатъ отъ 9-го числа Декабря прошлаго года рапорту о содержащемся подъ стражею секретномъ арестантѣ гусарѣ Пасечниковѣ, имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше докладывать Ея Императорскому Величеству, и Ея Величество высочайше указать соизволила къ вашему высокородію отписать, чтобъ вы имѣющуюся въ намѣстническомъ правленіи объ ономъ гусарѣ запечатанную записку, не распечатывая оной, прислали ко мнѣ для поднесенія оной Ея Императорскому Величеству; означеннаго жъ гусара Пасечникова, до полученія объ немъ высочайшаго повелѣнія, содержали подъ стражею на прежнемъ основаніи. Я, исполняя сіе высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, имѣю честь для надлежащаго по оному исполненія вашему высокородію сообщить. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокородія милостиваго государя моего покорный слуга

«Степанъ Шешковской».

ч. 25-го Маія 1792 года,
Санктпетербургъ.

8.

Секретно.

Государь мой Ѳедоръ Ивановичъ.

По присланному отъ васъ къ г-ну тайному совѣтнику Шешковскому письму и приложенной при томъ о произносимыхъ содержащимся гусаромъ Пасечниковымъ дерзкихъ словахъ запискѣ, Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила. Хотя оной Пасечниковъ за говореніе имъ дерзкихъ словъ и заслуживалъ тяжкое по законамъ наказаніе, но какъ онъ за ту дерзость содержится подъ крѣпкою стражею съ 1788 года, то вмѣня ему столь долговременное подъ стражею содержаніе въ наказаніе, а паче изъ человѣколюбія Ея Императорскаго Величества, отъ онаго избавить; поелику жъ сіе его преступленіе столь дерзко и развращенно, что долженъ онъ приносить Всевышнему о томъ покаяніе, то и послать его въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей, гдѣ и употреблять его по мѣрѣ силъ въ монастырскихъ трудахъ, не выпуская изъ онаго никуда; пропитаніе жъ производить ему противъ одного монаха. При отсылкѣ жъ въ монастырь, наистрожайше ему подтвердить, что естьли онъ впредъ въ такой дерзости окажется, то уже поступлено съ нимъ будеть по всей строгости законовъ безъ всякого милосердія. Я, извѣщая о семъ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи, вашему высокородію для должнаго по оному исполненія имѣю честь симъ сообщить, пребывая впрочемъ съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего высокородія «милостиваго» государя моего «покорный слуга

Александръ Самойловъ».

ч. 9-го Декабря 1792 года.
С.-Петербургъ.

9.

Секретно.

Милостивый государь мой Ѳедоръ Ивановичъ.

Ея Императорское Величество высочайше указать мнѣ соизволила отправить къ вашему превосходительству нарочнаго курьера съ тѣмъ, чтобы вы Харьковской губерніи Хотьминской округи дворянина поручика Алексѣя Иванова сына Волкова, объявя ему высочайшее повелѣніе секретно, не дѣлая ему ни малѣйшаго притѣсненія, съ симъ посланнымъ къ вамъ курьеромъ съ подлежащимъ присмотромъ сюда немедленно (прислали), приказавъ имъ явиться у меня.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребуду на всегда вашего превосходительства милостиваго государя моего покорный слуга

«Александръ Самойловъ».

1793 года 12-го Октября,
С.-Петербургъ

10.

Секретно. Дубликатъ.

Милостивый государь мой Өедоръ Ивановичъ!

О присланномъ ко мнѣ отъ васъ порутчикѣ Волковѣ нужно мнѣ необходимо вѣдать, какой онъ жизни и поведенія и не объятъ ли какими пороками, чего ради васъ прошу приказать о немъ достовѣрно развѣдать и что̀ по развѣданію найдете, меня какъ наискорѣе увѣдомить; также просилъ ли онъ объ опредѣленіи себя въ Харьковскомъ намѣстничествѣ къ мѣсту, и буде просилъ, то что̀ воспрепятствовало опредѣлить его къ должности. Впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю и пр.

«Александръ Самойловъ».

ч. 26-го Декабря 1793 г.

11.

Присланный отъ вашего превосходительства отставной порутчикъ Алексѣй Волковъ, въ письмѣ своемъ къ г-ну тайному совѣтнику Державину, изъяснялъ якобы о знаніи имъ нѣкотораго секрета, и тѣмъ самымъ обезпокоивалъ Ея Императорское Величество; а при спросѣ о семъ, жаловался онъ токмо на разстроенное свое состояніе и угнетаемую жизнь; но какъ онъ по службѣ найденъ хорошаго поведенія: то посему Ея Императорское Величество изъ милосердія своего, оставляя ему сію дерзость безъ должнаго за то осужденія, высочайше указать соизволила отослать его къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы изволили приказать отпустить его Волкова въ свой домъ, гдѣ онъ жительство имѣлъ; ему жъ наистрожайше здѣсь подтверждено, что естьли впредъ въ таковой дерзости окажется, то уже конечно получитъ достойное наказаніе. Чего ради о семъ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи для должнаго по оному исполненія я имѣю честь вашему превосходительству симъ сообщить, при чемъ и онаго Волкова препровождаю, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

«Александръ Самойловъ».

Февраля 19-го дня 1794 г.

12.

Секретно.

По доставленнымъ при письмѣ вашего превосходительства отъ 25-го прошедшаго Декабря бумагамъ, касательно доноса секундъ-маіоромъ Саввою Ольховскимъ чинимаго, Ея Императорскаго Величество высочайше повелѣть соизволила взять его Ольховскаго сюда въ Петербургъ; вслѣдствіе чего и благоволите по полученіи сего немедленно съ посланнымъ отъ меня нарочнымъ за надлежащимъ присмотромъ доставить его Ольховскаго прямо въ домъ мой.

«Графъ Самойловъ».

9-го Генваря 1796 г.

13.

Секретно.

Ея Императорское Величество, конфирмовавъ воспослѣдовавшее по учиненному здѣсь о секундъ-маіорѣ Саввѣ Ольховскомъ слѣдствію рѣшеніе, высочайше указать соизволила возвратить его къ вашему превосходительству съ тѣмъ, чтобы по привозѣ его къ вамъ, милостивому государю моему, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и отпущенъ во-свояси, который при семъ съ нарочнымъ и препровождается.

По оному слѣдствію открылось и по увѣдомленіямъ вашего превосходительства и губернскаго прокурора явствуетъ, что при собраніяхъ дворянства не соблюденъ былъ предписанный законами обрядъ и порядокъ, то по высочайшей же Ея Императорскаго Величества волѣ долженъ я вашему превосходительству симъ дать замѣтить, что въ происшествіи семъ предстояла вамъ обязанность выполнять то, что̀ въ должности вашей высочайше предписано, и всякой безпорядокъ, буде не могли вы его предупредить, стараться должно бы тотчасъ прекратить; почему и изволите наблюдать впредъ неупустительно, дабы законныя предписанія исполнялись не только безъ премѣненія, но въ самой точности содержанія и силы ихъ.

«Графъ Самойловъ».

№ 71.
Въ С.-Петербургѣ, 16-го Маія 1796 г.

14.

Секретно.

Получено 27-го Іюля 1797 г.

Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

По высочайшимъ повелѣніямъ слѣдованные въ преступленіяхъ Правительствующаго Сената въ Тайной Экспедиціи разнаго званія и

обоего пола люди отправлялись по мѣрѣ прегрѣшеній оныхъ для опредѣленія въ службу, въ работы и на житье или на поселеніе куда-либо съ лишеніемъ и безъ лишенія чиновъ и достоинствъ, но о поведеніи оныхъ и живы ли они, Тайная Экспедиція свѣдѣнія не имѣетъ. А какъ по разнымъ обстоятельствамъ нужно той Экспедиціи вѣдать не только о томъ, живы ли они, но и о томъ, какъ они себя ведутъ: то благоволите, ваше превосходительство, приказать объ отправленныхъ чрезъ генераловъ-прокуроровъ арестантахъ въ города губерніи управленію вашего превосходительства ввѣренной прислать вѣдомости о прозваніяхъ съ именами и чинами ихъ или безъ чиновъ и съ котораго времени гдѣ кто находится, и впредъ таковыя вѣдомости доставлять ко мнѣ каждый мѣсяцъ; въ случаѣ же смерти оныхъ, объ оной увѣдомлять меня тогда, когда оная приключится. Впрочемъ, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства покорный слуга

«Кн. Алексѣй Куракинъ».

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 4-го дня 1797 г.
Его превосходительству Теплову.

15.

Секретно.

Получено 30-го Ноября 1797 г.

Его Императорское Величество на всеподданнѣйшій отъ меня докладъ по отношенію вашего превосходительства отъ 20-го прошлаго Октября о духоборцахъ, въ Харьковскомъ округѣ состоящихъ и офицерахъ, научающихъ крестьянъ безполезному и вредному, высочайше повелѣть соизволилъ дать знать вамъ, милостивый государь мой, доколѣ не выходитъ ничего гласнаго и вреднаго, то оставить ихъ въ покоѣ. Сообщая симъ высокомонаршую волю, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

«Кн. Алексѣй Куракинъ».

Въ С.-Петербургѣ, 11-го Ноября 1797 г.

16.

Секретно.

Получено 28-го Декабря 1797 г.

На письмо вашего превосходительства отъ 10-го прошлаго Ноября о духоборцахъ и отпущенныхъ въ отпускъ солдатахъ, оную ересь

содержащихъ, имѣю честь увѣдомить, что дальнѣйшаго объ нихъ производства за силою высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, объявленнаго въ отношеніи моемъ къ вамъ отъ 11-го того-жъ Ноября, дѣлать не слѣдуетъ.

«Кн. Алексѣй Куракинъ».

Въ С.-Петербургѣ, 9-го Декабря 1797 г.

17.

Секретно.

Получено 23-го Февраля 1798 г.

Вслѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества имяннаго указа, даннаго мнѣ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, препровождаю при семъ, за присмотромъ сенатскаго курьера, служившаго прежде при дворѣ Бренка съ женою его на пребываніе въ Слободской Украинской губерніи, котораго благоволите, ваше превосходительство, приказать принять и назначить жительство по вашему благоусмотрѣнію, оставя его впрочемъ хотя свободна, имѣть однакоже присмотръ за его поведеніемъ и увѣдомлять меня о томъ ежемѣсячно. На содержаніе же его производимо будетъ изъ почтовыхъ доходовъ по триста рублей въ годъ, о чемъ, а равно и о перепискѣ его по сношенію моему князь Александръ Андреевичъ Безбородко не оставитъ сдѣлать кому слѣдуетъ своего предписанія.

«Кн. Алексѣй Куракинъ».

С.-Петербургъ, 11-го Февраля 1798 г.

18.

Секретно.

Получено 20 Іюня 1799.

Милостивый государь мой Петръ Ѳедоровичъ!

Его Императорское Величество, получа всеподданнѣйшее донесеніе, что содержащійся въ Москвѣ подъ стражею маіоръ Лабатъ-Девиванеъ минувшаго Маія 24-го числа изъ-подъ оной бѣжалъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить повсемѣстно, дабы оный Лабатъ непремѣнно былъ сысканъ. Вслѣдствіе чего благоволите, ваше превосходительство, во ввѣренной вамъ губерніи кому слѣдуетъ приказать о надлежащемъ сея высокомонаршія воли исполненіи и когда Лабатъ будетъ пойманъ, доставить его прямо отъ себя къ Московскому военному губернатору графу Ивану Петровичу Салтыкову, а меня увѣдомить. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга.

«К. Лопухинъ».

С.-Петербургъ, Іюня 7 дня 1799 года.
Его пр—ву Сабурову.

19.

Секретно.

Получено Сентября 7.

Милостивый государь мой Петръ Өедоровичъ!

По обстоятельству, дошедшему до всевысочайшаго Его Императорскаго Величества усмотрѣнія, что при супротивленіи, оказанномъ нѣкоторыми казенными селеніями, въ предписанномъ по частному притязанію отборѣ изъ владѣнія ихъ земли, губернское начальство употребило мѣры, какъ противу сущебуйственнаго отложенія отъ повиновенія власти и закону, хотя поселяне сіи собственно ни въ исправленіи государственныхъ повинностей, ни въ преданіи себя суду, ниже въ перенесеніи самого истязанія, непокорливыми себя правительству не оказали, а единственно изъ недостаточнаго количества земли своей, хотя и по опредѣленію правительства, однакожъ не бывъ еще въ правѣ и принадлежности своей на оную, суждены и о томъ прибѣгая съ просьбами своими къ законному защищенію, отдать въ чужое владѣніе противились, что̀ болѣе означаетъ движеніе простаго многолюдства, требующее наипервѣе въ причинѣ своей и поводѣ уваженія: Государь Императоръ по сродному человѣколюбію и сердоболію своему указать соизволилъ объявить высочайшую Его Величества волю всѣмъ начальникамъ губерній, чтобы они подобныя движенія въ простомъ народѣ отвращали наипервѣе, при изысканіи точныхъ причинъ, силою закона, не приступая безъ достаточнаго основанія и заключенія о дѣйствительномъ буйствѣ къ крайнимъ насильственнымъ средствамъ, къ которымъ они, начальники, буде въ позволенныхъ способахъ недостаточны, и приступать не должны безъ предварительнаго къ высочайшей власти отношенія, съ точнымъ и подробнымъ обстоятельствъ донесеніемъ, подъ собственнымъ ихъ отвѣтомъ за напрасное или же и несправедливое безпокойство.

О каковомъ высокомонаршемъ повелѣніи сообщая симъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга

«А. Беклешовъ».

№ 1167.
Августа 22 дня 1799 года.
Его пр—ву Сабурову.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ

ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ МОНАСТЫРСКОЙ НЕВОЛИ.

Нижеприводимый разсказъ записанъ нами въ 1885 г. въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, въ с. Новой Слободѣ, бывшей вотчинѣ Софроніевскаго Молченскаго мужскаго монастыря. Въ послѣдствіи такой же разсказъ, повторенный почти съ буквальной точностію, мы слышали и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Курскаго уѣзда, составлявшихъ прежде вотчину извѣстной Коренной пустыни. Преданіе это врядъ ли имѣетъ историческую основу, но тѣмъ не менѣе на нашъ взглядъ оно представляется весьма замѣчательнымъ, потому-что ясно показываетъ, какъ относился народъ къ монастырскому крѣпостному игу и насколько желаннымъ явилась знаменитая мѣра Екатерины Великой 1764 года, завершившая собою вѣковыя заботы Русскаго правительства объ отобраніи отъ монастырей всѣхъ населенныхъ имѣній.

«Какъ были мы подъ монастыремъ, разсказываютъ старики, этого мы сами не помнимъ; а отъ дѣдовъ слыхали, что житье было тогда незавидное. Вмѣсто лошадей у монаховъ служили они: на нихъ и воду возили, и землю пахали... А свободу намъ дали вотъ по какому случаю. Ѣхала разъ мать-государыня Катерина, по полю; видитъ: мужикъ въ соху запряженъ, за нимъ другой идетъ, соху держитъ и его подгоняетъ; лица у обоихъ отъ натуги черныя, словно земляныя, и потъ съ нихъ такъ ручьемъ и льется. А за ними слѣдомъ идетъ монахъ въ клобукѣ, и на нихъ кричмя кричитъ, одному: «вези, дескать, соху хорошенько!» а другому: «подгоняй его пошибче!» Катерина-мать остановилася. Спрашиваетъ ихъ: «на кого, дескать, мужички, работаете?» Тѣ говорятъ: «На монастырь, матушка; монахи заставляютъ».—«Бросьте, говоритъ имъ Катерина-мать; будетъ, наработались на нихъ». Му-

жики бросили соху и пошли домой. А Катерина-мать сейчасъ же указъ написала и свою царскую печать къ нему приложила, чтобы, значитъ, отъ монастырей всѣхъ крестьянъ отобрать и отпустить на волю. Такъ и стали съ тѣхъ поръ всѣ свободны».

«А когда указъ царскій по деревнямъ прочитали, продолжаетъ преданіе, то сначала никто ему не повѣрилъ. Думали—не подвохъ ли какой. Вотъ только пріѣзжаетъ сюда генералъ отъ самой царицы и начинаетъ по деревнямъ ѣздить. Пріѣдетъ, встанетъ самъ у околицы, и какъ станутъ вечеромъ крестьяне съ поля ворочаться, кто тамъ съ сохою идетъ, кто съ серпомъ, кто снопы везетъ, и генералъ всѣмъ опросъ чинитъ: «чье везешь?» спрашиваетъ. Если свое—проходи свободно, а если монастырское—приказываетъ все тутъ же, у околицы, сваливать; снопы, такъ снопы, соху—такъ и соху сюда сложи, и серпъ, и топоръ. Вотъ, какъ всѣ-то прійдутъ изъ поля, и наберется у околицы большая куча, генералъ тогда: «дайте-ка, скажетъ, мнѣ берестечко». И сейчасъ зажигаетъ самъ эту кучу. «Это, вотъ, говоритъ, братцы, ваша неволя горитъ; съ этихъ поръ будете вольными, оброкъ одной царицѣ платите, а монастырямъ ничего не давайте».

Таково народное преданіе объ освобожденіи отъ монастырской неволи, и мы полагаемъ, что оно настолько характерно само по себѣ, что не нуждается ни въ какихъ особыхъ объясненіяхъ.

Кромѣ этого преданія, среди крестьянъ, бывшихъ монастырскихъ, въ Курской губерніи сохранился еще одинъ памятникъ того времени, когда они жили подъ властью монастырей. Это странныя, иногда даже прямо неприличныя, оскорбляющія слухъ названія селеній и фамилій, какія носитъ здѣсь большинство крестьянскихъ семей. Въ бывшихъ монастырскихъ вотчинахъ—и, замѣтьте, *только въ нихъ однихъ*—сплошь и рядомъ наталкиваешься на такія деревни, какъ—*Дураковка, Дурнево, Грѣшилово, Бѣсилово, Бреховка, Озорниково* и т. д. А среди крестьянъ на каждомъ шагу вы встрѣтите разныхъ *Грѣшилкиныхъ, Чертовыхъ, Дьяволовыхъ, Глупилкиныхъ, Брехалкиныхъ* и т. под. Правда ли, нѣтъ ли, но крестьяне сами объясняютъ это какъ наслѣдіе монастырскаго владычества; они говорятъ, что всѣ эти затѣйливыя прозвища даны были имъ изобрѣтательными монахами, которые будто бы прибѣгали къ этому средству для изобличенія пороковъ и исправленія нравовъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ этому крестьяне прибавляютъ еще, что при монастырскомъ владычествѣ не было почти ни одной семьи, которая бы не носила какой-нибудь подобной странной фамиліи, и что только уже потомъ, по освобожденіи изъ подъ монастырской неволи,

многія семьи побросали эти навязанныя имъ прозвища и приняли другія имена, болѣе благозвучныя и приличныя; но все-таки этихъ Грѣшилкиныхъ и Брехалкиныхъ еще и до сихъ поръ осталось довольно много. Мы остановились на этомъ явленіи совершенно случайно, при производствѣ подворной статистической переписи, которое было поручено намъ Курскимъ губернскимъ земствомъ и, встрѣтивши сначала подобныя прозванія только въ одной бывшей вотчинѣ Коренскаго монастыря (въ Курскомъ у.), мы подумали было съ перваго раза, что это явленіе единичное, исключительное; но когда потомъ намъ пришлось посѣтить и другіе уѣзды Курской губерніи, то мы и здѣсь (въ Суджинскомъ, напримѣръ, въ Путивльскомъ и др.) встрѣтили тѣже разсказы о монахахъ и настоятеляхъ, изобрѣтавшихъ разныя нелѣпыя названія для деревень и замысловатыя прозвища для своихъ крѣпостныхъ, такъ что приходится заключить, что явленіе это было прежде обычнымъ, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для большинства монастырскихъ вотчинъ Курской губерніи.

Другое преданіе объ освобожденіи крестьянъ отъ монастырской неволи было записано нами въ Грайворонскомъ уѣздѣ, той же Курской губерніи. Преданіе это касается, впрочемъ, не общаго освобожденія монастырскихъ крестьянъ по указу 1764 года, а частнаго случая, именно освобожденія крестьянъ бывшаго Введенскаго женскаго монастыря, находившагося въ Хотмыжскомъ уѣздѣ (что̀ нынѣ Грайворонскій). Этотъ монастырь, бывшій когда-то очень богатымъ и владѣвшій 8000 дес. земли и 800 д. крестьянъ, по штату 1764 года былъ упраздненъ, и церковь его обращена въ приходскую. Во время отобранія крестьянъ монастырь этотъ, какъ говорятъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одни недвижимыя имѣнія, состоявшія изъ пахотныхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ угодій; населенныхъ же имѣній у монастыря не было, такъ какъ крестьяне были, по преданію, освобождены прежде этого, еще за много лѣтъ. Крестьяне передаютъ объ этомъ освобожденіи трогательную легенду, по своему эпическому складу напоминающую лучшія произведенія старинной Русской устной словесности.

«Сказываютъ старики, говоритъ преданіе, что монастырская неволя была пуще панской: тамъ, по крайности, былъ одинъ панъ, его одного и знали, его одного и слушали; а у насъ этихъ пановъ-то было и ни вѣсть сколь. И игуменья панъ, и монахиня каждая панъ,— да что тутъ? на что ужъ простыя служки, и тѣ надъ нами верховодили и власть свою показывали. Не знали, кого и слушать, кому и кланяться. Вотъ и взмолились наши дѣды къ Богородицѣ: «Мать Пре-

святая Богородица, всегда ты насъ защищала отъ бѣдъ и напастей; освободи насъ отъ тяжкой неволи!» И молитва ихъ была услышана: поднялась Владычица сама на ихъ освобожденіе. Явилась она игуменьѣ во снѣ, въ сіяніи, въ бѣлой одеждѣ, и два ангела по бокамъ у нея. Лицо у нея такое доброе, ласковое, и говоритъ она игуменьѣ: «Освободи своихъ крестьянъ; будетъ уже, послужили они монастырю». Вымолвила это и стала невидима. Игуменья на другой день проснулась и думаетъ: «Коли я отпущу крестьянъ на волю, что же будетъ съ монастыремъ? Запустѣетъ онъ, обезлюдѣетъ; некому будетъ и Бога славить.... Нѣтъ, думаетъ, этотъ сонъ не отъ Бога, а отъ діавола. Діаволъ вѣдь разные виды принимаетъ, можетъ и Богородицей явиться» Подумала такъ и стала молиться: «Избави, говоритъ, меня, Боже, отъ лукаваго». А лукавый-то не въ иномъ мѣстѣ, а у нея въ сердцѣ сидѣлъ и радовался... На вторую ночь опять является ей Богородица, и ликъ у нея уже не такой добрый: «Освободи, говоритъ, крестьянъ; а то накажу тебя и всѣхъ монахинь твоихъ». Подумала-подумала игуменья, опять ни на что не рѣшилась. На третью ночь Богородица опять является ей, сердитая, гнѣвная: «Почему, говоритъ, ты не поступаешь по слову моему, не освобождаешь крестьянъ? Если завтра этого не сдѣлаешь, на слѣдующую ночь ты и весь монастырь твой примете казнь отъ меня». Игуменья, только что проснулась, сейчасъ посылаетъ за своими товарками-монахинями и разсказала имъ все: «Такъ и такъ, говоритъ, являлась ко мнѣ Божія Матерь три раза и приказала отпустить крестьянъ на волю; а коли, говоритъ, не отпустите—примете казнь отъ меня». Монахини всѣ въ одно слово сказали: «Нужно отпустить, коли Богородица того хочетъ». Сейчасъ собрали всѣхъ мужичковъ и объявили имъ волю» *).

Любопытно было бы знать, составляетъ ли наша Курская губернія въ этомъ случаѣ исключеніе, или же подобныя явленія наблюдаются и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ были въ прежнее время монастырскія вотчины?

Н. Добротворскій.

---

*) Записано это преданіе въ слободѣ Подмонастырской (Понизовье тожъ), Крюковской волости Грайворонскаго уѣзда.

ПИСЬМА ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ [1]).

39.

Павловское, Іюля 19 дня 1787.

Съ благодарностію получилъ я послѣднія два письма вашего преосвященства, которыми меня увѣдомляете объ отъѣздѣ дѣтей моихъ, которыя вчера ввечеру въ Царское Село благополучно и пріѣхали [2]). Прошу продолжать дружбу свою ко мнѣ и вѣрить, что я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. Письмо ваше дѣтямъ отдалъ, и они, какъ и жена моя, васъ благодарятъ.

40.

Павловское, Августа 23 дня 1787.

Вашего преосвященства письмо отъ 16-го подкрѣпляетъ мой образъ мыслей. Я увѣренъ, что и попущеніе безъ воли Вышняго быть не можетъ, и такъ сѣтованіе и негодованіе во время прискорбія не у мѣста; не говорю однакоже, чтобъ равнодушіе должно бы дѣйствовать. Нѣтъ, чувствуй, но сноси, относя къ слову: буди воля Твоя! За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

Жена моя поручила мнѣ вамъ кланяться.

---

[1]) Первыя 38 писемъ см. выше, стр. 5.

[2]) Александръ и Константинъ Павловичи ѣздили въ Москву на встрѣчу Императрицы Екатерины, возвращавшейся изъ Таврическаго путешествія.

41.

Гатчина, Сентября 7 дня 1787.

Молитвы вашего преосвященства не могутъ не споспѣшествовать ко всякому для меня благу. Впрочемъ всякій день я испытую, что совершенное отношеніе къ Богу во всякихъ случаяхъ всего въ свѣтѣ вѣрнѣе и ведетъ за собою безпосредственно спокойствіе духа. Сіе я испытываю, и тогда и покоенъ, когда совершетно таково расположенъ. Молитесь, дабы меня наставилъ на путь правъ. Вѣрьте впротчемъ, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

42.

С.-Петербургъ, Декабря 28-го 1787.

Съ чувствительностію благодарю ваше преосвященство за поздравленіе ваше. Просите у Бога помощи на предстоящее для меня, и чтобъ во всякомъ случаѣ я готовъ былъ къ исполненію святой Его воли, говоря: буди Твоя воля, а не моя. Препоручаю себя безпосредственно молитвамъ вашимъ и пребываю вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

43.

С.-Петербургъ, Февраля 16-го 1788.

Не думалъ я писать къ вашему преосвященству больше отсюда, но обстоятельства перемѣнились; и сіи обстоятельства самыя и были причиною, что я столь долго къ вамъ не писалъ *). Впрочемъ, молчаніе мое не можетъ, кажется, навесть на меня въ васъ сумнѣнія ни при какомъ случаѣ, ибо и молча не меньше есмь вашъ вѣрной другъ.

Павелъ.

44.

С.-Петербургъ, Марта 7-го 1788.

Вашего преосвященства послѣднее письмо было подкрѣпленіемъ образу мыслей моихъ, относя все къ Богу, устрояющему всегда все къ лучшему. Скажу вамъ къ сему, что тогда я совершенно и спокоенъ, когда отношусь къ Нему во всемъ. Подкрѣпилъ я сіе расположеніе въ себѣ, за всѣмъ прочимъ случившимся со мною, дѣйствіемъ духовнымъ на прошлой недѣлѣ, съ твердымъ намѣреніемъ больше и больше относить все къ Богу и могу сказать, что никогда такъ не

*) Павелъ Петровичъ собирался на войну съ Турками. П. Б.

былъ легокъ. Продолжайте и вы съ своей стороны меня дружбою своею въ семъ намѣреніи подкрѣплять, я же есмь и буду вашимъ вѣрнымъ другомъ. Павелъ.

45.

Царское Село, Маія 10-го 1788.

Спѣшу васъ увѣдомить, что жена моя разрѣшилась отъ бремяни дочерью, которая названа Катериною. Обѣ, благодаря Бога, здоровы. Присовокупите благодареніе и молитвы свои къ Богу. Я есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

46.

С.-Петербургъ, Сентября 25-го 1788.

Извините меня, естьли по причинѣ отсутствія своего по сіе время не отвѣчалъ вамъ *). На сихъ же дняхъ получилъ письмо вашего преосвященства, которымъ меня поздравляете съ рожденіемъ моимъ, за что весьма васъ благодарю, прося при томъ о продолженіи вашей ко мнѣ дружбы и молитвъ вашихъ. Есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

47.

С.-Петербургъ, Ноября 28-го 1788.

Извините, ваше преосвященство, естьли на письмо ваше столь долго не отвѣчалъ; болѣзнь моя была тому причиною. Во время оной утвердился еще болѣе въ томъ правилѣ, о которомъ наши послѣднія съ вами письма гласятъ, и такъ и оную съ благодарностію и упованіемъ сносилъ. Примите поклонъ жены моей и увѣренія о всегдашней моей къ вамъ дружбѣ, съ которою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

48.

С.-Петербургъ, Генваря 4-го 1789.

Прошу ваше преосвященство принять мои поздравленія съ Новымъ годомъ и благодарность мою въ замѣнъ вашихъ, желая вамъ всякаго блага. Прошедшій годъ былъ намъ достаточнымъ наставленіемъ не отступать отъ Бога, а полагаться во всемъ на Него. Жена моя, поздравляя васъ, вамъ кланяется. Я же есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

---

*) Павелъ Петровичъ ѣздилъ въ Финляндію на войну со Шведами.

49.

С.-Петербургъ, Февраля 20-го 1789.

Вступилъ вчера въ подвигъ христіанскій, служащій залогомъ между нами и Богомъ. Помолитесь, да послужитъ онъ мнѣ къ утвержденію меня въ томъ пути, которымъ я веденъ былъ, всегда благодаряще. Вѣра моя и любовь возрастаютъ, но боюсь, чтобъ дѣла мои не мертвили первую. Дружба ваша ко мнѣ окажется всегда молитвами вашими, которымъ препоручаясь, есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

50.

С.-Петербургъ, Апрѣля 24-го 1789.

Вашего преосвященства письмо отъ 12-го до меня дошло. Слова ваши соотвѣтствуютъ совершенно расположенію моему относиться во всемъ къ волѣ Божіей. Но какъ ее узнавать, естьли не въ желаніи исполненія должностей? Теперь должность моя была испросить воли о себѣ, которая была, чтобъ я остался здѣсь. Ваше преосвященство видите, что я и словомъ и дѣломъ ищу лишь одного, а за симъ и чтобъ вы были увѣрены, что есмь и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

51.

Павловское, Маія 8-го 1789.

Письма вашего преосвященства отъ 26-го и 30-го съ благодарностію получилъ. Вы вѣдали мое расположеніе на всякомъ шагу; утѣшительно мнѣ, что находите поступки мои не зазорными. Молитеся да не вниду въ напасть, о семъ прошу присовокупить ваши молитвы къ моимъ. Я же здѣсь живу всегда благодаряще и есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

52.

Царское Село, Іюля 23-го 1789.

Письмо вашего преосвящества отъ 16-го я получилъ и за оное весьма васъ благодарю. По истинѣ случающіяся искушенія суть человѣку огонь очищающій. Примѣчалъ я иногда, что когда пройдетъ нѣсколько времени безъ искушенія, тогда начнешь болѣе безпокоиться; ибо не находишь сравнительныхъ предметовъ, по которымъ себя въ порядокъ приводить; и такъ видно, что здѣсь потребны таковые внутренніе маяки. Примите увѣреніе о дружбѣ моей, съ каковою есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

53.

Павловское, Августа 21-го 1789.

Вашего преосвященства примѣчаніе о спокойствіи духа весьма справедливо, писанное въ послѣднемъ письмѣ вашемъ; но какъ оборонить себя отъ искушенія первой минуты, ибо и молитвы иногда сотворить времени нѣтъ? О семъ прошу присоединить и ваши молитвы къ моимъ. Есмь, какъ и жена моя, и буду вашимъ вѣрнымъ.

Павелъ.

54.

Гатчина, Сентября 4-го 1789.

На сихъ дняхъ получилъ письмо вашего преосвященства отъ 27-го прошлаго мѣсяца и за оное благодарю. Теперь прошу у васъ благословенія и молитвъ вашихъ на подвигъ, за которымъ сюда пріѣхалъ, привить оспу дочери своей Марьѣ, что̀ и начнемъ съ Божіею помощію чрезъ нѣсколько времени. За симъ есмь и буду вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

55.

С.-Петербургъ, Ноября 7-го 1789.

Пріятнѣе не могло для меня письмо быть какъ то, которое ваше преосвященство ко мнѣ писали отъ 1-го относительностію къ волѣ Божіей. По истинѣ признаться долженъ, что сталъ находить покой душевной съ тѣхъ только поръ, какъ, отложивъ всю суету, сталъ спокойно ожидать всего того что́ воля вышняя мнѣ посылаетъ, стараяся самъ лишь содержать себя въ тишинѣ соотвѣтственной состоянію своему, и нахожу, что таковая относительность безъ награды не остается: ибо никакая тварь не въ состояніи разлучить отъ любви Божіей. Вотъ моя исповѣдь; да будетъ она залогомъ дружбы моей, съ каковою есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

56.

Павловское, Августа 7-го 1790.

При таковомъ происшествіи, каково заключеніе со Швеціею мира, за долгъ свой поставляю соединить чувство мое радости съ тѣмъ, которое ваше преосвященство имѣть будете. Вознесемъ вкупѣ и благодаренія, и молитвы наши ко Всевышнему, да утвердитъ Онъ насъ и просвѣтитъ и въ ощущеніи и самой радости. Жена моя при семъ

случаѣ поручаетъ мнѣ отдать вамъ свой поклонъ. Я же, препоручая себя молитвамъ и дружбѣ вашей, есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

57.

Павловское, Маія 4-го 1792.

Съ удовольствіемъ и благодарностію получилъ я труды столь полезные вашего преосвященства. Надѣюсь что не только не послѣдніе, но что и продолжительно споспѣшествовать будете благу общему. Вѣрьте впротчемъ, что есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

58.

Павловское, Іюля 15-го 1792.

Зная участіе пріемлемое вашимъ преосвященствомъ во всемъ случающемся со мною, увѣдомляю васъ, что Богъ даровалъ мнѣ дочь 11-го сего, по двудневнымъ мукамъ *). Будьте увѣрены впротчемъ, что есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

59.

С.-Петербургъ, Января 4-го 1794.

Благодарю съ чувствительностію ваше преосвященство за поздравленіе ваше и равномѣрно и васъ поздравляю, желая вамъ всякаго блага. Вѣрьте при томъ, что воспоминовеніе времени, когда преподавали вы мнѣ правила жизни, и мнѣ дорого и пріятно. Часто сіе разбиваетъ иную непріятность настоящую и утѣшаешься прошедшимъ, какъ бы чтеніемъ повѣсти. За симъ есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

60.

С.-Петербургъ, 8-го Генваря 1795.

Благодарю отъ всего моего сердца ваше преосвященство за содержаніе послѣднихъ писемъ вашихъ; примите и мои вамъ искреннія пожеланіи на новой, а при томъ и на всякой годъ. Вы знаете источникъ. Между тѣмъ подѣлите мою радость: Богъ мнѣ даровалъ вчера

*) Великую княжну Ольгу Павловну.

дочь, весьма счастливо на свѣтъ пришедшую *); къ тому же и названа она по бабкѣ и по сестрѣ моей. Принесемъ вмѣстѣ наши благодарственныя молитвы мысленно. Продолжите свою дружбу; я же съ своею есмь вашъ вѣрной Павелъ.

61.

С.-Петербургъ, Генваря 16-го 1795.

Угодно было Всевышнему преселить изъ временнаго въ вѣчное дочь мою Ольгу; по долговременной болѣзни скончалась вчера послѣ обѣда. Господь даде, Господь отъятъ; да будетъ святая воля Его! Присовокупите ваши моленія съ моими и примите увѣреніе, что есмь и буду вамъ благосклоннымъ. Павелъ.

62.

С.-Петербургъ, Марта 29-го 1795.

Сейчасъ, вышедъ изъ церкви, причастясь Святыхъ Таинъ, тридцатидвухлѣтнимъ долгомъ почитаю къ вашему преосвященству отнестись, какъ къ первому путеводителю моему. Не знаю, имѣю ли нужду болѣе изъясняться, какъ о расположеніи душевномъ моемъ, такъ и сердца моего, съ каковымъ есмь вашъ Павелъ.

63.

Гачина, Сентября 21-го 1795.

Вспоминая почасту съ друзьями своими (и утѣшаясь тѣмъ) о времяни томъ, которое проводилъ съ вашимъ преосвященствомъ и которому я многимъ долженъ, удовольствіемъ нахожу и вамъ о семъ по-

---

*) На оборотѣ сего письма рукою Платона написано черновое письмо Павлу.

Пресвѣтлѣйшій государь!

Съ радостнымъ восторгомъ поздравляю Ваше I. В. съ благословеннымъ плодомъ, съ богодарованною дщерію, великою княжною Анною Павловною. Се колико Богъ благодѣтельствуетъ вамъ! Таковаго благодатнаго племени быть коренемъ и источникомъ: не есть ли то, что между первыми благословеніями Божіими поставляетъ слово истины? Всѣ славныя дѣла, каковыя въ вашемъ родѣ узрятъ свѣтъ, первымъ будутъ именовать Павла, яко родоначальника. Милостивый государь! Ежели бы чего по мнѣнію міра для васъ еще не доставало, почтите сіе таковымъ Божіимъ благословеніемъ, которое гораздо превышаетъ другія, а имяни вашему доставитъ безсмертіе и болѣе и славнѣе, нежели все другое въ мірѣ почитаемое славнымъ. Благодарю за сіе вкупѣ съ вами Богу благодѣтельствующему вамъ, и возсылаю къ Нему о сохраненіи здравія и долголѣтствія вашего искреннія моленія, съ моимъ высокопочитаніемъ и душевною приверженностію пребывая.

мянуть въ залогъ благодарности, съ каковою я желанія ваши мнѣ на день рожденія моего принялъ. Чувства у насъ неотъемлемы, и такъ сіи и въ противностяхъ воспоминаніемъ услаждаютъ. Давно только васъ не видалъ; но, видно, такъ суждено. Суждено же и пребывать однакоже мнѣ къ вамъ всегда благорасположеннымъ. Павелъ.

64.

С.-Петербургъ, Декабря 27-го 1795.

Я мыслю, что души одинако расположенныя часто имѣютъ и отсутственно какъ будто нѣкое отношеніе. Сему примѣромъ вчерашняго вечера разговоръ, которой случился безъ моего повода о вашемъ преосвященствѣ въ самой тотъ день, гдѣ я получилъ письмо ваше, содержащее поздравленіе ваше и которому я взаимнымъ моимъ благодарю и соотвѣтствую. Рѣчь сія о васъ заключала исчисленіе качествъ вашихъ; съ моей же стороны напамятованіе благодарное времянъ, о которыхъ съ удовольствіемъ вспоминаю. При семъ говорено было и о образѣ нынѣшнемъ жизни вашей въ Виѳаніи; не взойду я въ подробности, но пожелаю, не будучи въ положеніи быть оной очевидцемъ, имѣть хотя планъ и видъ мѣста пребыванія вашего, котораго по описанію имѣлъ я случай, какъ какимъ внушеніемъ, прежде еще нежели о немъ слышалъ, по охотѣ моей къ планамъ, подобной оному у себя на бумагѣ расположить. Услыша же странное сіе сходство, весьма былъ таковымъ тронутъ. Простите всѣ сіи подробности; но могутъ они оправдать введеніе письма моего и то душевное расположеніе, съ каковымъ въ Бозѣ есмь вашимъ. Павелъ.

65.

С.-Петербургъ, Генваря 15-го 1796.

Сейчасъ получилъ я любезнѣйшее письмо вашего преосвященства съ столь желаннымъ мною планомъ. Планъ сей соотвѣтствовалъ совершенно ожиданію моему; понялъ и вкусилъ характеристику мысленную всего заведенія. Храмъ верхній и храмъ нижній, и дни ихъ *). Закрыты вы отъ хлада Сѣвера и остраго Востока, Югъ благорастворяетъ, Западъ орошаетъ. Близъ васъ память тѣхъ, кои уже достигли тихаго пристанища. Въ Виѳаніи вы. Не вы одни обстоятельствами до нея доведены. Суть Виѳаніи и внутреннія, которыхъ истребить не могутъ. Но сіи существа такого, что онѣ съ нами на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ; такого существа моя. Видя кругъ себя все весьма обстоятельствамъ подвластно, обратилъ свою всю въ Бога, Котораго у меня

*) Т.-е. въ какіе дни ихъ престольный праздникъ. П. Б.

отнять нельзя. Но не менѣе любуюсь на расположеніе и описаніе вашей, за что и свидѣтельствую вамъ свою благодарность. Часто буду глядѣть на оной. Вашего же преосвященства желаніе хотѣлъ бы удовольствовать, но за малымъ стало: того, чтò вамъ угодно, нѣтъ; но не дивитесь сему. Стараго товару обращиковъ не держутъ, не зачѣмъ, охотниковъ нѣтъ. Надобно, видно, было получить мнѣ отъ васъ планъ Виѳаніи, и писать къ вамъ о моей внутренней въ тотъ день, гдѣ дочь моя годъ тому какъ скончалась, гдѣ ѣду къ себѣ на островъ [1]) чрезъ часъ память по ней совершать, ибо несумнѣнно оную тамъ совершу, какъ и обыкъ я впрочемъ и одинъ у себя долгъ дню отдавать. За симъ позвольте, поблагодаря васъ еще, увѣрить, что истинно есмь старой и всегдашней, вамъ благосклонный Павелъ.

66.

Царское Село, Іюня 25-го 1796 [2]).

Сего утра Богъ даровалъ мнѣ сына Николая. Зная участіе, которое принимаете ваше преосвященство во всемъ касающемся до меня, извѣщаю васъ, пребывая вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

67.

Павловское, Іюня 30-го 1796.

Тронули ваше преосвященство письмомъ меня вы своимъ, и пріятно мнѣ знать, что день рожденія вашего и день имянинъ моихъ одинъ Поминая о своихъ шестидесяти годахъ, съ которыми поздравляю, желая всякаго блага, припомню о тритцати трехъ благодарности моей къ вамъ, съ каковою и есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

68.

Гатчина, Октября 6-го 1796.

Княжна Анна Несвицкая, жившая съ покойною матерью своею пятнадцать лѣтъ въ Москвѣ въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ собственныхъ своихъ кельяхъ, желаетъ и теперь остаться навсегда жить въ ономъ монастырѣ: то и прошу васъ, преосвященный Платонъ, предписать кому слѣдуетъ о оставленіи ея тамъ, на томъ же основаніи, какъ и при покойной матери ея. Впротчемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребуду навсегда вамъ благосклоннымъ. Павелъ.

---

[1]) Камменный островъ, гдѣ былъ дворецъ Цесаревича.

[2]) Подлинное взято въ Троицкую Сергіеву Лавру для храненія въ Лаврской ризницѣ Августа 1-го дня 1837 года.

ДОРОЖНЫЯ ПИСЬМА С. А. ЮРЬЕВИЧА

во время путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году *).

39.

Вознесенскъ, 25 Августа 1837.

По отправленіи послѣдняго письма моего къ тебѣ изъ Курска, мы на другой день 22-го Августа рано поутру оставили Курскъ и поздно вечеромъ прибыли въ Харьковъ, гдѣ нашли Великую Княгиню Елену Павловну. Ея высочество была въ то время на балѣ, и Великій Князь успѣлъ еще застать ее тамъ и провести съ нею около получаса, доставивъ тѣмъ и Харьковскому дворянству удовольствіе полюбоваться имъ. Переночевавъ въ Харьковѣ, мы въ 6 часовъ утра 23-го числа выѣхали; прекрасная погода благопріятствовала намъ и вознаградила насъ за ужасный предшествовавшій вечеръ (въ который мы испытали все, что̀ такъ-называемая воробьиная ночь можетъ доставить запоздалымъ путешественникамъ; Жуковскій предпочелъ остаться на станціи не доѣзжая Харькова на ночлегъ). Дорога изъ Харькова до границы съ Полтавскою есть ни что иное какъ прелестный, роскошный садъ, насаженный самою природою: яблоки, груши и другія фруктовыя деревья перемѣшаны съ красивымъ кудрявымъ кленомъ и величавымъ дубомъ. Другихъ деревьевъ не видать. Съ Полтавской губерніи начинаются степные виды, а Херсонская напомнила намъ пустыни Оренбургскія; города рѣдки и селенія не ближе 25 или 30 верстъ одно отъ другаго, да и тѣ скрываются въ оврагахъ, по здѣшнему въ балкахъ, такъ что глазъ на неизмѣримомъ пространствѣ во всю доро-

---

*) См. выше, стр. 49.

гу по Херсонской губерніи до Вознесенска не имѣетъ на чемъ остановиться. Разница Херсонскихъ степей съ Башкирскими та, что послѣднія еще не знаютъ ни плуга ни косы, а первыя почти всюду или засѣяны хлѣбомъ или покошены на сѣно. Въ Полтавѣ мы обѣдали у генералъ-губернатора графа Строганова *) въ шестомъ часу. (Полтава, на высокомъ берегу рѣки Ворсклы, кажется еще новымъ городомъ, обѣщающимъ быть со временемъ красивымъ, но никогда богатымъ, а Харьковъ и теперь уже богатый и многолюдный городъ, часъ отъ часу богатѣющій). Въ полночь проѣхали мы черезъ Кременчугъ, богатый, торговый и многолюдный и посреди его протекающій Днѣпръ, и выѣхали въ настоящую степь, въ которой Александрія, Елисаветградъ и Вознесенскъ суть оазисы.

Изъ Харькова до Вознесенска мы ѣхали день и ночь, чтобы въ срокъ явиться, и дѣйствительно Великій Князь нашъ, летѣвшій на крыльяхъ нетерпѣливаго радостнаго свиданія съ родителями, далеко опередилъ свиту свою и прибылъ въ Вознесенскъ ровно въ полночь съ 24-го на 25-е число (мы почти на два часа отстали отъ него) тремя часами только позже Императрицы, но уже не могъ до сегодняшняго утра видѣть родителей: они уже почивали. Великій Князь свидѣлся съ Государемъ поутру сегодня, а съ Императрицею около полудня. Государь нашелъ Великаго Князя (по словамъ Его Величества) и здоровѣе, и полнѣе, и возмужалѣе, и изъявилъ радость свою при свиданіи, какъ самый нѣжный отецъ.

Когда мы представлялись Государю, Его Величество поцѣловалъ насъ всѣхъ и въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ, что сберегли ему *его Сашу*. При сихъ словахъ Государь подалъ мнѣ руку и поцѣловалъ меня. Императрицѣ я представлялся передъ обѣдомъ. Она спрашивала меня, часто ли получаю отъ тебя письма и какъ ты себя чувствуешь въ Москвѣ.

Вознесенскъ, за три или четыре года еще бѣдное селеніе среди степи, теперь большой городъ по здѣшнему, весь изъ однообразныхъ чистенькихъ красивыхъ домиковъ (по четыре комнаты въ каждомъ); кромѣ того въ послѣднее время въ немъ выросъ препорядочный дворецъ и множество большихъ зданій. Прекрасный садъ и красивая площадь какъ чудомъ въ два послѣдніе года обросли большими деревьями, перевезенными сюда цѣликомъ изъ далека. Въ теперешнюю эпоху Вознесенскъ настоящая столица; тутъ дворъ, около десяти ино-

---

*) Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ, а за тѣмъ Новороссійскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

странныхъ принцевъ: Австрійскій эрцъ-герцогъ Іоаннъ, Прусскій принцъ Августъ съ сыномъ своимъ, Виртембергскихъ два, Веймарскій съ сыномъ, Баварскій и еще нѣсколько другихъ Германскихъ принцевъ. Кромѣ того множество военныхъ иностранцевъ: Австрійцевъ, Прусаковъ, Шведовъ, Баварцевъ, Англичанъ и пр. и пр. и, наконецъ, до 10-ти человѣкъ Турокъ, и нѣсколько дипломатовъ. И все это размѣщено въ Вознесенскѣ по домамъ, въ которыхъ мебель и все потребное вновь выписано. Во дворцѣ мебель вся работы Гамбса. У квартиры графа Витта, хозяина здѣшнихъ мѣстъ и угостителя, выстроена зала, въ которой могутъ быть угощены до 400 персонъ (зала отъ верху до низу гарнирована военною арматурою); въ ней каждый вечеръ собираются всѣ, по желанію, изъ находящихся (по приглашенію) въ Вознесенскѣ, и танцуютъ вдоволь съ дамами, приглашенными изъ Одессы и окрестныхъ мѣстъ графомъ Виттомъ. Движеніе въ городѣ и ѣзда экипажей взадъ и передъ необыкновенны.

Военныхъ генераловъ, кромѣ свиты Государя, собралось пропасть отовсюду, не говоря о томъ, что въ лагерѣ около Вознесенска триста пятьдесятъ эскадроновъ кавалеріи и до тридцати баталіоновъ пѣхоты. Такой массы кавалеріи еще никогда и нигдѣ въ Европѣ не было видано; вотъ цѣль съѣзда настоящаго со всѣхъ концовъ Европы иностранцевъ въ Вознесенскъ.

Вотъ тебѣ эскизъ Вознесенска весьма неполный; дополню послѣ. Теперь скажу, что отъ представленій и визитовъ сегодняшнихъ къ здѣшнимъ властямъ, иностраннымъ принцамъ (два фельдмаршала *) нашихъ также теперь въ Вознесенскѣ) и другимъ лицамъ, коимъ надобно было показаться, я усталъ болѣе нежели когда-либо во время путешествія нашего.

Великій Князь мой все утро также или самъ ѣздилъ съ визитами, или принималъ визиты иностранныхъ принцевъ и представленія иностранцевъ и нашихъ военныхъ лицъ. Но онъ не знаетъ усталости, благодаря его крѣпкой юности.

Великій Князь частію выѣзжалъ сегодня со мною, частію съ А. А. Кавелинымъ, который однакожъ хотя чувствуетъ себя лучше, но по приказанію Государя долженъ нѣсколько дней отдыхать у себя на квартирѣ, не трогаясь никуда; поэтому сегодня послѣ обѣда я выходилъ съ Великимъ Княземъ однимъ на прогулку по городу пѣшкомъ и ѣздилъ съ нимъ въ лагерь. Квартира Великаго Князя такъ тѣсна

*) Витгенштейнъ и Паскевичъ. П. Б.

(у него одна всего комната для него, а другая для гардероба), что повернуться негдѣ, и бокъ о бокъ съ Государевымъ кабинетомъ. Это положеніе не даетъ мнѣ возможности такъ расположиться, чтобы написать днемъ спокойно нѣсколько строкъ къ тебѣ: пишу ночью, уложивъ Великаго Князя спать.

40.

Вознесенскъ, 26-го Августа 1837 г.

Вчера я черезчуръ распространялся въ письмѣ моемъ къ тебѣ о Херсонскихъ степяхъ и о самомъ Вознесенскѣ; это взяло много времени, а главнаго существеннаго не сказалъ, а именно что въ Вознесенскѣ Ихъ Величества предполагаютъ остаться по 4-е число Сентября, что потомъ отправляются (по имѣющемуся у тебя маршруту) сначала въ Одессу, а потомъ въ Крымъ; что Великій Князь сопровождаетъ Ихъ Величества въ этомъ путешествіи и что при немъ въ это время изъ всей свиты будутъ находиться только насъ двое: А. А. Кавелинъ и я. Изъ свиты Его Высочества двое уже отправились сегодня, Жуковскій и Арсеньевъ, прокатиться въ Крымъ сами по себѣ, по собственному желанію; остальные если поѣдутъ, то не водою, а сухопутно (это еще нерѣшенное дѣло). Изъ Крыма, какъ мы предполагаемъ (маршрута новаго для насъ еще нѣтъ), мы поѣдемъ чрезъ Перекопъ въ Херсонъ, въ Екатеринославъ, въ Кіевъ, Черниговъ, Полтаву, Харьковъ и Таганрогъ, а оттуда къ 17-му Октября въ Новочеркаскъ къ прибытію туда Государя изъ Грузіи; а оттуда чрезъ Воронежъ въ Москву. Вотъ предположенія наши почти вѣрныя; но вѣрно однакожъ и то, что въ Подолію и Волынію, ниже въ другія западныя губерніи, не поѣдемъ. Кажется, на первый разъ довольно того, что мы уже видѣли доселѣ на пространствѣ двѣнадцати тысячъ съ лихвою верстъ, и того что̀ еще имѣемъ въ виду по 17 Октября.

Подъѣзжая къ Вознесенску, я и добрый, неизмѣнный (во все время отъ 2-го Мая по 15-е Августа), достойный товарищъ мой, К. И. Арсеньевъ, мы вознесли ко Всевышнему, Подателю благъ, молитвы сердецъ нашихъ за счастливое и благополучное совершеніе пути нашего. Мы дружески обняли другъ друга за пріятное сообщество. Мы оба, говоря искренно (искренность сблизила сердца наши), не могли желать, не могли имѣть въ положеніи нашемъ пріятнѣйшаго сообщества, зная другъ друга съ давняго времени и будучи всегда добрыми пріятелями, мы оба еще болѣе полюбили другъ друга. Мы предчувствовали, что намъ придется на остальное время пути нашего разлучиться, и теперь вотъ предчувствія наши сбылись. Моимъ товарищемъ по экипажу при возвра-

щеніи изъ Крыма будетъ или Енохинъ, или молодой Адлербергъ. Жуковскій теперь въ товариществѣ Арсеньева будетъ ѣхать впереди, и поѣхалъ уже. Они должны были соединиться на этотъ разъ, какъ болѣе всѣхъ свободные изъ всей свиты нашей.

Сегодня, въ окрестностяхъ Вознесенска, былъ великолѣпный парадъ всей здѣшней кавалеріи, 350 эскадроновъ. Государь во главѣ своего огромнаго штаба (въ коемъ я въ первый разъ находился въ числѣ адъютантовъ Его Величества), во главѣ всего войска, проѣхалъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Государыни Императрицы (бывшей въ экипажѣ съ великой княжной Маріей Николаевной), окруженный всѣми принцами и также огромною свитою изъ иностранныхъ посѣтителей. Парадъ былъ блестящій, погода чрезвычайно благопріятствовала. Государь былъ чрезвычайно доволенъ и веселъ. Завтра парадъ пѣхотѣ.

41.

Вознесенскъ, 31 Августа 1837.

Письмо твое отъ 17-го числа я получилъ только вчера; почта ходитъ чрезъ Одессу въ Вознесенскъ. Скорѣе бы выбраться изъ этой глуши.... но и впереди предстоитъ не лучшая перспектива. Изъ Вознесенска выѣзжаемъ мы въ Одессу 4-го Сентября, а 9-го ѣдемъ въ Севастополь водою; въ Севастополѣ пробудемъ по 14-е и по 20-е будемъ странствовать по южному берегу Крыма до возвращенія въ Симферополь, откуда начинается возвратное шествіе наше чрезъ Херсонъ, Екатеринославъ, Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, а оттоль опять внизъ: въ Таганрогъ и Новочеркаскъ.

Это послѣдній пунктъ нашего странствія; оттоль будемъ уже совершенно на возвратномъ пути, хотя нѣсколько еще займутъ насъ нѣкоторыя станицы Земли Войска Донскаго. Авось Богъ благословитъ и это предстоящее, окончательное наше странствіе, какъ благословилъ насъ Своею милостью доселѣ. Объ этомъ теперь молитва моя.

Въ Вознесенскѣ время стоитъ прекрасное, и оттого всѣ военныя продѣлки, смотры, парады и ученья идутъ своимъ чередомъ какъ нельзя лучше, къ удовольствію всѣхъ, и особенно добраго Царя нашего. Добрая Царица наша веселится здѣсь также какъ нельзя лучше: здоровье Ея Величества было немножко разстроилось въ Полтавѣ; но теперь, благодаря Бога, она снова чувствуетъ себя весьма хорошо, и вчера, 30-го Августа, довольно долго оставалась на прекрасномъ балѣ, данномъ здѣсь въ огромномъ манежѣ здѣшнимъ военнымъ начальствомъ. Манежъ обращенъ въ великолѣпную залу, убранную сверху до низу

военными арматурами, а прилежащія конюшни въ прекрасныя залы для ужина; на столахъ, какъ бы въ столицѣ, бронза, серебро и хрусталь блестятъ среди зелени и цвѣтовъ южной Россіи. Это все въ пустынѣ, среди степи, гдѣ кругомъ на двѣсти верстъ ни кусточка зелени, ни цвѣтка въ полѣ, кромѣ самаго Вознесенска, гдѣ, какъ бы магическою силою, въ одинъ годъ выросъ огромный тѣнистый садъ и на площадяхъ и на улицахъ большіе Итальянскіе тополи и дерева акацій, какихъ нѣтъ и въ Царскомъ Селѣ.

На балѣ было до тысячи человѣкъ кавалеровъ: все блестящее какъ въ столицѣ генеральство и офицерство. Дамъ сверхъ того счетомъ 180, пріѣхавшія изъ Одессы, Кіева, Херсона, Николаева и даже есть изъ Константинополя. Хозяйки-бала: графиня Воронцова, жена генералъ-губернатора и графиня Потоцкая, сестра графа Витта, начальника военныхъ поселеній. Тутъ я нашелъ нѣсколько дамъ, коихъ ты знаешь: генеральша Бартоломей (m-me Бартоломей, хотя и не Полька, но живостью перещеголяла ихъ всѣхъ, а ихъ тутъ много), урожденная Балугьянская съ сестрою; Логинова съ дочерью; генеральша Орлова съ сестрою фрейлиной Пушкиной, которую берутъ ко двору вмѣсто Шереметевой [1]), графиня Шуазель-Гуфье, генеральша Глазенапъ (урожденная Неклюдова). Тутъ отличается молодая графиня Потоцкая, наслѣдница 18-ти тыс. душъ, дочь бывшаго оберъ-гофмаршала, покойнаго; и какая-то Полька еще, графиня Брилевичъ изъ Кіева. Много женъ генераловъ и прочихъ военныхъ, которыхъ мужья здѣсь.

Примѣчательно, что на этомъ балѣ мало, очень мало кто кого знаетъ; это сборъ со всѣхъ концовъ Россіи, откуда пришло войско въ Вознесенскъ. Туалетъ дамъ не отличается отъ столичнаго; фрейлина Пушкина [2]) первенствуетъ красотою своей. Вотъ отчетъ о главномъ балѣ въ Вознесенскѣ.

Мы не нарадуемся въ Вознесенскѣ, что добрый Царь нашъ весьма доволенъ всѣмъ, что̀ здѣсь видитъ. Войско въ отличномъ состояніи и утѣшаетъ его на всѣхъ парадахъ и маневрахъ, которые доселѣ какъ нельзя лучше удавались; остается еще заключить большими маневрами завтра и послѣ завтра. Погода удивительная: это нашъ Іюль въ лучшее время свое, только рано смеркается; здѣсь въ седьмомъ часу уже почти смерклось. Здѣсь каждый день обѣдаетъ у Царя до 300 персонъ гостей, т.-е. иностранцевъ и нашей братіи военныхъ, въ

[1]) Анны Сергѣевны, вышедшей за графа Дмитрія Николаевича Шереметева. П. Б.

[2]) Мусина-Пушкина, вскорѣ вышедшая за князя Сергѣя Васильевича Трубецкаго. Это мать нынѣшней герцогини Сесто, бывшей графини Морни. П. Б.

большомъ, выстроенномъ въ видѣ палатки въ саду, балаганѣ. Французская труппа изъ Кіева и Русская вольнопрактитующая пополняють здѣсь вечера. Французы играютъ водевили изрядно (Aimer ou Mourir); я видѣлъ вчера, будучи съ Великимъ Княземъ въ ложѣ. Русскую труппу поддерживаетъ семейство Щепкина изъ Москвы; сегодня играли «Дебютантку» и «Кетли». Императрица съ Великой Княжной и Великимъ Княземъ были въ театрѣ короткое время. Я также сейчасъ оттуда. Фельдъегерь ждетъ у дверей Государя депеши, и я пользуюсь этимъ, гляжу на эту дверь и мараю для тебя этотъ листокъ бумаги. Комната Великаго Князя возлѣ комнаты Государя дверь въ дверь. Императрица, благодаря Бога, совершенно здорова, Великая Княжна также.

4-го числа Вознесенскъ опустѣетъ; я пришлю тебѣ списокъ всѣхъ здѣсь находившихся гостей. А. А. Кавелинъ мой также здоровъ; онъ въ два первыхъ дня отдохнулъ.

Великій Князь получилъ Бородино въ подарокъ 30-го Августа отъ Государя.

42.

Одесса, 8 Сентября 1837.

Велятъ сей же часъ отправляться на пароходѣ всей свитѣ Ихъ Величествъ и Великаго Князя; а Ихъ Величества сами отправляются на другомъ пароходѣ завтра, рано утромъ.

Нашъ пароходъ тише ходитъ.

Сегодня у меня день суматошный, какъ и всѣ дни въ Одессѣ: цѣлый день ѣздилъ (какъ и вчера) до 4-хъ часовъ съ 10-ти по разнымъ заведеніямъ и прочимъ мѣстамъ съ Великимъ Княземъ, который былъ съ Государемъ для обозрѣнія.

Мнѣ некогда описывать тебѣ на сей разъ о нашихъ веселостяхъ въ Одессѣ; скажу однакоже, что 6-го былъ великолѣпный балъ (на которомъ не было ни одного лица порядочнаго изъ женщинъ, по совѣсти говорю, и не я одинъ; наши Петербургскія были по совѣсти лучшія). 7-го спектакль, Итальянская опера, Prezioso, шла очень порядочно; сегодня тоже спектакль. Ихъ Величества здѣсь всѣмъ довольны, какъ и въ Вознесенскѣ; погода, которая 4-го и 5-го была дурная и пугала насъ, морскихъ путешественниковъ, теперь поправилась и опять сдѣлалась тихая и теплая; безъ сего бы Императрица поѣхала сухимъ путемъ въ Севастополь. Въ Николаевѣ Государь съ Великимъ Княземъ провелъ сутки и былъ утѣшенъ всѣмъ со стороны морскаго

вѣдомства; подробности пишу въ журналѣ, которымъ теперь занимаюсь я для Великаго Князя. (Кромѣ собственнаго журнала).

У насъ здѣсь новость: m-me Миллеръ заставила всѣхъ говорить о себѣ въ Одессѣ, уѣхавъ съ графомъ Потоцкимъ, извѣстнымъ повѣсою (и находящимся подъ присмотромъ полиціи) за границу, тихонько отъ мужа и отъ дѣтей. Эта исторія обнаружилась въ день пріѣзда Императрицы въ Одессу.

На балѣ отличались богатствомъ бриліянтовъ (я не говорю объ Императрицѣ, которая въ этотъ день горѣла въ огнѣ бриліянтовомъ) графиня Воронцова и графиня Артуръ Потоцкая. На балѣ была также и Марья Антоновна Нарышкина, но скромно одѣтая.

43.

Пароходъ „Громоносецъ", 9-е Сентября 1837 г., на Черномъ морѣ.

Вся компанія наша на пароходѣ разбрелась по своимъ каютамъ или норкамъ спать, въ ожиданіи, что капитанъ объявитъ, что пароходъ въ гавани или какъ закричитъ: стопъ машина! Мнѣ спать не хочется; оставивъ моего товарища по каютѣ на пароходѣ, флигель-адъютанта барона Ливена, спать спокойно одного, я уединился въ каютъ-компанію съ двумя фонарями, чтобы отвѣчать на твои письма. Я уже нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, что изъ Одессы Ихъ Величества съ Великимъ Княземъ моимъ и эрцъ-герцогомъ Іоанномъ поѣдутъ моремъ въ Севастополь на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда», съ небольшимъ числомъ свиты своей (князь Волконскій, графъ Орловъ, Кавелинъ и л. м. Маркусъ, Юлія Ѳедоровна Баранова и фрейлины графиня Тизенгаузенъ и Моденъ) и что другая часть свиты, т.-е. подставныя лица (князь Долгорукій, оберъ-шталмейстеръ, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, я и Арендъ, также флигель-адъютантъ Львовъ и находящійся при эрцъ-герцогѣ Австрійскомъ Іоаннѣ флигель - адъютантъ князь Ливенъ съ тремя адъютантами эрцъ-герцога, составляющими нашу компанію) отправятся на другомъ пароходѣ, «Громоносецъ». Пароходъ этотъ тише на ходу, и потому насъ отправили наканунѣ выѣзда Ихъ Величества, со всею провизіею для Севастополя и для путешествія Государя по берегамъ Кавказской стороны Чернаго моря. Не смотря на то, что мы всѣ, плаватели на «Громоносцѣ», собрались вчера на палубѣ парохода ровно въ семь часовъ вечера, но за телятами, цыплятами и огромными ящиками съ винами, сахаромъ и прочими съѣстными и питейными припасами не могли раньше сняться съ якоря, какъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Вотъ ровно сутки, что̀ мы на Чер-

номъ морѣ и, благодаря Бога, плаваніе наше благополучно: вѣтеръ попутный, хотя небольшой, погода пріятная, хотя не весьма теплая, день былъ ясный, и теперь луна во всемъ блескѣ отражается въ волнахъ небольшимъ вѣтромъ колеблемаго моря. Слава Богу, что погода здѣсь теперь благопріятная, а то Императрица должна бы была сухимъ путемъ сдѣлать болѣе 500 верстъ до Севастополя, по дурной дорогѣ. Съ 3-го Сентября по 8-е дулъ сильный, такъ называемый, равноденственный вѣтеръ, котораго и моряки опасаются; по ихъ замѣчаніямъ терминъ равноденственнаго вѣтра кончился съ дурною погодою, и мы будемъ имѣть хорошее время для маневровъ морскихъ у Севастополя. Пароходъ «Сѣверная Звѣзда» долженъ прибыть въ Севастополь завтра около десяти часовъ утра. Во время пребыванія моего въ Вознесенскѣ, я не имѣлъ возможности описывать тебѣ подробности всего тамъ примѣчательнаго, какъ обыкновенно дѣлалъ во время моего странствованія по Россіи. Днемъ все время мое было занято, едва урывками могъ писать къ тебѣ, то на квартирѣ (я имѣлъ квартиру въ особомъ домѣ съ докторомъ нашимъ Енохинымъ, Кавелинъ въ другомъ домѣ, а молодежь была помѣщена съ Назимовымъ въ третьемъ), то у Великаго Князя, когда онъ былъ у родителей; ибо у него была всего одна комната съ однимъ столикомъ, возлѣ кабинета Государя во дворцѣ. О балѣ Вознесенскомъ, данномъ въ бывшемъ манежѣ, въ которомъ было до тысячи офицеровъ и до 180 дамъ, я писалъ къ тебѣ и говорилъ, что ужинали въ передѣланныхъ въ залы конюшняхъ, и что, и манежъ, и конюшни были такъ отдѣланы и такъ разукрашены военною арматурою, что ихъ узнать нельзя было. Ихъ Величества въ Вознесенскѣ остались довольны всѣмъ, даже и погодою, которая какъ на заказъ была въ Вознесенскѣ, во все время какъ у насъ въ Іюнѣ или въ Іюлѣ, даже зелень въ саду Іюльская, по нашему; тополи и акаціи во всей красѣ своей зелени. Государь былъ доволенъ войскомъ и на смотрахъ, и на маневрахъ, какъ нельзя больше; за то и милостей разсыпалъ много. Графъ Виттъ, начальникъ Новороссійскаго поселенія, получилъ бриліянтовые знаки Андрея, съ прибавкою къ тому трехъ сотъ тысячъ рублей (награда необыкновенная); всѣ генералы, командовавшіе частями войскъ, получили ордена (генералъ Никитинъ шифръ Государя на эполеты, что значитъ состоять при особѣ Государя); штабъ и оберъ-офицерамъ выпала тысяча двѣсти наградъ, состоящихъ въ орденахъ и повышеніяхъ. Нѣкоторые флигель-адъютанты, кои были употребляемы тутъ Государемъ, также получили ордена. Всѣ иностранные посѣтители получили также или подарки или ордена; многіе изъ принцевъ обмундированы въ мундиры разныхъ нашихъ полковъ. Великій Князь нашъ получилъ названіе

шефа Тверскаго драгунскаго полка и въ новомъ мундирѣ парадировалъ передъ своимъ новымъ полкомъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Великая Княжна Марья Николаевна также получили наименованіе шефовъ здѣшнихъ полковъ. Больше нечего сказать о Вознесенскѣ. Кромѣ баловъ и спектаклей (въ выстроенномъ въ нѣсколько недѣль весьма порядочномъ театрѣ) другихъ общественныхъ увеселеній не было. На театрѣ отличался Щепкинъ съ дочерьми своими, прибывшими сюда изъ Москвы. Послѣдній балъ былъ 3-го числа, наканунѣ выѣзда, въ комнатахъ Императрицы для небольшаго числа избранныхъ. О дамахъ здѣшнихъ я уже писалъ къ тебѣ; эти дамы всѣ фигурировали и на балѣ въ Одессѣ, кромѣ семейства Пушкиныхъ, которыхъ въ Вознесенскѣ на сценѣ было три: одна фрейлина, взятая теперь во дворецъ, съ младшей и старшей сестрой, что̀ замужемъ за казацкимъ генераломъ Орловымъ. Графиня Воронцова и генеральша Нарышкина (урожденная Потоцкая, сестра графини Витте) въ Одессѣ первыя дамы. и домы ихъ въ Одессѣ первые, и по красотѣ зданій, и по отношенію къ публикѣ здѣшней. Кстати ужъ, говорить надо объ Одессѣ. Ихъ Величества помѣщались въ домѣ графа Воронцова, великолѣпномъ, истинно барскомъ, на утесистомъ берегу моря, съ небольшимъ, но миленькимъ садомъ; Великій Князь (и я съ Кавелинымъ) помѣщался въ этомъ же домѣ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ Великой Княжной въ домѣ Нарышкина, также прекрасный домъ на берегу *). Въ Одессу съ дворомъ пріѣхали всѣ иностранные принцы и большая часть иностранныхъ гостей Вознесенскихъ, фельдмаршалъ Паскевичъ тоже. Городъ закипѣлъ. Жители Одессы, все торгаши, поднялись на спекуляціи насчетъ пріѣзжихъ; цѣны на все ужасно возвысились; товары, припасы—приступу нѣтъ. За парную коляску въ день платили по 150 рублей, и то съ трудомъ мы достали для Великаго Князя и для себя, пріѣхавъ днемъ позже въ Одессу (мы провели день въ Николаевѣ); человѣкъ, для прислуги и для ѣзды за экипажемъ, бралъ по 25 рублей въ сутки, и того надобно было отпускать для бала, даннаго городомъ 6-го числа. Можно себѣ представить, что̀ стоилъ этотъ балъ; балъ великолѣпный, въ прекрасной биржевой залѣ, и богатый ужинъ, въ нарочно сдѣланной временной пристройкѣ. Тутъ былъ примѣчателенъ кабинетъ для Императрицы: онъ сверху до низу былъ въ виноградныхъ лозахъ, съ огромными разноцвѣтными кистями винограда, выписаннаго изъ Константинополя. Украшеніе и угощеніе вмѣ-

*) Нынѣ такъ называемый дворецъ, гдѣ помѣщается Одесскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

стѣ! На балѣ этомъ множество было приглашенныхъ всѣхъ сословій; но примѣчательно, ни одного женскаго порядочнаго лица не было на балѣ, на глаза наши, избалованные Пензою, Рязанью и вообще Русскими красотами. Одесса строеніемъ своимъ (большею частью на манеръ Итальянскій, не изъ кирпича, но изъ особеннаго здѣсь добываемаго камня, съ плоскими крышами; деревянныхъ домовъ здѣсь не знаютъ)—городъ иностранный, и по физіономіи жителей, совершенно не-Русскій. Здѣсь все говоритъ, что мы на Югѣ. Лица большею частью смуглыя, Итальянскія, Греческія; большое множество Жидовъ; Жидовки по большей части одѣты по-европейски. Русскаго лица почти не видишь; развѣ изрѣдка, и то въ предмѣстьяхъ, встрѣчаешь Русскаго мужичка, Русскую бабу—даже досадно. На балѣ я встрѣтилъ m-me Мейндорфъ съ падчерицей, фрейлиной Потемкиной; можно сказать, это были красивѣйшія особы, да еще m-me Ртищева (жена здѣшняго чиновника), да и то урожденная Нѣмка (Штиглицъ). Я не говорю о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ (которая не имѣла соперницъ) и о Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ, которая, въ бѣломъ легкомъ платьицѣ съ бриліянтовой діадемою, была удивительно какъ хороша. Вотъ это все красоты Сѣвера, а Югъ нашъ, право, въ этомъ отношеніи бѣденъ; это не одно мое замѣчаніе, и мой Великій Князь тоже привыкъ видѣть Русскихъ красавицъ. На балѣ Императрица имѣла столько на себѣ бриліянтовъ, какъ я, кажется, никогда на ней столько не видѣлъ; огромная діадема, съ огромными солитерами на головѣ; все пунсовое платье было сверху до низу осыпано бриліантами; на шеѣ ожерелье жемчужинъ, величиною, право, почти съ грушу. Великая Княгиня имѣла много изумрудовъ. Графиня Воронцова также хотѣла выказать свое богатство и сестра ея графиня (Артуръ) Потоцкая (онѣ урожденныя Браницкія); первая хотѣла, кажется, подражать въ нарядѣ Императрицѣ, и головной уборъ ея былъ въ родѣ Императрицына, только съ изумрудами. Довольна ли ты на этотъ разъ моими бальными замѣчаніями? Вотъ что значитъ имѣть на морѣ безсонницу или быть не въ состояніи спать отъ сосѣдства паровой машины (внизу), телятъ и цыплятъ (съ боку); моя каюта на палубѣ, въ домикѣ деревянномъ, нарочно выстроенномъ. Дописался до того, что свѣчи мои въ фонаряхъ догорѣли, и уже часовой, на носу парохода, видитъ Севастопольскій маякъ. Мы близко флота и уже въ виду порта; по склянкѣ прозвенѣло два часа пополуночи.

44.

Севастополь, 10-е Сентября 1837 г.

Вскорѣ по заключеніи письма моего на пароходѣ «Громоносецъ», мы вошли въ Севастопольскую гавань и стали на якорь. Было темно

еще, только что ударило на склянкѣ (морской терминъ) три часа; всѣ спали на пароходѣ изъ нашей компаніи, кромѣ меня, и я прилегъ не раздѣваясь и проспалъ до семи. Князь Долгорукій разбудилъ меня и Ливена. Мы напились кофе съ нашими Австрійцами и на катерѣ переѣхали въ городъ. Севастополь небольшой городокъ, весь изъ небольшихъ каменныхъ домовъ и выбѣленныхъ мазанокъ, расположенныхъ въ нѣсколько ярусовъ по скату берега. Видъ съ гавани на городъ, при солнечномъ освѣщеніи, прелестный. Говорятъ, это Неаполь въ маломъ видѣ. Южное солнце освѣтило намъ чудную картину. Гавань Севастополя, по словамъ моряковъ, послѣ Мальты, единственная въ мірѣ. Флоты всѣхъ государствъ Европы могутъ помѣститься въ гавани, защищенной отъ всѣхъ вѣтровъ, съ удобствомъ выходить безпрепятственно каждую ночь на парусахъ въ открытое море; свѣжій вѣтеръ каждую ночь дуетъ съ берега, что̀ и я испыталъ сегодня. Государь въ послѣднее время обратилъ большое вниманіе на Севастополь, какъ портъ военный. Тутъ два года какъ начались гигантскія работы; двѣ дивизіи солдатъ употребляются для того, и уже цѣлыя горы не существуютъ тамъ, гдѣ за два года онѣ высились какъ недоступныя вѣковыя скалы. Я еще не успѣлъ лично видѣть эти работы, предпринятыя съ цѣлью построенія верьфи корабельной и укрѣпленія мѣстности, чтобы сдѣлать ее вторымъ Гибралтаромъ. Морскіе чины (тутъ только и видишь моряковъ—это военный, а не купеческій портъ) и жены ихъ съ маленькими дѣтками расшевелились въ Севастополѣ. Нашъ пароходъ сначала былъ принятъ за Императорскій, а теперь опять fausse alarme: пароходъ графа Воронцова, на коемъ онъ пріѣхалъ съ графомъ Витте, снова взбудоражилъ всѣхъ; всѣ повалили къ гавани, и я туда же на встрѣчу. Узнавъ ошибку, и то, что еще не прежде часу или двухъ причалитъ пароходъ «Сѣверная Звѣзда», я возвратился къ себѣ, чтобы снова бесѣдовать съ тобой. Нельзя намъ было лучше имѣть погоды для плаванія по Черному морю; нашъ пароходъ прошелъ 160 Итальянскихъ миль (280 нашихъ верстъ) въ 27 часовъ или отъ 6-ти до 8-ми узловъ; а «Сѣверная Звѣзда» еще скорѣе ходитъ, т.-е. отъ 9-ти до 10-ти узловъ и была бы уже здѣсь, еслибы Государь не вздумалъ на пути заставить маневрировать Черноморскій флотъ, вышедшій въ море, на встрѣчу Его Величеству. У насъ никто даже и малѣйшей не чувствовалъ дурноты отъ качки, да ея почти и не было; полагаю тоже благополучіе и съ пассажирами «Сѣверной Звѣзды». Я въ первый разъ въ жизни такое дальнее морское путешествіе совершилъ. Море безбрежное есть величественная картина—тутъ и воображеніе человѣка уходитъ далеко... Днемъ и ночью я любовался моремъ; восхожденія луны около девяти часовъ вечера,

вчера мною видѣннаго, я никогда не забуду. Пальба изъ пушекъ началась. «Сѣверная Звѣзда» приближается; иду на встрѣчу. Ихъ Величества, прибывъ въ портъ, остались обѣдать на пароходѣ (узнавъ объ этомъ, и мы отправились за общую трапезу; намъ подали здѣшнихъ устрицъ, только что съ моря—удивительно хороши, но слишкомъ малы); откушавъ, тотчасъ вышли на берегъ и, заѣхавъ на минуту въ свою квартиру, отправились въ Георгіевскій монастырь, лежащій на берегу моря, въ 12-ти верстахъ отъ Севастополя. Небольшая свита сопутствовала имъ, Великому Князю и принцу Іоанну. Старый Греческій митрополитъ Агаѳангелъ встрѣтилъ Ихъ Величествъ въ церкви, и потомъ просилъ посѣтить его келью, гдѣ столъ былъ уставленъ мѣстными плодами, мѣстнымъ виномъ и вещами древности, найденными въ окрестностяхъ. Государь принялъ въ подарокъ послѣднее для «Эрмитажа», прикушавъ того и другаго, также Государыня съ Ихъ Высочествами, и полюбовавшись на мѣстность, необыкновенную для глазъ нашихъ по величественной дикости: церковь и кельи въ скалѣ вертикальной, которыя внизу имѣютъ неизмѣримую глубину моря, а съ боку—другую скалу, такъ укрывающую обитель, что пока не войдешь въ нее, то и не видишь.

45.

Симферополь, 14-го Сентября 1837 г.

Получилъ 12-го Сентября письмо отъ маменьки, въ которомъ извѣщаетъ меня о благополучномъ твоемъ разрѣшеніи, и что Богъ благословилъ насъ сыномъ Николаемъ. Отслуживъ молебенъ, я сообщилъ Великому Князю радость мою; онъ обнималъ меня искренно, поздравляя меня съ моею радостью. Великій Князь немедленно объявилъ о томъ Государю. Его Величество также радушно поздравлялъ меня съ благополучнымъ твоимъ разрѣшеніемъ и съ сыномъ. Это было при выѣздѣ нашемъ изъ Севастополя въ Бахчисарай (куда Императрица съ Великой Княжной Маріею Николаевною отправились еще наканунѣ). Въ Бахчисарай мы пріѣхали къ обѣду; тутъ я приглашенъ былъ къ столу Ихъ Величествъ, за которымъ добрый мой Великій Князь съ бокаломъ Шампанскаго поздравилъ меня, выпивъ за здоровье твое и новорожденнаго нашего Николая. Великая Княжна Марья Николаевна подражала ему, а за нею Государь и Императрица и всѣ находившіеся за столомъ (насъ было 14 человѣкъ). На вечерѣ у Императрицы, Ея Величество еще разъ поздравляла меня, давъ мнѣ поцѣловать свою ручку. Она распрашивала меня, какъ и когда получилъ я сію вѣсть, когда ты разрѣшилась и кто ухаживаетъ за тобою

теперь. Великая Княжна Марія Николаевна съ удовольствіемъ согласилась быть крестною матерью нашего сына, и лично мнѣ сказала то. Въ Симферополь мы пріѣхали сегодня въ 5 часовъ пополудни, завтра отправляемся на южный берегъ, въ Алупку, въ имѣніе графа Воронцова и въ другія мѣста береговыя, гдѣ будемъ странствовать, то верхомъ, то въ каріолкахъ, по 20-е число. Главная квартира наша въ Симферополѣ.

Наши высокіе Путешественники, слава Богу, благополучно и пріятно провели время въ Севастополѣ и въ Бахчисараѣ; отъ перваго Государь, а отъ послѣдняго Императрица были въ восхищеніи. Бахчисарай—восточный рай.

46.

Оріанда, близъ Ялты, 17 Сентября 1837.

Не соберусь съ духомъ и не могу собраться съ временемъ описывать тебѣ наше путешествіе, или лучше сказать, торжественное шествіе Ихъ Величествъ по живописному, роскошному, прелестному, чудному по разнообразной природѣ своей, южному берегу Крыма. Я говорю торжественное шествіе, ибо дѣйствительно путешествіе это ничто иное, какъ препріятное катанье въ прелестнѣйшемъ паркѣ, въ которомъ природа сдѣлала все, чтобы восхищать и поражать величествомъ своимъ человѣка-наблюдателя (и даже простаго путешественника-зѣвателя). Мы катаемся по этому парку, то въ легкихъ экипажахъ (фаэтоны, кабріолеты, линейки), то верхомъ; вчера и сегодня не садились вовсе въ экипажи, всѣ, начиная съ Государыни Императрицы и великой княгини Маріи Николаевны. Государь и мой Великій Князь почти отъ Симферополя не сходятъ съ лошадей. Наше общество состоитъ изъ фрейлинъ: графиня Тизенгаузенъ и Моденъ, Ю. Ѳ. Баранова (одна, которая не ѣздитъ верхомъ), князь П. М. Волконскій, князь В. В. Долгорукій, графы Орловъ, В. Ѳ. Адлербергъ, А. А. Кавелинъ, полковникъ Раухъ, лейбъ-медикъ Маркусъ, флигель-адъютантъ Львовъ и я. Эрцъ-герцогъ Австрійскій еще въ Бахчисараѣ, поѣхавъ особо по Крыму съ своею свитою.

Графъ Воронцовъ, здѣшній и главный начальникъ края и главный помѣщикъ южнаго Крыма, какъ хозяинъ, провожаетъ повсюду Ихъ Величествъ, и какъ чичероне ѣдетъ впереди; а въ хвостѣ безконечная вереница Татаръ, конвойныхъ Балаклавцевъ, коноводовъ и проч., что̀ иногда по извилистой дорогѣ на покатости горы дѣлаетъ прелестную, движущуюся картину. Здѣсь иначе не ѣздятъ какъ на

маленькихъ Татарскихъ лошадяхъ, привычныхъ ходить по самымъ каменистымъ горамъ.

Ихъ Величества въ восхищеніи отъ южнаго Крыма. Время также тому много способствуетъ; вообще, съ 13-го числа погода стоитъ прекрасная (12-го числа былъ дождь и холодъ такой, что въ Бахчисараѣ, въ роскошныхъ чертогахъ, возобновленныхъ со всѣми причудами Востока, жилищѣ Крымскихъ хановъ, мы едва могли согрѣться подъ всѣми нашими шинелями, въ особенности мы: Великій Князь, Кавелинъ и я, помѣщенные въ гаремѣ); мы чувствовали холодъ только на самой вышинѣ дороги, въ проѣздъ нашъ къ южному берегу чрезъ хребетъ горъ Яйла-дагъ, у подножія Чатыръ-дага (Гора-Шатеръ), и потомъ чѣмъ болѣе спускались съ хребта, тѣмъ становилось теплѣе и теплѣе; такъ что въ одинъ и тотъ же день мы были въ трехъ различныхъ климатахъ: въ Симферополѣ, на хребтѣ горъ и въ долинѣ Алуштѣ на южномъ берегу; т.-е. въ умѣренномъ, холодномъ и жаркомъ. Это было 15-го Сентября, и съ того дня мы пользовались вторымъ лѣтомъ: мы точно въ Іюлѣ по нашему климату; такой же жаръ, пекущій въ полдень, тѣже ночи теплыя, какія впрочемъ и въ Іюлѣ у насъ рѣдки, какъ вчерашняя (въ 9-ть часовъ вечера Императрица прогуливалась по саду безъ манто, да въ немъ и надобности не было).

Государь не можетъ надивиться и довольно нарадоваться перемѣнѣ происшедшей съ Крымомъ, со времени его путешествія въ 1816 году. По словамъ Государя, тогда не иначе можно было ѣздить, какъ только верхомъ на привычныхъ лошадяхъ и нерѣдко съ опасностью чрезъ горы; тогда на южномъ берегу былъ всего одинъ домъ, и тотъ въ развалинахъ, недостроенный, принадлежавшій дюку Ришелье, и одна избушка генерала Бороздина; теперь Его Величество отъ Симферополя чрезъ хребетъ горъ проѣхалъ по прекрасному шоссе, которое проведено по всему южному берегу и скоро доведено будетъ до Севастополя; такъ что въ Крыму, по горамъ, наши экипажи ѣдутъ какъ по степнымъ дорогамъ. Теперь на южномъ берегу такъ много поселилось, такъ много прекрасныхъ дачъ съ прекрасными домиками, что цѣнность земли за десятину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошла до 4 и 5 тысячъ рублей и что самая неблагонадежная къ удобренію земля, и та продается не менѣе 600 и тысячи рублей. Тогда кой-гдѣ только у Татаръ видны были необдѣланные виноградники; теперь по всему Крыму по долинамъ вездѣ виноградники, а южный берегъ весь засаженъ виноградными лозами и производитъ вина на милліоны рублей.

И все это дѣло съ небольшимъ десяти лѣтъ; съ 25-го года Крымъ началъ перерождаться. Что̀ будетъ изъ Крыма со временемъ? Не толь-

ко сердце Царя-хозяина, но простой путешественникъ не можетъ довольно восхищаться тѣмъ, что кромѣ природы есть тутъ полюбоваться и трудомъ человѣка. Крымъ скоро заставитъ забыть, что есть Шампань и Бордо. Разводя виноградъ, многіе владѣльцы строятъ здѣсь огромные погреба для храненія вина; видно, что его много.

Обращаюсь къ путешествію нашему изъ Симферополя на южный берегъ (о пребываніи въ Бахчисараѣ буду писать особо: оно стóитъ описанія подробнаго). 15-го числа, какъ я сказалъ уже, мы, вышепоименованное общество, поутру въ девятомъ часу выѣхали изъ Симферополя: Ихъ Величества съ Великимъ Княземъ и Великой Княжной въ фаэтонѣ, а прочіе кто въ колясочкахъ, кто на линейкахъ (я съ Кавелинымъ въ тарантасѣ). Проѣхавъ долину Салгира, мы начали подниматься на горы и у Чатыръ-Дага были на самомъ высокомъ пунктѣ дороги (тутъ поставлена каменная пирамида). Чатыръ-Дагъ имѣетъ высоты надъ поверхностью моря до 600 саженъ. Долина Салгира есть самая обработанная часть Крыма, исключая южнаго берега; тутъ хорошіе помѣщичьи дома (Перовскаго лучшій), прекрасные виды и много древнихъ развалинъ, по сказанію историковъ отъ временъ Генуэзскаго владѣнія Крымомъ. Но чѣмъ больше поднимались мы въ горы, тѣмъ виды становились величественнѣе, зелень гуще по долинамъ, и наконецъ представился глазамъ нашимъ дикій, угрюмый, скалистый Чатыръ-Дагъ, котораго голая вершина прорѣзывала несущіяся по вѣтру облака. Я въ первый разъ еще видѣлъ такую картину: она поразительна (Чатыръ-Дагъ заставилъ меня не удивляться больше Уралу, на который мы такъ съ трудомъ взбирались, и которому мы въ свое время такъ удивлялись). Мы, проѣзжая чрезъ подошву Чатыръ-Дага, чувствовали большую перемѣну въ температурѣ (три дня тому назадъ, компанія путешественниковъ, проѣзжая черезъ горы Яйла-дагъ, нашла человѣка въ снѣгу замерзшаго); холодъ проникалъ насъ порядочно; но это было непродолжительно. Перевалившись черезъ горы намъ представилась другая величественная картина—море; оно казалось передъ нами, а поѣхать къ нему, т. е. спускаться нужно было около двадцати верстъ. Долина Алушты тоже богата разнообразными видами; но виды больше дикіе, и только внизу, у самого селенія Алушты, зеленѣлись виноградники. Передъ Алуштой послѣднюю станцію Государь съ Великимъ Княземъ, графъ Орловъ, графъ Воронцовъ и я ѣхали верхами, и намъ первымъ представился прелестный отдаленный видъ по лѣвой сторонѣ цѣпи Крымскихъ горъ и отдѣльной горы Судака, какъ бы посреди моря лежащаго. Этой картины также нельзя забыть.

Въ Алуштѣ мы обѣдали на берегу моря, въ домѣ нарочно выстроенномъ для путешественниковъ (домъ небольшой и дурно мебли-

рованный). Селеніе Алушта, кромѣ нѣсколькихъ недавно выстроенныхъ каменныхъ домовъ, поселившихся тамъ винодѣлателей, состоитъ изъ Татарскихъ избъ, которыя съ высоты вовсе не видны. Татары, можно сказать, вообще живутъ въ землѣ, по покатости горъ; только снизу, когда взглянешь, то можно замѣтить крыши деревянныя покрытыя землею, поддерживаемыя деревянными столбами. У избъ этихъ одна только наружная стѣна изъ камня съ однимъ отверстіемъ; оконъ не видать. Въ Алуштѣ обѣдалъ въ нашемъ обществѣ сторожилъ южнаго Крыма генералъ (отставной) Бороздинъ. Государь вспоминалъ въ разговорѣ съ нимъ о всѣхъ лицахъ, бывшихъ въ 1816 году съ Его Величествомъ въ Алуштѣ, и увы! насчиталъ изъ двадцати персонъ едва шестерыхъ на сценѣ этого міра. Изъ Алушты мы отправились въ экипажахъ въ Артекъ: дача принадлежащая Потемкинымъ (Гостилицкимъ). Хозяйка Татьяна Борисовна (которую Государь въ шуткахъ называетъ митрополитомъ); тутъ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Не доѣзжая трехъ верстъ до Артека, лежащаго у подножія горы Аю-дага (Гора-Медвѣдь), у самого берега моря, Императрица, Государь и вся свита сѣли верхомъ и съ большой дороги начали спускаться паркомъ къ дому. Паркъ прелестный, хотя еще недавно какъ начали воздѣлывать его; небольшой, уютный и прекрасно меблированный домъ; видъ изъ него въ правую сторону восхитительный; съ лѣвой стороны страшный Аю-дагъ, кажется, грозитъ задавить домъ и прилежащія строенія своею дикою громадою; высота Аю-дага надъ моремъ до 300 саженъ. Хозяинъ и хозяйка встрѣтили Ихъ Величества, окруженные своими родными, и пріѣзжали къ нимъ при спускѣ съ горы. Пріѣхавъ въ шестомъ часу, Ихъ Величества успѣли еще до вечера полюбоваться видами, погулять по терассѣ и по саду. Въ 9 часовъ вся компанія собралась къ ужину; хозяева радушно угощали своихъ высокихъ гостей богатымъ ужиномъ, богато украшеннымъ цвѣтами, отличными фруктами и нѣсколькими сортами винограда. Великій Князь мой имѣлъ для себя комнату возлѣ Государевой во второмъ этажѣ; мнѣ въ ней досталась роскошная, широкая постель. Я давно не имѣлъ такого роскошнаго ложа; я отвыкъ въ дорогѣ отъ кроватей, и потому долго не могъ заснуть. Квартира же для меня была назначена въ другомъ домѣ: въ одномъ съ Кавелинымъ и Львовымъ. Кавелинъ вздумалъ поподчивать насъ своимъ чаемъ, отъ котораго я и Львовъ не могли быть за ужиномъ. Чай этотъ имѣлъ для насъ непріятныя послѣдствія; мы долго не могли узнать причину, и на другое утро хозяинъ разсказалъ намъ, что онъ, желая угодить вкусу Кавелина, принесъ для него особеннаго чаю, самого простаго, какой только могъ найти. Поплатившись за этотъ чай, я и Львовъ дали слово болѣе не принимать приглашеній къ чаю отъ Ка-

велина. Разсказываю это потому, что отсутствіе наше за ужиномъ было замѣчено, и мы должны были разсказывать во услышаніе исторію Кавелинскаго чая, надъ чѣмъ много смѣялись. Докторъ Маркусъ былъ нескромный разскащикъ.

На другое утро, въ десять часовъ, наша странствующая компанія тронулась съ ночлега въ путь дальнѣйшій также верхомъ по берегу моря, по направленію въ Масандру, дачу графа Воронцова, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ и ночлегъ. Не выѣзжая изъ Артека (по-гречески: Утѣшеніе Сердечное), мы въ бесѣдкѣ останавливались пить шеколадъ и, проѣхавъ около 4-хъ верстъ шагомъ, по крутизнамъ горъ, заѣхали въ Юрсуфъ, дачу Фундуклея, принадлежавшую нѣкогда дюку Ришелье (это первое поселеніе на этой части южнаго берега). Тутъ былъ приготовленъ déjeuner dînatoire, которымъ однакожъ не вполнѣ мы воспользовались по раннему времени. Племянница хозяина, княгиня Голицына, жена адъютанта графа Воронцова, была хозяйкою. По дорогѣ, проѣхали мимо дачи князя Голицына, женатаго на Суворовой (матери флигель-адъютанта), которые выходили на встрѣчу Ихъ Величествъ; съ ними была m-me Башмакова, дочь этой Голицыной отъ Суворова. Кстати, о m-me Башмаковой; здѣсь безпрестанно и вездѣ ее видишь. Она встрѣчала Ихъ Величествъ и въ Бахчисараѣ, и въ Алуштѣ; она была и въ Артекѣ вчера; она, какъ dame du pays, вездѣ здѣсь дома. Ай-Даниль, богатѣйшій и первый разсадникъ винограда всѣхъ возможныхъ сортовъ, восхищалъ наши глаза своими разноцвѣтными кистями на стебляхъ по дорогѣ. Тутъ, у большаго каменнаго погреба, хозяинъ этого мѣста, графъ Воронцовъ, просилъ Государя попробовать виноизделія Айданильскаго; на большомъ столѣ разложено было болѣе 30-ти сортовъ разноцвѣтнаго винограда, и почти столько же было поставлено бутылокъ разнаго вина. Государь попробовалъ мускатнаго вина, я также спросилъ рюмку, и въ жаръ это былъ лучше нектара для меня. Вина Айданильскія лучшія въ Крыму. Въ Масандру пріѣхали мы въ три часа, обѣдали въ четыре; обѣдъ былъ простой, но отлично приготовленный. Въ Масандрѣ домъ у графа Воронцова небольшой, для пріѣзда только; въ немъ помѣщались Государь съ Императрицей и Великой Княжной, а мой Великій Князь со мною въ домѣ священника. Неподалеку домика нашего, небольшая, въ видѣ храма Греческаго, церковь съ прекраснымъ внутри иконостасомъ, окружена четырьмя огромнѣйшими, какія видѣлъ я доселѣ, деревьями: два дуба и два орѣховыхъ дерева; дубъ аршина въ полтора въ діаметрѣ, а орѣховое дерево еще толще, его едва обхватятъ четыре человѣка (такъ называемые Волотскіе орѣхи на этомъ деревѣ

могутъ прокормить нѣсколько Татарскихъ семействъ въ продолженіи года). Видъ изъ нашего домика, на балконѣ котораго мы пили кофе съ Великимъ Княземъ сегодня поутру, великолѣпный, обширный во всѣ стороны: въ право, внизу, какъ на ладони, мѣстечко Ялта, въ бухтѣ моря, далеко вдающейся въ берегъ; въ гавани стоятъ четыре парохода и нѣсколько военныхъ судовъ. Масандра, одно изъ красивѣйшихъ мѣстоположеній на берегу, Государю чрезвычайно понравилась обширными видами; она какъ будто по срединѣ огромнѣйшей долины, съ обѣихъ сторонъ прикрытой высокими скалами, покрытыми въ этой сторонѣ сосновымъ лѣсомъ и можжевеловыми деревьями, такой же величины, какъ сосны. Она расположена на скалѣ между моремъ и хребтомъ цѣпи горъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ облаками. Здѣсь чрезвычайно обманывается глазъ: видишь предметъ какъ будто кажется близко, версты двѣ не больше, а доѣхать по извилинамъ надобно нѣсколько часовъ употребить времени. Когда мы спустились въ долину Ялты и были у гавани, я спросилъ, какъ далеко до вершины хребта? Болѣе 15-ти верстъ, отвѣчали мнѣ; нужно, по крайней мѣрѣ, четыре или пять часовъ, чтобы взобраться на Татарскихъ лошадяхъ, а пѣшкомъ въ полтора раза больше. Изъ Масандры караванъ нашъ отправился въ одиннадцать часовъ и также верхомъ чрезъ Ялту, въ Оріанду; до Ялты только 5 верстъ отъ Масандры, а отъ Ялты до Царской Оріанды 6-ть, да оттоль до Оріанды графа Витта версты двѣ; тутъ назначенъ ночлегъ нашъ. Вчера мы проѣхали верхомъ отъ Артека до Масандры 13 верстъ. Завтра до Алупки придется сдѣлать намъ только 9-ть верстъ; до Алупки, цѣли нашего путешествія, вѣнца южнаго Крыма, главнаго имѣнія въ Крыму графа Воронцова, перла красоты южной природы, въ которую, какъ говорятъ, нѣсколько милліоновъ вложено владѣльцемъ, гдѣ все, что̀ только вкусъ, соединенный съ богатствомъ, могли сдѣлать въ соединеніи съ роскошнѣйшею природою, все сдѣлано, какъ говорятъ, или додѣлывается; тысяча работниковъ не жалѣютъ труда уже нѣсколько лѣтъ, чтобы угодить причудамъ богатѣйшаго Русскаго барина, графа Михаила Семеновича Воронцова *). Въ Алупкѣ главная наша квартира; тамъ Императрица останется по 1-е Октября, выключая небольшія экскурсіи; туда съѣзжаются всѣ странствующіе теперь по разнымъ направленіямъ Крыма: и эрцъ-герцогъ Іоаннъ съ своею свитою, и принцъ Прусскій Адальбертъ, и

*) На Алупку пошли милліоны, унаслѣдованные тещею князя М. С. Воронцова графинею Браницкою отъ ея дяди князя Потемкина и пріумноженные ея долголѣтнимъ скопидомствомъ. П. Б.

графъ Фикельмонъ, и графъ Несельроде, и Великая Княгиня Елена Павловна, которая нѣсколько дней уже живетъ въ Мисхорѣ, на дачѣ А. А. Нарышкина (Одесскаго), неподалеку Алупки.

Ялта—мѣстечко, въ которомъ нѣсколько уже каменныхъ домовъ, два трактира и таможенный домъ, примѣчательнѣйшіе у самой пристани. Мы заѣзжали въ церковь, премилой готической артитектуры, только вчера для пріѣзда освященную; отслужили молебствіе. Въ таможенномъ домѣ графиня Воронцова угощала насъ завтракомъ; макароны, приготовленные по-итальянски, понравились Государю. Государь повелѣлъ возвести Ялту въ достоинство города и указалъ планъ для строенія и улицъ; приказалъ увеличить мѣсто для гавани. Ялтская долина—прелесть, перлъ всего южнаго берега, близъ моря, принадлежитъ большею частью графу Н. С. Мордвинову. Но тутъ нашли мы вновь отстроивающійся домикъ съ знакомыми Петербургскими лицами—это семейство Петербургскаго, а теперь Одесскаго, откупщика Исленьева. Онъ, три дочки его дѣвы и жена стояли у ограды дома; Ихъ Величества удостоили ихъ разговора. По дорогѣ изъ Ялты въ Оріанду останавливались также у вновь строющагося дома графа Леона Потоцкаго въ Ливадіи: граница Оріанды, такъ называемой Казенной. Государь останавливается, подъѣзжаетъ Императрица. Его Величество обращается къ Государынѣ съ сими словами: «Честь имѣю поздравить Ваше Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ въ ваше имѣніе». Императрица была тронута симъ пріятнымъ для нея сюрпризомъ; говорятъ, у нея слезы видны были на глазахъ (я стоялъ сзади, слѣдовательно самъ не видалъ). Съ симъ вмѣстѣ Государь обращается къ князю П. М. Волконскому съ вопросомъ: «Сколько отпускается на содержаніе Оріанды?» Десять тысячъ. «Извольте увиличить сумму въ четверо». Князь Петръ Волконскій, выслушавъ сію волю Государя, ускакалъ далеко впередъ, боясь, чтобъ не было еще бо̀льшихъ, подобныхъ приказаній. Онъ въ этомъ случаѣ выдержалъ свой характеръ. Государь много шутилъ на сей предметъ надъ скупымъ княземъ.

Оріанда—мѣсто, избранное покойнымъ императоромъ Александромъ, во время путешествія его по Крыму въ 1825 году, для предполагаемаго имъ уединенія и отдохновенія отъ царственныхъ трудовъ, которыми онъ былъ утомленъ въ послѣдніе годы жизни своей. Оріанда—поистинѣ царское мѣсто: это чудное, необычайно разнообразное по природѣ мѣсто; тутъ природа соединила грозную угрюмость съ самою миловидною улыбкою; дикія, чудовищныя скалы и прелестнѣйшіе холмы и поляны на разныхъ высотахъ отъ моря. Тутъ

растительная сила необыкновенно роскошна; всѣ южныя растенія, всѣ деревья въ Оріандѣ и толще, и больше, и вѣтвистѣе. Я не говорю объ огромныхъ дубахъ, орѣховыхъ и другихъ здѣсь обыкновенныхъ деревьяхъ; но я видѣлъ виноградъ самъ собою растущій, котораго стволъ въ двѣ руки толщиною; я видѣлъ фиговое дерево выше и толще Царскосельскихъ липъ, что у Большаго дворца. Тутъ множество каскадовъ: одинъ въ гротѣ, опушенный кругомъ плющемъ—роскошь; пещера подъ скалою—страхъ. Оріанда восхитила Императрицу, и Государь находитъ ее прелестною; только по видамъ обширнѣйшимъ Его Величество предпочитаетъ Масандру графа Воронцова. Долго, очень долго мы ѣздили по парку Оріанды; осматривали мѣсто, гдѣ покойный Императоръ предполагалъ строить домъ, но Ихъ Величества избрали другое мѣсто для постройки новаго дворца съ обширнѣйшимъ противу того видомъ на долину Ялтскую. Въ Оріандѣ есть небольшой домъ занимаемый садовникомъ; мы заѣзжали въ него и, будучи во второмъ этажѣ на балконѣ, сами срывали для себя кисти превкуснаго винограда: краснаго, бѣлаго, чернаго муската разныхъ вкусовъ. Виноградъ впрочемъ здѣсь не рѣдкость, его десятки сортовъ подаютъ намъ вездѣ и за завтракомъ, и за обѣдомъ; рѣдкій какой-нибудь виноградъ, по здѣшнему, подается съ надписью его названія. Я затвердилъ только одно названіе Изабелла, всѣми почитаемый за самый лучшій по вкусу и запаху; въ немъ запахъ ананаса, вкусъ земляники, цвѣтъ масака; его, кажется, нельзя ѣсть какъ другой виноградъ: онъ какъ масло таетъ. Въ первыя его подавали у Фудуклея въ Юрсуфѣ.

За Оріандой Царской—графа Витте; у него порядочный домъ, который онъ отдѣлалъ для пріема прекрасно, и настроилъ столько, что почти вся свита помѣщается въ его Оріандѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, размѣщенныхъ по строеніямъ Царской Оріанды. Оріанда Витта почти у вершины хребта горъ. За то и климатъ тутъ холоднѣе весьма замѣтно, и вѣтеръ сильнѣе подуваетъ. Въ три часа мы пріѣхали на ночлегъ нашъ; въ пять съ половиною обѣдали роскошно (сестра графа Витта, Ольга Нарышкина, a fait les honneurs de la maison. Графиня Потоцкая (Бобо) тутъ гоститъ съ мужемъ. Леонъ Потоцкій, propriétaire de Livadie, тутъ также въ гостяхъ. Графиня Шуазель, племянница графа Воронцова *) была на вечерѣ).

---

*) Отецъ графини Варвары Григорьевны Шуазель, князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, приходился двоюроднымъ братомъ княгинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Воронцовой. П. Б.

Фаянсъ, хрусталь изъ Англіи; устрицы только что изъ воды, тутъ же у подножія ловятся; прислуга щегольская, конфекты изъ Петербурга. Графъ Виттъ умѣетъ угостить; у него на все свои выдумки, вездѣ какой-нибудь сюрпризъ: музыка куда не обернешься, пушечная пальба съ превысокихъ скалъ; наконецъ, вечеромъ цѣлыя, ужасныя громады скалъ иллюминованы были самымъ причудливымъ образомъ разноцвѣтными шкаликами; на огромномъ протяженіи, на вершинѣ горъ поставлены были горящія смоляныя бочки; букеты ракетъ то съ той, то съ другой стороны вылетали съ трескомъ въ продолженіи цѣлаго вечера и, наконецъ, фейерверкъ en forme подъ самыми окнами. Довольно сегодня; что-то придется завтра говорить объ Алупкѣ? Тамъ, говорятъ, все грандіозно. Мнѣ хочется сообщить тебѣ о всѣхъ нашихъ праздникахъ.... Я записался такъ, что не замѣтилъ, что три часа ночи пробило. Пишу у постели моего Великаго Князя. Онъ спокойно спитъ.

47.

Алупка, 19-го Сентября 1837 г.

Спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ о послѣдовавшихъ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ нашемъ пути.

1) Государю вдругъ вздумалось взять сегодня съ собою на пароходъ Великаго Князя нашего, чтобы показать ему войска въ Геленчикѣ, куда они прямо сегодня послѣ обѣда отправляются; 2) потомъ завезетъ онъ Великаго Князя въ Анапу и оттоль къ Черноморскимъ казакамъ въ Екатеринодаръ; 3) обратно доставитъ его въ Керчь 25-го числа.

Отъ этого мы выѣзжаемъ изъ Крыма позже 5-го или 6-го, т.-е. изъ Симферополя отправляемся 28-го числа; но за то изъ маршрута выбрасываемъ: Херсонъ, Елисаветградъ, Умань, Бѣлую Церковь, чтобы поспѣть въ Новочеркаскъ все-таки къ своему времени и не позже 19-го Октября (Полтаву также изъ маршрута долой, кажется). На пароходѣ мѣста мало, коляску Великаго Князя берутъ одну съ собой, и потому меня отсылаютъ въ Керчь дожидаться тамъ пріѣзда Великаго Князя изъ Екатеринодара. Я ѣду туда съ Енохинымъ, а свита наша отпущена гулять въ это время по Крыму *).

---

*) По разсказамъ достовѣрныхъ лицъ, жизнь въ Алупкѣ внезапно омрачилась гнѣвомъ Государя по поводу встрѣченныхъ имъ во время прогулки въ неприбранномъ видѣ

Въ Алупкѣ Императрица будетъ ожидать возвратнаго прибытія Великаго Князя изъ Екатеринодара чрезъ Тамань и Керчь. Я много надѣюсь, что Государь скорѣе окончить путь свой по Кавказу, слѣдовательно и насъ скорѣе привезетъ въ Москву, куда Императрица прибудетъ передъ нами. Время прелесть въ Алупкѣ; вчера илюминація превзошла все что̀ ожидать было можно вечеромъ отъ прелести мѣстоположенія и роскошнаго хозяина: паркъ чудо по тому капиталу, который употребленъ, чтобы роскошную природу передѣлать по своему. Дворецъ родъ Англійскихъ замковъ, весь изъ гранита и мрамора. Архитектура величественная, полувизантійская, полуготическая. Онъ отдѣланъ на скорую руку, и внутри только для пріема нѣсколько комнатъ готовы; столовая великолѣпіе. Но объ Алупкѣ послѣ. Я писалъ тебѣ объ обществѣ ожидаемомъ въ Алупкѣ. Вчера оно было собравшись, а сегодня все распростилось и отправилось кто куда. Эрцъгерцогъ и Прусскій принцъ въ Константинополь.

48.

Алупка, 20-го Сентября 1837.

Отправивъ вчера письмо мое къ тебѣ, я былъ позванъ къ обѣду. Добрые, милые хозяева угощали насъ, т.-е. свиту Ихъ Величествъ и Великаго Князя въ своей богатой столовой залѣ новаго дома (Ихъ Величества съ Великимъ Княземъ и Великой Княжной кушали сегодня одни у себя). Зала вышины необыкновенной съ хорами для музыкантовъ; потолокъ и стѣны украшены рѣзной работой изъ темнаго дерева коричневаго цвѣта въ старинномъ, готическомъ вкусѣ; окна по крайней мѣрѣ въ три сажени вышиною, почти во всю вышину двухъэтажной залы, съ выступами наружу; посрединѣ стѣны, противу оконъ надъ хорами, устроенъ изъ желтаго мрамора (du pays) каминъ, или видъ камина, въ которомъ вмѣсто огня струится изъ высѣченной головки лягавой собачки фонтанъ. Темно-пунсовыя у оконъ гардины, висячія просто сверху до низу, придаютъ этой прекрасной залѣ какой-то роскошный видъ и разливаютъ пріятный свѣтъ; эта зала наскоро отдѣлана, деревянная работа не получила еще окончательной

солдатъ. Разлилась желчь; Государь двое сутокъ не выходилъ изъ своихъ покоевъ къ общему столу; докторъ Праутъ опасался тяжкихъ послѣдствій для его здоровья. Но Государь любилъ правду и скоро согласился съ доводами начальствующихъ лицъ о невозможности строгой солдатской выправки въ странѣ южной. На Кавказѣ онъ уже не огорчался видомъ небрежно одѣтыхъ храбрецовъ своихъ. П. Б.

отработки. Гостиная комната, въ которую надобно проходить по открытой широкой галлереѣ изъ столовой, также еще не совершенно окончена въ отдѣлкѣ; стѣны и потолокъ лѣпной работы (изображающей восточные цвѣты) должны получить натуральный свой цвѣтъ, а fond (поле) долженъ быть вызолоченъ. Только мебель одна въ гостиной какая быть должна; она изъ орѣховаго дерева; подушки обиты матеріей, выписанной изъ Константинополя. Изъ парадныхъ комнатъ нижняго этажа этого прекраснаго дома только эти двѣ приготовлены къ пріѣзду Императрицы, кромѣ спальни и кабинета, также отдѣланныхъ на-скоро. Верхній этажъ также только временно приготовленъ для помѣщенія Великой Княжны и дамъ нашихъ. Домъ этотъ внутри и снаружи за десять дней до пріѣзда нашего былъ въ такомъ положеніи, по словамъ очевидцевъ, что вѣрить нельзя было, чтобы онъ раньше двухъ лѣтъ могъ быть приспособленъ къ жилью; такъ еще много оставалось сдѣлать, чтобы достойнымъ образомъ принять высокихъ гостей своихъ. Радушный хозяинъ не пожалѣлъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, и домъ сдѣлался пригоденъ; но его надобно видѣть черезъ два года: бронза и золото обольютъ къ тому времени сѣроватый гранитъ, изъ котораго построенъ весь этотъ чудесный Византійско-готической архитектуры домъ. Говорятъ, что онъ будетъ стоить до шести милліоновъ. Я люблю такихъ баръ: такая роскошь прилична Русскому вельможѣ. Жуковскій нашъ снялъ очеркъ его.

Вчера и сегодня мы обѣдали по-англійски: Государь желалъ, чтобы Англійскимъ обѣдомъ угощалъ его хозяинъ, находя, что архитектура дома припоминаетъ ему одинъ изъ Шотландскихъ зàмковъ, въ которомъ Его Величество былъ угощаемъ во время своего путешествія по Англіи.

Послѣ обѣда, въ шесть часовъ, Государь съ Великимъ Княземъ отправился въ Ялту, куда прибывъ ровно въ 8 часовъ, переѣхалъ на пароходъ «Сѣверная Звѣзда» и тотчасъ же приказалъ сняться съ якоря.

Я провожалъ моего Великаго Князя до пристани, тутъ простился съ нимъ и съ Государемъ, пожелавъ благополучнаго пути. Мнѣ очень грустно было разставаться съ Великимъ Княземъ, хоть это не на долго; мнѣ приказано 25-го числа быть въ Керчи, чтобы встрѣтить тамъ его, на возвратномъ пути изъ Екатеринодара, и провожать оттоль въ Алупку. Это время, т.-е. до 25-го числа, я думаю сдѣлать сентиментальное путешествіе à la Карамзинъ по южному остальному берегу Крыма съ товарищемъ моимъ И. В. Енохинымъ.

49.

Симферополь, 23-го Сентября 1837.

Вчера вечеромъ пріѣхалъ я съ товарищемъ моего сентиментальнаго путешествія въ Симферополь, на теплыя квартиры, послѣ весьма прохладной прогулки въ продолженіи двухъ дней верхомъ отъ Алупки до Бахчисарая, а отъ Бахчисарая до Симферополя въ почтовой телѣжкѣ и послѣ весьма, весьма студенаго ночлега въ Байдарской долинѣ. Въ Симферополѣ нашли мы К. И. Арсеньева, съ которымъ сегодня почти ровно мѣсяцъ какъ я разстался въ Вознесенскѣ, послѣ четырехмѣсячнаго неразлучнаго сотоварищества; мы весь вечеръ протолковали о томъ, о семъ, и уже поздно за полночь узналъ я отъ него, что сегодня почта отходитъ изъ Симферополя. Мое настоящее путешествіе весьма обезпечено на счетъ здравія; я ѣду съ лекаремъ и аптекаремъ, только ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о Латинской кухнѣ.

Мой лекарь товарищъ Енохинъ прописываетъ вмѣсто лѣкарствъ кушанья, а аптекарь-поваръ составляетъ весьма пріятныя лѣкарства по его рецептамъ для насъ обоихъ: хорошій супъ, яичница и жареная курица, вотъ что выходило изъ его аптеки. Горный воздухъ весьма хорошая приправа вмѣсто кореньевъ. Татарская бурка и Татарская шапка защищаютъ отъ горныхъ вѣтровъ; насъ нельзя отличить отъ Татаръ, ни по костюму, ни по лошадямъ: меня, Енохина, двухъ Донъ-Кишотовъ и нашихъ двухъ Санхо-Пансовъ: моего Ѳедора и его Чепуху. Сегодня отправляемся въ Судакъ, примѣчательную долину въ Крыму, оттуда въ Ѳеодосію, а оттуда 25-го числа въ Керчь.

50.

Керчь, 25-го Сентября 1837.

Спѣшу нѣсколько словъ сказать тебѣ изъ Керчи, куда вчера вечеромъ пріѣхалъ я поздно, и гдѣ нашелъ на рейдѣ въ гавани на пароходѣ Государя съ Великимъ Княземъ. Сію минуту Великій Князь сошелъ съ парохода, простившись съ Государемъ, чтобы, повидавшись съ Императрицей на южномъ берегу, отправиться по маршруту въ дальнѣйшій путь. Погода удержала Государя въ Геленчикѣ далѣе предположеннаго, почему уже Государь и перемѣнилъ намѣреніе свое ѣхать въ Екатеринодаръ съ Великимъ Княземъ. Онъ завезъ его въ Керчь, а самъ отправляется въ Грузію моремъ. Поѣздка въ Екатеринодаръ совершенно отказана. Я пріѣхалъ въ Керчь весьма кстати, думая

однакожъ, что пріѣду заблаговременно. Великій Князь мой, благодаря Бога, здоровъ, но много страдалъ на морѣ отъ качки. Слава Богу, что онъ теперь на сушѣ; слава Богу, что Государь отмѣнилъ поѣздку въ Екатеринодаръ: Великому Князю моему нуженъ отдыхъ; онъ у насъ будетъ покойнѣе нежели какъ съ Государемъ, не знающимъ ни малѣйшей усталости ни на морѣ, ни на сушѣ.

Теперь, кажется, больше не будетъ измѣненія нашему маршруту: послѣднія приказанія получены отъ Государя быть въ Новочеркаскѣ къ назначенному времени или даже скорѣе.

Погода въ Крыму съ 20-го числа сдѣлалась несносно холодна, даже и на южномъ берегу; это, я думаю, вывезетъ скорѣе отсюда Императрицу. P. S. Сію минуту пароходъ «Сѣверная Звѣзда» снялся съ якоря. Великій Князь и Государь смотрятъ другъ на друга и издали прощаются. Дай Богъ счастливый путь Государю; дай Богъ и намъ благополучно совершить странствованіе. Великій Князь въ слезахъ.

51.

Алупка, 26-го Сентября 1837 г.

Въ 10 часовъ утра вчера Великій Князь мой простился съ Государемъ и въ слезахъ стоялъ на пристани, пока наконецъ не могъ уже хорошо видѣть Государя на палубѣ отъѣзжавшаго парохода. Въ Керчи Государь провелъ около двухъ часовъ, былъ въ церкви, въ музеумѣ отрываемыхъ здѣсь въ курганахъ древностей (нѣкоторыя вещи Государь назначилъ отправить въ Эрмитажъ, гдѣ ихъ уже находится изрядная колекція) и въ благородномъ институтѣ для воспитанія дѣвицъ. По отъѣздѣ Государя (на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда», на восточный берегъ Чернаго моря, въ Редутъ-Кале, что̀ близко Поти, а оттуда по маршруту въ Тифлисъ и пр.) Великій Князь ѣздилъ обозрѣвать карантинъ Керчинскій; а оттоль неподалеку посмотрѣть на одинъ изъ разрытыхъ кургановъ (которыхъ въ окрестностяхъ Керчи множество), въ которомъ недавно найденъ удивительно сохранившійся мраморный гробъ съ богатыми украшеніями металическими, подъ каменнымъ, совершенно уцѣлѣвшимъ куполомъ, саженей въ шесть вышиною и саженей въ пять въ діаметрѣ. (Эти древности археологи полагаютъ уцѣлѣвшими отъ древней Пантикапеи и по надписямъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова). Возвратясь въ квартиру свою и отобѣдавъ, Великій Князь (насъ было за столомъ съ хозяиномъ дома градоначальникомъ Керчи княземъ Херхеулидзевымъ пя-

теро), выжидалъ только экипажа своего изъ Тамани, чтобы не медля отправиться чрезъ Симферополь и Ялту въ Алупку къ Императрицѣ. Въ шесть часовъ коляска была привезена на пароходѣ «Громоносецъ», и мы тотчасъ же готовы были отправиться въ путь болѣе 300 верстъ по дурной дорогѣ чрезъ степи (до Симферополя) и по трудной, хотя хорошей (отъ Симферополя до Алупки) по горамъ; но узнавъ, что пароходъ не имѣетъ никакого особеннаго назначенія, рѣшились воспользоваться имъ, сокращая симъ и дорогу, и время въ половину. Въ 7 часовъ мы уже снялись съ якоря и сегодня въ два часа ровно были въ бухтѣ Ялты, совершивъ путешествіе это по морю въ 20 часовъ, благодаря Бога благополучно и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ: попутный вѣтеръ и хорошая ясная погода способствовали къ тому. Прелестныя картины горныхъ береговъ южнаго Крыма отъ мыса Меюкомъ до долины Ялтской представлялись намъ во всей красѣ. Судакская долина и Алушта—лучшія мѣста этой части Крыма; Ѳеодосію мы проѣхали ночью. Съѣхавъ на берегъ въ Ялтѣ, мы потребовали верховыхъ лошадей. Великій Князь и я сѣли на первыхъ намъ попавшихся и во всю конскую прыть поскакали въ Алупку, чтобы сдѣлать сюрпризъ Императрицѣ, не ожидавшей такъ скоро видѣть Великаго Князя.

Съ небольшимъ въ три четверти часа мы проскакали 16 верстъ отъ Ялты до Алупки. (А. А. Кавелинъ ѣхалъ сзади въ тележкѣ). Великій Князь былъ первымъ вѣстникомъ Императрицѣ отъ Государя, извѣстившимъ о благополучномъ совершеніи Его Величествомъ пути въ Геленчикъ и Анапу, объ отмѣнѣ поѣздки въ Екатеринодаръ и объ отправленіи моремъ до Редутъ-Кале, а тамъ въ Грузію и далѣе. Слава Богу, погода доселѣ весьма благопріятствуетъ Государю, и есть надежда, что безъ противныхъ вѣтровъ Его Величество совершитъ и это плаваніе благополучно. Въ Алупкѣ мы нашли все общество собирающееся къ обѣду; кромѣ свиты нашей и хозяевъ я нашелъ тутъ княгиню Кочубей (проживающую въ Симеисѣ нѣсколько времени, неподалеку Алупки), Нарышкина съ женою, князя Голицына съ женою (бывшая Суворова) и съ m-me Башмаковой и еще графиней Апраксиной, родственницей Голицыныхъ, и графиню Шуазель. Императрица съ Великой Княжной и Великимъ Княземъ скоро вышли въ столовую залу.

52.

Алупка, 27-го Сентября 1837.

Завтра мы оставляемъ южный берегъ, чтобы остальной вояжъ нашъ начать до Новочеркаска. Какъ я радъ наконецъ, что мы остав-

ляемъ прелести южнаго берега. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, а домой пора, пора: уже довольно мы пошатались въ пресловутомъ Крыму; я и сухимъ путемъ закружился на немъ порядочно; нѣтъ мѣста, нѣтъ города, гдѣ бы я не былъ (кромѣ Козлова и Балаклавы), да и моремъ объѣхалъ весь Крымъ со всѣхъ сторонъ. Вся наша странствующая компанія собирается завтра въ Симферополѣ: Жуковскій съ одной стороны, Арсеньевъ съ другой; Назимовъ съ Адлербергомъ и Паткулемъ должны сегодня прибыть въ Ялту изъ Одессы (куда имѣли они позволеніе съѣздить на нѣсколько дней, не бывъ тамъ съ Великимъ Княземъ); Великій Князь съ А. А. Кавелинымъ, съ Енохинымъ и со мною изъ Алупки. Императрица оставляетъ южный берегъ 1-го Октября; за нею Великая Княгиня Елена Павловна не замедлитъ также оставить свой Мисхоръ (Нарышкина дача), гдѣ она лѣчилась виноградомъ. Вчера, третьяго дня и сегодня, погода здѣсь прекрасная; но передъ тѣмъ нѣсколько дней вѣтеръ такъ былъ силенъ, что и здѣсь было холодно, особенно мы это чувствовали (я съ Енохинымъ) во время странствованія нашего верхомъ по остальному южному берегу, по Байдарской долинѣ (чрезъ извѣстную лѣстницу Мердвень, всходя на вершину горъ Яйлы), къ тѣснинамъ Мангупъ-Кале, въ долину Бель-бекъ, долину Качи до Бахчисарая, отъ Бахчисарая до Симферополя въ телѣжкѣ, а отъ Симферополя чрезъ Өеодосію до Керчи въ коляскѣ. Въ Керчи мы со встрѣчею съ Великимъ Княземъ встрѣтились снова съ лучшею погодою, которою пользовались на пароходѣ при переѣздѣ въ Ялту. Сейчасъ возвратились изъ Оріанды, куда Императрица съ Великимъ Княземъ и Великой Княжной ѣздила верхомъ со всей своей и нашей свитой. Великая Княгиня Елена Павловна, въ первый разъ пріѣзжавшая въ Алупку, ѣхала до Мисхора съ Императрицей. Оріанда прелесть по природѣ своей, хотя Алупка превосходитъ ее трудомъ человѣческимъ, приспособленнымъ къ чудной природѣ. Графъ Виттъ—въ домѣ садовника Императрицыной Оріанды. Императрица окончательно назначила сегодня мѣсто для дворца; прелестное мѣсто, вся долины Ялты, Аю-дагъ (медвѣдь, пьющій воду изъ моря) составляютъ видъ изъ дома; домъ будетъ на скалѣ à pic, вышиною по крайней мѣрѣ сто саженъ надъ моремъ. Изъ Оріанды возвратились мы верхомъ въ Алупку. Около получаса времени до обѣда; пользуюсь симъ, чтобы написать письмо до отъѣзда фельдъегеря.

Сегодня здѣсь въ Алупкѣ опять чудная илюминація, какая была въ первый день пріѣзда; верхній садъ обворожителенъ съ своими каскадами, лужайками, пропастями (cratères), скалами, и все это освѣщено разноцвѣтными шкаликами, наполненными оливковымъ масломъ

изъ этого же сада. Къ завтраку здѣшнее общество готовитъ сюрпризъ для Императрицы: спектакль, какой-то новый Жокрисъ (на Французскомъ языкѣ) vaudeville съ танцами. Тутъ и князь Василій Васильевичъ Долгорукій (le gros) танцуетъ; я посмотрѣлъ съ минуту на репетицію. Посылаю тебѣ исправленный маршрутъ съ пріятною надеждою, что по всему видно мы скорѣе будемъ въ Новочеркаскѣ, а слѣдовательно и скорѣе въ Москвѣ.

53.

Симферополь, 28-е Сентября 1837 г.

Сегодня, въ десять часовъ утра, Великій Князь, получивъ напутственное благословеніе Императрицы, оставилъ Алупку и южный берегъ Крыма, начало нашего возвратнаго пути во свояси. Великій Князь мой и вся его компанія не нарадуются, что оставляемъ Крымъ со всѣми его красотами природы. Пора намъ всѣмъ по домамъ; довольно мы первый разъ постранствовали; пять мѣсяцевъ какъ мы ведемъ Цыганскую жизнь! Утѣшаюсь мыслію, что только три недѣли осталось до Москвы. Говорятъ, хорошо выѣзжать въ путь въ дождикъ; насъ препорядочный дождь провожалъ сегодня по всей дорогѣ южнаго берега, пока не спустились мы въ долину Алушты, откуда поворотъ черезъ горы въ Симферополь. Мы простились тутъ съ горами, которыхъ видъ былъ скрытъ отъ глазъ нашихъ густыми облаками. Облака сегодня такъ низко ходили по отлогостямъ горъ, что мы должны были проѣхать чрезъ ихъ влагу и даже быть выше ихъ, взбираясь къ подошвѣ Чатыръ-дага, по коей лежитъ самая высшая часть дороги (тутъ поставлена пирамида съ надписью, неподалеку отъ которой находится фонтанъ Кутузова-Смоленскаго—мѣсто, гдѣ онъ лишился глаза въ сраженіи съ Турками). Съ трудомъ, по грязной дорогѣ, взбирались мы на эту высоту; лошади коляски Великаго Князя и нашей линейки (отъ Алупки до Симферополя мы всѣ ѣхали въ Петергофской линейкѣ) часто останавливались; благодѣтельныя Татарскія бурки защищали насъ въ этотъ несносный переѣздъ 16-ти верстъ и отъ дождя въ долинахъ, и отъ влажности на горахъ. Но лишь только спустились мы въ Салгирскую долину, мы вдругъ попали въ другой климатъ: вмѣсто дождя насъ преслѣдовала пыль до самаго Симферополя. Въ Симферополь, мѣсто соединенія всей нашей свиты, бродившей около мѣсяца порознь, по всѣмъ концамъ Крыма, пріѣхали мы въ девять часовъ вечера и остановились на ночлегъ въ домѣ графа Воронцова, гдѣ и прежде останавливались, на берегу рѣки, или луч-

ше, ручья Салгира. Обѣдали въ станціонномъ домѣ, гдѣ угощалъ насъ старикъ Бороздинъ, старожилъ южнаго берега, болѣе 40 лѣтъ тамъ проживающій (Русская гречневая каша и Крымскій виноградъ, какъ представители парадные двухъ странъ, спорили за обѣдомъ о своемъ достоинствѣ предъ нами; мы всѣ приняли сторону Русской каши и безъ сожалѣнія оставляемъ превкусный виноградъ, разноцвѣтный Крымскій). Чай пить останавливались на станціи Таушанъ-Базаръ, по совершеніи труднаго переѣзда. Вотъ полный отчетъ о сегодняшнемъ днѣ и о прощаньѣ нашемъ съ южнымъ Крымомъ, богатымъ по природѣ, хотя еще большею частью дикой, съ его прекрасными, вѣчно зелеными садами Оріанды и Алупки, съ его неприступными скалами: Ай-Петри, Аю-Дагомъ, съ его безграничнымъ свѣтло-зеленымъ моремъ, съ его гостепріимными новыми обитателями (о Татарахъ безпечныхъ и говорить нечего). О Крымѣ мы конечно сохранимъ пріятное воспоминаніе; но у насъ всѣхъ теперь такое сильное желаніе поскорѣе разстаться съ нимъ, что никому еще и въ голову не приходитъ на мысль желаніе опять увидѣть его. Мы вступаемъ въ прежнюю колею, и вотъ по прежнему нѣсколько десятковъ прошеній предлинныхъ передъ глазами—это встрѣча въ Симферополѣ! Тоже ждетъ меня, таже забава и въ другихъ городахъ.

54.

Перекопъ, 29 Сентября 1837 г.

Вотъ мы уже на границѣ Крыма; въ Симферополѣ разстались съ горами, а въ Перекопѣ и съ степями Крымскими. Симферополь составляетъ точку раздѣленія Крыма на двѣ совершенно разнохарактерныхъ части: горную—заключающую въ себѣ весь Югъ, отъ Западныхъ береговъ до Сѣверо-восточныхъ, гдѣ городъ Ѳеодосія составляетъ также границу съ этой стороны, съ другою частью—степною или Сѣверною. Въ горной части (за исключеніемъ только южнаго берега) Татары суть естественные обитатели; тутъ нѣтъ возможности иначе ѣздить, какъ верхомъ; одни Татары въ своихъ черныхъ косматыхъ буркахъ, на своихъ маленькихъ лошадкахъ встрѣчаются. Въ степной части есть кой-гдѣ уже и Русскія деревни, хотя еще очень немного; здѣсь Русскія телѣжки и Татарскія арбы безпрерывно попадаются на встрѣчу и могутъ ходить по голой, безводной степи по всѣмъ направленіямъ и безъ проложенныхъ дорогъ. Непривыкшему глазу весьма странно видѣть огромныхъ уродливыхъ верблюдовъ, смиренно идущихъ о бокъ маленькихъ лошаденокъ и терпѣливыхъ воловъ Малороссійскихъ, часто впряженныхъ вмѣстѣ въ одну арбу, на-

битую какъ боченокъ сельдями. Горные Татары и жители долинъ всѣ живутъ плодами деревьевъ фруктовыхъ; часто одно или два дерева орѣховыхъ или фиговыхъ составляютъ все достояніе Татарина и удовлетворяютъ его нужды. Обитатели долинъ продовольствуютъ насъ Крымскими, славящимися у насъ яблоками; сіи послѣдніе богаче первыхъ и безпрестанно богатѣютъ. Мнѣ называли одного мурзу, у котораго 20-ть десятинъ фруктовыхъ приносятъ круглаго годоваго дохода около 25 тысячъ рублей. Степные Татары—хлѣпопашцы частью, но больше занимаются овцеводствомъ, которое теперь составляетъ главнѣйшую промышленность у всѣхъ Русскихъ поселившихся въ сѣверной части Крыма, какъ разведеніе винограда и винодѣлія поселившихся на южномъ берегу. Замѣчено, что всѣ бывшіе въ Крыму губернаторы сдѣлались тамошними помѣщиками, и въ особенности овцеводами; многіе изъ нихъ, оставивъ службу, остались жить въ Крыму, напримѣръ, старикъ Бороздинъ, а изъ новѣйшихъ Перовскій, Казначеевъ и другіе. Винодѣльцы еще въ надеждѣ будущихъ благъ отъ своего издѣлія, а овцеводы въ настоящемъ уже пользуются. Здѣсь, и вообще въ Новороссійскомъ краѣ, помѣщики имѣютъ десятки тысячъ головъ мериносовъ; у одного считается до 140 тысячъ лучшей породы мериносовъ. Вотъ извлеченія изъ замѣтокъ моихъ о Крымѣ, во время моего сентиментальнаго путешествія верхомъ по горамъ и въ телѣжкѣ, по степямъ. Многіе изъ поселившихся здѣсь Русскихъ совѣтовали мнѣ купить здѣсь земли для разведенія овецъ; въ степи земли продаются здѣсь по 10 рубл. или около за десятину; въ долинахъ она дороже. Я нахожу, что это гораздо выгоднѣе, чѣмъ покупка земли для разведенія винограда на южномъ берегу, на которомъ доселѣ только одни богатые люди изъ нашихъ Русскихъ покупаютъ землю, куда заманиваются они больше красотой разнообразной природы. Вино Крымское, хотя уже много лучше теперь выдѣлываемаго за пять лѣтъ передъ симъ, но оно еще долго не попадетъ въ моду Россіи. Здѣшніе главные винопроизводители хвалятъ свое вино, но сами не пьютъ его (это я замѣтилъ не у одного графа Воронцова), и потому Крымскаго вина я опасался пить въ Крыму.

Въ Перекопъ мы пріѣхали довольно рано, къ обѣду, около пяти часовъ. Отобѣдавъ, я ѣздилъ смотрѣть здѣшнюю крѣпость, стоившую нѣкогда довольно Русской крови. Теперь крѣпость эта уничтожается: пушки вывозятся въ Севастополь, а ядра и бомбы продаются, какъ простой чугунъ, съ публичнаго торгу. Говорятъ, что и крѣпость, т.-е. камень, изъ коего составлены крутости рвовъ, будетъ также продаваться съ публичнаго торга. Я хочу посовѣтовать князю В. В. Дол-

горукому, внуку Долгорукова-Крымскаго, который предполагаетъ воздвигнуть памятникъ въ Крыму своему знаменитому дѣду *), купить эту крѣпость и по срединѣ ея поставить памятникъ. Сама крѣпость уже есть, по моему, лучшій монументъ покорителю Крыма. Отъ крѣпости, по обѣ стороны ея, идетъ валъ со рвомъ, еще сохранившійся весьма хорошо—съ одной стороны до Чернаго моря, съ другой до Сивача (залива Азовскаго моря). (Неподалеку Перекопа находится 8 озеръ, изъ коихъ казна добываетъ соль, приносящую до 8 миліоновъ дохода). Этотъ валъ со рвомъ и далъ названіе Перекопа перешейку полуострова и самому городу.

Сегодняшній переѣздъ нашъ былъ невеликъ; дорога по степи прекрасная. Пробило 11-ть часовъ. Великій Князь мой еще занимается, пишетъ журналъ свой; слѣдовательно я еще могу разсказать тебѣ окончаніе нашего путешествія по южному берегу верхомъ отъ Оріанды до Алупки. 17-го Сентября Ихъ Величества имѣли ночлегъ въ Оріандѣ графа Витта (я описывалъ тебѣ, какъ провели вечеръ Ихъ Величества). 18-го числа, поутру въ десять часовъ, караванъ нашъ поднялся и выѣхалъ съ дачи графа на большую дорогу, которая еще саженъ на сто или двѣсти поднималась въ гору (самое высокое мѣсто большой дороги, проведенной по южному берегу). Тутъ новый видъ представился глазамъ нашимъ, когда мы переѣхали мысъ Оріанды, то-есть переваливая на другую сторону. Покатость цѣпи горъ Яйлы, составляющихъ южный берегъ, верстъ на двадцать, была, такъ сказать, подъ нашими ногами; внизу у самаго моря мысъ Ай-Тодоръ (Св. Ѳеодора) съ маякомъ на немъ былъ первый и ближайшій предметъ; но далѣе неприступная дикая скала, остроконечно выдающаяся (осѣненная блестящимъ крестомъ), подъ названіемъ Ай-Петри (Св. Петра) прорѣзывала облака, мимо ея гонимыя вѣтромъ. По покатости Ай-Петри, на большомъ разстояніи вдоль, пестрѣлись прекрасныя дачи промежду зеленѣющихся виноградниковъ и густоты садовъ и парковъ, между коихъ песчаныя дорожки какъ ленточки связывали букеты дачъ, какъ букеты цвѣтовъ. Домъ, съ выдающимися бѣлыми башнями князя А. Н. Голицына, блестѣлъ на первомъ планѣ; вдали темнѣлись куполы прекраснаго дома графа Воронцова, посреди огромнаго парка Алупки. На послѣднемъ планѣ, подальше, можно было различить дачу Мальцова—Симеисъ и наконецъ мысы Кикинеизъ, Мшатку и Мухалатку. Спускаясь по дорогѣ, мы проѣхали мимо небольшаго, но красиваго домика князя Мещерскаго (генералъ въ свитѣ); подлѣ Татарская де-

---

*) Этотъ памятникъ поставленъ въ Симферополѣ. П. Б.

ревня Гаспра, а внизу ея красуется прекрасный новый каменный домъ съ двумя готическими башнями, только что отстроенный, князя А. Н. Голицына; нѣсколько огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ и дубовъ осѣняютъ его. Государь съ Императрицею и со всею свитой останавливался у этого дома. Мы любовались и наружною его архитектурой, и внутреннимъ расположеніемъ комнатъ; онъ еще не весь меблированъ. Князь Голицынъ строитъ этотъ домъ за-глаза; сосѣдка его, княгиня Анна Сергѣевна Голицына, поселившаяся здѣсь съ давняго времени, хозяйничаетъ за него. Она выбрала мѣсто для дома, купила у Татаръ подъ него 8 десятинъ земли, развела очень хорошій садъ и во всѣхъ письмахъ къ князю приглашаетъ его на жительство. Врядъ ли она дождется его когда-либо: князь А. Н. слишкомъ устарѣлъ при дворѣ, чтобы безъ особенной причины оставить сферу, въ которой онъ такъ давно дѣйствуетъ и къ которой онъ такъ привыкъ. Если же ему дошло уже о визитѣ Государя, сдѣланномъ его дому, то онъ перестанетъ даже и деньги отпускать на омеблированіе его *). Государь, проходя по комнатамъ, нашелъ въ одной изъ залъ портретъ хозяина на каминѣ, портретъ довольно схожій, спросилъ карандашъ и надъ портретомъ написалъ слѣдующую надпись: «Радъ видѣть портретъ, но оригинала здѣсь видѣть никогда не желаю; ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не разстаешься охотно — не такъ-ли?» Императрица прибавила: «Согласна». Великій Князь Наслѣдникъ и Великая Княжна Марія Николаевна подписали имена свои подъ именами Ихъ Величествъ. Близъ дома пошли мы посмотрѣть каскадъ, въ которомъ устроенъ крестъ, изъ коего выбѣгаетъ вода, чистая какъ хрусталь, двумя струями. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ дома князя Голицына — домъ вышеупомянутой княгини Голицыной, на холмѣ, называемомъ Кореисъ, замѣчательный тѣмъ, что при немъ находится очень милой архитектуры, съ прекрасной живописью, церковь: первая на южномъ берегу, со времени изгнанія отсюда Татарами-магометанами православныхъ Грековъ и католиковъ-Генуезцевъ (много развалинъ храмовъ Христовыхъ свидѣтельствуютъ, что тутъ нѣкогда прославляемо было имя Спасителя). Ихъ Величества отслушали въ церкви краткій молебенъ. Хозяйка въ отсутствіи (говорятъ, нарочно выѣхала за-границу — вѣроятно совѣсть нечиста). Противу церкви построенъ изъ мѣстнаго камня фонтанъ, въ родѣ того, что̀ на Пулковой горѣ. Домъ не отличается по наружности ничѣмъ, но хозяйственныхъ строеній много. Княгиня живетъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ и постоянно. Про-

*) Предположеніе на сбывшееся: князь Голицынъ поселился и умеръ въ Гаспрѣ. П. Б.

ѣхавъ съ полторы версты, Ихъ Величества встрѣчены были на дорогѣ Нарышкинымъ (Левъ Александровичъ, братъ оберъ-гофмаршала). Тутъ начинается его отличный паркъ Софіевка, примыкающій къ имѣнію его, съ большимъ домомъ. Мѣсто это называется Мисхоръ; тутъ Великая Княгиня Елена Павловна уже съ недѣлю какъ пользуется виноградным лѣченіемъ. Повернувъ съ большой дороги, мы спускались внизъ по красивой тропинкѣ, ведущей чрезъ груду дикихъ камней и утесистыхъ крутизнъ, въ рощу довольно густую лавровъ и миртъ, разведенныхъ еще Генуезцами. Эта лавровая роща и другая въ Алупкѣ, въ верхнемъ саду, свидѣтельствуютъ, что мѣста сіи и прежде были заселены людьми и не всегда дикими, небрежными Татарами. Вскорѣ представился намъ у самаго берега прекрасный, хотя обыкновенной архитектуры, фасадъ двухъ-этажнаго дома. Великая Княгиня встрѣтила Ихъ Величествъ у крыльца. Ихъ Величества сошли съ лошадей и хозяйкою дома (урожденная Потоцкая) были введены въ красивыя комнаты нижняго этажа, занимаемыя Великою Княгинею. Роскошный завтракъ былъ приготовленъ въ залѣ. Съ часъ времени пробыли мы въ Мисхорѣ; подкрѣпленные завтракомъ, мы не спѣшили въ Алупку, отстоящую не болѣе 3-хъ верстъ отсюда. Изъ Мисхора караванъ нашъ снова началъ подниматься въ гору, къ частной Алупкинской дорогѣ; пушки противу дома встрѣчали и провожали насъ выстрѣлами. Столбъ или пирамида указалъ намъ начало владѣнія графа Воронцова; живописный видъ на домъ все время былъ въ глазахъ нашихъ, пока мы не въѣхали въ самый паркъ. Виноградники зеленѣли внизу по холмамъ, между моремъ и дорогою нашею, на всемъ пространствѣ. Это будущее богатство Алупки. Въ три часа ровно, Ихъ Величества сошли съ лошадей у дворца, вблизи еще болѣе поражавшаго своимъ великолѣпіемъ, своею архитектурою, своею прочностью. Я уже описывалъ тебѣ первое время нашего пребыванія въ Алупкѣ, гдѣ богатый и тароватый хозяинъ сдѣлалъ все, что́ его огромныя средства позволили сдѣлать къ пріему его Высокихъ Гостей въ домѣ, который только черезъ два года долженъ будетъ блестѣть тѣмъ великолѣпіемъ, которымъ назначено ему блестѣть, и которымъ уже блеститъ и теперь столько, что не стыдно угощать въ немъ Сѣверную Царицу. Къ дому этому предположено еще съ одной стороны пристроить церковь, а съ другой, огромную залу для библіотеки. Домъ этотъ, стоющій нѣсколько миліоновъ, будутъ нарочно со временемъ пріѣзжать посмотрѣть, какъ ѣздятъ смотрѣть въ Англіи за̀мки богатыхъ лордовъ, которыхъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ есть подражаніе. Арнаутъ, облитый золотомъ, стоитъ у главныхъ дверей залы — это роскошь Азіятская. Въ Алупкѣ есть двѣ историческія примѣчательности: это два большихъ кипариса, по-

саженныхъ Потемкинымъ; они высятся въ красивой прямизнѣ, противу самого входа въ домъ, въ верхнемъ саду; и Татарскій домикъ, въ которомъ останавливался покойный императоръ Александръ Павловичъ въ 1824 году, когда тутъ была только бѣдная Татарская деревушка, сохранившая и доселѣ свой прежній видъ, кромѣ красивой мечети, выстроенной графомъ для своихъ сосѣдей. Герцогъ Рагузскій три года тому назадъ посадилъ здѣсь платановое дерево, весьма кудряво растущее; и въ день выѣзда своего Великій Князь мой, по просьбѣ хозяина, посадилъ также лавровое дерево. Это будущія историческія примѣчательности Алупки.

55.

Екатеринославъ, 2-го Октября 1837.

Вчера вечеромъ пріѣхали мы благополучно въ Екатеринославъ, городъ обязанный своимъ существованіемъ Потемкину-Таврическому. Небольшой и небогатый городъ, выстроенный на гигантскихъ размѣрахъ, бѣднѣе всѣхъ видѣнныхъ нами губернскихъ городовъ, а мы ихъ почти всѣ видѣли уже въ обширной Россіи. Доказательствомъ тому непомѣрной величины площадь, преширокія улицы и соборная церковь изрядной величины и архитектуры, выстроенная при Александрѣ I-мъ, изъ камня положеннаго при Екатеринѣ II-й въ одинъ фундаментъ и предположеннаго къ постройкѣ собора длиною около 150 саженей, по окружности коего теперь расположена каменная ограда нынѣшняго храма! Трудно вообразить себѣ, судя по размѣрамъ фундамента, величину и огромность заложеннаго Потемкинымъ храма. Со смертію Потемкина умерли всѣ его великія предположенія на счетъ Екатеринослава. Фундаментъ этотъ, стоившій и тогда миліоновъ, долго лежалъ погребеннымъ въ землѣ, пока наконецъ не вздумали изъ него соорудить скромную церковь. Между церковью со стороны алтаря и оградою, въ царствованіе императора Николая I-го, поставлена колонна отъ храма древняго Херсонеса, на память того, что оттоль пришелъ въ Россію свѣтъ Христова ученія. Неподалеку отъ церкви, на берегу широкаго здѣсь, величественно разливающаго воды свои по противоположной равнинѣ Днѣпра, стоитъ пустынный, величественный нѣкогда, теперь полуразвалившійся дворецъ могущественнаго нѣкогда Потемкина. Въ этомъ дворцѣ угощаема была Великая Екатерина съ сопутникомъ ея въ путешествіи по южной новой Россіи императоромъ Іосифомъ.

Екатеринославъ теперь славенъ только одними славными проектами и замыслами великаго баловня фортуны!

Во время обѣда Великаго Князя съ гостями, пріѣхалъ фельдъегерь изъ Москвы; Великій Князь выбѣжалъ къ нему изъ-за стола и возвратясь сказалъ: Только къ вамъ письмо. Я тутъ же за столомъ прочелъ письмо твое. Теперь, кажется, съ нѣкоторою вѣроятностью могу отвѣчать тебѣ на твой вопросъ, пробудутъ ли ихъ Величества 6-го Декабря въ Москвѣ. Предполагаютъ пробыть, хотя и было повелѣніе не привозить изъ Царскаго царскихъ дѣтей въ Москву впредь до приказанія. Кажется однакожъ, что повелѣніе будетъ: съ этимъ разстались мы съ Императрицею 27-го Сентября.

56.

Кременчугъ, 3-го Октября 1837.

Мы еще не имѣемъ извѣстія отъ Государя со времени отъѣзда его изъ Керчи моремъ въ Редутъ-Кале; но ждемъ ежеминутно отъ Императрицы: къ ней долженъ былъ прійти пароходъ изъ Редутъ-Кале съ извѣстіями о прибытіи туда Государя. По погодѣ, бывшей въ продолженіе первыхъ двухъ дней путешествія Его Величества по морю, надобно надѣяться, что плаваніе было благополучно. Кажется, я писалъ къ тебѣ о причинѣ отмѣны поѣздки Государя съ Великимъ Княземъ въ Екатеринодаръ. Государь, прибывъ благополучно въ гавань Геленчика, едва переѣхалъ на катерѣ въ пристань, какъ поднялась ужаснѣйшая буря; море такъ взволновалось, что болѣе сутокъ невозможно было имѣть никакого сообщенія съ пароходомъ, стоявшимъ въ гавани. Лица свиты Государя, не успѣвшія сѣсть съ нимъ въ одинъ катеръ, оставшись на пароходѣ, не могли уже попасть на берегъ (въ томъ числѣ Арендтъ и Львовъ).

Государь въ эту погоду дѣлалъ смотръ отряду генерала Вельяминова; солдаты едва стояли на ногахъ, едва могли держать ружья. Порывы вѣтра были такъ сильны, что изъ фронта цѣлыми взводами сбивало солдатъ съ мѣста, когда проходилъ Государь по фронту. Къ обѣду въ это время случился въ Геленчикѣ пожаръ, которымъ истребило много запасовъ и провизіи для солдатъ и офицеровъ. Вельяминовъ былъ нѣкоторое время въ большомъ затрудненіи въ доставленіи свѣжихъ припасовъ на пароходъ Государя и даже въ угощеніи свиты во время пребыванія Государя у него въ этомъ новомъ гнѣздѣ Русскихъ, на голой скалѣ, окруженной съ одной стороны вѣчно враждебными горцами, а съ другой моремъ, также по временамъ враждебнымъ, какъ и случилось на этотъ разъ; а въ Геленчикъ только моремъ доставляется все и для жизни, и для войны. Эта буря

задержала Государя болѣе двухъ сутокъ, почему, по прибытіи въ Керчь изъ Анапы 24-го числа, и рѣшено было отмѣнить поѣздку въ Екатеринодаръ, ибо время назначенное для этой поѣздки уже проходило. Великій Князь мой говоритъ, что онъ никогда не забудетъ этой бури; какое счастіе, какъ надобно благодарить Бога, что буря эта случилась тогда, когда Государь и Великій Князь были уже на берегу!

Во время этой бури, мы, остававшіеся въ Крыму на берегу, мы трепетали за нашихъ плавателей. Радость наша, радость Императрицы, когда увидѣла она Великаго Князя, была соразмѣрна безпокойству. Черное море уже не въ первый разъ заставляетъ дрожать за Государя, но самого его все-таки не устрашаетъ. Государя даже не укачиваетъ никогда на морѣ, тогда какъ всѣ вокругъ него лежатъ отъ изнеможенія. Великій Князь мой доселѣ не можетъ похвалиться этимъ: его каждый разъ укачиваетъ при большомъ волненіи. Я никогда не забуду, какъ, во время морскихъ маневровъ за Кронштатомъ, я поддерживалъ голову Великаго Князя во время тошноты его, будучи самъ въ томъ же положеніи. Мы вдвоемъ, говорятъ, тогда представляли весьма некрасивую сцену, стоя у борта парохода съ повисшими головами. Молодыхъ спутниковъ нашихъ, Адлерберга и Паткуля, имѣвшихъ позволеніе съѣздить повидаться съ Назимовымъ въ Одессу на пароходѣ изъ Ялты, порядочно качало, такъ что на другое плаваніе по морю у нихъ отбило охоту. Принцы Веймарскіе были на томъ же пароходѣ.

57.

Городъ Пирятинъ (Полтавской губ.) 4-го Октября 1837.

Отъ Перекопа до Екатеринослава, и отъ Екатеринослава (по новому тракту чрезъ Ново-Воронцовку и Никополь) до Кременчуга путь нашъ лежалъ по степямъ, напоминавшимъ намъ Оренбургскія степи: таже пустыня голая, безлѣсная, однѣ станціи бѣдныя напоминали, что тутъ живутъ люди, да пасущіяся большія стада овецъ и быковъ. Въ Кременчугѣ мы имѣли порядочный домъ (у Жида) для ночлега; городъ изъ Малороссійскихъ лучшій, торговый, имѣетъ и порядочной архитектуры церкви, и частныя строенія каменныя. Въ Кременчугѣ мы опять переѣхали по мосту на лѣвый берегъ Днѣпра. Въ Бериславлѣ въ первый разъ переѣзжали черезъ него (съ лѣваго на правый берегъ). Переправившись въ Кременчугѣ чрезъ Днѣпръ, мы пріѣхали въ страну совсѣмъ другаго характера (Полтавской губ.): безпреставно мелькали передъ нами хутора, деревни, села и мѣстечки;

кое-гдѣ рощицы, сады, ручьи и рѣчки; beaucoup de mouvement sur le terrain. Пресчастливый край Полтавская губернія: хлѣба хоть не ѣшь; четверть муки ржаной по 2 рубля, овесъ 1 р. 20 к. Бѣда одна: нечѣмъ крестьянамъ подати платить, а помѣщикамъ не на что покупать сахаръ и чай. Фунтъ сахару стоитъ здѣсь тоже, что́ куль муки. Почти тоже, что̀ у насъ въ Саратовской губерніи (на южномъ берегу, во время нашего пребыванія, четверть ячменя для лошадей стоила 36 рублей, пудъ сѣна 2 рубля. Въ Малороссіи сѣно ни почемъ). Сегодня мы обѣдали въ Лубнахъ, гдѣ на берегу рѣчки встрѣтили препорядочную гору, а на горѣ прекрасный, заведенный еще Петромъ Первымъ ботаническій садъ аптечныхъ растеній, отъ того и домъ аптекаря лучшій въ городѣ; мы въ немъ обѣдали. Ночуемъ въ Пирятинѣ; городъ и ночлегъ нашъ напоминаютъ намъ опять Оренбургскіе ночлеги наши степные. Лучшій домъ, домишка въ три маленькихъ комнатки, даже для прислуги Великаго Князя въ немъ нѣтъ мѣста. Великій Князь да я только умѣстились въ немъ, и то для туалета моего я долженъ буду идти завтра поутру въ другой домишко сосѣдній. Въ счастливой Малороссіи вообще плохіе города, а Хороль да Пирятинъ отличаются между ними на нашей дорогѣ. Завтра мы въ святомъ Кіевѣ; на дорогѣ мы увидимъ историческій Переяславль съ его древнимъ валомъ со временъ Владимира Великаго, съ его знаменитыми ручьями: Трубежемъ и Альтою. Въ Переяславлѣ, въ соборѣ, хранятся мощи св. Макарія.

Я не кончилъ о нашемъ пребываніи въ Екатеринославѣ; тамъ былъ также балъ, для Екатеринослава препорядочный. Дворянство склеило на скорую руку преизрядную залу, освѣтило ее изрядно и наполнило биткомъ изъ окрестныхъ мѣстъ Хохлачками; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли весьма хорошій туалетъ, а другія, кажется, въ маменькиныхъ свадебныхъ платьицахъ выплясывали контръ-дансы хоть куда. Жена генералъ-адъютанта графа Ностица (Хохлачка по рожденію), жена губернатора Пеутлинга (Полька), да жена предводителя губернскаго Герсеванова (тоже, кажется, Хохлачка), были почетнѣйшія дамы. Великій Князь танцовалъ съ ними, какъ водится, Польскій; а съ юнѣйшими: Невѣровской (жена уѣзднаго предводителя, урожденная Дараганъ), Розенгеймъ (дочь прокурора), Иваненко (дочь попечителя гимназіи) и Струковой (урожденной Арбузовой, которой мужъ здѣсь въ отпуску), четыре контръ-данса. Струкова затнула всѣхъ здѣсь за поясъ, какъ говорится по-хохлацки. Вотъ все о Екатеринославѣ, кромѣ того, что мы здѣсь нашли архіерея Анастасія, котораго видѣли въ Новѣ-Городѣ и который первый благословилъ насъ на нашемъ пути, и теперь опять первымъ встрѣтился намъ

на обратномъ пути. Получивъ опять благословеніе этого почтеннаго старца, мы надѣемся съ Божіею помощью довершить наше странствованіе благополучно. Въ Екатеринославѣ однакоже наши дѣйствительные статскіе совѣтники заболѣли было (они изъ Симферополя ѣдутъ въ одномъ экипажѣ). Жуковскій поправился (у него болѣло горло) и продолжаетъ съ нами путь; но К. И. Арсеньевъ, прежній неизмѣнный товарищъ мой отъ Петербурга до Вознесенска, заболѣлъ лихорадкой и принужденъ остаться въ Екатеринославѣ; онъ еще въ Симферополѣ не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ. Теперь товарищъ мой—молодой Адлербергъ.

Этотъ прелестный Крымъ всѣмъ гостямъ своимъ болѣе или менѣе далъ себя чувствовать. Въ Симферополѣ, начиная съ самого Государя и Великаго Князя, почти всѣ жаловались на боль въ желудкѣ. Раухъ, Львовъ, Арендъ и Адлербергъ (отецъ) болѣе другихъ; Адлербергъ былъ весьма серьозно боленъ и до такой степени былъ слабъ, что долженъ былъ съ недѣлю оставаться въ Севастополѣ. На южномъ берегу тоже многіе платили дань Крыму за удовольствія его: Императрица также чувствовала себя дня два нехорошо; фрейлины ея тоже были больны. Изъ всего общества одинъ нашъ Кавелинъ держался крѣпко. Я писалъ къ тебѣ о себѣ, что послѣ чаю Кавелина въ Артекѣ, я съ Маркусомъ и Львовымъ поплатился немного; но впрочемъ, благодаря Бога, все время былъ здоровъ. Въ Крыму, въ его жаркомъ климатѣ (хотя въ наше пребываніе Крымъ не могъ очень похвастать своими жарами) кромѣ нѣсколькихъ, пріятныхъ теплыхъ дней и вечеровъ, говорятъ, лучшее время Октябрь, не потому-ли, что мы были въ Сентябрѣ? Я, по инстинкту какому-то, чувствовалъ потребность теплѣе одѣваться, нежели обыкновенно, и дѣлалъ весьма благоразумно. Въ Крыму опасны безпрерывные переходы съ холодныхъ горныхъ мѣстъ въ жаркія низменности. Для насъ, гостей Крымскихъ, нездоровилась рыба здѣшняя кефаль и такъ-называемые морской котъ и морской пѣтухъ (здѣшній деликатесъ). Нѣкоторые обвиняютъ виноградъ и вообще плоды. Противъ этого я могу представить доктора нашего Енохина, который ѣлъ винограду въ Крыму столько, что больше ѣсть нельзя, какъ въ Вознесенскѣ арбузы, и ни тутъ, ни тамъ, нимало не былъ нездоровъ. Я опасался въ Крыму Крымскаго вина и тамошней воды и позволялъ себѣ пить за столомъ мадеру, а послѣ обѣда кофе: это не Крымскіе напитки. Вообще климатъ Крымскій труденъ для Русскаго; мнѣ разсказывали, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ Русскихъ, купивъ здѣсь землю, переселяли крестьянъ изъ внутреннихъ губерній и теряли многихъ, пока оклиматизуются. Я видѣлъ въ Симеисѣ, дачѣ

Мальцова, цѣлую семью въ лихорадкѣ, которая третій годъ весною и осенью вся въ одно время заболѣваетъ (жена управителя, сынъ и двѣ дочери). Я опять заговорился о Крымѣ: о немъ впрочемъ есть что пересказать (какъ видно, и хорошаго, и дурного).

58.

Кіевъ, 5-го Октября 1837 года.

Въ восемь часовъ пріѣхали мы благополучно въ Кіевъ. Великій Князь прямо въ Лавру, въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ Кіевскимъ (изъ Казани); я насилу пробрался сквозь толпу народа, чтобы также помолиться Богу въ этой святынѣ, поблагодарить Бога, что сподобилъ увидѣть святыя мѣста, послѣ долгаго странствованія нашего, принести молитву за всѣхъ насъ. Въ домѣ генералъ-губернатора графа Гурьева, гдѣ мы остановились, я былъ обрадованъ твоими письмами.

59.

Кіевъ, 6-го Октября 1837 года.

Сегодня поутру разбудилъ насъ фельдъегерь отъ Императрицы, съ добрыми, слава Богу, вѣстями отъ Государя и отъ Императрицы, уже выѣхавшей 1-го Октября изъ Алупки. Государь благополучно совершилъ свое плаванье по морю, хотя, по обыкновенію Чернаго моря, не безъ бури, которая порядочно качала «Сѣверную Звѣзду», да и дождь препорядочно мочилъ ее. Императрица прислала Великому Князю подлинникомъ письмо Государя; Великій Князь цѣловалъ его, благодарилъ Бога, что Государь уже на сушѣ. Императрица говоритъ, что Государь обѣщаетъ тремя днями раньше въ Новочеркасскъ; давай Богъ! Я съ моей стороны полагаю, что еще раньше мы соединимся съ нимъ. Сегодня были мы въ девять часовъ у обѣдни въ большомъ соборѣ, потомъ были въ Михайловскомъ, гдѣ почіютъ мощи св. великомученицы Варвары, прикладывались къ мощамъ. Послѣ обѣдни былъ пріемъ генераловъ, чиновниковъ, дворянства и купечества; потомъ ѣздили осматривать богоугодныя заведенія, арсеналъ, военный госпиталь и выставку (въ ней ничего нѣтъ особеннаго, кромѣ конфектъ Кіевскихъ и фаянса; кожи и сукна также отличаются). Завтра будемъ въ пещерахъ, и цѣлое утро, до обѣда, будетъ посвящено осмотру разныхъ предметовъ. Сегодня обѣдали болѣе 50-ти персонъ у Великаго Князя; вечеромъ будетъ балъ у графа Гурьева (не отъ дворянства); завтра обѣщаютъ намъ илюминацію сада и фейерверкъ. Тѣмъ окончится наше Кіевское житье.

60.

Полтава, 10-го Октября 1837 года.

Въ Полтавѣ мы получили курьера отъ Императрицы изъ Харькова, съ извѣстіями отъ Государя изъ Ахалцыка, куда Государь прибылъ благополучно и откуда послалъ шифръ младшей дочери фельдъмаршала Паскевича-Эриванскаго—въ Варшаву. Есть надежда, что Государь нѣсколькими днями раньше будетъ въ Новочеркасскѣ. Вчера довольно поздно пріѣхали мы въ Полтаву изъ Пирятина, знаменитаго нашего, во второй разъ, ночлега въ этомъ прежалкомъ городишкѣ во всей Хохландіи. Мы остановились въ домѣ генералъ-губернатора, который самъ въ Харьковѣ принимаетъ и провожаетъ въ это время Императрицу. Домъ большой и для Полтавы прекрасный. Сегодня, послѣ пріема дворянства и чиновниковъ, мы были у обѣдни, и потомъ въ той полуразрушившейся церкви, въ которой молился Петръ послѣ побѣды надъ Карломъ; возлѣ церкви стоитъ памятникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ отдыхалъ, въ незабвенный день спасенія Россіи. Мы пропѣли Петру въ этой церкви вѣчную память и отправились обозрѣвать поле сраженія (Великій Князь приказалъ выдать 2000 р. на поправку этой церкви, изъявивъ желаніе, чтобы ее поддерживали и впредъ отъ разрушенія), въ 5-ти верстахъ отъ города; всходили на курганъ, могилу храбрыхъ сподвижниковъ Петра; были въ монастырѣ, съ колокольни котораго Карлъ обозрѣвалъ мѣстность. Видъ на рѣку Ворсклу и на безграничную даль по низменной части рѣки—прелестный. Полтава стоитъ на крутомъ высокомъ берегу Ворсклы. Между прочими мѣстами, которыя посѣщали мы въ Полтавѣ, примѣчателенъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, прекрасное, благодѣтельное заведеніе, въ которомъ около 200 премиленькихъ Хохляночекъ образовываются какъ въ Петербургѣ, въ Смольномъ или Екатерининскомъ. Заведеніе отличное, содержимое подъ управленіемъ давней знакомой моей (въ домѣ С. Н. Мердеръ, г-жа Зассъ); тутъ одна изъ миленькихъ и умненькихъ Хохляночекъ (дѣвица Плѣнецкая) встрѣтила Великаго Князя премилыми стишками, произнесенными умно, мило и чисто по-русски, безъ Малороссійскаго выговора—чтò здѣсь также рѣдкость. Я непремѣнно пришлю тебѣ эти стишки; они заслуживаютъ быть сохраненными. Въ Полтавѣ былъ также, какъ и вездѣ, для насъ балъ, и право, недурной. Зала прекрасная, большая, нарочно выстроенная дворянствомъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Общество дамъ по виду образованнѣе Екатеринославскихъ, хотя небольшое, и по туалету нарядиѣе; мущинъ много танцующихъ, даже невоенныхъ. Степной оригинальности мало и въ дамахъ, и въ кавалерахъ, хотя мы ожидали того; ибо здѣсь

собраній никогда не бываетъ, и всѣ живутъ закупорившись въ своихъ хуторахъ, считая куръ и овецъ, выкуривая вино и разсчитывая свои доходы. Между закоренѣлыми Хохлами мы нашли много образованныхъ и даже одного поэта, который поднесъ Великому Князю замѣчательные весьма стихи, по случаю прибытія Великаго Князя въ Полтаву—это Родзянко. На балѣ въ Полтавѣ, Великій Князь мой также съ удовольствіемъ танцовалъ, какъ и въ Кіевѣ на балѣ у графа Гурьева (объ этомъ послѣднемъ балѣ и о Кіевѣ я буду еще писать къ тебѣ); двѣ дочери губернатора (по фамиліи Миклашевскаго), дочь начальницы Института—Зассъ, дѣвица Модерахъ (воспитанница Патріотическаго Института въ Петербургѣ—ловкая, умная) и жена камеръ-юнкера Бѣлухи-Кохановскаго, имѣли счастіе танцовать съ Великимъ Княземъ. Губернаторша (Грузинка родомъ) и вице-губернаторша (Сибирячка) были хозяйками бала. Балъ, по манеру въ числѣ прочихъ, не послѣдній.

61.

Харьковъ, 12-го Октября 1837.

Въ Харьковъ мы благополучно прибыли вчера вечеромъ по грязи почти непроѣзжаемой: 130 верстъ мы тянулись болѣе 14 часовъ. Сейчасъ съ Харьковскаго бала; это послѣдній въ нашемъ путешествіи, и дѣйствительно pour la bonne bouche; балъ прекрасный, великолѣпный во всѣхъ отношеніяхъ, и по многочисленному прекрасному, можно сказать, не уступающему ни въ чемъ столичнымъ, обществу дамъ; даже кавалеровъ comme il faut было очень много. Зала отличная, отлично освѣщенная (столовая пристроена и обрисована видами Александріи); дамъ было около полутораста, кавалеровъ вдвое, ежели не втрое. Тонъ на балѣ столичный, туалеты дамъ какъ въ Петербургѣ; турнюръ самый благородный; даже много премиленькихъ личекъ, и это все почти города Харькова обитательницы.

Харьковъ по обществу, просвѣщенію и образованности (и даже по торговлѣ безпрестанно возвышающійся, и оттого въ строеніи удивительно украшающійся въ послѣднее время) есть южная столица Русская или Русской украйны.

Генералъ-губернаторша, графиня Строганова, губернаторша княгиня Трубецкая (урожденная Витгенштейнъ), графиня Генрикова (урожденная княжна Хилкова, бывшая фрейлина) à la tête de la société de Харьковъ (я сдѣлалъ имъ визиты сегодня и радъ, что успѣлъ). Императрица и Великая Княжна въ первый проѣздъ свой много писали Великому Князю о Харьковскомъ балѣ и обществѣ, съ самыми

лестными для Харькова отзывами; теперь Великій Князь мой самъ нашелъ тоже и говоритъ, что это первый балъ по номеру, изъ всѣхъ данныхъ ему баловъ отъ Твери до Харькова. Великій Князь танцовалъ кадрили съ графиней Строгановой, графиней Генриковой, съ княжной Щербатовой (твоя пріятельница, сестра м-мъ Александровой), которая здѣсь съ матерью гоститъ у сестры, г-жи Савичъ, здѣшней помѣщицы, вдовы; съ дочерью генерала Кошкуля, моего стараго знакомаго, и съ воспитанницей здѣшняго Института (теперь класная дама) дѣвицей Голубь, почитаемой здѣсь за первую красавицу; и дѣйствительно премиленькое личико съ премиленькою миніатюрною таліей, но ужасъ какъ чувствующее свою пріятную миніатюрность со времени пребыванія здѣсь Императрицы. Другія хорошенькія личики были большею частью дочери здѣшнихъ профессоровъ университета: Георгіевская, Кронебергъ и Рогачъ (вышедшая за мужъ за старика князя Мещерскаго); изъ дамъ, belles femmes, отличалась графиня Люксамбургъ (жена здѣшняго полиційместера, дочь говорятъ съ лѣвой стороны Д. Л Нарышкина), миніатюрное личико на исполинскомъ піедесталѣ и черезъ чуръ занимающаяся своими позами.

Довольно, всего не перепишешь; да и эти подробности потому, что это послѣдній балъ, а ты объ нихъ желала имѣть подробности; теперь квитъ въ этомъ отношеніи. Я много говорилъ на балѣ съ княжной Щербатовой о тебѣ; также съ ея сестрой, еще прекрасною женщиной (большая хозяйка; у нея лучшій свекловичный сахарный заводъ, бывшій на выставкѣ), у которой восемь человѣкъ дѣтей, для которыхъ она переселяется въ Харьковъ изъ деревни; двое сыновей у нея въ Морскомъ Корпусѣ, одинъ 16-ти лѣтъ уже. Княгиня Щербатова больна и потому не была на балѣ; по словамъ ея у нея едвали не аневризмъ. M-me Кошкуль, моя давнишняя знакомка въ домѣ Лонгиновыхъ, дочь ея воспитывалась въ Патріотическомъ Институтѣ. Со всѣми этими дамами, т.-е. знакомыми твоими и моими, начиная съ графини Строгановой и княгини Трубецкой, я танцовалъ всѣ польскіе: выходитъ больше нежели гдѣ нибудь. Городъ Харьковъ кипитъ жизнію во всѣхъ отношеніяхъ: это средоточіе торговли сѣверной съ южной. Университетъ развиваетъ умственную жизнь. Здѣсь, говорятъ, все есть, даже для самой прихотливой жизни; четыре большихъ ярмарки въ году тому много способствуютъ. Въ Харьковѣ, съ строеніемъ города, ростетъ и общество, которое не похоже ни на Екатеринославское, ни на Полтавское (тамошнія даже много напоминаютъ героинь извѣстнаго романа Перовскаго: Монастырки; такія всѣ, Богъ съ ними, толстенькія, откормленныя дешевымъ хлѣбомъ Малороссійскимъ). Кiев-

ское, нѣкогда славившееся общество дамъ теперь разстроилось со времени несчастныхъ происшествій 31-го года, но все-таки превосходитъ Екатеринославское и Полтавское: тамъ теперь наши Русскія дамы первенствуютъ надъ Польками. Въ Кіевѣ былъ у Гурьева балъ также блистательный (въ домѣ покойнаго Сакена). Великій Князь танцовалъ съ генеральшей Ридигеръ, съ генеральшей баронессой Фредериксъ (урожд. Бартоломей), съ генеральшей Барановой (урожд. Николаи), съ графиней Ильинской (Полька) и дѣвицей Муравьевой. На другой день былъ фейерверкъ въ городскомъ саду и thé dansant. Тутъ также Великій Князь танцовалъ съ Ридигеръ и Фредериксъ.

62.

Харьковъ, 13-го Октября 1837.

Великій Князь сегодня ѣздилъ въ Чугуевъ (такая грязь, что вообразить трудно; на каждомъ шагу останавливаются лошади, теперь не путешествіе, а грязешествіе) осматривать тамошнее военное поселеніе; вечеромъ Великій Князь ѣздилъ встрѣчать Великую Княгиню Елену Павловну, пріѣхавшую въ восемь часовъ.

63.

Таганрогъ, 17-го Октября 1837.

Въ Чугуевѣ Великій Князь былъ встрѣченъ фельдъегеремъ, посланнымъ отъ Государя въ Новочеркасскъ; это добрый знакъ, т.-е. что Его Величество предполагаетъ быть тамъ раньше назначеннаго; но мы не могли исполнить вполнѣ волю Государя: ибо перестановка лошадей по новому тракту насъ бы долѣе задержала, нежели переѣздъ по прежде назначенному. Мы отправились чрезъ Екатеринославъ на Маріуполь, стараясь ускорить нашъ путь, успѣли днемъ раньше прибыть въ Таганрогъ. Завтра около полудня будемъ въ Ростовѣ, а тамъ будемъ ожидать новыхъ повелѣній Государя. Ночлеги наши были: 14-го числа въ Новомосковскѣ, 15-го въ Орѣховѣ, а 16-го въ Бердянскѣ. Сегодня ночуемъ въ Таганрогѣ, гдѣ завтра часа два утра посвятимъ на обзоръ примѣчательностей города (повидимому многолюднаго, прекрасно отстроеннаго и богатаго торговлею); будемъ во дворцѣ, мѣстѣ кончины императора Александра, гдѣ Великій Князь хочетъ отслужить панихиду по покойномъ. Мнѣ крайне не хотѣлось возвращаться опять въ степи Новороссійскія, и я былъ противу намѣренія ѣхать въ Новочеркаскъ по Маріупольскому тракту; но теперь, какъ уже дѣло сдѣлано, и слава

Богу благополучно, я также доволенъ, что видѣлъ эту часть Новороссійскаго края. Оставивъ богатую Малороссію, мы опять два раза проѣзжали чрезъ Днѣпръ: въ Екатеринославѣ и у Нѣмецкой колоніи Нейнбургъ (тутъ я простился вѣроятно на долго съ моимъ роднымъ Днѣпромъ). Отъ сего послѣдняго пункта, степь оживляется рядомъ богатыхъ Нѣмецкихъ колоній, близкихъ одна отъ другой на разстояніи около 80-ти верстъ. (Хуторъ колониста Корниса былъ осмотрѣнъ нами въ подробности: хозяинъ имѣетъ болѣе 10 тысячъ лучшихъ мериносовъ, приносящихъ ему въ худшій годъ около 50 тысячъ рублей). За колоніями Нѣмецкими (гдѣ женщины, примѣчательно, при всей Нѣмецкой опрятности крайне некрасивы) слѣдуютъ колоніи Нагайскихъ Татаръ, противуположность въ чистотѣ и достаточествѣ съ Нѣмцами: это ничто иное какъ колонизированные Цыгане. Мы проѣхали вблизи поселеній Молокановъ самыхъ закоснѣлыхъ раскольниковъ; также не подалеку селитьбъ Духоборцевъ, еще вреднѣйшей секты, почти нехристіанъ. Это два притона всѣхъ бѣглыхъ изъ Россіи, которые здѣсь живутъ привольно и пользуются всѣми правами гражданства. (Это старая мѣра правительства для заселенія этой пустынной страны). Народъ коренной Русскій, видный; женщины секты Духоборцевъ, которыхъ мы видѣли, удивительныя красавицы, чисто-Русскія. У города Бердянска, на Азовскомъ морѣ, поселены Некрасовцы (теперь Азовскіе казаки), старообрядцы, перешедшіе къ намъ въ послѣднюю войну изъ Турціи. Бердянскъ, новый городъ, имѣетъ пристань обѣщающую большую торговлю. Маріуполь также имѣетъ пристань, состоитъ изъ одкихъ Грековъ, поселенныхъ здѣсь еще при Екатеринѣ Орловымъ.

64.

Аксай, станица на Дону, 19-го Октября.

Мы наконецъ, благодаря Бога, почти у пристани, послѣ долгаго плаванія, т.-е. у конца нашего маршрута.

Вчера вечеромъ благополучно прибыли въ Аксай, куда поджидаемъ съ минуты на минуту Государя: передовой фельдъегерь уже прискакалъ, Государь будетъ къ обѣду, и вѣроятно вечеромъ въѣдетъ съ Великимъ Княземъ въ Новочеркаскъ.

Великій Князь мой вѣроятно отсюда поѣдетъ съ Государемъ. Теперь не время ѣздить по Донскимъ станціямъ: холодъ и вѣтеръ дней пять какъ преслѣдуютъ насъ. Тогда я направлю путь мой кратчайшею дорогою.

21-го Октября 1837.

Но по причинѣ простудной головной боли Его Величества путешествіе было отложено.

Слава Богу, сегодня Государь, отдохнувъ спокойно ночь, чувствуетъ себя хорошо; но вчерашнюю ночь боль была такъ сильна, что Его Величество во всю ночь не могъ глазъ сомкнуть и былъ крайне оттого и самъ обезпокоенъ. Мы всѣ были въ Аксаѣ въ большомъ уныніи до сегодняшняго утра. Его Величество не принималъ никакихъ сначала медицинскихъ пособій, но потомъ согласился на самыя легкія средства, полагаясь болѣе на дѣйствіе натуры. Благодареніе Богу, кажется, болѣзнь миновалась. Мы надѣемся, что Государь по предположенію своему выѣдетъ отсюда 23-го числа съ Великимъ Княземъ вмѣстѣ. Мы же, прочіе, въ такомъ случаѣ отправимся сутками позже. Вотъ все, что̀ могъ на скоро сказать тебѣ, пока фельдъегерь можетъ еще ожидать. Я не надѣялся уже писать къ тебѣ послѣ письма моего изъ Таганрога. Теперь, такъ сказать, у насъ, т.-е. у А. А. Кавелина и у меня, отлегло на душѣ много: мы, благодареніе Творцу, благословившему наше путешествіе 6-ти мѣсячное и почти двадцатитысячное, съ ввѣреннымъ намъ залогомъ, теперь его передаемъ Отцу-Государю, и потому считаемъ путевую заботу нашу оконченною. Въ Воронежѣ постараюсь улучить время отслужить молебенъ. Богъ милостивъ, донесетъ насъ благополучно и до Кремля. Тамъ мы совершенно уже дома; тамъ соединится царственное семейство, тамъ и я нетерпѣливо ожидаю соединиться и съ моей семьей. До скораго свиданія!

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

VII *)

Арестъ и Судъ.

Арестованіе меня.—Привозъ въ Москву.—Заключеніе въ Крутицкихъ казармахъ.—Привозъ въ слѣдственную коммиссію.—Какъ открылся Сунгуровскій заговоръ.—Допросы въ Коммиссіи.—Посѣщеніе священника.—Второй допросъ въ коммиссіи.—Клевета Полоника.—Оправданіе Топорнина.—Графъ Строгановъ.—Губернаторъ Небольсинъ.—Содержаніе во время ареста.—Мой дневникъ.—Письма коменданта Сталь.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ Іюльскихъ дней, вставши по обыкновенію рано утромъ, въ деревнѣ Рахманова сидѣлъ я въ халатѣ на балконѣ, курилъ трубку и любовался окрестностію, позлащенною только что взошедшимъ солнцемъ. Утро было тихое и восхитительное; я упивался легкимъ и ароматическимъ воздухомъ, на душѣ было такъ спокойно и отрадно..... Слышу вдали колокольчикъ; вглядываюсь, вижу ѣдетъ кто-то въ тарантасѣ, подъѣзжаетъ ближе, вижу, кто-то сидитъ въ немъ съ краснымъ воротникомъ. Ну, думаю, вотъ еще веселѣе будетъ: ѣдетъ кто-то военный. Чрезъ нѣсколько минутъ, этотъ военный входитъ ко мнѣ на балконъ, рекомендуется Дмитровскимъ исправникомъ и говоритъ мнѣ, что Владимиръ Михайловичъ, т.-е. Рахмановъ, который былъ тогда въ Дмитровѣ, проситъ меня къ себѣ въ городъ. Я съ участіемъ началъ разспрашивать исправника, для чего это, не случилось ли съ Рахмановымъ какого несчастія.... а между тѣмъ вхожу въ комнату и одѣваюсь.—Нѣтъ, говоритъ мнѣ исправникъ. Я долженъ сказать вамъ откровенно, что не Владимиръ Михайловичъ проситъ васъ къ себѣ, а Дмитрій Владимировичъ князь Голицынъ приказалъ мнѣ

---

*) См. выше, стр. 73.

арестовать васъ и привезти въ Москву.... Это, какъ громомъ, поразило меня, и я не помню, что̀ уже послѣ этого говорилъ я ему. Между тѣмъ, тутъ же явившійся жандармъ началъ обыскивать комнату, забирать мои книги, бумаги и сносить ихъ въ тарантасъ. Но какъ онъ ни акуратно шарилъ, а забылъ посмотрѣть подъ кровать, гдѣ стоялъ мой сундучекъ, въ которомъ, хотя и ничего не было предосудительнаго, но было множество писемъ, которыя мнѣ непріятно было бы подвергать полицейскому чтенію. Когда все было забрано жандармомъ, мы сошли въ низъ, гдѣ всѣ еще спали, кромѣ жившей въ домѣ за хозяйку Марьи Васильевны. Проходя чрезъ одну изъ комнатъ, въ которой висѣло большое зеркало, я остановился передъ зеркаломъ и посмотрѣлъ на себя: я былъ блѣденъ какъ мертвецъ, хотя наружно старался сохранить спокойствіе. Пробывъ нѣсколько минутъ въ столовой, гдѣ исправникъ сказалъ нѣсколько словъ Марьѣ Васильевнѣ, мы тотчасъ же, не напившись даже уже приготовляемаго чаю, ни съ кѣмъ изъ домашнихъ не видѣвшись, сѣли въ тарантасъ и уѣхали. Я даже и радъ былъ, что ни съ кѣмъ не видѣлся: какими бы глазами на меня всѣ смотрѣли, и что̀ бы я могъ сказать имъ? Вотъ тебѣ и прекрасное утро! Прощай благодатный домъ, садъ, поля, лѣса; прощай моя счастливая жизнь! Богъ знаетъ, увижу ли я васъ когда-нибудь!... За что меня арестовали? Я догадывался, что вѣроятно за знакомство съ Сунгуровымъ; но какъ я въ этомъ случаѣ не считалъ себя виновнымъ, то и думалъ, что меня скоро отпустятъ.

Скоро мы пріѣхали въ Дмитровъ на квартиру исправника. Тамъ начали дѣлать опись моимъ книгамъ, и какъ въ числѣ ихъ были Французскія и Нѣмецкія, то я самъ долженъ былъ переводить ихъ заглавія. Книги эти, которыхъ было десятка два, такъ и пропали: я ихъ уже обратно не получалъ. На квартиру къ исправнику пришелъ и Рахмановъ. Онъ очень сожалѣлъ о постигшемъ меня несчастіи, далъ нѣсколько изъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ, и я скоро былъ отправленъ изъ Дмитрова въ Москву, уже только съ жандармомъ, на ямской телѣгѣ.

Въ Москву привезли меня уже поздно за полночь, въ канцелярію генералъ-губернатора, гдѣ какой-то заспанный чиновникъ, вѣроятно дежурный, принялъ меня довольно непривѣтливо и отослалъ въ Тверской частной домъ, гдѣ ввели меня въ какую-то конурку, безъ мебели съ нарами, и заперли. Несмотря на всѣ мои душевныя страданія, я былъ сильно утомленъ, бросился не раздѣваясь на голыя нары, и уснулъ самымъ безпечнымъ и крѣпкимъ сномъ. Поутру я проснулся поздно. Въ конуркѣ было какое-то маленькое окошечко безъ рамы, за запертою дверью слышенъ былъ шумъ безпрестанно ходившихъ людей. Отъ нечего дѣлать, я, ставъ на нары, смотрѣлъ въ глубокое окошечко,

выходившее на улицу, разсматривалъ проходящихъ и вдругъ увидѣлъ одного изъ моихъ товарищей студента, но не успѣлъ ничего сказать ему, какъ онъ уже прошелъ мимо.... Мнѣ сильно захотѣлось ѣсть; я почти ничего не ѣлъ весь прошлый день; я сталъ стучать въ дверь. Явился полицейскій солдатъ, у котораго я попросилъ, нельзя ли мнѣ достать чего-либо поѣсть. Солдатъ ушелъ. Долго ждалъ я; наконецъ, часовъ въ десять утра, принесли мнѣ на подносѣ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, сливки, сыръ и еще что-то. Не говоря о томъ, что я сильно обрадовался съѣстному, но меня въ особенности порадовала сервировка. Когда, подумалъ я, подаютъ мнѣ завтракъ на подносѣ съ салфеткой, значитъ, со мною будутъ обращаться деликатно, а не по-арестантски. Скоро явился ко мнѣ частный приставъ съ жандармскимъ офицеромъ. Они обошлись со мною вѣжливо, и жандармскій офицеръ пригласилъ меня отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Мы сѣли на извощичьи дрожки и поѣхали въ Крутицкія казармы, гдѣ тогда помѣщался жандармскій дивизіонъ.

Меня ввели въ довольно большую и свѣтлую комнату на верху казармъ, съ однимъ окномъ, съ желѣзною рѣшеткою, гдѣ стояла кровать съ постелью, столикъ и нѣсколько стульевъ, и заперли на замокъ. Чрезъ нѣсколько времени жандармъ въ кителѣ принесъ мнѣ довольно порядочный обѣдъ, даже съ пирожнымъ, но не говорилъ со мною ни слова и даже не отвѣчалъ на мои вопросы: такъ было ему приказано.

До сихъ поръ я находился въ какомъ-то безсознательномъ состояніи (безпрестанныя перемѣны меня развлекали); но теперь, оставшись одинъ... я почувствовалъ горечь моего положенія, бросился на постель и началъ плакать какъ ребёнокъ. Въ первый разъ еще въ жизни испытывалъ я неволю: посмотришь въ окно, на дворѣ свѣтло и пріятно, люди ходятъ, а ты сиди себѣ въ четырехъ душныхъ стѣнахъ. Книгъ нѣтъ, совершенно нечѣмъ развлечься, и вотъ всѣ мысли обращаются къ своему горю, и отъ того оно дѣлается еще тягостнѣе. Но все еще у меня была надежда, что меня чрезъ нѣсколько дней отпустятъ, такъ какъ я не считалъ себя нисколько виноватымъ, и помню, что я еще думалъ о какой-то условленной у Рахмановыхъ поѣздкѣ куда-то въ гости, кажется къ хорошенькой полковницѣ, и о какихъ-то заказанныхъ мною сапогахъ.

На другой день поутру зашелъ ко мнѣ жандармскій дежурный офицеръ, спросилъ меня о здоровьѣ, поговорилъ немного и ушелъ. Такъ было потомъ, во все время моего ареста: каждый день осматривалъ насъ дежурный офицеръ. Вечеромъ того же дня вошелъ ко мнѣ другой офицеръ и сказалъ, чтобы я съ нимъ ѣхалъ.... «Куда?»—«Да тамъ увидите!» Не понимаю, къ чему тутъ нужна была такая таинствен-

ность; вѣдь черезъ часъ же узналъ я, куда меня везли, а между тѣмъ, отъ неизвѣстности, сколько у меня рождалось страшныхъ предположеній! Мнѣ такъ и мерещились казематъ и цѣпи. Къ счастью моему и многихъ, что въ Москвѣ нѣтъ Петропавловской крѣпости. Случись это со мной въ Петербургѣ, вѣроятно пришлось бы познакомиться съ темными, холодными и сырыми Петропавловскими казематами, откуда я едвали бы вышелъ цѣлъ и невредимъ. Съ жандармскимъ офицеромъ сѣли мы на извощицкія верховыя дрожки, какія тогда были въ употребленіи въ Москвѣ. Дрожки эти какъ будто нарочито были созданы для возки арестантовъ. Посадятъ его верхомъ, задомъ къ спинкѣ, возлѣ сядетъ стражъ-офицеръ, и арестантъ кругомъ запертъ. Оно и безопасно, и прилично, и я не понимаю, какъ бы умудрились жандармы возить арестантовъ, еслибы тогда существовали теперешнія пролетки. Мы пріѣхали къ дому генералъ-губернатора, по задней лѣстницѣ взошли на второй этажъ, прошли нѣсколько пустыхъ комнатъ и, наконецъ, остались въ одной изъ нихъ, хорошо убранной и меблированной, съ горящей свѣчкой, и сѣли на стульяхъ. Товарищъ мой, жандармъ, былъ, по долгу службы, не очень разговорчивъ; да и мнѣ было не до разговоровъ. Что-то будетъ дальше? занимало весь мой умъ, и я сидѣлъ грустный и мрачный. Вдругъ двери комнаты нашей растворились, и черезъ нее прошелъ какой-то адъютантъ, за которымъ шелъ слѣдомъ Кошевскій, блѣдный, грустный, съ поникшей головой. Онъ даже не посмотрѣлъ на меня. Это меня очень поразило. Мнѣ представилось, что вѣроятно Кошевскаго вели уже съ пытки къ допросу, и что вотъ-вотъ и меня поведутъ туда же... Чрезъ нѣсколько времени тотъ же адъютантъ вошелъ въ мою комнату и велѣлъ мнѣ идти за нимъ. Ну, думаю, пропалъ я теперь!.. Мы вошли въ присутствіе. Въ довольно большой и ярко освѣщенной комнатѣ, по срединѣ, стоялъ большой, покрытый краснымъ сукномъ столъ, за которымъ сидѣли члены учрежденной по этому случаю слѣдственной комиссіи: главнокомандующій князь Голицынъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, Московскій гражданскій губернаторъ Небольсинъ, Московскій комендантъ Сталь и священникъ. Такое присутствіе, составленное изъ лицъ, всей Москвѣ и даже студентамъ извѣстныхъ своимъ благородствомъ и добротою, нѣсколько меня успокоило, и я уже не думалъ о пыткахъ, какъ несовмѣстныхъ съ образомъ мыслей такихъ достойнѣйшихъ людей. Меня попросили сѣсть въ кресло, стоявшее въ концѣ стола, и начался допросъ.

Прежде раскажу, какимъ образомъ открылся этотъ, такъ названный тогда, Сунгуровскій заговоръ, о чемъ я, разумѣется, узналъ уже впослѣдствіи изъ разсказовъ товарищей. Во время Польской войны

1831 года, всѣ офицеры-Поляки изъ Литовскаго корпуса были переведены въ Россію, и многіе находились въ Москвѣ. Между нѣкоторыми изъ нихъ, а также студентами и другими Поляками, былъ составленъ заговоръ, чтобы бѣжать всѣмъ въ Польскую армію. Говорили, что для этого каждый изъ нихъ приготовилъ для себя оружіе, пороху, пуль и проч., и будто всѣ они, чрезъ какого-то писаря изъ канцеляріи генералъ-губернатора, запаслись фальшивыми видами, и уже хотѣли бѣжать изъ Москвы. Сунгуровъ, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этихъ офицеровъ, узнавъ о ихъ намѣреніи, сдѣлалъ на нихъ доносъ правительству, и ихъ по этому начали хватать и арестовывать. Когда явились жандармы арестовать одного изъ нихъ, поручика Сѣдлецкаго, то въ это время былъ у него въ гостяхъ студентъ Полоникъ, который послѣ этого, явясь къ жандармскому генералу Волкову, сдѣлалъ доносъ уже на Сунгурова и на всѣхъ тѣхъ, которые у него бывали. Такимъ образомъ, этотъ гнусный Полоникъ, бывши моимъ товарищемъ еще съ гимназіи, сдѣлался теперь самымъ лютымъ обвинителемъ меня, Антоновича и всѣхъ другихъ студентовъ, не только знакомыхъ съ Сунгуровымъ, но даже только знакомыхъ съ нами.

Надобно сказать, что я, находясь внѣ Москвы, былъ арестованъ уже послѣ другихъ, что комиссія, еще прежде моего привода въ нее, уже дѣйствовала, и уже были арестованы Сунгуровъ, Гуровъ, Антоновичъ, Кошевскій и другіе, такъ что, до допроса меня, комиссія уже имѣла обо всемъ многія свѣдѣнія, и какъ Полоникъ, по какому-то особенному ко мнѣ нерасположенію, наговаривалъ на меня болѣе нежели на кого другаго (да и въ самомъ дѣлѣ, я въ этомъ случаѣ, какъ уже говорилъ выше, былъ болѣе другихъ дѣятеленъ), то комиссія смотрѣла на меня, какъ на одного изъ главныхъ заговорщиковъ, и безъ сомнѣнія благородные ея члены были изумлены, когда увидѣли передъ собою маленькаго, скромнаго и грустнаго девятнадцатилѣтняго юношу, кажется вовсе не со звѣрской физіономіей, а съ добрымъ и откровеннымъ лицемъ.

Вопросы были предлагаемы мнѣ и словесные, и письменные: былъ ли я знакомъ съ Сунгуровымъ, чтò онъ мнѣ говорилъ, кому я пересказывалъ то, чтò слышалъ отъ него и проч. Трудно теперь припомнить въ систематическомъ порядкѣ, какіе дѣлались мнѣ вопросы; но я очень хорошо помню, что я дѣлалъ отвѣты не какъ нибудь на обумъ и спроста, а заблаговременно хорошо обдумывалъ свои отвѣты, и взялъ себѣ за правило, котораго строго держался, показывать только то, чего уже нельзя было скрыть, чтò уже было согласно показано другими, не запираться безполезно, въ особенности не обна-

руживать своихъ товарищей, и ярко выставлять обстоятельства, хотя сколько нибудь служащія къ нашему общему оправданію. И по совѣсти могу сказать и теперь, что я не только никого не обвинилъ или не запуталъ въ дѣло напрасно, но даже иногда не щадилъ себя для оправданія другихъ. Надобно сказать, что нѣкоторые изъ обвиняемыхъ моихъ товарищей, и по молодости, и со страху, много наговорили такого, о чемъ можно было совершенно безопасно умолчать, а иногда даже говорили и совершенно лишнее, желая какъ можно болѣе оправдать себя. Но я могу сказать о себѣ, что вышелъ изъ этого дѣла въ этомъ отношеніи не только безъ упрека, но впослѣдствіи имѣлъ даже заявленія отъ нѣкоторыхъ товарищей въ благородствѣ моихъ дѣйствій въ этомъ случаѣ и въ моемъ самоотверженіи.

На этомъ первомъ допросѣ, мнѣ прежде всего хотѣлось знать, кто изъ моихъ товарищей замѣшанъ въ это дѣло и что́ они показали, и какъ узнать это, при допросѣ, разумѣется, было невозможно, то, чтобы хотя сколько нибудь прояснить занимавшую меня неизвѣстность, я употребилъ маленькую хитрость. Изъ осторожныхъ и уклончивыхъ, а иногда и совершенно отрицательныхъ моихъ отвѣтовъ комиссія заключила, что я запираюсь, не хочу открыть всего, что̀ знаю, что̀ и дѣйствительно такъ было... (не стать же мнѣ, было, сдуру, болтать все, что́ только знаю?). Поэтому, члены комиссіи склоняли меня къ откровенности, и тутъ, по своей спеціальной обязанности, подступилъ ко мнѣ попъ съ своими душеспасительными увѣщаніями. Я слушалъ его очень внимательно и, со всѣмъ моимъ наружнымъ смиреніемъ, пустился съ нимъ въ душеспасительную бесѣду. Восхищаясь ею и восхваляя пастыря, я просилъ его посѣтить меня для душевнаго меня врачеванія. Этотъ первой допросъ былъ непродолжителенъ, и по окончаніи его, я поѣхалъ, уже ночью, обратно съ своимъ стражемъ въ Крутицкую свою тюрьму.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ священникъ. Кажется, это былъ очень добрый человѣкъ и не очень проницателенъ. Онъ показывалъ сожалѣніе о моемъ положеніи, часа два со мною бесѣдовалъ и, по простотѣ своей, разсказалъ все, что̀ мнѣ только знать нужно было. Называя многихъ арестованныхъ моихъ товарищей, онъ, между прочимъ, сказалъ, что арестованъ и Топорнинъ, и что вслѣдъ за нимъ пріѣхали въ Москву его отецъ и мать, сильно встревоженные положеніемъ своего сына. Это извѣстіе сильно меня удивило и опечалило. Какъ я уже писалъ выше, Топорнинъ не только не раздѣлялъ моего образа мыслей относительно участія въ тайномъ, конституціонномъ обществѣ, но и меня еще предостерегалъ, и я о томъ, что̀ говорилъ съ нимъ по этому предмету, никогда ни кому не открывалъ; но По-

лоникъ, вѣроятно только по предположенію, что я съ Топорнинымъ былъ дружнѣе, нежели съ кѣмъ-либо другимъ, включилъ и его въ число участниковъ въ заговорѣ Сунгурова.

На второмъ допросѣ, бывшемъ на другой же день послѣ посѣщенія меня священникомъ, тоже вечеромъ, я уже былъ откровеннѣе. Я уже понялъ, что неблагоразумно было бы отрицать то, что̀ уже согласно показали другіе, и хотя я и сознался во всемъ, что̀ я слышалъ отъ Сунгурова о тайномъ обществѣ и говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, но прибавлялъ, что всѣ мы, находя предложеніе Сунгурова для насъ страннымъ и непонятнымъ, рѣшительно отказались отъ всякаго участія въ тайномъ обществѣ; и тутъ я подробно описалъ наше собраніе въ квартирѣ Кноблоха, разговоръ нашъ съ Сунгуровымъ и нашъ отказъ отъ участія въ его тайномъ обществѣ и о прекращеніи съ нимъ знакомства, что̀ потомъ согласно подтвердили и всѣ другіе мои товарищи.

Кажется, на этомъ второмъ допросѣ случился со мною одинъ куріозный эпизодъ. Спросили меня, былъ ли я знакомъ съ N.... не помню теперь съ кѣмъ именно, и какъ я совершенно не зналъ этого лица, то и отвѣчалъ словесно, что я его не знаю и никогда не былъ съ нимъ знакомъ. Вѣроятно, это мое знакомство, показанное Полоникомъ, было важнымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ и, быть можетъ, подтверждено было неправильно и еще кѣмъ либо, и поэтому отрицаніе мое показалось членамъ комиссіи запирательствомъ съ моей стороны, которое, обнаружась, могло повредить мнѣ, и члены съ участіемъ начали уговаривать меня сознаться и безполезнымъ запирательствомъ не отягчать своей участи. Я повторилъ, что еслибы былъ знако̀мъ съ этимъ лицомъ, то безъ сомнѣнія сознался бы, не видя въ этомъ никакой для себя опасности, но что я вовсе его не знаю. Увѣщанія меня продолжались довольно долго, но я оставался непоколебимъ и хотѣлъ уже свой отрицательный отвѣтъ написать противъ даннаго мнѣ объ этомъ письменнаго вопроса, уже взялъ перо.... Но священникъ схватилъ меня за руку и съ какимъ-то волненіемъ началъ меня уговаривать и заклинать Христомъ-Богомъ не губить себя и сознаться. Это, наконецъ, меня разсердило. Я вырвалъ у попа руку, написалъ рѣшительно *нѣтъ* и, обращаясь къ нему, сказалъ: *еже писахъ, писахъ*! чѣмъ вся комиссія была поражена. Въ послѣдствіи, однакожъ, обнаружилась моя совершенная невинность въ этомъ случаѣ.

Полоникъ, желая какъ можно болѣе придать значенія своему доносу и заговору, старался какъ можно болѣе замѣшать лицъ въ свое обвиненіе и какъ можно болѣе наговорить на всѣхъ насъ, а въ особенности на меня. Такъ, между прочимъ, онъ показалъ на меня, что

я, кромѣ участія въ Сунгуровскомъ обществѣ, состою еще главою двухъ тайныхъ обществъ въ Москвѣ, одного мужскаго, а другаго женскаго. На сдѣланные мнѣ объ этомъ вопросы я отвѣчалъ, что это чистая клевета, что я въ Москвѣ почти никакого ни имѣю знакомства, и что мнѣ быть главой двухъ обществъ, да еще одного изъ нихъ женскаго.... тутъ я захохоталъ самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ! Члены комиссіи дѣйствительно вѣрили моему чистосердечію и сами улыбались, но должны были дать мнѣ очную ставку съ Полоникомъ, для чего и ввели его въ присутствіе. Надобно сказать, что Полоникъ также содержался подъ арестомъ. Когда онъ вошелъ, мнѣ даже противно было смотрѣть на этого гнуснаго доносчика; но я взглянулъ на него смѣло и съ волненіемъ началъ уличать его въ клеветѣ. Какъ ни былъ онъ подлъ, но еще вѣроятно оставалась въ немъ искра совѣсти, и онъ никакъ не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза. Онъ началъ, однакожъ, утверждать свою клевету, но самымъ робкимъ и слабымъ голосомъ. Я сбивалъ его на каждомъ словѣ и, придя въ сильное волненіе отъ его гнусности, я, наконецъ, обратился къ членамъ и сказалъ: «*Вѣдь это между нами очная ставка. Велитежъ ему смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, такъ какъ я смотрю ему!*... Члены всѣ обратились взорами къ нему, а онъ, сконфуженный и какъ бы убитый какимъ горемъ, стоялъ понуря голову и не могъ поднять на меня глазъ своихъ. Комиссія была этимъ его видомъ совершенно убѣждена въ его клеветѣ и въ моей невинности. Болѣе ни съ однимъ изъ товарищей моихъ не было у меня очной ставки: значитъ, не было между нами разногласія. Но съ Полоникомъ они были неоднократны, и я всегда его конфузилъ и заставлялъ сознаться въ клеветѣ.

Онъ былъ просто какъ помѣшанный, и вѣроятно съ отчаянія показывалъ на насъ всякую небылицу. Однажды, въ комиссіи читаютъ мнѣ такого рода его доносъ, что будто бы у Сунгурова, говоря о необходимости произвести въ Россіи революцію, мы намѣревались убить Государя, а къ Наслѣднику Престола сдѣлать опекуномъ меня!... Я не выдержалъ и просто захохоталъ при этомъ обвиненіи.—«Ну, какой изъ меня былъ бы опекунъ!» воскликнулъ я, и потомъ началъ утверждать, что не только я, но ни Сунгуровъ и никто никогда не говорилъ въ нашемъ обществѣ ничего подобнаго, и что это такая же клевета, какъ и многое другое, возведенное на меня Полоникомъ. Члены комиссіи, какъ я замѣтилъ, и сами съ негодованіемъ приняли подобное обвиненіе. Князь Голицынъ съ предсѣдательскаго мѣста смотрѣлъ на меня въ лорнетку и что-то говорилъ пофранцузски князю Гагарину, чего я не могъ разслышать, и всѣ прекратили всякіе дальнѣйшіе объ этомъ допросы. И дѣйствительно, между нами никогда не было не

только никакихъ злыхъ намѣреній противу Государя, но даже и слишкомъ вольныхъ рѣчей объ немъ. Да и какъ мы могли говорить о намѣреніяхъ общества, когда мы еще не вступали въ него положительно?

Когда уже выяснилось предъ комиссіей, что мы, хотя и были приглашаемы Сунгуровымъ ко вступленію въ тайное революціонное общество, но отъ участія въ немъ отказались, казалось бы чего-же еще больше желать отъ такихъ неопытныхъ мальчиковъ? Но намъ былъ сдѣланъ допросъ, почему же мы, зная о такомъ противузаконномъ намѣреніи Сунгурова, не донесли объ этомъ правительству? На это я письменно и обширно отвѣчалъ, сколько теперь помню: что 1) я считалъ всегда всякой доносъ низкимъ поступкомъ, а доносчика подлымъ человѣкомъ, 2) что я считалъ Сунгурова богатымъ и значительнымъ лицомъ, и что, поэтому, сдѣлавши на него доносъ, я бы только самъ пострадалъ, и наконецъ, 3) самое главное, что я совершенно не вѣрилъ въ существованіе такого общества и не считалъ намѣреній Сунгурова серьозными, и слѣдовательно опасными для правительства. Это и въ самомъ дѣлѣ такъ было. И этого, казалось бы, очень достоточно для совершеннаго нашего оправданія.

Между тѣмъ мысли о Топорнинѣ сильно меня тревожили. Если бы онъ заперся и сказалъ, что онъ ничего отъ меня не слышалъ о Сунгуровѣ, то онъ былъ бы въ безопасности; потому что я былъ увѣренъ, что онъ не пересказывалъ объ этомъ никому, и слѣдовательно некому было бы обнаружить его знанія о замыслахъ Сунгурова. Поэтому, не зная, какъ показалъ Топорнинъ, я сначала отвѣчалъ отрицательно на вопросъ, не сообщалъ ли я ему о замыслѣ Сунгурова. Но когда я узналъ, что Топорнинъ, какъ юноша правдивый и честный, самъ показалъ, что онъ слышалъ отъ меня о предложеніи Сунгурова, тогда я, считая уже безполезнымъ отрицать болѣе, подалъ въ комиссію особую записку, въ которой энергически и съ юношескимъ самоотверженіемъ его оправдывалъ и объяснялъ, какъ онъ не только не раздѣлялъ моего образа мыслей въ этомъ случаѣ, но, напротивъ, сильно отвлекалъ меня отъ знакомства съ такимъ опаснымъ человѣкомъ и проч. Однимъ словомъ, я уже не жалѣлъ себя, чтобы только спасти друга. Дѣйствительно, Топорнинъ былъ вскорѣ освобожденъ изъ-подъ ареста и понесъ легкое какое-то взысканіе (кажется, удаленіе изъ университета). Въ послѣдствіи, я чрезъ товарищей получилъ отъ него самое восторженное и благодарное письмо за мое самоотверженіе для его спасенія (письмо это, къ сожалѣнію моему, затерялось). Съ Топорнинымъ я послѣ раза два видѣлся еще въ Москвѣ, а потомъ, по отъѣздѣ моемъ на Кавказъ, никогда уже болѣе съ нимъ не встрѣ-

чался. Антоновичъ видѣлся съ нимъ въ Крыму, гдѣ онъ лечился отъ грудной болѣзни, и гдѣ онъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, умеръ.

Нѣсколько мѣсяцевъ продолжались эти вопросы, и меня очень часто возили въ комиссію. При моемъ совершенномъ уединеніи, эти поѣздки служили какъ бы развлеченіемъ, и какъ ни скучны были жандармскіе офицеры, большею частію изъ бурбоновъ, но все таки, бывало, то проѣдешь (хотя и въ сумеркахъ) по Москвѣ, то побесѣдуешь съ нимъ нѣсколько часовъ въ чистой и просторной комнатѣ. Чрезъ нѣсколько времени, когда уже почти кончилось наше слѣдствіе, я былъ днемъ привезенъ въ домъ генералъ-губернатора и вскорѣ введенъ въ комиссію. Въ комиссіи былъ только князь Гагаринъ, и съ нимъ совершенно новое для меня лицо, какой-то флигель-адъютантъ. Это былъ, какъ я потомъ узналъ, графъ Строгановъ, присланный изъ Петербурга узнать, въ какомъ положеніи наше дѣло. Когда я вошелъ въ присутствіе, князь Гагаринъ сказалъ графу мою фамилію и началъ ему по-французски очень хвалить меня, называть благороднѣйшимъ и даровитымъ молодымъ человѣкомъ, завлеченнымъ злонамѣренными людьми. Графъ Строгановъ подошелъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ присланъ отъ Государя по нашему дѣлу и, взявъ меня за руку, прибавилъ: «Будьте спокойны, молодой человѣкъ, и ждите терпѣливо окончанія своего дѣла, которое должно скоро кончиться, и я даю вамъ честное слово, что вы нисколько за это не пострадаете». Я поблагодарилъ его и вышелъ, и ежели графъ Строгановъ не сдержалъ своего слова, то я увѣренъ, что только потому, что не отъ него зависѣло рѣшеніе судьбы моей.

Вообще надобно сказать, что я и по настоящее время сохраняю самое глубокое уваженіе къ памяти всѣхъ лицъ бывшей тогда слѣдственной комиссіи по нашему дѣлу. Это были люди высоко стоявшіе, не только въ административной іерархіи, но и въ нравственномъ достоинствѣ, и поэтому они очень намъ сочувствовали и объ насъ сожалѣли. Они ясно понимали наше дѣло, видѣли, что тутъ вовсе не было никакой опасности для государства и что мы не только не были какіе нибудь злонамѣренные и развратные люди, а напротивъ очень благородные и неглупые юноши, которые, если и проникнуты были либеральными стремленіями, то кто же тогда, хотя сколько нибудь образованный человѣкъ, не имѣлъ ихъ? И я увѣренъ, что и сами эти члены комиссіи, какъ люди высокообразованные, были еще либеральнѣе всѣхъ насъ, но, разумѣется, были убѣждены., что еще рано приступать въ Россіи къ какимъ либо переворотамъ. Однажды, когда я, во время призыва въ комиссію, сидѣлъ, по обыкновенію, съ жандармскимъ офицеромъ къ отдѣльной комнатѣ, ожидая призыва въ присутствіе, ко мнѣ вошелъ членъ комиссіи, Московскій гражданскій губернаторъ Неболь-

синъ. Офицеръ вышелъ изъ комнаты, и Небольсинъ, сѣвъ возлѣ меня, началъ со мною разговаривать, хвалилъ меня за мои дѣйствія, во время производства слѣдствія, что я ничего не говорилъ и не писалъ въ моихъ отвѣтахъ лишняго, никого не запуталъ, обнаружилъ всѣ гнусности доносчика Полоника, особенно былъ тронутъ защитой моей Топорнина и восхищался моимъ отвѣтомъ на вопросъ, почему я не донесъ на Сунгурова. «Я вижу, сказалъ онъ, что всѣ вы благородные «и образованные молодые люди, и всѣ мы очень объ васъ сожалѣемъ «Мы всѣ такихъ же мыслей, какъ и вы, объ нашемъ образѣ правле-«нія; да что̀ же дѣлать?... Насъ еще немного... и жаль если вы по-«гибнете! Изъ васъ вышли бы полезные для отечества люди»...

Въ Крутицкихъ казармахъ меня содержали хорошо. Попеченіе обо всѣхъ арестованныхъ было возложено на коменданта Сталя, человѣка въ высшей степени добраго и сострадательнаго. Онъ часто посѣщалъ насъ, спрашивалъ о всѣхъ нуждахъ и немедленно удовлетворялъ ихъ. Мнѣ приносили утромъ и вечеромъ чаю со сливками и бѣлымъ хлѣбомъ; обѣдъ и ужинъ были вкусные, платье мое и бѣлье, остававшееся въ Москвѣ, были мнѣ доставлены, а въ послѣдствіи позволили имѣть книги, бумагу и перья, позволили писать письма къ родителямъ, отсылавшіяся незапечатанными къ коменданту; но кажется, что онъ, изъ благородной деликатности, никогда ихъ и не читалъ, потому что никогда не было уничтожено или возвращено мнѣ ни одно изъ нихъ, хотя я и не очень стѣснялся описаніемъ въ нихъ моего положенія. Въ послѣдствіи позволили посѣщать меня и моимъ знакомымъ, и товарищи-студенты начали пріѣзжать ко мнѣ и привозить мнѣ книги и все, въ чемъ я нуждался. Въ особенности чаще всѣхъ посѣщалъ меня Почека и Оболенскій. Посѣщенія ихъ, разумѣется, приносили мнѣ большое утѣшеніе, и хотя во время ихъ визитовъ всегда присутствовалъ дежурный офицеръ, но какъ я уже со всѣми офицерами былъ знако̀мъ, и многіе изъ нихъ были люди добрые и простые, то они и не стѣсняли нашей откровенности.

Непосредственнымъ моимъ главнымъ стражемъ былъ командиръ жандармскаго дивизіона, полковникъ Семеновъ, родной братъ извѣстной трагической актрисы Семеновой, бывшей тогда уже замужемъ за княземъ Гагаринымъ. Это былъ суровый и безчувственный человѣкъ, котораго не трогали никакія страданія другаго, и онъ старался всѣмъ, чѣмъ только можно, стѣснять меня, за что у насъ съ нимъ выходили частые споры, доходившіе иногда и до свѣдѣнія коменданта. Семеновъ былъ единственный человѣкъ, въ которомъ я, во все время моего несчастія, не встрѣтилъ никакого состраданія къ моему тягостному положенію. Можно было дозволить намъ гораздо болѣе свободы

въ прогулкахъ, а особливо, когда уже увѣрились въ нашей покорности своей участи; но Семеновъ рѣдко позволялъ мнѣ гулять по двору, который, хотя былъ кругомъ обнесенъ высокою, еще древнею каменною стѣною, но сторожъ неотлучно слѣдилъ за мной. И какая уже это прогулка? Не смотря на данное комендантомъ дозволеніе бывать мнѣ въ церкви, тутъ же, за воротами казармы находящейся, Семеновъ это дозволеніе обставилъ такими стѣсненіями, что я не захотѣлъ имъ пользоваться. Однимъ словвмъ, это былъ злой человѣкъ. Ежедневно слышны были страшные крики солдатъ, которыхъ онъ поролъ за всякую бездѣлицу немилосердно, и мнѣ, на каждомъ шагу, онъ имѣлъ возможность дѣлать стѣсненія и непріятности.

Въ однѣхъ со мною Крутицкихъ казармахъ содержались подъ арестомъ: полковникъ Козловъ, Кноблохъ и Кошевскій. Отъ Козлова я часто пользовался Французскими романами, которые къ нему привозила изъ библіотеки его жена. Антоновичъ, Кольрейфъ и другіе содержались въ Петровскихъ казармахъ, гдѣ помѣщался гарнизонный баталіонъ, и имъ, какъ оказалось потомъ изъ разсказовъ, было гораздо лучше и свободнѣе, нежели содержимымъ въ Крутицкихъ казармахъ: они имѣли сообщеніе между собою, посѣщали тамошнихъ офицеровъ, и къ нимъ свободно всѣ ходили, даже дамы. У насъ же мы не могли видѣться одинъ съ другимъ и только изрѣдка обмѣнивались черезъ солдатъ книгами. Въ смежной со мною комнатѣ содержался Кошевскій. Онъ игралъ хорошо на скрипкѣ, которую и имѣлъ у себя. Раздѣлявшая насъ стѣна, хотя и была довольно толста, но звуки скрипки до меня доходили, и часто они до слезъ меня трогали. Потомъ и я досталъ себѣ чрезъ товарищей скрипку, и она много сокращала у меня тяжелаго времени и служила мнѣ величайшей отрадой. Въ послѣдствіи комендантъ дозволилъ мнѣ и Кноблоху жить вмѣстѣ. Это было для меня величайшимъ счастіемъ, и тутъ-то я съ нимъ занялся Нѣмецкой литературой, философіей и исторіей. Съ нимъ мы читали сочиненія Гердера, Герена, Шиллера, Гете и другихъ Нѣмецкихъ писателей. Но, какъ говорится, золотая клѣтка не радуетъ птички: всѣ эти дозволенія и облегченія служили только нѣкоторымъ развлеченіемъ а лишеніе свободы и мысли о будущей моей участи сильно давили меня. Сначала я до того страдалъ и терзался своимъ заключеніемъ, безъ книгъ, безъ живой бесѣды, безъ свѣжаго воздуха, что теперь, припоминая это, удивляюсь, какъ я не заболѣлъ отъ страшной тоски или какъ не сошелъ съ ума, и такое строгое, одиночное заключеніе имѣло большое вліяніе на мой характеръ. Прежде я былъ веселый и безпечный юноша, который не только никогда не зналъ скуки, но всегда оживлялъ собою все общество; никогда я ни на кого и ни на

что́ не сердился, и жизнь мнѣ представлялась въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Я былъ гордъ, самостоятеленъ и съ самыми пылкими стремленіями ко всему доброму и прекрасному; а послѣ этого продолжительнаго заключенія я сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, чуждающимся общества, всегда скучающимъ, всегда съ мрачными мыслями и легко раздражающійся всякою бездѣлицей. Погибла моя самоувѣренность въ своихъ могучихъ силахъ, душа какъ-то ослабѣла, сердце ожесточилось, и я смотрѣлъ уже на жизнь не какъ на радость и счастіе, а какъ на какую-то тягость, которую долженъ нести по неволѣ. Погибли всѣ мои возвышенныя стремленія, всѣ надежды, всѣ помыслы о полезной дѣятельности, и я сталъ уже буквально только влачить жизнь и думать уже не о радостяхъ жизни, а какъ бы только избавиться отъ ея бѣдствій.... Да, это проклятое, полуторагодичное заключеніе сильно ослабило мои и физическія, и моральныя силы!...

Изъ этого печальнаго періода моей жизни (заключенія моего въ Крутицкихъ казармахъ въ Москвѣ) у меня сохранилась часть Дневника, который я велъ тогда, а также и нѣсколько писемъ ко мнѣ тогдашняго Московскаго коменданта Сталя.

Одинъ только добрый профессоръ Погодинъ [1]) не забылъ меня и въ моемъ несчастіи, по письму моему, переданному ему комендантомъ Сталемъ, прислалъ мнѣ Гердера на Нѣмецкомъ языкѣ: Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit.

«Генваря 17-го. (1832). Вслѣдствіе моей просьбы къ коменданту, мнѣ позволено было бывать одинъ разъ въ недѣлю у моихъ знакомыхъ, по Вторникамъ. Мнѣ сказали мои стражи-жандармы, что я долженъ быть дома непремѣнно въ четыре часа послѣ обѣда; но какъ я зналъ, что всѣхъ другихъ отпускаютъ до десяти часовъ, то мнѣ и вздумалось прямо отправиться къ коменданту съ жалобой на своихъ низкихъ угнетателей жандармовъ. Прихожу къ коменданту. У него встрѣтилъ въ уланскомъ юнкерскомъ мундирѣ Валеріяна Гагарина [2]). Потомъ вошелъ я къ коменданту въ кабинетъ. Онъ подошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я разсказалъ ему мою жалобу. Онъ отвѣчалъ мнѣ ласковымъ тономъ, что я могу быть у своихъ знакомыхъ до шести часовъ, что онъ меня отпустилъ потому только на одинъ разъ въ недѣлю, что я такъ просилъ его, но если я попрошусь и два раза въ недѣлю навѣщать моихъ знакомыхъ, то онъ дозволитъ мнѣ и два раза. Но не ходите, прибавилъ, въ публичныя собранія, какъ напримѣръ Антоновичъ, который былъ даже въ универси-

---

[1]) Если не ошибаемся, Топорнинъ, будучи студентомъ, жилъ у Погодина. П. Б.

[2]) Сынъ князя Павла Павловича Гагарина, бывшій студентъ.

тетѣ на лекціяхъ. Между прочимъ спросилъ, отъ чего это я только одинъ жалуюсь на своихъ привратниковъ, на что̀ я отвѣчалъ, что мы всѣ терпимъ отъ Семенова, но что я одинъ ничего не хочу прощать ему.... Отъ коменданта отправился я прямо въ домъ Рахманова, но увы! они живутъ въ деревнѣ, и домъ ихъ отдается въ наймы. Тутъ половина моихъ надеждъ рушилась!»

«Пришелъ ко мнѣ Безпалый. Дежурнымъ былъ прапорщикъ Бухвостовъ, который поэтому и пришелъ къ намъ. Кноблохъ завелъ съ нимъ рѣчь о Польской войнѣ, и постепенно разговоръ превратился въ споръ, который съ нашей стороны нисколько не былъ серьозенъ; съ Бухвостовымъ ли о такомъ предметѣ спорить серьозно? Но Бухвостовъ пришелъ въ удивительный азартъ и кричалъ, что Русскіе храбрые люди, а Поляки—подлецы, и доказалъ это разными частными случаями. Потомъ завелъ со мной разговоръ о Семеновѣ, и я не удержался, чтобы не высказать предъ нимъ всего моего негодованія къ этому низкому человѣку. Тутъ Бухвостовъ сказалъ: Не почитайте меня, господа, за какого нибудь фискала; но я вамъ отъ добраго сердца совѣтую не передъ всякимъ дежурнымъ говорить это. Я отвѣчалъ, что я говорю, разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы это было перенесено Семенову; но если кто и скажетъ ему все это, то я не боюсь, ибо я не клевещу и въ глаза ему готовъ высказать всѣ его низости. Говоря о честности Русскихъ солдатъ, Бухвостовъ сказалъ, что одинъ Полякъ подговаривалъ на свою сторону цѣлый эскадронъ и сулилъ имъ на день жалованья по восьми злотыхъ, но ни одинъ солдатъ не перешелъ къ нему. Этимъ анекдотомъ онъ хотѣлъ поразить насъ; но я ему шутя отвѣтилъ: *палки боялись!* Вы, милостивый государь, слишкомъ вольно судите, сказалъ онъ, и ушелъ крича, что Поляки—подлецы! Мы цѣлый день смѣялись надъ его неумѣстнымъ жаромъ и глупостію, ибо онъ разсказывалъ, что онъ не былъ въ самой Польшѣ, а только въ *Краковѣ на Майнѣ*, гдѣ видѣлъ соляную церковь!.. Никто изъ насъ и не предполагалъ, чтобы онъ имѣлъ какое либо коварное намѣреніе; но его жандармская душонка рада была случаю и подольститься къ своему начальнику Семенову, и показать предъ правительствомъ свою ревность. Онъ сдѣлалъ на насъ доносъ коменданту (я думаю, что Семеновъ побудилъ его къ сему), въ которомъ оклеветалъ насъ какъ нельзя чернѣе, т.-е. увеличилъ все во сто разъ, и еще прилгалъ, или лучше сказать, переврялъ многое».

«Генваря 22. Между тѣмъ я не получаю отъ коменданта разрѣшенія моей просьбы, но какъ пришелъ Вторникъ, то я и хотѣлъ было идти къ знакомымъ. Вдругъ, говорятъ, что мнѣ нельзя выходить! Почему? Молчатъ. Это меня взорвало. Я подозвалъ адъютанта и напустился на

него; но онъ сказалъ, что все это дѣлается по приказанію командира и больше онъ ничего не знаетъ. Я въ досадѣ хотѣлъ идти къ командиру, но меня зовутъ въ канцелярію, куда я иду въ недоумѣніи. Въ канцеляріи нахожу оберъ-аудитора, который и подаетъ мнѣ для отвѣта вопросные пункты, сдѣланные мнѣ въ слѣдствіе доноса Бухвостова. Первой вопросъ былъ, за что̀ я недоволенъ Семеновымъ? Я обрадовался случаю и описалъ всѣ его низкіе со мною поступки. На всѣ другіе вопросы я отвѣчалъ такъ, что̀ мнѣ казалось я былъ правъ. Возвращаюсь изъ канцеляріи, и увы! уже не въ свою комнату, а въ другую: насъ всѣхъ разсадили опять по разнымъ номерамъ и запретили всякое сообщеніе. Это былъ для меня ударъ! На другой день приходитъ ко мнѣ Семеновъ, съ Зельчиковымъ и Петровымъ (жандармскими офицерами). Я былъ сильно смущенъ. При видѣ врага, я приготовился къ бою; но вдругъ онъ начинаетъ говорить со мною самымъ ласковымъ тономъ. Къ этому я не былъ приготовленъ, и потому не зналъ, сначала, что̀ ему говорить. Но когда онъ спросилъ меня, за что̀ я на него не доволенъ, то я въ глаза ему высказалъ всѣ его несправедливые со мною поступки. Онъ все отговаривался тѣмъ, что онъ исполняетъ приказаніе другихъ, и что ему нѣтъ никакой нужды меня угнетать, и въ заключеніе сказалъ: *Называйте меня какъ хотите, подлецомъ, скотомъ... я этимъ не обижаюсь; я смѣюсь надъ этимъ!* Такое неуваженіе къ своей личности мнѣ показалось противнымъ, и я пересталъ говорить съ нимъ».

«Генваря 23. И такъ я опять подвергнутъ всѣмъ строгостямъ заключенія. Опять не вижу ни одного знакомаго человѣческаго образа, не слышу привѣтливаго слова! Я долженъ говорить только съ самимъ собою, а этотъ разговоръ убійственъ. У меня уже почти нѣтъ воспоминаній; душевное безпокойство дѣлаетъ невозможною всякую умственную работу, и я долженъ предаваться однимъ только мрачнымъ предположеніямъ. Но какъ они страшны, какъ мучительны. Уже давно не получаю изъ дома писемъ. Что за причина? Боже мой! Этотъ вопросъ одинъ теперь терзаетъ меня. Бѣдные родители! Вы, вѣрно, страдаете о своемъ несчастномъ сынѣ, бывшемъ единственною вашей отрадой и надеждой. Для чего вы меня породили, для чего воспитали? Но какое адское предположеніе всесильно овладѣваетъ мною? Что, если я теперь уже несчастный сирота!»...

Этихъ нѣсколькихъ выписокъ изъ моего дневника, полагаю, достаточно, чтобы дать понятіе и объ обстоятельствахъ моего заключенія, о моихъ страданіяхъ въ продолжительной и строгой неволѣ, наконецъ, и о моихъ юныхъ мечтахъ и думахъ и моихъ пылкихъ чувствахъ, рвавшихся ко всему прекрасному и доброму, и вдругъ сжатыхъ безвыходною тюрьмою и загражденныхъ страшною будущностью. И опять

повторю, что я и теперь удивляюсь, какъ я, въ продолженіи такого томительнаго, полуторагодичнаго заключенія, не сошелъ съ ума, или не потерялъ вовсе всякой вѣры и въ Бога, и въ людей, и сердце мое не сдѣлалось совершенно безчувственно и безжалостно.

Приведу теперь нѣкоторыя изъ писемъ ко мнѣ коменданта Сталя, которыя были писаны рукою писаря и имъ только подписаны.

«Господину Костенецкому. На письмо ваше ко мнѣ, отъ 21-го сего Мая, увѣдомляю, что я въ полной мѣрѣ понимаю горестное ваше положеніе и мучительныя чувства, которыя обременяютъ васъ, хотя и желалъ бы, какъ человѣкъ всегда готовый облегчать страданія несчастныхъ, доставить вамъ отраду чрезъ свиданіе съ вашимъ товарищемъ; но какъ блюститель священнѣйшихъ законовъ своего Государя, обязанный въ исполненіи оныхъ и вѣрноподданнической преданностію, и самою присягой, не могу присвоить себѣ права выше моей должности и чрезъ то нарушить исполненіе своей обязанности, ибо законы сіе воспрещаютъ. А потому не могу болѣе сдѣлать ничего, кромѣ облегченія вашей участи прежними моими распоряженіями и посовѣтовать терпѣливо переносить время вашего ареста, оставя несоотвѣтствующія вашему образованію мысли отчаянія. Комендантъ Сталь. Мая 27-го 1832 года, № 587».

Письмо это, выражая благородство Сталя, который, хотя и желалъ облегчить мое положеніе, но не могъ этого сдѣлать, вслѣдствіе, вѣроятно, особаго о содержаніи насъ высочайшаго распоряженія, съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаетъ, какъ смотрѣло тогда на насъ высшее правительство, и какую оно придавало важность нашему дѣлу, въ сущности совершенно ничего незначущему, когда оно содержало насъ въ такомъ строгомъ заключеніи и боялось даже свиданія съ нами кого либо изъ нашихъ знакомыхъ. Вѣроятно, вслѣдствіе ходатайства этого добраго коменданта, оно въ послѣдствіи уже разрѣшило допустить намъ такую милость.

«Г. Костенецкому. На письмо ваше отъ 29-го сего Августа, увѣдомляю, что приложенное приономъ таковое-жъ на имя г. профессора Погодина, къ нему отослано. Московскій комендантъ генералъ-маіоръ Сталь. 31-го Августа, 1832 года, № 999».

«Г. Костенецкому. На письмо ваше отъ 17-го сего Октября, долженъ васъ увѣдомить, что если исполнить желаніе ваше о переводѣ васъ въ Петровскія казармы, то безъ всякой причины долженъ чрезъ сіе сдѣлать неудовольствіе другому; ибо свободнаго въ Петровскихъ казармахъ номера нѣтъ. Но желая облегчить вашу участь возможнымъ снисхожденіемъ, съ симъ вмѣстѣ предписалъ г. Семенову помѣстить васъ съ г. Кноблохомъ. При семъ прилагая полученное отъ родителя

вашего письмо и денегъ 10 рублей, прошу увѣдомить его, чтобы онъ не безпокоился о томъ, что письма къ вамъ адресуетъ на мое имя, чего иначе и сдѣлать не можно. Московскій комендантъ генералъ-маіоръ Сталь. 21-го Октября 1832 года».

VIII.

Окончаніе слѣдствія.— Военно-судная Комиссія.—Рѣшеніе ея.—Объясненіе Сунгуровскаго заговора.—Покровскія казармы.—Отправленіе на Кавказъ.—Пересыльный зáмокъ.—Прощаніе съ товарищами.—Дальнѣйшая участь товарищей, пострадавшихъ за Сунгуровское дѣло.

Дѣло наше въ слѣдственной комиссіи окончилось. Говорили потомъ, что будто бы комиссія сдѣлала объ насъ такое заключеніе, что, не найдя насъ виновными въ Сунгуровскомъ заговорѣ, а только въ образѣ мыслей, противномъ настоящему правленію, она полагала, удаливъ насъ изъ университета, опредѣлить въ отдаленныя губерніи на гражданскую службу, съ чиномъ 14-го класса, но что будто бы Государь остался недоволенъ такимъ заключеніемъ комиссіи и велѣлъ судить насъ военнымъ судомъ. И вотъ дѣло наше было передано въ военный судъ при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ, куда насъ и начали тягать.

Мы были этимъ сильно опечалены, не только потому, что ожидали отъ этого суда худшей участи, какъ отъ того, что приходилось еще долго томиться подъ арестомъ. Сколько я теперь помню, меня не страшила тогда никакая участь (единственнымъ желаніемъ было только избавиться отъ тяжкой неволи). Однажды посѣтили меня товарищи и со слезами начали говорить мнѣ, что въ Москвѣ носятся страшные слухи: говорятъ будто бы приговорили насъ къ повѣшенію, и что, будто бы, на Воробьевыхъ горахъ строятъ уже и висѣлицы. Я совершенно равнодушно принялъ это извѣстіе, началъ еще успокоивать товарищей, и хотя и сомнѣвался въ вѣрности этого слуха, но предполагая и вѣроятность его, я былъ совершенно спокоенъ, и даже готовъ былъ и такъ кончить свою жизнь, лишь бы только прекратить настоящія свои страданія. Смерть мнѣ никогда не казалась страшною, а тогда тѣмъ болѣе, и я увѣренъ, что ежели бы мнѣ и суждено было тогда.умирать на висѣлицѣ, то я бы не испугался и встрѣтилъ бы смерть съ геройскимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ къ палачамъ..... Такъ я былъ на все озлобленъ, и такъ будущая моя участь казалась мнѣ ужасною и тягостною!...

Военно-судная комиссія состояла изъ предсѣдателя полковника Жеребцова, нѣсколькихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и аудитора. Во

время призывовъ насъ къ допросамъ, или лучше сказать, къ перепросамъ того, что мы показывали въ слѣдственной комиссіи, насъ уже не разсаживали по разнымъ комнатамъ, а всѣ мы вмѣстѣ тѣснились въ канцеляріи между писарями, и я очень былъ радъ свиданію съ своими товарищами. Предсѣдатель и всѣ члены были съ нами очень вѣжливы, а въ особенности аудиторъ. Послѣ окончанія допросовъ, судъ постановилъ рѣшеніе, которое поступило потомъ на ревизію къ коменданту, а потомъ къ генералъ-губернатору, оттуда въ аудиторіатскій департаментъ, и наконецъ на утвержденіе Государя.

Въ одно утро привезли насъ всѣхъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ и объявили намъ рѣшеніе военнаго суда. Военный судъ обвинилъ Сунгурова и Гурова въ составленіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлію измѣнить настоящій образъ правленія, всѣхъ же прочихъ въ томъ, что, слыша о существованіи такого общества, хотя и отказались отъ участія въ немъ, но не донесли объ этомъ правительству; и потому, на основаніи еще Петровскихъ артикуловъ, приговорилъ кого четвертовать, кого колесовать, а кого только повѣсить, но всѣхъ вообще лишить живота и предать смертной казни. Я и всѣ мы знали, что это рѣшеніе—только кукольная комедія, со времени Петра постоянно разыгрываемая нашими прежними военными судами, и поэтому нисколько не были смущены такимъ безчеловѣчнымъ рѣшеніемъ. Комендантъ и генералъ-губернаторъ нашли это рѣшеніе неправильнымъ, сдѣлали даже всѣмъ членамъ суда выговоръ за неправильное истолкованіе и примѣненіе законовъ, и постановили: послать насъ пятерыхъ, то-есть меня, Антоновича, Кноблоха, Кольрейфа и Кошевскаго (о другихъ лицахъ рѣшенія не помню) на гражданскую службу въ отдаленныя губерніи на два года, точно также какъ заключила слѣдственная комиссія, гдѣ они же были членами. Но аудиторіатскій департаментъ приговорилъ: Сунгурова сослать въ каторжную работу (не помню на сколько лѣтъ), Гурова—въ Сибирь на поселеніе; насъ пятерыхъ, лишивъ дворянскаго достоинства, записать въ рядовые: меня и Антоновича—въ Кавказскій корпусъ, Кноблоха и Кольрейфа—въ Оренбургскій, а Кошевскаго—въ Тобольской корпусъ; остальныхъ же (а насъ всѣхъ набрали подсудимыхъ человѣкъ до тридцати, разнаго званія людей) то подъ аресты въ крѣпости, то на гауптвахты и проч.... Какое рѣшеніе и было утверждено Государемъ.

Разсказывали намъ потомъ, что всѣ члены бывшей слѣдственной комиссіи очень были огорчены такимъ рѣшеніемъ нашей участи, а добрый комендантъ Сталь даже плакалъ. Въ этомъ рѣшеніи меня и теперь удивляетъ только то, что какъ это аудиторіатскій департаментъ, такъ заботливо старавшійся разрознить насъ и разослать по разнымъ

отдѣльнымъ корпусамъ, такъ, однакожъ, не предусмотрительно спаровалъ насъ: меня и Антоновича—двухъ Малороссовъ и товарищей, назначилъ въ одинъ и тотъ же корпусъ; Кноблоха и Кольрейфа, двухъ Нѣмцевъ и тоже друзей—тоже въ одинъ корпусъ. Только несчастному Кошевскому не пріискали пары, и одного, бѣдняжку, послали въ Тобольскъ, вѣрно потому, что въ числѣ подсудимыхъ не было другаго Поляка! Это рѣшеніе объявлено намъ было въ Февралѣ мѣсяцѣ 1833 года. Не помню, когда я былъ арестованъ; но помню, что содержался подъ арестомъ двадцать мѣсяцевъ.

Въ послѣдствіи я старался объяснить себѣ, что̀ такое былъ въ сущности Сунгуровскій заговоръ? Въ самомъ ли дѣлѣ существовало въ Россіи какое-либо тайное общество, къ которому принадлежалъ и Сунгуровъ, желавшій увеличить его другими членами, или это была только выдумка, быть можетъ съ другою какою цѣлію? Но и до сихъ поръ—это для меня тайна. Письменное дѣлопроизводство объ этомъ событіи, вѣроятно, и теперь хранится гдѣ-нибудь въ архивахъ Московскаго ордонансъ-гауза, и было бы очень интересно отыскать его и по нёмъ составить описаніе этого дѣла. Быть можетъ, когда-нибудь и удастся кому-нибудь открыть это дѣло... Но я запишу только, какое у меня составилось объ немъ понятіе изъ послѣдующихъ разсказовъ моихъ товарищей и собственныхъ свѣдѣній.

Слѣдственная комиссія не открыла никакого заговора или тайнаго общества далѣе насъ и Сунгурова. Позади его стоялъ еще полковникъ Козловъ; но никто изъ насъ не зналъ, что̀ показывалъ на него Сунгуровъ и какъ оправдывался Козловъ. Но вотъ замѣчательный фактъ, который можетъ нѣсколько объяснить это дѣло. Когда Сунгурову предложила комиссія вопросъ, для чего онъ все это дѣлалъ, то онъ отвѣчалъ, что, по духу времени, онъ предполагалъ, что въ Россіи непремѣнно существуетъ политическое тайное общество, и вотъ онъ, желая, будто бы, открыть это общество, для того, чтобы донести объ немъ правительству, старался распространить о себѣ извѣстность, какъ о составителѣ тайнаго общества, какая репутація, безъ сомнѣнія, открыла бы ему доступъ и въ настоящее тайное общество.—«Почему же вы не заявили заблаговременно о вашемъ намѣреніи правительству, сдѣлали ему вопросъ, чтобы оно знало, что вы агентъ его и дѣйствуете съ его вѣдома?» И Сунгуровъ отвѣчалъ, что онъ заявлялъ объ этомъ Московскому оберъ-полиціймейстеру Муханову, которому и были извѣстны всѣ его, по этому случаю, дѣйствія. Спросили Муханова. Мухановъ отрицалъ всякую солидарность съ Сунгуровымъ по этому обстоятельству. Комиссія попросила Муханова на очную ставку съ Сунгуровымъ. Мухановъ отвѣчалъ, что по

важности занимаемаго имъ служебнаго поста, онъ считаетъ для себя унизительнымъ явиться для очной ставки съ Сунгуровымъ. Комиссія, будто бы, сдѣлала объ этомъ представленіе Государю, и Государь, будто бы, отвѣчалъ, что предъ закономъ всѣ подданные—равны, и велѣлъ Муханову явиться на очную ставку. Мухановъ явился, и какъ Сунгуровъ его ни уличалъ, онъ отперся отъ всего совершенно.

Я уже писалъ выше, что я неоднократно видѣлъ Муханова въ гостяхъ у Сунгурова. Безъ сомнѣнія, изъ этого еще нельзя ничего заключить объ интимности ихъ отношеній между собою; но, насколько я понялъ Сунгурова, онъ рѣшительно не былъ изъ числа людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ за свои убѣжденія и врядъ ли замышлялъ какія-нибудь общества... А если онъ не былъ въ душѣ революціонеромъ, то чѣмъ же онъ могъ быть инымъ, какъ не полицейскимъ агентомъ? И если Мухановъ отказался отъ всякой съ нимъ солидарности въ этомъ случаѣ, то не потому ли, что Сунгуровъ показалъ себя даже дурнымъ агентомъ полиціи, который затѣялъ дѣло съ такою мелюзгой и, не открывъ ничего важнаго, такъ рано допустилъ сдѣлать на себя доносъ. Быть можетъ, желательно было, чтобы онъ проникнулъ въ высшую общественную сферу, а не въ общество студентовъ, неинтересныхъ для правительства, и въ самомъ бы дѣлѣ составилъ серьозное тайное общество, которое потомъ и накрыла бы полиція, и такимъ образомъ показала бы предъ правительствомъ свою неусыпную бдительность.

Послѣ объявленія намъ рѣшенія военнаго суда, насъ пятерыхъ, приговоренныхъ къ военной службѣ, перевели въ Покровскія казармы, гдѣ помѣщался какой-то полкъ и гдѣ отвели намъ всѣмъ вмѣстѣ одну, довольно большую, но холодную комнату, почти безъ всякой мебели, и хотя былъ за нами надзоръ, но не было уже стражи. Мы могли выходить куда угодно, и къ намъ тоже каждый могъ приходить, и вотъ начали посѣщать насъ ежедневно наши товарищи-студенты. Это было для насъ настоящимъ праздникомъ! Мы нисколько не заботились о нашей будущности, рады были свободѣ и свиданію съ товарищами.

Между тѣмъ, для препровожденія времени, я и Кошевскій, стали заниматься музыкой; нашлись еще два товарища, изъ которыхъ одинъ игралъ на віолончели, а другой на альтѣ, и такимъ образомъ составился у насъ квартетъ, и мы, увлеченные своимъ искусствомъ, стали ежедневно по утрамъ играть квартеты. Но какъ всѣ мы были еще очень плохіе музыканты, которые съ трудомъ разбирали ноты и не привыкли къ совокупной игрѣ, то мы играли, какъ говорится, кто въ лѣсъ, кто по дрова, и музыка наша наводила ужасъ на другихъ товарищей. Особливо недоволенъ былъ ею Антоновичъ. Онъ упраши-

валъ, умолялъ насъ бросить эту какофонію и не терзать ушей живыхъ людей, божился, что если мы не перестанемъ *рѣзать,* то онъ, или побьетъ наши инструменты, или порветъ струны; но мы, увлеченные собственною нашею страстію къ музыкѣ, не обращали никакого вниманія на его просьбы. И вотъ, однажды, поутру, когда пришли къ намъ наши партнеры, и мы хотѣли было приняться за квартетъ, смотримъ—всѣ струны на инструментахъ перерѣзаны! Это сдѣлалъ ночью Антоновичъ. Мы очень разсердились за это на него, начали его ругать, а онъ смѣялся и потѣшался надъ нашимъ огорченіемъ.

Кажется, недѣли двѣ прожили мы въ Покровскихъ казармахъ. Въ это время добрый комендантъ Сталь все еще заботился о насъ. Онъ открылъ въ пользу нашу подписку между своими знакомыми и между студентами, и собрано было довольно денегъ, такъ что мнѣ съ Антоновичемъ досталось до тысячи рублей асс., которые намъ и были вручены его адъютантомъ, и мы поэтому имѣли средства, чтобы приготовиться къ своему далекому путешествію на Кавказъ. Хотя былъ уже Мартъ мѣсяцъ, но было еще холодно, и мы съ Антоновичемъ купили себѣ по Крымскому рыжему тулупу, а также купили лошадь и небольшую телѣжку съ рогожаной кибиткой.

Изъ Покровскихъ казармъ отправили всѣхъ насъ въ такъ называемый пересыльный за̀мокъ, что̀ на Воробьевыхъ горахъ, куда меня и Антоновича вечеромъ отвезъ добрый Барановъ *), а лошадь нашу съ телѣгой и имуществомъ доставилъ, по его же распоряженію какой-то солдатъ. Мы вошли въ деревянную казарму съ нарами, въ концѣ которой была отдѣльная небольшая комнатка, въ которой мы и помѣстились, и гдѣ нашли уже Сунгурова и Гурова. Сунгуровъ былъ въ легкихъ кандалахъ, особенно для него сдѣланныхъ, но казался спокойнымъ и веселымъ; Гуровъ, по обыкновенію, шутилъ и балагурилъ, и мы проводили вечеръ въ разсказахъ о своемъ дѣлѣ, какъ будто никакая страшная будущность намъ не угрожала. Не смотря на то, что передъ нами былъ виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій, Сунгуровъ, но видя его страшную участь, никто изъ насъ не сдѣлалъ ему никакого упрека.

Вечеромъ вышелъ я на дворъ посмотрѣть свою лошадь и началъ что-то отыскивать въ своей кибиткѣ. Въ это время подошелъ ко мнѣ какой-то ходившій по двору, въ цѣпяхъ, большаго роста ссыльный и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ на Малороссійскомъ нарѣчіи: *А що, братику, и ты попався, и ще молоденькій!* Это меня сильно тронуло и встревожило, такъ что я совершенно разстроеннымъ воротился въ казарму. Такъ вотъ, подумалъ я, до чего я униженъ! Быть можетъ, разбойникъ или воръ считаетъ уже меня своимъ братомъ!

*) Гарнизонный капитанъ. П. Б.

На другой день (это было 13-го Марта 1833 года, единственное число, которое осталось въ моей памяти изъ всей этой исторіи), мы должны были уже отправляться, каждый по своему назначенію. Часовъ въ десять утра посѣтилъ насъ какой-то пожилой, очень почтенной наружности генералъ, кажется начальникъ внутренней стражи, который очень кротко и привѣтливо говорилъ съ нами, совѣтовалъ намъ служить усердно и честно и обнадеживалъ насъ лучшею будущностью, что̀ меня очень тронуло, послѣ чего мы должны были уже отправляться въ походъ.

Очень грустно разставаться было съ друзьями Кольрейфомъ и Кноблохомъ, а особливо съ бѣднымъ Кошевскимъ, который, одинъ, безъ товарища, долженъ былъ отправляться въ самую дальную и страшную сторону, въ Сибирь. Сунгуровъ и Гуровъ оставались еще въ пересыльномъ замкѣ, а мы пятеро, горько заплакавши и крѣпко поцѣловавши другъ друга, отправились на три разныя дороги. И до сихъ поръ еще помню, какъ я усаживалъ со слезами бѣднаго Кошевскаго на какія-то простыя, одноконныя сани и поправлялъ, чтобы не свалилась его красная сафьянная подушка, купленная имъ себѣ на дорогу. Съ этими моими добрыми товарищами я уже никогда болѣе не встрѣчался.

Меня и Антоновича отправили на Кавказъ по этапу, съ партіей, и хотя мы считались *не въ родѣ* арестантовъ, но все же мы были подъ надзоромъ конвойныхъ. Партія наша состояла изъ нѣсколькихъ арестантовъ въ кандалахъ, скованныхъ на прутъ и окруженныхъ конвойными солдатами съ ружьями; а мы, въ своей кибиткѣ, ѣхали тутъ же за партіей. На первомъ ночлегѣ, въ деревнѣ Бицахъ, куда мы прибыли еще засвѣтло, караульный унтеръ-офицеръ отвелъ намъ особую крестьянскую избу, гдѣ мы и помѣстились съ караульнымъ солдатомъ. Вскорѣ пріѣхали къ намъ еще разъ проститься нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, студенты: Почека, Оболенскій, Сатинъ и Николай Огаревъ. Они привезли съ собой закусокъ и вина, и мы, напившись чаю и закусивши, со слезами простились съ ними на долгую разлуку.

Это свиданіе было послѣднимъ звѣномъ, связывавшимъ меня со студентами и университетомъ, и этимъ я заканчиваю мои воспоминанія о моей студенческой жизни.

Много, много, довелось мнѣ впослѣдствіи, вынести горя и лишеній. Судьба бросила меня въ самую низшую сферу людей; но университетское образованіе, какъ оно ни было слабо, вкоренило во мнѣ знанія, въ значительной степени высшія свѣдѣній окружавшихъ меня людей, всегда доставляло мнѣ уваженіе и расположеніе какъ вообще всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, такъ и сотоварищей моихъ, храб-

рыхъ и добрыхъ Кавказскихъ солдатъ. И мои университетскія дружескія связи съ товарищами, разсѣявшимися потомъ по всей обширной Россіи, изъ которыхъ многіе занимали очень значительныя должности по службѣ, не разъ выручали меня изъ бѣды и были полезны мнѣ въ разныхъ случаяхъ моей жизни. Смѣло могу сказать, что я навсегда сохранилъ къ себѣ расположеніе моихъ университетскихъ товарищей и до сихъ поръ со многими изъ нихъ, еще находящимися въ живыхъ, сохраняются самыя дружескія связи. И какъ я ни былъ несчастливъ въ жизни, какъ я ни пострадалъ чрезъ воспитаніе мое въ университетѣ, но я теперь объ этомъ нисколько не жалѣю и всегда благословляю мое университетское воспитаніе, всегда съ какимъ-то благоговѣніемъ, когда случится, смотрю на любимое зданіе стараго Московскаго университета, всегда съ особеннымъ расположеніемъ, какъ бы собрата, встрѣчаю каждаго, когда либо въ немъ воспитывавшагося, всегда съ особымъ сочувствіемъ читаю или слушаю о всѣхъ событіяхъ Московскаго университета, какъ будто я и теперь еще состою его студентомъ, и всегда вспоминаю о своей университетской жизни съ особеннымъ удовольствіемъ.

Считаю нелишнимъ разсказать здѣсь о дальнѣйшей участи нѣкоторыхъ лицъ, замѣшанныхъ въ Сунгуровскую исторію, все чтò только мнѣ объ нихъ извѣстно.

Сунгуровъ, подъ предлогомъ болѣзни, оставался еще нѣкоторое время въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, откуда онъ хотѣлъ убѣжать. Когда были приготовлены для этого лошади за зàмкомъ, онъ выпросился у смотрителя погулять внѣ зàмка и, гуляя съ караульнымъ солдатомъ, вдругъ бросился на него, ударилъ его ножемъ, сильно ранилъ, бросился бѣжать; но на крикъ раненаго выскочилъ караулъ, и бѣглеца поймали. Послѣ этого Сунгурова вторично судили, наказали кнутомъ и сослали въ каторжную работу. О дальнѣйшей его участи я ничего не знаю, кромѣ того, чтó писалъ о встрѣчѣ съ нимъ, больнымъ, слѣдовавшимъ въ Сибирь, Герценъ въ своей «Тюрьмѣ и Ссылкѣ».

Гуровъ былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе, откуда возвращенъ на Кавказъ рядовымъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Въ 1839 году онъ находился въ отрядѣ при взятіи устроенной Шамилемъ на берегу Койсу крѣпости Ахульго, въ которой экспедиціи и я участвовалъ. Онъ былъ раненъ, изъ отряда отправленъ куда-то въ госпиталь, и я не могъ его отыскать и съ нимъ видѣться; да правду сказать, и не имѣлъ къ тому особаго желанія. Дальше объ немъ ничего не знаю.

По прибытіи моемъ съ Антоновичемъ въ Тифлисъ, насъ распредѣлили по разнымъ полкамъ: меня назначили въ Куринскій егерскій полкъ, а Антоновича въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, гдѣ мы и явились къ находившимся тамъ отъ тѣхъ полковъ пріемщикамъ аммуниціи: Антоновичъ—къ прапорщику Кондратовичу, а я—къ прапорщику Николаю Ивановичу Евдокимову, нынѣшнему генералъ-адъютанту и графу, съ которыми мы и прибыли въ свои полки.

Антоновичъ, въ послѣдствіи, изъ Апшеронскаго полка былъ переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, расположенный по восточному Черноморскому берегу, гдѣ, за отличіе въ сраженіяхъ съ горцами, былъ произведенъ въ прапорщики въ 1839 году и поступилъ въ должность правителя дѣлъ начальника Черноморской береговой линіи, которымъ былъ тогда Николай Николаевичъ Раевскій, въ г. Керчи. Въ 1841 году Антоновичъ женился на дочери директрисы Керченскаго института Елисаветѣ Владимировнѣ Телесницкой и въ должности правителя дѣлъ начальника Черноморской береговой линіи оставался при всѣхъ послѣдующихъ начальникахъ этой линіи до полковничьяго чина. Во время Крымской войны, онъ былъ градоначальникомъ въ Керчи, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Строгановѣ. Въ 1861 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ градоначальникомъ Одессы, гдѣ прослуживъ два года, былъ назначенъ Бессарабскимъ военнымъ губернаторомъ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, во время объѣзда Бессарабскихъ учебныхъ заведеній, познакомившись съ Антоновичемъ и увидѣвши его необыкновенную дѣятельность по службѣ, а въ особенности его образованный умъ, предложилъ ему занять мѣсто попечителя Кіевскаго учебнего округа, и, по прослуженіи четырехъ лѣтъ въ должности Бессарабскаго губернатора, онъ былъ въ 1868 году назначенъ въ эту должность, въ которой состоитъ и въ настоящее время въ чинѣ генералъ-лейтенанта и кавалера орденовъ: Станислава 1-й степени, Анны 1-й степени и Владимира 2-й степени. Участь по истинѣ удивительная! И чуть ли это не единственный случай въ нашемъ отечествѣ, чтобы кто-либо изъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, да и вообще изъ разжалованнныхъ, достигъ такого высокаго чина и должности. Для большей еще игры фортуны недостаетъ только (и то впрочемъ по желанію самого Антоновича) чтобы этотъ изгнанный студентъ изъ Московскаго университета сдѣлался попечителемъ этого же университета.

Кольрейфъ и Кноблохъ были посланы въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ. Первый изъ нихъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ, по слабости здоровья, выпущенъ въ отставку съ чиномъ 14-го класса, возвратился

въ Москву къ отцу своему, бывшему лютеранскимъ пасторомъ, и вскорѣ умеръ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ о нравственномъ достоинствѣ этого превосходнаго юноши Герценомъ въ его «Тюрьмѣ и Ссылкѣ» совершенно вѣрны. Кноблохъ же, по производствѣ въ офицеры, продолжалъ служить въ Сибири въ разныхъ военныхъ должностяхъ, и теперь, въ чинѣ полковника, занимаетъ должность коменданта Нерчинскихъ заводовъ. Съ нимъ я, года четыре тому назадъ, обмѣнялся нѣсколькими письмами.

Моя участь хотя и незавидная, но я на нее не жалуюсь. Прослужа въ Куринскомъ полку около семи лѣтъ въ нижнемъ чинѣ, въ продолженіи которыхъ, за отличія въ сраженіяхъ, былъ неоднократно представляемъ въ прапорщики, я былъ произведенъ въ этотъ чинъ только въ 1839 году, за отличіе при штурмѣ извѣстной Шамилевой крѣпости Ахульго и, по производствѣ, занималъ сначала должность адъютанта при начальникѣ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ-маіорѣ Александрѣ Павловичѣ Пулло, потомъ перешелъ въ штабъ командующаго войсками Кавказской линіи генерала Павла Христофоровича Граббе, въ которомъ исправлялъ должность старшаго адъютанта и начальника 1-го отдѣленія. Получивъ съ офицерскимъ чиномъ право освободиться отъ тяжкой и опасной Кавказской службы, къ которой я не чувствовалъ никакого особаго расположенія, а въ особенности будучи побуждаемъ моими престарѣлыми родителями поскорѣе возвратиться на родину, въ 1840 году подалъ я въ отставку, но не получилъ ея, такъ какъ Государю Императору не было угодно, чтобы я оставилъ военную службу (такъ было сказано въ резолюціи на мое прошеніе объ отставкѣ). Тогда я, испросивъ четырехъ-мѣсячный отпускъ, въ 1841 году пріѣхалъ домой къ своимъ родителямъ, съ которыми не видался болѣе двѣнадцати лѣтъ. Изъ дому уже я подалъ вторичное прошеніе объ увольненіи меня изъ военной службы по болѣзни и, послѣ разныхъ ходатайствъ въ Петербургѣ, наконецъ былъ уволенъ въ 1842 году съ чиномъ поручика. Съ тѣхъ поръ живу въ своемъ имѣніи, занимаюсь хозяйствомъ и радуюсь всѣмъ настоящимъ благодѣтельнымъ реформамъ, которыми осуществилась часть моихъ студенческихъ мечтаній.

Самая худшая доля досталась изъ всѣхъ насъ бѣдному Кошевскому, хотя онъ, по степени нашей виновности въ Сунгуровскомъ дѣлѣ, былъ поставленъ пятымъ, то есть послѣднимъ. Во время путешествія нынѣшняго Государя по Сибири, кажется въ 1837 году, Кошевскій, въ то время какъ я уже былъ офицеромъ и находился въ

Ставропольскомъ штабѣ, былъ, въ видѣ милости, переведенъ изъ Тобольскаго корпуса въ Кавказскій, рядовымъ въ Куринскій полкъ. Получивъ объ этомъ отъ него письмо, я писалъ въ полкъ къ нѣкоторымъ моимъ товарищамъ и просилъ ихъ участія въ его положеніи, которое они со всею готовностію и принимали въ немъ. По отъѣздѣ моемъ съ Кавказа, я уже не имѣлъ объ немъ никакого свѣдѣнія и не знаю, живъ ли онъ теперь, или, быть можетъ, убитъ въ сраженіи.

Наконецъ, хотя и съ омерзѣніемъ, долженъ сказать нѣчто и о доносчикѣ Полоникѣ. По окончаніи нашего дѣла въ слѣдственной комиссіи, онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста и явился опять въ университетъ. Студенты встрѣтили его, какъ доносчика, съ негодованіемъ и прогнали изъ аудиторіи, но по окончаніи курса профессоры дали ему степень дѣйствительнаго студента. Послѣ этого онъ служилъ въ Москвѣ по полиціи и былъ въ послѣдствіи частнымъ приставомъ. Онъ умеръ.

Я. И. Костенецкій.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ *).

1872 года Сентября 5-го.
Конотопскаго уѣзда, хуторъ Скибенцы, усадьба Липки.

*) Такъ въ рукописи. П. Б.

ПѢСНИ СЛАВНОЙ ЭПОХИ

1812—1814 годовъ, которыя пѣлись русскими офицерами.

ДО МОСКВЫ.

Vive l'état militaire
Qui promet à nos souhaits
Les retraites en temps de guerre,
Les parades en temps de paix [1]).

*

Les ennemis s'avancent à grand pas,
Adieu Smolensk et la Russie!...
Barclay évite les combats
Et tourne ses pas en Sibérie [2]).

ТАРУТИНО.

Napoléon, par son audace,
Parvenant à prendre Moscou,
Crut immortaliser sa race,
Portant à la Russie ce coup;

Mais cette belle et grande armée,
Qui défit le général Mack,
Partira toute en fumée
Comme une pipe de tabac [3]).

---

[1]) Да здравствуетъ военная служба, обѣщающая нашимъ желаніямъ—отступленія въ боевые дни и парады въ дни спокойствія.

[2]) Непріятели спѣшно идутъ. Простите, Смоленскъ и Россія! Барклай уклоняется отъ сраженій и направляетъ стопы свои въ Сибирь.

[3]) Наполеонъ, своею смѣлостью достигнувъ взятія Москвы, воображалъ нанесеніемъ Россіи этого удара обезсмертить свой родъ; но эта прекрасная и великая армія, разбившая генерала Мака, разлетится вся дымомъ, какъ трубка табаку.

ПАРИЖЪ.

Peuples de l'Europe, voyez la différence,
Des Français à Moscou, et des barbares en France [4]).

*

Французы пѣли въ честь Русскихъ.

Que j'aime à voir sur ces bords
Les fiers enfants de la Russie!
Parmi nous ces enfants du Nord
Ne seraient-ils pas dans leur patrie?
Fiers et terribles dans le combat,
Grands, généreux, pleins de vaillance,
A ce titre ne sont-ils pas
Les meilleurs amis de la France? [5])

*

Извлечено изъ бумагъ покойнаго Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, который самъ былъ участникомъ тогдашнихъ великихъ событій и любезно доставлено въ „Русскій Архивъ" Августою Павловной Сазановичъ. Удивительное было время: образованное наше офицерство распѣвало Французскія пѣсни, отстаивая родину отъ нашествія Французскаго. Въ управленіи первою арміею у Барклая дѣлами завѣдывали лица съ иноземными именами, и Ермоловъ съострилъ императору Александру Павловичу, сказавъ, что тамъ одинъ только Русскій, и того фамилія—*Безродный*. Это напоминаетъ намъ достопочтенную Наталью Григорьевну Муравьеву (ур. графиню Чернышову), вдову Н. Н. Муравьева-Карскаго, которая однажды, слыша нынѣшніе враждебные иноземству толки о народности, выразилась: „А мы любили родину по-французски, но право не меньше вашего, и доказали на дѣлѣ нашу любовь къ ней". П. Б.

---

[4]) Народы Европы, поглядите на разницу между Французами въ Москвѣ и варварами во Франціи.

[5]) Какъ люблю я видѣть гордыхъ сыновъ Россіи на сихъ берегахъ? Эти дѣти Сѣвера не почувствуютъ ли себя на родинѣ, находясь посреди насъ? Они горды и страшны въ бою, они великодушны и храбры; и потому какъ имъ не быть лучшими друзьями Франціи?

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ.

Въ VIII книгѣ «Русской Старины» за 1886 г. были напечатаны воспоминанія А. Н. Аѳанасьева: «Московскій Университетъ 1843—1849 г. г.» Въ этой статьѣ между прочимъ сказано, на стр. 361-й и далѣе:

«Въ 1847 г. графъ Строгановъ оставилъ университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ покинулъ университетъ и Нахимовъ *), который былъ сильно привязанъ къ графу и не хотѣлъ оставаться при новомъ попечителѣ» и далѣе: «Лучшая похвала графу и Платону Степановичу та, что никто не помнилъ, чтобы при нихъ былъ исключенъ какой студентъ, или попалъ въ солдаты, что̀ (говорятъ) случилось позже, въ короткое время завѣдыванія университетомъ помощника попечителя Голохвастова». «Мѣсто Строганова заступилъ Голохвастовъ, который недолго удержался въ университетѣ, а мѣсто Нахимова — Шпееръ. Я былъ уже на 4-мъ курсѣ и при этихъ господахъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ, потому особенныхъ воспоминаній объ нихъ не вынесъ, а помню только, что любовью они и послѣ не пользовались. Съ этого времени началось требованіе соблюденія строгой формы во всемъ».

Есть старинная пословица: de mortuis aut bene, aut nihil. Нельзя конечно придерживаться ея безусловно ради исторической правды; но для честнаго человѣка правило это обязательно по крайней мѣрѣ на столько, что высказывать отзывы позорящіе память давно умершихъ людей позволительно лишь въ томъ случаѣ, когда эти отзывы основаны на серьезныхъ данныхъ, несомнѣнныхъ хотя бы только для того, кто ихъ высказываетъ; но когда онъ самъ оговаривается, что «особенныхъ воспоминаній объ этихъ господахъ не вынесъ», а обвиненія основываетъ исключительно на одномъ словѣ «говорятъ», то это уже не заслуживаетъ названія *воспоминаній* и граничитъ съ тѣмъ, что̀ называется *клеветою*.

---

*) Славный инспекторъ студентовъ, строгій и взыскательный, но въ тоже время исполненный искренней любви къ юношеству. П. Б.

Все что̀ г. Аѳанасьевъ высказалъ о моемъ покойномъ отцѣ (бывшемъ сперва помощникѣ, а потомъ попечителѣ Московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастовѣ) положительно не правда, какъ я могу это доказать, основываясь не на словѣ *говорятъ*, а на современныхъ документахъ и письмахъ.

Я вовсе не намѣренъ отрицать, что заслужившій всеобщую любовь и уваженіе П. С. Нахимовъ «былъ сильно привязанъ къ графу»; но не правда, что «онъ вмѣстѣ съ нимъ покинулъ университетъ и не хотѣлъ оставаться при новомъ попечителѣ». При моемъ отцѣ онъ служилъ долѣе, чѣмъ при графѣ Строгановѣ, ибо поступилъ въ должность инспектора студентовъ, когда попечителемъ былъ не графъ, а князь С. М. Голицынъ, который почти вовсе не занимался университетомъ. Отецъ же мой былъ тогда помощникомъ попечителя, и Нахимовъ былъ избранъ и опредѣленъ въ должность именно имъ. Объ этомъ я имѣю цѣлую переписку моего отца съ Нахимовымъ, съ С. Я. Унковскимъ *), который указалъ ему на Нахимова, зная его какъ стараго товарища по морской службѣ, и съ шуриномъ Унковскаго, Ѳ. М. Бѣлкинымъ, черезъ котораго шли начальные переговоры (потому что Бѣлкинъ, какъ мѣстный помѣщикъ, часто живалъ въ Смоленской губерніи, а Нахимовъ, тамошній уроженецъ и тоже помѣщикъ, въ ту пору служилъ въ Смоленскѣ).

Я не могу опредѣлить, котораго именно числа Нахимовъ сдалъ должность инспектора студентовъ; но онъ покинулъ университетъ *не* вмѣстѣ съ графомъ, а только въ слѣдующемъ году, и не потому, что не хотѣлъ служить при новомъ попечителѣ, а потому, что здоровье его было плохо, должность была уже не по силамъ, а Московское дворянство избрало его директоромъ Шереметевской больницы, что̀ было для него и выгоднѣе, и покойнѣе.

Исключеніе студентовъ изъ университета и отдача ихъ въ солдаты, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 21 Апрѣля 1814 года, во всякое время были очень рѣдки; начальство университета, изъ кого бы оно ни состояло, конечно только въ крайнихъ случаяхъ и очень неохотно прибѣгало къ такимъ мѣрамъ; но такіе случаи были въ попечительство князя Голицына и графа Строганова. Если дѣйствительно ихъ никто не помнитъ, то я могъ бы назвать примѣры. Наоборотъ, за время попечительства моего отца, т.-е. съ конца 1847 и до половины 1849 года, ни одинъ студентъ въ солдаты не попалъ; а это тѣмъ болѣе замѣчательно, что то время было самое тяжелое для университетовъ. Всѣ хорошо помнятъ, какое впечатлѣніе произвели Европейскія

---

*) Семенъ Яковлевичъ Унковской, отецъ славнаго адмирала, былъ тогда директоромъ Калужской гимназіи. П. Б.

событія 1848 года на императора Николая и какъ это отозвалось на его внутренней политикѣ вообще и на университетахъ въ особенности.

«Мѣсто Строганова заступилъ Голохвастовъ, который *не долго удержался въ университетѣ*».

Не знаю, какъ именно слѣдуетъ понимать эту фразу. Если г. Аѳанасьевъ хотѣлъ сказать, что мой отецъ былъ не долго *попечителемъ*, то это вѣрно въ томъ смыслѣ, что попечителемъ онъ былъ менѣе двухъ лѣтъ; но *въ университетѣ онъ удержался* долѣе графа Строганова, который попечителемъ былъ въ теченіи 12 лѣтъ, а мой отецъ въ обѣихъ должностяхъ (попечителя и помощника) прослужилъ въ Московскомъ университетѣ 18 лѣтъ. Если же подъ словомъ *удержался* слѣдуетъ разумѣть, что онъ вышелъ въ отставку не по своему желанію, тогда какъ графъ Строгановъ «*оставилъ университетъ*» (предполагается) вполнѣ по доброй волѣ: то это прямо наоборотъ правдѣ. Графъ Строгановъ вышелъ въ отставку потому, что императоръ Николай приказалъ шефу жандармовъ графу А. Ѳ. Орлову отослать графу Строганову обратно его отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія графу Уварову отъ 11 Іюля 1847 года за № 16, «поставивъ ему на видъ, что онъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ выходить изъ надлежащаго уваженія къ его начальнику; а съ тѣмъ вмѣстѣ вмѣнить ему въ обязанность, чтобы онъ немедленно исполнилъ данное ему г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Уваровымъ и предварительно одобренное Его Императорскимъ Величествомъ циркулярное предписаніе о Славянофилахъ».

Мой отецъ вышелъ въ отставку безъ всякой личной непріятности; оффиціальная причина, на которую онъ сослался, была болѣзнь, и въ значительной степени это было вѣрно, такъ какъ послѣ отставки онъ не прожилъ и полугода. Въ первый разъ онъ заявилъ объ этомъ самому Государю, на личной аудіенціи въ Москвѣ, 10 Апрѣля 1849 года. Императоръ Николай уговаривалъ его остаться или взять другую болѣе покойную должность. Объ этомъ разговорѣ съ Государемъ и о своемъ рѣшеніи вовсе оставить службу, отецъ подробно извѣстилъ министра графа Уварова письмомъ отъ 11 Апрѣля, а графъ Уваровъ отвѣчалъ ему на это отъ 16 Апрѣля между прочимъ слѣдующее:

«Au milieu de toutes ces impressions satisfaisantes, j'ai eté péniblement affecté de votre résolution de quitter le service. Le mauvais état de votre santé me présageait en quelque sorte la nouvelle que vous me communiquez aujourd'hui; mais je ne croyais cette résolution ni aussi prochaine, ni aussi arrétée dans votre esprit. Permettez moi de vous exprimer à cette occasion la certitude que vous nous donnerez le tems suffisant pour le choix d'un successeur. Vous savez comme il est

important d'en faire un qui réponde à l'état des choses, et vous avez trop d'attachement pour l'université pour ne pas obtempérer au voeu que je forme. Je ne crois pas convenable d'appuyer davantage sur ce point, car je sais qu'il s'accorde avec vos principes comme avec vos sentiments. Vous pouvez être assuré en tout cas que l'estime très particulière que je vous ai vouée depuis tant d'années vous suivra dans votre retraite et que je conserverai toujours le souvenir de nos relations de service» *).

Если въ ту пору у моего отца были еще какія-либо колебанія относительно времени его выхода въ отставку, то они были совершенно устранены черезъ мѣсяцъ, когда онъ получилъ отношеніе министра отъ 19-го Мая 1849 года за № 691, въ которомъ было изложено Высочайшее повелѣніе объ ограниченіи впредъ числа студентовъ въ каждомъ университетѣ тремя стами. Само собою разумѣется, что Высочайшая воля не допускала никакихъ возраженій; но ему было слишкомъ тяжело самому приступить къ разрушенію университета, въ которомъ онъ получилъ образованіе и надъ устройствомъ котораго онъ работалъ 18 лѣтъ. Любопытно его отношеніе по этому поводу къ графу Уварову, гдѣ, подъ предлогомъ затрудненій, которыя, какъ онъ предвидѣлъ, должно было встрѣтить исполненіе этой мѣры, онъ на 15-ти страницахъ очень убѣдительно доказываетъ даже цифрами, что это почти равносильно совершенному закрытію университета: ибо если провести это ограниченіе безъ всякихъ измѣненій, то, не говоря уже о другихъ факультетахъ, не далѣе какъ въ 1854—1855 годахъ Московскій университетъ не выпуститъ уже ни одного медика, ни одного образованнаго юриста. Одновременно съ этимъ онъ послалъ министру оффиціальную просьбу объ отставкѣ.

---

*) При всѣхъ этихъ удовлетворительныхъ обстоятельствахъ я былъ сильно огорченъ вашимъ рѣшеніемъ покинуть службу. Правда, что плохое состояніе вашего здоровья до нѣкоторой степени заставляло меня предугадывать то, что вы мнѣ теперь пишете; но я не думалъ, чтобы вы такъ скоро и такъ настоятельно приняли ваше рѣшеніе. Позвольте мнѣ выразить вамъ по этому случаю увѣренность, что вы намъ дадите достаточно времени для того, чтобы выбрать вамъ преемника. Вы знаете, какъ важно назначить лицо, которое бы отвѣчало положенію дѣлъ, и вы слишкомъ привязаны къ университету, чтобы меня въ этомъ случаѣ не послушаться. Мнѣ нечего распространяться о томъ, потому что мнѣ извѣстны ваши правила и ваши чувства. Можете быть увѣрены во всякомъ случаѣ, что отличнѣйшее уваженіе, которое питаю я къ вамъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, послѣдуетъ за вами и въ ваше удаленіе и что я всегда буду помнить о нашихъ служебныхъ сношеніяхъ.

«Съ этого времени», говоритъ г. Аѳанасьевъ, т.-е. когда мой отецъ замѣстилъ графа Строганова, «*началось* требованіе соблюденія строгой формы во всемъ».

Прежде всего это противорѣчитъ тому, чтó разсказалъ самъ г. Аѳанасьевъ на стр. 359-й; и дѣйствительно требованіе соблюденія строгой формы вовсе не зависѣло отъ личныхъ взглядовъ того или другаго попечителя или инспектора студентовъ, ибо этого настойчиво требовалъ самъ Государь. Хотя строгость эта началась будто бы съ назначеніемъ въ должность попечителя моего отца, т.-е. съ Ноября 1847 г., однако и въ пріѣздъ свой въ Апрѣлѣ 1849 г. въ Москву, Императоръ остался все-таки не доволенъ наружнымъ видомъ студентовъ. Вотъ какимъ образомъ мой отецъ передаетъ свой разговоръ объ этомъ съ Государемъ графу Уварову въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 11 Апрѣля.

«....Sa Majesté l'Empereur a daigné me faire venir hier dans son cabinet et m'a exprimé avec la plus grande bonté qu'ayant vu des étudiants d'une bonne tenue, elle en avait rencontré d'autres, dont l'extérieur et les manières n'étaient pas satisfaisantes. Я бы желалъ, m'a dit l'Empereur, чтобы ты видѣлъ нашихъ Петербургскихъ студентовъ. Было время, что Михаилъ Павловичъ мнѣ говорилъ о ихъ распущенности и дурномъ видѣ, а теперь онъ самъ ими любуется и завидуетъ ихъ прекрасной наружности». A cela j'ai pris la liberté d'observer que l'université de Pétersbourg n'a pas de faculté de médecine, qui chez nous est la plus nombreuse et presqu'entièrement composée de jeunes gens très pauvres, qu'à Pétersbourg les étudiants ne viennent pas affluer des provinces éloignées, qu'ils appartiennent pour la plupart à des parents aisés, sortent du clergé, de la classe des négociants et même des fonctionnaires dans les différents services, qui non seulement sont plus à même de leur fournir des moyens de se tenir convenablement, mais même de les surveiller; au lieu que chez nous la grande majorité sont des jeunes gens venant de toutes les parties de l'Empire, sans ressources et sans parents ou protecteurs qui puissent avoir l'oeil sur eux, répandus comme ils sont dans les différents quartiers et de préférence dans les plus éloignés de la ville *). «Въ та-

---

*) Государь изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ и съ величайшею милостью выразился, что видѣлъ студентовъ благоприличныхъ, но и такихъ, у которыхъ внѣшность и пріемы неудовлетворительны. Я бы желалъ, сказалъ мнѣ Государь, чтобы ты видѣлъ нашихъ Петербургскихъ студентовъ. Было время, что Михаилъ Павловичъ мнѣ говорилъ о ихъ распущенности и дурномъ видѣ, а теперь онъ самъ ими любуется и завидуетъ ихъ прекрасной наружности. На это я принялъ смѣлость замѣтить, что въ Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медиковъ, а у насъ ихъ очень много, и почти всѣ они

комъ случаѣ начальство должно замѣнить имъ родителей и родныхъ. У тебя на это есть инспекторъ и субъинспекторы. Я столько имѣю опытности въ этомъ дѣлѣ, что очень вижу, что̀ происходитъ отъ бѣдности и что̀ отъ непривычки къ этой формѣ, которую они стали употреблять только передъ моимъ пріѣздомъ (l'épée, le chapeau et le salut en portant la main au chapeau). Я бы желалъ, чтобъ эти молодые люди уважали мундиръ, который они носятъ, этотъ мундиръ, который уравниваетъ богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ. Я бы желалъ, чтобы, для собственной ихъ пользы, имъ было внушаемо, что они готовятся вступить въ службу, въ свѣтъ, въ общество и что въ обществѣ, съ этой наружностью, они будутъ играть самую жалкую роль».

О томъ, какое значеніе мой отецъ самъ придавалъ наружной формѣ студентовъ, можно судить по слѣдующему. На одинъ изъ запросовъ министра въ секретномъ отношеніи отъ 23-го Февраля 1848 года за № 225, онъ между прочимъ отвѣчаетъ: «Впрочемъ, будучи попечителемъ Московскаго университета не болѣе трехъ мѣсяцевъ, но зная его болѣе 16 лѣтъ, я по всей справедливости долженъ сказать, что учащіеся, несмотря на вышеизложенныя между ими различія, всѣ вообще теперь, какъ и прежде, обнаруживаютъ совершенное во всемъ повиновеніе начальству и поступками своими, какъ во время пребыванія въ аудиторіяхъ, такъ и внѣ оныхъ, доселѣ не подаютъ повода ни къ какимъ предосудительнымъ о нихъ заключеніямъ. *Здѣсь я не разумѣю тѣхъ неважныхъ нарушеній дисциплины и формы, которыя происходятъ отъ легкомыслія и недостатка образованности*».

Трудно возражать на голословное заявленіе г. Аѳанасьева, что мой отецъ «и послѣ (стало-быть и прежде) не пользовался любовью». Я могъ бы сослаться на массу имѣющихся у меня писемъ бывшихъ студентовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изъ которыхъ многіе съ тѣхъ поръ заслужили извѣстность и вообще довѣріе не менѣе чѣмъ г. Аѳанасьевъ; но вѣдь нѣтъ возможности все это напечатать. А потому я ограничусь въ этомъ отношеніи только двумя письмами К. Д. Кавелина къ моему отцу. Ихъ я избираю по двумъ причинамъ. Во первыхъ потому, что самъ г. Аѳанасьевъ на стр. 367 говоритъ: «Кавелинъ—человѣкъ умный, съ душою въ высшей степени благородною,

---

очень бѣдные молодые люди, что въ Петербургѣ студенты прибываютъ не изъ отдаленныхъ губерній; они большею частью дѣти достаточныхъ семействъ, изъ духовенства, купечества и даже разнаго чиновнаго люда, и могутъ не только прилично держать себя, но и состоять подъ семейнымъ наблюденіемъ, тогда какъ у насъ большинство молодыхъ людей изъ всѣхъ частей Имперіи, безъ средствъ, безъ родныхъ или покровителей, слѣд. безъ надзора, и размѣщены по разнымъ, преимущественно отдаленнымъ кварталамъ города.

доброю и симпатичною»... а такой человѣкъ не можетъ не пользоваться полнымъ довѣріемъ; и во вторыхъ потому, что въ цѣломъ рядѣ очень любопытныхъ статей о Кавелинѣ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», г. Корсаковъ высказалъ между прочимъ, что подробная и обстоятельная біографія этого замѣчательнаго человѣка станетъ возможна только со временемъ, когда будетъ собранъ весь нужный для того матеріалъ, а въ томъ числѣ его письма; я же, съ своей стороны, очень радъ этому содѣйствовать, насколько могу. Вотъ эти два письма.

Д. Голохвастовъ.

Письма К. Д. Кавелина къ Д. П. Голохвастову.

I.

Ваше превосходительство!

Благосклонное ваше вниманіе, которымъ я имѣлъ честь пользоваться, бывши еще подъ начальствомъ вашего превосходительства студентомъ Московскаго университета въ продолженіи четырехъ лѣтъ, и содѣйствіе, съ такимъ участіемъ оказанное мнѣ вами при поступленіи моемъ на службу по Министерству Юстиціи, уже одни были бы слишкомъ достаточны для того, чтобы навсегда запечатлѣть въ моемъ сердцѣ чувства глубочайшей благодарности къ вашему превосходительству и побудить меня выразить вамъ письменно, хотя слабо, хотя слишкомъ недостаточно, то что̀ я чувствую. Теперь я имѣю къ тому еще бо̀льшія, сильнѣйшія побужденія. Въ моемъ начальникѣ отдѣленія, г. Романовскомъ, которому, по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, я былъ порученъ г. директоромъ департамента прежде нежели могъ просить о томъ, по совѣту вашего превосходительства, данному моему батюшкѣ, я нашелъ не только въ высшей степени благорасположеннаго начальника, но какъ бы товарища, совѣтника, котораго приказанія исполняю не по одной обязанности, налагаемой службою, но по совѣсти, по глубокому уваженію и привязанности, которую онъ возбудилъ во мнѣ. Еслибъ мнѣ предоставлено было выбирать себѣ начальника по сердцу, то я убѣжденъ, что никогда бы не могъ избрать лучшаго. Этимъ счастіемъ я обязанъ вашему превосходительству, ибо единственно вашей рекомендаціи приписываю и назначеніе мнѣ такого начальника г. директоромъ и такое обращеніе со мною г. Романовскаго. Что касается до самаго директора департамента, то отношенія его ко мнѣ вполнѣ выражаются его же собственными словами: „Въ отсутствіе вашего батюшки я заступаю вамъ его мѣсто". Къ этимъ словамъ я не могу уже ничего прибавить; ибо это не были только одни пустыя слова, но слова, оправданныя дѣломъ, слишкомъ ясно, слишкомъ убѣдительно.

Всѣми этими подробностями, которыя относятся только ко мнѣ одному, я никогда не осмѣлился бы утруждать вниманіе вашего превосходи-

тельства, еслибъ ваше участіе къ моей судьбѣ, мнѣ самому доказанное на дѣлѣ, и самымъ лестнымъ для меня образомъ засвидѣтельствованное отцу моему, не обнадеживало меня и въ благосклонномъ принятіи моей благодарности. Я не могъ и не хотѣлъ заглушить въ себѣ этого чувства, потому что всегда гордился и буду имъ гордиться.

Вмѣняя себѣ въ право и въ священнѣйшую обязанность засвидѣтельствовать вашему превосходительству, что я не въ силахъ выразить и малой доли того, чѣмъ проникнутъ до глубины сердца, я вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь ласкать себя усладительною надеждою, что удостоюсь продолженія того же вашего снисходительнаго ко мнѣ вниманія и высоко цѣнимаго мною участія, которыми имѣлъ честь пользоваться по сіе время.

Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія и невыразимой, искреннѣйшей, совершеннѣйшей благодарности имѣю честь на всегда пребыть вашего превосходительства, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою К. Кавелинъ.

С.-Петербургъ,
1842 года Іюля 21 дня.

2.

Ваше превосходительство!

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы, вамъ угодно было дать мнѣ лестное для меня порученіе сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ. По прибытіи въ Петербургъ, я узналъ отъ г. Романовскаго, что вы изволили поручить ему найти человѣка, способнаго заняться такимъ дѣломъ и который бы взялся за составленіе выписокъ за извѣстную плату или вознагражденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Романовскій сообщилъ мнѣ, что по рекомендаціи профессора Шульгина, онъ отнесся съ предложеніями къ г. Анацевичу, бывшему профессору Виленскаго университета, знатоку и страстному любителю Славянскихъ древностей, состоящему теперь на службѣ при Румянцовскомъ музеѣ, и что г. Анацевичъ согласился принять на себя этотъ трудъ. Зная изъ словъ вашего превосходительства, что вы изволили раздѣлить всѣ необходимыя для васъ выписки на два отдѣла и одинъ изъ нихъ поручить мнѣ, а другой намѣревались ввѣрить другому лицу и заключая изъ этого, что порученія, данное г. Романовскому и мнѣ—не одинаковы, я искалъ знакомства г. Анацевича для того, чтобы доставить себѣ возможные способы точнѣе и успѣшнѣе выполнить желаніе вашего превосходительства. Наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія я былъ ему представленъ лично г. Романовскимъ. Г. Анацевичъ повторилъ намъ обоимъ согласіе взять на себя составленіе выписокъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ кромѣ предмета были указаны ему и источники, изъ которыхъ онъ могъ бы почерпать требуемыя свѣдѣнія. Что же касается до моихъ занятій въ Румянцовскомъ музеѣ, то онъ объявилъ мнѣ, что музей бываетъ открытъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ

и праздничныхъ дней, отъ 10 ч. утра до 3 ч. пополудни, слѣдовательно, именно въ то время, когда я обязанъ по службѣ являться въ департаментъ. Принимая въ соображеніе, что согласіе такого ученаго, знатока въ своемъ дѣлѣ, каковъ г. Анацевичъ, принять на себя составленіе выписокъ могло подать вашему превосходительству мысль поручить ему предпочтительно предъ всѣми другими обѣ половины справокъ, я долгомъ считаю представить о томъ на ваше усмотрѣніе: угодно ли вамъ будетъ, чтобъ порученныя мнѣ выписки составлены были самимъ мною или переданы г. Анацевичу?

При семъ случаѣ пріемлю на себя смѣлость изъявить вашему превосходительству искреннѣйшую мою благодарность за участіе, принимаемое вами въ моихъ дѣлахъ. Изъ послѣдняго разговора съ его сіятельствомъ господиномъ попечителемъ, происходившаго наканунѣ моего отъѣзда въ С.-Петербургъ, я не могъ не замѣтить, что представленіе и ходатайство вашего превосходительства положили твердое основаніе къ разрѣшенію важнаго для меня вопроса въ мою пользу и сдѣлали успѣхъ возможнымъ и даже до нѣкоторой степени вѣроятнымъ. Не стану обременять вниманіе ваше длиннымъ разсказомъ о томъ, что̀ значитъ для меня надежда получить званіе преподавателя въ Московскомъ университетѣ: уже одно то, что я съ радостію готовъ отдать возможность будущей успѣшной карьеры по службѣ и всего, что̀ соединено съ нею, за скромную долю профессора и ученаго, можетъ служить вашему превосходительству нелицемѣрнымъ свидѣтельствомъ искренности и глубины моего желанія, моей любви къ избираемому поприщу и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ докажетъ вашему превосходительству всю полноту моей благодарности къ вамъ, положившему начало успѣшному моему ходу по службѣ и открывающему мнѣ теперь способы къ достиженію давно и неослабно преслѣдуемой цѣли.

Съ чувствами глубочайшаго, искреннѣйшаго почитанія и совершенной благодарности и преданности, имѣю честь навсегда пребывать, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

К. Кавелинъ.

С.-Петербургъ, 1843 года 14-го Апрѣля.

ПЕРВЫЙ ВРАЧЕБНЫЙ ДИПЛОМЪ ВЫДАННЫЙ ВЪ РОССІИ.

Азъ нижеписанный Яганъ Маркусъ Гладебахъ [1]), вѣдомо чиню и свидѣтельствую всѣмъ кому о томъ вѣдать надлежитъ. Въ прошломъ 1668 году Августа въ 12-й день, Петръ Григорьевъ, который пожелалъ у меня изучитись лѣкарскому дѣлу и для того мнѣ въ службу и въ наученіе отдался, давъ на себя письмо, что съ вышеписаннаго числа послѣдующіе четыре года служить ему Петру Григорьеву у меня прилежно для изученія лѣкарскаго дѣла, неослушно, со всякою вѣрностію и учиться тому дѣлу по письму, которое отъ обоихъ насъ по обыклости нашего дѣла и достоинству укрѣплено и совершено. И какъ Петръ у меня тѣ урошные четыре года отживетъ, служа со всякою вѣрностію, обѣщался я его тогда честно отпустить и о добромъ и непорочномъ его житіи дать ему свидѣтельство. И я нынѣ о семъ истинною правдою свидѣтельствую, что онъ Петръ, служа мнѣ тѣ свои годы, не токмо въ ученіи науки прилеженъ, послушенъ, вѣренъ или, какъ ученику той науки подобаетъ, во всемъ непороченъ явился, но и такъ счастливо прилежалъ, что искусство его въ лѣченіи отъ многихъ похвалено было. Подобнѣ малая отрасль выростаетъ въ великое древо, которая со многими трудами и великимъ попеченіемъ оберегана бывъ, выростаетъ: такъ и я долженъ отъ рукъ моихъ прозябшія отрасли съ попеченіемъ носити и пособствовать симъ свидѣтельствованнымъ письмомъ. Того ради мое ко всѣмъ, паче же къ искуснѣйшимъ дѣла нашего лѣкарѣмъ должное и любезное прошеніе, чтобы сему моему свидѣтельству не токмо вѣрили (понеже нѣсть здѣ въ семъ государствѣ дѣла нашего соборища) но и сію свидѣтельствованную грамоту, съ которою я вышеписаннаго Петра Григорьева отъ себя отпущаю и дѣла нашего лѣкарскаго искусна и потребна быть повѣдаю и нарѣкаю, совершенно съ вѣрностію, яко причастника дѣла нашего и чина, воспріяли бъ. Вящей же ради вѣрности я своею рукою сіе свидѣтельствованное письмо подписалъ и печать свою приложилъ и къ тому упрошенные свидѣтели писаніемъ рукъ своихъ и печатей укрѣпили. Писанъ при царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ 1672 года, Сентября въ 1-й день. Яганъ Маркусъ Гладебахъ, Его Царскаго Величества докторъ, свидѣтельствую, подписалъ своей рукой [2]). Вящаго ради свидѣтельства азъ докторъ Михайло Грамонъ подписалъ своею рукою и печать приложилъ.

Затѣмъ слѣдуютъ подписи четырехъ люторскія вѣры пасторовъ: Балсера Фаденрехтъ, Ягана Дидрихъ, Ягана Готфрида Григорій и Александра Юнгенъ, а потомъ: Азъ Аганъ Гутменшъ [3]) аптекарь

---

[1]) Иванъ Марковичъ Кладбурхъ, какъ онъ звался въ Русской службѣ.

[2]) Имя въ переводѣ пропущено; но вѣроятно была подпись Ягана Розенбурга — владѣльца Петрозаводскаго желѣзодѣлательнаго завода.

[3]) Въ новой аптекѣ старшій.

свидѣтельствую. Азъ нижеподписанный свидѣтельствую сіе лѣкарь [1] Симонъ Зоммеръ. Азъ Стокманъ свидѣтельствую сіе. Азъ нижепомянутый свидѣтельствую и подкрѣпляю своею печатью все что выше писано, Яганъ Каспаръ Гутбиръ (аптекарь).

Преемственная передача искусства врачеванія, хотя бы и практически, существовала въ Россіи издавна, вѣроятно раньше Грознаго; но правильныя школьныя отношенія выработались у насъ лишь при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда съ 1654 года появились офиціальные ученики лѣкарскаго дѣла. Въ Аптекарскомъ Приказѣ конечно давно уже экзаменовали всѣхъ пріѣзжавшихъ съ дипломами и также своихъ выучениковъ, но ни кому никакихъ бумагъ о томъ не выдавали, ограничиваясь запиской въ книгу, какъ офиціальнымъ признаніемъ. Исконной же на Руси народной, частной предпріимчивости въ дѣлѣ врачебнаго обученія (шедшей въ то время, опираясь на сочувствіе массъ, едва ли не шире офиціальной) не куда было вносить именъ своихъ выучениковъ; а практическая необходимость признанія ограничивалась свидѣтельствомъ, которое мастеръ выдавалъ своему выученику. Въ данномъ случаѣ свидѣтельство обставлено впрочемъ гарантіями равноцѣнными офиціальнымъ, такъ какъ оно подписано тѣми же докторами и аптекарями—экзаменаторами Аптекарскаго Приказа. Документы ранней эпохи, подобнаго нижеслѣдующему, не сохранилось въ нашихъ архивахъ. Да и появленію этого, можетъ быть единственнаго свидѣтельства, была причина та, что отслужившій срокъ и отпущенный за море въ 1671 году, Гладебахъ собирался уѣзжать; иначе Григорьеву не трудно было подъ руководствомъ учителя экзаменоваться и получить офиціальное признаніе, такъ какъ ученики Аптекарскаго Приказа на практическую выучку отдавались тѣмъ же лѣкарямъ-иноземцамъ. Потомъ Григорьевъ, кажется, практиковалъ только частно, а если служилъ, то гдѣ-нибудь въ дальнемъ мѣстѣ и въ другомъ вѣдомствѣ. Отрадно замѣтить, что такая строгость оказана нашему домашнему выученику, когда напр. на мѣсто того же Гладебаха почти тѣже экзаменаторы одобрили къ принятію банбира (барбіе) Юхома Стейнъ.

Слѣдовательно лѣкарскій Латинскій дипломъ 1733 года, приведенный у Чистовича (Ист. Мед. школъ въ Россіи XLIV), не былъ первымъ въ Россіи. Подлинникъ, тоже на Латинскомъ языкѣ, остался вѣроятно у самого Григорьева; ниже слѣдующій офиціальный переводъ сдѣланъ въ Аптекарскомъ Приказѣ.

Л. Змѣевъ [2]).

---

[1]) Придворный врачъ, впослѣдствіи домодѣланный докторъ медицины.

[2]) Авторъ статей „Первое вскрытіе холернаго въ Европѣ"; „Первый военно-временный госпиталь въ Россіи"; Первая женщина-врачъ въ Россія"; „Первыя аптеки въ Россіи" и пр.

„ТЯЖБА“ ГОГОЛЯ ПОДЪ ЦЕНЗУРОЙ ДУБЕЛЬТА.

Нашъ знаменитый комикъ М. С. Щепкинъ былъ горячимъ поклонникомъ Гоголя и немало боролся съ предубѣжденіями, существовавшими въ обществѣ, въ цензурѣ, даже среди драматическихъ артистовъ, — противъ его любимаго писателя. По словамъ Щепкина, даже такіе артисты какъ Мартыновъ не понимали значенія Гоголя, считая его грубымъ и сальнымъ писателемъ. Цензура раздѣляла такой взглядъ, находя, кромѣ того, и другія основанія къ строгостямъ противъ Гоголя. До 1844 года *Тяжба* не была дозволена къ представленію, и затѣмъ была разрѣшена вслѣдствіе ходатайства Щепкина, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Осенью 1844 г., Щепкинъ пріѣхалъ играть въ Петербургъ и имѣлъ значительный успѣхъ. Публика принимала его восторженно, высокопоставленныя лица приглашали его къ себѣ читать и оказывали ему самое лестное вниманіе. Изъ числа вліятельныхъ лицъ немалое расположеніе выказывалъ Щепкину Леонтій Васильевичъ Дубельтъ (всесильный тогда начальникъ штаба корпуса жандармовъ), не разъ приходившій къ нему на сцену высказывать свое удовольствіе и одобреніе.

Между тѣмъ, приближался день бенефиса Щепкина; завѣтнымъ желаніемъ его было поставить пьэсу Гоголя, и именно неигранную еще и недозволенную «Тяжбу». Но всѣ хлопоты его оказались безъ успѣха: желаннаго разрѣшенія не послѣдовало. Тогда Щепкимъ рѣшился обратиться къ Дубельту и просилъ его разрѣшить «Тяжбу», объясняя, что никакой другой новой пьэсы для бенефиса не имѣетъ.

Генералъ принялъ Щепкина необычайно любезно, съ первыхъ же словъ успокоилъ его, обѣщая сдѣлать все возможное, и потребовалъ пьэсу для прочтенія, такъ какъ совсѣмъ не зналъ ея, хотя она давно уже была напечатана. Щепкинъ оставилъ Дубельту свой экземпляръ и на другой день явился, за отвѣтомъ. Возвращая Щепкину книгу съ своими помѣтами, Дубельтъ сказалъ: Играйте, но смотрите, чтобы зачеркнутое не произносилось на сценѣ. *Я самъ буду въ театрѣ!* И, дѣйствительно, онъ присутствовалъ при представленіи и, по окончаніи спектакля, одинъ изъ первыхъ пришелъ на сцену и благодарилъ бенефиціанта.

Подлинный экземпляръ *Тяжбы,* съ цензурными помѣтами Дубельта, Щепкинъ подарилъ своему другу, Н. Х. Кетчеру († 12 Окт. 1886 г.), у котораго я видѣлъ этотъ экземпляръ и со словъ котораго мною записанъ вышеприведенный разсказъ. Цензурованный экземпляръ составляетъ IV томъ сочиненій Гоголя, изданія 1842 г. Въ на-

чалѣ «Тяжбы», въ верхней части страницы, надпись чернилами: *Позволяется, за исключеніемъ перечеркнутыхъ выраженій. 24 Сентября 1844. Г. м.* (генералъ-маіоръ) *Дубельтъ.* Въ текстѣ зачеркнуты краснымъ карандашомъ слѣдующія выраженія:

Въ І-й сценѣ, слова Пролетова: точь въ точь баба, *засидѣвшаяся въ дѣвкахъ......* (про Бурдюкова).... былъ подъ судомъ, *отецъ воръ, обокралъ казну.... подлецъ.... подлецъ....*

Въ ІІ-й сценѣ..., губы какія, какъ у вола, *у канальи.*

Въ ІІІ-й сценѣ: въ словахъ Бурдюкова.... когда была брюхата вами, слово *брюхата* зачеркнуто и надписано *беременна.....* она доводится родной теткой мнѣ и *бестіи* моему брату.... встрѣчаетъ меня эта *бестія то-есть* братъ........ тетушка лежитъ *на корачкахъ.......* одинъ Богъ, *какъ говорятъ, не сегодня такъ завтра*, властенъ....... *А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея*, братъ...... а тотъ *подлецъ* опять.... Въ словахъ Пролетова: ахъ онъ мошенникъ этакой—слово *мошенникъ* зачеркнуто и надписано *злодѣй.* Во фразѣ: напьюсь я пьянъ, *какъ стелька*, два послѣднія слова зачеркнуты.

Повидимому, генералъ Дубельтъ, подобно многимъ современникамъ своимъ, принималъ грубость языка и нравовъ дѣйствующихъ лицъ за грубость языка самаго писателя, и самое разрѣшеніе «Тяжбы» было дано имъ болѣе изъ уваженія къ просьбѣ Щепкина, чѣмъ изъ уваженія къ писателю. Тѣмъ любопытнѣе, что позднѣе (въ 1855 г.), при обсужденіи вопроса о новомъ изданіи сочиненій Гоголя, тотъ же Дубельтъ весьма рѣзко выступилъ на защиту Гоголя противъ придирокъ цензоровъ, направленныхъ преимущественно противъ отдѣльныхъ выраженій, заключавшихъ въ себѣ, будтобы, непочтительное отношеніе къ предметамъ религіознаго почитанія. Извѣстно, что мнѣнія Дубельта и А. С. Норова значительно содѣйствовали разрѣшенію новаго изданія сочиненій Гоголя. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тогда на защиту Гоголя уже выступилъ высокій цѣнитель его, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, обратившійся по этому предмету съ письмомъ къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, и что въ этомъ письмѣ Его Высочество просилъ генерала Дубельта *въ особое себѣ удовольствіе* оказать свое просвѣщенное содѣйствіе къ разрѣшенію изданія (Р. Старина, томъ XXIX).

Кончая настоящую замѣтку, не могу не выразить крайняго сожалѣнія, что подлинный экземпляръ «Тяжбы», цензурованный Дубельтомъ и принадлежавшій Н. Х. Кетчеру, послѣ его кончины въ библіотекѣ его не оказался, и у кого онъ нынѣ находится—неизвѣстно. Отмѣтки Дубельта буквально выписаны мною въ 1884 году съ подлиннаго экземпляра.

В. Вульфертъ.

21-го Февраля 1887.

КЪ БІОГРАФІИ ПОЭТА ШЕВЧЕНКА.

Въ 3-й книжкѣ «Кіевской Старины» 1885 года помѣщена статья Ѳ. Каминскаго «Еще щепотка на могилу Шевченка», и въ ней стихотвореніе «До сестры». Авторъ статьи не только приписываетъ это стихотвореніе Шевченку, но и распространяется подробно объ отношеніяхъ Малороссійскаго поэта къ княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной, къ которой, по его мнѣнію, оно написано.

«Стихи *До сестры*—пишетъ намъ княжна В. Н. Репнина—вовсе не посвящены мнѣ и написаны не Шевченкомъ, а одной моей знакомой къ ея младшей сестрѣ. Вотъ и рухнулся весь романъ г-на Ѳ. Каминскаго! Онъ проводитъ паралель между «Хустиной» [1]) и «До сестры», а я провела [2]) паралель между *возлюбленной* и *сестрой* безъ всякой преднамѣренной цѣли. Присутствіе поэта въ нашемъ домѣ одушевляло меня и, не имѣя дара выражаться стихами, я выливала свои мысли прозой, и мало ли что я тогда писала не какъ героиня романа и не какъ *замѣчательно-образованная* женщина (какою я никогда не была), а какъ живая душа, у которой открылся заржавленный вслѣдствіе болѣзней, долгаго пребыванія за границей и горестей клапанъ! Услышавъ поэтическія выраженія наболѣвшей души, я вторила ей своими скромными строками и сообщила нѣкоторыя изъ нихъ симпатичному человѣку, который назвалъ меня *сестрою,* что весьма было естественно при нашихъ дружескихъ отношеніяхъ. Мы не играли *въ брата и сестру,* какъ выражается г-нъ Каминскій. Я проста и люблю простыхъ. Шевченко былъ у насъ всѣми любимъ. Предварительно услышала я объ его горестной жизни отъ Алексѣя Васильевича Капниста, друга всего нашего семейства, который и представилъ Шевченка моимъ родителямъ. Когда Шевченко былъ арестованъ, мои дружескія къ нему отношенія перешли въ горячее сочувствіе къ его окончательному несчастію, и я всячески старалась облегчить его участь. Это не удалось мнѣ. Я даже не могла продолжать утѣшать его письмами во все время его десятилѣтняго изгнанія, потому что получила грозное предостереженіе отъ графа А. Ѳ. Орлова. Воцареніе Александра Николаевича и хлопоты графини Толстой возвратили его въ Россію. Я видѣла Шевченка два раза въ проѣздъ его черезъ Москву въ Петербургъ, и къ сожалѣнію моему переписка наша не возобновилась».

---

[1]) Стихотвореніемъ тоже Шевченка. П. Б.

[2]) Въ письмѣ къ Шевченкѣ, которое обнародовано въ матеріалахъ для его біографіи и на которое ссылается г-нъ Каминскій. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ РАСКРѢПОЩЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Показанія генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева.

Одинъ изъ самыхъ умныхъ дѣятелей великаго событія Девятнадцатаго Февраля 1861 года, князь В. А. Черкаскій, въ статьяхъ своихъ объ исторіи Русскаго крестьянства, основанныхъ на глубокомъ и тщательномъ изученіи относящихся къ этому предмету памятниковъ нашей старинной письменности, доказалъ неопровержимо, что Русское правительство въ исходѣ XVI вѣка поставлено было въ необходимость закрѣпостить бродячее крестьянское населеніе, и что эта мѣра имѣла благодѣтельное значеніе для *всего* Русскаго государства, слѣдовательно и для крестьянъ [1]. Тоже правительство въ XIX вѣкѣ сознало неопровержимую необходимость, для блага *всего* государства, отмѣнить эту мѣру и раскрѣпостить помѣщичьихъ крестьянъ. Но Россія XIX вѣка не похожа на то чѣмъ была она три вѣка назадъ. Манифестъ 19-го Февраля 1861 года хотя касался только одной четверти народонаселенія, получилъ, благодаря особеннымъ, боковымъ обстоятельствамъ, преобладающее значеніе для всего многомилліоннаго нашего отечества. Россія до сихъ поръ живетъ и долго будетъ еще жить подъ воздѣйствіемъ этой великой правительственной мѣры. Поэтому такъ важна ея исторія и такъ дороги безпристрастныя показанія лицъ, имѣвшихъ возможность близко знать самую суть дѣла. Къ числу такихъ показаній безспорно принадлежатъ правдивыя повѣствованія и разслѣдованія А. И. Левшина, Н. П. Семенова [2] и Ѳ. П. Еленева, состоявшаго при графѣ Ростовцовѣ для работъ по крестьянскому дѣлу. Превосходная (въ особенности по своей отчетливости и по спокойствію въ изложеніи) статья Ѳ. П. Еленева: „Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи", напечатанная „въ Русскомъ Архивѣ" 1886 года [3], обратила на себя

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1880, III, 30 „(Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи)" и 1882, I, 5 (Юрьевъ день).

[2]) Записки А. И. Левшина напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1885 года, статьи Н. П. Семенова въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ „Русскомъ Архивѣ" 1869 и 1874 годовъ.

[3]) Появилась и особою книжкою въ Петербургѣ и продается (по 1 р.) въ книжныхъ магазинахъ Вольфа. П. Б.

вниманіе людей дорожащихъ историческою правдою, и въ числѣ ихъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта Александра Егоровича Тимашева, человѣка близкаго еще къ императору Николаю Павловичу, при которомъ онъ находился начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Позднѣе, въ должности шефа жандармовъ, онъ участвовалъ въ Секретномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, который былъ учрежденъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ (въ 1857 г.) Съ дозволенія его высокопревосходительства помѣщаются нижеслѣдующія замѣчанія его на статью Ѳ. П. Еленева [4]).

Авторъ спрашиваетъ (стр. 7), откуда явилась у Императора Александра Втораго мысль освободить крестьянъ?

А. Е. Тимашевъ отвѣчаетъ: «Мысль эта унаслѣдована отъ его державнаго Родителя, который во все время своего царствованія имѣлъ постоянно въ виду упраздненіе крѣпостнаго права. Императоръ Николай своимъ свѣтлымъ умомъ сознавалъ всю громадность этой реформы и потому считалъ необходимымъ соблюденіе постепенности, доказательствомъ чему служатъ многія принятыя имъ мѣры: ограниченіе права помѣщиковъ въ продажѣ отдѣльныхъ членовъ семействъ, положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, введеніе инвентарей и другія. Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ Второй, до своего воцаренія, былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Перемѣна воззрѣнія на этотъ предметъ находитъ свое объясненіе лишь въ томъ, что̀ произошло въ послѣднія минуты жизни императора Николая».

Стр. 9. Ѳ. П. Еленевъ иронически сообщаетъ, что покойный И. С. Тургеневъ приписывалъ себѣ славу внушителя идеи объ освобожденіи крестьянъ Императору Александру Второму.—А. Е. Тимашевъ замѣчаетъ: «Я не отвергаю, что Тургеневъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, но внушителемъ этой великой мысли былъ не онъ».

Стр. 13. Императоръ Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, не могъ не сознавать необходимости освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. «До вступленія своего на престолъ онъ этого не только не сознавалъ, но былъ положительнымъ его противникомъ».

Стр. 21. «По разсказу, слышанному мною отъ одного изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Николаю лицъ, а именно отъ графа П. Д. Киселева, подчеркнутыя слова [5]) были сказаны Государемъ Николаемъ Павловичемъ его Наслѣднику незадолго до кончины».

---

[4]) Ссылки на страницы относятся къ отдѣльному изданію этой статьи. П. Б.

[5]) Т.-е. знаменитыя слова сказанныя Московскому дворянству: „Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу“.

Стр. 22. Графъ Закревскій докладывалъ о тревожныхъ слухахъ, будто бы ходящихъ въ народѣ и угрожающихъ спокойствію государства. Противъ этого мѣста А. Е. Тимашевъ замѣтилъ: «Тревога дѣйствительно существовала, но къ счастію не имѣла тѣхъ послѣдствій, которыхъ многіе опасались и не безъ основанія».

Стр. 32. Про Буткова, который завѣдывалъ дѣлами Секретнаго Комитета, учрежденнаго въ 1857 году подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, Ѳ. П. Еленевъ говоритъ, что онъ по направленію своему вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ своего начальника князя А. Ѳ. Орлова. А. Е. Тимашевъ замѣчаетъ: «Такъ это было въ началѣ; но потомъ Бутковъ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе, понявъ, на чьей сторонѣ сила и будущность».

Стр. 39. Итакъ, по плану Комитета развязка дѣла откладывалась, быть можетъ на полстолѣтіе.—«Сколько мнѣ помнится на 32 года. Предполагалось раздѣлить работы на три періода. Въ первомъ, въ виду сознанія неготовности къ дѣлу ни самаго правительства, ни помѣщиковъ, ни крестьянъ, заняться собраніемъ матеріаловъ при немедленномъ ограниченіи помѣщичьей власти относительно браковъ, ссылки и сдачи въ рекруты. Во второмъ періодѣ обнародовать всевозможныя облегченія къ мѣстнымъ полюбовнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами, и разработать проэктъ для окончательнаго обсужденія въ мѣстныхъ комитетахъ. Въ третьемъ періодѣ обязать къ соглашенію тѣхъ, которые не хотѣли, не успѣли, или не могли придти къ соглашенію полюбовному. 32-хъ-лѣтній срокъ предполагалось значительно сократить въ томъ случаѣ, если дѣло пойдетъ успѣшно».

Стр. 41. Ѳ. П. Еленевъ говоритъ про нежеланіе Государя создать въ членахъ Секретнаго Комитета вынужденную себѣ покорность. А. Е. Тимашевъ возражаетъ: «Такого лицемѣрія ни въ одномъ изъ членовъ я не замѣтилъ. Преобладающая мысль заключалась въ томъ, что вопросъ подобной важности не долженъ быть разрѣшенъ почеркомъ пера и съ торопливостью. Въ то время господствовала мысль, что въ случаѣ успѣшнаго хода дѣла, первоначально назначенные сроки сократить будетъ легко; исправленіе же ошибокъ, возможныхъ при торопливости, представитъ не только трудности, но и опасности».

Стр. 43. Про извѣстный рескриптъ Назимову. «Это не совсѣмъ такъ: рескриптъ г.-ад. Назимову былъ составленъ безъ вѣдома Секретнаго Комитета, въ Мраморномъ дворцѣ. Члены Секретнаго Комитета не менѣе другихъ были удивлены появленіемъ этого рескрипта».

Стр. 45. О томъ, какъ С. С. Ланской поспѣшилъ отпечатать циркуляръ ночью и тотчасъ сдать въ почтамтъ, А. Е. Тимашевъ вспо-

минаетъ: «Этотъ фактъ относится ко времени рескрипта, даннаго на имя Петербургскаго генералъ-губернатора г.-ад. Игнатьева».

Стр. 47. Наше прежнее законодательство не сдѣлало ни одного шага, чтобы подготовить дворянство къ упраздненію крѣпостнаго права.—«Этого сказать нельзя: въ царствованіе государя Николая Павловича уже были изданы нѣкоторые законы, подготовлявшіе дѣло упраздненія крѣпостной зависимости».

Стр. 104. Противъ того мѣста въ Памятной Запискѣ графа Ростовцова, гдѣ говорится, что М. Н. Муравьевъ настаивалъ, чтобы внутренняя мірская расправа была подчинена вліянію правительственной полиціи, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣтилъ: «Нельзя не пожалѣть, что мысль эта не была принята, такъ какъ многія безобразія въ крестьянскомъ самоуправленіи были бы избѣгнуты».

*

По свидѣтельству многихъ лицъ, близкихъ къ императору Николаю Павловичу, завѣтною его мыслію, во все царствованіе, было раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ *съ землею*. Польскій мятежъ 1830 года помѣшалъ обнародованію приготовленнаго уже манифеста. Необходимость быть на стражѣ противъ революціонныхъ движеній, начавшихся съ 1846 года, остановила правительственныя работы, относившіяся къ этому предмету и возобновленныя съ наступленіемъ спокойствія. Эти работы велись дѣятельно передъ Крымскою войною. „Три раза начиналъ я это дѣло, говорилъ Государь графу Киселеву въ 1854 году, и три раза не могъ продолжать: видно, это Перстъ Божій!“ Покойный князь А. И. Васильчиковъ неоднократно и многимъ передавалъ, что отцу его, бывшему предсѣдателю Государственнаго Совѣта, приходилось сдерживать нетерпѣливость Государя въ разработкѣ этого дѣла. Еще въ Январѣ 1855 года, т.-е. за мѣсяцъ до кончины, Николай Павловичъ, въ бесѣдѣ съ другимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, графомъ Блудовымъ, выражался, что не желалъ бы умереть, не покончивъ великаго начинанія, но что отнюдь не допуститъ увольненія крестьянъ безъ земли. „Это для блага помѣщиковъ“, прибавлялъ онъ; „потому что я знаю простой народъ и его склонность къ бродяжничеству: помѣщики останутся безъ рабочихъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что Николай Павловичъ приготовилъ Россію къ мысли объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, и безпристрастная исторія должна воздать ему эту славу. Своему Преемнику, Великому Разрѣшителю, завѣщалъ онъ и облегчилъ исполненіе задачи и тѣмъ самымъ до такой степени обезпечилъ ему благословенія подданныхъ, что, по мѣткому выраженію однаго простолюдина, *изъ сердца не выкинешь* этого Государя. П. Б.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА *).

Очерки, дополненія и выводы.

Въ предисловіи къ «Экономическимъ Проваламъ» сказано: «дабы губительное дѣйствіе проваловъ было, по возможности, исправлено надобно, прежде всего, знать ихъ корень и горечь послѣдствій».

Кромѣ необходимости обнаружить корни бѣдствій и порожденную ими горечь для Русской жизни, надобно вывести наружу и главную причину всѣхъ проваловъ, заключающуюся въ полномъ пренебреженіи къ совѣтамъ, мыслямъ и предостереженіямъ, исходившимъ въ свое время изъ народной среды, отъ лицъ, желавшихъ предохранить нашу жизнь отъ злополучныхъ послѣдствій. Всѣ эти сердобольныя попеченія были съ досадою отвергаемы, и что же вышло? Никто изъ лицъ, не внимавшихъ народнымъ мыслямъ, къ сожалѣнію, не можетъ теперь выступить съ доказательствами о несуществованіи проваловъ. Никто изъ лицъ, предостерегавшихъ отъ проваловъ, также не можетъ упрекнуть себя въ томъ, что ихъ взгляды и соображенія были не вѣрны.

И такъ, корабль Русской жизни несется теперь по волнамъ сильно бушующаго экономическаго моря. Кормчему предстоитъ рѣшить, на который берегъ направить руль: на тотъ ли, гдѣ отрицаютъ народное, здравомысліе, или на тотъ, гдѣ желаютъ усвоить для жизни это здравомысліе и достигнуть черезъ то прекращенія бѣдствій.

Подойдемъ ближе къ дѣлу.

---

*) См. выше, стр. 130.

Первый провалъ: Крупная мнимо-серебряная единица.

Горечь послѣдствій. За два года до введенія этой единицы, во всѣхъ сословіяхъ заявлялись предостереженія съ выраженіемъ вредныхъ отъ этого послѣдствій. Никто не находилъ нужнымъ возвышать стоимость жизни и пріучать Русскихъ людей къ широкимъ расходамъ; но въ это время еще никому не приходило въ голову, чтобы крупная единица произвела другое зло, перемѣстивъ за границу всю массу нашей золотой и серебряной монеты. Эту бѣду увидали лишь тогда, когда монета исчезла на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ.

Второй провалъ: Опозданіе въ сооруженіи желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю.

По этому вопросу было также нѣсколько предостереженій, и не только со стороны коммерсантовъ, но и со стороны князя М. С. Воронцова (бывшаго тогда Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ) и князя Кочубея. Когда былъ рѣшенъ вопросъ о Николаевской дорогѣ, оба князя представили проэкты о сооруженіи линіи отъ Москвы къ Черному морю, являясь здѣсь частными предпринимателями, единственно въ видахъ отечественной надобности; но и эта мѣра спасенія не имѣла успѣха *). Что же послѣдовало? За опозданіе въ сооруженіи

---

*) Вскорѣ по разсмотрѣніи проэкта князя С. В. Кочубея и К° о сооруженіи южной желѣзной дороги, стали въ Петербургѣ разсказывать, что главнымъ противникомъ этого предпріятія явился графъ Клейнмихель, бывшій тогда главноуправляющимъ путями сообщеній. Онъ находилъ, что сооруженіе двухъ дорогъ разомъ встрѣтитъ затрудненіе въ рабочихъ и въ заготовленіи всѣхъ вообще потребностей для рельсоваго пути. Разумѣется, въ этомъ всѣ видѣли вымышленныя причины, и никто не могъ повѣрить тому, чтобы въ Россіи могъ оказаться недостатокъ въ рабочихъ, въ матеріалахъ лѣсныхъ и каменныхъ, и видѣли въ противодѣйствіи графа Клейнмихеля другую причину: онъ боялся, что южная дорога выстроится скорѣе и дешевле, чѣмъ междустоличная. Мнѣ случилось быть у графа Вронченки въ тотъ день, когда у него въ кабинетѣ, по случаю его болѣзни, собирался комитетъ изъ высшихъ сановниковъ для обсужденія вопроса о постройкѣ южной линіи. Когда вышелъ изъ засѣданія товарищъ министра финансовъ (П. Ф. Брокъ), я полюбопытствовалъ спросить его о результатѣ засѣданія и получилъ отвѣтъ, что послѣдовалъ отказъ. Мнѣ это засѣданіе въ особенности памятно потому, что я дожидался окончанія его на балконѣ дома министерства финансовъ (возлѣ Мраморнаго дворца) и смотрѣлъ, какъ въ это время у стѣны Петропавловской крѣпости разводилъ пары Фран-

дороги къ Черному морю Россія заплатила разрушеніемъ Севастополя, уничтоженіемъ Черноморскаго флота, потерею сотенъ тысячъ храбраго войска и преждевременно проводила въ могилу Императора Николая Павловича, драгоцѣнное здоровье котораго было потрясено пораженіемъ Русской военной силы. Затѣмъ холмы Севастополя покрылись могилами его славныхъ защитниковъ, и все это закончилось унизительнымъ Парижскимъ миромъ и началомъ накопленія огромной массы внѣшнихъ долговъ.

Третій провалъ: Разрѣшеніе ввозить Американскій хлопокъ въ сырцѣ безъ всякой пошлины.

Ни отъ кого никакихъ предостереженій о вредныхъ послѣдствіяхъ безпошлиннаго ввоза хлопка не было, а напротивъ всѣ восхищались тѣмъ, что въ Москвѣ, Шуѣ и Ивановѣ сооружаются—въ видѣ башень—высокія дымогарныя фабричныя трубы. Изъ всѣхъ людей того времени я помню только одного, Николая Арсеньевича Жеребцова, который, имѣя привычку острить, говорилъ, что въ эти трубы Россія вылетитъ въ трубу, и затѣмъ развивалъ вредныя послѣдствія отъ уничтоженія льняныхъ посѣвовъ и платежа денегъ за хлопокъ *).

цузскій пароходъ, отправлявшійся въ Гавръ съ принятымъ имъ грузомъ изъ Петропавловской крѣпости золотыми слитками на 50 милліоновъ рублей, которые Россія выдала взаймы Французскому правительству. Вотъ какія были времена! Можно ли было въ это время подумать о томъ, что чрезъ сорокъ лѣтъ наша подпись на облигаціяхъ займовъ при уплатѣ этихъ займовъ кредитными билетами будетъ цѣниться только 50 коп. за рубль? В. К.

*) Н. А. Жеребцовъ былъ очень близокъ къ князю П. М. Волконскому и къ графу Киселеву, и потому по учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ получилъ при министрѣ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій. Его посылали въ разныя губерніи открывать палаты государственныхъ имуществъ и водворять въ нихъ управляющихъ. Къ новому министерству онъ относился несочувственно и въ 50-хъ годахъ вышелъ въ отставку съ чиномъ д. с. совѣтника. Послѣ этого Жеребцовъ жилъ за границей, писалъ какую-то исторію о промышленности Россіи, издавалъ ее въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ и въ 70-хъ годахъ умеръ въ Москвѣ.

Когда мнѣ случалось бывать у графа Закревскаго въ его подмосковномъ селѣ Ивановскомъ, во время праздниковъ, я почти постоянно замѣчалъ возмущеніе графа на то, что его крестьяне являлись передъ домомъ, на гуляньи, въ ситцевыхъ рубашкахъ и сарафанахъ. Графъ говорилъ, что близость Москвы такъ укоренила въ нихъ привычку къ употребленію сит-

Четвертый провалъ: Уничтоженіе въ Кяхтѣ размѣнной торговли.

Тутъ было множество предостереженій изъ Москвы, изъ Кяхты, изъ Пермской губерніи и со всего Сибирскаго тракта, отъ фабрикантовъ и отъ оптовыхъ чайныхъ торговцевъ; но ихъ мольбы не обратили на себя никакого вниманія. Судя потому, что разрушеніе мѣновой чайной торговли не возбуждаетъ и доселѣ никакого разговора ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ, можно заключить, что сознаніе вреда еще не вошло въ наши мысли. Быть можетъ, это сознаніе явится при дальнѣйшемъ упадкѣ кредитнаго рубля, и мы увидимъ, какъ высасываетъ нашу финансовую силу пріобрѣтаемый нами не на мѣну, а на деньги чай. Тогда конечно мы подсчитаемъ въ цифрахъ, сколько каждый годъ намъ приходилось тратить монеты на чай вмѣстѣ съ покупкою Американскаго хлопка.

Пятый провалъ: Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Почти всѣ сословія были противъ этого общества, потому что появленіе его глубоко оскорбляло всѣхъ Русскихъ людей. Всюду говорили: когда нужна наша жизнь и кровь и наше достояніе, въ то

цевъ, что всякія настоянія его возвратиться къ домашней ткани остаются безъ исполненія, но что въ его Пензенскихъ деревняхъ онъ замѣтилъ не больше какъ на одной десятой части тамошнихъ крестьянъ ситцевые наряды, и обложилъ ихъ добавочнымъ платежемъ по 10 рублей въ годъ съ семейства не въ свою пользу, а въ пользу той части крестьянъ, которая ходитъ въ домотканныхъ рубашкахъ и сарафанахъ.

Кромѣ этого, не могу не вспомнить о другомъ болѣе близкомъ къ нашему времени обстоятельствѣ, ясно выразившемъ, до какой степени правительство и общество относятся покойно къ вопросу о привозѣ Американскаго хлопка, убивающаго народную льняную промышленность. Извѣстный коммерсантъ К...ъ, водворяющій въ Россію, нѣсколько десятковъ лѣтъ, Американскій хлопокъ и устроившій съ пособіемъ своихъ средствъ для разныхъ лицъ болѣе сорока бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, праздновалъ какой-то юбилей своей губительной для Русскаго народа дѣятельности. Многочисленное Русское общество пировало на этомъ юбилеѣ, поднесло юбиляру великолѣпный альбомъ съ видами сооруженныхъ при его посредствѣ фабрикъ, а правительство возвело его въ какой-то чинъ. Такимъ образомъ отпраздновали пиръ, такъ сказать, на хребтѣ Русскаго народа, лишившагося льняныхъ посѣвовъ и насильственно облеченнаго въ линючій ситецъ, распространеніе котораго, увлекая нашу монету за границу по платежу денегъ за хлопокъ, увеличило внѣшніе займы и усилило финансовое разстройство. Вспоминая этотъ юбилей, нельзя не воскликнуть: о, невинность—это ты! В. К.

время мы въ цѣнѣ, а когда является внутреннее благоустройство и возможность наживы, тогда вмѣсто насъ обращаются къ Французамъ. Главное Общество вытянуло изъ Россіи десятки милліоновъ и не подверглось никакому взысканію за нарушеніе своихъ обязательствъ передъ правительствомъ *).

Шестой провалъ: Фирма «они».

При образованіи этой фирмы никто не подозрѣвалъ объ ея существованіи; но потомъ, когда стали распространяться ея законопроэкты, ловко задрапированные въ мантію либерализма, ихъ принимали во всѣхъ сословіяхъ сочувственно; когда же началось дѣйствіе законопроэктовъ, тогда пошелъ по Россіи стонъ и вопль.

---

*) Въ противоположность этому, сколько бы можно было насчитать случаевъ безпощаднаго отношенія къ Русскимъ дѣятелямъ за накопившіеся на нихъ казенные долги, безъ всякой прямой съ ихъ стороны вины, а по несчастному стеченію обстоятельствъ! Вспомнимъ извѣстнаго Варгина, поставщика провіанта для войскъ въ отечественную войну 1812 года, имѣвшаго процессъ съ казною въ теченіи почти 50 лѣтъ, изъ которыхъ годъ или два содержавшагося въ Петропавловской крѣпости и освобожденнаго лишь по настойчивому ходатайству князя Суворова Италійскаго у Государя Императора Николая I-го. Варгинъ былъ поставщикомъ провіанта, холста и суконъ: операціи эти въ то время относились до двухъ департаментовъ — коммисаріатскаго и провіантскаго. Одинъ департаментъ на него насчитывалъ 1,200,000, а съ другаго ему слѣдовало получить 2 милліона рублей. За состоящій за нимъ долгъ, на всѣ его извѣстные дома въ Москвѣ было наложено запрещеніе, а о полученіи слѣдующихъ ему денегъ было предоставлено право ходатайствовать. Варгинъ умеръ въ глубокой старости, не доживъ до полнаго окончанія дѣла по разсчету съ военнымъ министерствомъ. Я былъ съ нимъ знакомъ и много разъ бесѣдовалъ о его дѣлахъ, которыя получили развязку уже послѣ его смерти; дома перешли къ наслѣдникамъ, и одинъ изъ домовъ (на Ильинкѣ) былъ завѣщанъ покойнымъ В. В. Варгинымъ въ пользу бѣдныхъ города Серпухова, какъ мѣста его родины.

Вспомнимъ трехъ купцовъ Шаврина, Иконникова и Ненюкова, первыхъ желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ, работавшихъ земляное полотно подъ Николаевскую желѣзную дорогу и болѣе 30 лѣтъ не получавшихъ за этотъ трудъ должнаго разсчета. Обращаясь къ Главному Обществу, я долженъ сознаться, что отношусь къ нему съ большею злобою, и вотъ почему. Это общество причинило мнѣ огромные потери и сильное потрясеніе въ дѣлахъ. Оно обязалось строить желѣзную дорогу изъ Курска до Либавы, и дорога эта должна была проходить чрезъ всю Витебскую губернію на разстояніи 400 верстъ, что̀ и было объявлено въ Правительствующемъ

Причиною стона было то, что либеральныя нововведенія, уничтоживъ для помѣщиковъ кредитъ, лишили десятки тысячъ помѣщичьихъ семействъ возможности жить въ своихъ имѣніяхъ. *На почвѣ этого бѣдствія выросъ нигилизмъ.* Очень часто случалось, что при обращеніи помѣщиковъ къ правительству за ссудою нѣсколькихъ сотъ рублей для разсчета за жнитво и пашню, имъ отвѣчали въ такомъ смыслѣ: майся какъ знаешь, что̀ намъ за дѣло до тебя! Затѣмъ фирмѣ «они» вполнѣ принадлежитъ распространеніе пьянства посредствомъ безграничнаго числа кабаковъ, разрушеніе сельскаго хозяйства отъ уничтоженія мелкихъ винокурень и вовлеченіе Россіи въ заграничные займы, вслѣдствіе недопущенія Русскаго народа кредитовать правительство своимъ трудомъ съ полученіемъ за этотъ трудъ безпроцентныхъ бумагъ. Совокупность этихъ золъ, конечно, гораздо болѣе причинила вреда Россіи, чѣмъ 1812-й годъ, Севастополь, холера и всѣ другія пережитыя нами бѣдствія.

Седьмой провалъ: Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ безъ предварительнаго устройства рельсовыхъ и локомотивныхъ заводовъ, равно заводовъ вагонныхъ и прочихъ принадлежностей желѣзнодорожнаго дѣла.

По этому вопросу не было слышно никакого предварительнаго возраженія, вѣроятно оттого, что если образовано Главное, якобы Русское, Общество желѣзныхъ дорогъ съ Французами во главѣ, то уже всѣ Русскіе люди, поникнувъ духомъ, находили невозможнымъ даже помышлять объ устройствѣ такихъ заводовъ, изъ которыхъ издѣлія надобно сдавать во Французскія руки и подвергаться всевозможнымъ притѣсненіямъ.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, съ выпиской всѣхъ принадлежностей изъ-за границы, возвысило ихъ цѣнность и увеличило нашу задол-

---

Сенатѣ при торгахъ (1858 года) на откупа Витебскіе и Курскіе. Объявленіе это произвело на торгахъ большія наддачи, и означенные откупа остались за мной; но такъ какъ Главное Общество оказалось неисправнымъ, то постройка Курско-Либавской линіи была отмѣнена, а вызванное этимъ событіемъ возвышеніе цѣнъ на откупа не было уменьшено, и для уплаты оказавшейся за мной недоимки я долженъ былъ лишиться акцій Русскаго общества пароходства и торговли на милліонъ рублей и дома моего въ Москвѣ, противъ Кремля, въ которомъ помѣщались огромная гостинница и товарные склады. Мнѣ очень памятно, что этотъ домъ у меня отбирали въ казну въ то время, когда я въ немъ проводилъ шумные дни, пируя вмѣстѣ съ Американцами, пріѣзжавшими привѣтствовать Государя по случаю спасенія отъ Каракозовскаго выстрѣла. В. К.

женность на сотни милліоновъ. Впослѣдствіи стали образовываться и въ Россіи заводы для желѣзнодорожныхъ принадлежностей, но образованіе это шло очень вяло безъ поддержки правительства, и заводы стали появляться въ то время, когда болѣе половины дорогъ было уже построено.

Восьмой провалъ: Акцизная питейная система.

Здѣсь предупрежденія о вредныхъ послѣдствіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ: всѣ сословія, духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, крестьянство возставали противъ свободной продажи вина, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы монополія откупа была замѣнена монополіей казны безъ увеличенія мѣстъ продажи. Никто этимъ возгласамъ не внималъ, и затѣмъ послѣдовало съ 1863 года введеніе въ дѣйствіе вольной продажи хлѣбнаго вина.

Этотъ провалъ можно сравнить развѣ съ древнимъ нашествіемъ Монголовъ. Все повержено въ прахъ: жизнь мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, жизнь крестьянъ, существованіе сельскаго скотоводства во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ и т. д. На этой почвѣ выросло небывалое ядовитое растеніе: изъ пропившихся крестьянъ образовался сначала бездомокъ, а потомъ *безбожникъ и отчаянный анархистъ*.

Девятый провалъ: Предоставленіе винокуренія всѣмъ сословіямъ.

Это произошло такъ моментально, что въ обществѣ не успѣлъ еще сложиться никакой предварительный голосъ. Отъ этой винокуренной равноправности прервалась уже всякая связь сѣвернаго винокуренія съ сельскимъ хозяйствомъ.

Десятый провалъ: Ересь, заключающаяся въ томъ, чтобы не пользоваться народнымъ кредитомъ посредствомъ выпуска внутреннихъ платежныхъ знаковъ.

Вся Россія, за исключеніемъ, можетъ быть, одной трехсотъ-тысячной ея части, поврежденной западными ученіями, неприложимыми къ нашему быту, удивлялась, что Русскій Царь, не желая кредитоваться у своего народа, жаждущаго работы и вѣрющаго въ свои платежные знаки, въ тоже время занимаетъ у иностранцевъ за дорогіе проценты и со скидкою съ цѣны своихъ обязательствъ (получали семь гривенъ, а обязывались платить рубль), а уплату всѣхъ этихъ тяжелыхъ займовъ возлагаетъ на Русскій народъ.

Одиннадцатый провалъ: Сибирское золото и тарифъ.

Никогда никакихъ предостереженій не раздавалось ни въ обществѣ, ни въ народѣ до 60-хъ годовъ; но когда увидали, что мы дѣлаемъ займы

за границей, то всѣ невольно задали себѣ вопросъ: куда же пропало наше Сибирское золото? Съ того времени уже постоянно слышались во всѣхъ сословіяхъ желанія о возвышеніи тарифа, въ силу чего былъ назначенъ въ 1868 году тарифный пересмотръ, который вовсе не удовлетворилъ патріотическихъ ожиданій. Такъ себѣ и стали жить съ 1868 года по настоящее время: пошлемъ цѣлый караванъ овса или пшеницы и получимъ за него одинъ вагонъ съ модными товарами *).

Двѣнадцатый провалъ: Право проживать за границею.

Никакихъ возраженій на это до самаго послѣдняго времени не было слышно, вѣроятно потому, что число проживающихъ за границей по отношенію къ народонаселенію Россіи весьма незначительно, хотя въ тоже время вредное вліяніе производимое проживаніемъ внѣ своего дома отражается огромною потерею монеты и накопленіемъ внѣшнихъ долговъ.

Тринадцатый провалъ: Пренебреженіе къ мысли князя Барятинскаго.

Бѣдственное для Россіи пренебреженіе къ мысли князя Барятинскаго, какъ равно и самая мысль, были извѣстны весьма немногимъ, и потому печалованіе о невниманіи къ спасительному значенію великой мысли не проникло въ народное обсужденіе.

Четырнадцатый провалъ: Дагестанъ, Пермское и Вологодское солевареніе.

Эти провалы ограничиваются только скорбію тѣхъ мѣстностей, гдѣ они образовались. Дѣло это никого не безпокоитъ, оно не касается Европы и относится только до мужиковъ, потерявшихъ свои заработки и лишившихся средствъ къ жизни, слѣдовательно, это малозначительное событіе не входитъ въ составъ глубокихъ Петербургскихъ финансовыхъ созерцаній и—остается никѣмъ незамѣченнымъ.

Пятнадцатый провалъ: Дезертерство купцовъ изъ своего сословія въ чиновники и дворяне.

Ни отъ кого не было слышно никакихъ возраженій, и многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ самое включеніе чрезмѣрныхъ купеческихъ наградъ въ число проваловъ. Включеніе это основано на томъ, что почти всѣ купеческія конторы по выходѣ хозяевъ ихъ изъ своего сословія провалились. Отъ слѣдующаго уже обнищавшаго

*) Когда уже была окончена настоящая статья, получено мною въ высшей степени интересное сообщеніе отъ одного практическаго лица о томъ, какъ тарифомъ 1868 года было убито тонкорунное мериносовое овцеводство въ Россіи. Повѣствованіе объ этомъ войдетъ въ дополненіе проваловъ въ будущемъ 1888 году. В. К.

поколѣнія постоянно слышатся горькія жалобы на ошибку и увлеченіе ихъ отцовъ; такіе примѣры я имѣю въ кругу моихъ родственниковъ *).

Вышеизложенныя очертанія корней и горечи послѣдствій выясняютъ полное разрушеніе экономической силы отъ невниманія и пренебреженія къ мыслямъ тѣхъ лицъ, которыя, видя близко народную жизнь во всей ея подробности, не разъ заявляли все то, что̀ для общей пользы нужно и что̀ вредно. Вся бѣда въ томъ, что нашъ либерализмъ, начавшійся съ 60-хъ годовъ и заявившій себя разными преобразованіями, былъ неискренній, а ложный. Первая подкладка преобразованій заключалась въ служебной карьерѣ тѣхъ лицъ, которыя сочиняли и проводили новые законопроэкты. Вторая подкладка, при утвержденіи законопроэктовъ—желаніе пощеголять передъ Европой появленіемъ въ Россіи либеральныхъ началъ. При всемъ этомъ никто не давалъ себѣ труда вникнуть въ народныя потребности, и оттого новыя правила и постановленія

*) Въ числѣ купцовъ, не поддавшихся чинобѣсію, были извѣстные коммерческіе дома: въ Рыбинскѣ—Журавлевъ, въ Великомъ Устюгѣ—Грибановъ, въ Ярославлѣ—Пастуховы и т. д. Послѣдствія показали, что дѣла преемниковъ этихъ лицъ и вообще многихъ другихъ, не поддавшихся соблазну, процвѣтаютъ и въ настоящее время. Журавлевъ самъ себѣ выработалъ коллосальный чинъ, снискавъ знаніемъ дѣла такое довѣріе, что онъ сдѣлался положительно торговымъ руководителемъ всей Волги со всѣми ея притоками. Грибановъ тоже самое выражалъ по системѣ рр. Сѣверной Двины, Юзы и Вычегды. Стотысячное населеніе, живущее около этихъ рѣкъ, передавало на его суда весь свой хлѣбъ безъ опредѣленія цѣны, и разсчетъ дѣлался впослѣдствіи, по продажѣ хлѣбовъ въ Архангельскѣ. Такъ продолжалось дѣло въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Какой же чинъ можетъ замѣнить подобное значеніе, столь сильно выражавшее общее довѣріе къ г. Грибанову, сынъ котораго, бывшій предсѣдатель С.-Петербургской биржи, вполнѣ замѣнилъ для сѣвернаго края своего незабвеннаго отца? Къ великой чести фамиліи Грибановыхъ относится учрежденіе въ Великомъ Устюгѣ льнопрядильной фибрики, закупающей мѣстный ленъ и вырабатывающей лучшія поло̀тна. Точно также заслуживаютъ всеобщей благодарности льнопрядильныя фабрики: въ Костромѣ С. М. Третьякова, подъ Ярославлемъ—Г. И. Хлудова и въ Вязникахъ—Демидова. Всѣ означенныя фабрики могутъ вырабатывать поло̀тна только высшихъ сортовъ, а дешевыя народныя ткани производитъ бумагопрядильная нитка изъ привознаго хлопка въ явный подрывъ своему деревенскому льну.

Когда былъ произведенъ въ д. с. сов. одинъ изъ табачныхъ фабрикантовъ, покойный Журавлевъ при встрѣчѣ съ этимъ фабрикантомъ называлъ его генераломъ отъ-папиросъ, а другаго чайнаго торговца изъ Сибири, получившаго также превосходительный чинъ—генераломъ отъ-цибиковъ; теперь покойный Журавлевъ нашелъ бы генераловъ отъ-тюковъ и генераловъ отъ-кубиковъ. В. К.

сыпались на Русскую жизнь, какъ хлопья снѣга, производя всеобщее угнетеніе. При этомъ нельзя отрицать того, что многія изъ лицъ, подготовлявшихъ преобразованія, трудились, по ихъ понятіямъ, добросовѣстно, желая всѣмъ добра; но вышло то, что всѣ эти труженики усердно рыли ровъ для низверженія въ него не только благосостоянія, но даже и общественнаго порядка.

Не могу не замѣтить самъ себѣ, что въ «Экономическихъ Провалахъ», въ нѣсколькихъ мѣстахъ, я повторяюсь въ изложеніи причинъ и послѣдствій, и это происходитъ оттого, что сжато и сокращенно (безъ повтореній), мнѣ писать некогда, за недостаткомъ свободнаго времени; а потому я и остаюсь при томъ изложеніи, какое диктуетъ мнѣ внутренній голосъ. Всякій изъ насъ знаетъ, по опыту на самомъ себѣ, что внутренній голосъ многократно раздается внутри насъ по тѣмъ предметамъ, которые внѣдрились въ тоскующее сердце. Повторюсь еще разъ; эти наболѣвшіе предметы составляютъ въ моемъ сердцѣ самое горестное ощущеніе и выражаются въ слѣдующемъ: бѣдное и убогое денежное положеніе Россіи, поверженной въ невылазную трясину долговъ, бѣдные крестьяне, въ полинялыхъ и дырявыхъ ситцевыхъ рубахахъ, лишенные сбыта льна и раззоренные кабаками, бѣдные мелкопомѣстные помѣщики въ количествѣ, конечно, болѣе 50 тысячъ семействъ, лишенные крова и безбѣднаго существованія и не знающіе, какая постигнетъ участь ихъ безпріютныхъ дѣтей и т. д., и т. д.

Затѣмъ щемитъ сердце другая сторона медали: счастливая Америка, обирающая насъ 50 лѣтъ за хлопокъ и вытянувшая изъ насъ милліарды; счастливая Германія, возвысившая свое политическое значеніе на счетъ упадка нашей политической силы; счастливая Европа, высосавшая изъ насъ всю старую монету временъ Петра, Екатерины и Александра I-го и все Сибирское золото, и захватившая въ залогъ, посредствомъ закладныхъ листовъ, многія Русскія земли. Не правда-ли, есть отчего почувствовать нытье и тоску сердца и есть отчего подпасть подъ гнетъ невыразимаго горя?

Вполнѣ сознаю, что «Экономическіе Провалы» со всѣми ихъ подробностями не стоютъ, въ смыслѣ практической пользы, той одной строки, которая года три назадъ напечатана была (кажется, въ «Современныхъ Извѣстіяхъ») и которая ясно и коротко опредѣлила, въ чемъ кроется спасительное благоустройство Русской жизни.

Статья эта задала себѣ вопросъ: «что намъ нужно?» и отвѣтила на него одною строкой: «нужно хотя-бы восьмушку Бисмарка».

В. Кокоревъ.

(Заключеніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Совѣтъ Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея Славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ Византійской и Славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 Мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, не удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміею въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на Русскомъ языкѣ.

Славянское Общество доставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составляютъ три большіе тома, съ **приложеніями.**

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи. Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

☛ За перемѣну адреса Московскаго на Московскій и иногородняго на иногородный—**20** к.; иногородняго на Московскій—**50** к.; Московскаго на иногородный—**90** к. (по платѣ почтовой).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПОДЛИННИКѢ.

Открыта подписка на изданіе ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ во Французскомъ неизданномъ подлинникѣ, болѣе обширномъ нежели появившееся въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года Русское извлеченіе изъ нихъ. Желающіе имѣть эти Записки отдѣльною Французскою книгою благоволятъ доставлять **3** рубля (включая и пересылку) въ **Москвѣ** въ Контору «Русскаго Архива» на Садовой, 175-й или въ книжный магазинъ Готье на Кузнецкомъ мосту; въ **Петербургѣ**—на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ книжный магазинъ Мелье.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 173-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Цѣна 30 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 к.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3** р. **30** к.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ. Четыре книги. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ. Двѣ книги. Цѣна 4 р. съ перес. 4 р. 50 к.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ[1]).

1.

С.-Петербургъ, Ноября 7-го 1796.

Вамъ первому симъ извѣщаю, что матери моей не стало вчера ввечеру. Пріѣзжайте ко мнѣ, распорядя по эпархіи своей. Всегда вѣрной другъ и благосклонной Павелъ.

Этотъ рескриптъ императора Павла писанъ постороннею рукою и только подписанъ Павломъ, равно какъ и послѣдующіе. Есть впрочемъ признаки, что черновые рескрипты составляемы были самимъ Павломъ.

О медлительности своей касательно отъѣзда въ Петербургъ Платонъ въ своей автобіографіи пишетъ слѣдующее:

„Сему призыву (въ С.-Петербургъ) не радовался Платонъ; ибо, любя уединеніе, наскучивъ суетами міра сего и приближаясь къ старости, боялся, чтобъ не принужденъ былъ жить въ С.-Петербургѣ и не привязанъ былъ къ какимъ-либо дѣламъ. Однако положилъ ѣхать, хотя былъ въ великой слабости здоровья, ибо до сего за день случилась ему жестокая колика. Но не разсудилъ скоро въ путь отправиться, ибо не сказано ему, чтобъ ѣхать не медля; но, напротивъ, сказано, чтобъ прежде распорядить по эпархіи, въ коей уже онъ болѣе году не былъ. А при томъ, въ тотъ же день получилъ и отъ градоначальника изъ Москвы, Измайлова, письмо, коимъ просилъ онъ митрополита пріѣхать въ Москву и совершить съ нимъ новое торжество [2]). И такъ, на другой же день по полученіи сего извѣстія, отправился онъ въ Москву, куда при слабости здоровья въ тотъ же день прибывъ, и ожидалъ указа о торжествѣ; но сего ни тогда, ни послѣ не воспослѣдовало. Пребывая въ Москвѣ, митрополитъ услышалъ, что архіереямъ Государь пожаловалъ кавалеріи“...

„Платонъ просилъ Императора, чтобъ, по случаю его отъѣзда въ Петербургъ, пожаловать повелѣть викарію епископу Дмитровскому присутствовать въ Сvнодальной Конторѣ, что̀ и прежде бывало при отлучкѣ въ Петербургъ, что викарій его, епископъ Сѣвскій, въ Сvнодальной Конторѣ

---

[1]) Письма Павла Петровича до вступленія его на престолъ къ митрополиту Платону напечатаны въ 5-й и 6-й тетрадяхъ „Р. Архива“ сего года.

[2]) По случаю восшествія Павла Петровича на престолъ.

присутствовалъ, чѣмъ хотѣлось ему нѣсколько ободрить своего сотрудника, а себя совсѣмъ отъ оной освободить".

„Пославъ таковое письмо и получилъ отъ Императора побужденіе, чтобъ онъ не медлилъ отправиться въ путь, тотчасъ отправился въ Лавру, а оттуда въ Петербургъ, Декабря 2 дня. Но на дорогѣ, не доѣзжая Твери, въ селѣ Городнѣ, встрѣтилъ его нарочно посланный курьеръ. Вручилъ онъ отъ Государя письмо, а отъ Сѵнода указъ. Прочетши и то и другое, митрополитъ пораженъ былъ смущеніемъ и рѣшился возвратиться въ Лавру. Пріѣхавъ въ Лавру и болѣзненъ, и горестенъ, отписалъ Государю все обстоятельно, и почему медлилъ, и почему отважился къ нему писать, и для чего возвратился назадъ, а при томъ просилъ и увольненія отъ эпархіи. И на сіе получилъ отвѣтъ прежняго благосклоннѣе: что требовалъ его по привычкѣ быть съ нимъ, и чтобъ дать ему кавалерію, и что онъ надѣялся, что еще потрудится въ правленіи эпархіи; а отъ пріѣзду его въ Петербургъ увольняетъ, поелику самъ скоро собирается въ Москву. Получивъ таковое отъ Государя письмо, нѣсколько отдохнулъ отъ тягости душевной Платонъ, а паче радъ былъ, что отъ поѣздки въ Петербургъ уволенъ. Находясь послѣ сего въ слабости здоровья, однако сбирался въ Москву, куда въ концѣ Генваря 1797 года и отправился, ибо назначенъ былъ пріѣздъ Государевъ въ Москву 10 Марта. Живя въ Москвѣ, митрополитъ, чувствуя слабость здоровья и въ уныніи, не оставлялъ и эпаршескія дѣла по возможности производить, а какъ въ Москву прибылъ и Сѵнодъ, гдѣ и ему велѣно присутствовать, то и въ Сѵнодъ ѣздилъ, хотя очень рѣдко. Какія же при томъ терпѣлъ отъ своихъ собратій искушенія, трудно все подробно объяснять" [1]).

2.

Преосвященный митрополитъ Платонъ. Съ удивленіемъ вижу я отлагательство и медленность пріѣзда вашего въ здѣшнюю столицу, а еще съ бо́льшимъ неудовольствіемъ непристойный отзывъ вашъ, въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ сдѣланный. Признаюсь, что сколь по долгу вѣрноподданнаго, столь наиболѣе по дружбѣ моей къ вамъ, ожидалъ я, что вы волю мою исполнить поспѣшите; но когда усматриваю противное тому, и когда вы, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего, позволили себѣ шагъ и непристойный, и высокомѣрный, то и я убѣждаюсь стать противу васъ на другой уже ногѣ, приличной достоинству Государя вашего. Павелъ.

Въ С.Петербургѣ,
Ноября 30-го 1796.

---

[1]) Москвитянинъ 1849 года, т. VI, стр. 69.

3.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 7-го Декабря, инаго не нахожу сказать вамъ какъ то, что когда, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего, желалъ я поспѣшно вашего сюда пріѣзда, то сіе происходило отъ удовольствія, какое находилъ я всегда, видя васъ вмѣстѣ съ нами, предполагая въ тоже время оказать вамъ тѣ отличительные знаки благоволенія моего, каковыми удостоены прочіе преосвященные собратія ваша; но вы, отложивъ пріѣздъ свой, тѣмъ самымъ и желанію моему положили преграду. Теперь же, кажется мнѣ, и время для того уже недостаточно; поелику сближается срокъ, въ которой намѣреваюсь я самъ предпринять путешествіе для моей коронаціи въ Москву, гдѣ мы съ вами увидимся. Между тѣмъ надѣюсь я, что вы не откажетесь отъ эпархіи, продолжая управленіе оною во славу Бога и на пользу паствы вамъ ввѣренныя. Пребываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ,
Декабря 15-го 1796.

4.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Израженія вашего ко мнѣ усердія и желанія, приносимыя по случаю наступившаго новаго года, я пріемлю тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ меньше сумнѣваюсь въ искренности оныхъ. Благодаря васъ за таковыя чувствованія, увѣряю и съ своей стороны, какъ о непремѣнномъ къ вамъ благоволеніи, такъ и томъ, что я пребываю всегда вамъ доброжелательный. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 1-го 1797 г.

5.

Ваше преосвященство обыкновеннымъ своимъ образомъ тронули сердце мое. Вы ему помѣшали было отдаться чувству его. Отъ васъ зависитъ самихъ, пріѣхавъ завтра ко мнѣ, кончить то, чѣмъ благодарность единственно показать вамъ могу, чѣмъ предъ собою и свѣтомъ долженъ *). Павелъ.

6.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Благодарю васъ за поздравленіе со днемъ моего тезоименитства и за желанія ваши,

---

*) Писано 1797 года Марта 10 д. въ первый день пріѣзда Государева въ Москву. (Прим. рукою Платона).

изъясненныя въ письмѣ вашемъ отъ 21-го Іюня. Относительно пріѣзда вашего сюда, вы оной распорядите такъ, какъ для васъ собственно удобнѣе и покойнѣе; мнѣ же во всякое время удовольственно будетъ видѣть васъ здѣсь. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. Павелъ.

Въ Петергофѣ,
Іюля 1-го 1797.

7.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Сколько бы ни желательно, чтобъ вы съ нами далѣе пожили, но, снисходя на ваше прошеніе, всемилостивѣйше дозволяю вамъ возвратиться во свояси. Впротчемъ будьте увѣрены, что и въ отсутствіи вашемъ сохраню къ вамъ то непремѣнное благоволеніе, съ каковымъ есмь и навсегда пребуду вамъ доброжелательный Павелъ.

Въ Гатчинѣ,
Октября 20-го 1797.

8.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Прошеніе ваше о дозволеніи завести въ Троицкой Лаврѣ типографію, я тѣмъ охотнѣе бы исполнилъ, чѣмъ удовольственнѣе мнѣ всѣ тѣ случаи, гдѣ могу я дать вамъ опыты моего къ вамъ благоволенія; но принятое мною правило не умножать болѣе типографій, считая, что число ихъ и безъ того уже достаточно, препятствуетъ удовлетворенію вашего желанія. Не ищите въ семъ отказѣ иной причины, и будьте впрочемъ увѣрены, что благорасположеніе мое къ вамъ всегда непремѣнно. Вашъ благосклонный Павелъ.

Въ Гатчинѣ,
Октября 24-го 1797.

9.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Письмо ваше, исполненное усердныхъ поздравленій и желаній вашихъ по случаю наступившихъ праздниковъ и приближающагося новаго года, я получилъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, поколику считаю ихъ искренними. Изъявляя вамъ за оные благоволеніе мое, присовокупляю тутъ же и благодарность за книгу трудовъ вашихъ, мнѣ доставленную. Пребываю впрочемъ съ непремѣннымъ къ вамъ доброжелательствомъ всегда вамъ благосклонный Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ,
Декабря 28-го 1797.

10.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Получа поздравительное письмо ваше, съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ немъ изъясненіе чувствъ привязанности вашей ко мнѣ и усердія. Благодарность и благоволеніе мои примите въ замѣну оныхъ и останьтеся увѣрены въ томъ, что я навсегда пребуду къ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчина.
Сентября 22-го дня 1798 г.

11.

Преосвященный Платонъ митрополитъ Московскій и Калужскій. Препровождаемъ при семъ къ вамъ десять тысячъ рублей отъ насъ и пять тысячъ отъ любезбѣйшей супруги нашей, препоручая вамъ, купно съ Московскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Салтыковымъ 2-мъ, раздать сумму сію на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ въ нашемъ столичномъ городѣ Москвѣ, по соображенію вашему ихъ поведенія и состоянія. Пребываемъ вамъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ.
Февраля 20-го дня 1799 г

12.

Преосвященный митрополитъ Платонъ. Письмо ваше поздравительное съ наступившимъ праздникомъ праздниковъ, съ пожеланіями вашими мнѣ благъ отъ Вышняго я получилъ съ истиннымъ удовольствіемъ, и ваше привязанность къ моей особѣ найдетъ во мнѣ всегда замѣну достойную вашего усердія. Я съ моей стороны также васъ поздравляю проведя Святую Четыредесятницу и достигнувъ дней Святыя Христовой Пасхи, пребывая къ вамъ навсегда благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ.
Апрѣля 19-го дня 1799 г.

13.

Преосвященный Платонъ митрополитъ Московскій и Калужскій. Въ 18 день сего Маія наша любезная невѣстка великая княгиня Елисавета Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки, а ихъ императорскимъ высочествамъ дочери нареченной Маріею. Извѣщая васъ о семъ радостномъ происшествіи, увѣрены мы, что, снесясь съ нашимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ, поспѣшите въ престольномъ нашемъ градѣ Москвѣ возслать ко Всевышнему молитвы благодаренія съ подобающимъ новорожденной при священнослуженіи возношеніемъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Маія 18-го дня 1799.
Павловскъ.

14.

Преосвященный Платонъ митрополитъ Московскій и Коломенскій. Принявъ съ признаніемъ чувствія и пожеланія ваши, въ письмѣ вашемъ отъ 19-го сего мѣсяца мнѣ изъявленныя, въ замѣну оныхъ равномѣрно и я искренно желаю вамъ въ мирѣ духа, здравіи тѣла и въ совершенномъ благополучіи достигнуть наступающаго новаго вѣка, несомнѣнно увѣряясь въ томъ, что я, какъ прежде былъ, такъ и впредъ буду вашъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ.
Декабря 24-го 1799.

15.

Преосвященный митрополитъ Платонъ. Съ настоящимъ удовольствіемъ пріемлю я всегда изъявляемое мнѣ вами усердіе въ письмахъ вашихъ; и равномѣрно признателенъ я вамъ и за то письмо ваше, въ коемъ поздравляете вы меня съ нынѣшнимъ праздникомъ Воскресенія Христова. Я, зная вѣрную вашу ко мнѣ преданность, сохраняю къ вамъ то уваженіе и привязанность, каковыми чувствія ваши ко мнѣ всегда награждаться имѣютъ. Взаимно васъ съ симъ праздникомъ праздниковъ поздравляя и желая вамъ отъ Вышняго всѣхъ благъ, пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ.
Апрѣля 9-го дня 1800.

16.

Преосвященный митрополитъ Платонъ. Письмо ваше коимъ вы поздравляете меня со днемъ моего тезоименитства, наполнено самыми пріятными для меня выраженіями искренняго вашего ко мнѣ усердія и желаній вашихъ, къ коимъ я всегда будучи чувствителенъ. Симъ васъ за все оное благодарю и, увѣряя о моемъ къ вамъ особливомъ благоволеніи, пребуду навсегда къ вамъ благосклонный Павелъ.

Петергофъ.
Іюня 27 день 1800.

17.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ. Пріемля съ особливымъ благоволеніемъ и признательностію израженія усердія и преданности ко мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 13-го числа сего мѣсяца по случаю дня рожденія моего и свидѣтельствуя чрезъ сіе мою благодарность за чувствованія и желанія ваши, въ искренности коихъ нимало не сумнѣваюсь, пребываю впротчемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гачина.
Сентября 18-го 1800.

Изъ писемъ императрицы Маріи Θеодоровны къ Московскому митрополиту Платону.

1.

Письмо вашего преосвященства я съ особливымъ удовольствіемъ получила и радуюсь, что вы благополучно пріѣхали въ Москву. Что жъ до меня касается, то я, помня всегда ученіе ваше съ благодарностію, могу васъ обнадежить, что я всегда съ непремѣнною къ вамъ благосклонностію пребуду

Марія Великая Княгиня.

Генваря 5-го 1777 года.

2.

Ваше преосвященство.

Я получила письмо ваше съ удовольствіемъ и очень довольна видѣть, что вы меня не забываете, и благодарствую за ваши мнѣ желанія. Я имѣла случай познакомиться съ вашимъ братцемъ [1]), и надѣюсь, что онъ вамъ отъ меня кланялся. Въ протчемъ, препоручая себя въ ваши молитвы, пребываю всегда ваша благосклонная

Марія.

С.-Петербургъ. Октября 26-го дня 1777 года.

3.

Ваше преосвященство.

Я очень счастлива, что по волѣ Всевышняго исполнилось чрезъ меня чаяніе дражайшаго нашего отечества [2]). Таковое благодѣяніе Божіе признаю я съ благодарностію, и чувствую не менѣе радости, въ которой вы столь искренно участвуете. Сей истинной знакъ усердія вашего принимаю я съ особливою благодарностію и остаюсь къ вамъ всегда благосклонная

Марія Великая Княгиня.

С.-Петербургъ. Генваря 24-го 1778 года.

4.

Ваше преосвященство.

Я принимаю желанія ваши съ великимъ удовольствіемъ; будьте увѣрены и о искренности моихъ къ вамъ. Я желаю вамъ, чтобъ вы

---

[1]) Братъ митрополита Платона былъ протопресвитеръ Московскаго Успенскаго собора Александръ Егоровичъ Левшиновъ.

[2]) Т.-е. обезпеченіе престолонаслѣдія рожденіемъ Александра Павловича (12-го Декабря 1777).

были здоровы и наслаждались всякимъ благополучіемъ, а я съ моей стороны желаю особливо, чтобъ вы нынѣшній годъ опять къ намъ возвратились (хотя я знаю, что вамъ и не очень тово хочется). Въ протчемъ, препоручаю себя и сына моего въ святыя ваши молитвы, остаюсь къ вамъ всегда ваша благосклонная

Марія Великая Княгиня.

С.-Петербургъ.
Генваря 16-го 1779 года.

5.

Преосвященный владыко.

Я получила первое письмо ваше за нѣсколько дняй прежде разрѣшенія моего, что̀ и препятствовало мнѣ отвѣтствовать вамъ и благодарить за оное; а теперь я васъ благодарю какъ за первое, такъ и за послѣднее. Я препоручаю себя и сына моего Константина въ ваши молитвы, также и Александра, который вамъ кланяется. Желаю васъ скоро здѣсь видѣть и вамъ показать новаго праправнука Петра Великаго, и васъ изустно увѣрить, какъ благосклонна я къ вамъ всегда пребываю, вашего преосвященства ваша благосклонная

Марія Великая Княгиня.

Царское Село.
Маія 27 дня 1779 года.

6.

Римъ. 23-го Февраля (6 Марта) 1782 года.

Ваше преосвященство. Я получила два письма ваши почти въ одно время, и спѣшу вамъ изъявить, сколько они мнѣ пріятны. Желаніе ваше насъ скоро увидѣть служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашей любви и привязанности къ намъ. Мы будемъ спѣшить, сколько намъ возможно будетъ; разлука съ дѣтьми и съ отечествомъ мнѣ день ото дня тяжелѣе становится. Я слышала, что ваше преосвященство ѣдите въ Петербургъ и желаю, чтобъ мы васъ тутъ еще нашли. Мы слава Богу здоровы, и думаемъ отсюда ѣхать чрезъ недѣлю. Пребываю всегда, ваше преосвященство, ваша благосклонная

Марія.

7.

С.-Петербургъ. 8-го (19) Декабря 1782.

Ваше преосвященство.

Письмо ваше умножило радость мою, которую я чувствую при возвращеніи въ дражайшее отечество, и я увѣрена, что ваше преосвященство одинъ изъ тѣхъ, который принимаетъ въ томъ наибольшее

участіе. Я нашла дѣтей моихъ, что они очень выросли, такъ что я бы ихъ почти не узнала, ежели бы сердце мое мнѣ не сказало, что то они. Вы можете себѣ представить мое удовольствіе, которое умножается ежедневно, видя, что дѣти столь успѣли, благодаря Государынѣ, которая ихъ берегла какъ прелюбезная мать. Я вамъ это все сказываю, зная вѣрно, что сіи подробности послужатъ вѣрнымъ моимъ къ вамъ доказательствомъ той благосконности, съ которою я пребываю ваша благосклонная

Марія.

8.

С.-Петербургъ, 31-го Декабря 1785.

Ваше преосвященство. Сердце мое столько тронуто было несчастливымъ приключеніемъ смерти сестры моей, что мнѣ никакъ не возможно было такъ скоро отвѣчать на письмо ваше, какъ я желала. Я чувствовала въ семъ печальномъ случаѣ, что вѣра въ Бога одна насъ укрѣпляетъ и насъ утѣшаетъ. Богъ меня подкрѣпилъ, и я всѣмъ сердцемъ скажу: *да будетъ воля Твоя!* Я ваше преосвященство благодарю за поздравленіе ваше съ новымъ годомъ и, препоручая себя въ молитвы ваши, остаюсь навсегда ваша благосклонная

Марія.

9.

С.-Петербургъ, Февраля 16-го 1786.

Ваше преосвященство.

Слабость моя мѣшаетъ мнѣ самой писать, и я употребляю вѣрную руку изъяснить вамъ желаніе мое. Бывши больна, я обѣщалася за выздоровленіе мое въ знакъ благодарности къ Богу послать для бѣдныхъ въ Москвѣ тысячу рублей, но съ тѣмъ, чтобъ они не знали, отъ кого оныя деньги будутъ розданы, и я полагаюсь на ваше преосвященство, что вы исполните въ семъ желаніе мое, довольствуясь дѣлать добро для себя самой. Я благодарю васъ за поздравленіе ваше и, препоручая себя и новорожденную дочь мою въ молитвы ваши, пребываю навсегда ваша благосклонная

Марія.

10.

С.-Петербургъ, 3 Генваря 1788.

Ваше преосвященство. Я васъ очень благодарю и обязана за послѣднее письмо ваше; благословеніе ваше и молитвы, которыя вы приносите къ престолу Божію за меня, лучшее доказательство вашей ко мнѣ привязанности. И такъ я ваше преосвященство прошу съ большимъ чувствомъ, чтобъ вы въ теперешнее время, гдѣ я скоро

разлучусь въ первой разъ съ любезнымъ мужемъ, удвоили молитвы ваши и просили Бога, чтобъ онъ оградилъ Великаго Князя ангеломъ хранителемъ, и отдалилъ отъ него всякую опасность. Вы себѣ можете легко представить все, что̀ я чувствую. Единая вѣра въ Бога, въ милость Его меня укрѣпляетъ. Любезной мужъ исполняетъ долгъ свой къ отечеству, я его тѣмъ больше и люблю и почитаю; но сердце мое не меньше чувствуетъ сію разлуку, которая еще соединена со всякими опасностями, происходящими отъ войны и отъ болѣзней тамошняго климата. Послѣ всего сказаннаго вы узнаете расположеніе духа моего, и я вѣрно знаю, что вы будете тронуты, и что вы помощи Божіей для меня станете просить, а я ваше преосвященство увѣряю, что я такъ долго, какъ жива, есмь и буду ваша благосклонная Марія.

На другой день послѣ этого письма 4 Января 1788 года Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳеодоровною подписанъ „актъ престолонаслѣдія", положеный потомъ для храненія на престолѣ Московскаго Успенскаго собора, высочайше утвержденный черезъ девять лѣтъ въ день коронаціи Павла, 5 Апрѣля 1797 года, тогда же напечатанный въ Москвѣ при Сенатѣ и распространенный. Конечно это распоряженіе, начинающееся словами: „Мы Павелъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь и мы супруга его Марія Великая Княгиня", сдѣлано было безъ вѣдома императрицы Екатерины и съ забвеніемъ дѣйствовавшаго тогда закона Петра Великаго, („Правды воли монаршей"), по которому царствующій государь могъ назначить себѣ пріемника по своему изволенію. Въ „актѣ престолонаслѣдія" не предусмотренъ случай, наступившій съ Александромъ Павловичемъ, у котораго дѣтей не было, но по возрасту его они могли быть. Поэтому въ манифестѣ 12 Марта 1801 года послѣдовало возвращеніе къ закону Петра Великаго и велѣно присягать и наслѣднику, кого Государь назначитъ. П. Б.

11.

Царское Село, 9-го Маія 1788.

Ваше преосвященство. Извините меня, что я вамъ не въ тотъ часъ отвѣчала, но въ моемъ состояніи писать очень трудно; однакожъ, чувствуя, что часъ разрѣшенія моего отъ бремени очень приближается, я хотѣла прежде васъ благодарить за послѣднее письмо ваше и поручить себя въ молитвы ваши. Слабость человѣческая такова, что всякая болѣзнь страшна кажется, а особливо та, которая меня ожидаетъ; но сердце мое исполнено надеждою на милость Божію, и я съ вѣрою скажу: да будетъ воля Твоя! Въ протчемъ я прошу васъ увѣрену быть, что я есмь и буду ваша благосклонная Марія.

12.

Въ Царскомъ Селѣ, 6-го Іюня 1788.

Ваше преосвященство. Я васъ благодарю за поздравленіе ваше съ рожденіемъ дочери моей Катерины и препоручаю ее въ молитвы ваши. При семъ я посылаю вамъ 1000 рублей, которые васъ прошу раздать бѣднымъ. Я знаю и чувствую, что лутчая благодарность, которую мы можемъ показать Богу, въ томъ состоитъ, чтобъ бѣднымъ помогать. Я есмь и буду ваша благосклонная Марія.

13.

Петербургъ, 4-го Ноября 1788.

Ваше преосвященство. Я вамъ посылаю сіи сосуды для Успенскаго собора и прошу васъ ихъ употребить и хранить вмѣстѣ съ другими; только я ожидаю отъ дружбы вашей ко мнѣ, что вы о сей посылкѣ не станете говорить и не будете ихъ нарочно показывать, тѣмъ болѣе, что намѣреніе мое только есть благодарность мою къ Богу показать. Сердце мое наполнено радостію о благополучномъ возвращеніи любезнаго мужа моего, и какъ я жертвовала печаль мою Богу, я тоже Ему жертвую теперь счастье мое. Впротчемъ я есмь и буду навсегда вашему преосвященству благосклонная Марія.

14.

С.-Петербургъ, 10 Февраля 1791.

Ваше преосвященство.

Расположеніе мое къ вамъ должно быть вамъ довольно извѣстно; попеченіе, которое вы имѣли во первыхъ о Великомъ Князѣ, а потомъ обо мнѣ удостовѣряетъ васъ о всегдашней моей къ вамъ благодарности. Послѣднее ваше письмо было мнѣ очень пріятно; но я виновата предъ вами, что на прежнее не отвѣчала. Смерть покойной моей сестры, а потомъ болѣзнь брата моего были тому причиною; а послѣ того мнѣ уже очень совѣстно было, спустя столь много времени, вамъ такъ поздно отвѣтствовать. Петръ Ивановичъ въ томъ мой свидѣтель.

Препоручаю себя въ молитвы ваши, прошу васъ увѣрену быть о всегдашнемъ моемъ желаніи всякаго вамъ благополучія. Дѣти мои вамъ кланяются и испрашиваютъ вашего благословенія, такъ какъ и я, пребывая на всегда къ вамъ благосклонная Марія.

14.

Павловское, 29-го Маія 1791.

Ваше преосвященство. Вручителю сего, брату моему, писала я доставить лестный для него случай, чтобъ васъ узнать, того достой-

---

*) Первой супруги Германскаго императора Франца. П. Б.

наго пастыря, коему особенно я столь много обязанною себя почитаю. Вѣрьте, что всегда такъ мыслить и чувствовать буду, пребывая навсегда ваша благосклонная Марія.

15.

Петербургъ, 10-го Ноября 1796.

Извините, ваше преосвященство, что я столь долгое время умедлила на пріятное ваше ко мнѣ письмо отвѣтствовать; причиною тому были разныя обстоятельства: слабость послѣ родовъ, и потомъ пріѣздъ короля Шведскаго, а нынѣ приключившаяся незапная кончина Императрицы, отвлекли меня отъ всякаго упражненія; благополучное же вступленіе на престолъ любезнаго моего супруга хотя отнимаетъ у меня тожъ не менѣе времени, однако по привязанности моей къ вамъ и вѣдая ваше къ намъ усердіе, не могла преминуть, чтобъ къ вамъ не писать. По любви вашей къ Государю, присоедините молитвы ваши о здравіи дражайшаго намъ Императора, да благословитъ Господь царствованіе его для блаженства общаго, о коемъ онъ печется денно и нощно, въ чемъ могу чистосердечно свидѣтельствовать, равномѣрно и о моемъ къ вамъ благосклонномъ расположеніи будьте навсегда увѣрены, пребывая къ вамъ всегда доброжелательная Марія.

16.

С.-Петербургъ, 21-го Ноября 1796.

По извѣстному вашему къ намъ усердію могу вамъ сообщить, что любезный Императоръ началъ благополучное свое царствованіе съ столь великимъ успѣхомъ, что въ короткое время пріобрѣлъ онъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ совершенную и нелицемѣрную любовь и довѣренность. По участію же вашему въ благосостояніи нашемъ, желаю я сердечно, чтобъ вы были въ скоромъ времени очевиднымъ свидѣтелемъ подвиговъ его къ общему благу стремящихся, и доставили мнѣ удовольствіе персонально васъ удостовѣрить о непремѣнной моей къ вамъ благосклонности Марія.

17.

Преосвященный митрополитъ Платонъ. Усердствуя по возможности силъ моихъ способствовать спасенію жизни несчастнорожденныхъ, Промысломъ Божіимъ воспитательнымъ домамъ ввѣряемыхъ младенцовъ, для вящшаго въ столь богоугодномъ дѣлѣ успѣха, обращаюсь нынѣ къ вашему преосвященству, яко пастырю духовному, дабы вы, буде можно и нѣтъ въ томъ какой неудобности, поручили приходскимъ священникамъ въ мѣстѣ вашего пребыванія и окрестностяхъ онаго, уговаривать женъ несчастнородившихъ и лишившихся вскорѣ послѣ

родовъ дѣтей своихъ, чтобъ являлись въ воспитательный домъ для опредѣленія въ кормилицы или для взятія къ себѣ въ домъ на воспитаніе дѣтей, и о таковыхъ желающихъ немедленно-бъ давали знать священники къ главному того дома надзирателю, за что производиться будетъ помянутымъ женщинамъ весьма выгодная по состоянію ихъ плата. Я увѣрена, что ваше преосвященство, по извѣстнымъ мнѣ въ васъ человѣколюбивымъ расположеніямъ, подкрѣпите и съ вашей стороны нынѣшній подвигъ мой, къ толь спасительной цѣли клонящійся. Пребываю впротчемъ вашему преосвященству всегда благосклонною

Марія.

Въ С.-Петербургѣ,
Октября 19 дня 1798 года.

18.

Преосвященный Платонъ митрополитъ Московскій! Чувствованія изъясненныя вами въ письмѣ вашемъ отъ 18 Марта, по искренности ихъ, понуждаютъ меня изъявить вамъ въ полной мѣрѣ мою признательность. Я не въ состояніи теперь болѣе сказать вамъ; впрочемъ, препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ всегда благо склонною

Марія.

Въ С.-Петербургѣ,
Марта 26-го 1801 года.

19.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ! По содержанію завѣщанія Его Императорскаго Величества любезнѣйшаго супруга моего въ Бозѣ почившаго Государя Императора Павла Петровича и съ согласіемъ Императора любезнѣйшаго сына моего, препровождаю при семъ къ вашему преосвященству назначенные покойнымъ Государемъ въ милостыню разнаго рода бѣднымъ людямъ находящимся въ Москвѣ шестнадцать тысячъ шесть сотъ шестьдесятъ шесть рублей съ тѣмъ, чтобы раздача сихъ денегъ произведена была подъ особеннымъ попеченіемъ вашимъ. Я надѣюсь, что въ таковомъ подвигѣ покойнаго Государя найдутъ оные новый опытъ его къ нимъ благости и милосердія, а вамъ конечно пріятно будетъ исполнить сіе послѣднее препорученіе его. Пребываю впрочемъ всегда вамъ доброжелательною

Марія.

С.-Петербургъ,
Августа 11-го 1801.

20.

Преосвященный митрополитъ Московскій Платонъ! По точной силѣ и словамъ оставшагося послѣ Его Императорскаго Величества

любезнѣйшаго супруга моего, въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Павла Петровича завѣщанія, коего въ 21-й статьѣ написано: «*Митрополиту Московскому отдаю трость съ изумруднымъ набалдашникомъ и мою двумѣстную красную карету, въ которой всегда ѣздилъ*», доставляя къ вамъ означенныя вещи, остаюсь я въ полномъ удостовѣреніи, что оныя тѣмъ будутъ для васъ цѣннѣе, чѣмъ убѣдительнѣе напоминаютъ онѣ вашему преосвященству о томъ отличномъ уваженіи, коимъ покойный Государь былъ къ вамъ преисполненъ. Впрочемъ же пребываю всегда вамъ доброжелательною

Марія.

С.-Петербургъ,
Августа 11-го 1801.

21.

Преосвященный митрополитъ Платонъ! Я весьма радуюсь, что опредѣленіемъ къ мѣсту питомца вашего *) могла учинить вамъ пріятное и споспѣшествовать вашему удовольствію и утѣшенію. Будьте увѣрены, что участіе, пріемлемое вами въ его жребіи, особливымъ послужитъ мнѣ поводомъ пещися о его благосостояніи, и я никакъ не сумнѣваюся, что онъ поведеніемъ своимъ сдѣлается достойнымъ какъ оказываемаго ему мною покровительства, такъ и вашего объ немъ старанія и попеченія. Весьма пріятно мнѣ при семъ случаѣ дать вамъ новый опытъ моего къ вамъ уваженія и искренняго доброжелательства, съ каковымъ пребываю всегда вашему преосвященству благосклонная

Марія.

С.-Петербургъ,
Декабря дня 1803 года.

Изъ писемъ Александра Павловича къ митрополиту Платону.

1.

Ваше преосвященство!

Весьма васъ благодарю за пріятное письмо ваше отъ 12-го Іюля. Я чрезвычайно радъ, что имѣлъ счастіе познакомиться съ вами. Очень для меня лестно жъ, что вы обо мнѣ помните, и я постараюсь сохранить вашу ко мнѣ благосклонность. Жалѣю, что короткое мое житіе

*) Питомецъ и любимецъ Платона—плѣнный Турченокъ Магметъ, во св. крещеніи Моисей Петровичъ Платоновъ. Онъ изображенъ на находящейся въ спальнѣ Платона картинѣ. Служилъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи Θеодоровны.

въ Москвѣ помѣшало мнѣ видѣть многія близъ лежащія мѣста и между прочими Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ вы, думаю, нерѣдко бываете. Но надѣюсь оное исполнить впредъ. Теперь же покорно прося вашего ко мнѣ благословенія, пребываю навсегда вамъ усердный и доброжелательный Александръ *).

Царское Село.
28-го Іюля 1787 года.

2.

Преосвященный Платонъ митрополитъ Московскій. Въ помощь бѣдныхъ вдовъ нѣкотораго состоянія, также и въ милостину нищимъ опредѣливъ раздать отъ лица моего сорокъ тысячъ рублей и отъ лица Государыни Императрицы, любезнѣйшей супруги моей, двадцать тысячъ рублей, я не могу лучшимъ и полезнѣйшимъ образомъ распредѣлить сіе подаяніе, какъ возложивъ оное на васъ; почему и приказалъ я доставить къ вамъ изъ кабинета шестьдесятъ тысячъ рублей, предоставляя вамъ раздѣлить ихъ по приходамъ и сдѣлать такія распоряженія, какія благоразуміе вамъ свойственное внушить можетъ, дабы при раздачѣ ихъ удаленъ былъ всякой видъ пристрастія, несправедливости, безпорядка и соблазна. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательный Александръ.

Въ Москвѣ, Сентября 21.
1801 года.

3.

Преосвященнѣйшій митрополитъ Московскій Платонъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я писаніе ваше и приложенное при немъ сочиненіе, въ которомъ столь достойно изображаете происшествія церкви Россійской. Будучи однимъ изъ знаменитѣйшихъ пастырей оныя, вы почтили память предшественниковъ, которыхъ славу раздѣляете. Исторія сохранитъ подвиги ревности вашей, между тѣмъ какъ краснорѣчивыя творенія ваши доставятъ потомству тѣже утѣшенія, которыми услаждали они современниковъ. Желая вамъ усерднѣйше всякаго блага, пребываю навсегда доброжелательнымъ. Александръ.

Въ С.-Петербургѣ,
Генваря 2-го дня, 1806 года.

---

*) Письмо это хранится въ окнѣ подъ стекломъ въ спальнѣ митрополита Платона.

Письма Великаго Князя Константина Павловича къ митрополиту Платону.

1 [1]).

Ваше преосвященство!

Покорнѣйше благодарю васъ за письмо. Пріятно мнѣ видѣть изъ него благорасположеніе къ намъ жителей Московскихъ. Заслуживать оное есть долгъ мой. Не менѣе радуюсь, что имѣлъ случай познакомиться съ вашимъ преосвященствомъ. Воспоминаніе ваше мнѣ всегда пріятно будетъ.

Συνίστημι ἐμαυτὸν ταῖς ἁγίαις ὑμῶν εὐχαῖς καὶ τὴν ὑμετέραν αἰτοῦμαι εὐλογίαν, διαμένων εἰς ἀεὶ πρὸς ὑμᾶς μετὰ προθυμίας **).

Κονσταντῖνος.

28 Ἰουλίου 1887 ἔτος.

2.

Πανιερώτατε δέσποτα!

Τὴν πανιερὰν ἐπιστολὴν τῆς ὑμετέρας πανιερώτητος καὶ τὰ ἅγια πονήματα τοῦ ἀξίου ποιμένος ἀσμένως δεχθεὶς σπεύδω ἀπομένειν ὑμῖν τὰς προσηκούσας μου εὐχαριστίας ἐγχειρίζων ἐμαυτὸν ταῖς ἁγίαις σου πρὸς κύριον εὐχαῖς κηρύττομαι.

Τῆς ὑμετέρας θεοπροβλήτου πανιερώτητος θεὐμενέστατος εἰς ἀεί.

Κονσταντῖνος.

Переводъ:

Преосвященнѣйшій владыко!

Съ удовольствіемъ получивъ всесвященное посланіе вашего преосвященства и достойные труды достойнаго пастыря, спѣшу воздать вамъ подобающую благодарность. Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ ко Господу, остаюсь вашего богопреданнаго преосвященства благосклонный Константинъ.

1792 года, Апрѣля 27-го,
въ С.-Петербургѣ.

---

[1]) Письмо это хранится въ окнѣ подъ стекломъ въ спальнѣ митрополита Платона.

[2]) Въ переводѣ эта приписка значитъ поручаю себя святымъ молитвамъ вашимъ и прошу вашего благословенія, пребывая къ вамъ навсегда благосклоннымъ.

ОЧЕРКИ СТАРОДАВНЯГО МѢСТНАГО БЫТА.

I. Воевода Волковъ.

Общественная жизнь Русскихъ провинціальныхъ городовъ во второй половинѣ XVII столѣтія далеко не представляла собою, да и не могла представлять, картины кипучей дѣятельности. Ни умственная, ни промышленная жизнь еще не проснулись; они дремали въ ожиданіи Великаго Петра. Общественная жизнь не двигалась впередъ, а прозябала до крайности монотонно. Оживленіе замѣчалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно при сильныхъ бѣдствіяхъ, какъ внезапное появленіе Татаръ, воровъ, при сильныхъ пожарахъ, моровомъ повѣтріи и т. п. Городъ оживлялся также и по большимъ праздникамъ, когда горожане развлекались играми, пьянствомъ, разгуломъ и кулачнымъ боемъ.

Также однообразно протекала общественная жизнь и въ украинномъ городѣ Воронежѣ. Стоя на стражѣ Россіи, выдвинутый въ глубь степи, пограничный городъ, угрожаемый хищными кочевниками, Воронежъ, казалось, не долженъ былъ походить на сонные города внутреннихъ областей; но на самомъ дѣлѣ этого не было, и жизнь Воронежцевъ въ XVII вѣкѣ протекала также однообразно, какъ и жизнь внутреннихъ городовъ. Опасность нападеній, которой былъ постоянно подвергнутъ этотъ городъ во все продолженіе XVII столѣтія, такъ сказать, притупила нервы Воронежцевъ, особенно послѣ того, какъ набѣги *изгономъ* степныхъ разбойниковъ сдѣлались обычнымъ для нихъ явленіемъ. Дремалъ и Воронежъ въ XVII вѣкѣ, наравнѣ съ другими провинціальными городами, и дремалъ вполнѣ до 1671 года, когда общественную спячку его прервала на время пушечная пальба Стеньки Разина, да аресты единомышленниковъ его и ссылка ихъ съ семействами въ Сибирь въ продолженіе слѣдующихъ лѣтъ. Затѣмъ, съ усмиреніемъ Разинскаго бунта, общественная жизнь Воронежа снова вошла въ свою тихую колею и потекла обычнымъ порядкомъ, т.-е. убійственно-однообразно. Гложущая скука подобной жизни, конечно, могла быть менѣе замѣтна низшимъ слоямъ мѣстнаго общества, которые, въ видѣ отдыха послѣ

трудовъ, развлекались удовольствіями, упомянутыми въ *поручныхъ* записяхъ; но что оставалось дѣлать высшему сословію, мѣстной аристократіи, воеводамъ, стрѣлецкому и казачьему головамъ, губному старостѣ и крупнымъ помѣщикамъ, Воронежскимъ дворянамъ конца XVII столѣтія?

Сихъ послѣднихъ тѣмъ сильнѣе давило тяжелое однообразіе захолустной жизни, чѣмъ чаще имъ случалось бывать въ „бѣлокаменной", гдѣ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича уже умѣли коротать время. Пріѣзжавшій изъ столицы могъ много и долго разсказывать о прелестяхъ и удовольствіяхъ Московской жизни. Жадно слушались эти разсказы, невольно сравнивались съ однообразіемъ мѣстной жизни, и тѣмъ сильнѣе ощущалась потребность въ развлеченіяхъ....

Въ концѣ XVII столѣтія Воронежъ занималъ пространство почти въ десять разъ менѣе, чѣмъ въ настоящее время; но за то городъ издали казался несомнѣнно красивѣе, чѣмъ нынѣ, несмотря на то, что въ то время еще не было ни каменныхъ церквей, ни изящныхъ въ архитектурномъ отношеніи зданій. Дѣло въ томъ, что сама природа украшала городъ такъ, какъ не въ состояніи этого сдѣлать искусство слабыхъ рукъ человѣка. Густая дремучая дубрава, тянувшаяся вдоль праваго берега рѣки Воронежа и терявшаяся въ безбрежномъ пространствѣ, живописно оттѣняла городъ, расположенный амфитеатромъ. По зеленому склону отлогой горы тянулись хоромы Воронежскихъ гражданъ; а тамъ внизу, въ зеркальной поверхности тогда еще чистой воды Воронежа, отражался древнѣйшій мѣстный монастырь Успенскій, стоявшій на самомъ берегу. На верху горы, надъ всѣмъ городомъ, высилась крѣпость, господствуя надъ мѣстностью и вселяя страхъ въ ордынскихъ хищниковъ грозными жерлами пушекъ, мозжеръ и пищалей. По той сторонѣ рѣки, еще не опоясанной мостами, вдоль берега также тянулся дремучій вѣковой лѣсъ; изъ густой зелени его весело выглядывали слободы: Придача, населенная въ то время полковыми казаками, да Клементьевка, вотчина Успенскаго монастыря.

Въ нѣсколькихъ верстахъ къ Сѣверу отъ города, берега̀ становятся еще возвышеннѣе и значительно круче; здѣсь грозно шумѣвшій вѣковой лѣсъ скрывалъ въ глубинѣ своей послѣднія страницы исторіи нынѣ несуществующаго народа *Хазаръ*. И теперь любознательному путешественнику Воронежцы могутъ указать мѣста, гдѣ много вѣковъ тому назадъ жили Хазары; точно укажутъ, гдѣ находились ихъ крѣпость, городъ и кладбище.

Къ Юго-западу отъ города Воронежа, за слободою Чижевкою, величественная дубрава пересѣкалась рѣкою Дономъ, широкою лентой тянувшимся къ Югу. Здѣсь, на опушкѣ лѣса, вдоль берега рѣки, былъ громадный лугъ, называвшійся „воеводскимъ". Неизвѣстно, почему этотъ лугъ такъ названъ—потому ли, что онъ находился въ пользованіи Воронежскихъ воеводъ, пока они состояли на службѣ, или потому, что сюда воеводы пріѣзжали *потихоньку* покутить и полюбоваться на мимо плывущіе корабли. Мы говоримъ, что они пріѣзжали потихоньку потому, что въ описываемое время Воронежскій воевода безъ царскаго указа ни подъ какимъ предло-

гомъ не могъ покинуть городъ; за то, въ случаѣ надобности, ему разрѣшалось посылать вмѣсто себя кого ему вздумается. Тѣмъ сильнѣе должно было чувствоваться воеводою желаніе побывать на этомъ запретномъ, слѣдовательно, заманчивомъ лугу, гдѣ можно было повеселиться, покутить вдоволь, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь. Такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовалось Гаврилѣ Хрисанѳовичу Волкову, Воронежскому воеводѣ....

Долго крѣпился воевода и, наконецъ, не выдержалъ. Въ одинъ прекрасный лѣтній день 1676 года Гаврило Хрисанѳовичъ покинулъ городъ, въ сопровожденіи многочисленнаго общества, состоявшаго изъ мѣстныхъ представителей свѣтской и духовной власти и ихъ дамъ. Страннымъ, непонятнымъ образомъ къ нимъ примкнулъ и игуменъ Успенскаго монастыря. Присутствіе старца-игумена среди шумнаго пирующаго собранія можно объяснить тѣмъ, что онъ поѣхалъ по настойчивому приглашенію Гаврила Хрисанѳовича: въ интересахъ воеводы было, чтобы игуменъ, въ случаѣ скандала, явился не обличителемъ, а участникомъ. Игуменъ, вѣроятно, принялъ предложеніе воеводы, не подозрѣвая настоящей цѣли поѣздки. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что старецъ покинулъ шумное собраніе вскорѣ послѣ прибытія своего на воеводскій лугъ.

Прибывъ туда, шумное общество расположилось пировать и веселиться. Сначала все шло хорошо, общество пировало мирно, даже нѣжно; но подъ конецъ, по мѣрѣ того, какъ винные пары начали оказывать свое дѣйствіе, нѣжное настроеніе, царствовавшее среди пирующихъ, стало мало по малу исчезать. Кое-гдѣ уже слышались укоры, упреки и перебранки. Особенно шумно перебранивались сидѣвшіе рядомъ священникъ Спасской церкви Артемій и голова Воронежскихъ стрѣльцовъ Степанъ Акжеевъ. Послѣдній, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, горячился сильно и обращался къ своему собесѣднику въ крайне-нескромныхъ выраженіяхъ. Причина ихъ ссоры осталась неизвѣстною; быть можетъ, о. Артемій сгоряча напомнилъ Акжееву объ его *иноземческой* породѣ. Это было неосторожно со стороны о. Артемія *): Степанъ Акжеевъ, какъ и вообще *иноземцы* Черкасы, подобныхъ оскорбленій не забывали и не прощали никому, въ особенности въ хмѣлю. Пылкая натура Акжеева не вытерпѣла. Ссора окончилась бы дракою на мѣстѣ, еслибы не присутствіе Гаврила Хрисанѳовича, у котораго съ перепуга и хмѣль прошелъ. Воевода не безъ основанія опасался драки: пострадавшее лицо затѣяло бы тяжбу, и тогда слѣдствіе могло бы обнаружить его собственное, болѣе тяжкое преступленіе. Покинуть украинный городъ, безъ царскаго указа, на произволъ судьбы и уѣхать кутить, забравъ съ собою духовныхъ и прочихъ руководителей гражданъ; мало того, въ своемъ присутствіи допустить оскорбленіе дѣйствіемъ священника: о, это не сой-

---

*) Замѣчательны отношенія Великороссіянъ къ Малороссіянамъ на Украйнѣ въ XVII столѣтіи: насколько они были миролюбивы среди міряиъ, настолько обощрялись среди лицъ духовнаго міра. Послѣднія при всякой ссорѣ попрекали Черкасъ *иноземческой породою*.

детъ воеводѣ безнаказанно, въ особенности, когда объ этомъ провѣдаетъ строгій и взыскательный Іосифъ, митрополитъ Переяславскій и Рязанскій. А какъ сохранить тайну въ присутствіи такого многочисленнаго собранія, будущихъ свидѣтелей? Воевода кинулся разнимать, уговаривать и мирить. Но существуютъ оскорбленія, которыя не могутъ быть забыты, а тѣмъ менѣе прощены. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ про себя стрѣлецкій голова, сбираясь въ обратный путь. Онъ отвернулся отъ своего противника, обдумывая планъ мести. Волковъ, между тѣмъ, торопилъ общество поскорѣе собраться и, какъ ему казалось, благоразумно отправилъ отца Артемія впередъ верхомъ на лошади, надѣясь такимъ образомъ вѣрнѣе успокоить взволнованнаго Акжеева. Общество тронулось въ путь, и снова завязалась тихая мирная бесѣда, такъ что самъ воевода началъ уже успокоиваться, надѣясь на благополучный исходъ дѣла. Вдругъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ воеводою стрѣлецкій голова приподнялся въ сѣдлѣ, ударилъ по лошади и стрѣлою понесся по направленію къ беззаботно ѣхавшему впереди о. Артемію. Оглянуться не успѣли, какъ Акжеевъ схватилъ священника, свалилъ его съ лошади, и началась жестокая расправа.... Когда воевода съ прочими прискакалъ на помощь, то уже было поздно: едва живой священникъ слабо вздрагивалъ подъ сильными ударами плети обезумѣвшаго отъ ярости стрѣлецкаго головы. Священника кое-какъ уложили въ повозку и повезли въ городъ.

Гаврило Хрисанѳовичъ упалъ духомъ. Скрыть дѣло было невозможно; надѣяться на скромность присутствующихъ—еще менѣе. Взглядъ его упалъ на Степана Акжеева, который, послѣ крутой расправы съ священникомъ, сразу пришелъ въ себя, притихъ и, повидимому, намѣревался спокойно выжидать послѣдствій своего поступка. Волковъ рѣшился выместить свою злобу на виновникѣ несчастія. Поэтому, вернувшись въ городъ, онъ собралъ къ себѣ все общество и научилъ его, въ случаѣ слѣдствія, показывать во всемъ противъ стрѣлецкаго головы.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой. Холодный сѣверный вѣтеръ уже кружилъ въ воздухѣ пожелтѣвшіе листья. Настала осень—пора скучная для всѣхъ, но не для Гаврила Хрисанѳовича, который теперь успокоился настолько, что самъ началъ забывать о минувшей тревогѣ, вызванной скандаломъ на воеводскомъ лугу. Но не на долго достался этотъ покой злополучному воеводѣ. Однажды, въ холодный осенній день, когда Гаврило Хрисанѳовичъ спокойно занимался дѣлами, къ Съѣзжей Избѣ подкатили ямскія лошади, и слѣзъ пожилой мужчина, спросившій Гаврила Хрисанѳовича. Помѣнявшись обычными церемонными привѣтствіями, незнакомецъ подалъ воеводѣ царскую грамоту, при чтеніи которой у бѣднаго Гаврилы Хрисанѳовича потемнѣло въ глазахъ....

Незнакомецъ, привезшій царскую грамоту, оказался новымъ воеводою, присланнымъ на смѣну Волкова. Стольнику и воеводѣ Максиму Михайловичу Карташеву поручалось, кромѣ того, произвести строжайшій розыскъ о противозаконныхъ поступкахъ Гаврила Хрисанѳовича и, въ случаѣ если

доносы подтвердятся, судить послѣдняго и его участниковъ. Гаврила Хрисанѳовичъ не имѣлъ основанія надѣяться на снисхожденіе и сочувствіе новаго воеводы. Помимо энергичнаго и суроваго характера стольника Максима Михайловича, послѣднему *невыгодно* было оправдать стараго воеводу, такъ какъ въ этомъ случаѣ, т.-е. будучи оправданъ, Волковъ легко могъ снова занять выгодную должность воеводы въ этомъ украинномъ городѣ, гдѣ было „до Бога высоко и до царя далеко“.

Но старый воевода имѣлъ много друзей въ Воронежѣ, старавшихся всѣми силами выгородить его. На сторонѣ Гаврила Хрисанѳовича была не только вся мірская знать, но и духовенство, любившее его хлѣбосольство. Начался судъ, или точнѣе завязалась борьба не на животъ, а на смерть. Вся зима прошла въ предварительныхъ розыскахъ, и только весною, въ концѣ Апрѣля слѣдующаго 1677 года, было приступлено къ разбору самаго дѣла.

Интересны мѣры, принятыя по царскому указу стольникомъ Карташевымъ, съ цѣлію парализовать вліяніе Волкова на показанія допрашиваемыхъ лицъ. Еще на предварительномъ розыскѣ Карташевъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ велико было вліяніе смѣщеннаго воеводы на Воронежскихъ гражданъ. Волкова любили, и въ тоже время боялись: допросныя рѣчи давали противоположные результаты, смотря по тому, присутствовалъ ли Волковъ при допросѣ или нѣтъ. Объ этомъ Карташевъ не преминулъ дать знать въ Москву. Оттуда получилось предписаніе выслать Волкова и его товарищей изъ Воронежа, куда слѣдуетъ, на все время производства дознанія. Этимъ у Карташева отчасти развязались руки; онъ могъ дѣйствовать свободно и безпрепятственно вести судное дѣло до конца.

Онъ началъ допросъ съ Волкова. Потребованному въ Съѣзжую Избу Гаврилѣ Хрисанѳовичу предъявили царскую грамоту, на основаніи которой онъ обязанъ былъ дать отвѣтъ стольнику Карташеву по многимъ вопроснымъ статьямъ. Прочитавъ подсудимому царскую грамоту вслухъ, Карташевъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Гаврила Хрисанѳовичъ, согласно царскому указу, я обязанъ взять у тебя сказку и роспись за твоею рукою тѣмъ людямъ, которые съ тобою были на лугу. Равно велѣно мнѣ распросить тебя: сколь далеко отъ Воронежа тотъ лугъ, на который ты ѣздилъ? По какому государеву указу ѣздилъ ты?“ Гаврила Хрисанѳовичъ молчалъ. Карташевъ продолжалъ: „Взявъ у тебя сказку и роспись и распросивъ, велѣно мнѣ тебя, Гаврило Хрисанѳовичъ, и Воронежцевъ Андрея и Емельяна Протопоповыхъ выслать изъ Воронежа, куда я Максимъ найду удобнымъ“. Карташевъ остановился въ ожиданіи возраженія подсудимаго. Но Волковъ упорно отмалчивался. Карташевъ продолжалъ: „Мнѣ же, кромѣ того, велѣно, выславъ тебя, тотчасъ же приступить къ передопросу лицъ, которыя будутъ упомянуты въ росписяхъ твоей и той, которую подастъ Акжеевъ, а также лицъ, на которыхъ сошлется Спасскій попъ Артемій въ своей челобитной. И всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ ты Гаврило Хрисанѳовичъ возилъ съ собою въ лугъ, а потомъ заставлялъ

показывать мнѣ ложно, велѣно мнѣ подвергнуть строжайшему передопросу". Волковъ продолжалъ молчать. Карташева бѣсило это упорное молчаніе; онъ продолжалъ, обращаясь къ Волкову: „Мало того, оскорбленіе, нанесенное по твоей милости священнику, принялъ близко къ сердцу богомолецъ государевъ преосвященный Іосифъ митрополитъ Рязанскій и Муромскій, который отъ себя пришлетъ пострадавшаго отца Артемія для очной ставки съ тобою. И будетъ по той очной ставкѣ доведется сыскать, и мнѣ же Максиму велѣно про то сыскать. А потому тебѣ Гаврилѣ подать мнѣ сказку и явиться къ допросу, по первому моему востребованію".

Волковъ былъ отпущенъ домой. Провожая глазами удаляющагося Гаврила Хрисанѳовича, Карташевъ не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ страха на лицѣ Волкова; напротивъ, ему показалось, что Волковъ даже улыбался.

Неужели Волковъ надѣялся ускользнуть отъ наказанія? Неужели не хватитъ опытности у него Карташева настолько, чтобы не выпустить изъ рукъ своего антагониста?

Необходимо было умножить число обвинительныхъ пунктовъ, усилить улики и вообще собрать какъ можно болѣе показаній изъ служебной дѣятельности Волкова, не говорящихъ въ его пользу.

Карташевъ пустился по городу, осмотрѣлъ крѣпостныя стѣны, городскіе валы, заглянулъ въ разныя учрежденія подвѣдомственныя воеводѣ и немедленно донесъ правительству, что городское управленіе, хозяйство и крѣпостныя стѣны находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Изъ частныхъ распросовъ разныхъ лицъ, вѣроятно недруговъ Волкова, Карташевъ узналъ про кое-какія злоупотребленія по службѣ со стороны бывшаго воеводы. Между прочимъ узналъ онъ объ одномъ случаѣ превышенія власти, именно о насильственномъ арестѣ подъячаго, занимавшагося письмоводствомъ у стрѣлецкаго головы. Подъячій былъ арестованъ по распоряженію бывшаго воеводы, и Карташевъ принялся разслѣдывать этотъ случай насилія. Потребованные въ судъ Воронежскій сотникъ Калина Сухановъ и стрѣлецъ Ефремъ Кольцовъ въ допросѣ предъ стольникомъ Карташевымъ сказали: „Въ прошломъ году послалъ насъ воевода Волковъ на дворъ къ стрѣлецкому головѣ Степану Акжееву для взятья сотеннаго подъячаго Паршика Григорьева; когда мы пришли на дворъ, то жена Акжеева Агаѳья замкнула подъячаго Паршика въ клѣть и отказалась выдать намъ его. Тогда, по велѣнію сотника Суханова, стрѣлецъ Кольцовъ съ остальными тремя товарищами выбили дверь у клѣти ступою и того подъячаго Паршика отвели въ Съѣзжую Избу". На вопросъ Карташева, по распоряженію ли Волкова онъ, сотникъ Сухановъ, чинилъ насильства надъ Паршикомъ и Агаѳьею, сотникъ отвѣчалъ: Паршика я взялъ и ступою дверь у клѣти выбивалъ по велѣнію Гаврила Хрисанѳовича, а жену Акжеева Агаѳью ни я, Калина, ни стрѣльцы мои изъ двора не выбивали и ничѣмъ не разоряли.

Эти допросныя рѣчи Карташевъ присоединилъ къ дѣлу.

Раннею весною, въ Апрѣлѣ 1677 г., дѣло уже было настолько выяснено, что стольникъ Карташевъ рѣшился приступить къ допросу лицъ, участвовавшихъ въ загородной прогулкѣ, предпринятой воеводою Волковымъ. Но Карташеву предварительно хотѣлось спровадить Волкова и его соумышленниковъ изъ Воронежа, дабы ихъ присутствіе не дѣйствовало на производство, и поэтому, въ силу даннаго ему права, онъ послалъ *память* казачьему головѣ Антипу Родіоновичу Толкачеву такого содержаиія: „Велѣть бы тебѣ нарядить Воронежскихъ провожатыхъ, полковыхъ казаковъ, съ Воронежа до Ельца, десять человѣкъ на коняхъ съ ружьемъ. А быть имъ въ провожатыхъ отъ Воронежа до Ельца съ прежнимъ воеводою съ Гаврилою Волковымъ. А кто именно по твоему наряду посланы будутъ въ провожатые, составить тебѣ роспись и *лично доставить* стольнику Карташеву въ Съѣзжую Избу“. Такую же память получилъ и вновь назначенный стрѣлецкій голова о снаряженіи десяти человѣкъ стрѣльцовъ.

1-го Мая 1677 года, по направленію, гдѣ нынѣ пролегаетъ Задонское шоссе, длинною вереницею тянулись телѣги, нагруженныя пожитками смѣщеннаго воеводы; въ одной изъ нихъ сидѣлъ самъ Гаврила Хрисанѳовичъ съ семействомъ. Телѣгу оцѣпилъ военный конвой превожатыхъ, состоявшій изъ двадцати человѣкъ конныхъ стрѣльцовъ и козаковъ. Начальникъ партіи Клименовъ везъ приказъ Бѣлоколодцкому воеводѣ о водвореніи смѣщеннаго воеводы на жительство въ Бѣлоколодцкѣ, впредъ до вершенія дѣла. Первоначальное распоряженіе о ссылкѣ Волкова въ Елецъ было отмѣнено, неизвѣстно почему. Еще до отправленія изъ Воронежа, Волкова принудили дать роспись лицъ, участвовавшихъ въ загородной поѣздкѣ.

Въ тоже время были высланы братья Протопоповы въ Орловъ. У стольника Карташева развязались руки. Волковъ и его соумышленники теперь безвредны и даже беззащитны, и ему можно дѣйствовать не стѣсняясь. Карташевъ уже самъ не спѣшилъ судомъ, намѣреваясь отложить его на неопредѣленное время. На́ запросъ Орловскаго воеводы, какъ ему поступить съ присланными на временное жительство братьями Протопоповыми и сколь долго имъ пробыть въ Орловѣ, Карташевъ отписалъ, что онъ въ свое время дастъ знать, а тѣмъ временемъ занять ихъ городовою работою. Но недолго отдыхалъ Карташовъ. 11-го Мая вернулась изъ Бѣлоколодцка партія, конвоировавшая смѣщеннаго воеводу и привезла съ собою недобрыя вѣсти: Волковъ и не думалъ слушаться приказа стольника Карташева. Прибывъ въ Бѣлоколодцкъ, Гаврила Хрисанѳовичъ потребовалъ себѣ у тамошняго приказнаго человѣка провожатыхъ; послѣдній не посмѣлъ ослушаться, и Волковъ отправился съ ними въ Москву.

Какъ громъ поразила эта новость Карташева. Нечего было теперь откладывать судопроизводство; надо спѣшить вершеніемъ дѣла, пока Гаврила Хриса́нѳовичъ—человѣкъ со средствами—не успѣлъ повидаться въ Москвѣ въ разрядѣ съ дьякомъ Ѳедоромъ Шакловитовымъ; а тогда пиши пропало—прощай жирное Воронежское воеводство! Не прошло и мѣсяца,

какъ всѣ участники загородной поѣздки Волкова были собраны въ Съѣзжую Избу, и стольникъ приступилъ къ разбору дѣла.

7-го Іюля былъ приведенъ къ допросу первый свидѣтель боярскій сынъ Самсонъ Карчагинъ, который объяснилъ. Лѣтомъ прошлаго 1676 г., ѣздилъ я, въ числѣ прочихъ, съ воеводою Волковымъ съ Воронежа къ рѣкѣ Дону въ лугъ. Въ тоже число ѣздили Спасскій попъ Артемій, да голова Воронежскихъ стрѣльцовъ Степанъ Акжеевъ. И какъ-де изъ луга ѣхали, и голова-де Степанъ Акжеевъ, доѣхавъ попа Артемія, съ лошади сорвалъ о земь и плетью билъ и матерно всякою неподобною бранью бранилъ. А что-де будто Степанъ Акжеевъ говорилъ „хотя-де и до смерти убью, а отъ Воронежа степь не загорожена“ и я-де Самсонъ такихъ рѣчей отъ Степана Акжеева не слыхалъ. На замѣчаніе Карташева, что на предварительномъ допросѣ свидѣтель утверждалъ, что Акжеевымъ были произнесены эти слова, Карчагинъ возразилъ, что то-де онъ сказалъ по неволѣ, боясь воеводы Гаврилы Волкова, по его же наученію. А сказывалъ-де ему Самсону такія рѣчи Гаврила Хрисанѳовичъ у себя на дворѣ, въ хоромахъ, а отъ Степана Акжеева онъ такихъ рѣчей не слыхалъ.

Вслѣдъ за Корчагинымъ показанія давали дѣти боярскіе Иванъ Колядинъ, Назаръ Новиковъ, Игнатъ Слѣпокуровъ, Савелій Хованскій, Никита Слѣпокуровъ и Леонтій Карчагинъ. Всѣ эти лица дословно повторили сказанное Самсономъ Карчагинымъ. Достойно вниманія, что всѣ они не были приведены къ присягѣ. Ихъ отпустили.

Къ допросу были потребованы осадный голова Воронежа Ѳедоръ Сергѣевичъ Петровъ и жена его Екатерина. Явился одинъ Петровъ и былъ приведенъ къ присягѣ. Онъ показалъ. Въ 1676 году я съ воеводою Волковымъ въ воеводскій лугъ ѣздилъ; но въ самомъ ли дѣлѣ стрѣлецкій голова Акжеевъ, пьянымъ обычаемъ, попа Артемія съ лошади сшибъ и на землѣ билъ, и говорилъ ли въ то число Акжеевъ, что хоть убью, а степь вѣдь отъ Воронежа не загорожена, я Ѳедоръ Петровъ того боя не видалъ и этихъ словъ отъ Степана Акжеева не слыхалъ. На вопросъ Карташева. почему не явилась на судъ жена осаднаго головы, послѣдній сказалъ: Мнѣ извѣстно, что ты, Максимъ Михайловичъ, велѣлъ мою жену допросить; но жена моя лежитъ больна до сего числа четвертая недѣля, и за тою болѣзнью женѣ моей на Воронежъ въ Съѣзжую Избу притить къ допросу невозможно.

Спрошенный, подъ присягою, братъ осаднаго головы Мартинъ Петровъ сказалъ: Съ Гавриломъ Хрисанфовичемъ Волковымъ я, Мартинъ Петровъ, ѣздилъ и былъ съ нимъ на воеводскомъ лугу, и видѣлъ я, какъ стрѣлецкій голова Степанъ Акжеевъ Спаскаго попа Артемія, пьянымъ обычаемъ, на лугѣ съ лошади сорвалъ и какъ они плетьми *межъ себя* бились; но я не слыхалъ, какъ Акжеевъ говорилъ, что степь отъ Воронежа не загорожена.

Опросомъ этихъ девяти человѣкъ закончился судъ въ этотъ день. На слѣдующій день, судъ начался допросомъ свидѣтельницы, жены Поликарпа

Завѣсина Марины. Марина не отпиралась. На лугъ я ѣздила съ Гаврилою Хрисанѳовичемъ и съ женою его Аленою, говорила она; но боя я не видала и никакихъ словъ не слыхала. Вторая свидѣтельница, жена соборнаго протопопа Аксинья, также призналась въ томъ, что она ѣздила на лугъ; но также говорила, что боя не видала и никакихъ словъ не слыхала. Третій Воронежскій пушкарь Томила Маркинъ говорилъ, что на лугъ съ воеводою онъ не ѣздилъ, а ѣздилъ онъ туда же одинъ съ неводомъ рыбу ловить, по приказанію воеводы Волкова, и онъ имъ тамъ рыбу наловилъ, но боя не видалъ и никакихъ словъ не слыхалъ.

Четвертый боярскій сынъ Клименъ Долматовъ показывалъ: Въ лугу съ Волковымъ былъ и на обратномъ пути я видѣлъ, какъ Акжеевъ, доѣхавъ попа Артемія, сорвалъ его съ лошади, ударилъ о земь, плетью билъ и матерно бранилъ; но я не слыхалъ такихъ словъ отъ Степана Акжеева „Хотя-де и до смерти убью, отъ Воронежа-де степь не загорожена".

На слѣдующій день, 9-го Іюля, къ допросу былъ приглашенъ старецъ Успенскаго монастыря игуменъ Сергій. Онъ показывалъ: Въ прошломъ 1676 г., ѣздилъ я съ Воронежа съ воеводою, съ Гаврилою Волковымъ, въ лугъ къ рѣкѣ Дону; да въ то же число ѣздилъ въ тотъ же лугъ Спасскій попъ Артемій, да стрѣлецкій голова Степанъ Акжеевъ А какъ-де Степанъ Акжеевъ Спасскаго попа Артемія съ лошади сорвалъ и плетью билъ, и вообще—говорилъ ли Акжеевъ, что хотя и до смерти убью, а отъ Воронежа степь не загорожена—этого я не знаю и не могу знать, такъ какъ я уѣхалъ съ луга напередъ, пробывъ тамъ недолго. А послѣ, когда я навѣстилъ Гаврилу Хрисанфовича, онъ мнѣ говорилъ въ своихъ хороміахъ, будто Акжеевъ билъ и бранилъ попа Артемія, говоря, что хоть и убью, такъ вѣдь отъ Воронежа степь не загорожена.

Послѣднимъ былъ допрошенъ Воронежскій посадскій человѣкъ Пахомъ Ляпинъ, который сказалъ, что ничего не знаетъ, потому что уѣхалъ съ луга въ одно время съ игуменомъ.

Минетъ ли кары Волковъ, останется ли онъ послѣ всего этого воеводою? Никогда! Карташевъ теперь въ этомъ убѣжденъ. Не спасутъ теперь соперника и разрядные дьяки: такъ убѣдительны данныя, собранныя имъ, стольникомъ Карташевымъ. Обдумывая все это, Карташевъ потиралъ руки отъ удовольствія. Оставалось одно—какъ можно скорѣе доставить въ Разрядъ цѣнные матеріалы, собранные по этому дѣлу и спокойно дожидаться извѣстія изъ Москвы о карѣ, постигшей опаснаго соперника.

Но въ погонѣ за чѣмъ-нибудь крупнымъ часто упускаются изъ виду мелочи, не имѣющія, повидимому, никакого значенія, а на самомъ дѣлѣ, послѣднія-то нерѣдко и рѣшаютъ судьбу всего предпріятія. Такъ случилось и здѣсь. Собравъ съ такимъ трудомъ, въ теченіе цѣлаго года, документы по дѣлу Волкова, Карташевъ уже не считалъ нужнымъ подумать о томъ, кому онъ поручаетъ доставку ихъ въ Москву. Онъ поручилъ это неизвѣстному ему помѣстному козаку Семену Ильину, и за это непростительное легкомысліе жестоко поплатился.

Въ началѣ Января 1678 г. вернулся въ Воронежъ отправленный въ Москву съ суднымъ дѣломъ Волкова козакъ Ильинъ и передалъ Карташеву слѣдующую, даже по тому времени наивную исторію. 22-го Октября прошлаго года, былъ я посланъ къ Великому Государю къ Москвѣ изъ Воронежа, и дано мнѣ было изъ Съѣзжей Избы три отписки и сыскное дѣло Гаврилы Волкова. И когда я пріѣхалъ въ Романовъ, то заѣхалъ на дворъ къ Романовскому волостному крестьянину къ Борискѣ Шубину и ночевалъ у него одну ночь, и въ эту же ночь у меня изъ сумки украли всѣ три отписки и сыскъ Гаврилы Волкова. А кто ихъ выкралъ у меня, этого я не знаю. А Бориска мнѣ говорилъ, чтобъ я былъ покоенъ, что дѣла воеводы Волкова и прочія отписки у меня никто не украдетъ. А какъ Бориска мнѣ это говорилъ, то при этомъ были какіе-то люди, которыхъ я не знаю.

Молнія, упавъ на голову бѣднаго стольника Карташева, не могла бы, кажется, произвести болѣе ошеломляющаго дѣйствія... Когда онъ пришелъ въ себя, ему вспомнилась улыбка, игравшая на лицѣ Волкова во время допроса.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Съ пропажею всего дѣла само собою исчезло и обвиненіе. Волковъ могъ вздохнуть свободнѣе; теперь очередь ликовать была за нимъ. Впрочемъ, благодаря черезъ чуръ громкой огласкѣ этого дѣла, скомпрометированный Гаврила Хрисанѳовичъ не могъ болѣе вернуться въ Воронежъ, гдѣ остался на воеводствѣ Карташевъ, а получилъ новое назначеніе, гдѣ онъ могъ на досугѣ подумать, какъ иногда опасно воеводѣ пускаться на загородныя прогулки.

II. Кондратъ Голоскокъ.

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, Острогожскъ, нынѣ скромный уѣздный городъ Воронежской губерніи, принадлежалъ къ числу интереснѣйшихъ городовъ всей степной Украйны. Мѣстность, на которой возникъ городъ, считалась ордынскими хищниками наиболѣе удобной для переправы черезъ Донъ и Тихую Сосну, а по богатству звѣрей и дичи она представляла всѣ удобства для стоянокъ. Прячась днемъ въ необыкновенно-высокую траву, скрывавшую всадника вмѣстѣ съ конемъ, хищники ночью продолжали путь, переправлялись черезъ извѣстные уже имъ *перелазы* (броды) Дона и Тихой Сосны и оставляли *сакмы* (слѣды конскихъ копытъ), тянувшіяся широкой полосой по степному чернозему. Завидя подобные слѣды, сторожевые станичники спѣшили изъ степи въ украйные города „съ вѣстями о приходѣ воинскихъ людей"; но далеко не всегда удавалось имъ во́время замѣтить сакму и явиться съ вѣстями ранѣе необыкновенно-проворныхъ хищныхъ наѣздниковъ, и тогда не предупрежденный украинный городокъ дѣлался добычею послѣднихъ. Съ дикимъ воплемъ врывались кочевники въ посадъ, и послѣ одного или двухчасоваго боя, сопровождавшагося отчаяннымъ крикомъ убиваемыхъ и плачемъ женщинъ и дѣтей, все вдругъ смолкало, и

только широкое зарево пожара указывало еще мѣсто, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ мирно существовалъ степной городокъ. Пока сосѣдніе воеводы городовъ собирали своихъ *ратныхъ* людей (обыкновенно неуклюжихъ стрѣльцовъ), проворные хищники спѣшили обратно, захвативъ все награбленное имущество и скотъ и уводя въ полонъ мирныхъ гражданъ. Углубившись въ степь, кочевники *дуванили* добычу. Особенно цѣнились знатныя лица и красивыя женщины. За первыхъ получался богатый выкупъ изъ Московскаго государства, а послѣднія находили себѣ весьма выгодный сбытъ на восточныхъ рынкахъ. Простолюдины же продавались въ рабство, и рѣдкому изъ нихъ удавалось вернуться на родину. Правда, въ Московскомъ государствѣ существовалъ спеціальный сборъ на окупъ плѣнныхъ, называвшійся *полоняночнымъ*; но сама по себѣ весьма значительная сумма, получавшаяся отъ этого сбора, была ничтожна въ сравненіи съ тою, какая требовалась ежегодно на окупъ плѣнниковъ, коихъ хищники десятками тысячъ уводили въ неволю. Необходимо было пріискать другія средства обороны границъ государства отъ внезапныхъ набѣговъ полудикихъ кочевниковъ; необходимо было на „перелазахъ“ поселить воиновъ, которые не уступали бы кочевникамъ въ проворствѣ и въ храбрости и такимъ образомъ служили бы надежнымъ противовѣсомъ заклятымъ врагамъ Московскаго государства, ордамъ Крымской, Нагайской, Бѣлогородской и др. Подобные воины нашлись. Приглашенные Московскимъ правительствомъ переселяться въ при-Донскія и другія мѣстности степной Украйны, заднѣпровскіе казаки или *Черкасы* не замедлили явиться. Одна такая партія, въ 1000 заднѣпровцевъ-Черкасъ, явилась въ Россію въ 1651 году и поселилась на одномъ изъ самыхъ опасныхъ, совершенно открытомъ мѣстѣ, въ 20 верстахъ ниже впаденія Тихой Сосны въ Донъ. Такимъ образомъ возникли Малороссійскіе города Ольшанскъ, Коротоякъ, село Ендовище и военныя поселенія, изъ коихъ составился знаменитый въ отечественной исторіи Острогожскій полкъ. Всѣ Малороссійскіе города и селенія управлялись сотниками и есаулами, а всѣмъ полкомъ вѣдалъ Черкасскій полковникъ, имѣвшій пребываніе въ Острогожскѣ.

Такимъ образомъ Острогожскъ напоминалъ собою какъ бы столичный, сильно укрѣпленный городъ. Онъ состоялъ изъ крѣпости и посада. Крѣпость съ трехъ сторонъ примыкала къ Тихой Соснѣ, а съ четвертой была окопана рвами, значительной глубины и ширины и обнесена валомъ шириною въ пять аршинъ; надъ этимъ валомъ былъ выведенъ палисадникъ съ семью грозными бастіонами, изъ коихъ седьмой, самый значительный, выведенный надъ самою Тихою Сосной, имѣлъ цѣлію во время осады препятствовать непріятелю отрѣзать сообщеніе гарнизона съ рѣкою. За рѣкою, въ полутора верстахъ, насупротивъ ограды, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тихая Сосна дѣлаетъ дугообразный поворотъ, находилась высокая башня, окопанная глубокими рвами и обведенная высокимъ валомъ. Изъ этой башни Черкасы зорко наблюдали за приближеніемъ хищниковъ. Черезъ рвы къ

башнѣ и къ городу вели подъемные мосты, которые снимались въ минуты опасности. На посадѣ, подъ защитой крѣпости, мирно ютились, утопая въ зелени, опрятные домики Острогожскихъ гражданъ.

Такова была внѣшность Острогожска въ описываемую нами эпоху. Матеріальная сторона жизни Острогожскихъ Черкасъ, благодаря разнымъ привилегіямъ, полученнымъ отъ Московскаго правительства, могла считаться вполнѣ удовлетворительной. Что же касается нравственной стороны, то насколько она была неудовлетворительна, отчасти видно изъ слѣдующаго уголовнаго дѣла конца XVII столѣтія.

Глубокою осенью 1683 г. явилась къ Черкасскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу, въ Острогожскѣ, вдова полковаго казака Савелья Сиверскаго, Марья Григорьевна Сиверская и подала челобитную, въ которой жаловалась на бывшаго полковника Острогожскаго полка Кондрата Голоскока, причинившаго ей великіе убытки, увѣчья, насильно отнявшаго у нея единственную дочь, красавицу Анастасію и весь ея вдовій капиталъ, заключавшійся въ 300 рубляхъ, и въ довершеніи всего *обезчестившаго* ее Марьицу самымъ позорнымъ образомъ. Будучи еще есауломъ, Кондратій Голоскокъ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія и необузданнаго нрава, обнаружилъ колоссальный апетитъ въ отношеніи какъ денегъ, такъ и женъ и дочерей подчиненныхъ ему Черкассъ; когда же онъ дослужился до званія полковника, передъ нимъ буквально трепетали всѣ, а въ особенности красивыя и беззащитныя вдовы и дѣвушки. Трепетала и вдова Марья Сиверская, жившая въ Острогожскѣ на посадѣ въ домѣ Маланьи Чиркизовой; трепетала бѣдная и покорно молчала, пока страшный Голоскокъ ограничивался только тѣмъ, что насильно распоряжался и отбиралъ у нея цѣнныя вещи и деньги; но въ одинъ прекрасный день Голоскокъ похитилъ ея единственную красавицу дочь Анастасію и куда-то отвезъ.... Несчастная Марьица кинулась къ Голоскоку. Куда дѣвалась ея долголѣтняя покорность! Передъ атаманомъ стояла не безотвѣтная вдова, а разъяренная тигрица-мать, требовавшая, задыхаясь, обратно своего дорогаго дитяти. Но Голоскоку не въ диковинку были подобныя сцены: наглымъ, гадкимъ хохотомъ отвѣчалъ онъ на требованіе вдовы возвратить ей дочь. Марья Сиверская рѣшилась на крайнее средство: ей, безпомощной вдовѣ, не тягаться, конечно, съ страшнымъ Голоскокомъ; но она продастъ послѣднее, поѣдетъ въ Москву, доберется до царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и у подножія престола найдетъ себѣ защиту, утолитъ свое растерзанное сердце местью надъ этимъ извергомъ, отнявшимъ у нея все, что можно было только взять у бѣдной вдовы. Она рѣшилась и отправилась.

Пока вдова Марьица въ пути, познакомимся поближе съ подвигами Голоскока. Кондратій Голоскокъ—дитя своего вѣка. Чувства, а тѣмъ болѣе мягкія, ему недоступны; онъ ихъ презираетъ и считаетъ достояніемъ однѣхъ только женщинъ, которыхъ въ свою очередь презираетъ изъ-за

этихъ же чувствъ. Но за то тѣло женское онъ уважаетъ до нельзя, когда оно ему достается путемъ грубаго насилія и когда онъ предварительно изувѣчитъ и замучитъ до полусмерти несчастную жертву. Послѣ женскаго тѣла, водка также играетъ немаловажную роль въ жизни Голоскока. И женщинъ, и вино страшный полковникъ добываетъ и дѣлитъ съ своимъ задушевнымъ другомъ, дьячкомъ Рёвою. Рёва—правая рука Голоскока....

Кондратъ Голоскокъ предпочитаетъ молодыхъ замужнихъ женщинъ; онѣ ему гораздо интереснѣе молодыхъ дѣвушекъ. Русскій генералъ и воевода Косаговъ, находящійся съ войскомъ въ Коротоякѣ, просилъ его подарить ему очень молоденькую и красивую дѣвушку... Голоскокъ отчасти дипломатъ: онъ прекрасно понимаетъ, что доставить генералу-воеводѣ хорошенькую дѣвушку—операція для него весьма и весьма выгодная, но кто же можетъ считаться самой красивой изъ беззащитныхъ красавицъ Острогожска? Безъ сомнѣнія, Анастасія Сиверская; въ этомъ порукою опытность Рёвы. Но всякое беззаконіе можетъ быть совершено лишь на законномъ основаніи. Голоскоку и Рёвѣ это хорошо извѣстно, и они уже составили планъ дѣйствія: Анастасію схватили и въ качествѣ заподозрѣнной въ какомъ-то преступленіи посадили за рѣшетку. Является Голоскокъ и беретъ ее оттуда на поруки, затѣмъ, въ качествѣ великодушнаго поручителя, распоряжается ею по своему усмотрѣнію; Анастасія какъ бы становится его собственностью. Голоскокъ, не взирая на ея сердце-раздирающіе крики и мольбу, ведетъ ее къ себѣ на дворъ гдѣ уже приготовлены лошади и дожидается посланецъ генерала Григорія Косагова, который и увозитъ дѣвушку въ Коротоякъ, такъ что когда несчастная Марья Сиверская прибѣжала къ Голоскоку, Анастасіи уже не было въ городѣ: сытые кони мчали ее быстро по направленію къ Коротояку....

Между тѣмъ не дремала и Марья Сиверская, которой отчаяніе придало нечеловѣческую энергію. Добравшись до Москвы, она нашла случай быть допущенной во дворецъ и лично передать царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ о постигшемъ ее несчастіи. Правда, на возвращеніе дочери она уже мало надѣялась: ея дочь вѣдь не первая жертва, отправленная полковникомъ Голоскокомъ въ Коротоякъ, откуда ни одна еще не возвращалась; но растерзанное сердце ея жаждало мести. И вотъ она заручилась царскою грамотою, благодаря которой, бывшему начальнику Острогожскаго полка Кондрату Голоскоку не миновать строжайшей кары. Съ нетерпѣніемъ дожидалась Марья Сиверская конца пути. Пріѣхавъ въ Острогожскъ, она остановилась на постояломъ дворѣ и тотчасъ отправилась въ Приказную Избу, гдѣ подала царскую грамоту.

Между тѣмъ Голоскокъ узналъ о пріѣздѣ Марьи Сиверской и о томъ, что она привезла царскую грамоту предать его суду. Внѣ себя отъ гнѣва, бывшій начальникъ Острогожскаго полка бросился на постоялый дворъ, вытащилъ несчастную на улицу и... чтó затѣмъ, произошло, пусть

лучше разскажуть самые документы. Прибавимъ только, что это случилось 15-го Ноября 1683 года и что въ тотъ же день Марья Сиверская подала дополнительную къ царской грамотѣ челобитную о неслыханномъ безчестьи вновь нанесенномъ ей ненавистнымъ Голоскокомъ.

Полковникъ Иванъ Семеновичъ Сасъ, добродушный и благочестивый Нѣмецъ, какими-то чудесами очутившійся полковникомъ Острогожскаго полка, былъ человѣкъ справедливый, насколько можемъ судить по имѣющимся у насъ подъ руками древнимъ документамъ Острогожскаго архива; кромѣ того и царская грамота немало содѣйствовала тому, что немедленно было назначено строжайшее слѣдствіе о подвигахъ Голоскока. Предвидя для себя дурной оборотъ дѣла, Голоскокъ приготовился къ отчаянной борьбѣ.

Полковникъ Сасъ направилъ дѣло довольно искусно. Помимо прямаго слѣдствія и суда по дѣлу Марьи Сиверской, онъ поручилъ всѣмъ сотникамъ Острогожскаго полка собрать свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ и насиліяхъ, совершенныхъ Голоскокомъ, въ отношеніи другихъ лицъ за время управленія Острогожскимъ полкомъ, вслѣдствіе чего обнаружилось еще нѣсколько подобныхъ дѣлъ, которыми косвенно подтверждалась виновность Голоскока и въ отношеніи Марьи Сиверской. Одновременно шелъ допросъ свидѣтелей. Судъ начался въ тотъ же день, т.-е. 15-го Ноября 1683 года. Вызвали подсудимаго, и съ него начался допросъ. Голоскокъ не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ. Онъ говорилъ: „Дочери ея Настасьи, стакався съ церковнымъ дьячкомъ съ Рёвою, на торгу неималъ и въ Приказъ не отводилъ и не садилъ и безкабальными деньгами дочери ея не клепалъ и съ Приказу дочери ея не бралъ и на Коротоякъ къ Григорью Косагову не отвозилъ, и то-де она Марья на меня клеплетъ напрасно". Истица пригрозилась большимъ повальнымъ обыскомъ и предложила опросить всѣхъ жителей Острогожска за исключеніемъ родныхъ и пріятелей Голоскока; но сей послѣдній не смутился угрозой и продолжалъ отрицать свою виновность. „Въ прошлыхъ годахъ, твердилъ онъ, какъ она Марья пріѣзжала съ Государевою грамотою и стояла на дворѣ у полковаго казака у Ивана Протопопова, и онъ ея Марьи съ двора не ималъ и насильно на улицу не волочилъ и не билъ ея и не увѣчилъ ничѣмъ и не обесчесчивалъ и то-де она Марья клеплетъ напрасно".

Безконечныя отрицанія ненавистнаго Голоскока окончательно вывели Марью Сиверскую изъ терпѣнія. Не добившись признанія съ его стороны, она съ отчаянія рѣшилась сама разсказать откровенно суду, какъ и безчестилъ Голоскокъ. „Онъ, Кондратъ, приходилъ на постоялый дворъ, разсказывала Марья Сиверская, выволокъ меня изъ избы и изъ двора на улицу за ноги, скинулъ портки свои и, сѣвъ естествомъ своимъ голымъ на ротъ, говорилъ такія слова: вотъ тебѣ грамота.... и билъ и увѣчилъ и простоволосу учинилъ и поставилъ нагу меня середъ улицы"... Отрицая всѣ показанія истицы, Голоскокъ твердилъ одно; „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю".

Тогда Марья Григорьевна сослалась на очевидцевъ-свидѣтелей, на содержателя постоялаго двора въ Острогожскѣ Ивана Протопопова съ женою, на Острогожскаго *цынбалистаго* Лукьяна съ женою, на Землянскаго попа Аѳанасія Кулажина, на нѣкую Марью Васильеву и на духовнаго отца своего Землянскаго попа на Сазонта Иванова, „какъ онъ Кондратъ билъ и глумился съ меня, въ томъ на нихъ шлюсь“. Но Кондратъ Голоскокъ отвелъ всѣхъ свидѣтелей на крайне-оригинальномъ основаніи; „съ Иваномъ Протопоповымъ онъ будто однажды пьянъ напился и подрался съ нимъ; а жену Протопопова потому, что она съ женою его Голоскока какъ-то бились, будучи *пьяны*, и оттуда у него съ ними недружба“. Лукьяна онъ отводитъ потому, что „онъ Голоскокъ, еще будучи атаманомъ, не разъ колотилъ Лукьяна за то, что тотъ приходилъ къ нему пьяный *невѣжливо* и жену его бивалъ за тоже самое, оттуда съ ними недружба. Попа Аѳанасья потому, что съ отцомъ его не разъ бивался, будучи пьяны; на вдову на Марью Васильеву потому, что на Данилкиной Карабутова свадьбѣ, напившись *пьянъ*, съ нею дрался. Попа Сазонта потому, что онъ будто бы пришелъ къ нему Голоскоку на дворъ *пьяный* и за то былъ побитъ. Такимъ образомъ всѣ свидѣтели со стороны Марьи Григорьевны были устранены Голоскокомъ.

Очевидно, Марьѣ Григорьевнѣ осталось одно: сослаться на весь городъ Острогожскъ, большимъ повальнымъ обыскомъ всѣхъ градскихъ жителей. Голоскоку это не было на руку, и онъ предпочелъ взять себѣ *вѣру на душу*. Но Марья Григорьевна имѣла достаточно основаній не дать вѣры на душу Кондрату Голоскоку. Весь Острогожскъ зналъ, что у Кондрата Голоскока *отъ роду духовнаго отца не было, и много людей какъ мужчинъ, такъ и жёнщинъ замучены имъ до смерти*. Въ тоже время Марья Сиверская подала слѣдующую дополнительную *роспись*.

„Шлюсь, государи, на Острогожщанку, на Анастасію Красную. Какъ случилась она въ Землянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ендовищахъ и пріѣхала на дворъ до попа Нечетова, и онъ-де Кондратъ лучился въ томъ же селѣ Ендовщинахъ и сталъ на подворьѣ у полковаго козака у Мандрычина“. Увидѣвъ Анастасію, сладострастный Кондратъ прислалъ двухъ козаковъ Евхима Салашенко и Ивана Колодка къ попу на подворье за нею. Козаки взяли ее насильствомъ и привезли къ нему, а онъ Кондратъ сперва билъ Анастасію смертнымъ боемъ, а потомъ бралъ ее къ себѣ насильствомъ на постелю“....

Между тѣмъ чрезъ посредство сотниковъ распространилась вѣсть, что Голоскокъ подъ судомъ, что судъ собираетъ свѣдѣнія о подвигахъ его за время управленія полкомъ, и немедленно со всѣхъ сторонъ посыпались заявленія отъ гражданъ о безслѣдно-исчезнувшихъ женахъ и дочеряхъ.

Передъ Сасомъ предсталъ между прочимъ Ольшанскій житель Иванъ Болоховченко, по дѣлу о пропажѣ жены его племянника, тоже Анастасіи.

„Въ прошлыхъ-де годахъ, жаловался Болоховченко, ѣздилъ я изъ Ольшанска въ Острогожскъ съ своею женою къ семьѣ повидаться; а племянникъ мой Романъ послалъ со мною въ Острогожскъ жену свою Анастасію для покупки шелку и иныхъ товаровъ и съ родичами повидаться. Встрѣтивъ въ Острогожскѣ на базарѣ Анастасію, Голоскокъ, *умысля воровски съ дьячкомъ Рёвою*, схватили ее и посадили въ Острогожскѣ въ Приказѣ. Послѣ того онъ же Голоскокъ пришелъ въ Приказъ, вынулъ Анастасію на свои поруки, отвезъ на Коротоякъ и отдалъ генералу и воеводѣ Григорію Ивановичу Косогову“... Мужъ безслѣдно пропавшей Анастасіи Романъ Брызгаленко, подтвердивъ разсказъ Болоховченка, добавилъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ жену отправилъ изъ Ольшанска, она пропала безслѣдно. Впослѣдствіи онъ разузналъ, что Голоскокъ отвезъ жену его на Коротоякъ и отдалъ генералу и воевоеводѣ Косагову *въ руки, а послѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она подѣлась*, того ему разузнать не удалось.

Занятая одною мыслію о спасеніи своей дочери, а если уже поздно, то хоть отомщеніемъ ненавистному Голоскоку Марья Сиверская совершенно забыла про себя, про собственныя страданія и личныя оскорбленія, претерпѣнныя ею. Но дознаніями, производившимися по распоряженію полковника Саса, одновременно во всѣхъ городахъ и селахъ Острогожскаго полка, добыто было множество свѣдѣній о насиліяхъ и жестокости надъ беззащитнымъ людомъ со стороны Кондрата Голоскока. Такъ, потребованный къ допросу, священникъ Преображенской церкви Сазонтъ разсказалъ Землянскому сотнику Ивану Павлову слѣдующее. Бывшій полковникъ Острогожскихъ козаковъ, Кондратъ Голоскокъ, прислалъ однажды по ней, по вдовѣ Марьи Сиверской, узнавъ, что она у меня пока въ домѣ. Спрошенный объ именахъ лицъ, посланныхъ взять вдову Марью Сиверскую, священникъ отвѣчалъ: Какъ звали этихъ полковыхъ козаковъ, я не вѣдаю, но помню, что они приходили за нею, сперва съ есауломъ Перначемъ, а потомъ дважды безъ Пернача. И она Марья у меня въ домѣ отъ этихъ посыльныхъ людей пряталась и говорила мнѣ попу: „Кондратъ присылаетъ за мною, для бою, хочетъ бить меня“; и затѣмъ говорила мнѣ такія рѣчи: „Не отдавай меня посыльнымъ людямъ, а если меня отдашь, то онъ Кондратъ меня навѣрно убьетъ до смерти....“

Въ Ендовищахъ передъ сотникомъ Хорунженко и атаманомъ Колошинымъ стоялъ готовый къ допросу мѣстный полковой козакъ Максимъ Павловъ. Какъ лицо недуховнаго званія, онъ обязанъ былъ дать свои показанія по святой непорочной Евангельской заповѣди Господни въ правду, т.-е. подъ присягою. Павловъ показывалъ: будучи полковникомъ, Кондратъ Голоскокъ пріѣзжалъ въ Ендовище съ Острогожскими казаками, а въ ту пору она Марья съ своими дѣтьми на свадьбѣ была, а онъ Кондратъ за нею присылалъ Остапа Добыша, до есаула Пернача, трожды, а хотѣлъ ее бить въ смерть; но ея мальчики Иванъ да Григорій ея не выдали присыльнымъ,

а сами, *положась на милость Господа Бога*, отправились къ полковнику Кондрату и стали ему говорить: „Гавриловичъ! За що ти нашу матушку хочешь бить занапрасно?"

За Максимомъ Павловымъ была приведена вдова Сергѣева, которая показала подъ присягою: „Однажды была я въ Острогожскѣ въ домѣ Протопоповыхъ вмѣстѣ съ Марьей Сиверской, и туда пришелъ Кондратъ Голоскокъ, который въ то еще время есауломъ былъ; онъ схватилъ Марью за ноги, вытащилъ и безчестилъ ее *неподобными дѣлы*"... Подробности свидѣтельница не согласилась разсказать.

Свѣдѣнія, добытыя сотниками, по разнымъ городамъ Острогожскаго полка, о личности и подвигахъ Голоскока, были настолько не въ его пользу, что 22-го Декабря того же года Голоскокъ долженъ былъ представить поручную о невыѣздѣ его изъ Острогожска впредь до вершенія дѣла, и вслѣдъ затѣмъ началась *общая ссылка повальнымъ обыскомъ* всего города.

Дѣло очевидно близилось къ концу, и правда повидимому торжествовала. Не оставалось сомнѣнія, что Марья Сиверская найдетъ законную защиту. Неужели сотни людей, испугавшись Голоскока, будутъ отвергать несомнѣнный случай, видѣнный ими? День, назначенный для повальнаго опроса, наступилъ, и у бѣдной Марьи Сиверской страшно билось сердце. Допросъ начался въ Приказной Избѣ. Каждый десятокъ полка, вмѣстѣ съ своимъ десятскимъ, давалъ показанія отдѣльно. Они показали подъ присягою: „Какъ Кондратъ Голоскокъ увезъ дочь Сиверской, а ее самую обнажа наругательство чинилъ, про то мы не вѣдаемъ и не слышали". Всѣ десятки полка до послѣдняго говорили тоже самое: „не вѣдаемъ и не слышали". Дѣло приняло сразу дурной оборотъ для несчастной вдовы. Кондратъ Голоскокъ торжествовалъ. Весь полкъ козаковъ оказался на его сторонѣ! Все чтò полковникъ Сасъ могъ еще сдѣлать въ пользу Марьи Сиверской, это сверхъ общей ссылки допросить нѣсколько свидѣтелей, выставленныхъ ею. Изъ нихъ Агей Ѳедоровъ сказалъ подъ присягою: „Какъ Кондратъ Голоскокъ дочь Марьи Сиверской, поймавъ на торгу, посадилъ въ Приказную Избу за караулъ, про то-де я знаю; потому что былъ въ числѣ тѣхъ, которые отводили въ Приказъ дочь ея Анастасію. Равно я знаю, что Кондратъ взялъ дочь ея къ себѣ домой изъ Приказу; но куда онъ ее отвезъ, того я не знаю. Только-де я ее и видѣлъ, когда она сидѣла въ Приказѣ за карауломъ". Евтиѳей Веревка говорилъ: „Какъ Кондратъ Голоскокъ поймалъ Анастасію и въ Приказъ отводилъ и за рѣшетку посадилъ, а равно какъ онъ Марью билъ и поругательство надъ нею чинилъ, этого-де я не знаю и не видалъ. Только я и видѣлъ, какъ Кондратъ Голоскокъ съ человѣкомъ генерала и воеводы Косягова, съ Васильевымъ, везли дочь Марьи, Анастасію, на Коротоякъ". Полковой козакъ Евсѣй Бискупъ говорилъ: „Я только одно видѣлъ, какъ Голоскокъ Марью Сиверскую билъ и увѣчилъ, вытащивъ изъ избы черезъ дворъ на

улицу, а затѣмъ поругательство чинилъ, на виду всѣхъ присутствовавшихъ, уды сидѣлъ тайными, про то я не знаю и не видѣлъ".

Жена полковаго козака Маланья Чикризова, бывшая квартирная хозяйка Сиверской, говорила: „Какъ Голоскокъ Анастасію на торгу поймалъ и за рѣшетку взялъ, затѣмъ какъ онъ увѣчилъ и оскорблялъ Марью Сиверскую, всего этого я не знаю, я не видала; только я вѣдаю, какъ дьячокъ Ивашка Рёва приходилъ ко мнѣ Маланьѣ на дворъ съ караульными. взяли дочь Марьи Анастасью въ городъ, въ Приказъ, а потомъ ее отвезли на Коротоякъ; это я вѣдаю".

Остальные два свидѣтеля, казаки Кондратъ Холодникъ и Василій Приходковъ, показали: первый, что ему только извѣстно, что Анастасія Сиверская была посажена за караулъ Голоскокомъ; а второй, что присутствовалъ при глумленіи Голоскока надъ Марьею Сиверскою, а объ насиліяхъ надъ Анастасіею ему ничего неизвѣстно.

Тѣмъ и окончились допросы. Всѣ показанія и прочіе документы были тщательно собраны въ одинъ длинный свитокъ, по склейкамъ котораго значится скрѣпа Острогожскаго полковника: Polkownik Iwan Sass rucku prilloschill...

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ этого дѣла не сохранилось, за исключеніемъ одного документа, изъ котораго видно, что въ Февралѣ слѣдующаго 1684 года уже Марьѣ Сиверской пришлось представить по себѣ поручную запись о невыѣздѣ ея изъ Острогожска впредъ до вершенія дѣла. За тѣмъ объ ней и объ ея дочери нигдѣ впослѣдствіи не упоминается. Кондратъ Голоскокъ, напротивъ, еще долго продолжалъ безнаказанно глумиться надъ беззащитнымъ народомъ.

Л. Вейнбергъ.

ЗАМѢТКИ НА ВОСПОМИНАНІЯ

ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Въ 1788 году, черезъ два года по кончинѣ Фридриха Великаго, въ Берлинѣ вышли въ 15-ти томахъ его сочиненія подъ заглавіемъ: Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Сюда вошла знаменитая «Исторія моего времени» (Histoire de mon temps), «Исторія Семилѣтней войны» и другія его воспоминанія. Часть этихъ Записокъ, касающаяся Россіи, была помѣщена въ Русскомъ переводѣ въ нашемъ изданіи (1877, кн. І-я). Не знаемъ, насколько Европейская историческая критика коснулась повѣствованій великаго человѣка; но что иныя изъ его показаній не точны и вполнѣ не вѣрны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія по самому характеру писавшаго. У барона Ѳ. А. Бюлера сохранилась тетрадь выписокъ изъ Записокъ Фридриха Великаго, сдѣланная еще въ прошломъ столѣтіи его родителемъ барономъ Андреемъ Яковлевичемъ († 1843), долго служившимъ въ дипломатіи, племянникомъ Ѳедора Ивановича Гросса, который, во все царствованіе Екатерины II-й, былъ нашимъ резидентомъ въ Гамбургѣ *) и въ свою очередь приходился племянникомъ Андрею Леонтьевичу Гроссу, славному нашему дипломату прошлаго вѣка, ученику князя Кантемира. Со словъ своего дяди, баронъ А. Я. Бюлеръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на Записки Фридриха Великаго. Съ любезнаго дозволенія его сына, барона Ѳедора Андреевича, приводимъ эти замѣчанія въ переводѣ съ Французской рукописи.

---

*) Его офиціальный титулъ былъ слѣдующій: Россійскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Нижне-Саксонскомъ округѣ Германо-Римской имперіи (къ которому принадлежало курфиршество Гановерское). *Примѣч. барона Ѳ. А. Бюлера.*

Фридрихъ говоритъ: «Еслибы удался проэктъ Вальполя ввести въ Англіи акцизъ, власть королевская сдѣлалась бы деспотическою».

Замѣчаніе. «Теперь однако введенъ акцизъ, а королевская власть не сдѣлалась деспотическою».

Въ III-мъ томѣ, на стр. 47-й, король говоритъ про остуду съ Россіею, происшедшую въ 1746 году, когда Елисавета Петровна заключила союзъ съ Австріей и Англіей, и свидѣтельствуетъ, что никакія съ его стороны уваженія (ménagements) и осторожности не могли предотвратить этой ему невыгодной остуды. Баронъ А. Я. Бюлеръ, со словъ своего дяди, замѣчаетъ: «Этими уваженіями конечно не были оскорбительные для императрицы Елисаветы стихи *Философа въ Санъ-Суси*, а равно и непріятности, сдѣланныя Русскому министру, акредитованному при дворѣ короля».

Этого министра, которымъ былъ А. Л. Гроссъ, король называетъ темнымъ человѣкомъ (homme obscur), на чтò баронъ Бюлеръ пишетъ: «Сынъ капитана въ службѣ Императрицы, который былъ уже передъ тѣмъ ея министромъ въ Парижѣ».

Фридрихъ пишетъ, что Гроссъ воспользовался *первымъ* случаемъ и *первымъ* предлогомъ, чтобы исполнить порученіе канцлера графа Бестужева *) и поссорить Россію съ Пруссіею. «Не *первымъ*», замѣчаетъ баронъ Бюлеръ; «поводовъ и предлоговъ и прежде было довольно: дурное обращеніе Прусскихъ офицеровъ съ Лифляндцами, отказъ возвратить Русскихъ солдатъ, посланныхъ герцогомъ Бирономъ отцу Фридриха, непозволеніе Русскому министру пріѣхать въ Потсдамъ съ однимъ иностранцемъ».

Далѣе у Фридриха читаемъ: «Король давалъ праздники въ Шарлотенбургѣ по случаю свадьбы принца Генриха съ Гессенскою принцессою. Туда пріѣхали иностранные министры. Придворному служителю приказано было пригласить ихъ всѣхъ къ ужину; но онъ не могъ найти Русскаго министра, который уѣхалъ нарочно за полчаса раньше другихъ. На другой день этотъ министръ объявилъ, что не будетъ ѣздить ко двору послѣ оскорбленія, нанесеннаго Императрицѣ въ его лицѣ и что подождетъ возвращенія своего курьера изъ Пе-

*) Баронъ А. Я. Бюлеръ разсказывалъ своему сыну, что исполненіемъ этого порученія Бестужевъ былъ такъ доволенъ, что А. Л. Гроссъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, остановился въ домѣ, который былъ для него заранѣе приготовленъ въ видѣ полной чаши, т.-е. вполнѣ меблированный, съ прислугою и экипажемъ. Гроссъ тотчасъ же былъ назначенъ членомъ Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ. Пока Гроссъ не въѣхалъ въ Россію, запрещено было пропускать Прусскаго посланника за нашу границу, и это было въ точности исполнено. *Примѣч. барона Ѳ. А. Бюлера.*

тербурга, чтобы дѣйствовать сообразно полученнымъ приказаніямъ. Курьеръ возвратился, и Русскій министръ немедленнно уѣхалъ изъ Берлина *тайкомъ*; его проводили до заставы секретари Австрійскій и Англійскій. Исчезновеніе (l'évasion) этого министра понудило короля равнымъ образомъ отозвать своего министра изъ Петербурга».

Баронъ Бюлеръ опровергаетъ этотъ разсказъ короля. «Принцъ Генрихъ—говоритъ онъ—женился въ 1752 году, а Русскій министръ уѣхалъ изъ Берлина въ серединѣ Декабря 1750 года. Къ ужину не былъ приглашенъ и Австрійскій министръ графъ Бубна, нарочно, чтобы показать рѣзче, въ чемъ дѣло; онъ и поѣхалъ въ одной каретѣ съ Русскимъ министромъ. Въ добавокъ, посланъ былъ въ догонку офицеръ, который и доложилъ графу Бубнѣ, что король ждетъ его къ ужину. Гроссъ выѣхалъ изъ Берлина въ каретѣ, запряженной шестерней, среди бѣлаго дня и въ сопровожденіи двухъ другихъ каретъ, при чемъ раздавались звуки почтовыхъ трубъ. Не секретарь Англійскаго посольства, а самъ Англійскій министръ кавалеръ Вильямсъ проводилъ Русскаго министра до первой станціи въ каретѣ, запряженной шестернею. Австрійскій секретарь былъ г. Вейнгартенъ».

Говоря о Шведскихъ дѣлахъ, Фридрихъ утверждаетъ, что тамошніе чины, подъ вліяніемъ Франціи, всячески стѣсняли королевскую власть и въ наглости своей дошли до того, что отняли у сестры его, Шведской королевы, не только коронные брилліанты, но и тѣ, которые были даны ей въ приданое.

Баронъ Бюлеръ на это замѣчаетъ: «Шведскій сенатъ имѣлъ право сдѣлать осмотръ коронныхъ брилліантовъ, находившихся въ рукахъ короля и королевы. Этимъ правомъ сенаторы воспользовались, узнавъ, что королева заложила свои бриліанты. Ее предварительно о томъ увѣдомили и просили указать часъ, когда она приметъ назначенныхъ для того лицъ. День этотъ она назначила лишь чрезъ нѣсколько недѣль, и тѣмъ временемъ постаралась выкупить бриліанты. Прибывшіе сенаторы застали королеву въ великомъ гнѣвѣ. Она объявила имъ, что эти бриліанты не стóятъ того, чтобы ей носить ихъ. Коли такъ, отвѣчали ей сенаторы, то мы ихъ беремъ у вашего величества къ себѣ».

*

Исторія отношеній между Россіею и Пруссіей въ царствованіе Елисаветы Петровны можетъ быть предметомъ любопытнѣйшаго изслѣдованія. Черты этой исторіи уже намѣчены. Изъ нихъ видно, что умная и доровитая дочь Петра Великаго отлично сознавала достоинство и величіе Россіи. П. Б.

ПЕРЕПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО СЪ ЗАКОНОУЧИТЕЛЕМЪ ПОКОЙНАГО ГОСУДАРЯ ПРОТОІЕРЕЕМЪ Г. П. ПАВСКИМЪ *).

Переписка эта имѣетъ своимъ предметомъ увольненіе протоіерея Павскаго отъ должности законоучителя въ царскомъ семействѣ. Ходъ дѣла былъ таковъ. Павскій опредѣленъ законоучителемъ къ Наслѣднику въ 1826 году по указанію Мердера, который узналъ его, служа съ нимъ вмѣстѣ въ военноучебныхъ заведеніяхъ. Ни Мердеръ, ни Жуковскій не могли быть судьями въ богословіи; оба они довольствовались прекрасными нравственными качествами Павскаго, не особенно заботясь о томъ, что богословіе есть самый существенный предметъ преподаванія для ученика, которому предстояло быть первымъ сыномъ православной церкви. Павскій же находился въ положеніи исключительномъ: духовная цензура не смѣла его ограничивать, и онъ свободно печаталъ (преимущественно въ „Христіанскомъ Чтеніи“) сочиненія свои, которымъ нынѣ, по прошествіи слишкомъ полувѣка, самые усердные почитатели его не откажутъ въ направленіи нѣсколько-протестантскомъ. Павскій сдѣлался представителемъ того облегченнаго, уклончиваго и зыбкаго благочестія, которое и до сихъ поръ процвѣтаетъ на окраинахъ Россіи и въ особенности на сѣверной. Митрополитъ Филаретъ написалъ свои два „Мнѣнія“ о двухъ книжкахъ Павскаго: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“ не по личному вчинанію, а по настоянію членовъ Св. Синода и многихъ благочестивыхъ лицъ. Онъ послалъ эти „Мнѣнія“ къ Петербургскому митрополиту Серафиму въ Іюлѣ 1834 года (оба они напечатаны преосвященнымъ Саввою во 2-мъ томѣ „Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета“, С.-Пб. 1885, стр. 343—358). Оба „мнѣнія“ отличаются необыкновенною стройностью мысли и строгостью доводовъ и обличеній. Уже отъ митрополита Серафима (и вѣроятно не прямо) „мнѣнія“ поступили къ Жуковскому, который былъ только инспекторомъ классовъ, а вовсе не воспитателемъ. Надо замѣтить еще, что Мердера, скончавшагося въ этомъ году, заступилъ А. А. Кавелинъ, а Наслѣдникъ престола уже принесъ присягу, но продолжалъ еще свое обученіе. Филаретъ несомнѣнно руководился вовсе не личными отношеніями и не монашескою нетерпимостью (какъ думалъ Павскій), а соображеніями высшими и долгомъ своей пастырской совѣсти. П. Б.

---

*) Печатается съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ. Отрывки изъ писемъ были напечатаны (съ черновыхъ) въ статьяхъ Н. И. Барсова: „Протоіерей Г. П. Павскій въ „Р. Старинѣ“ 1880 года. П. Б.

1.

Ваше превосходительство Василій Андреевичъ!

Я слышалъ, что вамъ доставлены примѣчанія на законоучительскіе уроки, преподаваемые мною Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, и притомъ такія примѣчанія, которыя чернятъ меня, будто неправовѣрующаго. Это страшно и для совѣсти моей, которая никогда не хотѣла отступать отъ истинной вѣры и церкви, и неблагопріятно для высокаго Воспитанника нашего. Желалось бы мнѣ прочитать доставленныя вамъ примѣчанія. Не объяснится ли что нибудь такъ, что и писавшій примѣчанія окажется невиннымъ, и я не подвергнусь нареканію въ зловѣріи? Я, какъ дѣйствовавшій по совѣсти и по любви къ истинѣ и притомъ знающій духъ Евангелія и своей церкви, надѣюсь вполнѣ оправдаться. Думаю также, что и писавшій примѣчанія отвѣтомъ моимъ вразумится и удовлетворится, если только онъ писалъ оныя по любви къ престолу и церкви, а не по страсти. Въ семъ послѣднемъ случаѣ ничѣмъ не разувѣришь его. По крайней мѣрѣ силу моего оправданія узнаютъ тѣ, которымъ знать надобно. Вы конечно знаете ходъ нашихъ уроковъ и можете отвѣчать за себя, и за меня; но все-таки любопытство побуждаетъ меня узнать, нѣтъ ли въ примѣчаніяхъ чего и дѣльнаго, что̀ можно бы принять къ свѣдѣнію и исполненію; ибо я при всемъ усердіи къ дѣлу и при всей благонамѣренности мыслей не считаю себя непогрѣшительнымъ. Если же примѣчанія бездѣльны и произошли изъ какихъ-нибудь злонамѣренныхъ происковъ, то и въ такомъ случаѣ вы защитить меня можете; но также дадите мнѣ знать, кто и какъ подыскивается подо мною для предбудущей осторожности.

Я вамъ и прежде говорилъ и теперь повторяю, что враговъ у меня довольно. Первый врагъ—*зависть*; ибо были искатели того мѣста, которое я, какъ вы знаете, занялъ безъ домогательства. Симъ искателямъ теперь нечего болѣе дѣлать, какъ чернить соперника своего. Второй сильнѣйшій врагъ—оскорбленная *гордость*. Вы представить себѣ не можете, какъ это сдѣлалось оскорбительно для нашихъ архіереевъ, когда я поступилъ въ званіе законоучителя и духовника Наслѣдникова безъ ихъ выбора и покровительства. А еще оскорбительнѣе то, что я не совѣтуюсь съ ними касательно уроковъ, мною преподаваемыхъ и не открываю имъ плана преподаванія. Этого я и дѣлать не смѣю, потому что въ дѣлѣ моемъ я не состою въ ихъ зависимости. Вотъ уже восемь почти лѣтъ они смотрятъ на меня косо и постоянно готовы были чернить меня и чернили мои мысли, если я что̀ печаталъ или въ Христіанскомъ Чтеніи или въ отдѣльныхъ книжкахъ. Посто-

янно съ тѣхъ поръ обходятъ меня въ наградахъ: за девять лѣтъ цензорства я остался вовсе ненагражденнымъ, за ревизію въ Семинаріи также, хотя оба раза представляемъ былъ къ наградѣ отъ Академіи. Теперь нарочно въ укоръ мнѣ возвышаютъ товарищей моихъ, которые всегда были ниже меня: на мѣсто оберъ-священническое вызвали Московскаго протоіерея Кутневича, который всегда былъ ниже меня и въ Академіи, и послѣ по службѣ, дали ему митру и сдѣлали членомъ Синода; теперь представляютъ къ митрѣ Петропавловскаго протоіерея Кочетова именно въ обиду же мнѣ, чтобы поставить выше меня того, который всегда былъ ниже *).

Простите меня за откровенность передъ вами; я заговорился о домашнихъ маловажныхъ оскорбленіяхъ, между тѣмъ какъ надобно теперь защищать себя отъ оскорбленій уже немалозначущихъ. Хотятъ обнести меня передъ Государемъ, какъ неправовѣрнаго. Для чего? Или для того, чтобъ меня подчинить себѣ въ отношеніи уроковъ и такимъ образомъ удовлетворить своему честолюбію, или для того, чтобъ удалить меня вовсе отъ важнаго моего занятія. Но надѣюсь на Господа, что они не успѣютъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Истина и Государь, покровитель истины, защитятъ меня. Для того-то я и прошу сообщить мнѣ примѣчанія, сдѣланныя на мои уроки, чтобъ выяснить все дѣло и выказать истину тѣмъ, которые хотятъ и могутъ ее видѣть.

Если эти примѣчанія сдѣланы человѣкомъ злонамѣреннымъ, то онъ безъ сомнѣнія могъ дать имъ видъ справедливости или тѣмъ, что мѣста изъ книги моей бралъ въ отрывкахъ, внѣ связи, или тѣмъ, что малую неточность въ выраженіи называлъ ересью, безбожіемъ. Впрочемъ я надѣюсь защититься даже и касательно точности выраженій. Зная, какому высокому лицу я преподаю уроки, я всегда старался обдумывать предметъ вполнѣ и видя, между какими строгими наблюдателями живу, я говорилъ и писалъ только то, что́ справедливо предъ цѣлымъ свѣтомъ. Немудрено впрочемъ, что прочитавшій мои уроки, какіе находятся въ книжкѣ «Христіанскаго ученія», могъ счесть ихъ неполными и для церковнаго ученія неудовлетворительными, неточными. Онъ, не зная хода моего преподаванія, могъ подумать, что этою книжкою кончается все законоученіе и что я выставилъ ее на мѣсто Катихизиса. Въ такомъ случаѣ она точно пренедостаточная. Но вы знаете, что она служила намъ руководствомъ только при чтеніи Священнаго Писанія. Всего Священнаго Писанія я прочитать не могъ бы, и потому далъ въ этой книжкѣ только понятіе о происхожденіи

*) Тяжело узнать, что, подобно либераламъ свѣтскаго чина, и Павскій былъ охотникомъ до внѣшнихъ отличій. П. Б.

и составѣ священныхъ книгъ и сдѣлалъ извлеченіе изъ Священнаго Писанія всего существеннаго, что въ немъ содержится. Это прямо сказано мною въ § 35. Въ ней *предложено существенное, прямо изъ Слова Божія избранное ученіе христіанское, сколько нужно для познанія духа Христова.* Всякое потомъ положеніе подтверждено текстами изъ Св. Писанія, которые остаются еще въ тетрадяхъ ненапечатанными, но ученикомъ всѣ были прочитаны. (Тексты сіи при семъ вамъ препровождаю). Въ этой книжкѣ примѣчатель не можетъ найти ни подробнаго ученія о Троицѣ, ни о таинствахъ, а только просто увидитъ, что *Богъ существуетъ и являетъ Себя въ Троицѣ, что Духъ Святый освящаетъ человѣковъ посредствомъ Слова Божія и таинствъ.* Это безъ сомнѣнія смутитъ примѣчателя, потому что онъ не знаетъ назначенія этой книжки и не знаетъ, что подробныя разсужденія о Троицѣ предложены послѣ и въ Церковной Исторіи, и въ Катихизисѣ, изданномъ отъ Синода. Эта книжка есть только систематическая нить тѣхъ истинъ, которыя послѣ раскрыты и въ Церковной Исторіи, и въ церковномъ Катихизисѣ. Вообще догматовъ, которые по временамъ раскрывались и опредѣлялись *соборами и учителями церкви*, въ ней нѣтъ, ибо она есть *прямо изъ Слова Божія избранное ученіе христіанское.*

Но вамъ говорить сіе считаю излишнимъ. Вы ходъ ученія твердо знаете. А съ нетерпѣніемъ ожидаю только примѣчаній и позволенія написать на нихъ отвѣтъ. Вашъ покорнѣйшій слуга протоіерей

Герасимъ Павскій.

Августа 4-го дня 1834 года.

Докладная записка В. А. Жуковскаго Николаю Павловичу *).

Я прочиталъ съ величайшимъ вниманіемъ замѣчанія, сдѣланныя на учебныя тетради г-на Павскаго и спѣшу всеподданнѣйше представить слѣдующее на благоразсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Нѣкоторыя изъ сихъ замѣчаній относятся къ *неточности выраженій*; они маловажны, но обстоятельны, и тѣ мѣста, на которыя они падаютъ, будутъ исправлены г-мъ Павскимъ, если Ваше Императорское. Величество благоволите дозволить, чтобы я сообщилъ ему до-

---

*) Съ черноваго вторичнаго подлинника, въ которомъ тоже много помарокъ. Сохранился и первый черновой подлинникъ. Очевидно Жуковскій, никогда не занимавшійся до того времени богословіемъ, былъ затрудненъ; но по своей необыкновенной добротѣ и цѣня высокія качества Павскаго, онъ всячески старался обѣлить его въ глазахъ Государя, въ чемъ однако не успѣлъ. Повторяемъ, что Жуковскій былъ вовсе не воспитателемъ, а только инспекторомъ классовъ; вліяніе онъ имѣлъ независимо отъ своей прямой должности. Въ воспитатели онъ предлагалъ нѣкогда графа Каподистрію, при которомъ, конечно не было бы недоумѣній подобныхъ происшедшему съ Павскимъ. П. Б.

ставленныя мнѣ рукописи. Но совершеннымъ оправданіемъ г-на Павскаго служитъ то, что сіи учебныя тетради, напечатанныя только для того, чтобы не было нужды ихъ переписывать, единственно для употребленія въ классахъ и на экзаменѣ, никакой полноты имѣть *не могутъ* и даже *не должны*; ибо онѣ—для ученика, находящагося въ безпрестанномъ сношеніи съ учителемъ, который въ живомъ преподаваніи раскрываетъ и дополняетъ то, о чемъ только намекаетъ слегка въ тетради своей. Неточность и неполнота выраженій есть такой недостатокъ, котораго избѣжать весьма трудно въ краткомъ начертаніи; но сей недостатокъ самъ по себѣ исчезаетъ отъ изустнаго объясненія, которое всему даетъ настоящее значеніе. Все это однако не мѣшаетъ намъ воспользоваться сдѣланными благонамѣренными замѣчаніями, кои заставятъ г-на Павскаго пересмотрѣть начертаніе лекцій его и дать бо́льшую опредѣленность нѣкоторымъ выраженіямъ, имъ употребленнымъ.

Другія замѣчанія гораздо важнѣе: они относятся къ *пропускамъ*, найденнымъ въ тетрадяхъ г-на Павскаго, и онъ былъ бы непростительно виноватъ, когда бы сіи замѣчанія были въ отношеніи его лекцій столь же справедливы, сколь они дѣльны сами по себѣ. Но этого нѣтъ. Ни одного изъ пропусковъ (замѣченныхъ въ тѣхъ отдѣльныхъ отрывкахъ, на кои дѣлаются замѣчанія) не сдѣлано *въ преподаваніи* г-на Павскаго, взятомъ *вмѣстѣ*. Въ этомъ случаѣ ошибка замѣчателя, весьма естественная, происходитъ отъ того, что ему неизвѣстенъ весь *планъ* и *ходъ* сего преподаванія, что онъ судилъ о *цѣломъ* по одному доставшемуся въ руки его отрывку и обо *всемъ* христіанскомъ ученіи по одной части.

Не присутствовавъ на лекціяхъ Его Высочества Наслѣдника, замѣчатель не могъ знать: *что̀* было преподано ему *предварительно* и съ какою *полнотою* было говорено ему именно о тѣхъ предметахъ, которые сочтены пропущенными потому только, что они не найдены въ томъ отрывкѣ, на который указываетъ замѣчатель. Замѣчатель полагаетъ, что «закрытъ главный характеръ Іисуса Христа и не сказано, что онъ *Искупитель* и *Спаситель* грѣшныхъ; что скрыта важнѣйшая черта характера *Пророковъ* и умолчано, что они *предвѣщали* о рожденіи Іисуса Христа отъ Дѣвы и о Его спасительныхъ страданіяхъ; что Отецъ, Сынъ и Святой Духъ не названы тремя ипостасями *Троицы*; что не указано на высшую помощь и *благодатныя средства* для достиженія человѣку его назначенія; что не было опредѣленнаго ученія о *грѣхопаденіи*; что, наконецъ, упомянуто одно только имя *таинствъ* и ничего не сказано ни о покаяніи, ни о крещеніи, ни о евхаристіи. Однимъ словомъ, замѣчатель полагаетъ, что законоучитель Наслѣдника, въ

христіанскомъ ученіи, ему преподаваемомъ, забылъ *все то*, на чемъ оно основано и безъ чего христіанство существовать не можетъ.

На сіи обвиненія, выписанныя мною *вполнѣ* и *буквально* изъ доставленной мнѣ рукописи, отвѣчаю. Курсъ законоученія Его Высочества раздѣленъ былъ на *два курса*, на предварительный краткій и на окончательный подробный. Въ первомъ краткомъ курсѣ (коего начертаніе изложено въ маленькой печатной тетрадкѣ, вѣроятно неизвѣстной замѣчателю) положены были всѣ главныя основанія христіанской вѣры, тѣ именно, на какихъ утверждается все ея зданіе. Тутъ говорено было съ надлежащею подробностію и въ слѣдующемъ порядкѣ: «о созданіи человѣка по образу и по подобію Божію, о его первобытной чистотѣ и *падении*, о верховной цѣли его жизни, состоящей въ возобновленіи образа Божія, затменнаго паденіемъ; о неспособности собственною силою достигнуть сей цѣли и о необходимости *помощи свыше*; о явныхъ путяхъ *благодати*, ознаменававшейся въ обѣтѣ спасенія, въ жизни патріарховъ, въ избраніи народа, въ законѣ Моисеевомъ и въ *пророкахъ*; о *искупленіи* и *спасеніи*, наконецъ о томъ, что Спаситель, явивъ намъ въ Себѣ образъ Божій, даровалъ намъ и средство къ достиженію утраченнаго нами образа Божія, средство, заключающееся въ вѣрѣ въ Него, въ подражаніи Его жизни, въ послѣдованіи Его ученію, въ исполненіи Его завѣта». Не только не былъ закрытъ главный характеръ пророковъ и умолчано о ихъ пророчествахъ, какъ полагаетъ замѣчатель, но всѣ сіи пророчества были выписаны въ связи словами текста, изъяснены весьма подробно, и главныя изъ нихъ выучены Великимъ Княземъ наизустъ. Сверхъ того предложено было полное изъясненіе литургіи; къ причащенію Св. Таинъ Великій Князь былъ всякій разъ приготовляемъ бесѣдою о таинствахъ покаянія и евхаристіи чтеніемъ Евангелія, и Евангеліе было прочтено съ начала до конца и не одинъ разъ; чтеніе онаго и теперь продолжается по Воскресеньямъ.

Изъ сего общаго взгляда на предварительный курсъ явствуетъ, что *ни одного* изъ тѣхъ пропусковъ, на кои указываетъ замѣчатель, не было сдѣлано законоучителемъ Великаго Князя.

Утвердивъ такимъ образомъ въ предварительномъ курсѣ главныя основанія христіанскаго ученія, приступлено было ко второму подробному курсу, который раздѣленъ былъ на двѣ части: на *библейскую*, заключающую въ себѣ Священную Исторію древняго и новаго завѣта, и правила вѣры и нравственности библейской, извлеченныя изъ книгъ Св. Писанія, и на *церковную*, заключающую въ себѣ исторію церкви и правила вѣры и нравственности церковныя, то-есть Катихизисъ. Исторія Священная древняго и новаго завѣта пройдена была прежде всего по таблицамъ, картинамъ и картамъ. Житіе Іисуса Христа за-

коноучитель изложилъ словесно въ хронологическомъ порядкѣ; но съ симъ изустнымъ изложеніемъ соединено было чтеніе всего, что̀ къ оному относится во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ. Поележе для прочтенія Библіи сполна не достало бы времени, то извлечены были изъ нея важнѣйшіе тексты; сіи тексты приведены были въ систематическій порядокъ, изъ чего составилась точная христіанская нравственность, къ коей присоединено было введеніе, служащее оной нитію, съ предварительнымъ объясненіемъ: что̀ такое религія вообще, что̀ откровеніе въ особенности и что̀ содержится въ Библіи. По окончаніи Исторіи Священной приступлено къ Исторіи Церкви, а по окончаніи изъясненія христіанской нравственности начатъ Катихизисъ.

Изъ всего сказаннаго выше очевидно, почему въ разсматриваемой тетради (въ коей заключается одно систематическое введеніе въ христіанское ученіе, а сіе ученіе содержится въ текстахъ, избранныхъ изъ Священнаго Писанія и еще не напечатанныхъ), о многомъ весьма важномъ говорено слегка (ибо о немъ было уже говорено подробно въ предварительномъ курсѣ), почему на иное не сдѣлано объясненій (ибо оно объяснено или приложенными къ нему текстами или изустнымъ развитіемъ), почему о многомъ (о *Троицѣ*, о *таинствахъ*, *словомъ обо всемъ принадлежащемъ церковному ученію, утвержденному соборами и учителями церкви*) только что упомянуто или и совсѣмъ не упомянуто, ибо оно относится ко *второй* церковной части христіанскаго ученія или къ *Катихизису*. Въ сей второй части законоучитель уже *оставляетъ собственный путь* и держится строго Катихизиса, изданнаго Святѣйшимъ Синодомъ. Отъ себя дѣлаетъ онъ одни необходимыя словесныя дополненія, заключающія въ себѣ или пояснительный историческій фактъ, или толкованіе какого-нибудь выраженія; но онъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ текста. Катихизисъ объясняется по статьямъ, и Великій Князь выучиваетъ каждую объясненную статью наизусть, дабы, постигнувъ смыслъ ея, сохранить въ памяти и буквальное выраженіе содержащагося въ ней ученія или правила. Катихизисомъ оканчивается полный курсъ христіанскаго ученія; къ нему прибавить нечего, ибо въ немъ кратко, въ ясномъ порядкѣ и полной системѣ, заключается все, что̀ необходимо для православнаго христіанина.

Для легчайшаго обозрѣнія представляю здѣсь ту связь мыслей, на которой основалъ свой планъ законоучитель Великаго Князя:

- Христіанское ученіе
  - Библія
    - Библейская исторія
    - Библейскія правила
      - вѣры
      - нравственности
  - Церковь
    - Церковная Исторія
    - Церковное ученіе или Катихизисъ

Сіе изложеніе, которое всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству въ отвѣтъ на сообщенныя мнѣ замѣчанія, можетъ быть удовлетворительнымъ для успокоенія благонамѣренной заботливости тѣхъ, коимъ такъ драгоцѣнна чистота вѣры Его Высочества. Хотя законоучитель Государя Наслѣдника, столь достойный всеобщаго уваженія и по своей чистой жизни, основанной на чистой вѣрѣ, и по своей обширной учености, нимало не заслуживаетъ тѣхъ опасеній, кои на счетъ его изъявлены въ разборѣ учебныхъ его тетрадей; но во избѣжаніе могущихъ впередъ встрѣтиться недоразумѣній, осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе Вашего Величества слѣдующее. Не благоволите ли повелѣть, чтобы г. Павскій, изложивъ въ надлежащей подробности весь планъ, коего держался въ преподаваніи христіанскаго ученія Его Высочеству Наслѣднику, сообщилъ оный преосвященнѣйшему митрополиту? Онъ могъ бы, обозрѣвъ однимъ взглядомъ и то, что́ уже пройдено и то, что̀ пройти остается, убѣдиться, что ничего существеннаго не было пропущено законоучителемъ. При семъ случаѣ г-ну Павскому могутъ быть даны такіе совѣты и сдѣланы такія замѣчанія, которыя, просвѣтивъ его самого, послужатъ въъ пользу его преподаванія.

В. Жуковскій *).

2.

Василій Андреевичъ.

Жаль, что не видѣлъ васъ лично. Впрочемъ сею записочкою скажу хотя немногое изъ того что̀ хотѣлъ сказать лично. Отвѣтъ на примѣчанія противъ Церковной Исторіи я написалъ. Не успѣлъ только на послѣднія два-три примѣчанія сдѣлать свои возраженія. Но они не важны. Если нужна подробность, вы сами дополните нѣсколькими строчками, а если не нужно дѣлать вамъ возраженія на всякія мелочныя примѣчанія, то мои же отвѣты можете дать переписать, и дѣло кончено. О примѣчаніяхъ на книжку Христіанскаго ученія говорили мы давича, и отвѣты ваши, кромѣ немногихъ, которые давича предложили вы исправить, будутъ удовлетворительны. Донесеніе ваше Государю Императору очень убѣдительно. Только еслибы вамъ вздумалось что перемѣнить и переписать снова, то первымъ оправданіемъ книжки пусть бы поставлено было то, что недоразумѣніе объ ней произошло отъ незнанія о планѣ преподаванія, а вторымъ—извиненіе, что она писана не для публики, не на чистую отдѣлку, и потому могли вкрасться недосмотры и погрѣшимости. Это я потому говорю, что если

*) Эту записку свою, до представленія Государю, Жуковскій далъ просмотрѣть Павскому. П. Б.

это извиненіе и признаніе въ погрѣшимостяхъ поставлено будетъ на первомъ планѣ, то Государь тотчасъ предубѣдится противъ нея и слѣдующія доказательства будетъ слушать не съ такимъ вниманіемъ.

Впрочемъ и безъ всякой перемѣны можетъ идти все хорошо.

Благодарю за ваши труды, какіе вы подъемлете къ защищенію праваго дѣла.

Вашъ покорнѣйшій Павскій.

3.

Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь

Василій Андреевичъ!

Тяжело было мнѣ выслушать изъ устъ вашихъ нерадостную вѣсть, что я долженъ разлучиться съ любезнѣйшимъ воспитанникомъ нашимъ и съ любезнѣйшими его сестрицами, которыя всѣ радовали меня благоговѣйными своими чувствами, чистотою души своей и кротостію нрава. Да благословитъ ихъ Господь Богъ на всю жизнь за тѣ пріятнѣйшія минуты, въ которыя мнѣ позволено было бесѣдовать съ ними! Теперь одно утѣшеніе остается мнѣ, что я, въ дѣлѣ мнѣ порученномъ, дѣйствовалъ по чистой совѣсти, такъ что предъ судъ Божій надѣюсь предстать неукоризненно. Это утѣшеніе совѣсти ставитъ меня выше тяжкаго моего искушенія. И грѣшно, и стыдно было бы, еслибы я, научавшій подражать Спасителю, самъ далекъ былъ отъ сего образца и именно въ томъ, что́ въ жизни Іисуса Христа было существеннѣйшее, то-есть въ страданіи. Не своимъ домогательствомъ я получилъ доступъ ко двору въ званіи законоучителя и духовника Ихъ Высочествъ, не своею виною и теряю сіе. Господь далъ, Господь и взялъ. Да будетъ имя Господне благословенно!

Знаю, что удаленіе меня возмутитъ душу Великаго Князя и Великихъ Княженъ и что оно произведетъ непріятное впечатлѣніе на всякаго добраго человѣка, кто ни услышитъ о семъ. Въ отвращеніе сего вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствія, нельзя ли поступить такъ, что удаленіе меня, если оно необходимо, было-бъ по крайней мѣрѣ непримѣтно и приготовлялось постепенно? Вотъ какъ это можно сдѣлать по моему мнѣнію. Извѣстно, что нынѣ въ Великомъ посту Великій Князь Константинъ Николаевичъ будетъ приготовляемъ къ исповѣди и слѣдовательно скоро долженъ начать обучаться Закону Божію. Вотъ случай избрать для него новаго законоучителя, которому сперва и поручить его одного. А мнѣ да позволено будетъ еще три мѣсяца остаться со всѣми моими нынѣшними учениками и ученицами. Въ теченіе этого

времени они нѣсколько разъ услышатъ отъ меня о моей болѣзни и о необходимости мнѣ покоя, что̀ и дѣйствительно правда. Тоже будутъ слышать и посторонніе. Такимъ образомъ узелъ, связующій меня съ высокими моими питомцами, можетъ разрываться непримѣтно безъ всякаго вреднаго для вѣры ихъ потрясенія. Наступитъ весна, и мнѣ представится случай просить, чтобы уволили меня на свободный воздухъ, въ кругъ сельскихъ моихъ родныхъ или къ Ревельскимъ водамъ, которыя наипаче полезны для слабыхъ дочерей моихъ. Тогда взятый къ Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу законоучитель самъ по себѣ, какъ ближайшій, заступитъ мое мѣсто. И такой способъ удаленія меня отъ званія законоучителя и духовника Ихъ Высочествъ будетъ почти непримѣтенъ для любезнѣйшихъ учениковъ моихъ, нѣсколько сносенъ для меня и закрытъ отъ глазъ тѣхъ, кому не должно знать тайну моего удаленія. Такимъ образомъ съ любезнѣйшими моими питомцами я разлучусь навсегда; но сердце мое, искренно къ нимъ привязанное, никогда съ ними не разлучится. Я всегда буду носить образъ ихъ въ душѣ своей, буду разсказывать въ тишинѣ уединенія своего объ ихъ добронравіи дѣтямъ своимъ и буду просить позволенія, хотя разъ въ году, видѣться съ ними и цѣловать ихъ руку, какъ они цѣловали мою.

Въ настоящемъ моемъ положеніи одного прошу отъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ милость моего Государя. Слишкомъ тяжело было бы для меня испытаніе, еслибы я, посвятивъ себя по чистой совѣсти въ теченіе осми лѣтъ святой обязанности, на меня возложенной, въ сладкой надеждѣ и всю жизнь употребить на пользу моего Питомца, остался теперь съ мучительною для меня мыслію, что Всемилостивѣйшій Годарь не благоволитъ ко мнѣ.

Что же касается до устроенія будущаго состоянія моего, предаю себя совершенно въ волю Всемилостивѣйшаго Государя. Всего было бы желательнѣе, чтобы званіе придворнаго протоіерея и то мѣсто, которое я занималъ среди собратій, оставалось при мнѣ и во время моего удаленія. Сіе имя сохранитъ меня отъ епархіальной власти, которая такъ невѣрно оцѣнила мою двадцатилѣтнюю для духовныхъ училищъ и для отечества службу. А если Государь повелитъ украсить меня и митрою, то я въ глазахъ народа и товарищей покажусь неуниженнымъ. Я охотно удалился бы изъ Петербурга, еслибы устроена была судьба дочерей моихъ и еслибы онѣ, имѣющія во мнѣ отца и мать, могли разлучиться со мною. Петербургъ—моя родина; недалеко отъ него гробъ родителей моихъ; въ немъ кругъ родныхъ моихъ. Вотъ что̀ сильно привязываетъ меня къ нему. Будьте увѣрены, что я, живя

въ Петербургѣ или подлѣ его, буду также непримѣтенъ, какъ бы меня не было.

Вотъ мои мысли, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, о томъ, какъ удаленіе меня сдѣлать наименѣе примѣтнымъ и судьбу мою устроить нѣсколько сноснымъ образомъ. Вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя моего, покорнѣйшій слуга, придворный протоіерей

Герасимъ Павскій.

Генваря 7 дня 1835 года.

4.

Ваше превосходительство Василій Андреевичъ!

Вы уже давно знаете слабость моего здоровья. Я не разъ говорилъ вамъ, что единственное у меня желаніе кончить только уроки законоучителя съ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и съ Ея Высочествомъ Великою Княжною Маріею Николаевною. Но нынѣшній годъ усилившаяся болѣзнь не позволяетъ мнѣ выполнить мое желаніе. Я долженъ, наконецъ, разстаться съ любезнѣйшими моими учениками и ученицами преждевременно. И потому прошу васъ исходатайствовать мнѣ у Государя Императора увольненіе отъ трудовъ законоучительскихъ. Я надѣюсь, что всемилостивѣйшій Государь Императоръ и на неконченные труды мои воззритъ окомъ благоволенія. Единственная печаль моя въ сію минуту есть та, что я разлучаюсь съ любезнѣйшими высокими учениками, съ которыми имѣлъ счастье бесѣдовать слишкомъ восемь лѣтъ и съ которыми сроднилось мое любящее ихъ сердце. Да благословитъ ихъ Господь Богъ за тѣ пріятнѣйшія минуты, въ которыя мнѣ позволено было радоваться ихъ добродушіемъ и любовію ко мнѣ! Да будутъ они радостію родителямъ и утѣхою человѣковъ, которые отъ ихъ добродушія ожидаютъ своего счастья! Сія молитва за Государя и его высокое семейство будетъ моею постоянною молитвою предъ Богомъ во дни моего уединенія.

Вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя моего, покорнѣйшій слуга и богомолецъ

протоіерей Герасимъ Павскій.

Генваря 27 дня 1835 года.

Докладная записка В. А. Жуковскаго Николаю Павловичу.

Представляя всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству письмо, полученное мною отъ законоучителя Ихъ Императорскихъ Высочествъ Павскаго, въ которомъ онъ проситъ о увольненіи его отъ занимаемой имъ должности по причинѣ болѣзни, беру смѣлость представить на высочайшее ваше благоусмотрѣніе слѣдующее. По повелѣнію Вашего Императорскаго Величества Павскій переведенъ въ Таврическій дворецъ; но мѣсто въ Таврическомъ дворцѣ считается низшимъ противъ того, которое Павскій занималъ при большомъ дворцѣ. Если не будетъ оговорено, что онъ переводится на новое мѣсто по собственному желанію, по причинѣ болѣзни и съ сохраненіемъ степени, занимаемой имъ доселѣ между собратіями, то въ общемъ мнѣніи сочтено это будетъ наказаніемъ. Сверхъ того Павскій имѣлъ квартиру, за которую платилось изъ кабинета; квартира при церкви Таврическаго дворца весьма тѣсна и неудобна для него съ семействомъ; не благоугодно ли будетъ приказать, чтобы Павскому или отведена была другая удобнѣйшая квартира, или чтобы онъ по прежнему продолжалъ нанимать квартиру на кабинетныя деньги?

Будучи дѣйствительно давно болѣнъ, Павскій желалъ бы, нѣсколько времени прежде вступленія въ новую должность, воспользоваться совершеннымъ покоемъ для возстановленія силъ своихъ. Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество благоволить позволить, чтобы ему данъ былъ отпускъ на годъ, прежде нежели онъ войдетъ въ настоящую должность съ оставленіемъ его на прежней квартирѣ до истеченія срока. Это было бы великою для него отъ Вашего Величества милостію. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ это и необходимо; ибо Павскій, изъявивъ, что по болѣзни не можетъ преподавать уроковъ Ихъ Высочествамъ, потому именно не долженъ по крайней мѣрѣ нѣсколько времени отправлять службъ и обязанъ отказаться отъ профессорскаго званія въ Духовной Академіи.

Въ благоговѣйной увѣренности, что Вы, всемилостивѣйшій Государь, не оставите Павскаго безъ награды имъ заслуженной, осмѣливаюсь просить объ одномъ: позвольте, чтобъ я въ своемъ отвѣтѣ на письмо его выразилъ именемъ Вашего Величества то, что̀ я, какъ непосредственный свидѣтель его образа дѣйствія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обязанъ сказать ему при удаленіи его отъ того мѣста, на коемъ онъ дѣйствовалъ какъ честный человѣка, какъ истинный другъ своихъ воспитанниковъ, какъ вѣрный подданный Вашего Величества.

Жуковскій.

Письмо В. А. Жуковскаго къ Г. П. Павскому [1]).

Милостивый государь Герасимъ Петровичъ.

Письмо вашего высокопреподобія ко мнѣ, въ коемъ вы изъясняете необходимость, понудившую васъ желать увольненія отъ званія законоучителя и духовника Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ, я всеподданнѣйше представилъ на благоразсмотрѣніе Государя Императора. Его Императорское Величество, соизволивъ согласиться на просьбу вашу, благоволилъ повелѣть мнѣ объявить вамъ его высочайшее благоволеніе за то постоянное усердіе, съ коимъ вы исполняли званіе законоучителя при ихъ высочествахъ. Для меня особенно пріятно быть исполнителемъ сей воли нашего всемилостивѣйшаго Государя. Будучи свидѣтелемъ въ продолженіе семи лѣтъ вашихъ дѣйствій, я имѣлъ возможность узнать васъ коротко и на всю жизнь сохраню къ вамъ то почтеніе, которое вы вселили въ меня своимъ благороднымъ характеромъ, своею чистою нравственностію, основанною на вѣрѣ, своимъ умомъ просвѣщеннымъ и своимъ безкорыстнымъ усердіемъ въ исполненіи возложеннаго на васъ долга. Да послужитъ вамъ, при горестной разлукѣ вашей съ высокими вашими воспитанниками, утѣшеніемъ мысль, что вы способствовали къ развитію въ сердцахъ ихъ чистѣйшихъ чувствъ и правилъ вѣры, что вы заслужили ихъ уваженіе и любовь, и что ихъ привязанность къ вамъ никогда не ослабѣетъ. Другимъ утѣшеніемъ для васъ будетъ то, что вашъ преемникъ [2]) вполнѣ заслуживаетъ довѣренность, оказанную ему Государемъ Императоромъ и что начатое вами святое дѣло довершено будетъ при благословеніи Божіемъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Въ ознаменованіе своего высочайшаго благоволенія къ вамъ Государь соизволилъ повелѣть, чтобы половина жалованья, которое вы получали какъ законоучитель и духовникъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ и все ваше жалованье, коимъ вы пользовались какъ учитель въ Духовной Академіи, были обращены вамъ въ пенсіонъ. Сверхъ того Его Величество благоволилъ назначить вамъ въ награду бриліантовый крестъ, который въ свое время будетъ вамъ доставленъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица, желая равномѣрно изъявить вамъ высочайшее свое благоволеніе, соизволила опре-

---

[1]) Съ черноваго подлинника. Письмо это уже было напечатано въ „Р. Архивѣ" 1870 года. П. Б.

[2]) В. Б. Баженовъ, до того времени преподававшій Законъ Божій въ одной изъ Петербургскихъ гимназій. Николай Павловичъ невзначай заѣхалъ къ нему на урокъ въ гимназію и тутъ въ первый разъ узналъ его. Когда Баженовъ назначенъ былъ въ законоучители къ Наслѣднику, Филаретъ имѣлъ съ нимъ долгую наставительную бесѣду. П. Б.

дѣлить обѣимъ вашимъ дочерямъ каждой по пяти сотъ рублей пенсіи въ годъ до ихъ замужества. Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ и великія княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны испрашивали у Государя Императора позволенія пожаловать вамъ на память о нихъ свои портреты, и Его Величество благоволилъ изъявить на то свое согласіе. Портреты сіи вы получите, какъ скоро они будутъ готовы. Наконецъ, для доставленія вамъ бо́льшаго спокойствія, нужнаго для возстановленія разстроеннаго вашего здоровья, Государь повелѣлъ перевести васъ изъ большаго дворца въ Таврическій съ сохраненіемъ и вашего прежняго званія, и соединеннаго съ онымъ старшинства, и всего по оному получаемаго жалаванья. Имѣю честь препроводить къ вашему высокопреподобію всѣ бумаги, служащія документами вышесказаннаго. Заключаю письмо свое усерднымъ желаніемъ, чтобы уединенная тихая жизнь возвратила вамъ утраченныя ваши силы. Главныя условія земнаго счастія для васъ уже исполнены: вы имѣете непорочную совѣсть для спокойнаго взгляда на прошедшее, просвѣщенный умъ, любовь къ дѣятельности для наслажденія настоящимъ и вѣру смиреннаго христіанина для безмятежной надежды на будущее. Все остальное въ волѣ Промысла. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопреподобія покорнымъ слугою В. Жуковскій.

1835 Февраля дня.
Его высокопреподобію
Герасиму Петровичу Павскому.

*

Вышепомѣщенныя бумаги сообщали мы одному духовному лицу, отъ котораго и получили слѣдующія строки. П. Б.

Павскій (род. 1787 ум. 1863), воспитанникъ перваго курса С.-Петербургской академіи (1809—1814), по окончаніи курса оставленъ при академіи наставникомъ Еврейскаго языка, былъ законоучителемъ въ лицеѣ (1811—1817), въ университетѣ (1819—1827). Октября 29-го 1826 года онъ, по приглашенію Мердера, представилъ конспектъ уроковъ по Закону Божію для Наслѣдника Престола, и Ноября 31-го уже вступилъ въ должность законоучителя Цесаревича. Преподаваніе уроковъ Цесаревичу шло спокойно до 1834 года, когда нѣкоторыя придворныя дамы, возмущаясь уроками Павскаго, стали у митрополита Серафима и оберъ-прокурора Св. Синода князя Мещерскаго настаивать на необходимости удалить Павскаго отъ двора. Митрополиту Московскому Филарету, при отъѣздѣ его въ Москву на лѣто, поручено было написать замѣчанія на двѣ книжки, составленленныя Павскимъ для Наслѣдника и напечатанныя въ самомъ ограниченномъ

числѣ, только для употребленіи Цесаревича. Митрополитъ Филаретъ составилъ замѣчанія и препроводилъ ихъ къ Серафиму. Павскій, узнавъ объ этомъ, обратился къ Жуковскому съ первымъ изъ напечатанныхъ выше писемъ. О письмѣ этомъ замѣтимъ, что оно было уже напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1880 (кн. 2-я стр. 706, 707), но съ черновыхъ бумагъ Павскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями въ изложеніи, а главное съ пропускомъ того, что̀ очень характерно для нравственной оцѣнки Павскаго—его жалобы на то, что обходятъ его въ наградахъ изъ зависти.

Замѣчанія были переданы Павскому, и онъ поспѣшилъ отвѣчать на нихъ. Эти отвѣты напечатаны во 2-й книгѣ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1870 года. Но прежде чѣмъ скажемъ о нихъ, обратимъ вниманіе на письмо Павскаго къ Жуковскому отъ 14-го Августа, гдѣ, представляя ему свои отвѣты на замѣчанія Филарета, онъ называетъ ихъ „пустыми, злыми, безсовѣстными“ (Русск. Старина 1880 г., кн. 4-я, 710).

Въ обвиненіяхъ Филарета, что у Павскаго разумъ поставляется началомъ христіанства, что учрежденія церкви оставлены въ презрѣніи, что въ ученіи Павскаго проглядываетъ безбожникъ *), социніанинъ, раціоналистъ, ересевводитель („всѣ эти названія приписаны мнѣ въ примѣчаніяхъ примѣчателя“, говоритъ самъ Павскій въ томъ же письмѣ), никакъ нельзя усмотрѣть злонамѣренности; можно только видѣть въ замѣчаніяхъ Филарета, что ему стоило немалыхъ усилій діалектическаго, тонкаго ума, чтобы вывести наружу весь анти-православный складъ воззрѣній Павскаго. И эта трудность объясняется тѣмъ, что Филаретъ имѣлъ право говорить только по поводу данныхъ на его разсмотрѣніе книжекъ, конспекты которыхъ были представляемы на Высочайшее усмотрѣніе, и (думать нужно) просмотрѣны Павскимъ довольно внимательно; а онъ умѣлъ, какъ самъ говоритъ, въ преподаваніи уроковъ Наслѣднику иное иногда не договорить, иное во-все умолчать, лишь бы не измѣнять своему убѣжденію (Русск. Стар. 1880 года, кн. 2-я, 275). Филаретъ зналъ, конечно, изъ другихъ источниковъ воззрѣнія Павскаго; зналъ и самъ Павскій, что іерархи бранятъ его за его статьи въ Христіанскомъ Чтеніи; но Филаретъ не могъ сослаться на нихъ, потому что подъ ними не было подписано имя автора.

Въ объясненіе обвиненій Павскаго, высказанныхъ Филаретомъ, приведемъ нѣсколько словъ самого Павскаго. „Религія, говоритъ онъ въ планѣ ученія, представленномъ Мердеру, есть чувство, коимъ духъ человѣческій внутренне объемлетъ невидимаго, внутренняго и святаго, и въ немъ блаженствуетъ. Ученіе религіи состоитъ только въ томъ, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать это святое чувство, дабы оно, укрѣпляясь, просвѣтляясь и воспламеняясь внутри человѣка, давало отъ себя силу, свѣтъ и жизнь всему человѣку, всѣмъ его понятіямъ, всѣмъ его мыслямъ, желаніямъ и дѣйствіямъ“ (Русск. Старина 1880, кн. 2-я, 271, сличи также статью

---

*) Такихъ рѣзкихъ наименованій нѣтъ у Филарета. „Ты сердишься. стало быть ты неправъ“, можно было бы сказать Павскому. П. Б.

Павскаго „Религія" Христ. Чт. 1821 г. ч. 1., также Исторію С.-Пет. Академіи, стр. 372). Здѣсь религія дѣло самого человѣка, и отъ усилій только человѣка зависитъ, чтобы религія его просвѣщала и оживляла. Очевидно не понравилось Павскому обвиненіе, что у него разумъ поставляется началомъ христіанства.

Можемъ указать на другую статью Павскаго, которая подтверждаетъ обвиненіе Филарета, что у Павскаго закрытъ главный характеръ Іисуса Христа и не сказано, что онъ Искупитель и Спаситель грѣшныхъ и пр. Эта статья Павскаго, по указанію Чистовича (Ист. С.-Петерб. Академіи, стр. 372), есть „Исторія и истолкованіе литургіи" (Христ. Чт. 1834 г. ч. 38, стр.96—98). Тамъ о крестной смерти Христа сказано: „Сколько ни увлекательна чистая добродѣтель, святая жизнь Іисуса Христа не многими была примѣчена. Когда же Христосъ возшелъ на крестъ изъ чистой любви къ Богу, котораго Онъ открылъ, и изъ горячей любви къ людямъ, которымъ Онъ принесъ блаженство, и когда высокое Его слово перешло въ дѣло, тогда любовь показалась во всемъ блескѣ, и истина открылась во всемъ торжествѣ. Тогда вѣрующіе одушевились, и малыя искры, брошенныя въ сердца послушныя, разгорѣлись въ пламень". И далѣе вся рѣчь идетъ о примѣрѣ самоотверженія, а нѣтъ и слова объ искупительномъ значеніи крестной смерти Спасителя.

О таинствѣ причащенія сказано: „Чтобы въ хлѣбѣ и винѣ видѣть и вкушать тѣло и кровь Христову, для сего нужна вѣра. Вѣра и сквозь видимое видитъ иное невидимое. Ученики же Іисусовы высоки были въ вѣрѣ. Они слышали: сіе есть тѣло, сія есть кровь, и вкушали тѣло и кровь (т.-е. потому что такъ думали, вѣрили, а не потому, что хлѣбъ и вино были пресуществлены въ истинное тѣло и истинную кровь Христову). Здѣсь Іисусъ за дружескою трапезою подъ хлѣбомъ и виномъ, которымъ питаютъ люди свое тѣло, въ чувственномъ видѣ преподалъ ученикамъ духовную пищу, и въ дѣйствіи изъяснилъ туже мысль, которую за годъ предъ симъ преподавалъ въ словахъ, т.-е. что вѣра въ пострадавшаго Іисуса оживитъ человѣчество" (стр. 69 и 70).

О взглядѣ Павскаго на пророковъ и пророчество отсылаемъ читателей къ прекрасной статьѣ во 2-мъ томѣ юбилейнаго Филаретовскаго сборника о переводахъ Павскаго преимущественно (стр. 312, пр. 6). Гоненіе на переводъ Павскаго было не за самый переводъ, а за примѣчанія, въ которыхъ Павскій отвергаетъ пророчества.

Замѣтимъ еще, что Павскій всю свою защиту основалъ на томъ, что въ краткихъ книжкахъ, разсмотрѣнныхъ Филаретомъ, нельзя было сказать все полно и точно, и что все полнѣе было сказано Наслѣднику на словахъ. Но сущность обвиненія не въ томъ, сколько сказано, а въ томъ, *какъ* могло быть сказано, судя по направленію мыслей Павскаго. Неправильное воззрѣніе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ полнѣе и яснѣе раскрыто.

Что Павскій былъ дѣятель добросовѣстный въ томъ направленіи, какое дано было его уму, въ этомъ сомнѣваться нельзя. И если онъ называлъ замѣчанія Филарета ложными и безсовѣстными, то можно думать

онъ сдѣлалъ это потому, что воззрѣнія такъ называемаго неологизма были тогда въ сильномъ ходу и находили мѣсто въ единственномъ тогдашнемъ духовномъ журналѣ „Христіанскомъ Чтеніи", а Павскій могъ считать ихъ какъ бы одобряемыми высшимъ ученымъ обществомъ Петербурга и могъ думать, что и Филаретъ раздѣляетъ тѣже воззрѣнія.

До меня дошелъ такой отзывъ Филарета о дѣлѣ съ Павскимъ. Спрашивали Филарета, почему онъ, послѣ извѣстныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ какъ бы вскользь, не изложилъ подробно всю суть неологизма или такъ называемой естественной религіи; Филаретъ будто бы отвѣчалъ: „Зачѣмъ налагать лишнее темное пятно на многихъ почтенныхъ людей?"

Считать ли этотъ отзывъ поблажкою, индифферентизмомъ въ дѣлѣ вѣры? Не думаю. Въ основѣ неологизма дѣйствительно лежитъ мысль, что человѣкъ созданъ для блаженства и раскрытіемъ своего религіознаго чувства можетъ самъ достигать общенія съ Божествомъ, но въ томъ же неологизмѣ допускалось и непосредственное озареніе Самимъ Богомъ. Всѣ религіи неологизмъ считаетъ за послѣдовательныя формы развитія только религіознаго чувства человѣка, и всѣ внѣшнія формы религіозныя за средства къ возбужденію религіознаго чувства; но тотъ же неологизмъ требуетъ усовершенія души, постепеннаго очищенія сердца отъ страстей. А кому изъ опыта неизвѣстно, что всѣ попытки своими силами избавиться отъ страстей приводятъ только къ убѣжденію въ немощи силъ человѣческихъ и въ необходимости помощи божественной? Потому и неологъ по воззрѣніямъ ума, если искренно старается объ очищеніи сердца, самъ собою придетъ къ необходимости Божеской помощи и будетъ искать ея въ тѣхъ же таинствахъ, на которыя смотрѣлъ онъ какъ на простыя средства—напоминать о величіи самопожертвованія и любви Христа? Филарету ли, высокому въ духовной жизни, было не знать того, что̀ приходитъ на умъ грѣшному мірянину, и даже много болѣе того? Потому-то, можетъ быть, проникая глубоко въ духовную жизнь каждаго знакомаго ему, Филаретъ и не хотѣлъ бросать камнемъ осужденія въ неолога, который легко могъ перейти и въ просвѣщеннаго православнаго однимъ путемъ постепеннаго внутренняго усовершенія. П. М. Б.

*

Замѣчательно, что Павскій, уже въ старости, когда зять его Орловъ написалъ его біографію и сообщилъ ему ее въ рукописи, вычеркнулъ все относившееся до его столкновенія съ митрополитомъ Филаретомъ. Можно думать къ чести его, что онъ самъ считалъ себя противъ него неправымъ. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что митрополитъ Филаретъ впослѣдствіи отзывался съ уваженіемъ о Павскомъ и ученыхъ трудахъ его, между которыми особенно цѣнны „Филологическія разысканія надъ составомъ Русскаго языка". П. Б.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ Ѳ. П. ЛИТКЕ.

Славный путешественникъ и ученый мореплаватель, графъ (съ 26-го Октября 1866) Ѳедоръ Петровичъ Литке (род. 17 Сент. 1797), окончившій жизнь (8 Августа 1882) президентомъ нашей Императорской Академіи Наукъ, былъ человѣкъ многосторонняго образованія и горячей любви къ просвѣщенію, къ искусствамъ, въ особенности къ музыкѣ. Читатели познакомятся съ нимъ по его автобіографическимъ запискамъ, которыя въ скоромъ времени появятся въ печати. В. А. Жуковскій сблизился съ графомъ Литке во время совмѣстной жизни и сходства занятій въ царскомъ дворцѣ, когда Ѳ. П. Литке завѣдывалъ (съ 1832 г.) воспитаніемъ Великаго Князя Константина Николаевича, а Жуковскій былъ инспекторомъ классовъ при Александрѣ Николаевичѣ. Они сдѣлались пріятелями на всю жизнь. Жуковскій близко зналъ и супругу графа Литке, Юлію Васильевну (урожд. Браунъ, Brawn), когда она, еще дѣвицею, была воспитательницей великой княжны Александры Николаевны, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующая (относящаяся къ 1835 году) его шуточная записочка къ ней: J'aurais du venir chez vous aujourd'hui de 11 à 12; mais comme vous avez de 2 à 3 travaux allemands, vous pourrez très facilement les transporter de 11 à 12, et moi je serai chez vous de 2 à 3. Daignez accepter à cette occasion les sentiments distingués, qui bouillonnent pour vous dans la casserole de mon coeur et dans la fournaise de mon ame. Joukoffsky [1]).

Нижеслѣдующія письма любезно сообщены въ „Русскій Архивъ" сыномъ графа Литке, графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ. П. Б.

---

[1]) Я долженъ былъ явиться къ вамъ сегодня между 11 и 12 часами; но какъ у васъ между 2 и 3 часами Нѣмецкія занятія, то вы очень легко можете перенести ихъ на время между 11 и 12-ю, а я буду къ вамъ между 2-хъ и 3-хъ. Благоволите принять по сему поводу отличныя чувства, кипящія для васъ въ кострюлькѣ моего сердца и въ горнилѣ моего сердца. Жуковскій.

1.

Я оставилъ Иванову работу, любезнѣйшій Өедоръ Петровичъ: тетрадь, которую онъ долженъ переписать и которую прошу васъ, какъ оригиналъ, такъ и списокъ, сохранить у себя до моего возвращенія. Также прошу васъ дать ему и бумаги для переписки: у меня нѣтъ. Да нельзя ли, чтобы онъ пока остался въ той комнатѣ, которую теперь занимаетъ? Простите. До свиданія. Преданный вамъ

Жуковскій.

2.

Любезный *Кукъ* Петровичъ [2]). Извините меня и не ходите къ мнѣ. Ѣду къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; естьли ѣду, то ужъ конечно вы не найдете меня въ моей горницѣ, а потому и нельзя вамъ будетъ говорить со мной.

Жуковскій.

Адрссъ: Его превосходительству Өедору Петровичу Литке, состоящему при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

3.

Благодарю васъ, мой безцѣнный Өедоръ Петровичъ, за ваше любезное письмо; не отвѣчалъ вамъ тотчасъ, потому что полагалъ васъ, какъ вы писали, въ морѣ, посреди бурь и вѣтровъ. Теперь вы возвратились съ нашимъ милымъ Колумбомъ [3]) и опять въ пріятномъ вашемъ Александрійскомъ домикѣ вспоминаете на покоѣ то, что происходило во время вашего странствія. Мы стремимся быстро впередъ по сухому пути и, благодаря Богу, до сихъ поръ почти не видали въ глаза ненастья. Раза три, не болѣе, нападалъ на насъ дорогою дождь; во все остальное время наслаждались и наслаждаемся прекрасною погодою. Небо лелѣетъ нашего милаго Наслѣдника [4]). То что вы пишите о Гриммѣ тревожитъ меня и приводитъ въ недоумѣніе.

---

[2]) Графъ Ө. П. Литке былъ поклонникомъ знаменитаго мореплавателя Кука, какъ видно изъ его напечатанныхъ сочиненій, а также изъ сохранившагося у сына его графа Николая Өедоровича собственноручнаго журнала, веденнаго имъ еще мичманомъ на шлюпкѣ „Камчатка“ въ 1817—1819 годахъ.

[3]) Т.-е. съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

[4]) Великій Князь Александръ Николаевичъ путешествовалъ тогда по Россіи. См. Дорожныя письма С. А. Юрьевича въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года.

Какую мѣру могу принять изъ далека? Если бы были вмѣстѣ, вмѣстѣ бы подумали, вмѣстѣ и придумали. Нашъ планъ до сихъ поръ хорошо исполнялся, благодаря вашему доброму надзору и, надобно отдать справедливость, благодаря Гримму [5]). Но его исполненіе потерпитъ въ ходѣ своемъ, если Гриммъ какъ нибудь свихнется. Знаете ли что? Приговорите Коллинса. Ему ужъ очень хорошо наша метода извѣстна, и онъ много ею самъ занимался. Переговорите съ нимъ; онъ можетъ вамъ быть хорошимъ помощникомъ; за готовность его и за прекрасный характеръ ручаюсь; а тамъ, когда возвращусь, вмѣстѣ все уладимъ.

Простите, мой безцѣнный Ѳедоръ Петровичъ. Прошу васъ сохранить мнѣ вашу дружбу, которую цѣнить умѣю и, кажется, заслуживаю по моей искренней къ вамъ привязанности и по моему уваженію къ вашему характеру. Прошу васъ за меня поцѣловать нашего Генералъ-Адмирала. Я увѣренъ, что онъ продолжаетъ и будетъ продолжать утѣшать васъ своимъ поведеніемъ и прилежностью; я увѣренъ, что онъ помнитъ меня и сдѣлаетъ съ своей стороны все что̀ нужно для того, чтобъ я, возвратясь къ вамъ, могъ обрадоваться моему съ нимъ свиданію. Онъ бы очень меня обрадовалъ, когда бы ко мнѣ написалъ, и мнѣ было бы пріятно отвѣчать ему. До свиданія. Вашъ отъ всего сердца

Жуковскій.

6 Іюля (1837) Воронежъ.

4.

Благодарю васъ, любезный, дорогой и почтенный Ѳедоръ Петровичъ, за письмо ваше. Я прочиталъ его съ душевною къ вамъ благодарностью за ваше душевное ко мнѣ расположеніе. Теперь пишу къ вамъ только для того, чтобы увѣдомить васъ, что ваше письмо получено. Отвѣчать же вами въ подробности некогда: фельдъегеръ нынче отправляется, а мнѣ еще надо было кое къ кому написать. Оставляю все до нашего пріѣзда въ Комо или Венецію, гдѣ, говорятъ, мы проживемъ долго и гдѣ осматривать нечего; стало быть, тамъ будетъ и скучно, и праздно. Впрочемъ напередъ посылаю вамъ мое согласіе на всѣ ваши распоряженія касательно хода нашего ученія; на мѣстѣ вы это все знаете лучше меня. Обнимаю васъ дружески. Поклонитесь Гримму.

---

[5]) Инспектору классовъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, сочинителю біографіи императрицы Александры Ѳедоровны и романа „Княгиня седьмой версты“ (Die Fürstin von siebenten Werst).

Великому Князю пеняю за то, что онъ ко мнѣ полѣнился написать; не смотря на это, обнимаю его.

Вашъ отъ всего сердца
Жуковскій.

1838, 3 Октября (21 Сентября) Минхенъ.

5.

Я заходилъ къ вамъ два раза, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ. Ѣду въ городъ. Пробуду тамъ дни три. Вотъ усердная просьба: какъ скоро получится извѣстіе изъ Могилева [6]), напишите ко мнѣ немедленно двѣ строчки, что̀ и какъ. Обяжете дружески.

Жуковскій

6.

Благодарю васъ отъ всего сердца за ваше дружеское письмо, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ. За два дни до его полученія я писалъ къ Его Высочеству Наслѣднику о исходатайствованіи мнѣ у Государя Императора позволенія остаться въ Москвѣ до конца нынѣшняго мѣсяца. Возвращеніе мое въ Петербургъ, слѣдовательно, будетъ скоро послѣ 1-го Марта. Причина, заставившая меня просить отсрочки, есть замедленіе пріѣхать въ Москву моихъ родныхъ, для свиданія съ коими я сюда пріѣхалъ. Они только что явились. А я сверхъ того долженъ совершенно кончить съ ними нѣкоторыя дѣла по опекѣ, которыя не желаю оставить послѣ себя, отъѣзжая на два года за-границу, нерѣшенными [7]). Вотъ вамъ изложеніе моихъ обстоятельствъ. Видите изъ нихъ, что прежде начала Марта я не могу быть въ Петербургѣ. Это будетъ въ концѣ третьей или въ началѣ четвертой недѣли поста. Намъ будетъ весьма достаточно времени для нашего экзамена. Успѣете болѣе къ нему приготовиться, а это-то и самое главное. Я буду весьма, весьма вамъ обязанъ, если вы такъ устроете, что я бы могъ *быть* на экзаменѣ, то есть если вы меня подождете. Прошу васъ объ этомъ убѣдительно. Напишите на всякій случай объ этомъ двѣ или три строчки. Благодарю васъ за добрыя вѣсти о всемъ прочемъ. Съ дружескимъ, искреннимъ почтеніемъ

преданный вамъ Жуковскій.

5 Февраля 1841 г.
изъ Москвы.

---

[6]) Эта записка должна, кажется, относиться къ осени 1839 года, когда покойный Государь нѣкоторое время оставался въ Могилевѣ (на Днѣпрѣ) по случаю нездоровья. П. Б.

[7]) Говорится объ опекѣ надъ дѣтьми А. А. Воейковой († 1829), внучатными племянницами Жуковскаго, у которыхъ незадолго передъ тѣмъ умеръ и отецъ, извѣстный писатель А. Ѳ. Воейковъ. П. Б.

7.

Спѣшу предувѣдомить васъ, мой почтенный Ѳедоръ Петровичъ, что я собирался выѣхать изъ Москвы 2-го Марта; но по встрѣтившимся семейнымъ обстоятельствамъ принужденъ былъ отложить отъѣздъ свой до пятаго, т. е. выѣхать завтра, въ Среду. Счелъ необходимымъ увѣдомить васъ объ этомъ, дабы вы не вообразили меня умершимъ. До свиданія. Обнимаю васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ

преданный вамъ Жуковскій.

1841, Марта 4-го, Вторникъ.

8.

Я возвратился, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, и изъ письма вашего, найденнаго мною у меня на столѣ, узналъ, что экзаменъ у васъ уже начался. Очень мнѣ этого жаль. Я постараюсь васъ нынче увидѣть. Между тѣмъ увѣдомьте, какъ расположены дни экзамена.

Преданный вамъ Жуковскій.

9.

3 (15) Сентября 1841.

Зáмокъ Виллингсгаузенъ въ Гессенъ-Касселѣ.

Благодарю васъ отъ всего сердца, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, за ваше дружеское письмо. Я получилъ его въ самую минуту отъѣзда изъ Франкфурта на Майнѣ, откуда отправился въ то мѣсто, гдѣ нахожусь теперь на свиданіи съ родными жены моей. Отъ этого и не могъ отвѣчать тотчасъ. Благодарю васъ за доставленныя мнѣ извѣстія о вашемъ путешествіи. Хотя оно и должно принести вамъ нѣкоторую пользу, но эта польза конечно не стóитъ той, которую принесло бы тихое постоянное занятіе. Частная морская дѣятельность Великаго Князя, обогащающая его многими, опытными познаніями по этой особенной части, едва ли не мѣшаетъ кончить того образованія, которое необходимо ему имѣть въ его истинномъ званіи, въ званіи Великаго Князя. Но тутъ нечего дѣлать, и надобно употребить всѣ усилія, чтобы парализировать вредное вліяніе привычки къ разсѣянности, которая должна вкорениться въ немъ отъ слишкомъ ранняго вступленія на поприще дѣятельной жизни.

Мы живемъ въ такое время, въ которомъ и воспитаніе скачетъ впередъ по желѣзной дорогѣ. Въ наше время уже никто не вѣритъ

ребячеству; скоро начнутъ раждаться тридцатилѣтнія дѣти. Но вы не теряйте бодрости: почва, которую Богъ далъ вамъ разрабатывать, богатая, и изъ сѣмянъ на ней посѣянныхъ конечно большая часть не погибнетъ. Прошу васъ передать мое письмо Генералъ-Адмиралу. До сихъ поръ я былъ въ хлопотахъ перваго семейнаго обзаведенія и потому еще ничѣмъ не могъ заниматься спокойнымъ образомъ. Теперь моя жизнь входитъ въ надлежащую колею, и я надѣюсь быть точнымъ въ перепискѣ моей съ нашимъ милымъ Великимъ Княземъ. Вы будете коментаторомъ моихъ писемъ. Дай Богъ, чтобъ я могъ принести ему ими какую-нибудь пользу [8]).

Ваше дружеское поздравленіе я принялъ къ сердцу, и меня есть съ чѣмъ поздравить: я нашелъ именно то счастіе, какого жаждничало сердце. Если Богъ продлитъ мнѣ жизнь и сохранитъ жизнь моей доброй жены, добраго ангела, Имъ мнѣ даннаго, то мнѣ ничего желать не останется. Благотворенія Государя со всѣхъ сторонъ обезпечили мое смиренное свѣтлое счастіе, и всякій день живѣе чувствую то добро, которое онъ отеческою рукою мнѣ сдѣлалъ. Прошу васъ, любезный и почтенный Ѳедоръ Петровичъ, обнять за меня Кавелина [9]), обнять, если позволитъ, Юлію Ѳедоровну [10]), а если нѣтъ, пожать ей крѣпко руку; сказать мое душевное почтеніе вашей супругѣ, дружески поклониться Философову [11]), Гримму и моему доброму родственнику [12]) Гельмерсену (котораго прошу ко мнѣ написать). Особенно напомните обо мнѣ моему сердечному другу В. Б. Баженову [13]). Я помнилъ объ немъ въ важнѣйшую минуту жизни: вмѣстѣ съ женою прочиталъ я его прекрасное наставленіе, въ которомъ многое, или лучше сказать, все будетъ сокровищемъ моей домашней жизни. Я постараюсь, чтобы этотъ свѣтлый взоръ на нее часъ отъ часу становился свѣтлѣе и чтобы свѣтлое въ умѣ было столь же свѣтло на дѣлѣ. Простите; помните меня и пишите ко мнѣ. Душевно преданный вамъ Жуковскій.

---

[8]) Эти превосходныя письма Жуковскаго напечатаны Его Императорскимъ Высочествомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года.

[9]) Александра Александровича, бывшаго воспитателемъ покойнаго Государя.

[10]) Барановy, воспитательницу Великихъ Княженъ.

[11]) Алексѣю Иларіоновичу, воспитателю Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Онъ передъ тѣмъ служилъ волонтеромъ во Франціи и участвовалъ въ завоеваніи Алжира.

[12]) Гельмерсенъ приходился родственникомъ супругѣ Жуковскаго.

[13]) Духовнику Императорской фамиліи.

10.

8 Декабря 1841, Дюссельдорфъ.

Благодарю васъ, мой безцѣнный Ѳедоръ Петровичъ, за ваше дружеское письмо. Вашъ эпистолярный слогъ такъ похожъ на вашъ слогъ словесный, что, читая это письмо, я какъ будто слышалъ вашъ голосъ, и мнѣ казалось, что я не на Рейнѣ, а на Невѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, тамъ, гдѣ началась и кончилась главная дѣятельность жизни, гдѣ прошли замѣчательнѣйшіе годы ея, гдѣ столько времени сосредоточивались всѣ привязанности сердца и гдѣ я часто бываю воспоминаніемъ. Мнѣ весело думать, что и обо мнѣ воспоминаніе тамъ не умерло; мнѣ дорого, чрезвычайно дорого сохранить его. Надѣюсь, что вашъ Питомецъ его сбережетъ мнѣ и что вы съ своей стороны поможете быть ему живущимъ у него въ сердцѣ. На вашу дружбу полагаюсь твердо: между нами никогда стѣны не бывало, и теперь никакой незваный архитекторъ ея между нами не построитъ.

Увѣдомите, какъ вы встрѣтили новый годъ, весело ли, здорово ли и что̀ при этой встрѣчѣ было съ вами и около васъ? Я встрѣтилъ его по новому стилю въ *своей семьѣ* и черезъ четыре дни повторю эту встрѣчу по старому домашнему стилю; встрѣтилъ мирно и ясно, довольный настоящимъ и благодаря Бога за прошедшее. Жребій, доставшійся мнѣ, точно такой, какого я желалъ. Не желая въ судьбѣ своей перемѣны, прошу Бога продлить мнѣ жизнь, дабы я могъ ею воспользоваться въ Его смыслѣ, не прибавляя къ ней никакого новаго блага, а сохранивъ мнѣ то, что́ Самъ Онъ мнѣ даровалъ. Мнѣ весело въ тоже время думать, что для дарованія этого добра избрана была свыше рука мнѣ любезная: все что́ имѣю теперь, есть благотвореніе тѣхъ, кому вся жизнь посвящена была съ любовью. Есть величайшее наслажденіе въ этомъ сліяніи собственнаго счастія съ воспоминаніемъ драгоцѣннымъ душѣ.

Прошу васъ, мой любезный прежній сотрудникъ, передать приложенныя письма по адресамъ. Не отвѣчаю на главное содержаніе письма вашего, ибо это не нужно: мы согласны въ мысляхъ (на счетъ спеціальности); мы ихъ только выразили *разными* словами. Но впередъ напишу болѣе. Теперь хотѣлъ только безъ дальнихъ словъ пожелать вамъ счастія на новый годъ. Передайте мое желаніе и поздравленіе вашей супругѣ. При этомъ прошу васъ поздравить отъ меня Юлію Ѳедоровну Баранову, Анну Алексѣевну Окулову [11]), Гиг-

---

[11]) Анна Алексѣевна Окулова находилась при воспитаніи Ея Величества Королевы Виртембергской Ольги Николаевны. Это была женщина большаго образованія и ума, разумѣется терпѣвшая отъ тогдашней слишкомъ иноземной обстановки двора. Сколько намъ извѣстно, послѣ нея остались памятныя Записки. П. Б.

генботомъ Софью Ивановну [15]). Чтò дѣлаетъ мой Гриммъ? Прошу васъ ему обо мнѣ напомнить. Неужели онъ ни разу ко мнѣ не напишетъ?—Простите, любезный другъ; скоро буду писать еще. А былъ бы мнѣ большой подарокъ, когда бы Великій Князь прислалъ мнѣ свой портретъ, когда бы тоже сдѣлали и младшіе Великіе Князья. Чтò значитъ вамъ маленькой листокъ акварели?

11.

Получено 10 (22) Ноября, отв. 3 (15) Декабря.

Благодарю васъ за дружеское письмо ваше, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ. Читая его, я какъ будто васъ самихъ видѣлъ передъ собою, слышалъ вашъ голосъ, видѣлъ ваши жесты и былъ съ вами въ Царскомъ Селѣ, на прежнемъ моемъ мѣстѣ, о которомъ, въ чужѣ, вспоминаю съ особеннымъ чувствомъ. При всѣмъ своихъ трудностяхъ и при многихъ тяжкихъ минутахъ, это время имѣло такъ много полноты, въ немъ было такъ много жизни! Не могу жалѣть о томъ, что я сошелъ съ прежней моей дороги, ибо каждая дорога должна имѣть свой конецъ; но часто люблю возвращаться на нее воспоминаніемъ. Ваше письмо на минуту выманило меня изъ моего семейнаго уголка; но, можетъ быть, отыскивая васъ и вашу учебную горницу, я ошибся дорогою; можетъ быть, теперь когда половина Наслѣдника очистилась, вы всѣ размѣщены иначе. Желалъ бы знать, чтò у васъ лѣтомъ дѣлалось, какъ жили въ Царскомъ Селѣ и пр.; но вы на это будете отвѣчать: *старое по старому*. До мелочныхъ подробностей вы не охотникъ, и вы правы; но въ далекѣ, на чужѣ, и крошки, упавшія съ семейнаго стола, суть лакомый кусокъ.

Я же не могу служить вамъ съ своей стороны никакими Европейскими вѣстями, ибо живу не въ Европѣ, а у себя дома, и въ этотъ маленькой домикъ мой почти никто посторонній, кромѣ семейства жены, не входитъ. Дюссельдорфъ непривлекателенъ ни своей внутренностію (съ здѣшнимъ обществомъ я мало познакомился), ни своими окрестностями, которыя можно назвать предисловіемъ къ плоской Голландіи. Одно здѣсь имѣетъ большую значительность—академія живописи; а я люблю искусство и отъ времени до времени съ участіемъ навѣщаю рабочія здѣшнихъ живописцевъ, между которыми есть

---

[15]) *С. И. Гиггенботомъ* (Giggenbottom) была воспитательницею Великой Княжны Александры Николаевны послѣ Юліи Васильевны Браунъ (Литке).

отличные во всѣхъ родахъ живописи. Но особенно я живу здѣсь для родныхъ жены; собственно для себя не выбралъ бы никогда Дюссельдорфа, гдѣ и въ экономическомъ отношеніи жить невыгодно. Но я не даю баловъ, не принимаю къ себѣ никого, слѣдственно могу здѣсь и экономизировать. И это послѣднее обстоятельство заставитъ меня (при вышеозначенной причинѣ) прожить здѣсь долѣе, ибо здѣсь на просторѣ надобно мнѣ устроить свою жизнь въ Россіи. О жизни въ Петербургѣ мнѣ думать нельзя: дорого! Надобно придумать, приготовить и устроить на чужѣ, гдѣ и какъ жить на родинѣ. Теперь же надобно еще съ большею заботливостію думать о будущемъ; черезъ нѣсколько дней, если Богъ позволитъ, семейство мое умножится. Когда будете читать это письмо, у меня на рукахъ вѣроятно будетъ уже или сынъ или дочь; тогда помолитесь за насъ Богу, дабы сохранилъ намъ то, чего теперь ожидаю отъ Его милосердія и чтò тогда уже даровано будетъ.

Но я слишкомъ разболтался о себѣ. Долженъ теперь поблагодарить васъ за подробности о Великомъ Князѣ. Радуюсь несказанно, что, наконецъ, тѣломъ вышелъ онъ изъ малютокъ. Можетъ быть, это будетъ имѣть вліяніе и на его нравственное развитіе. Ваша правда, въ письмахъ его есть какая-то незрѣлость, несоотвѣтствующая ни его теперешнимъ лѣтамъ, ни его теперешнимъ знаніямъ: еще видѣнъ въ немъ большой недостатокъ этого внутренняго самобытнаго стремленія, которое всему даетъ жизнь. Онъ знаетъ, потому что его учатъ; онъ работаетъ или, лучше сказать, принимаетъ хорошо то, чтò ему даютъ, потому что имѣетъ врожденное любопытство и живость ума; но въ немъ нѣтъ довольно любви, и то, чтò онъ пріобрѣтаетъ, не становится еще собственностію души, а похоже на всякую другую матеріальную собственность, которую мы можемъ назвать своею потому только, что бережемъ ее въ своемъ ларцѣ за ключемъ. Надѣюсь, что это скоро перемѣнится. Я нисколько не противорѣчу вашимъ морскимъ поѣздкамъ: онѣ здоровы для тѣла и для ума во многихъ отношеніяхъ. Въ моемъ прежнемъ письмѣ я только выразилъ боязнь на счетъ *односторонности*. Еще знаете ли чего могу бояться? Именно этой привычки къ *военной* покорности. Изъ понятія о покорности военной можетъ составиться весьма ложное понятіе о законности; такое понятіе въ головѣ царскаго питомца бѣда и гибель. Дисциплина есть совершенная противуположность законности. Она есть драгоцѣнный перлъ военной службы, безъ нея нѣтъ и не можетъ быть арміи; но сохрани Богъ государство отъ законности, составленной по образу и подобію дисциплины военной: тогда прощай справедливость и правда! Но объ

этомъ хорошо говорить на словахъ, а говорить на письмѣ значило бы рѣшиться написать цѣлый волюмъ. A bon entendeur demi-mot [16]). Я знаю напередъ, что отъ васъ такой смѣси въ понятіяхъ Великаго Князя произойти не можетъ; но.... я хотѣлъ только выразить *свое* мнѣніе.

Я видѣлъ тѣнь Гримма, но былъ однако доволенъ своимъ съ нимъ свиданіемъ. Вода конечно ему сдѣлала добро; но боюсь, чтобы зима не испортила того, что́ поправило лѣто. Я знаю это по себѣ: два раза въ подобныхъ обстоятельствахъ я покидалъ Россію, и всякой разъ оставался на зиму за границею, и всегда послѣ втораго курса возвращался совершенно исцѣленный. Я бы заставилъ и Гримма пробыть зиму за границею; но онъ на это никакъ не могъ рѣшиться. Желаю сердечно, чтобы онъ не повредилъ себѣ совершенно и путешествіемъ въ теперешній холодъ, и нашею крутою зимою.

Простите, любезный Ѳедоръ Петровичъ; скажите мое почтеніе вашей супругѣ и всѣмъ моимъ добрымъ друзьямъ и пріятелямъ, живущимъ подъ одною съ вами кровлею. Особенно прошу пожать за меня руку Юліи Ѳедоровнѣ и обнять нашего почтеннаго Василія Борисовича Баженова. Скажите мой дружескій поклонъ А. И. Философову и С. А. Юрьевичу. Скажите Олсуфьеву [17]), что я при семъ случаѣ послалъ бы ему братское объятіе, но не могу этого сдѣлать, потому что онъ еще не отвѣчалъ на послѣднее письмо мое. Вашъ Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 27 Октября
(8 Ноября) 1842.

12.

Получено около 22 Ноября (1842). Отв. 3 Декабря стар. ст.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ. Обнимая васъ отъ всего сердца, скажу вамъ, что Богъ благословилъ меня дочкою [18]); порадуйтесь за меня. Все идетъ благополучно. Жена и дочь здоровы. Объявите о случившемся со мною всѣмъ нашимъ общимъ друзьямъ, живущимъ подъ кровлею Зимняго Дворца и сохраняющимъ обо мнѣ добрую память. Особенно рекомендую милую мою дочку Юліи Ѳедоровнѣ, которую прошу за меня ее рекомендовать Адлербергу, дорогой М. Васильевнѣ [19]) и моему старому пріятелю В. Д. Олсуфьеву. Прошу С. А. Юрьевича принять ее въ свою милость. Дружески жму вашу руку.

Жуковскій.

---

[16]) Кто хорошо слушаетъ, тому достаточно полуслова.
[17]) Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ и графъ. П. Б.
[18]) Александрою Васильевною, нынѣ баронессою Вёрманъ. П. Б.
[19]) Марьѣ Васильевнѣ, супругѣ графа В. Ѳ. Адлерберга. П. Б.

13.

Отк. 3 (15) Янв. 1848.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, за дружеское письмо ваше; мнѣ весело знать, что вы меня по старому помните. На застой же нашей переписки не могу сѣтовать: ваша жизнь была слишкомъ хлопотлива въ послѣднее время, чтобы имѣть вамъ время для писемъ; а я всегда былъ и буду лѣнивецъ на письма. Великому же Князю пѣняю и имѣю право пѣнять за то, что онъ не отвѣчалъ мнѣ на мое послѣднее письмо: оно писано въ важную минуту его жизни; въ немъ не однѣ поздравительныя фразы, а голосъ изъ сердца, на который его сердцу надлежало бы откликнуться. Мнѣ это не могло не быть больно, и именно потому, что я искренно къ нему привязанъ. Но я не злопамятенъ, и это мнѣ тѣмъ легче въ настоящемъ случаѣ, что я знаю его добрую, способную любить душу, въ которой мнѣ всегда сохранится мое мѣсто.

Теперь скоро ваша Одиссея кончится, и вы, наконецъ, воротитесь на покой. Я говорю однако это съ горемъ и съ глубокимъ участіемъ въ тѣхъ печаляхъ, которыя испытали вы по волѣ Божіей въ послѣднее время. Для такихъ горестей земныхъ утѣшеній нѣтъ: счастливъ тотъ, кто можетъ прислушиваться къ утѣшеніямъ высшимъ. Они вамъ нечужды.

О себѣ немного могу сказать вамъ особенно и новаго. Кто спрятался въ пріютъ домашней жизни, у того мало въ запасѣ матеріаловъ для интереснаго разсказа. Мой же разсказъ будетъ и невеселый. Я много въ послѣднее время испыталъ тревогъ отъ болѣзни моей жены. Кажется, теперь есть надежда на лучшее послѣ шестинедѣльнаго леченія въ Эмсѣ. Что-то намъ дастъ зима! Если Богъ поможетъ женѣ стать совсѣмъ на ноги, то будущей весною привезу ее въ Петербургъ; если же болѣзнь продолжится, то пріѣду одинъ. И такъ во всякомъ случаѣ до свиданія. Всѣмъ сердцемъ обнимаю васъ.

Преданный вамъ Жуковскій.

1847 Октября 7-го н. ст.
Дармштадтъ.

14.

9 (20) Октября 1848. Баденъ-Баденъ.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, за ваше любезное письмо и за вашу дружескую досаду, что я не возвратился въ Россію. Это мнѣ самому болѣе нежели кому нибудь досадно и не потому только, что я не на родинѣ, но и особенно по той причинѣ, которая держитъ меня здѣсь на цѣпи уже болѣе трехъ лѣтъ: болѣзнь бѣдной жены моей. А каково въ такихъ обстоятельствахъ жить здѣсь на волканѣ, этого пересказать вамъ не умѣю. У васъ между тѣмъ, не смотря на злую холеру, не смотря на нѣкоторыя частныя бѣды отъ пожаровъ и неурожая, все покойно. На Руси того быть не можетъ, что̀ здѣсь въ очахъ совершается; и можно сказать, что если мы воспользуемся уроками чужой исторіи, основываясь на совѣтахъ нашей Русской исторіи, въ которой заключается все наше настоящее и наше будущее, то теперь настало время, въ которое Россія вступить можетъ въ свой особенный, никакой посторонней силою не опредѣленный путь, путь самобытнаго, твердаго, всеобщаго развитія, извлекаемаго изъ собственныхъ безчисленныхъ средствъ и котораго результатомъ будетъ наша собственная прочная сивилизація, не та сивилизація, которой теперь плоды мы видимъ: разрушеніе всякаго общественнаго, нравственнаго и политическаго порядка (ибо эта сивилизація сдѣлалась вдругъ ренегатомъ), а *наша* сивилизація, основанная на правилахъ вѣчнаго порядка, на уваженіи святаго, которое такъ еще живо и неприкосновенно въ коренномъ Русскомъ народѣ. Эта мысль служитъ великимъ утѣшеніемъ посреди того печалящаго душу хаоса, который меня здѣсь окружаетъ. Германія и вся Европа (выключая Сѣверъ, т.-е. Англія и Швеція и нашъ необъятный Востокъ, но я уже не причисляю Россію къ Европѣ: это особый отдѣльный міръ, шестая часть свѣта) Европа кажется мнѣ отжившимъ, еще не совсѣмъ мертвымъ тѣломъ, но въ которомъ всѣ соки испортились. Пока не было опредѣленной болѣзни, жизнь механически продолжалась; вдругъ оказалась локальная болѣзнь (Французскій послѣдній взрывъ), началось всеобщее разложеніе тѣла; теперь, что̀ ни дѣлай, какъ не лечи, не вылечишь: это не болѣзнь, а разрушеніе. Да и опытныхъ, знающихъ дѣло свое, лекарей нѣтъ. Правительства сами заражены тою же болѣзнію: страшная трусость всѣми властвуетъ; не знаютъ на что рѣшиться, а если и знаютъ, не смѣютъ. А тѣ, которые вызвались лечить и спасать (этотъ безумный Франкф. Парламентъ, составленный изъ профессоровъ, надменныхъ теористовъ, для

которыхъ никакой опытъ непросвѣтителенъ, изъ адвокатовъ, привыкшихъ продавать правду и изъ совершенныхъ невѣждъ, которые только составляютъ шифръ, усиливающій ту или другую партію), эти самозванцы-лекаря, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, только толкуютъ о томъ *какъ* дѣйствовать, начинаютъ учиться съ азбуки въ то время, когда бы надобно быть уже вооруженными съ головы до ногъ, быть готовыми къ бою, зная на опытѣ всѣ тайны стратегіи. Чего тутъ ждать? На тинѣ дóма не построишь, хотя бы и былъ въ рукахъ планъ превосходный; но и этого превосходнаго плана нѣтъ, а по тому плану, который у нихъ передъ глазами, и на гранитѣ построишь только развалины. Таковы плоды сивилизаціи, изъ которой вдругъ выгнали Бога и Его созданія: исторію, законную власть и покорность власти, въ которой хранится прямая свобода. Теперь же подъ именемъ *свобода* проповѣдуется *личная* независимость, которой синонимъ есть *общая* анархія.

Возвращаюсь къ вамъ. Наконецъ, нашъ Великій Князь вступилъ въ новой путь жизни, въ путь счастія земнаго и строгихъ испытаній Божіихъ: такова семейная жизнь. Помоги Богъ ему понять ея глубокое значеніе. Я писалъ къ нему въ самый день его бракосочетанія изъ Бадена, узнавъ *случайно*, что этотъ день (30 Августа) былъ назначенъ для этого Русскаго праздника. Такимъ образомъ хотя *воображеніемъ* я могъ быть съ нимъ въ ту минуту, когда надъ нимъ произносилось благословеніе свыше. Но могу сказать вамъ, какъ мнѣ жаль, что я не могъ быть съ вами *на лицо*: сколькихъ драгоцѣнныхъ (радостныхъ и печальныхъ) минутъ лишило меня мое столь долгое удаленіе изъ Россіи! Я столько времени жилъ всею душою въ семействѣ царскомъ, все съ ними дѣлилъ, а теперь отъ всего въ сторонѣ. Правда, я заключился въ предѣлахъ своего собственнаго семейства, и этотъ переходъ въ новую жизнь произошелъ въ ту минуту, какъ *вся* моя прежняя дѣятельность кончилась, жизнь переломилась на-двое; но привычкою и всѣми возможными привязанностями сердца я все съ ними. Для нихъ же я, конечно, какъ улетѣвшая тѣнь. Грустно бываетъ при мысли, что могу быть забытъ тѣми, для кого жилъ сердцемъ. Это однако говорю болѣе о нашемъ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ: мой несравненный Великій Князь Наслѣдникъ по сію пору былъ моимъ добрымъ ангеломъ; онъ такимъ и останется. Но Константинъ Николаевичъ меня рѣшительно забылъ... Я все знаю, какъ онъ добръ, какъ онъ милъ, какъ онъ уменъ, какъ онъ много добра обѣщаетъ нашему отечеству, и я живу про себя капиталомъ той привязанности, которую къ нему имѣю, и на который хотя не получалъ въ

послѣдніе сроки законныхъ процентовъ, но который остался *весь*, нетронутъ, и я не опасаюсь банкротства.

Благодарю васъ за доброе слово о моей Одиссеѣ. Признаюсь, люблю самъ эту дочку мою, прижитую подъ старость съ Музою Гомера: это мой самый отдѣланный, самый совѣстливый трудъ. Вы понимаете, что въ 65 лѣтъ можно о самомъ себѣ говорить, какъ о постороннемъ. Жаль, что вы не указали мнѣ тѣхъ стиховъ, въ которые попали лишнія стопы или въ которыхъ недостаетъ стопъ; я увѣренъ, что такихъ стиховъ болѣе десятка отыщется: многіе отыскалъ я самъ. Но весьма легко сдѣлать такую ошибку въ экзаметрахъ; ибо метръ, самъ по себѣ ощутительный, легко пропадаетъ въ цѣломъ. Вамъ бы легко было означить эти стихи, они всѣ номерованы; означили бы только *пѣснь* и *стихъ пѣсни.* Пришлите ихъ съ первымъ курьеромъ.

Я переселился въ Баденъ изъ Франкфурта, въ которомъ теперь, послѣ прежняго покоя, сосредоточилась общая буря. Въ Баденѣ покойнѣе; но я здѣсь не для покоя, а для больной жены, которую передалъ Гуггерту. Могу сказать: *сижу у моря и жду погоды.* Того и гляди, что кругомъ все загорится. Но на это воля Божія: неизбѣжимое должно принимать съ покорностію, безъ ропота и страха. И этому Богъ же поможетъ. Если же будетъ какой-нибудь покой, если здоровье жены пойдетъ лучшимъ путемъ, если не схватитъ насъ вихорь революціи или войны междоусобной, въ эти зимніе мѣсяцы постараюсь кончить Одиссею; большая часть XIII-й пѣсни переведена урывками.

Прощайте, мой любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ; благоденствуйте на Святой Руси подъ сильнымъ покровомъ Русскаго Бога, за крѣпкою стѣною Русскаго историческаго самодержавія, и молите Бога, чтобы помогъ мнѣ добраться до вашего пріюта, высвободившись изъ когтей Нѣмецкаго чорта, изъ тюремныхъ подваловъ Нѣмецкой кабашной свободы.

Вашъ Жуковскій.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ПАВЛОВСКѢ 27-го ІЮЛЯ 1814 ГОДА.

Въ недавно вышедшемъ изданіи сочиненій К. Н. Батюшкова (Спб. 1887), біографъ поэта, Л. Н. Майковъ, разсказывая объ участіи К. Н. Батюшкова въ сочиненіи стиховъ, пѣтыхъ въ Павловскѣ 27-го Іюля 1814 г. по случаю торжества въ честь возвращенія императора Александра I-го изъ-за границы послѣ взятія Парижа, замѣчаетъ, что текстъ представленной въ то время піесы не былъ напечатанъ и не сохранился. Вотъ слова біографіи, относящіяся къ этому обстоятельству: «Пріѣздъ Батюшкова (изъ Парижа черезъ Швецію въ Петербургъ, въ Іюлѣ 1814 года) предшествовалъ нѣсколькими днями прибытію императора Александра. Восторженный пріемъ ожидалъ возвращенія миротворца Европы въ столицѣ. Посѣщеніе Государемъ Павловска императрица Марія Ѳеодоровна пожелала ознаменовать особымъ праздникомъ, который и состоялся 27-го Іюля. Устройство праздника и главнымъ образомъ приготовленіе хоровъ и лирическихъ сценъ, которыя предполагалось исполнить, Императрица возложила на Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Спѣшность дѣла и неудача первыхъ попытокъ очень затрудняли его, и онъ чрезвычайно обрадовался пріѣзду Батюшкова и поручилъ ему сочиненіе стиховъ. Еще не отдохнувъ съ дороги и уже застигнутый нездоровьемъ, Константинъ Николаевичъ не могъ отказаться отъ предложенія». Императрица сама наблюдала за сочиненіемъ заказанной ею піесы, которая въ стихотворной своей части вызывала по отношенію къ музыкѣ многія затрудненія, вслѣдствіе которыхъ композиторы, готовившіе музыку къ стихамъ и музыканты, наблюдавшіе за ихъ пѣніемъ, требовали частыхъ измѣненій въ текстѣ. Но «изъ писемъ Императрицы къ Нелединскому видно, что нѣкоторыя измѣненія дѣлались не только по требованію капельмейстера, но и по ея собственнымъ указаніямъ. Праздникъ, разумѣется, имѣлъ полный успѣхъ, и по словамъ поэта,

актеры удачно исполнили сочиненныя имъ сцены. Къ сожалѣнію, текстъ ихъ не былъ напечатанъ въ свое время и не сохранился. Императрица пожаловала автору бриліантовый перстень, который онъ тотчасъ же отослалъ своей младшей сестрѣ» [1]).

Въ письмахъ самого Батюшкова къ его сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ мы встрѣчаемся съ слѣдующими подробностями о помощи, которую онъ оказалъ Нелединскому-Мелецкому въ сочиненіи стиховъ для торжества, о которомъ идетъ рѣчь, и о полученномъ за стихи подаркѣ. Въ Августѣ онъ пишетъ изъ Петербурга: «Посылаю Варенькѣ бриліантовый перстень, у сего приложенный. Онъ годится ей въ приданое. Передѣлывать его можетъ, какъ хочетъ, а у меня на это теперь денегъ не достало. Дай со временемъ коммиссію Барановымъ: у нихъ вѣрно есть знакомые мастера. Но откуда этотъ перстень? Подарокъ Государыни Маріи Θеодоровны. За что? Выслушай. Но не воображай себѣ, какъ деревенщины воображаютъ, чтобъ это была какая-нибудь отличная милость. По пріѣздѣ моемъ сюда меня больнаго навѣстилъ Ю. А. Нелединскій и уговорилъ меня написать по данной имъ программѣ маленькую драму для праздника въ Павловскомъ. Трудно было отговориться: старикъ былъ такъ ласковъ и убѣдителенъ. Я намаралъ, какъ умѣлъ; піесу играли; описаніе оной найдешь ты въ «Сѣверной Почтѣ» и въ «Инвалидѣ, которыхъ издатели выхвалили меня до небесъ, полагая, что піесу сочинилъ по крайней мѣрѣ какой-нибудь сенаторъ. Къ несчастію я спѣшилъ: то убавлялъ, то прибавлялъ по словамъ капельмейстера и, вопреки моему усердію, кажется, написалъ не очень удачно; но актеры ее удачно играли, и Государыня прислала мнѣ этотъ перстень черезъ Юрія Александровича. Вотъ исторія перстня, который я отдалъ Варенькѣ, съ тѣмъ, чтобы она носила на память отъ брата. Купить такого подарка я не въ состояніи, но продать и выручить за него 700 или 800 рублей — не стоитъ труда и будетъ безъ пользы: деньги пройдутъ какъ дымъ. Пусть лучше это повеселитъ сестру» [2]).

Дополнимъ эти извѣстія подробностями, заимствованными изъ переписки князя Петра Андреевича Вяземскаго. Упоминая объ ожиданіи Государя изъ-за границы и о томъ, что Императрица готовитъ Его Величеству встрѣчу и праздникъ въ Павловскѣ, Нелединскій-Мелецкій, въ одномъ письмѣ къ князю Вяземскому, прибавляетъ: «Меня было нарядили дѣлать куплеты и нѣсколько рѣчей; это мнѣ была боль-

---

[1]) Сочиненія К. Н. Батюшкова (С.-Пет. 1887 г., Т. I, въ статьѣ о жизни и сочиненіяхъ его, стр. 181—182).

[2]) Тамъ же, Т. III, стр. 289.

шая забота и по старости моей, и по душевному расположенію, но къ счастію подъѣхалъ сюда Константинъ Николаевичъ Батюшковъ; я ему въ ноги, и онъ имѣлъ снисхожденіе меня отъ этого труда избавить. Еще ничего сдѣланнаго не видалъ, но увѣренъ, что будетъ хорошо» [3]). Наконецъ, въ письмѣ Нелединскаго къ его дочери, княгинѣ А. Ю. Оболенской отъ 19 Іюня 1814 г. изъ Павловска, помѣщенномъ въ «Хроникѣ недавней старины, изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго» (С.-Пет. 1876, стр. 208—211), мы находимъ слѣдующія предположенія объ устройствѣ драматическаго представленія.

«22-го Іюля будетъ праздникъ въ Петергофѣ, а 26-го здѣсь. Около семи часовъ въ линейкахъ изъ дворца поѣдутъ въ Розовый Павильонъ, къ которому пристроили залу въ восемь квадратныхъ саженъ, то-есть величиною съ самый павильонъ. На дорогѣ, ведущей туда, будутъ двое воротъ изъ зелени съ надписью на однихъ изъ нихъ стиховъ изъ оды дѣвицы Буниной:

Тебя, грядущаго къ намъ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ.

При приближеніи Императора будутъ пѣть мои куплеты, музыка Бортнянскаго. На слѣдующихъ воротахъ, увѣшанныхъ лавровыми вѣнками, пропоютъ четверостишіе князя П. А. Вяземскаго, музыка тоже Бортнянскаго. Потомъ войдутъ въ Розовый Павильонъ, по четыремъ сторонамъ котораго будутъ четыре возраста, показывающіеся одинъ за другимъ. Тутъ исполнены будутъ сцены, состоящія изъ пѣнія и танцевъ. Музыка Кавоса и Антонолини, декораціи Гонзага, костюмы Русскіе. Проза и стихи этихъ сценъ сочинены Батюшковымъ, который къ счастію для меня прибылъ сюда нарочно къ этому случаю. Досадно, что не могу ихъ вамъ прислать. Единственный экземпляръ находится въ рукахъ актеровъ» [4]).

По всей вѣроятности, этотъ самый единственный экземпляръ, а можетъ быть и одна изъ послѣдующихъ его копій, сохранился въ бумагахъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, отъ котораго перешелъ къ его дочери А. М. Веневитиновой, моей матери. Въ принадлежавшемъ ей альбомѣ находится вклеенная тетрадь, озаглавленная: «Собраніе хоровъ пѣтыхъ и сценъ представленныхъ въ Павловскѣ Іюля 27-го дня 1814 года». Тетрадь эта писана повидимому писарской рукою на 24 страницахъ въ четверку, и любопытная особенность ея

---

[3]) „Русск. Архивъ, 1866 г., стр. 886. Письма Нелединскаго, касающіяся Павловскаго торжества, см. также на стр. 887—889.

[4]) Сравни „Павловскъ 1777—1877, очеркъ исторіи и описаніе“, стр. 168—169.

заключается въ томъ, что въ драматическомъ представленіи, состоящемъ изъ діалоговъ, куплетовъ, хоровъ и кантатъ, означено имя сочинителя при каждой принадлежащей ему піесѣ. Сочинителями этими были: Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, князь П. А. Вяземскій, К. Н. Батюшковъ, Г. Р. Державинъ и П. А. Корсаковъ; кромѣ того, первый куплетъ въ хорѣ пѣтомъ у первыхъ воротъ къ Розовому Павильону и сочиненномъ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, по собственному сознанію послѣдняго [5]), принадлежалъ знаменитому исторіографу Н. М. Карамзину [6]).

Мы уже видѣли, что тема, данная Батюшкову для разработки, заключалась въ изображеніи привѣта возвратившемуся Императору отъ лица представителей четырехъ возрастовъ человѣческой жизни. Нелединскій-Мелецкій въ этомъ случаѣ воспользовался старою своею мыслію, которую онъ примѣнилъ еще въ 1797 году на праздникѣ, данномъ въ томъ же Павловскѣ для встрѣчи возвратившагося изъ путешествія императора Павла. Тогда онъ сочинилъ слѣдующую піесу, слова которой были положены на музыку Бортнянскимъ.

Отроки.

Власти мудрой мы подъ сѣнью,
Музъ любовію горимъ.
Посвятясь трудамъ, ученью,
Возмужаемъ—плодъ явимъ.
О, когда усердью равны
Силы мы въ себѣ найдемъ!
Всѣ мы, въ Павловы дни славны,
Нашихъ предковъ превзойдемъ.

Юноши.

Отроковъ и старцевъ болѣ
Суждено намъ въ счастьи жить.
Всѣ ревнуйте нашей долѣ;
Мы готовѣй всѣхъ служить.
Въ благѣ нашемъ нѣтъ препоны,
И съ душой уста рекутъ:
Павловъ мечъ, его законы,
Къ славѣ истинной ведутъ.

---

[5]) „Русск. Архивъ", 1866 г., стр. 886.

[6]) Въ книгѣ „Павловскъ, 1777—1877" (стр. 170) названъ въ числѣ авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи стиховъ и піесы, еще М. Е. Лобановъ.

Воины.

Къ брани Павломъ ополченны
Выю гордыхъ сокрушимъ.
Повелитъ? И въ край вселенны
Знамена его промчимъ.
Царской воли исполненье
Цѣль желаній нашихъ всѣхъ;
Гласъ его, его воззрѣнье—
Знакъ для насъ побѣдъ, утѣхъ.

Старики.

Въ счастливой минуемъ долѣ,
Позабывъ преклонность лѣтъ,
Зримъ щедроту на престолѣ,
И нашъ снова вѣкъ цвѣтетъ [1].
Времени намъ бѣгъ нестрашенъ,
Каждый шагъ намъ къ счастью шагъ.
Вечеръ нашихъ дней украшенъ
Утромъ новыхъ Россамъ благъ.

Общій хоръ.

Россы, изъявимъ согласно
Общій нашъ къ Монарху жаръ!
Всѣ воскликнемъ велегласно:
Онъ небесъ намъ щедрый даръ.

Старики.

Судъ имъ праведный хранится.

Отроки.

Сирый въ немъ защиту зритъ.

Юноши.

Слабый сильнымъ не тѣснится.

Воины.

Павловъ взоръ на всѣхъ открытъ.

Куплеты.

Въ войскѣ и въ судахъ устройство,
Процвѣтаніе наукъ,

---

[1]) „И нашъ снова вѣкъ цвѣтетъ"—льстивый намекъ на Павла въ сравненіи съ предшествовавшимъ царствованіемъ Екатерины.

Изобиліе, спокойство —
Даръ то Павловыхъ рукъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу—въ честь себѣ!
Къ міру простирая длани,
Изощренный мечъ несетъ;
Да врагу коварну въ брани
Судъ и милость изречетъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу—въ честь себѣ.
Сладкій миръ предпочитаетъ
Славѣ звучныхъ онъ побѣдъ,
Духъ геройскъ въ себѣ смиряетъ,
Чтобъ спасти людей отъ бѣдъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу—въ честь себѣ! [8])

Куплеты, которыми оканчивается привѣтствіе Павлу, по размѣру стиховъ совершенно соотвѣтствуютъ словамъ того Польскаго, который былъ сочиненъ Нелединскимъ-Мелецкимъ для бала 27-го Іюля 1814 г. Музыка къ тѣмъ и другимъ стихамъ, по всей вѣроятности, была заимствована изъ знаменитаго Польскаго временъ Екатерины II-й: «Громъ побѣды раздавайся».

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія вышеупомянутой тетради, напомнимъ читателямъ, что празднество 27-го Іюля 1814 г. и приготовленія къ нему довольно подробно разсказаны въ описаніи города Павловска съ его столѣтнею исторіею, изданномъ въ 1877 г. по повелѣнію Великаго Князя Константина Николаевича [9]). Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, помѣщенныя въ этой книгѣ, свидѣтельствуютъ о вліяніи ея личнаго вкуса на характеръ піесы, сочиненной Батюшковымъ. Въ характерѣ этомъ весьма рельефно отражается сентиментализмъ, господствовавшій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Стремленіе вѣнценосныхъ мечтателей конца XVIII вѣка убѣгать отъ придворной роскоши въ искусственную простоту сельской жизни имѣло послѣдствіемъ созданія Тріаноновъ въ Версали, Сансуси въ Берлинѣ и фермъ въ царскихъ садахъ въ окрестностяхъ Петербурга. Основаніе въ Павловскѣ Швейцарскихъ хижинъ, Розоваго Павильона

---

[8]) Стихи эти напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Нелединскаго-Мелецкаго: Смирдинскомъ 1850 г., (стр. 91) и 1876 г. (стр. 85—88). Обозначенный нами курсивомъ стихъ: *„Даръ то Павловыхъ рукъ“* противозвучитъ всѣмъ правиламъ стихосложенія.

[9]) Павловскъ, 1777—1877. С.-Петербургъ, 1877 (стр. 168—182).

и въ Гатчинѣ Пріората указываетъ также на эпоху стремленія къ скромности и простотѣ въ жизни двора. Эти черты придворнаго быта тѣсно связаны также съ тою модою временъ первой имперіи во Франціи, которая заключалась въ примѣненіи къ современности началъ древней классической миѳологіи и алегорической символики. Павловскій паркъ былъ наполненъ памятниками, бесѣдками, статуями, которыми императрица Марія Ѳеодоровна платила дань господствовавшей въ то время сентиментальности. Такъ какъ Государыня являлась главнѣйшею устроительницею празднества 27-го Іюля 1814 г., то ея личные вкусы и пристрастія имѣли значительную долю вліянія на тотъ характеръ сентиментальной алегоріи, которая замѣтна въ піесѣ, сочиненной Батюшковымъ по порученію Нелединскаго-Мелецкаго. Батюшковъ имѣлъ задачею, собственно говоря, только развить, частью въ формѣ діалога и частью въ стихахъ, ту основную идею, которая была дана ему Нелединскимъ, а послѣднимъ заимствована изъ своего же произведенія 1797 года. Очень можетъ быть, что заимствованіе это было указано самою Императрицею, литературнымъ вкусамъ которой оно должно было вполнѣ соотвѣтствовать. Основная идея піесы была въ подробностяхъ развита также Маріею Ѳеодоровною, которая вела даже по этому поводу дѣятельную переписку съ Нелединскимъ [10]). Наконецъ, потребности сочинителей музыки и капельмейстера связывали автора стиховъ условіями ихъ размѣра, стихосложенія и размѣщенія среди діалоговъ, написанныхъ прозою. Всѣ эти соображенія опредѣляютъ долю участія Батюшкова въ сочиненіи піесы и почти ограничиваютъ ее ролью версификатора, передающаго чужія мысли. Чтобы покончить съ этими предварительными замѣчаніями, укажемъ, что изъ всего, помѣщеннаго въ «Собраніи хоровъ пѣтыхъ и сценъ, представленныхъ въ Павловскѣ Іюля 27-го дня 1814 года», не было до сихъ поръ напечатано лишь то, что̀ принадлежитъ перу Батюшкова и Корсакова; все же остальное, написанное Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ Вяземскимъ и Державинымъ, вошло въ полныя изданія ихъ сочиненій и большею частью воспроизведено въ указанной нами книгѣ о Павловскѣ [11]).

Вслѣдъ за «Собраніемъ хоровъ и сценъ», мы приводимъ нѣкоторыя дополнительныя примѣчанія и считаемъ нелишнимъ помѣстить подлинное описаніе торжества 27-го Іюля 1814 г., изъ «Русскаго Ин-

---

[10]) См. „Павловскъ“, въ указанномъ мѣстѣ.

[11]) Въ книгѣ „Павловскъ“ хоръ, сочиненный Нелединскимъ для Польскаго, напечатанъ съ пропускомъ четвертаго куплета, начинающагося стихомъ: „Вслѣдъ о немъ гремящей славы“.

валида» отъ 8-го Августа того же года (№ 63, стр. 441). На это описаніе, между прочимъ, ссылается и Батюшковъ въ письмѣ къ своей сестрѣ.

М. Веневитиновъ.

Москва.
12 Мая 1887.

СОБРАНІЕ ХОРОВЪ ПѢТЫХЪ И СЦЕНЪ ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ ПАВЛОВСКѢ ІЮЛЯ 27 ДНЯ 1814 ГОДА.

Хоръ пѣтый у первыхъ воротъ на пути къ Розовому Павиліону.

Гряди, гряди, благословенный,
Оливой вѣнчанный герой!
Побѣдой, славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой [1]).
Въ объятьяхъ матери нѣжнѣйшей
Забудь труды и шумну брань,
Отрадѣ вдайся всѣхъ живѣйшей,
Ея любви пріемля дань.
Она въ разлукѣ утѣшала
Духъ скорбный славою твоей,
Смущенной мыслью пребывала
Съ тобой средь вражескихъ мечей.
Днесь вняли небеса благія
О Сынѣ матерней мольбѣ,
Ты возвращенъ —и вся Россія
Въ восторгѣ съ нею о тебѣ!

Ю. Нелед.-Мел.

Хоръ пѣтый у вторыхъ воротъ къ Розовому Павиліону ведущихъ [2]).

О, твердый въ бранѣхъ мужъ и кроткій побѣдитель!
Какой вѣнецъ тебѣ? Какой тебѣ алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ! Онъ твой спаситель!
Россія, имъ гордись! Онъ сынъ твой, онъ твой Царь!

Кн. Вяземскій.

---

[1]) Въ письмѣ Нелединскаго къ князю П. А. Вяземскому (Р. Архивъ, 1866 г., стр. 886) про эти четыре стиха читаемъ: „Въ эти куплеты, коихъ всего четыре, по 4 стиха каждый, мнѣ очень пригодился стихъ Николая Михайловича (Карамзина), котораго поручаю вамъ отъ меня за него благодарить“. Слова хора, въ полномъ составѣ четырехъ куплетовъ, напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Нелединскаго: 1850 г. (стр. 100—101) и 1876 г. (стр. 96—97).

[2]) Въ полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго (т. III, СПБ., 1880, стр. 45) слова этого хора напечатаны подъ заглавіемъ: „Над-

Сцены четырехъ возрастовъ.

Сочин. г. Батюшкова, кромѣ двухъ послѣднихъ хоровъ.

ПЕРВЫЙ ВОЗРАСТЪ.

(Дѣтскія пляски, игры и проч. Нѣсколько дѣтей, отдѣлясь отъ другихъ, приближаются къ зрителямъ, держа недоплетенныя цвѣточныя вязи. Позади ихъ нѣсколько разъ повторяется слѣдующій куплетъ)

Сбирайте цвѣточки
Съ зеленыхъ луговъ!
Плетите вѣночки
Изъ пестрыхъ цвѣтовъ!

пись надъ бюстомъ Императора Александра I-го" и съ слѣдующими измѣненіями въ первыхъ двухъ стихахъ, которыя мы отмѣчаемъ курсивомъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ *ему*? Какой *ему* алтарь?

Объясненіе этихъ измѣненій находимъ въ перепискѣ князя Вяземскаго (Р. Архивъ, 1866, стр. 886 и далѣе, 888—889). Въ одномъ письмѣ Ю. А. Нелединскій ему пишетъ: „Вашу надпись, обращенную въ громкій хоръ, будутъ пѣть при приближеніи Государя къ воротамъ, которые будутъ поставлены противъ Павловскаго дворца"; въ другомъ письмѣ, отъ 22 Іюня: „Будучи причиною превращенія вашей надписи въ музыкальный хоръ, одолжаюсь извѣстить васъ, что г. Бортнянскій, примѣняясь къ словамъ, выразилъ оныя очень хорошо. Государыня Императрица Марія Θеодоровна руководствовала ему въ томъ своими наставленіями и, будучи очень довольна, присвоила этотъ хоръ себѣ, запретивъ его выпускать въ свѣтъ, прежде нежели онъ будетъ услышанъ Государемъ, и не индѣ, какъ въ день праздника, который данъ будетъ по прибытіи Его Величества. Г. Бортнянскій сначала жаловался на краткость піесы и приставалъ, чтобы я наддѣлалъ еще четыре стиха; но я изъ самолюбія отказался. Наконецъ, онъ приступилъ къ работѣ, передѣлалъ вступленіе, гдѣ по его словамъ для музыки надобна экскламація. У него поютъ:

О твердый мужъ во бранѣхъ
И кроткій побѣдитель!
Какой тебѣ вѣнецъ?
Какой тебѣ алтарь?

Слово *кроткій* выражено прекрасно!

Россія имъ *гордись*!

Слово *гордись* сопровождается трубнымъ звукомъ весьма выразительнымъ. Вы пишите, что любите первый свой стихъ. Для замѣчанія вашего скажу, что мы здѣсь не любимъ напоминать о *бѣдствіяхъ*; и когда эти стихи до насъ дошли, то, при свиданіи нашемъ съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, мы вмѣсто *бѣдствій* читали: „мужъ твердый въ *опытахъ*".

1-е дитя. Сегодня большой праздникъ для насъ, милые товарищи. Сегодня возвратятся наши добрые родители.

(*Нѣсколько дѣтей, обнимая другъ друга*):

Какая радость! Сегодня возвратятся они, наши милые, добрые родители!
1-е дитя. Изъ далекой стороны!
Нѣсколько дѣтей. Побѣдителями! Побѣдителями!

1-е дитя. Мое сердце бьется отъ радости! Бѣдная маминька и сестрицы ожидали батюшку съ такимъ нетерпѣніемъ! Онѣ боялись, чтобъ злые солдаты не убили его въ сраженіи. Теперь нечего уже бояться.

(*Одинъ ребенокъ, отдѣлясь отъ тѣхъ, которые толпятся вокругъ жертвенника, подбѣгаетъ съ вязью цвѣтовъ*):

Полно вамъ болтать, милые друзья. Собирайте лучше цвѣты въ эти корзинки; украшайте ими жертвенникъ въ честь побѣдителей. Можетъ быть, они увидятъ его и полюбуются нашими трудами. Кромѣ цвѣтовъ и сердецъ нашихъ, мы ничего не имѣемъ: и тѣ приносимъ съ радостію.

Всѣ дѣти вмѣстѣ: Давайте собирать цвѣты!

Общій хоръ и пляска.

Сбирайте цвѣточки
Съ зеленыхъ луговъ,
Плетите вѣночки
Изъ алыхъ цвѣтовъ!
1-е дитя. Мы дѣти—не знаемъ
Заслуги отцовъ;
Мы ихъ увѣнчаемъ
Вѣнками цвѣтовъ.
Хоръ. Скорѣе цвѣточки
Сбирайте съ луговъ,
Плетите вѣночки
Царю изъ цвѣтовъ.
1-е дитя. О други! Спѣшите
На встрѣчу ему:
Весь путь устелите
Цвѣтами ему.
Хоръ. Враговъ побѣдитель,
Онъ кротокъ душой!
Онъ нашъ покровитель,
Онъ ангелъ святой!

Нѣсколько дѣтей вдругъ: Чу! Знать, кто-то ѣдетъ? Не онъ ли?

(*Всѣ дѣти убѣгая поютъ*):

О други, спѣшите
На встрѣчу ему:
Весь путь устелите
Цвѣтами ему!

ВТОРОЙ ВОЗРАСТЪ.

Юноши и дѣвицы за разными занятіями поютъ.

Все вкушаетъ въ жизни сладость,
Царскій чувствуя приходъ.
Пой въ восторгѣ шумномъ младость,
Пой здѣсь счастливый народъ!
Хоръ. Богомъ царь благословенный
Возвратится скоро къ намъ!
Царь великъ, но не отринетъ
Скудныхъ юности даровъ
И съ улыбкой взоры кинетъ
На усердіе сыновъ.
Хоръ. Богомъ царь благословенный,
Возвратись скорѣе къ намъ!

(*Нѣсколько юношей и дѣвицъ, отдѣлясь отъ прочихъ, разсматриваютъ занятія товарищей*).

1-й юноша. Трудитесь, трудитесь, милые друзья; минута торжественная приближается. Говорятъ, что славные наши воины недалеко; съ ними конечно и Государь. Онъ увидитъ наши занятія: плоды искусствъ, художествъ, рукодѣлій, наукъ. Мы ему посвятимъ ихъ.

2-й юноша. И онъ конечно не отринетъ слабыхъ, но усердныхъ приношеній, въ мѣстахъ, ему отъ дѣтства любезныхъ.

(*Дѣвица акомпанируетъ на арфѣ*).

Дуетъ дѣвицъ.

Онъ любитъ тѣни сихъ лѣсовъ,
Безмолвіе природы,
Журчанье здѣшнихъ ручейковъ,
Пастушечью свирѣль и наши хороводы.
Онъ любитъ отдыхать близъ Матери своей
Отъ шума грознаго Арея
И счастье мирное полей
Монарха веселитъ не менѣе трофея.

Дуетъ юношей.

Онъ лавры похищалъ
Изъ рукъ неистовой Беллоны;
Царямъ онъ возвращалъ
И царства, и короны.....

Юноши и дѣвицы.

Весь міръ его боготворитъ,
Въ нѣмомъ поникнувъ изумленьи.
Онъ правдѣ другъ, онъ вѣрѣ щитъ
И Россовъ утѣшенье.

1-й юноша. И вприямъ! Какими чудесами наполнили свѣтъ наши непобѣдимые воины подъ его начальствомъ! Взгляните на карту и удивляйтесь!

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины! (Ломоносовъ).

Хоръ молодыхъ земледѣльцевъ въ отдаленіи:

Языкъ нашъ простъ—сердца простыя,
Сильна рука въ бою, въ трудахъ;
Насъ помнилъ Царь въ чужихъ краяхъ
И миръ принесъ въ поля родныя.

(*Вдали бюстъ Государя въ зеленой бесѣдкѣ, гдѣ за кустами занимается художникъ оканчиваніемъ его, и по мѣрѣ приближенія той минуты, въ которую будетъ пѣть слѣдующій куплетъ подходящій хоръ дѣвицъ, мало по малу его открываютъ*).

Хоръ. Обложимъ вкругъ, друзья, цвѣтами
Мы образъ нашего Царя,
Его безсмертія заря
Вѣнчаетъ яркими лучами.

1-й юноша. Смотрите, какое удовольствіе блистаетъ на всѣхъ лицахъ! Веселая молодость внѣ себя отъ радости. Пляски, хороводы начинаются; раздѣлимъ ихъ съ товарищами.

Все вкушаетъ жизни сладость,
Царскій чувствуя приходъ.
Пой въ восторгѣ шумномъ младость!
Пой здѣсь щастливый народъ!
Хоръ. Богомъ Царь благословенный
Возвратится скоро къ намъ!
Царь великъ, но не отринетъ
Скудныхъ юности даровъ
И съ улыбкой взоры кинетъ
На усердіе сыновъ.
Хоръ. Богомъ Царь благословенный,
Возвратись скорѣе къ намъ!

Юноши. Придетъ время, и съ отцами
Мы побѣды раздѣлимъ;
Къ славѣ ихъ пойдемъ слѣдами—
Иль умремъ, иль побѣдимъ!
Богомъ Царь благословенный
Насъ къ побѣдамъ поведетъ!

(*Пляска оканчивается*).

1-й юноша. Мы кончили наши занятія; возвратимся къ своимъ родителямъ. Но прежде, по обыкновенію нашему, принесемъ теплыя молитвы о томъ, кому обязаны мы нашимъ благоденствіемъ и славою отечества!

Общій хоръ. Молимъ, юноши и дѣвы,
Сохрани, о щедрый Богъ!
Драгоцѣнны дни царевы,
Счастья нашего залогъ!
Дни Монарха, дни драгіе
Сохрани, о щедрый Богъ!

ТРЕТІЙ ВОЗРАСТЪ.

Жены за разными занятіями поютъ.

Щастливый часъ соединенья,
Источникъ радости и слезъ;
Прійди, о даръ благихъ небесъ,
Щастливый часъ соединенья!
Сподвижниковъ Царя
Несите къ намъ скорѣй, бездонныя моря!
Вы вѣтры тише, тише вѣйте
И волны воздымать не смѣйте!
Хоръ. Сподвижниковъ Царя
На родину несутъ бездонныя моря.
Одна. Къ нимъ жены руки простираютъ.
Зоветъ ихъ голосъ чадъ родныхъ.
То страхъ, то радость наполняетъ
Попеременно души ихъ.
Съ полей кровавой брани
Прійдутъ ли всѣ въ страну отцовъ
Вкусить любви и славы дани
На лонѣ мирныхъ женъ, съ объятіяхъ сыновъ?

Одна изъ женъ. Миръ и побѣда возвращаютъ ихъ въ отечество. Здѣсь все ожидаетъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и минута свиданія наградитъ насъ за горестныя слезы.

Одна изъ женъ (передъ нею младенецъ въ колыбели).

Какъ сладко почиваетъ
Младенецъ въ тишинѣ!
Улыбка на устахъ невиннаго играетъ,
Супруга милаго напоминая мнѣ.
Съ полей кровавой брани
Прійдетъ ли онъ въ страну отцовъ
Вкусить любви и славы дани
Въ награду дивныхъ дѣлъ и доблестныхъ трудовъ?

Одна изъ женъ. До сихъ поръ мое сердце было исполнено и страхомъ и надеждою. Но успокоимся, милыя подруги! Часъ свиданія близокъ; въ скоромъ времени возвратятся наши герои, покрытые славою. Между тѣмъ ты, Анюта, спой намъ пѣсенку, а мы попляшемъ. (Одна изъ женъ поетъ пѣсню, а другія пляшутъ).

Юноша (вбѣгая говоритъ). Сейчасъ я видѣлъ гонца, который сказывалъ, что наши воины попутнымъ вѣтромъ летятъ на парусахъ къ пристани, и многіе уже вышли на берегъ.

Хоръ. О, вѣрныя подруги!
Свиданья близокъ часъ.
Спѣшатъ, спѣшатъ супруги
Обнять съ любовью насъ.
Уже, веселья полны,
Летятъ чрезъ сини волны....
Свиданья близокъ часъ!
По сушѣ рьяны кони
Полки героевъ мчатъ.
Звенятъ стальныя брони,
Въ рукѣ блеститъ булатъ;
Шеломы ихъ блистаютъ,
Знамена развѣваютъ....
Свиданья близокъ часъ!

Одна изъ женъ. Такъ! Близокъ, близокъ часъ свиданія.... Но..., если не обманываюсь, вдали раздаются голоса, смѣшанные со звуками военной музыки. Слышите ли?

(*Всѣ жены покидаютъ свои занятія и въ безпокойствѣ слушаютъ*).

Одна изъ женъ. Такъ, военная музыка.... Она приближается.
Другая. Голосъ трубъ!
Хоръ (въ дали). Громъ побѣды, грома гласъ,
Громче, громче раздавайся!
Въ цѣломъ мірѣ повторяйся:
Русскій Царь Европу спасъ!

Слава, слава Государю!
Слава, слава, слава намъ!

Одна изъ женъ. Это они, безъ всякаго сомнѣнія.

Всѣ вмѣстѣ. Они, они! Ихъ знакомый голосъ.

Хоръ воиновъ (ближе). Насъ онъ въ битвахъ предводилъ,
Онъ разрушилъ всѣ твердыни!
Царства злобы и гордыни
Нашей грудью сокрушилъ!
Слава, слава Государю
Слава, слава, слава намъ!

Одна изъ женъ. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, любезныя подруги: это они! Полетимъ навстрѣчу!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОЗРАСТЪ.

Старики и старухи за разными занятіями.

1-й старикъ (прочитавъ бумагу). Тишина и миръ царствуютъ во вселенной; всѣ благословляютъ великое имя того, кто утѣшилъ ими страждущее человѣчество, и гласы радости повсюду раздаются.

1-я старуха. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы нашихъ внуковъ! Скоро, скоро обнимемъ ихъ дрожащими руками!

Другая. Сердце матери бьется отъ радости неизъяснимой.

Инвалидъ, И я, дряхлый воинъ, еще разъ обниму моихъ правнуковъ!... Но, какую вѣсть приносишь ты намъ?

1-й старикъ (входитъ поспѣшно; всѣ встаютъ, кромѣ инвалида). Радостную вѣсть! Наши воины возвратились, и тамъ гремятъ ихъ побѣдныя пѣсни.

Нѣсколько стариковъ вмѣстѣ. Какъ? Возвратились?

Другіе. О, принесемъ благодареніе Всевышнему!

Гимнъ хоромъ. Ты внялъ, о Боже, старцевъ гласъ,
Ты принялъ теплыя молитвы,
Побѣдою вѣнчая битвы,
Обрадовалъ при гробѣ насъ.

Храни Царя, о Царь небесъ!
Храни народъ тобой спасенный!
Онъ удивилъ страны вселенной
Величіемъ Твоихъ чудесъ.

О Боже! Ты услышалъ гласъ
И старцевъ теплыя молитвы;
Ты чадъ привелъ съ кровавой битвы
Обрадовать при гробѣ насъ.

Инвалидъ. Благодарю Тебя, Всемогущій Боже, за продолженіе преклонныхъ дней моихъ до той счастливой минуты, въ которую еще разъ увижу, во всемъ сіяніи славы, достойнаго Правнука Петра Великаго, подъ

знаменами котораго я служилъ въ моей молодости! Я закрою глаза мои при звукѣ побѣдъ, побѣдъ доселѣ неслыханныхъ, и угасну въ радости. (*Здѣсь слышна военная музыка*).

1-й старецъ. Тамъ слышна военная музыка нашихъ воиновъ. Такъ! Это они! (*Воины, въ сопровожденіи женъ и дѣтей, обнимаютъ стариковъ и изъявляютъ знаки почтенія дряхлому инвалиду*).

Нѣсколько воиновъ. Велѣлъ намъ Богъ еще обнять васъ, почтенные родители!

Инвалидъ (*обнимая двухъ воиновъ*). Благословляю васъ, внуки мои! Вы не уступили въ доблести своимъ дѣдамъ.

Жены (*обнимая воиновъ*). Съ какою радостію мы обнимаемъ васъ, покрытыхъ славою!

Одна изъ женъ. Ахъ! И наши сердца трепещутъ при названіи славы! (*Обращаясь къ своему супругу*). Сколько разъ я страшилась за тебя! Сколько разъ потерею жизни моей желала бы я отвратить удары, на тебя устремленные; и сколько разъ мое сердце наполнялось чистѣйшею радостію отъ одной мысли, что ты сражаешься подъ Русскими знаменами за Бога, за Царя и за всѣхъ насъ, что ты возвратишься покрытый славою; что, указывая на меня, на сына твоего, сограждане повторяютъ: вотъ жена, вотъ сынъ храбраго воина! И слезы благодарности блистаютъ въ глазахъ ихъ!

Дитя. И мы, дражайшіе родители, мы будемъ со временемъ достойны отцовъ нашихъ.

1-й воинъ. Радость моя неизъяснима! Чего не достаетъ намъ? Тотъ, который предводилъ насъ на полѣ славы, раздѣлялъ съ нами труды и всѣ опасности, отдыхалъ подъ нашими шатрами и въ дождь и въ ненастье; тотъ, который награждалъ насъ щедрою рукою, нынѣ возвратился съ нами и съ нами раздѣляетъ радость нашу. Онъ любитъ насъ, какъ дѣтей своихъ.

Кантата г-на Державина [3]).

Ты возвратился, благодатный!
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!

---

[3]) Кантата эта, озаглавленная: „На возвращеніе Императора Александра I-го“, напечатана въ академическомъ, подъ редакціею Я. К. Грота, изданіи его сочиненій (СПБ., 1865, т. III, стр. 214; изданіе съ рисунками) съ слѣдующими варіантами. Въ первомъ куплетѣ четвертый стихъ читается: *Монархъ*, отечества отецъ! И въ послѣднемъ куплетѣ шестой стихъ: О сколько *жъ* мы благополучны!

При сочиненіи этихъ стиховъ Державина затрудняло пріисканіе риѳмы къ слову *благополучны*. По этому поводу Нелединскій сообщаетъ князю Вяземскому въ припискѣ къ одному изъ своихъ писемъ (Р. Архивъ, 1866, стр. 887): „Не могу утерпѣть! Но это останется между нами. Г. Р. Державинъ сдѣлалъ хоръ, въ которомъ, дабы поставить риѳму слову *благополучны*, сказалъ: „престолы тучны“; а въ ремаркѣ поставилъ: то есть покрыты тучами! Сказываютъ, онъ хочетъ перемѣнить“.

Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный,
О Царь, отечеста отецъ!
Внемли жъ усердья клики звучны:
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!
Ты мужества явилъ примѣры,
Россію твердой спасъ душой,
Защитникъ былъ святыя вѣры,
И доблестьми прямой герой,
Явилъ дѣла великодушны!
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!
Ты возвратился, Царь, намъ милый,
И счастье наше возвратилъ,
Прогналъ отъ насъ тѣ дни унылы
И страхъ, который насъ томилъ,
Что были мы съ тобой разлучны.
О, сколько мы благополучны,
Отца въ Монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

1-й старикъ. Кончимъ торжественный день въ храмѣ Всевышняго. Мы всѣ, и старъ и младъ, должны благодарить Его за безчисленныя милости.

Общій хоръ. (Г-на Корсакова).

Друзья, на время нашу радость,
Восторговъ клики прекратимъ:
Во храмъ, во храмъ мы поспѣшимъ
Благодарить небесну благость.
Богъ правды былъ намъ въ бранѣхъ щитъ.
Хвала Ему да возгремитъ!

Польской [4]).

Твердь небесну потрясайте
Клики радостныхъ сердецъ.
Долы, горы повторяйте:
Съ нами, съ нами нашъ Отецъ!

---

[4]) Польскій этотъ см. въ обоихъ изданіяхъ Нелединскаго-Мелецкаго: 1850 г., стр, 102—104 и 1876 г., стр. 98—100. Въ томъ и другомъ изданіяхъ встрѣчаются слѣдующія разногласія. Четвертый стихъ втораго куплета: „Онъ *Европу* спасъ отъ бѣдъ“; третій куплетъ и первый стихъ четвертаго читаются:

Нашъ Монархъ благословенный,
Нашъ безсмертный Александръ!
Отъ береговъ Москвы до Тага
Звукъ гремитъ его побѣдъ.
Общаго виновникъ блага,
Онъ вселенну спасъ отъ бѣдъ.
Вѣры, доблести исполненъ,
Всѣхъ героевъ онъ затмилъ!
Имъ творецъ крамолъ, измѣны,
Имъ тиранъ несытый палъ.
Родъ, піющій воды Сены,
Онъ прощеньемъ наказалъ.
Твердъ, могуществен и кротокъ,
Онъ владыкамъ образецъ!
Въ слѣдъ о немъ гремѣвшей славы
Всюду нашъ восторгъ промчись!
Счастье Росскія державы
Въ край вселенной разнесись!
Александръ се паки съ нами,
Паки съ нами нашъ Отецъ!
Александръ! О ангелъ мира!
Щедрый даръ благихъ небесъ!
Щитъ царей—твоя порфира,
Мечъ—орудіе чудесъ!
Ты возставилъ падши троны,
Ты Европу воскресилъ!
Возвеличилъ насъ, прославилъ
Днесь и въ будущихъ вѣкахъ,
Памятникъ себѣ поставилъ
Вѣрныхъ Россіянъ въ сердцахъ.
Дышетъ Россъ къ тебѣ любовью,
Ею счастливъ, ею живъ!

Ю. Нелед.-Мел.

Сынъ крамолы, другъ измѣны,
Имъ *сраженъ, со трона* палъ.
Родъ піющій воды Сены
Онъ прощеньемъ наказалъ.
Твердъ, могуществен и кротокъ,
Онъ *Монархамъ* образецъ,
Вслѣдъ о немъ *гремящей* славы, и т. д.

Четвертый куплетъ, какъ выше уже указано, пропущенъ совсѣмъ въ текстѣ „Польскаго“, приведеннаго въ книгѣ о Павловскѣ.

Письмо къ издателю изъ Павловскаго отъ 29-го Іюля 1814 г.

(изъ „Русскаго Инвалида № 63, 1814 г., 8-го августа, стр. 441).

26 день сего мѣсяца былъ назначенъ для здѣшняго праздника, который по многимъ отношеніямъ долженствовалъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ. Долго *Царица и Мать* горестнымъ окомъ взирала на жребій Европейскихъ народовъ; горделивой опустошитель Вселенныя проникнулъ уже въ Москву, въ древніе чертоги царей Русскихъ и—стѣснилось сердце *Государыни*; но изглажены слѣды врага человѣчества, сброшено постыдное иго его, подъ коимъ томились народы земные и—свою радость, свой восторгъ, свое счастіе, пожелала Она изъявить симъ празднествомъ тому, кто съ храбростію низложилъ врага, кто съ великодушіемъ освободилъ страждущихъ!—И сей Герой, сей Избавитель человѣчества, сей достойный предметъ празднованія и душевнаго восторга *Маріи*, былъ—*Безсмертный Сынъ Ея, Великій Государь Россійскій*!—Уже за день до праздника, тысячи экипажей всѣхъ родовъ, тысячи конныхъ и пѣшихъ, покрывали дорогу отъ Петербурга до Павловскаго. Луга и лѣсочки, гдѣ поставлены были палатки и гдѣ путешествующіе отдыхали группами, представляли зрѣлище столь же разнообразное, какъ и пріятное. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго дня; но появленіе онаго не соотвѣтствовало желаніямъ. Неоднократный дождь подавалъ основательную причину къ безпокойству, которое скоро превратилось въ печальную увѣренность. Праздникъ должно было отмѣнить; но прояснившееся къ вечеру небо побудило назначить оный въ слѣдующій день, 27-го Іюля, котораго наступленіе и было сопровождено благопріятнѣйшею погодою. Средоточіемъ того рѣдкаго празднества былъ *Розовый Павильонъ*, одно изъ недавно устроенныхъ и пріятнѣйшихъ мѣстъ сего маленькаго волшебнаго міра, соединяющаго въ себѣ все, что̀ могутъ произвесть вмѣстѣ чистѣйшій вкусъ и благороднѣйшее великолѣпіе. Сіе святилище Флоры, соотвѣтственно своему названію, съ изобиліемъ украшено было любимыми ея произведеніями; все, окружающее сей храмъ, аллеи, бесѣдочки, кустарники, все блистало розами, вездѣ нѣжность чувства въ соединеніи съ богатствомъ воображенія! Къ сему-то павильону съ магическою скоростію пристроена была большая зала, украшенная по собственнымъ распоряженіямъ августѣйшей обладательницей Павловскаго и представлявшая соединеніе отличнѣйшихъ талантовъ съ неописанною красотою.

Въ семь часовъ вечера волнующаяся масса народа возвѣстила о прибытіи Двора.

Обожаемый Монархъ съ счастливою своею Родительницею открыли шествіе, которое простиралось отъ дворца, между множествомъ ликующихъ зрителей, вдоль по большой аллеѣ и чрезъ устроенную въ лучшемъ вкусѣ тріумфальную арку. Недалеко отъ Розоваго Павильона, къ коему дорога украшена была гирляндами, видимы были другіе тріумфальные ворота, составленные изъ натуральныхъ, весьма высокихъ лавровыхъ деревьевъ,

съ верхомъ изъ цвѣточныхъ цѣпей и съ развѣвавшимися на нихъ пальмовыми, дубовыми и оливковыми вѣнками въ честь *Побѣдителю* и *Избавителю.* У каждыхъ воротъ находились придворные пѣвчіе, кои пѣли радостныя побѣдныя пѣсни.

Едва *Государь Императоръ* вступилъ въ предверіе Розоваго Павильона, какъ на находящейся предъ онымъ площадкѣ началось представленіе сельской драмы, которой какъ изображеніе, такъ и исполненіе равно просто и пріятно. Въ одну изъ плодоноснѣйшихъ областей Россіи достигаетъ радостное извѣстіе о возвращеніи *любимаго Благословеннаго Государя,* даровавшаго миръ вселенной. Вотъ главное содержаніе сей драмы, которая была представлена на четырехъ площадкахъ около сего павильона, и въ четырехъ же отдѣленіяхъ, соотвѣтственно возрастамъ счастливыхъ обитателей сей страны. Все одушевлялось такою истинною, такою выразительностью, что конечно сіе зрѣлище оставило навсегда пріятное впечатлѣніе въ сердцахъ зрителей. Началось *возрастомъ дѣтства.* Сцена представляла пріятное мѣстоположеніе передъ деревнею; прекрасныя дѣти веселились, прыгали, предавались невиннымъ играмъ, какъ вдругъ радостное извѣстіе остановило ихъ забавы. Тутъ набрали они цвѣтовъ въ корзины, воздвигнули изъ оныхъ алтарь, и одно чувство наполнило невинныя сердца ихъ, чувство благодарности къ Провидѣнію, возвратившему Отца Отечества. За симъ другая сцена привлекла вниманіе зрителей на другую сторону павильона: тамъ видны были *юноши и дѣвицы,* которыхъ многоразличныя занятія изъявляли частію любовь Русскихъ къ своему Государю, частію желаніе быть нѣкогда полезными членами общества. И здѣсь восхитительное извѣстіе прервало сіи занятія, и всеобщая радость заступила мѣсто оныхъ. Третье явленіе представляло *мужескій возрастъ* въ разныхъ отношеніяхъ домашней и сельской жизни. Особенное вниманіе зрителей привлекало выраженіе безпокойства и томнаго ожиданія, изъявленное на лицахъ нѣжныхъ супругъ. Здѣсь-то въ особенности излился всеобщій восторгъ въ горячѣйшихъ благодареніяхъ къ Небу, въ трогательнѣйшихъ пѣсняхъ, въ живѣйшихъ изъявленіяхъ радости. Но четвертая сцена наиболѣе всего дѣйствовала на сердце тронутаго зрителя; тамъ видны были посѣдѣлые отцы и почтенныя матери сельскихъ семействъ, которые въ искреннихъ разговорахъ изъявляли безпокойство свое о дѣтяхъ, врученныхъ ими Царю и Отечеству. Но тутъ являлся одинъ вѣстникъ за другимъ съ извѣстіемъ о возвращеніи храбраго воинства; тутъ военная музыка раздавалась все ближе и ближе, и наконецъ побѣдители въ торжественномъ шествіи появились на сцену. Тутъ отцы, матери, жены, дѣти и невѣсты бросились на встрѣчу любезнымъ пришельцамъ, и нѣжныя объятія восхитительнаго свиданія разстроили ряды ихъ. Тутъ никто изъ зрителей не могъ уже противиться сладостному движенію, ни чьи глаза не остались безъ слезъ. И въ ту минуту когда всѣ чувства соединились въ одно, въ чувство искреннѣйшей благодарности къ Провидѣнію и усерднѣйшей молитвы о Монархѣ, раздался очаровательный голосъ *Самойлова,* который пѣлъ

гимнъ, сочиненный *Державинымъ* и положенный на музыку г-номъ Антонолини. Тутъ всеобщіе радостные клики смѣшались съ ликованіемъ сельскихъ жителей; никто болѣе не думалъ о драмѣ, всякой видѣлъ предъ собою сцену дѣйствительности, и всякой живо чувствовалъ то, что̀ онъ видѣлъ. Вся піеса совершенно соотвѣтствовала своей цѣли и была въ своемъ родѣ столь совершенна, какъ и можно было того ожидать отъ соединенія столь рѣдкихъ талантовъ, при такомъ руководствѣ и распоряженіи и, что̀ всего важнѣе, по такому поводу. Довольно будетъ наименовать художниковъ, въ оной участвовавшихъ, чтобы дать понятіе о семъ единственномъ въ своемъ родѣ зрѣлищѣ: это были *Гонзага* для декораціи, *Антонолини* и *Кавасъ* для пѣсней и хоровъ; извѣстнѣйшіе члены Россійской театральной труппы вмѣстѣ съ питомцами театральной школы для представленія; г-жа *Сандунова* и *Самойлова*, гг. *Зловъ*, *Самойловъ* и другіе, для пѣнія; *Огюстъ*, *Дютакъ*, *Вальбергъ* для танцевъ. По окончаніи сего очаровательнаго зрѣлища начался балъ въ новопостроенной залѣ, которая, чрезъ соединеніе талантовъ *Гонзаги*, *Меттенлейтнера*, *Росси* и другихъ художниковъ, была совершеннѣйшимъ храмомъ удовольствія. Розовыя гирлянды, подобно шатрамъ, спущены были сверху по стѣнамъ залы, извивались около столбовъ, и сообщали цвѣтъ свой тысячамъ свѣчъ, горѣвшихъ въ безчисленныхъ люстрахъ. Въ 10 часовъ балъ прерванъ былъ превосходнымъ Ѳейерверкомъ, приготовленія къ коему были до тѣхъ поръ скрыты отъ зрителей прекрасною декораціею *Гонзаги*, представлявшею Монмартръ и его окрестности. Увеселительные огни были составлены въ духѣ всего празднества подъ распоряженіемъ г. полковника артиллеріи *Маркевича* и произвели всеобщее удивленіе. Оное въ особенности изъявилось громкими выраженіями радости при окончаніи онаго, когда густой дымъ нѣсколько минутъ покрывалъ всю сцену, потомъ разсѣялся мало-по-малу и—глазамъ зрителей представился Храмъ Славы и въ ономъ, надъ великолѣпнымъ обелискомъ, горѣвшее блестящимъ бриллiантовымъ огнемъ и окруженное звѣздами имя *безсмертнаго побѣдителя*!!

По окончаніи Ѳейерверка, Дворъ отправился чрезъ искусно освѣщенныя аллеи въ близлежащій *Павильонъ Мира*, въ коемъ былъ ужинъ. Ни слова о великолѣпіи стола, о счастливо изобрѣтенныхъ аллегоріяхъ и эмблемахъ и вообще объ украшенной въ лучшемъ вкусѣ залѣ. Скажу только, что по обѣимъ сторонамъ павильона поставлены были богатыя палатки и въ оныхъ столы для храбрыхъ предводителей неустрашимой нашей гвардіи. И здѣсь было истощено все, что̀ представляли великолѣпіе и вкусъ въ отношеніи къ симъ гостямъ, и едва заняли они мѣста свои, какъ и самъ *Августѣйшій Государь* явился посреди ихъ и былъ свидѣтелемъ благоговѣйнаго восторга, съ коимъ пили они здоровье *Его* и счастливой *Его Родительницы*.

Въ 12 часовъ шествіе возвратилось въ *Розовый Павильонъ*, балъ продолжался до наступленія утра. Между тѣмъ вся окружающая сторона была наполнена безчисленнымъ множествомъ народа, который любовался

во все продолженіе ночи симъ богатымъ и искуснымъ освѣщеніемъ и оставилъ прелестное мѣсто съ чувствами живѣйшей признательности къ человѣколюбивой и милосердой Учредительницѣ сего единственнаго праздника.

*

Прибавимъ къ этому описанію еще нѣкоторыя подробности, заимствуемыя нами изъ книги о Павловскѣ (стр. 169—170). «Къ Розовому Павильону была пристроена обширная зала, убранная сплошь изящно и съ большимъ вкусомъ вѣнками и гирляндами изъ искусственныхъ розъ и зелени, изготовленныхъ воспитанницами институтовъ. Видъ этой залы, при освѣщеніи во время бала тысячами огней, которыми были унизаны весь карнизъ вокругъ потолка, фронтоны надъ дверьми и пять громадныхъ мѣстъ, украшенныхъ также зеленью и розами,—былъ въ полномъ смыслѣ очарователенъ. Противъ передняго и двухъ боковыхъ фасовъ павильона, небольшія лужайки въ саду были обращены въ театральныя сцены, на которыхъ служили кулисами искусно расположенныя кусты зелени и цвѣтовъ, а противъ задняго фасада, на широкой полянѣ, стояла декорація, изображавшая въ натуральную величину усадьбу съ господскимъ домомъ въ глубинѣ и крестьянскими избами по сторонамъ. Эта декорація была написана знаменитымъ художникомъ, декораторомъ императорскихъ театровъ, Гонзаго и составляла, какъ извѣстно изъ разсказовъ современниковъ, дѣйствительное чудо декоративной живописи, которому удивлялись не только Русскіе, но и всѣ иностранцы, посѣщавшіе впослѣдствіи Павловскъ, гдѣ она оставалась нѣсколько лѣтъ на прежнемъ мѣстѣ, пока время и ненастная погода не уничтожили этого замѣчательнаго произведенія даровитаго художника».

Заключительный хоръ въ пьесѣ Батюшкова былъ написанъ, какъ указано въ нашей тетради, г. Корсаковымъ. О немъ находится слѣдующее краткое біографическое указаніе въ Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ И. Н. Березина (С.-Петерб. 1878, т. III, стр. 358): „Корсаковъ Петръ Александровичъ, Русскій писатель и цензоръ († 1844), издатель журналовъ: „Русскій Пустынникъ или наблюдатель отечественныхъ нравовъ“ (1817), „Наблюдатель“ (1817) и „Маякъ“ (1840). Извѣстенъ также какъ поэтъ и переводчикъ жизни Робинзона Крузе и другихъ иностранныхъ сочиненій“. Этотъ-то Корсаковъ по всей вѣроятности былъ первымъ исполнителемъ порученія Нелединскаго-Мелецкаго касательно пьесы для торжества 27-го Іюля. Онъ повидимому неудовлетворительно справился съ своею задачею, которая затѣмъ была передана Батюшкову. Но Императрица не хотѣла, изъ деликатности, обижать Корсакова и въ этихъ видахъ, насколько воз-

можно, воспользовалась написаннымъ имъ. Кромѣ заключительнаго хора Корсакову, какъ кажется, принадлежатъ и стихи въ представленіи перваго возраста. Обо всемъ этомъ встрѣчаемъ интересныя указанія въ письмѣ Маріи Ѳеодоровны къ Нелединскому отъ 10-го Іюля 1814 г. (Хроника недавней старины, стр. 210; Павловскъ, стр. 172—173): „Добрый мой Нелединскій, сегодня утромъ графъ Головкинъ передалъ мнѣ отъ князя Тюфякина піесу, сочиненную г. Корсаковымъ; такъ какъ я получила два акта, присланные вами вчера и совершенно ихъ одобрила, за исключніемъ нѣкоторыхъ измѣненій,—то и держусь за нихъ по справедливости и признаюсь откровенно, по чувству предпочтенія, ибо они мнѣ гораздо болѣе нравятся, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣднихъ; но такъ какъ и г. Корсаковъ потрудился съ своей стороны, то я поручила поблагодарить его сколь возможно вѣжливѣе и приказала написать князю Тюфякину, что нарочито пишу къ вамъ и прошу его уговориться съ вами, чтобы вставить въ піесу нѣкоторые стихи Корсакова; это вы мнѣ устроите съ вашей великой и любезной снисходительностію. Можно продолжить актъ, въ которомъ участвуютъ дѣти, вставивъ въ него куплеты Корсакова, которые кажутся мнѣ хорошенькими; но прочіе акты гораздо болѣе относятся лично къ Императору и, вмѣсто иллюзіи, что онъ присутствуетъ на праздникѣ, они нагонятъ на него сущую тоску, и потому не могу допустить ихъ..... Мысль живописца хороша. Старикъ, видѣвшій Петра Великаго, можетъ быть допущенъ. Наконецъ, какъ разумная пчелка, мой добрый Нелединскій, вы отыщите лучшій медъ въ этой другой піесѣ, чтобы немножко порадовать Корсакова, который разумѣется получитъ отъ меня подарокъ; но пожалуста, чтобы оба послѣдніе акта прошли сквозь ваше горнило, какъ два первые, и чтобы я поскорѣе ихъ получила“. Письмо это прямо указываетъ, почему Нелединскій такъ обрадовался пріѣзду Батюшкова и поспѣшилъ передать ему работу, неудачно исполнявшуюся Корсаковымъ. М. В.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Въ «Русской Старинѣ» за 1885 годъ помѣщено было воспоминаніе г. Н. Берга о Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ въ 1850 году, при чемъ говорится о князѣ В. С. Голицынѣ. Знавъ хорошо князя, насколько можно это человѣку, прожившему въ его домѣ съ 1848 г. по 1855 годъ, я считаю долгомъ откликнуться на статью г-на Берга, который бросилъ на него тѣнь, можетъ быть и неумышленно, но прежде всего незаслуженно.

Почти сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, которое описываетъ г. Бергъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, но не всё же и не всѣхъ она унесла въ вѣчность. Остались въ живыхъ многіе, и если имя князя В. С. Голицына попало въ печать, то желательно, чтобы оно являлось въ истинномъ свѣтѣ, а не въ томъ театрально-пошломъ, какимъ освѣтилъ его г-нъ Бергъ.

Младшій сынъ фельдмаршала князя Голицына, князь Владимиръ Сергѣевичъ *) прежде всего былъ доблестнымъ слугою отечества и престола, а затѣмъ, какъ и всѣ вельможи стараго времени, не чуждался преданій славнаго царствованія Екатерины II-й, когда лѣтомъ устраивался санный путь, и только не ухитрялись сочинить лѣта зимою. Князь В. С. Голицынъ не зналъ мѣры своимъ затѣямъ, на исполненіе которыхъ доставало его богатства; но это не мѣшало ему быть человѣкомъ высокихъ душевныхъ качествъ. Дважды раненный, при взятіи Парижа, тяжело въ ногу и въ одной изъ Кавказскихъ экспедицій, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, въ плечо, искалѣченный князь Голицынъ въ 1848 году оставилъ Кавказъ въ чинѣ генералъ-маіора и, по особой высочайшей милости будучи переименованъ въ чинъ тайнаго совѣтника, поселился въ Москвѣ.

---

*) Князь В. С. Голицынъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорится въ Перепискѣ княжны Туркестановой съ Кристиномъ, былъ внучатнымъ племянникомъ князя Потемкина. Въ немъ и было что-то Потемкинское.—Покойный профессоръ Варшавскаго университета Н. В.—Бергъ (талантливый стихотворецъ) писалъ много, но не всегда вѣрно, про современныхъ ему лицъ. П. Б.

Съ 1837 по 1848 годъ князь Владимиръ Сергѣевичъ находился на службѣ на Кавказѣ и въ 1845 году, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи. Назначеніе это въ ту пору времени было столько же почетно, сколько и важно.

Съ 1838 года успѣхи Шамиля возрастали, въ ущербъ значенію нашему въ краѣ. Даргинская экспедиція, въ которой войска Кавказскаго корпуса въ совокупности съ полками 5-го корпуса, подъ начальствомъ князя Воронцова, понесли сильное пораженіе, подняла Шамиля на высоту небывалую и грозную для нашихъ поселеній. Горскія племена праваго фланга готовы были подчиниться власти Шамиля. Центръ, населеніе котораго составляли Кабардинцы и Карачаевцы, колебался. Выборъ князя Воронцова въ этомъ случаѣ былъ весьма основателенъ. Старинная, родовая аристократія Кабарды съ удовольствіемъ и довѣрчиво отнеслась къ Русскому аристократу-князю, поставленному во главѣ ихъ, и лишь этому обстоятельству въ то смутное время можно приписать полный неуспѣхъ сначала тайной пропаганды Шамиля въ Кабардѣ, а затѣмъ вторженія его съ цѣлью вооруженной рукой подчинить себѣ Кабардинцевъ. Трехъ или четырехъ баталіоновъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ верстъ, не достаточно было даже для обороны, въ случаѣ возстанія Кабарды въ союзѣ съ войсками Шамиля. Отчего же Шамиль отступилъ изъ Кабарды? Конечно не потому, что его догонялъ Фрейтагъ, ибо отрядъ Фрейтага былъ не довольно силенъ для рѣшительнаго наступленія, что̀ и было причиною скорѣе демонстраціи, чѣмъ намѣренія атаковать, и сраженіе на переправѣ черезъ Терекъ у Минарета вышло для Шамиля несчастною случайностью, и обратно для Фрейтага. По крайней мѣрѣ такимъ казался двухъ-недѣльный походъ или правильнѣе—погоня Фрейтага за Шамилемъ. Если же причиною неуспѣха Шамиля въ 1846 году не былъ Фрейтагъ, то безъ сомнѣнія ея надо искать въ самихъ Кабардинцахъ и въ личныхъ отношеніяхъ ихъ князей къ начальнику центра, т. е. къ князю В. С. Голицыну.

Могутъ возразить нѣкоторые, что Кабардинцы издавна извѣстны своею преданностью Россіи; но Азіатская преданность слишкомъ условна для того, чтобы на ней основать увѣренность, и хотя племя Кабардинцевъ по личнымъ качествамъ имѣетъ право на уваженіе, но какъ всѣ восточные человѣки они не лишены легкомыслія и коварства. Вторженіе къ нимъ побѣдоноснаго Шамиля съ многочисленнымъ отрядомъ горцевъ, хотя бы на мгновеніе, но должно было поколебать ихъ связь съ Русскими, значеніе которыхъ въ 1845 году было подорвано. Очень вѣроятно, что Кабардинская аристократія боялась демократическихъ началъ Шамиля и потому враждебно отнеслась къ нему. Ша-

миль, также какъ и Магометъ-Аминъ, относились непосредственно къ народу во имя свободы. Князья и дворяне Бжедуховъ и Натухайцевъ не удержали ихъ въ повиновеніи себѣ, и племена эти подчинились Магометъ-Амину. Также дѣйствовалъ Шамиль въ Кабардѣ, но не успѣлъ ни свергнуть ихъ князей, ни отторгнуть отъ Россіи. Отчего? На это можетъ быть много отвѣтовъ; но самаго дѣла изъ исторіи не выкинешь: оно совершилось при князѣ В. С. Голицынѣ, который пользовался сочувствіемъ населенія.

Главнокомандующій князь Воронцовъ остался, говорятъ, недоволенъ княземъ Голицынымъ за прорывъ Шамиля въ Кабарду. Это было бы справедливо, ежелибъ можно было сравнить Кабарду съ мельницею, границы ея съ плотиною, а князя Голицына съ мельникомъ, по нерадѣнію котораго потопъ прорвалъ плотину и искалѣчилъ мельницу. Но сравненіе это къ дѣлу не идетъ уже потому, что потокъ хотя и хлынулъ, но мельница осталась не только невредима, но и работала попрежнему.

Перехожу къ изображенію князя В. С. Голицына въ семейной, и общественной жизни. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ называетъ кн Владимира Сергѣевича Аполлономъ Бельведерскимъ. Судя по портрету, снятому съ него въ молодости, когда онъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра І-го, это былъ замѣчательный красавецъ. Разсказываютъ, что юный баловень флигель-адъютантъ, однажды нарядившись амазонкою, прогарцовалъ мимо балкона Царско-Сельскаго дворца и обратилъ на себя вниманіе Государя, за что и поплатился арестомъ.

Я зналъ князя уже 60-тилѣтнимъ старикомъ. При колоссальномъ ростѣ и соотвѣтственной полнотѣ, онъ имѣлъ такую величественную осанку, что однажды Москвичи, случайно принявъ его за императора Николая Павловича, прокричали ему ура. Это произошло въ годъ освященія Николаевскаго дворца: ростъ, дородство, осанка и даже генеральскій мундиръ, въ которомъ князь Голицынъ ѣхалъ во дворецъ, ввели толпу въ заблужденіе. При громадномъ ростѣ князь обладалъ такою же силою. Остановить за рессоры экипажъ на ходу, всадить серебряный рубль въ паркетъ какъ свайку, было для него такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ для другихъ сломать тросточку или вбить молоткомъ гвоздь въ доску. Въ семьѣ и обществѣ Голицынъ былъ, какъ говорится, душа-человѣкъ. Не очерствѣвъ до глубокой старости, онъ живо сочувствовалъ всему прекрасному и возвышенному. Бѣднякъ находилъ у него помощь, несчастный утѣшеніе.

Основательно-образованный, знатокъ и строгій цѣнитель словесности, музыки и искусствъ, князь доживалъ вѣкъ въ Москвѣ, покровительствуя талантамъ и соединяя вокругъ себя выдающихся людей.

У него собирались извѣстные литераторы и знаменитые артисты, Русскіе и иностранные. Я помню тамъ графа Сологуба, Н. В. Гоголя и графиню Евдокію Растопчину. Въ громадномъ домѣ его, у Бутырской заставы, можно было услышать и Вьётана, и обоихъ Контскихъ, и Чіарди, и Вурма, и красавицу Фреццолини.

Въ 1850 году посѣтила Москву и Фанни-Эльснеръ. Ей предшествовала молва, и славной балерины, и женщины достойной уваженія. Москва приняла ее съ радушіемъ, расточала ей аплодисменты, цвѣты и множество бриліантовъ. Не зачѣмъ было князю Голицыну подавать сигналъ райку, чтобы аплодировали Фанни-Эльснеръ, какъ говоритъ г-нъ Бергъ. Москва и безъ того готова была отхлопать себѣ руки. Да и было за что. Какая грація и пластичность тѣлодвиженій въ танцахъ, какая скромность, какая выразительная мимика! Фанни-Эльснеръ обладала и талантомъ драматической актрисы. Ея мимика была понятна какъ слова, и «съ ней балетъ, принявъ размѣры драмы, не разъ слезу сочувствія исторгъ».

Г-нъ Бергъ снизошелъ до того, что удостоилъ Фанни-Эльснеръ назвать изящной Нѣмкой. Такой эпитетъ недостаточно выразителенъ. Она была въ высшей степени изящная женщина. Роста нѣсколько выше средняго, стройная, вся соразмѣрная, гордая, она обладала тѣмъ очарованіемъ, которое безотчетно дѣйствуетъ на всѣхъ. Вѣроятно потому въ нее влюбилась и писательница графиня Растопчина.

Пребываніе Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ тріумфовъ. На послѣднемъ спектаклѣ шелъ балетъ «Эсмеральда». Москвичи поднесли ей шелковый калачъ съ драгоцѣннымъ браслетомъ внутри, каменья котораго изъ заглавныхъ буквъ составляли слово «Москва». Поклонники запряглись въ ея карету, и еслибъ не помѣшалъ графъ Закревскій, то и довезли бы ее до гостинницы Дрезденъ, а рядомъ съ нею и князя В. С. Голицына. И если на козлá кареты забрался какой-то профессоръ *), то почему же князю Голицыну поставлено въ вину болѣе почетное мѣсто въ каретѣ артистки?

---

*) Это былъ не профессоръ, а тогдашній редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Хлоповъ. Онъ поплатился за это увлеченіе мѣстомъ, и попечитель В. И. Назимовъ уволилъ его въ отставку, не смотря на то, что Хлоповъ находился въ родствѣ съ ректоромъ Альфонскимъ. Намъ памятны (къ сожалѣнію не вполнѣ) слѣдующіе по этому поводу стихи:

Въ тѣ дни, когда Владимиръ Хлоповъ
Вѣдомостями заправлялъ,
Онъ, не щадя фигуръ и троповъ,
Въ нихъ вздоръ частенько помѣщалъ.
Молчалъ Назимовъ и крѣпился;
Когда же узналъ, что онъ влюбился

Чѣмъ выше поставлена женщина, а въ особенности артистка, тѣмъ больше разсказывается о ней всяческихъ анекдотовъ; но не всякому вранью вѣрятъ, что̀ и доказала Московская знать, раскрывъ для Фанни-Эльснеръ двери своихъ гостиныхъ. Это честь въ то время небывалая, такъ какъ, по взглядамъ большинства, съ понятіемъ объ артисткѣ соединялось и убѣжденіе, что она падшая женщина. И если Фанни-Эльснеръ снискала себѣ право знакомства съ Московскими дамами-аристократками, то безъ сомнѣнія потому, что кромѣ таланта, она имѣла достоинства всякой порядочной женщины. Въ домѣ у князя Голицына она бывала каждую субботу. Собирались свои, т.-е. тотъ очарованный кружокъ, въ который трудно попасть. Послѣ обѣда иногда составлялись танцы, въ которыхъ принимала участіе и Фанни-Эльснеръ. Съ какою гордостью я разсказывалъ о ней по Понедѣльникамъ, возвращаясь въ институтъ! Я танцовалъ визави съ Фанни-Эльснеръ, я танцовалъ съ нею, она подарила мнѣ цвѣтокъ! Въ глазахъ товарищей это поднимало меня на высоту завидную.

Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы, Фанни-Эльснеръ была на парадномъ обѣдѣ въ честь ея у князя Голицына. На этомъ обѣдѣ присутствовала вся Московская знать и графъ Закревскій.

Семейство князя состояло изъ супруги его княгини Прасковьи Николаевны, урожденной Матюниной, сыновей: Сергѣя, Александра, Владимира и дочери Александры Владимировны. Младшій сынъ князь Владимиръ убитъ въ перестрѣлкѣ съ горцами на Кавказѣ, князья Сергѣй и Александръ умерли. Осталась въ живыхъ только княжна Александра Владимировна, посвятившая жизнь свою и остатки когда-то громаднаго состоянія дѣламъ благотворительности. Княгиню Прасковью Николаевну Москвичи вѣроятно еще не забыли, и за ея высокія душевныя качества, и какъ страдалицу, прикованную къ постели тяжкимъ недугомъ въ продолженіи почти 30-ти лѣтъ.

Отецъ мой докторъ И. Е. Дроздовъ вырѣзалъ князю Владимиру Сергѣевичу изъ плеча горскую пулю.

Въ Иродіаду нашихъ дней:
Онъ былъ ужасно озадаченъ
И дольше вытерпѣть не могъ.
Тутъ имъ въ редакторы назначенъ
Санскритологъ и филологъ,
И онъ газету поднялъ славно...

Этимъ новымъ редакторомъ и былъ М. Н. Катковъ, передъ тѣмъ профессоръ логики и психологіи (каѳедра эта въ 1819 году были упразднена къ глубокому прискорбію слушателей высоко-даровитаго и симпатическаго профессора). П. Б.

15-го Іюля 1848 года, въ день св. Владимира, князь передъ отъѣздомъ съ Кавказа справлялъ свои имянины; это было въ Пятигорскѣ. Мѣстомъ празднества выбрана поляна на подошвѣ Машука, близъ знаменитаго привала. На полянѣ этой были разбиты шатры и палатки, драпированные зеленью и цвѣтами. Для танцующихъ настланъ полъ. Веселились до упаду. Празднество закончилось фейерверкомъ, который устроилъ для князя начальникъ крѣпостной артиллеріи въ то время на Кавказѣ генералъ-лейтенантъ Семчевскій. Удачно выбранная мѣстность, дивная южная ночь, силуэты горъ, вырисовывающіеся на горизонтѣ, все это гармонировало съ настроеніемъ гостей радушнаго и ласковаго князя-имянинника. Чудная, памятная ночь, а для меня въ особенности, и вотъ почему: въ кружкѣ дамъ, рядомъ съ моею матерью, сидѣлъ князь; я вертѣлся около; вдругъ князь подозвалъ меня къ себѣ и, обращаясь къ матери, произнесъ: «У меня есть просьба къ вамъ, Марѳа Николаевна; отдайте мнѣ моего крестника, вмѣстѣ съ заботою о его будущности. Даю вамъ слово, что онъ будетъ мнѣ также дóрогъ, какъ бы родной сынъ, и даже дороже. Хочешь ѣхать со мной въ Москву? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Подумайте, Марѳа Николаевна, и помните, что исполнивъ, мою просьбу, вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе». Хотя и вполнѣ неожиданно, но предложеніе было сдѣлано такъ искренно, честно и съ такимъ чувствомъ, что мать моя согласилась. Личныя ея отношенія къ супругѣ князя, жившей въ то время уже въ Москвѣ, были настолько дружескія, что думать, конечно, было не о чемъ.

Случай этотъ весьма характеренъ. Это не капризъ вельможи, швыряющаго деньги. Обязательство, принятое имъ на себя и честно исполненное, обличаетъ истинно-добраго человѣка, который сторицею благодарилъ за оказанное ему врачебное пособіе.

Добрыя дѣла, на которыя князь Владиміръ Сергѣевичъ былъ весьма щедръ, и покровительство талантамъ обходились ему, конечно, дорого, и отъ огромнаго состоянія его осталось очень мало; но, господа, чтобы бросить камень, надо имѣть на это право, и много ли найдется изъ прожившихся богачей такихъ, которые прожились съ меньшимъ эгоизмомъ, чѣмъ князь Владиміръ Сергѣевичъ? Да, наконецъ, какая бы это была тоскливая жизнь, еслибы всѣ только наживали и никто не проживалъ? Князь былъ Русскій человѣкъ, да при томъ еще и бояринъ. Не прижаться же ему, подобно Нѣмецкому аптекарю, у котораго и поцѣлуи женѣ разсчитаны и размѣрены? Обѣдъ, да такой обѣдъ, чтобы и извѣстный Московскій гастрономъ Рахмановъ облизался; пиръ на весь міръ, гостямъ всего вдоволь, и хозяйскаго ра-

душія, и ласки, и угощенія. Кушай въ волю, да и съ собою захвати, чего можно наложить въ карманы.

Еще до назначенія начальникомъ центра Кавказской линіи, князь однажды въ Пятигорскѣ устроилъ балъ надъ кратеромъ угасшаго вулкана. Сотни рабочихъ построили прочный полъ надъ проваломъ, отлогости горы задрапировали временными цвѣтниками, а внутренность и дно провала, куда желающіе могли спускаться на креслѣ, были великолѣпно иллюминованы. Затѣя оригинальная, но эффектная.

Въ другой разъ, въ Пятигорскѣ же, въ день своихъ имянинъ, князь сдѣлалъ балъ въ Казенномъ саду. По аллеямъ и на площадкахъ были настланы полы. Въ углубленіяхъ аллей разбили шелковые и ковровые шатры для дамъ, а для мужчинъ палатки. Въ уборныхъ, въ случаѣ надобности, дамы могли найдти всѣ принадлежности туалета, начиная съ духовъ и оканчивая башмаками. За отсутствіемъ семейства князя, хозяйкою бала была извѣстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова.

Многіе скажутъ, что всё это барскія затѣи на счетъ крѣпостнаго пота. Въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, такъ; но и въ пору крѣпостнаго права, князь Владимиръ Сергѣевичъ къ своимъ многочисленнымъ крѣпостнымъ относился вполнѣ по-человѣчески. Онъ былъ слишкомъ уменъ, образованъ, честенъ и справедливъ, чтобы подобно многимъ поставить свое право въ состояніе невмѣняемости. Ни съ кого онъ не дралъ и никого не жалъ. Его большая дворня, кромѣ содержанія, получала и жалованье. «Я достаточно богатъ, говаривалъ онъ, чтобы платить людямъ, которые служатъ мнѣ».

Старое старится и умираетъ. Многихъ, многихъ съ тѣхъ поръ не стало. Давно нѣтъ и князя Владимира Сергѣевича, пріютившагося въ Москвѣ на Міюскомъ кладбищѣ. Миръ праху твоему, незабвенный, хорошій, добрый человѣкъ, и я увѣренъ, что оставшіеся въ живыхъ и знавшіе тебя, прочитавъ эти строки, вспомнятъ твою хлѣбъ-соль, твою ласку, и помянутъ тебя добрымъ словомъ.

Доброе старое время, говоритъ съ сарказмомъ новый человѣкъ. Судъ скорый, но не правый, и чтобы произнести его справедливо, надо быть, если не лучше, то по крайней мѣрѣ, не хуже прежнихъ людей. Глядимъ мы слишкомъ впередъ, какъ будто прогрессируемъ, стараемся всё утилизировать и, въ заботахъ о будущемъ, потеряли настоящее, а къ прошедшему относимся съ отвращеніемъ. А лучше ли отъ этого жить?...

Иванъ Дроздовъ.

АРТИСТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ.

Къ исторіи Русскаго театра.

Нѣтъ ни одной области, подлежащей историческому изученію, которая была бы такъ мало разработана, какъ исторія Русскаго театра. Только въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ г. Тихонравова и нѣкоторыхъ другихъ о театрѣ XVII вѣка и трудамъ Лонгинова о театрѣ послѣ 1757 г., былъ внесенъ въ царящій здѣсь хаосъ нѣкоторый свѣтъ. Но и то немногое, что̀ сдѣлано, касается исключительно исторіи чисто внѣшней; исторіи же внутренней, исторіи развитія въ Россіи сценическаго искусства, нѣтъ и въ поминѣ. Ее приходится начинать и, конечно, начинать съ отдѣльныхъ біографическихъ очерковъ. Какъ нельзя знать исторіи войны, не имѣя понятія о дѣятельности полководцевъ, такъ нельзя, по справедливому замѣчанію Лонгинова, знать и исторію театра, не зная дѣятельности по крайней мѣрѣ выдающихся артистовъ. Между тѣмъ стыдно сказать, что не только для большинства, но и для людей такъ или иначе близкихъ театру имена такихъ первоклассныхъ знаменитостей Русской сцены, какъ Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ, Троепольская, Крутицкій, даже Дмитревскій и Яковлевъ, не больше какъ звукъ, съ которымъ не соединяется никакого опредѣленнаго представленія. Біографическія изысканія должны быть справедливой данью благодарности потомковъ свѣтиламъ Русской сцены. Если мы сами не можемъ непосредственно наслаждаться ихъ созданіями, то вспомнимъ, что никто другой, какъ они довели Русское сценическое искусство до того высокаго развитія, въ которомъ мы теперь его находимъ. Преемственность также важна въ исторіи искусства, какъ и всюду. Опредѣлить мѣсто и заслуги каждаго артиста въ дѣлѣ постепеннаго совершенствованія искусства—вотъ задача для историка театра.

Въ прошломъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы пытались съ этой цѣлью дать характеристику дарованія знаменитой трагической актрисы, Е. С. Семеновой; теперь представляемъ вниманію читателей обзоръ дѣятельности славнѣйшаго Русскаго комика въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Василья Ѳедотовича Рыкалова. Кстати прибавляемъ здѣсь свѣдѣнія и о его потомкахъ, которые въ теченіе почти столѣтія съ успѣхомъ подвизались и подвизаются на сценахъ императорскихъ театровъ.

I.

Василій Ѳедотовичъ Рыкаловъ началъ свою дѣятельность въ провинціи, гдѣ прославился, играя роли благородныхъ отцовъ. Жизнь провинціальнаго актера и теперь полна вопіющей нужды, безъисходнаго горя: легко себѣ представить, что́ доставалось на долю несчастныхъ тружениковъ искусства сто лѣтъ назадъ, когда въ провинціи еще менѣе, чѣмъ теперь, былъ развитъ художественный интересъ. Неудивительно, что званіе столичнаго артиста казалось почти недосягаемымъ идеаломъ, разсчитывать на который могли весьма немногіе. Но Рыкаловъ пользовался такою громкою извѣстностью въ Тулѣ, что рѣшился попытать счастья и въ Петербургѣ, и вотъ въ 1792 году онъ прибылъ въ столицу и тотчасъ же, конечно, поспѣшилъ явиться къ тому, кто былъ тогда душою всего театральнаго дѣла—къ Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому [1]).

Случилось такъ, что какъ разъ къ этому времени театральное начальство было вынуждено, по недостатку средствъ, сократить число воспитанниковъ въ школѣ и для того выпустило остававшихся еще въ училищѣ въ балетъ и въ оркестръ. Изъ послѣднихъ учениковъ, по свидѣтельству князя Шаховскаго [2]), Дмитревскій задумалъ образовать молодую комическую труппу. Перлова, впослѣдствіи любимая актриса императора Павла, А. В. Каратыгинъ, Кротова, занимавшая иногда молодыхъ любовницъ, комикъ Вагнеръ, Вагнерова и Прокофьевъ на роли слугъ составили эту труппу; къ нимъ присоединилъ Дмитревскій Сторожева на роли первыхъ слугъ и нѣкоторыхъ другихъ артистовъ изъ своихъ постороннихъ учениковъ. Недоставало актера на роли благородныхъ отцовъ. Рыкаловъ явился кстати. Дмитревскій, прослушавъ его чтеніе, охотно принялъ его въ число актеровъ молодой труппы, причемъ самъ взялся за его обученіе. Молодая труппа

---

[1]) Лѣтопись кн. А. А. Шаховскаго. Репертуаръ 1840 г. № 11, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 11.

просуществовала недолго и слилась со старой. По спискамъ актеровъ 1810—1811 года можно видѣть, что Рыкаловъ числился на службѣ дирекціи съ 1-го Іюля 1793 года [3]).

Плѣняя въ провинціи добродушную и мало развитую въ художественномъ отношеніи публику неистовыми трагическими взываніями и неуклюжей игрой въ драмахъ, Рыкаловъ думалъ и въ Петербургѣ пользоваться тѣмъ же успѣхомъ, но ошибся. У него былъ великій комическій талантъ, но для драмы онъ не годился, и столичная публика лишь терпѣла его. Одинъ Дмитревскій хвалилъ его, но Дмитревскій, какъ извѣстно, не умѣлъ хулить; боясь оскорбить чужое самолюбіе, онъ на все и всѣмъ говорилъ: «хорошо, отлично, прекрасно» даже тогда, когда видѣлъ, что это совсѣмъ дурно. Публика же, откровенно выражающая свои сужденія, лучше всего охарактеризовала игру Рыкалова: его «рычаніе» въ трагедіи послужило для большинства поводомъ къ насмѣшкамъ надъ его фамиліей [4]).

Въ то время на Русской сценѣ во всей силѣ господствовали Нѣмецкая слезная комедія (comédie larmoyante) и мѣщанская трагедія. Въ нихъ впервые выразилось стремленіе освободить драматическое искусство отъ узкихъ рамокъ, поставленныхъ ему лже-классической теоріей; но тѣмъ не менѣе и онѣ заключали въ себѣ много ложнаго и, главное, приторно-сентиментальнаго. Весь обширный репертуаръ этихъ пьесъ и легъ на плечи Рыкалову. Не было ни одной пьесы Коцебу, въ которой бы не пришлось ему играть. Между прочимъ онъ участвовалъ и въ томъ знаменитомъ спектаклѣ 26-го Августа 1800 г. въ Гатчинѣ, когда давалась переведенная Н. С. Краснопольскимъ драма Коцебу: «Лейбъ-кучеръ императора Петра III», которая рѣшила участь ея несчастнаго автора. Какъ извѣстно, Коцебу безъ всякой вины былъ сосланъ въ Сибирь, и только благодаря представленію этой пьесы, очень понравившейся Государю по своимъ мыслямъ, онъ былъ возвращенъ въ Россію. Особенное впечатлѣніе произвелъ, кажется, на Государя разговоръ столяра Леберехта съ царскимъ кучеромъ Дитрихомъ.

— Какъ? Государь снялъ передъ тобой шляпу?

— Да, онъ кланяется всѣмъ честнымъ людямъ. Государь мнѣ кланялся.

Лейбъ-кучера игралъ Крутицкій, а столяра—Рыкаловъ [5]).

---

[3]) Лѣтопись Русск. театра Арапова, стр. 200.

[4]) Репертуаръ 1840 г. № 11, стр. 16—17.

[5]) Лѣтопись Арапова, стр. 141.

На репертуарѣ Коцебу мало-по-малу выработались внѣшнія стороны таланта Рыкалова. Здѣсь онъ пріобрѣлъ себѣ тотъ лоскъ, который такъ выгодно отличаетъ столичныхъ актеровъ отъ провинціальныхъ и очень пригодился Рыкалову, когда онъ послѣ смерти Крутицкаго во всемъ блескѣ дарованія выступилъ въ роляхъ его обширнаго комическаго репертуара. Публика просто не узнала прежняго посредственнаго актера въ новомъ замѣчательномъ комикѣ. Какъ Крутицкій былъ первымъ комическимъ актеромъ XVIII вѣка, такъ Рыкаловъ сдѣлался тогда первымъ комикомъ нынѣшняго столѣтія.

Какимъ же образомъ совершился этотъ поворотъ въ артистической судьбѣ Рыкалова? Кто замѣтилъ въ немъ изъ-подъ напыщенныхъ трагическихъ возгласовъ живую комическую жилку? Князь Шаховской въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что онъ первый далъ ему мысль выступить въ амплуа покойнаго Крутицкаго, предложивъ сыграть роль Транжирина въ своей комедіи «Полубарскія Затѣи». Но «Полубарскія Затѣи» шли въ первый разъ 22-го Апрѣля 1808 года, а Рыкаловъ еще въ 1806 г. игралъ комическую роль Сумбурова въ «Модной Лавкѣ» Крылова [6]). Очевидно, князю Шаховскому измѣнила память, но только въ подробностяхъ. Во всякомъ случаѣ всѣ современники согласно свидѣтельствуютъ, что не будь князя Шаховскаго, Русская сцена не гордилась бы славнымъ комикомъ, возбуждавшимъ къ себѣ удивленіе даже въ иностранцахъ.

Все, что̀ не подходило въ Рыкаловѣ для ролей драматическихъ, какъ нельзя болѣе подошло къ комическимъ характерамъ: и это плоское лицо, которому онъ такъ искусно умѣлъ придавать выраженіе то плутовства, то добродушія, то скупости, и неуклюжій станъ, и даже тотъ нечистый выговоръ, такъ мѣшавшій ему въ мѣстахъ патетическихъ, по поводу котораго его товарищъ Шушеринъ говорилъ, что у него ротъ набитъ кашей. Комизмъ Рыкалова не былъ искусственнымъ, напускнымъ. Ничего принужденнаго, натянутаго, вымученнаго не было въ его живой и увлекательной игрѣ: природная веселость лилась неудержимымъ потокомъ и иногда переходила черезъ край. Но эта «натура-фарсъ», какъ назвалъ ее С. Т. Аксаковъ, не имѣла ничего общаго съ пошлымъ буфонствомъ и не мѣшала вѣрному и естественному изображенію характеровъ какъ въ Русскихъ пьесахъ, такъ и въ комедіяхъ Мольера. Особенно послѣднія «были имъ представляемы (по словамъ князя Шаховскаго) вѣрно, отчетливо, весело и съ большой комической силой».

---

[6]) Тамъ же, стр. 174 и 183; ср. у Шаховскаго, стр. 17.

Амплуа Рыкалова было такое же, что у покойнаго Крутицкаго. Въ то время какъ другой знаменитый комикъ того времени, С. Н. Сандуновъ игралъ въ Мольеровомъ театрѣ роли плутовъ, слугъ, Рыкаловъ исполнялъ роли обманутыхъ опекуновъ или отцовъ, мужей-рогоносцевъ, однимъ словомъ первыя комическія роли. Гарпагонъ въ «Скупомъ», Сганарель въ к. «Мнимый Рогоносецъ», Жеронтъ въ «Скапиновыхъ Обманахъ», Журдень въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ» и наконецъ главная роль въ к. «Лекарь по неволѣ» составили его славу. Но особенно, кажется, отличался онъ въ роли Жеронта. Я видѣлъ «Скапиновы Обманы», пишетъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ Ө. В. Булгаринъ, нѣсколько разъ на Парижской сценѣ, играемую лучшими актерами, всегда вспоминалъ о Петербургѣ и нигдѣ не встрѣчалъ лучшихъ комическихъ актеровъ, какъ Рыкаловъ и Сандуновъ. Трудно вообразить, какой комизмъ умѣлъ сообщить Рыкаловъ каждому своему слову, каждому взгляду, каждому движенію! Когда онъ, бывало, завопитъ: «Да зачѣмъ его чортъ на галеру-то носилъ?»—невольный хохотъ раздавался во всѣхъ углахъ театра... Рыкаловъ былъ безподобенъ въ роляхъ комическихъ стариковъ, но лучше всего въ Мольеровскихъ пьесахъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и имѣлъ глаза на выкатѣ, которымъ умѣлъ сообщить неподражаемое выраженіе простоты и добродушія. Тонъ удивительно примѣнялся къ выраженію глазъ, и въ движеніяхъ его была такая естественность, что зритель невольно забывался» [7]).

Этотъ сочувственный отзывъ иными словами повторяютъ всѣ видѣвшіе Рыкалова на сценѣ. Одинъ Аксаковъ не соглашался съ общимъ мнѣніемъ; признавая, что у Рыкалова былъ комическій талантъ, «натура», онъ какъ бы въ укоръ ему говорилъ, что эта натура была «натура-фарсъ» [8]) Но фарсъ можетъ быть также высоко-художественнымъ. Въ тоже время всѣ Русскія комедіи были болѣе или менѣе фарсами. Многія лучшія созданія Мольера также ничто иное, какъ фарсы, напримѣръ «Мѣщанинъ во дворянствѣ». Но кто же станетъ отрицать ихъ великое художественное значеніе; кто же станетъ говорить, что Журдень не общечеловѣческій, глубоко-правдивый типъ? И если Рыкаловъ позволялъ себѣ прибѣгать здѣсь къ фарсу, то иначе и быть не могло напр. въ такой сценѣ, какъ посвященіе въ мамамуши. Лице Журденя, однако, какъ и лица другихъ Мольеровскихъ стариковъ, выходило въ его исполненіи живымъ, поразительнымъ по

---

[7]) Восп. Булгарина. Пантеонъ 1840 г. I, стр. 81—82.

[8]) См. Хроника и Восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 163.

своей правдивости. Такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуютъ современники, въ послѣдствіи писавшіе свои театральныя воспоминанія.

Но, быть можетъ, скажутъ, что сквозь призму прошлаго все представляется свѣтлымъ и хорошимъ, хотя и не было таковымъ въ то время, о которомъ пишутся воспоминанія. Въ этой мысли есть доля справедливости; но тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтаютъ записки тѣхъ современниковъ, которые писали о театрѣ, не спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, но почти тотчасъ же по выходѣ изъ театральной залы, подъ свѣжимъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ игры того или другаго художника. Прослѣдимъ же эти замѣтки, и мы лучше всего поймемъ, какое сильное впечатлѣніе производила на зрителя, и притомъ образованнаго и развитаго, игра Рыкалова. А сила производимаго художникомъ впечатлѣнія есть лучшее мѣрило его дарованія.

«Рыкалова—писалъ 23 Апрѣля 1807 г., послѣ представленія «Скапиновыхъ Обмановъ», въ своемъ дневникѣ Жихаревъ—можно назвать актеромъ par excellence. Онъ игралъ роль Жеронта. Какая великолѣпная комическая фигура! Лицо, станъ, походка, движенія—все это въ немъ такъ неуклюже, такъ натурально-глупо, что при одномъ появленіи его нельзя удержаться отъ смѣха; а органъ, а дикція—это совершенная натура. Никакихъ натяжекъ, никакого преувеличенія, ничего площаднаго; словомъ, видишь передъ собой не актера, а настоящаго Жеронта. Но въ сценѣ, когда Скапинъ объявляетъ, что Турокъ захватилъ его сына и требуетъ за него выкупа, Рыкаловъ превзошелъ мои ожиданія: все, что̀ я прежде ни слышалъ о превосходной игрѣ его въ этой сценѣ, ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я увидѣлъ. Какъ уморительно смѣшно было это отчаяніе! Съ какой забавно-жалобной миной развязывалъ онъ кошель свой, повторяя безпрестанно эти извѣстныя восклицанія: «Да зачѣмъ чортъ его на галеру-то носилъ? О, проклятый Турка! О, проклятая галера!» Какъ мастерски сыграна имъ сцена, въ которой Скапинъ прячетъ его въ мѣшокъ и потчуетъ палочными ударами! Сначала его нетерпѣливыя движенія и корчи въ мѣшкѣ, потомъ удивленіе и ужасъ его при открытіи обмана, и наконецъ бѣшенство, съ какимъ онъ избитый вылѣзаетъ изъ мѣшка и преслѣдуетъ Скапина—все это выражено Рыкаловымъ превосходно и съ необыкновенной вѣрностью. Я теперь понимаю, почему старые Французскіе актеры отзываются о немъ съ такимъ уваженіемъ: онъ имъ передаетъ Мольера «à la Preville» [3]).

«На Маломъ Театрѣ—записалъ 16 Мая 1807 г. тотъ же театралъ—давали «Мѣщанина во дворянствѣ». Рыкаловъ въ роли Журдена былъ

---

[3]) Дневникъ чиновника. От. Записки, 1855 г., т. СII, кн. 9-я, стр. 139—140.

превосходенъ. Что за физіономія, что за ухватки! Какъ рельефно произносилъ онъ каждое слово, которое характеризуетъ персонажъ, и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ пошлаго буффонства, такъ отчетливо и естественно! Какъ уморителенъ былъ онъ въ сценѣ съ учителемъ философіи: «эфъ, а; эфъ, а,—о батюшка и матушка, сколько я вамъ зла желаю, что вы меня не научили!» Несмотря на то, что роль Журдена огромна, и Рыкаловъ впродолженіе всѣхъ пяти актовъ не сходитъ со сцены, въ немъ незамѣтно было никакого утомленія, и послѣднюю фразу своей роли онъ произнесъ съ такимъ же одушевленіемъ и веселостью, какъ и первую, при появленіи своемъ на сцену. Надобно много имѣть энергіи въ игрѣ, чтобы заставить зрителя заниматься однимъ собою въ продолженіе такой длинной пьесы и не надоѣсть ему» [10]).

Такъ отзывались современники объ исполненіи Рыкаловымъ Мольеровскимъ ролей; но не хуже игралъ онъ и въ бытовой Русской комедіи. Онъ не только умѣлъ изображать характеръ даннаго лица, его внутреннія, душевныя свойства, но съ неменьшей наблюдательностью подмѣчалъ и внѣшнія, бытовыя особенности изображаемаго типа. Говоря иначе, заявляя себя въ театрѣ Мольера актеромъ Европейскимъ, въ Русскихъ пьесахъ онъ являлся прекраснымъ воспроизводителемъ лицъ, выросшихъ исключительно на почвѣ чисто-Русской жизни. Въ то время, правда, Русскій театръ не имѣлъ еще изящной, художественной комедіи Грибоѣдова, но обладалъ уже пьесами Фонъ-Визина. Комедія наша переживала тогда свою переходную эпоху, главнымъ представителемъ которой былъ князь Шаховской. Фонъ-Визинъ, можно сказать, первый показалъ, какой разнообразный матеріалъ можетъ дать Русская дѣйствительность для художественной комедіи; онъ первый нарисовалъ не олицетворенные страсти и пороки, но живыя, всегдашнія лица. Оставалось далѣе разработывать указанный имъ неисчерпаемый матеріалъ. Князь Шаховской это и дѣлалъ, расчищая своими пьесами путь Грибоѣдову. Обладая гораздо меньшимъ талантомъ, чѣмъ Грѣбоѣдовъ и Фонъ-Визинъ, онъ не могъ живописать такими сильными, яркими красками; его образы были сравнительно-блѣдны, но тѣмъ не менѣе всякій чувствовалъ близкую связь ихъ съ Русскою жизнью. Актеру давалось немалое поле, чтобы выказать свой комическій талантъ, свою наблюдательность, и Рыкаловъ не уронилъ и здѣсь своей репутаціи перваго комика, какую пріобрѣлъ онъ въ комедіяхъ Мольера.

Особенный успѣхъ выпалъ ему на долю въ двухъ комедіяхъ князя Шаховскаго: «Ссора или два сосѣда» и «Полубарскія Затѣи». Въ

---

[10]) Отеч. Записки 1855 г., № 10, стр. 356.

первой онъ игралъ собачьяго охотника Вспышкина, который ссорится со своимъ сосѣдомъ, ябедникомъ Сутягинымъ изъ-за козла, разорваннаго собакой; во второй роль Транжирина, одну изъ капитальнѣйшихъ ролей своего репертуара. Въ лицѣ Транжирина князь Шаховской задался, какъ извѣстно, мыслью осмѣять театральныя причуды современнаго ему полубарства. Въ то время была манія на крѣпостные театры, и чуть-ли не каждый богатый помѣщикъ имѣлъ свой театръ и обращалъ своихъ Дунекъ и Ванекъ въ герцогинь и герцоговъ, не переставая сѣчь ихъ розгами. У людей полуобразованныхъ, у «полубаръ», эта страсть къ театру принимала еще болѣе смѣшной видъ; особенно забавно было противорѣчіе между эстетическимъ невѣжествомъ собственниковъ театра и ихъ стремленіемъ выказать въ себѣ художественный вкусъ. Князь Шаховской ловко подмѣтилъ эту черту и зло надъ ней подсмѣялся. Его комедія полна самыхъ забавныхъ сценъ, какъ напримѣръ разсказъ Транжирина о томъ, какъ онъ выбираетъ слугъ для приспособленія ихъ къ музыкальнымъ инструментамъ: который повыше, того къ контрбасу, кто покорепастѣе, тотъ играй на волторнѣ. Рыкаловъ превосходно передавалъ этотъ разсказъ и въ теченіе всей своей роли былъ необыкновенно типиченъ. Съ такою же типичностью изображалъ онъ и другія свои бытовыя роли, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны роль предсѣдателя въ к. Судовщикова «Неслыханное Диво» [11]), Якова Силина въ к. Клушина «Разсудительный Дуракъ», Деревенскаго въ к. Павла Сумарокова «Деревенскій въ столицѣ» и наконецъ роль Сумбурова въ к. Крылова «Модная Лавка» [12]). Въ этой послѣдней онъ вмѣстѣ съ Рахмановой, игравшей Сумбурову, заставлялъ весь театръ хохотать до упаду, особенно въ той сценѣ, когда Сумбуровъ вмѣсто отыскиваемой имъ контрабанды находитъ спрятанною въ шкафу свою жену. «Рыкаловъ и Рахманова— писалъ объ этой пьесѣ Жихаревъ—въ роляхъ Сумбурова и Сумбуровой превосходны. Мало того, что они смѣшатъ, но вмѣстѣ заставляютъ удивляться вѣрности, съ какою представляютъ своихъ персонажей. Это настоящіе провинціалы, но провинціалы совершенно-Русскіе; и

---

[11]) Комедія „Неслыханное Диво“ была дана въ первый разъ 24 Апрѣля 1809 г. По словамъ Жихарева, она была полна такихъ комическихъ сценъ и забавныхъ характеровъ, что, видя ее на сценѣ, нельзя было не хохотать особенно при уморительной игрѣ Рыкалова, представлявшаго предсѣдателя-взяточника, который учитъ своего дворника (Рожественскій), какъ принимать просителей:

Пр. Ну понялъ-ли? *Дв.* Смекнулъ: вѣдь я тебѣ не ворогъ.

Пр. Примолвить не забудь, что нынче сахаръ дорогъ.

(См. От. Зап. 1854 г., № 11, стр. 34).

[12]) Лѣтопись Русск. театра Арапова, стр. 174, 184, 192, 205.

кто живалъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, тому, навѣрное, удавалось не разъ встрѣчать подобные оригиналы» [13]).

Несмотря однако на всѣ эти похвалы, несмотря на славу перваго комика, Рыкаловъ продолжалъ страдать тою же болѣзнью, какою страдаютъ чуть не всѣ комическіе актеры: ему непремѣнно хотѣлось быть трагикомъ. Много трудовъ надо было князю Шаховскому, чтобы заставить его сыграть первую комическую роль; но еще болѣе трудно было побудить отказаться совсѣмъ отъ прежняго амплуа и занять роли покойнаго Крутицкаго. Только настоятельныя увѣщанія дирекціи, обѣщаніе прибавить жалованье и назначить бенефисъ могли на него подѣйствовать. Но и послѣ того онъ не совсѣмъ еще успокоился и въ первый же свой бенефисъ, когда актеръ самъ имѣлъ право выбрать пьесу и роль, онъ взялъ трагедію Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» и самъ задумалъ сыграть Эдипа. Какъ онъ его сыгралъ, это лучше всего видно уже изъ того, что отчаяніе Эдипа, когда его разлучаютъ съ дочерью, было похоже на отчаяніе Гарпагона, утратившаго свои деньги. Когда Рыкаловъ—разсказываетъ Жихаревъ—послѣ спектакля спросилъ своихъ товарищей, каковъ онъ былъ въ Эдипѣ, Ежова очень мѣтко отвѣчала за всѣхъ и за публику: «ну точно, батюшка, какъ изъ мѣшка вылѣзалъ», разумѣя комическую сцену Жеронта въ «Скапиновыхъ Обманахъ» [14]).

Только послѣ этого бенефиса, Рыкаловъ наконецъ рѣшился бросить свои попытки въ драмѣ и всецѣло обратился къ комическому репертуару. Но, къ сожалѣнію, ему не долго пришлось украшать своимъ дарованіемъ Русскую сцену. Немного лѣтъ спустя, въ концѣ 1812 или въ самомъ началѣ 1813 года, онъ скончался, оставивъ по себѣ на долго свѣтлую память и какъ актеръ, и какъ человѣкъ.

Какъ человѣкъ, онъ всегда былъ готовъ помочь всякому, кто имѣлъ въ немъ нужду, всегда откликался на все, въ чемъ видѣлъ благо для общества. Нерѣдко выручалъ онъ изъ нужды и, соединяя съ талантомъ и образованность, постоянно помогалъ начинающимъ авторамъ и актерамъ своими совѣтами и указаніями. Какъ актеръ, повторяемъ, онъ занималъ первое мѣсто въ комедіи. «Это былъ—говоритъ Зотовъ—замѣчательнѣйшій артистъ, котораго Русскій театръ долго имѣть не будетъ.... Это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій въ художественномъ мірѣ, которыя случаются только для того, чтобы указать другимъ, до чего трудъ и дарованіе могутъ достигнуть. Напрасно

---

[13]) Отеч. Зап. 1855 г., № 9, стр. 377.

[14]) Лѣт. Шаховскаго. Репертуаръ 1840 г., № 11, стр. 17. Ср. Отеч. Зап. 1854 г., № 10, стр. 121.

сталъ бы я исчислять лучшія его роли. Надобно назвать всѣ пьесы тогдашняго репертуара, въ которыхъ онъ участвовалъ, потому что онъ вездѣ былъ хорошъ. При потерѣ своего маститаго любимца Русская Талія казалась неутѣшной [15]). Французскій актеръ Ларошъ, бесѣдуя о Рыкаловѣ съ Жихаревымъ, назвалъ его однимъ изъ величайшихъ классическихъ комиковъ въ свѣтѣ на роли à manteaux et les financiers, а Дюкруасси, занимавшій на сценѣ одно амплуа съ Русскимъ актеромъ, говаривалъ: «Qu'il est enchanté de lui dans les comédies de Molière [16])»

«Нашъ неподражаемый Щепкинъ одинъ можетъ быть сравненъ съ Рыкаловымъ» говоритъ Араповъ [17]), и въ этомъ короткомъ замѣчаніи заключается вся оцѣнка артиста, опредѣленіе той роли, которую онъ игралъ въ общемъ ходѣ развитія Русскаго сценическаго искусства. Въ ту пору, когда лжеклассическая трагедія съ ея условной декламаціей и напыщенными тирадами царила на сценѣ, комедія одна давала матеріалъ для живой и естественной игры. И пусть, можетъ-быть, игра нашихъ старинныхъ комиковъ переходила иногда въ преувеличеніе, легко объясняемое дѣйствіемъ самого репертуара и незрѣлостью театральныхъ воззрѣній,—все же имъ всѣмъ вообще, и Рыкалову въ частности, принадлежитъ важная заслуга: они первые на нашей сценѣ сѣяли сѣмена естественности, подготовляли дорогу Щепкину и его школѣ, тому времени, когда, вмѣсто условной декламаціи и напыщенно-ходульнаго паѳоса, лозунгомъ Русскаго искусства стала реальная правда и жизненность исполненія.

II.

Рыкаловъ былъ женатъ, но на комъ въ точности неизвѣстно. Араповъ, говоря о труппѣ 1803 г., упоминаетъ о какой-то актрисѣ, Пелагеѣ Рыкаловой, получавшей жалованья 350 р. Кромѣ того, о ней извѣстно еще только по списку актеровъ 1810—1811 гг., изъ котораго видно, что службу она начала 1 Февраля 1798 г., т.-е. спустя пять лѣтъ послѣ поступленія въ труппу В. Ѳ. Рыкалова, въ сезонъ 1810—1811 гг. получала жалованья 500 р., да 150 квартирныхъ и занимала амплуа комическихъ старухъ [18]). Соображаясь съ этими цифрами, можно съ вѣроятностью предположить, что женою знаменитаго комика была именно эта актриса.

---

[15]) Воспом. Зотова Реперт. 1840 г., № 4, стр. 5 и № 7, стр. 26—27.

[16]) Воспом. стараго театрала. От. Зап. 1854. № 10, стр. 109.

[17]) Драматическій альбомъ 1850 г., стр. XXXIII—XXXIV.

[18]) Лѣт. Русск. театра, стр. 203.

Какъ бы то ни было, послѣ Василія Өедотовича остались сироты дѣти, изъ которыхъ старшею была дочь Елисавета, впослѣдствіи Марсель. Въ первый разъ ея имя упоминается въ хроникахъ Русскаго театра подъ 26 Января 1813 г., днемъ, въ который извѣстили о бенефисѣ въ пользу жены и дѣтей покойнаго Рыкалова. Въ старое время такія извѣстія обыкновенно дѣлались со сцены по окончаніи играемой пьесы. При этомъ, когда объявлялся бенефисъ въ пользу сиротъ какого-нибудь актера, то, по принятому обыкновенію, выводили передъ публику одного изъ дѣтей покойника, обыкновнно старшаго; потому въ данномъ случаѣ и вывели Елисавету Васильевну [19]). Это было первое появленіе ее на сценическихъ подмосткахъ, пока совершенно пассивное. Но прошло около четырехъ лѣтъ, и она снова явилась передъ лицомъ публики, уже не безмолвной свидѣтельницей горькаго положенія осиротѣвшей семьи, не просительницей, но артисткой, правда все еще робкой, смущенной новизною положенія, но уже высказывающей явный талантъ, увлекающій веселостью и живостью исполненія.

Рыкалова была воспитанницей театральнаго училища. Сначала ее готовили къ балету, и лишь потомъ открылись у ней и голосъ, и драматическія способности. Замѣчательно то обстоятельство, что эти дарованія открылъ въ ней все тотъ же неутомимый въ дѣлѣ искусства человѣкъ, который указалъ и отцу ея настоящую дорогу. Подразумѣваемъ князя Шаховскаго. Первымъ спектаклемъ, объ участіи въ которомъ Рыкаловой дошло до насъ извѣстіе, былъ бенефисъ ея учителя пѣнія въ театральномъ училищѣ, Біанки, 27 Мая 1818 г. Шла ком. «Маскарадъ» [20]). Съ первыхъ же своихъ шаговъ молодая артистка обратила на себя вниманіе и какъ дочь давняго любимца Петербургской публики, и какъ дѣвушка, обладавшая очень счастливою внѣшностью, миловиднымъ личикомъ, граціознымъ сложеніемъ, а, главное, молодостью, и наконецъ, какъ артистка, въ талантѣ которой сразу бросалось въ глаза милое простодушіе и та рѣзвая, увлекательная веселость, которою такъ славился ея отецъ. Въ короткое время она и ея двѣ подруги, по училищу и по сценѣ—Монруа и Строганова, составили собою тріумвиратъ, память о которомъ не совсѣмъ осталась безслѣдною въ исторіи Русскаго театра и въ частности въ исторіи Русской оперы. Всѣ трое не были артистками первоклассными, но у всѣхъ былъ небольшой, пріятный голосокъ и неболь-

---

[19]) Русск. Стар. 1880 г., № 10.

[20]) „Лѣт. Рус. театра", стр. 265.

шое драматическое дарованіе, выдвигавшее ихъ изъ общей безличной массы другихъ актеровъ того времени. Подруги Рыкаловой особенно славились какъ пѣвицы оперныя; Рыкалова же, выступивъ въ нѣсколькихъ водевиляхъ, такъ увлеклась своимъ выдающимся въ нихъ успѣхомъ, что, оставивъ въ сравнительномъ небреженіи оперныя партіи, прославилась по-преимуществу какъ актриса водевильная, «съ большимъ успѣхомъ занимая роли рѣзвыхъ и простодушныхъ дѣвицъ» [21]).

Страннымъ можетъ показаться теперь, какъ возможно составить себѣ надолго неувядаемую славу однѣми водевильными ролями, да сравнительно незначительными партіями въ операхъ. Водевили у насъ не въ ходу. На современныхъ театрахъ ихъ даютъ лишь для съѣзда или разъѣзда публики. Оттого Русскій водевиль палъ и въ своемъ качествѣ. Но не то было въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда не одинъ Грибоѣдовскій Репетиловъ твердилъ:

Водвиль есть вещь, а прочее все гиль.

То время можно назвать эпохою высшаго разцвѣта для водевиля. Бывало, на какой-нибудь одно-актный водевиль Писарева съѣзжалась вся Москва. Первое представленіе новаго водевиля было своего рода театральнымъ событіемъ, порождало толки, споры и даже распри. Водевильные куплеты заучивались наизустъ. Да и кто тогда были авторами водевилей?—Князь Шаховской, Хмѣльницкій! Ихъ легкія, веселыя и иной разъ чрезвычайно игривыя и граціозныя бездѣлки такъ хороши, что не потеряли своего интереса и теперь. Какъ Хмѣльницкій составилъ себѣ водевилями литературное имя, которое исторія словесности никогда не пройдетъ молчаніемъ, такъ и Рыкалова составила свою артистическую славу тѣми же водевилями. Она переиграла весь современный репертуаръ этого рода и немало помогла самой извѣстности Хмѣльницкаго, изображая то граціозное простодушіе Бабеты («Новая Шалость»), то безсознательное зарожденіе любви у наивной Жоржеты («Бабушкины Попугаи»), незнавшей, что на свѣтѣ есть мужчины, то Ленушку въ «Карантинѣ», то рѣзвую трусиху Розу въ ком. «Суженаго конемъ не объѣдешь» [22]). Успѣхъ ея въ этихъ роляхъ былъ такъ значителенъ, такъ сильно игра молодой даровитой артистки нравилась публикѣ, что даже спустя 20 лѣтъ, старые театралы, вспоминая о своемъ театральномъ прошломъ, не пропускали случая поговорить о граціозной Рыкаловой.

---

[21]) Тамъ же.

[22]) „Лѣт. Рус. театра“, стр. 279, 317, 329.

Но этотъ успѣхъ, къ сожалѣнію, былъ непроченъ. Водевильныя роли молоденькихъ дѣвушекъ требуютъ прежде всего молодости самой первой, граціи почти дѣвственной. Безъ этихъ двухъ необходимыхъ качествъ не поможетъ никакой талантъ, какъ-бы великъ онъ ни былъ. Прошло около пяти лѣтъ, и Рыкалова совершенно неожиданно для себя увидѣла, что слава ея падаетъ. Болѣе молодыя артистки становились любимицами публики, она же явно затушевывалась. Тутъ впервыя, можетъ быть, пришлось ей раскаяться, что она, увлекшись легкими водевильными успѣхами, забросила оперу, гдѣ ея подруги пользовались прежнимъ расположеніемъ публики. Она поспѣшила вернуться снова къ опернымъ партіямъ. Но пятилѣтнее пренебреженіе отмстило за себя: артистка не могла уже занять того мѣста, которое-бы, конечно, получила, еслибы съ самаго начала старалась разработать свое небольшое, но симпатичное сопрано. Тѣмъ не менѣе она пѣла не безъ успѣха, занявъ послѣ выхода изъ труппы тогдашней оперной звѣзды Нимфодоры Семеновой нѣкоторыя изъ ея партій, какъ напр. «Красную Шапочку». Особеннымъ успѣхомъ пользовалась она въ оперѣ Вебера «Фрейшюцъ» въ роли Анеты.

Съ конца тридцатыхъ годовъ имя Рыкаловой болѣе уже не встрѣчается ни въ театральныхъ отчетахъ, ни въ воспоминаніяхъ тогдашнихъ театраловъ. Только тѣ, кто помнилъ первые годы ея дѣятельности, цѣнили ея талантъ и съ сожалѣніемъ смотрѣли на настоящую судьбу артистки. Зотовъ въ 1840 г. еще высказывалъ надежду, что, «перейдя современемъ на амплуа комическихъ старухъ, она будетъ въ немъ хороша, потому-что талантъ никогда не старѣется» [23]). Но намъ неизвѣстно, сбылись-ли эти надежды. Вѣроятно, нѣтъ. Зотовъ былъ послѣднимъ человѣкомъ, печатно вспомнившимъ о Рыкалой. Такимъ образомъ, она промелькнула на Русской сценѣ мимолетной звѣздочкой и какъ неожиданно удивила всѣхъ своимъ живымъ, увлекательнымъ талантомъ, такъ же незамѣтно и скоро затерялась среди новыхъ талантовъ, озарившихъ своимъ блескомъ Русскій театръ.

Гораздо болѣе прочной славой воспользовался младшій братъ ея, Василій Васильевичъ. Подобно сестрѣ онъ воспитывался въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ [24]), а въ Маѣ 1818 г. дебютировалъ на Русской драматической сценѣ на роли слугъ. Вскорѣ послѣ этого принятый на службу дирекціи, онъ перешелъ неизвѣстно почему на Московскій театръ, гдѣ и игралъ до самой смерти, пользуясь, по сло-

---

[23]) Восп. Зотова, „Репертуаръ“, 1840 г., № 9, стр. 41—42.

[24]) Восп. П. А. Каратыгина. Русск. Ст. 1873 г. № 2, стр. 150.

вамъ Арапова, заслуженной славой «знаменитаго комика». Къ сожалѣнію мы имѣемъ о его талантѣ очень мало извѣстій. Причиной этому, конечно, его служба въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ. О Московскихъ актерахъ намъ вообще извѣстно гораздо менѣе, чѣмъ о Петербургскихъ. Ни Померанцевъ, ни Синявская, ни Ожогинъ не могутъ быть охарактеризованы съ такой полнотой и точностью, какъ напримѣръ Яковлевъ или Семенова. О талантахъ Московскихъ, Шушерина и Плавильщикова, мы знаемъ подробно только потому что они служили и въ Петербургѣ, о чемъ и остались воспоминанія Петербургскихъ театраловъ. Въ Москвѣ, конечно, также были свои театралы; но дѣло въ томъ, что они никогда не думали (за весьма немногими исключеніями) подѣлиться съ публикой своими воспоминаніями. О Московскомъ театрѣ нѣтъ и такой лѣтописи, какъ лѣтопись Арапова или даже Вольфа, нѣтъ и такихъ записокъ, какъ записки Жихарева. Неудивительно, что и о Рыкаловѣ мы узнаёмъ только изъ коротенькой замѣтки Арапова въ его «Драматическомъ альбомѣ».

Василій Васильевичъ занималъ тоже самое амплуа, что̀ и знаменитый Французскій актеръ Потье. Онъ игралъ по преимуществу въ водевиляхъ, комедіяхъ, фарсахъ—rôles de charge: молодаго человѣка въ 60 лѣтъ, Вертера, гастронома голоднаго и др. и умѣлъ въ этихъ роляхъ смѣшить до упаду, какъ впослѣдствіи смѣшилъ только незабвенный для Москвичей В. И. Живокини. Комизмъ Рыкалова былъ рѣшительно невозмутимъ. Когда онъ изображалъ какое-нибудь лицо, какъ бы преувеличено и карикатурно оно ни было, онъ не старался смѣшить, не склонялся къ фарсу, не давалъ и виду публикѣ, что считаетъ исполняемое лицо смѣшнымъ, но игралъ съ невозмутимою серьезностью. Сохраняя эту-то комическую серьезность безъ фарсовъ, Рыкаловъ такимъ образомъ, молча, по словамъ современниковъ, заставлялъ хохотать партеръ [25]). Какъ отецъ, онъ отличался также въ Мольеровскихъ комедіяхъ, но уже на другомъ амплуа—слугъ. Къ сожалѣнію его театральное поприще было непродолжительно. Онъ пробылъ на сценѣ менѣе десяти лѣтъ и въ концѣ 1826 г. или въ первыхъ мѣсяцахъ 1827 г. уже скончался. По крайней мѣрѣ 22 Апрѣля 1827 г. состоялся бенефисъ его сиротъ. Шла переведенная кн. Шаховскимъ к. Мольера «Сициліецъ» [26]). Со смертью Рыкалова водевиль, по словамъ Арапова, понесъ чувствительную потерю. Его амплуа надолго осталось незамѣненнымъ, а нѣкоторыя роли и совсѣмъ исчезли съ репертуара.

---

[25]) Драмат. альбомъ 1850 г. стр. LXXXVIII.

[26]) Мольеръ въ Россіи, ст. Родиславскаго. Русск. Вѣст. 1872 г. № 3, стр. 68.

Въ лицѣ Василія Васильевича семья Рыкаловыхъ породнилась съ другой артистической семьей—Степановыхъ. Москвичи еще помнятъ, вѣроятно, замѣчательнаго комика Петра Гавриловича Степанова, въ 60-хъ годахъ украшавшаго своимъ талантомъ Малый Театръ. Онъ обладалъ удивительнымъ искусствомъ изъ второстепенныхъ, едва очерченныхъ лицъ создавать цѣлые типы и былъ единственнымъ въ своемъ родѣ судьею въ «Ревизорѣ» и княземъ Тугоуховскимъ въ «Горе отъ ума». На его-то родной сестрѣ, Аграѳенѣ Гавриловнѣ, и былъ женатъ Василій Васильевичъ. Аграѳена Гавриловна была также артисткою Московскихъ театровъ, и къ удивленію мы знаемъ о ней гораздо болѣе, чѣмъ о ея мужѣ, хотя по силѣ таланта ихъ нельзя было даже сравнивать. Это легко объясняется тѣмъ, что Рыкалова была, по современнымъ свидѣтельствамъ, почти красавицей. Она дебютировала въ началѣ Ноября или концѣ Октября 1821 г. въ роли Эдельмоны (Дездемоны) въ «Отелло». Въ то время въ журналахъ не существовало особаго постояннаго отдѣла театральной критики, писали только о чрезвычайно выдающихся спектакляхъ; но о дебютѣ Степановой въ № 21 «Вѣстника Европы» за 1821 годъ появилась цѣлая, довольно обстоятельная статья. Критикъ, указывая на то, что у нея есть всѣ задатки хорошей артистки, кажется, болѣе всего былъ прельщенъ ея красивою внѣшностью, восхвалялъ «большіе черные глаза артистки, способные выражать всѣ оттѣнки чувства, черты правильныя, рѣзко означенныя, стройный, довольно высокій, тонкій станъ, очаровательную улыбку и свѣжесть ея лица». «Публика приняла дѣвицу Степанову—такъ заканчивается этотъ отзывъ—съ восхищеніемъ и отдала полную справедливость рѣдкимъ *средствамъ* ея; теперь зависитъ отъ молодой артистки оправдать лестныя ожиданія публики. Первый успѣхъ въ искусствѣ долженъ всегда быть поощреніемъ къ дальнѣйшимъ». По окончаніи статьи критикъ не могъ даже удержаться, чтобы не воспѣть таланта молодой артистки въ стихахъ, и въ томъ же номерѣ напечаталъ слѣдующее стихотвореніе:

Отелло долженъ быть ревнивымъ,
Его не смѣю обвинять:
Кого вы любите, тотъ долженъ быть счастливымъ;
Кто любитъ васъ, тотъ долженъ ревновать [27]).

Уже изъ этого стихотворенія видно, что не столько талантъ Степановой, сколько ея молодость и красота произвели на критика впечатлѣніе. Дѣйствительно, восхваленія его остались безъ продолженія.

[27]) Вѣстн. Европы 1821 г. № 21 стр. 68—70.

Дальнѣйшія извѣстія свидѣтельствуютъ, что, какъ актриса, А. Г. Рыкалова не выдавалась ничѣмъ. Араповъ нашелся сказать о ней только, что «она была стройна и интересна собою, и занимала въ драмахъ и комедіяхъ роли первыхъ любовницъ» [28]). Въ самомъ дѣлѣ, въ двадцатыхъ годахъ, когда въ Москвѣ не было выдающихся актрисъ, она играла часто и роли очень важныя, и очень разнообразныя—комическія: Княгиню Вѣтрону (Доримена) въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ», Леонору въ «Школѣ Мужей» и трагическія: Амалію въ «Разбойникахъ» или Эдельмону въ «Отелло». Но какъ она ихъ играла, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство такого критика, какъ Бѣлинскій. Въ письмѣ къ родителямъ отъ 9-го Октября 1829 г., сообщая свои театральныя впечатлѣнія отъ «Гамлета» и «Разбойниковъ», онъ пишетъ: «Роль Эдельмоны и Амаліи играла Рыкалова по Пензенскому худо, а по Московскому скверно» [29]). Какъ кажется, самую справедливую оцѣнку Рыкаловой находимъ въ письмѣ ея товарища по сценѣ извѣстнаго водевилиста Д. Т. Ленскаго къ П. А. Каратыгину. Сообщая ему 10-го Іюля 1840 г. о смерти Лаврова и Рыкаловой, онъ писалъ: «Представь, вслѣдъ за Лавровымъ отправилась на тотъ свѣтъ Рыкалова, его ровесница; актриса она была незавидная, но женщина прелестная и по душѣ и по наружности; братъ ея, твой пріятель, П. Степановъ лишился въ ней лучшаго и, можно сказать, единственнаго друга на свѣтѣ» [30]).

Отъ брака Аграфены Гавриловны съ Василіемъ Васильевичемъ родилась та артистка, которая является теперь на Русскихъ сценахъ послѣдней представительницей рода Рыкаловыхъ. Мы говоримъ о Надеждѣ Васильевнѣ Рыкаловой—старѣйшей изъ артистокъ Московскаго Малаго Театра. Она рано лишилась отца и совсѣмъ не готовилась для сцены. Восьми лѣтъ ее отдали въ пансіонъ В. Н. Фонъ-деръ-Паленъ, гдѣ она и воспитывалась около 6-ти лѣтъ, послѣ чего продолжала свое образованіе подъ руководствомъ дяди, П. Г. Степанова. По смерти, въ 1840 году, матери, молодая дѣвушка, выдержавъ экзаменъ при университетѣ, поступила гувернанткою въ домъ Серг. Степ. Мельгунова, но пробыла здѣсь недолго. Скромная дѣятельность гувернантки не была ея призваніемъ. Внука знаменитаго комика, у которой отецъ и мать были также актерами, она съ рожденіемъ уже получила наслѣдственную склонность къ театру. Было что-то, чтó неотразимо

---

[28]) Драмат. Альбомъ 1850 г. стр. LXXXIX.

[29]) Русск. Стар. 1876 г. т. XV, стр. 57.

[30]) „Русск. Старина 1880 г. № 10, стр. 331.

влекло ее на сцену. Любимымъ ея удовольствіемъ было посѣщеніе театра, любимымъ занятіемъ—чтеніе стиховъ и декламація. Призваніе сказывалось явно и, рано-ли, поздно-ли, должно было вывести на настоящую дорогу. Оно и вывело. Живя по лѣтамъ въ с. Кусковѣ, въ семействѣ дяди, который всю любовь къ своей покойной сестрѣ перенесъ съ ея смертью на племянницу, она проходила на тамошней сценѣ, подъ его руководствомъ, роль Елены Глинской и эту же самую роль выбрала для своего дебюта, когда, въ Августѣ 1846 года, побѣдивъ, по словамъ Арапова, всѣ другія предположенія, рѣшилась выступить на сценѣ императорскихъ театровъ, на той самой сценѣ, гдѣ еще такъ сравнительно недавно подвизались ея родители. Сыгравъ затѣмъ еще нѣсколько ролей, она, по желанію директора театровъ, отправилась въ Петербургъ для ознакомленія съ талантами тамошней труппы, а по возвращеніи заняла амплуа драматическихъ любовницъ и свѣтскихъ дѣвушекъ въ комедіяхъ. Лучшими ея ролями считались Марія Мнишекъ въ траг. «Смерть Ляпунова», Гризельда, Мирандолина, роль дочери въ др. «Отцовское Проклятіе» и, наконецъ, хорошо извѣстная современнымъ любителямъ театра трудная роль несчастной невѣсты Іоанна Грознаго, Мареы Собакиной, въ др. Мея «Царская Невѣста». Но особенно хорошо, по словамъ Арапова, обозначился характеръ ея игры въ двухъ комедіяхъ «Поѣздка за границу» и «Комедія безъ свадьбы»; въ нихъ она манерою и приличіемъ тона вполнѣ соотвѣтствовала достоинству изображаемыхъ лицъ. О томъ же, что она уже тогда выдавалась среди прочихъ артистовъ, можно судить хотя-бы по тому, что Араповъ, издавая въ 1850 году свой «Драматическій Альбомъ», не нашелъ возможнымъ пройдти молчаніемъ ее, тогда еще артистку начинающую, и помѣстилъ ея портретъ.

Сообщая при этомъ біографію Рыкаловой, Араповъ закончилъ ее такими словами: «Остается пожалѣть о томъ, что Н. В. Рыкалова, соединяя прекрасное образованіе съ талантомъ, появилась въ ту эпоху, когда на сценѣ нашей нѣтъ ни возвышенной благородной драмы, ни комедіи и что ея дарованіе не можетъ имѣть настоящаго развитія» [31]). Но это послѣднее сужденіе едва-ли вѣрно. Именно съ начала 50-хъ годовъ началъ зарождаться Русскій національный, бытовой репертуаръ съ пьесами Островскаго, съ 60-хъ годовъ появилось стремленіе къ классическимъ пьесамъ Шекспира, Мольера, Шиллера, и Рыкаловой было много полезной для ея артистическаго развитія работы. Она и развила свое дарованіе въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ было возможно.

---

[31]) „Драматическій Альбомъ", стр. 126.

Дарованіе это было сравнительно небольшое. Оно тускнѣло при сравненіи съ увлекательнымъ талантомъ Никулиной-Косицкой, при сравненіи съ дарованіемъ Васильевой; но одно то уже говоритъ въ пользу Рыкаловой, что она умѣла, не смотря на невыгодное для себя сравненіе, сохранить уваженіе и любовь публики, какъ въ теченіе первой половины своей дѣятельности, когда играла роли молодыя, такъ и съ 60-хъ годовъ, когда, постепенно переходя на пожилыя характерныя роли съ комическимъ или драматическимъ оттѣнкомъ, дублировала Васильеву. Это время артистической карьеры Рыкаловой прошло уже отчасти на нашихъ глазахъ, и мы хорошо помнимъ, какъ умно и талантливо исполняла она вмѣсто Васильевой, хотя-бы въ ком. «Вокругъ огня не летай», комическую роль старой генеральши, пришедшей объясняться съ полицеймейстеромъ по интимному дѣлу. Но лучшая роль артистки за весь этотъ періодъ несомнѣнно Кабаниха въ «Грозѣ» Островскаго. Это—то созданіе Надежды Васильевны, благодаря которому, имя ея, конечно, перейдетъ въ исторію театра. Ни Линская, гастролировавшая въ этой роли въ Москвѣ, ни Садовская, недавно пытавшаяся играть ее послѣ Рыкаловой, не могли съ ней равняться: такъ хорошо играетъ она эту роль, являясь настоящей ханжей-самодуркой. Въ каждомъ ея словѣ слышится, что она не знаетъ препятствій своей волѣ; низкій голосъ артистки необыкновенно подходитъ къ Кабанихѣ; ея рѣчь—сплошное ворчанье, ворчанье несносное, вслушиваясь въ которое такъ и видно уже изъ самой интонаціи, что она поѣдомъ ѣстъ домашнихъ, точитъ ихъ, по выраженію Варвары, какъ ржа желѣзо, незамѣтно, но постоянно.

Роль Кабанихи г-жа Рыкалова играетъ и теперь, а въ прошломъ году она выступила въ ней и въ Варшавѣ, когда тамъ играла труппа Малаго Театра. Варшавская публика, увидѣвъ артистку почти въ одной только этой роли, успѣла по достоинству ее оцѣнить: ей поднесли при прощаніи громадный лавровый вѣнокъ. Но всего дороже для артистки были, конечно, тѣ выраженія признательности, которыхъ удостоилась она въ Февралѣ нынѣшняго года, когда дирекція дала ей наградный бенефисъ. Бенефисъ этотъ немногимъ не совпалъ съ сорокалѣтіемъ ея артистической дѣятельности. Надежда Васильевна выступила въ «Царской Невѣстѣ», въ роли купеческой вдовы Домны Сабуровой. При первомъ же ея появленіи, ей поднесли цвѣты и цѣнные подарки, сопровождавшіеся единодушными рукоплесканіями публики. Эти рукоплесканія служатъ лучшимъ ручательствомъ того, что публика, несмотря на рѣдкое за послѣднее время появленіе артистки на сценѣ, помнитъ и цѣнитъ ея заслуги.

Бенефисный спектакль Рыкалова былъ интересенъ и въ другомъ отношеніи. Въ немъ роль Мароы Собакиной, нѣкогда игравшуюся самой Н—ой В—ой, исполняла ея близкая родственница со стороны матери, г-жа Степанова. Эта молодая артистка, прежде участвовавшая въ любительскихъ спектакляхъ, съ конца прошлаго года вошла въ составъ труппы Малаго театра, гдѣ и исполнила помимо этой роли еще Марью Васильевну въ «Воеводѣ» и царицу Анну въ «Василисѣ Мелентьевой» Островскаго. Говорятъ, что ея дарованіемъ руководитъ сама Надежда Васильевна. Будемъ же надѣяться, что она передастъ своей родственницѣ тѣ традиціи, которыя завѣщаны ей ея предками.

Этимъ положеніемъ мы и заканчиваемъ нашу статью объ артистической семьѣ Рыкаловыхъ. Семья эта по истинѣ заслуживаетъ вниманія хотя бы по той преемственности, съ которой переходили въ ней отъ поколѣнія до поколѣнія наслѣдственный талантъ и готовность честно служить искусству. Пусть нѣкоторые изъ членовъ этой семьи, какъ напримѣръ Аграѳена, не отличались особеннымъ талантомъ, но почти всѣ они оставили на себѣ имя и не будутъ забыты, а Василій Ѳедотовичъ Рыкаловъ—такое блестящее, яркое свѣтило Русской сцены, безъ разсмотрѣнія дѣятельности котораго не будетъ полна исторія Русскаго театра. Мы были бы счастливы, если бы наша статья, воспроизведя насколько возможно, его артистическую физіономію, вызвала бы со стороны его внучки какія-нибудь новыя дополненія или разсказы объ ея отцѣ и особенно дѣдѣ. Вообще, прослуживъ 49 лѣтъ и съ дѣтства вращаясь въ мірѣ театра, Надежда Васильевна Рыкалова могла бы, думается, разсказать много интереснаго. Воспоминанія ея были бы истиннымъ подаркомъ для историковъ Московскаго театра *).

А. Н. Сиротининъ.

---

*) И для „Русскаго Архива". П. Б.

ПОПРАВКА О М. А. ГАРНОВСКОМЪ.

Въ первомъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1887 г., въ статьѣ В. В. Голубцова: «Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго», на страницѣ 121-й, находятся невѣрныя замѣчанія о моемъ дѣдѣ, Михаилѣ Антоновичѣ Гарновскомъ. Онъ ошибочно названъ Михаиломъ Гавриловичемъ. Также невѣрно и то, что онъ находился подъ судомъ. Его посадили въ крѣпость безъ суда. Домъ, о которомъ говорится въ той же статьѣ В. В. Голубцова, былъ выстроенъ моимъ дѣдомъ на деньги, завѣщанныя ему герцогиней Кингстонъ. Умеръ онъ на свободѣ, а не въ тюрьмѣ. Онъ просидѣлъ въ крѣпости во все время царствованія императора Павла и тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Александра I-го былъ освобожденъ. Онъ былъ не столько обязанъ Потемкину, сколько своимъ собственнымъ дарованіямъ, многостороннему образованію и необыкновенному уму. Исторія его подробно разсказана въ Ноябрьской книжкѣ 1886 «Русской Старины» А. М. Тургеневымъ, который называетъ его чудомъ своего времени; эта исторія дополнится нѣкоторыми подробностями со словъ моей матери (второй дочери М. А. Гарновскаго) Александры Михайловны Ахматовой, въ моей автобіографіи, приготовленной мною къ печати *).

Е. Ахматова.

*) Вполнѣ признавая, что М. А. Гарновскій отличался способностями необыкновенными, позволяемъ себѣ заявить, что намъ кажется странною ссылка на А. М. Тургенева, повѣствованія котораго ближе къ роману, нежели къ исторіи. Доживъ до глубокой старости, А. М. Тургеневъ не сохранилъ отчетливой памяти и часто писалъ по воображенію. П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ Н. А. МИЛЮТИНА.

I. Письмо отца-Милютина къ помощнику попечителя Московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастову.

Милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

Послѣ объясненія моего съ вашимъ превосходительствомъ о несправедливости, оказанной сыну моему въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ, гдѣ, не смотря на успѣхи его во всѣхъ положительныхъ наукахъ и поведеніи, въ чемъ онъ получилъ въ результатѣ полные балы—по 4, не удостоенъ онъ той степени, которую Его Императорскому Величеству благоугодно было усвоить воспитанникамъ сего Института за полныя ихъ познанія, за то (какъ мнѣ было объяснено), что, по ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ учителей, въ результатѣ была ему поставлена цыфра 3, а не 4. Это показалось мнѣ столь страннымъ и несообразнымъ съ публичнымъ экзаменомъ, что заставило меня выписать у г. директора мѣсячные его балы, изъ коихъ обнаружилось, что изъ числа 12-ти предметовъ ученія или таблицъ, въ 7-ми онъ имѣлъ полные балы—по 4; въ 3-хъ предметахъ по 3 бала, а въ остальныхъ двухъ: въ Латинскомъ яз. 1 и Нѣмецкой словесности 2. А какъ въ изъясненіи Правилъ, изданныхъ въ руководство при экзаменахъ, въ статьѣ IV-й сказано, что *„та цыфра, которая во всѣхъ ежемѣсячныхъ рапортахъ при имени каждаго воспитанника чаще другихъ повторяется, берется за послѣдній результатъ“*, и другаго правила или разсчета не допущено: то нынѣ болѣе, нежели прежде, вижу всю несправедливость противъ моего сына, который, вступая въ свѣтъ, можетъ быть, съ желчью отъ несправедливости, вмѣсто чувствъ уваженія и признательности къ своимъ наставникамъ, легко можетъ отуманить всю свою жизнь идеями мрачными, ненавистными.

Вотъ, ваше превосходительство, причина, заставляющая меня прибѣгнуть снова къ вашему начальническому посредству и пособію, прося покорнѣйше провѣрить при семъ прилагаемую таблицу о балахъ сына моего и примѣнить ее къ примѣрамъ, изданнымъ въ руководство для подобныхъ случаевъ на страницѣ 54-й, и въ случаѣ сдѣланнаго уже представленія препроводить ее къ его высокопревосходительству г. министру народнаго просвѣщенія для справедливаго его разрѣшенія.

При семъ осмѣливаюсь присовокупить, что сынъ мой готовъ выдержать состязательный экзаменъ съ тѣмъ изъ соучениковъ своихъ, которому

могли бы быть поставлены по вѣдомостямъ балы бо́льшіе, и не по вопросамъ только, а по полной программѣ испытывать другъ друга во всей подробности наукъ имъ преподаваемыхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Алексѣй Милютинъ.

1835 г. Іюня 18-го дня.

II. Балы Николая Милютина.

	По экзамену.	По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ.
Изъ Богословія	4	4
„ Русскаго законовѣдѣнія	4	3
„ Римскаго права	4	3
„ Исторіи и диплом	4	4
„ Статистики	4	3
„ Математики	4	4
„ Физики	4	4
„ Естеств. Исторіи	4	4
„ Теоріи изящн. искусств.	4	4
„ Латинск. словесн	3	1
„ Французск. словесн	3	4
„ Нѣмецк. словесн	3	2

P. S.

На страницѣ 51-й Устава Благороднаго Пансіона поставленъ слѣдующій примѣръ подъ литерою В:

4̆ 4̆ 2̆ 1̆ 4̆ 3̆ 4̆ 2̆ — результ. 4.

III. Письмо С. Я. Унковскаго, директора Дворянскаго Института, къ Д. П. Голохвастову.

Милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

Изъ письма г-на Милютина, жалующагося на меня въ несправедливости назначенія сыну его классной степени по правамъ Высочайше утвержденнымъ для окончившихъ курсъ ученія бывшаго Московскаго Благороднаго Университетскаго Пансіона видно, что г-нъ Милютинъ или худо понимаетъ или не хочетъ понять, что выписанная имъ статья IV относится только до поведенія, а не до ученія. Въ послѣднемъ случаѣ берется среднее ариѳметическое число, и кто понимаетъ ариѳметику, тотъ дѣлаетъ это такъ: сложивъ всѣ цифры баловъ противъ имени воспитанника и раздѣливъ оныя на число преподаваемыхъ предметовъ, результатъ или частное даетъ среднее ариѳметическое число, какъ и объяснено въ томъ же уставѣ или положеніи Благороднаго Пансіона. Я такъ понимаю и по совѣсти думаю, что г-нъ Милютинъ, получившій воспитаніе въ Дво-

рянскомъ Институтѣ, никогда и ни въ какомъ случаѣ согласно постановленію бывшаго Благороднаго Пансіона не можетъ получить X классъ, на который даютъ право полные XII баловъ.

Изъ всѣхъ воспитанниковъ, которые могли бы заслужить сію степень по поведенію, по прилежанію и по успѣхамъ, это—г-нъ Жемчужниковъ; но какъ при испытаніи у него не оказалось 4-хъ баловъ, то и онъ также наравнѣ съ своими товарищами получилъ степень среднюю.

Впрочемъ, домогательство г-на Милютина служитъ или, лучше сказать, можетъ послужить доказательствомъ, какъ легко могли производить и не производить въ X-й классъ въ прежнія счастливыя времена!!!

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. С. Унковскій.

20 Іюня 1835 г.

IV. Отвѣтъ Д. П. Голохвастова А. М. Милютину

Милостивый государь Алексѣй Михайловичъ!

Письмо ваше отъ 18-го сего Іюня съ приложеніемъ копіи съ таблицы баловъ, которые получилъ при окончательномъ испытаніи воспитывавшійся въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ сынъ вашъ, я имѣлъ честь получить.

Въ отвѣтъ на оное имѣю честь изъяснить, что съ мнѣніемъ вашимъ, будто бы сыну вашему въ настоящемъ случаѣ не отдана полная справедливость, я не могу согласиться; ибо по собственному моему усмотрѣнію онъ получилъ ту самую степень, которую заслужилъ по успѣхамъ, поведенію и сдѣланнымъ отвѣтамъ при окончательномъ испытаніи. Въ объясненіе таковаго мнѣнія вы приводите изъ начертанія подробнѣйшихъ правилъ касательно испытаній въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, коихъ воспитанники при выпускѣ имѣютъ право на полученіе класнаго чина, IV-ю статью, гдѣ сказано, что та цифра, которая во всѣхъ ежемѣсячныхъ рапортахъ при имени каждаго воспитанника чаще другихъ повторяется, берется за послѣднее заключеніе для *поведенія*. Сынъ вашъ получилъ таковый результатъ на счетъ своего поведенія.

Что̀ же касается до познаній его, то, по личному моему въ томъ удостовѣренію, онъ не имѣетъ тѣхъ свѣдѣній въ языкахъ Латинскомъ и новѣйшихъ, какія могли бы дать право на высшую степень награды.

Наконецъ, относительно того, что сынъ вашъ готовъ выдержать состязательный экзаменъ съ тѣмъ изъ соучениковъ своихъ, которому могли бы быть поставлены по вѣдомостямъ балы бо́льшіе и не по вопросамъ только, а по полной программѣ испытывать другъ друга во всей подробности наукъ имъ преподаваемыхъ,—имѣю честь изъяснить, что таковаго состязанія нельзя допустить, какъ не положеннаго Высочайше утвержденнымъ Уставомъ, который предоставляетъ мѣстному начальству оцѣнивать достоинство и успѣхи воспитанниковъ по своему усмотрѣнію, въ томъ разумѣ, что при таковыхъ случаяхъ оно обязано и будетъ руководствоваться начертанными правилами и отдастъ всѣмъ и каждому совершенную справедливость.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ *)

по воспоминаніямъ съ 1837 года.

Заключеніе.

Недѣли через три послѣ напечатанія «Экономическихъ Проваловъ», я приступилъ къ прочтенію ихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Мысли мои перенеслись въ давно-минувшее время, потомъ смѣшались съ настоящими событіями и затѣмъ невольнымъ образомъ устремились въ будущую непроглядную даль. Изъ всего этого вышло цѣлое наслоеніе критическихъ взглядовъ на свой собственный трудъ, то обвинительныхъ, то оправдательныхъ, то отрицающихъ всякую надежду на выходъ изъ окружающихъ насъ экономическихъ затрудненій, то имѣющихъ слабое упованіе на освобожденіе Русской жизни отъ накопившихся въ теченіи пятидесятъ лѣтъ бѣдственныхъ угнетеній.

Не скрою того, что написаніе «Проваловъ» потребовало гораздо бóльшихъ усилій, чѣмъ я предполагалъ; потому что мнѣ не разъ приходилось вытягивать изъ себя за пятьдесятъ лѣтъ уснувшія воспоминанія, и если читатели найдутъ мое повѣствованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно послѣдовательнымъ, то это едва ли можно отнести къ прямой моей винѣ, такъ какъ за давнопрошедшимъ временемъ самыя мысли и думы не могли быть стройными и поневолѣ являлись смѣшанно и сбивчиво.

Кромѣ того, въ опредѣленіи минувшихъ дѣйствій властныхъ лицъ встрѣчаются противорѣчія: одно и тоже лицо, то одобряется, то

---

*) См. „Р. Архивъ“ сего года, кн. 2 - 6.

порицается; но въ дѣйствительности это такъ и было, и избѣжать этого противорѣчія невозможно, не исказивъ вѣрности современныхъ взглядовъ и мнѣній, которые одобряли, напримѣръ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и порицали самый способъ сооруженія и дѣлавшіеся для постройки заграничные займы. Точно также въ знаменательное время уничтоженія крѣпостной зависимости въ общихъ взглядахъ существовало полнѣйшее противорѣчіе: всѣ одобряли освобожденіе крестьянъ съ землею, и въ тоже время всѣ порицали равнодушіе правительства къ положенію лично помѣщиковъ и угнетеніе землевладѣнія уничтоженіемъ опекунскихъ совѣтовъ, безъ замѣны ихъ новымъ кредитнымъ учрежденіемъ съ дешевымъ и доступнымъ кредитомъ.

Вмѣсто заключенія, представляю благосклоннымъ читателямъ простой отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя роились у меня въ головѣ послѣ прочтенія «Экономическихъ Проваловъ», излагая ихъ совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись въ моемъ воображеніи, такъ что очеркъ мыслей составляетъ, такъ сказать, стенографію разговора, происходившаго съ самимъ собою, подъ диктовку внутренняго голоса. Вотъ

Первое наслоеніе мыслей.

Послѣ калейдоскопнаго появленія въ моемъ воображеніи бывшихъ событій, послѣ неясныхъ и смѣшанныхъ воспоминаній, самъ не знаю почему, по прочтеніи «Экономическихъ Проваловъ», я остановился на словѣ: безумный! безумный! Затѣмъ изъ этого слова стало развиваться дальнѣйшее мышленіе. Зачѣмъ ты, безумный, надѣлалъ себѣ изданіемъ въ печать «Проваловъ» огромную массу враговъ? Вникни!

Затронувъ интересы бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикантовъ (провалъ третій), ты образуешь въ нихъ враждебное настроеніе.

Говоря о поворотѣ чайной торговли на Кяхту для оживленія Сибирскаго тракта и для уменьшенія выпуска монеты за границу, затрогиваешь (провалъ четвертый) интересы всѣхъ чайныхъ торговцевъ, основавшихъ свою дѣятельность на распродажѣ чаевъ, привозимыхъ изъ-за границы.

Выясняя вредоносность Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ (провалъ пятый), задѣваешь учрежденіе, имѣющее почти полугосударственное значеніе.

Выводя наружу причину всѣхъ бѣдствій, созданныхъ фирмою *они*, забываешь, что значеніе этой фирмы непомѣрно-сильно: къ ней принадлежитъ множество вліятельныхъ лицъ, и ея принципы укоренились не только въ мысляхъ этихъ лицъ, но даже вошли въ штукатурку тѣхъ присутственныхъ кабинетовъ, гдѣ засѣдаютъ члены могущественной фирмы *они*. Подумалъ ли ты, безразсудный, о томъ, какая нужна вентиляція, чтобы освѣжить и провѣтрить штукатурку?

Въ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ провалахъ ты возстановляешь противъ себя все многочисленное и многозначущее акцизное вѣдомство, ставя ему въ вину уничтоженіе мелкихъ винокуренъ и увеличеніе пьянства, и затѣмъ касаешься устроенныхъ для помѣщиковъ *мышеловокъ*, т.-е. земельныхъ банковъ.

Въ десятомъ провалѣ, говоря о неудовлетвореніи готовности Русскаго народа кредитовать правительство своимъ трудомъ, осмѣливаешься скорбѣть о допущеніи злополучныхъ займовъ на счетъ народа безъ его вѣдома, совершенно забывая, что займы эти проэктированы и одобрены современными финансовыми свѣтилами.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ провалахъ, доказывая, что все наше Сибирское золото ушло за границу, вслѣдствіе предательскихъ тарифовъ и широкаго проживанія денегъ за границей, тутъ уже чувствительно задѣваешь самую интеллигентную часть общества: потому что проживатели денегъ за границей считаются, такъ сказать, сливками общества, и если они портятъ нашъ балансъ и обезцѣниваютъ нашъ денежный курсъ (не считая прожитка больныхъ и учащихся) на 10—20 милліоновъ въ годъ, то это изъ вѣжливости къ Европѣ слѣдуетъ переносить безропотно.

Тринадцатый провалъ единственный, гдѣ ты никого не задѣваешь, говоря о бесѣдѣ съ княземъ Барятинскимъ. Тутъ главнѣйше соприкасаются этому вопросу однѣ молчаливыя могилы на высотахъ Шипки и въ оврагахъ Плевны.

Четырнадцатый провалъ также никого не оскорбляетъ: въ немъ идетъ рѣчь о разрушеніи мареноводства и солеваренія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, слѣдовательно дѣло касается только рабочихъ тружениковъ; значитъ, и недовольныхъ изъ интеллигентной сферы быть не можетъ.

Пятнадцатый провалъ говоритъ о вредныхъ для развитія и упроченія торговли послѣдствіяхъ отъ болѣзни чинобѣсія, выражающейся

переходомъ купцовъ въ чиновные классы. Очевидно, что это замѣчаніе дѣлаетъ недовольными всѣхъ тѣхъ, до кого оно касается.

Дѣйствительно, я поступилъ опрометчиво, выведя наружу все то, что̀ за пятьдесятъ лѣтъ во мнѣ скопилось. Вѣдь можно бы было поговорить кое о чемъ, такъ себѣ кругленько и жиденько, пошевеливая перомъ безъ всякаго участія сердца, слѣдовательно и не задѣвая никого, въ родѣ того какъ пишутъ въ канцеляріяхъ: съ одной стороны мы видимъ недостиженіе цѣли, а съ другой стороны, если взять во вниманіе бывшія обстоятельства, то нельзя не сожалѣть, что они (эти обстоятельства) упорно противодѣйствовали осуществленію другихъ болѣе полезныхъ мѣръ и т. п. Наконецъ, какая цѣль идти на непріятность при полномъ убѣжденіи, что стѣну равнодушія къ общей пользѣ ничѣмъ пробить нельзя? Другое дѣло, еслибы самопожертвованіе своимъ спокойствіемъ привело, хотя частію, къ поправленію бѣдствій, принесенныхъ провалами, тогда бы не стоило обращать вниманія на вредъ, приносимый самому себѣ; а теперь остается повторить то, что̀ сказано вначалѣ: безумный! безумный!

Второе наслоеніе мыслей.

Послѣ продолжительныхъ и мрачныхъ думъ, показался какой-то свѣтъ въ мысляхъ, выразившійся такъ. Но позвольте, отчего же я безумный? Безумные ничего не помнятъ и не имѣютъ никакой способности къ послѣдовательному изложенію пережитыхъ событій и, короче говоря, безумные несутъ дичь; а я написалъ сущую правду, продиктованную мнѣ возбужденіемъ воспоминаній за пятьдесятъ лѣтъ моей жизни, и написалъ это вступая въ восьмой десятокъ лѣтъ, когда уже дѣлается возможнымъ и позволительнымъ, стоя одною ногою въ гробу, относиться съ полнымъ хладнокровіемъ къ человѣческой враждѣ.

Впрочемъ не всѣ же, до кого касаются «Экономическіе Провалы», обратятся въ моихъ враговъ, и въ числѣ ихъ найдутся люди, добросовѣстно сознающіе свои ошибки, послѣдовавшія отъ временнаго затмѣнія ихъ воззрѣній. А затѣмъ, сколько же найдется людей, которые отнесутся одобрительно. Вотъ кто одобритъ:

Всѣ тѣ, которые, при замѣнѣ бумагопрядильной нитки льняною, будутъ вмѣсто линючаго непрочнаго ситца носить рубашки и сарафаны изъ прочной льняной ткани.

Всѣ тѣ, которые начнутъ сѣять ленъ и продавать его на льнопрядильныя фабрики.

Всѣ тѣ, которые получатъ несуществующій теперь заработокъ при провозѣ по Сибирскому тракту нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ чаю, при направленіи этой торговли на старый порядокъ. Заработокъ этотъ составитъ болѣе десяти милліоновъ рублей въ годъ для Сибирскихъ извозчиковъ, не говоря уже о государственной пользѣ въ отношеніи уменьшенія отлива нашей монеты за границу.

Всѣ тѣ помѣщики, которые отъ устройства мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокуренъ получатъ возможность водвориться въ своихъ заброшенныхъ имѣніяхъ и жить безбѣдно.

Всѣ тѣ крестьяне, которые, съ пріобрѣтеніемъ барды въ деревняхъ, увеличатъ свое скотоводство, напоятъ дѣтей молокомъ и увидятъ на своемъ столѣ мясное варево.

Всѣ тѣ, которые спасутся отъ дальнѣйшаго пропойства, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія мѣстъ продажи хлѣбнаго вина.

Всѣ тѣ рабочіе въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, которые, при возрожденіи тамъ солеваренія, избавятся отъ нищенства.

Всѣ тѣ, которые спасутся въ купеческомъ сословіи отъ заразы чинобѣсія и тѣмъ самымъ сохранятъ устойчивость своихъ торговыхъ домовъ и твердое положеніе для своихъ наслѣдниковъ.

Не правда ли, читатель, что итогъ пользы значительно перевѣшиваетъ итогъ непріятностей, которымъ я подвергаюсь по случаю напечатанія «Экономическихъ Проваловъ»?

Третье наслоеніе мыслей.

Какая пустая мечта воображать, что изъ «Экономическихъ Проваловъ» выйдетъ какая-то польза! Еще непозволительнѣе думать, что «*всѣ тѣ*», за пріобрѣтенное ими благоустройство въ жизни, затмятъ своимъ сочувствіемъ вражду лицъ, которыя сочинили выраженныя въ провалахъ бѣды и напасти. Такой взглядъ, по меньшей мѣрѣ, выражаетъ ребячество и непониманіе того, что «*всѣ тѣ*» будутъ давно уже въ могилѣ, когда вопросы объ улучшеніи ихъ быта, зародившись въ канцелярскихъ лабораторіяхъ, поступятъ въ особыя комиссіи для составленія объемистыхъ томовъ подъ названіемъ «Труды такой-то комиссіи». Между тѣмъ эти-то, которые повергнули Русскую жизнь въ обнищаніе, сейчасъ же высунутъ свое ядовитое жало. Кромѣ того,

гдѣ же проводники къ введенію въ жизнь всего того, что по смыслу «Проваловъ» должно быть усвоено для жизни? Нѣтъ, отъ обаятельной мысли достиженія пользы надобно отрѣшиться, приводя на память слѣдующія испытанныя на самомъ себѣ событія, въ которыхъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

I. Въ 1862 году былъ представленъ слишкомъ отъ 50-ти лицъ составленный съ моимъ участіемъ проэктъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ на Русскія средства безъ гарантіи отъ правительства, поставленный въ связь со сборомъ акциза съ хлѣбнаго вина. Проэкту этому дали истолкованіе возрожденія откупной монополіи, тогда какъ вся продажа хлѣбнаго вина предоставлялась, на основаніи вновь вводимой тогда акцизной системы, всѣмъ желающимъ торговать виномъ, но только безъ спаиванья народа, т.-е. безъ увеличенія кабаковъ, а чтобы частная компанія замѣняла собою казенную администрацію по сбору акциза, обязываясь притомъ строить желѣзныя дороги, какъ выше сказано, безъ гарантіи и безъ займовъ за границей. На проэктъ этотъ была объявлена резолюція, напечатанная въ то время во всѣхъ газетахъ и начинавшаяся словами: «*отвергая и проч.*»

Послѣ этого отверженія, мы стали искать милостивыхъ пособій, въ видѣ займовъ у заграничныхъ банкировъ. Разсчетъ компаніи, предлагавшей обойтись Русскими средствами, былъ основанъ на томъ, что у нея не будетъ потерь по вознагражденію винокуренныхъ заводчиковъ за перекуръ вина, и на сбереженныя чрезъ это суммы построятся желѣзныя дороги и поступятъ въ собственность правительства. Такимъ образомъ правительство, не дѣлая заграничныхъ долговъ, имѣло бы даромъ желѣзныя дороги. Вознагражденіе за перекуръ, какъ мы видѣли (въ девятомъ провалѣ), составило по отчетамъ Министерства Финансовъ по 1880 годъ 324,250,160 р., а по 1887 годъ оно, вѣроятно, составляетъ 500 милліоновъ, на которые могло бы быть выстроено, по меньшей мѣрѣ, 10 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. И вотъ такой-то проэктъ, въ которомъ заключалась сила саморазвитія, спасеніе Россіи отъ внѣшнихъ долговъ и выраженіе передъ всей Европой нашей возможности создавать все намъ нужное дома, своими собственными средствами, былъ отвергнутъ. Сильно затрещала тогда Русская грудь и лопнула подоплека, духъ предпріимчивости и дѣятельности былъ убитъ, карманъ у всѣхъ включительно съ правительствомъ оказался прорваннымъ; но за то адски улыбнулись Нѣмцы и Полунѣмцы, т.-е. теоритики-финансисты, возрадовались биржевые маклера, комиссіонеры и всевозможные агенты, дѣйствовавшіе по пріисканію денегъ за границей

для бѣдной и убогой Россіи, признанной самимъ правительствомъ безсильною къ самовозрожденію и безправною въ смыслѣ удовлетворенія ея патріотическихъ ходатайствъ. И все это происходило въ тѣ годы, въ которые мы стремились прославлять себя проявленіемъ въ Россіи либерализма!

Обращаясь къ воспоминанію объ означенномъ проэктѣ, живо представляю себѣ тѣ дни, въ которые мы развозили его ко всѣмъ гг. министрамъ. Отъ всей компаніи для этой развозки и потребныхъ объясненій было выбрано 10 лицъ: Д. Е. Бенардаки, В. Н. Рукавишниковъ, М. А. Горбовъ, В. С. Каншинъ, И. Ѳ. Мамонтовъ, банкиръ Капгеръ и я; остальныхъ не могу припомнить. Вездѣ мы были приняты очень холодно, и никто изъ властныхъ лицъ не хотѣлъ продолжать съ нами никакого разговора о подробностяхъ проэкта, такъ что мы совершенно напрасно усиливались доказывать возможность обойтись при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ безъ внѣшнихъ займовъ и необходимость охранить сельскую жизнь отъ непомѣрнаго пьянства, долженствующаго послѣдовать при безграничномъ распространеніи кабаковъ. Самое памятное событіе совершилось при появленіи нашемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ у Чернышева моста, гдѣ въ какомъ-то изъ департаментовъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Валуевъ принималъ просителей. Мы приготовились высказать министру, завѣдывавшему направленіемъ и порядкомъ внутренней жизни Россіи, что акцизная система, не охраняющая интересовъ мелкихъ сельскихъ винокуренъ и представляющая развитіе пьянства, приведетъ въ обнищаніе десятки тысячъ помѣщичьихъ семействъ и сотни тысячъ крестьянъ; но всѣ эти соображенія остались невысказанными, потому что зданіе министерства было ночью поражено пожаромъ, охватившимъ его со стороны сгорѣвшаго въ то время Апраксина двора, и швейцаръ намъ объявилъ, что никого принимать не велѣно. Черезъ 3—4 года послѣ этого путешествія по министрамъ, при свиданіи съ банкиромъ Капгеромъ, онъ мнѣ сказалъ: «Я былъ въ вашей Русской компаніи, чтобы строить желѣзныя дороги безъ заграничныхъ займовъ; но финансисты отвергли наше предложеніе, а потому я невольно преобразовалъ себя въ піявку, высасывающую денежную силу Россіи, т.-е. сдѣлался факторомъ пріисканія денегъ за границей фонъ-Дервизу для устройства рельсоваго пути отъ Коломны до Рязани и далѣе».

Вотъ гдѣ начало желѣзнодорожныхъ высокихъ цѣнъ и накопленія внѣшнихъ долговъ.

II. Въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ, сколько написано было мною и другими лицами статей въ Московскихъ и Петербургскихъ газетахъ и журналахъ, сколько сказано рѣчей въ Петербургскомъ Сельскохозяйственномъ Клубѣ, сколько подано записокъ властнымъ лицамъ о прекращеніи безобразнаго пьянства и о необходимости образовать мелкое сельско-хозяйственное винокуреніе для спасенія небогатыхъ помѣщиковъ отъ разстройства; и нигдѣ, ни у властныхъ лицъ, ни въ земствахъ, ни въ дворянскихъ собраніяхъ, ни въ городскихъ думахъ и ни въ обществѣ (увы!) эти слова и рѣчи услышаны не были.

Въ этомъ дѣлѣ, т.-е. въ распространеніи кабаковъ и уничтоженіи мелкихъ винокурень, равно и въ отказѣ Русской компаніи строить желѣзныя дороги на свои средства, знаменитые «*они*» проявили всесильное могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ полную безчеловѣчность, поразивъ Россію въ самое сердце тремя тяжкими и неисцѣлимыми язвами, именно: государственное казначейство—заграничными долгами, бытъ крестьянъ—соблазномъ къ пьянству, мирную жизнь помѣщиковъ—изгнаніемъ ихъ изъ отцовскихъ жилищъ. На всей этой почвѣ смѣшанныхъ золъ засѣлъ и укоренился нигилизмъ, породившій адское динамитовареніе. Затѣмъ образовались тѣ преступныя намѣренія и дѣйствія, которыя наполняли ужасомъ Русскія сердца въ страшные дни 4-го и 2-го Апрѣля и 1-го Марта, и которыхъ тлѣніе и вспышки существуютъ и донынѣ.

III. На множество неутѣшительныхъ и самыхъ безотрадныхъ мыслей наводитъ бывшее въ 1868 году ходатайство 92-хъ Русскихъ людей объ отдачѣ имъ Николаевской желѣзной дороги. Это ходатайство было возбуждено увѣренностію, что правительство пришло къ сознанію своей ошибки въ учрежденіи Главнаго Французскаго Общества желѣзныхъ дорогъ, ухитрившагося обобрать Русскую казну на нѣсколько десятковъ милліоновъ, и что если это общество имѣло дерзновеніе просить объ отдачѣ ему Николаевской дороги, то, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что въ Россіи не найдется такой внутренней силы, которая могла бы быть ему соперникомъ. Сила эта нашлась въ упомянутыхъ 92-хъ лицахъ, которые выбрали изъ себя депутатовъ для ходатайства предъ правительствомъ; депутаты эти были: Чижовъ, Кошелевъ, двое Мамонтовыхъ, Рукавишниковъ, Горбовъ, Полетика, я и еще кто-то. Депутаты эти прожили въ Петербургѣ по этому дѣлу семь мѣсяцевъ. Для разсмотрѣнія нашихъ предложеній, сравнительно съ предложеніями Главнаго Общества, было памятное и замѣчательное особое засѣданіе въ Аничковомъ дворцѣ, состоявшее изъ всѣхъ министровъ, подъ пред-

сѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, съ участіемъ въ засѣданіи Великаго Князя Константина Николаевича и съ приглашеніемъ отъ Главнаго Общества бывшаго тогда предсѣдателемъ совѣта онаго графа Г. А. Строганова и отъ Русской компаніи двухъ лицъ, Полетики и меня. Ни графъ Строгановъ, ни мы не были членами засѣданія: насъ призывали только для отвѣтовъ на предлагавшіеся намъ вопросы. К. В. Чевкинъ, сильно желавшій успѣха Русской компаніи, наканунѣ сказалъ мнѣ, что насъ спросятъ въ засѣданіи о какомъ-то добавочномъ милліонѣ (подробнаго значенія этого милліона не упомню) по платежу за право владѣнія дорогой: то чтобы мы отвѣчали на это полнымъ согласіемъ, что̀, разумѣется, и было нами исполнено. Послѣ этого засѣданія дѣло перешло вскорѣ въ Комитетъ Министровъ, гдѣ значительное большинство членовъ было за отдачу Николаевской дороги Русской компаніи. Затѣмъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла былъ назначенъ въ Царскомъ Селѣ особый совѣтъ въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора. Совѣтъ состоялъ изъ министровъ, предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта и другихъ высокопоставленныхъ сановниковъ, а всего изъ 22-хъ лицъ, изъ которыхъ 17 были за Русскую компанію включительно съ Августѣйшимъ Покровителемъ Русской предпріимчивости Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; но дѣло рѣшилось согласно съ мнѣніемъ меньшинства, на основаніи какихъ-то финансовыхъ интересовъ, долженствовавшихъ выразиться въ возвышеніи цѣны на акціи Главнаго Общества. Понятно, что ожиданія эти оправдались, когда въ составъ дѣятельности этого общества вошла такая сильная и доходная дорога, какъ Николаевская. Акціи сильно поднялись въ цѣнѣ, а народный говоръ удостовѣрялъ въ томъ, что значительная часть акцій Главнаго Общества принадлежала нѣкоторымъ членамъ меньшинства, подававшимъ голоса̀ за отдачу этому обществу Николаевской дороги. Этотъ говоръ можетъ быть доказанъ или опровергнутъ документальною справкою въ дѣлахъ Главнаго Общества; но мы обратимся теперь къ разбору того мнѣнія, почему возвышеніе цѣнъ на акціи Главнаго Общества могло быть признано полезнымъ для всей Россіи въ видахъ улучшенія ея финансоваго положенія. Развѣ возможно улучшать финансы подавленіемъ внутренняго стремленія Русскихъ людей къ дѣятельности? Такую систему можно сравнить вотъ съ чѣмъ: положимъ въ какой либо волости отлично удобрили поля и получили значительный урожай, но удобреніе произвели, зарѣзавъ въ этой волости всякое дыханіе, запахавъ въ землю трупы и поливъ поля кровью. Такъ вышло и здѣсь. Поднялись акціи Главнаго Общества на Европейскихъ

биржахъ къ очевидной выгодѣ держателей этихъ акцій, по большей части иностранцевъ, и поднялись оттого, что задушили стремленіе 92-хъ лицъ, за которыми стояло ожидавшихъ правдивой развязки дѣла, за каждымъ, болѣе ста лицъ. Это рѣшеніе произвело великое разрушеніе Русской экономической силы. Ходатайствуя объ отдачѣ Русской компаніи Николаевской дороги, всѣ мы чувствовали, чѣмъ каждый изъ насъ могъ выразить пользу относительно вѣрнаго назначенія перевозочныхъ тарифовъ, устройства на станціяхъ здоровыхъ помѣщеній для служащихъ, слесарныхъ школъ, товарныхъ складовъ и т. д.; но оказалось, что никогда никто изъ насъ не можетъ ничѣмъ быть полезенъ своей странѣ *).

Послѣ всего этого, понеслась по обширному пространству Русской земли молва, что кровныя дѣти Русской земли напоминаютъ собою пасынковъ, обреченныхъ мачихою не на самостоятельное хозяйство, а на батрацкую работу у иноземныхъ хозяевъ.

Въ числѣ означенныхъ 92-хъ лицъ были извѣстные представители дворянства, земства и купечества; все это взятое вмѣстѣ изображало кружокъ людей живыхъ, мыслящихъ и знающихъ Русскій бытъ. Когда разнеслась вѣсть, что въ Комитетѣ Министровъ оказалось значительное большинство за Русскую компанію, поздравленіямъ не было конца, потому что успѣхъ этотъ веселилъ сердце каждаго Русскаго; но когда послѣ совѣта въ Царскомъ Селѣ послѣдовалъ отказъ, и дорога, сооруженная императоромъ Николаемъ Павловичемъ, попала въ руки такого общества, корни котораго находятся въ Парижѣ, тогда выраженію огорченій не было предѣла. Въ домахъ, въ клубахъ, въ трактирахъ, на гуляньяхъ нѣсколько дней шелъ гулъ глубокихъ сожалѣній о презрѣніи къ Русской дѣятельности. Вотъ тутъ-

---

*) Скоро исполнится 20 лѣтъ, какъ Главное Общество владѣетъ Николаевскою дорогой, и чѣмъ же заканчивается это двадцатилѣтіе? Оно заканчивается бывшимъ на дняхъ разсмотрѣніемъ въ Комитетѣ Министровъ дѣла о самовольномъ недовзносѣ Обществомъ изъ выручекъ Николаевской дороги 13-ти милліоновъ рублей, а по отчетамъ ревизовавшей дѣла и отчеты Общества комиссіи 30-ти милліоновъ рублей. Очевидно, что такая сумма, какъ 30 милліоновъ, могла накопиться только въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Не было ли бы удобнѣе, не допуская этого накопленія, оканчивать разчеты каждогодно, и тогда, вѣроятно. не понадобилось бы сочинять новые стѣснительные налоги на страхованія и на дрожжи, нужные для печенія хлѣба? Теперь, конечно, придется означенные милліоны присоединить къ прежнимъ десяткамъ милліоновъ, состоящимъ въ долгу за Главнымъ Обществомъ. В. К.

то ясно обозначилась ложность тогдашняго либерализма, и ясно высказалось то, что мы либеральничаемъ только передъ Европой и для Европы, и душимъ дòма всякое начинаніе, желающее выразить Русскую самобытность. Изъ сановниковъ всѣхъ болѣе скорбѣли Чевкинъ и Мельниковъ, сильно желавшіе успѣха Русской компаніи. Намъ казалось, по нѣкоторымъ признакамъ, что Чевкинъ своимъ сочувствіемъ къ намъ желаетъ смыть свой грѣхъ за допущенное имъ устройство Главнаго Общества, а Мельниковъ также смываетъ другой грѣхъ, лежавшій на его совѣсти: производство Американца Уайненса, завѣдывавшаго техникой Николаевской дороги, въ 10-ти милліонные капиталисты, тогда какъ множество Русскихъ людей (Путиловъ, Струве, Полетика и т. д.) могли его замѣнить, не увозя нажитыхъ денегъ за границу. П. П. Мельниковъ до того придавалъ важное значеніе отказу въ отдачѣ Николаевской дороги Русской компаніи, что, открыто, многимъ сановникамъ и посѣщавшей его публикѣ выражалъ свое огорченіе, присовокупляя, что отриновеніе Русской компаніи отъ дѣла умаляетъ значеніе знаменательнаго дня 19-го Февраля 1861 года, такъ какъ по его мнѣнію послѣ этого дня надобно было всякую дѣятельность—большую и малую—сосредоточивать только въ Русскихъ рукахъ, съ обязанностію давать служебныя занятія обнищавшимъ помѣщикамъ, дабы не распложать недовольныхъ. Вѣроятно громкія сѣтованія Мельникова были отчасти поводомъ къ увольненію его отъ должности министра путей сообщенія.

Но чтó же выиграли финансы въ общемъ итогѣ отъ подъема акцій Главнаго Общества, и къ чему все это привело? Нашъ рубль упалъ впослѣдствіи на половину, а заграничные наши друзья-банкиры, еще болѣе завладѣвши нами посредствомъ уступки Николаевской дороги Главному Обществу, успѣли окончательно одурманить насъ мнимою дружбою и вовлекли въ неоплатные долги. Кто же насъ спасетъ, когда наступятъ горькіе дни несостоятельнаго Всероссійскаго конкурса? Конечно, спасителями явятся не заграничные друзья, а тѣ-же горемычныя лица, которыхъ мы зачислили въ батраки, выказавъ полное неумѣнье поднять экономическую силу Россіи посредствомъ подъема Русскихъ дѣятелей, хотя Германія представляла намъ примѣръ этого подъема въ лицѣ Борзига и Крупа.

Итакъ, говоря безъ преувеличенія, если такія предложенія (постройка желѣзныхъ дорогъ на свои средства, уничтоженіе пьянства, спасеніе помѣщиковъ отъ раззоренія и передача Николаевской дороги Русской компаніи), которыя составляли твердые устои государственной жизни, не удостоились никакого вниманія: такъ что

же за пустая мечта думать, что какіе-то «Экономическіе Провалы» будутъ имѣть лучшую участь? Такъ думать, значитъ вовсе не понимать того, что у людей власти рѣшительно нѣтъ времени для уясненія себѣ глубокой сущности въ предложеніяхъ, дѣлаемыхъ Русскими людьми. Одно выслушиваніе докладовъ о текущихъ дѣлахъ съ соображеніями, почерпнутыми изъ архивныхъ шкафовъ и затѣмъ подпись массы распорядительныхъ бумагъ, порождаемыхъ этими докладами, поглощаетъ все время, хотя $^9/_{10}$ этихъ бумагъ, еслибъ они никогда не выходили изъ Петербурга, только уменьшили бы сумму жизненныхъ затрудненій.

Все это приводитъ къ такому заключенію, что дѣйствіе машины, разстроенной введеніемъ въ жизнь чужеземныхъ основаній, сообщило ей такую постановку, что если въ нѣкоторыя мѣста вложить (выражаясь технически) цѣльныя шестерни и пальцы, то стучанье и неровность еще болѣе увеличатся, потому что свѣжія и правильныя части будутъ противиться дѣйствію расшатанности.

Но положимъ, что расшатанная машина скрипитъ и хлопаетъ; но за то въ обществѣ живы вѣрные и устойчивые взгляды. Едва ли! Мы видѣли, какъ чествовали въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, поставщика хлопка въ сырцѣ и устроителя бумаго-прядильныхъ фабрикъ. Это чествованіе было бы понятно въ Лодзи или Дерптѣ, но и тамъ на это не рѣшились; а въ Бѣлокаменной, возлѣ стѣнъ старѣйшаго университета, вредоносную дѣятельность торговца хлопкомъ возводили въ заслугу Россіи. Къ чему же послѣ этого существуютъ каѳедры Политической Экономіи и Статистики? Было бы сто разъ полезнѣе замѣнить ихъ каѳедрою изученія Русской избы и разъяснить простой вопросъ: что если деревня богата своими домовными произведеніями, тогда и волость богата; а когда всѣ волости богаты, тогда—и *только тогда*—богата и вся Россія. Всѣ многоглаголанія съ каѳедръ, уклоняющіяся отъ вышеизложенныхъ простыхъ началъ, наполняютъ головы слушателей такими финансовыми и экономическими знаніями, изъ которыхъ, какъ мы видѣли во всемъ настоящемъ повѣствованіи, происходятъ дѣятели вовсе незнакомые съ потребностями Русской жизни и, при занятіи ими высшихъ должностей, могущіе повторить ошибки своихъ предшественниковъ. Кажется, пора убѣдиться въ томъ, что въ Россіи нѣтъ политико-экономической науки, выращенной на Русской почвѣ, и оттого всѣ наши финансовые дѣятели, которые явились въ 60-хъ годахъ піонерами преобразованій, хотя трудились добросовѣстно, съ увѣренностію, что они преобразовываютъ Русскую жизнь къ лучшему, но послѣдствія показали, что труды ихъ неза-

мѣтно для нихъ самихъ клонились къ ниспроверженію общественнаго благосостоянія.

А вотъ главнѣйшій вопросъ: гдѣ же этотъ сильный и притомъ преисполненный животворныхъ мыслей человѣкъ, который протянетъ на самоткацкій бумагопрядильный станокъ льняную нитку, оживитъ Сибирскій пустынный трактъ Кяхтинской размѣнной торговлею, развѣнчаетъ Россію съ Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, испаритъ и обезсилитъ фирму *они*, прекратитъ пьянство въ деревняхъ, водворитъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, придавъ имъ доходность посредствомъ мелкихъ винокуренъ, напоитъ крестьянскихъ дѣтей молокомъ и доставитъ крестьянской семьѣ хотя въ праздничные дни кусокъ мяса, образовавъ при распространеніи барды сельское скотоводство, выведетъ землевладѣльцевъ изъ зависимости отъ мышеловокъ (земельныхъ банковъ), позволитъ народу кредитовать правительство своимъ трудомъ во всѣхъ его видахъ при исполненіи полезныхъ государственныхъ работъ, освободитъ навсегда Россію отъ накопленія дальнѣйшихъ долговъ за границей, сбережетъ Сибирское золото измѣненіемъ тарифа въ пользу Россіи, устранитъ мотовство денегъ за границей, призоветъ къ жизни солевареніе въ Пермской и Вологодской губерніяхъ и уничтожитъ эпидемію чинобѣсія между купцами,—гдѣ этотъ человѣкъ?

Человѣка этого нѣтъ и не будетъ; да и нежелательно, чтобы онъ когда-либо появился въ Россіи съ исключительнымъ вліяніемъ у подножія престола: такой человѣкъ всегда перейдетъ предѣлы должнаго и потребнаго и вовлечетъ общую жизнь въ область невѣдомаго пространства.

Благо Россіи состоитъ единственно въ дарованной ей Богомъ спасительной Царской власти, могущей своимъ велѣніемъ, въ постепенномъ, стройномъ порядкѣ, созидать благоустройство Русской земли, водворяя все то, что̀ потребно для государственой силы и народнаго благоденствія и устраняя все то, что̀ противорѣчитъ потребностямъ самой жизни.

Четвертое наслоеніе мыслей.

Итакъ, останавливаясь на послѣднемъ заключительномъ выраженіи третьяго наслоенія мыслей, чувствую себя исполненнымъ радостной надежды и совершенной увѣренности, что возможность улучшить наше положеніе не составляетъ напрасной мечты.

Государь-Надёжа показалъ уже Россіи въ учрежденіи Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ, образовавшихся вслѣдствіе непремѣнной воли Его Императорскаго Величества, значительный шагъ къ освобожденію Русскаго землевладѣнія отъ мышеловокъ (земельныхъ банковъ), а въ отмѣнѣ Закавказскаго транзита благоизволилъ удостовѣрить всякую промышленность въ огражденіи ея отъ подрыва со стороны иностранцевъ.

Затѣмъ, сколько еще въ короткое время настоящаго благословеннаго царствованія совершилось доказательствъ созидательной силы, исходящей прямо отъ воли Монарха. Сооруженіе стратегической сѣти желѣзныхъ дорогъ къ западной границѣ, приспособленіе портовъ къ расширенію торговли съ учрежденіемъ посредствомъ Добровольнаго Флота постоянныхъ рейсовъ изъ Чернаго моря въ отдаленные Русскіе порты Восточнаго океана, и быстрое сооруженіе желѣзныхъ дорогъ отъ Каспія въ Среднюю Азію, открывающее новые пути для Русской торговли и сообщающее оживленіе Среднеазіатскихъ владѣній въ смыслѣ развитія промышленности и упроченія въ этихъ владѣніяхъ незыблемой связи съ Россіей. Но успѣхи нашихъ дней не останавливаются на томъ, что̀ мы сказали: Русское сердце радуется самою вожделѣнною радостію при общихъ слухахъ объ улучшеніи въ войскахъ положенія офицеровъ въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія и воздаетъ похвалу мудрому правилу о несовмѣщеніи государственной службы съ частными занятіями. Кромѣ всего этого, промышленная жизнь Россіи чувствуетъ себя вступившею на путь огражденія ея внутреннихъ интересовъ отъ подрыва иностранными товарами, и это общее радостное самочувствіе порождено цѣлымъ рядомъ тарифныхъ измѣненій, направленныхъ къ развитію внутренняго благосостоянія. И все это, что̀ мы перечислили, исходитъ прямо изъ сердечной заботливости нашего возлюбленнаго Государя о благѣ и славѣ Россіи.

Да будетъ же Онъ, Наше Сокровище, Виновникомъ дальнѣйшаго и всесторонняго благоустройства Русской жизни!

Кромѣ этой несомнѣнной надежды, самое сильное содѣйствіе къ достиженію благоденствія доставитъ намъ особая сила, это сила нашей нужды и крайности. Въ предисловіи къ «Экономическимъ Проваламъ» было сказано, что надъ Россіей совершится исполненіе священнаго изреченія: *въ скорби моей распространилъ мя еси.* Силу и значеніе этихъ словъ, замѣняющихъ собою всякихъ вліятельныхъ проводниковъ, можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто носитъ въ себѣ горячую любовь къ отечеству.

Странное свойство Россіи! То, что̀ въ другихъ государствахъ окончательно разслабляетъ народную мощь, у насъ, наоборотъ, изъ немощи можетъ возродить укрѣпленіе экономической силы, и поводомъ къ тому будетъ (всенепремѣнно будетъ) наша обязанность ежегодно платить 270 мил. процентовъ по долгамъ и нашъ многомилліонный дефицитъ по государственной росписи. При этомъ нельзя не сказать, что «они» ужасно какъ дорого взяли съ Россіи за урокъ нашего сознанія и ощущенія нашихъ общихъ трудностей. Итакъ судите сами, сколь велика наша сила, когда видимое безсиліе имѣетъ способность толкать насъ къ новой силѣ. За доказательствами дѣло не остановится. Вотъ они: усиленный тарифъ на хлопокъ, съ примѣненіемъ всего вообще тарифа къ полной охранѣ Русскихъ интересовъ, прекращеніе пьянства, распространеніе мелкаго винокуренія, спасеніе Сибирскаго золота отъ исчезновенія его за границу и сокращеніе прожитка денегъ за границей, безъ стѣсненія для больныхъ и учащихся, съ избыткомъ покроютъ всѣ потребности государственной росписи. Это явленіе воздѣйствуетъ самымъ благопріятнымъ образомъ на улучшеніе курса и покажетъ всѣмъ нашимъ недругамъ, что надежда на поворотъ къ лучшему представляется вѣроятною и достижимою. Какое сильное горе поразитъ тогда всѣхъ нашихъ недруговъ при видѣ того, что они насъ не совсѣмъ еще доколотили, и что мы, вздохнувъ и оправившись, получили возможность встать на свои ноги!

Пятое наслоеніе мыслей.

Послѣ восторженныхъ надеждъ, мысли мои опять сдѣлались робкими и подчинились духу сомнѣній, иначе говоря, подчинились общему настроенію, въ которомъ всѣ мы находимся, т.-е. маловѣрію въ возможность полнаго и быстраго во всѣхъ частяхъ возрожденія. Затѣмъ всѣ надежды показались увядающими, и внутреннее настроеніе преисполнилось безотраднаго унынія. Да будетъ же это настроеніе невѣрнымъ и ложнымъ.

Но гдѣ же корень грустнаго направленія? Не есть ли это явленіе безсознательное? Нѣтъ, къ несчастію оно исходитъ изъ глубокаго сознанія неисправимости трехъ тяжкихъ проваловъ: 1) опозданія въ 40-хъ годахъ сооруженіемъ желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю, 2) накопленія заграничныхъ долговъ и 3) пренебреженія къ мысли фельдмаршала князя Барятинскаго. Остается одно утѣшеніе: принять эти провалы, какъ наказаніе свыше за великій грѣхъ духоугашенія свѣтлыхъ патріотическихъ мыслей, и затѣмъ никогда подобныхъ грѣховъ не дѣлать, чтобы еще болѣе не пострадать.

Приближаясь къ окончанію, скажу нѣсколько словъ о томъ, что хронологія и цифры въ «Экономическихъ Провалахъ» намѣчены приблизительно. Въ самомъ предисловіи къ нимъ сказано, что они извлечены изъ запаса памяти безъ всякихъ матеріаловъ; но, впрочемъ, тутъ дѣло не въ хронологіи и не въ точности спеціальныхъ цифръ, а главное въ сущности, т.-е. были ли провалы и существуетъ ли послѣдовавшее отъ нихъ экономическое и финансовое разстройство?

Чтó касается изложенія пережитыхъ мною (начиная съ 1837 года) взглядовъ и разговоровъ и вообще изображенія народныхъ мыслей, при всѣхъ вышеизложенныхъ провалахъ, то все это списано съ натуры съ фотографическою точностію. Еслибы мнѣ понадобилось защищать себя передъ судомъ общественнаго мнѣнія въ главной сущности проваловъ, то я могу выставить сильную защиту, состоящую въ томъ, что мы дѣйствительно провалились на большую глубину. Монеты нѣтъ, долговъ бездна, дефицитъ непоправимый, а въ экономическомъ положеніи чтò видимъ? Народъ пьянствуетъ, сѣверныя земли безъ удобренія и помѣщики безъ пристанища. Прибавимъ къ тому: большинство молодежи во всѣхъ сословіяхъ не видитъ ничего впереди, и день отъ дня все болѣе и болѣе нравственно падаетъ отъ нуждъ и лишеній; старость, видя могилу, съ сердечною болью сознаетъ, что оставляетъ своихъ преемниковъ ни въ чемъ не обезпеченными. Но есть старость еще болѣе скорбная,—это жизнь тѣхъ стариковъ, сыновья или внуки которыхъ, составлявшіе цѣль и утѣшеніе ихъ въ жизни, лежатъ въ землѣ, покончивъ свое существованіе, въ припадкѣ отчаянія, самоубійствомъ. И такихъ изнывающихъ отъ печати старцевъ надо считать уже не сотнями, а тысячами.

О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Окончу тѣмъ, что если нашей внутренней экономической политикѣ суждено принять, во всѣхъ ея частяхъ, Русское направленіе, согламенное съ потребностями народной жизни, тогда изъ многихъ поразившихъ насъ проваловъ мы выберемся на свѣтъ Божій и освѣжимъ себя чистымъ и здоровымъ воздухомъ; но, конечно, главные провалы останутся неисправимыми, и намъ надобно уже примириться съ тою горькою дѣйствительностію, которая будетъ проходить чрезъ всю будущую исторію Россіи.

Повторимъ для глубокаго укрѣпленія въ своей памяти, дабы не только на яву, но и во снѣ не забывались три ужасныхъ непоправимыхъ провала:

Опозданіе въ сооруженіи желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю.

Жестокіе по своимъ условіямъ заграничные займы.

И пренебреженіе къ спасительнымъ мыслямъ князя Барятинскаго.

*

Всѣ наши провалы, начавшіеся съ 1837 года, не суть послѣдствія золъ, нанесенныхъ небомъ, въ родѣ эпидемій, землетрясеній и неурожаевъ, или грознаго нашествія какихъ-либо враговъ, подобно бывшему въ 1812 году. Всѣ бѣды надвинулись на насъ, какъ наказаніе за великій смертный грѣхъ—*духоугашенія*, и чѣмъ болѣе гаснулъ духъ народныхъ мыслей, тѣмъ болѣе входилъ въ законопроэкты и вообще въ дѣйствія властныхъ лицъ духъ умопомраченія. Историкъ Россіи будетъ удивленъ тѣмъ, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, такъ-сказать, ничтожное дѣло, отправляясь, въ теченіи XIX-го столѣтія, по два раза въ каждое царствованіе, воевать съ какими-то Турками, какъ будто эти Турки могли когда-нибудь придти къ намъ, въ видѣ Наполеоновскаго нашествія. Покойное и правильное развитіе Русской силы въ смыслѣ экономическомъ и финансовомъ, безъ всякихъ походовъ подъ Турку (говоря солдатскимъ выраженіемъ), порождавшихъ на театрѣ войны человѣкоубійство, а до́ма обѣдненіе въ денежныхъ средствахъ, произвело бы гораздо большее давленіе на Порту, чѣмъ напряженныя военныя дѣйствія *).

Пора сознаться въ томъ, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что свѣтлыя проявленія человѣческаго духа, выражающія наитіе Божіей благодати, бываютъ всего чаще ниспосылаемы тѣмъ лицамъ, которыхъ наша горделивая и безсодержательная суетность считаетъ невѣждами, не вѣдая того, что выраженіе на землѣ Высшихъ Небесныхъ Тайнъ было ввѣрено грубымъ простолюдинамъ, оставившимъ намъ завѣтъ *не угашать духа, въ немъ бо сила*!

И этотъ великій завѣтъ, изреченный носителями на землѣ всетворящаго Духа Божія, долженъ бы былъ составлять неуклонную стезю жизни; а мы съ нашимъ оледенѣлымъ сердцемъ и затемненнымъ воз-

---

*) Читатели „Архива Князя Воронцова" припомнятъ, что эту же самую мысль относительно безвредности Турокъ и необходимости беречь нашу силу для враговъ съ Запада, неоднократно выражалъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ еще въ прошломъ столѣтіи. П. Б.

зрѣніемъ, уклонившись отъ истиннаго пути, стали искать спасенія въ окоченѣлыхъ канцелярскихъ справкахъ и форменныхъ пустословныхъ комиссіяхъ, думая найдти въ нихъ свѣтъ разума (о несмысленное заблужденіе!) и убѣдившись сто тысячъ разъ, что въ формализмѣ ничего нѣтъ, кромѣ темнообразной путаницы, все-таки продолжаемъ коснѣть въ глубокой тьмѣ вреднаго лжесловесія и разрушительнаго злообразія.

Слышу возраженія, смѣшанныя съ вопросомъ: все это одни слова, и никто не знаетъ гдѣ находятся люди свѣта и какая есть возможность ихъ найдти! Отвѣчаю: эти свѣточи живутъ вмѣстѣ съ нами и находятся на всѣхъ дорогахъ жизни, озаренные лучами правды и долготерпѣнія.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о разстройствѣ жизни, по случаю увеличенія кабаковъ, представляетъ собою живую государственную лекцію (гораздо болѣе поучительную, чѣмъ всѣ наши экономическія лекціи), къ которой надобно бы было приложить внимательное ухо власти болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ *).

Помѣщичья семья, вытѣсненная изъ своего гнѣзда безкредитнымъ удушьемъ и разрушеніемъ мелкихъ винокурень и скитающаяся по бѣлу-свѣту уже четверть столѣтія, составляетъ вторую государственную лекцію.

Кружокъ людей, умолявшій властныхъ лицъ не учреждать Главнаго Французскаго Общества желѣзныхъ дорогъ, а образовать вмѣсто этого Русскую дѣятельность, составляетъ своего рода поучительную, также государственную лекцію.

Другой кружокъ, составившійся изъ 92-хъ лицъ и ходатайствовавшій объ отдачѣ Николаевской дороги, выражалъ собою живой родникъ чистыхъ струй народной дѣятельности; но этотъ родникъ засыпали разнымъ соромъ теоретическихъ чужеземныхъ воззрѣній и т. д. и т. д.

---

*) Мнѣ не разъ случалось посѣщать лекціи политической экономіи въ Москвѣ и Казани, и эти посѣщенія вполнѣ убѣдили меня въ томъ, что слушатели ничему научиться не могутъ, а сбить себя съ толку (если будутъ вѣрить въ лекціи, не относясь къ нимъ критически) могутъ до такой степени, что потомъ между ними и народною жизнію образуется неисправимое непониманье другъ друга. А сколько такихъ сбитыхъ съ толку людей попало впослѣдствіи на вліятельныя финансовыя мѣста? И начали эти люди направлять экономическую жизнь Россія по указаніямъ Мишелей Шевальс, Адамовъ Смитовъ и т. п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т. д., а затѣмъ надѣли на себя суму и пошли смиренно по міру питаться подаяніемъ. В. К.

По всему видно, что смиренные свѣточи, т.-е. помѣщичьи и крестьянскія семейства, разоренныя преобразованіями, не могутъ въ теченіе 25 лѣтъ возбудить къ себѣ такого вниманія, которое бы поворотило ихъ бытъ на новый лучшій путь. Безъ сомнѣнія, это нерадѣніе происходитъ отъ общаго свойства Русской натуры, одинаково подчиняющейся какъ въ простонародьи, такъ и въ интеллигенціи, извѣстной поговоркѣ: Русскій не перекрестится, пока громъ не грянетъ. Впрочемъ, теченіе Русской жизни представляетъ не одну только сдержанную скорбь, но и грозу съ страшнымъ громомъ, безпрестанно вокругъ насъ раздающимся. Замерзающіе зимой на дорогахъ крестьяне, пропившіе свою одежду и обувь, или преждевременно умирающіе въ деревняхъ отъ жестокаго пьянства, развѣ не представляютъ собою грозу и бурю? Затѣмъ, случаи убійства изъ-за нѣсколькихъ гривенъ, совершаемые отъ помутившагося отъ пьянства разсудка, также выражаютъ смертоносный громъ бѣдствій. Наконецъ, наша молодежь, наши будущіе замѣстители въ жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающіе жизнь самоубійствомъ, неужели не въ силахъ возбудить такую дѣятельность въ нашихъ мысляхъ, которая додумалась бы до причины порождающей отчаяніе? Если каждодневныя оглашенія въ печати скорбныхъ извѣстій о самоубійствахъ насъ не трогаютъ, то какія же словесныя убѣжденія могутъ возродить въ насъ чувство жалости? Какая рѣчь можетъ быть убѣдительнѣе и трогательнѣе бездушнаго пораженнаго смертію человѣка, и тѣмъ паче человѣка, самовольно лишающаго себя жизни отъ тоски и невозможности направить себя на путь полезнаго труда? Давно изречено Святымъ Златоустомъ, что если смерть нашихъ братьевъ не можетъ насъ уцѣломудрить, то затѣмъ уже никто и ничто насъ не уцѣломудритъ. Остается одно: плакать горькими слезами при видѣ того, какъ мертвые духомъ погребаютъ мертвыхъ тѣломъ.

Но отъ всѣхъ разрушительныхъ проваловъ, породившихъ бѣдность и самоубійства, можно бы было избавиться, еслибы мы оканчивали каждый день строгимъ требованіемъ отъ своей совѣсти удостовѣренія въ томъ, что въ теченіе дня не было отвергнуто ни одной просьбы, какъ бы она малозначительна ни была, и ни одно предложеніе о разныхъ потребностяхъ не только большихъ городовъ, но и бѣдной деревни не оставлено безъ скораго удовлетворенія.

*

Не трудно отгадать, что во мнѣніи читателя возникнетъ удивленіе, смѣшанное даже съ досадою и порицаніемъ за то, что воспоминанія за 50 лѣтъ представляютъ одни только провалы, какъ будто Русская жизнь въ теченіи полъ-вѣка не имѣла свѣтлыхъ событій. Та-

кое неудовольствіе было бы вполнѣ справедливымъ, если бы я за 50 лѣтъ описывалъ общее теченіе Русской жизни и это описаніе наполнилъ бы одними экономическими провалами; но такъ какъ задача сочиненія состояла въ обозрѣніи экономическихъ преобразованій, то это уже не моя вина, что пережитыя мною преобразованія и нововведенія представляютъ безпрерывный рядъ проваловъ, дѣйствительность которыхъ осязательно удостовѣряется настоящимъ фининсовымъ и экономическимъ положеніемъ Россіи. Справедливѣе будетъ такое заключеніе, что не всѣ провалы мною исчерпаны; многіе изъ нихъ мнѣ вовсе неизвѣстны, и нѣкоторые, безъ сомнѣнія, не сохранились въ моей памяти. Но чтобы не оставлять въ читателяхъ сѣтованія на то, что при созерцаніи всего прошедшаго я былъ неспособенъ видѣть отрадныхъ явленій, считаю моею обязанностію, хотя въ краткомъ изложеніи, поименовать тѣ событія, которыя веселили духъ Русскихъ людей. Здѣсь я буду держаться того же правила, какъ и въ провалахъ, то есть излагать тѣ сужденія, которыя высказывались въ обществѣ и въ народѣ и ясно доказывали, что въ то время, когда мы падали въ экономическомъ положеніи, Русская жизнь въ другихъ ея проявленіяхъ выражала очевидный ростъ. Остановимся на нашей главной гордости, военныхъ силахъ Россіи, безпрестанно обновляющихся дальнѣйшимъ благоустройствомъ и чрезъ это достигающихъ самаго блестящаго и вліятельнаго положенія въ Европѣ. У всѣхъ Русскихъ людей на глазахъ значительное улучшеніе положенія солдатъ въ отношеніи пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни въ казармахъ и лагеряхъ. Это улучшеніе выразилось на самомъ наружномъ видѣ солдатъ, въ особой ихъ бодрости и веселости лицъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Введенная—вмѣсто рекрутскихъ наборовъ—всесословная воинская повинность сразу прекратила семейныя слезы и отчаянные вопли, какіе слышались прежде.

Затѣмъ, другія части государственнаго строя, положимъ, художественная (живопись, скульптура и архитектура) давно уже заняли самое почетное мѣсто среди образованнаго Европейскаго міра, заявивъ всесвѣтно множество талантовъ и массу замѣчательныхъ произведеній.

Русская медицина, также занявъ самое почетное мѣсто въ Европѣ, постоянно вносить въ общую сокровищницу міровыхъ знаній свои даровитыя открытія и наблюденія для пользы человѣчества.

Инженерное искусство, сооружая мосты чрезъ такія рѣки какъ Днѣпръ и Волга, и пролагая дороги по Уральскимъ и Кавказскимъ

хребтамъ, имѣетъ полное право на то заслуженное удивленіе Европы, которое не разъ высказывалось Русскимъ инженерамъ.

Примѣрно-стройное и всѣхъ удовлетворяющее теченіе почтово-телеграфнаго дѣла не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Но что̀ выражаетъ верхъ успѣха и вѣрное движеніе впередъ, съ постояннымъ вкладомъ полезныхъ свѣдѣній въ общую сокровищницу жизни—это наша Русская печать, заявившая свой очевидный ростъ въ размѣрѣ, объемлющемъ отечественныя потребности.

Всѣ подобныя совершенства и правильные шаги впередъ вовсе не существуютъ въ той части управленія, которая вѣдаетъ экономію и финансы. Въ этой части, наоборотъ, все идетъ къ упадку, и этимъ упадкомъ тормозится общее движеніе жизни по пути преуспѣянія. Что же за причина возвышенія первыхъ вышепоименованныхъ частей управленія и упадка другой части, т. е. финансовой и экономической? Дѣло представляется въ такомъ видѣ: военное хозяйство находится въ непрерывномъ сношеніи съ живыми людьми; офицеры узнаютъ и подмѣчаютъ всѣ нужныя потребности для ежедневной войсковой жизни прямо изъ самаго хода солдатской жизни; генералы узнаютъ это отъ офицеровъ, и потомъ все это безо всякаго промедленія восходитъ къ рѣшенію главныхъ высшихъ властей: тогда какъ экономическая жизнь не можетъ отъ своего начальства добиться никакого удовлетворенія въ ея насущныхъ потребностяхъ и даже не знаетъ кто ея начальство и гдѣ оно находится. Между тѣмъ на эту горемычную жизнь налагаются—безъ всякаго совѣта съ нею—законопроэкты о налогахъ, измышляемые въ канцеляріяхъ на основаніяхъ Европейскихъ теорій, а не живой жизненной потребности.

Міръ художественный вовсе не имѣетъ никакихъ канцелярій, живетъ и развивается самъ собою единственно отъ прямого соприкосновенія къ живой натурѣ человѣка и природы.

Міръ медицинскій также чуждъ всякихъ канцелярій и имѣетъ дѣло прямо съ пульсомъ человѣка. Но вѣдь и у экономической жизни есть свой пульсъ, только къ несчастію наука о политической экономіи не приготовила, подобно медицинѣ, экономическихъ Эйхвальдовъ, Боткиныхъ, Захарьиныхъ и т. п., для ощупанія экономическаго пульса, дабы по его ударамъ и отбоямъ можно было опредѣлять состояніе общаго экономическаго организма.

Міръ инженерный, при всѣхъ сооруженіяхъ, находится въ неразрывной связи съ народомъ. П. П. Мельниковъ не разъ доказывалъ въ

своихъ разговорахъ, что только тотъ инженеръ можетъ идти впередъ, который умѣетъ пополнять свои ученыя знанія народнымъ смысломъ. По его мнѣнію, въ массѣ простыхъ рабочихъ всегда есть нѣсколько такихъ, которые самаго опытнаго инженера довоспитываютъ своею смышленностію при практическомъ исполненіи работъ, сами не сознавая за собою столь важнаго достоинства.

Общій итогъ сводится къ тому, что въ военномъ, медицинскомъ, художественномъ и инженерномъ дѣлѣ движущая сила исходитъ изъ вдохновенія и развитія мыслей, не угнетаясь никакимъ давленіемъ канцелярскаго формализма, тогда какъ въ финансово-экономическомъ управленіи не было не только уважительнаго отношенія къ вдохновенію, но, наоборотъ, полныя и неистовыя стремленія къ тому, чтобы задушить всякое вдохновеніе. Нѣтъ спора о томъ, что финансовое управленіе не можетъ отрѣшить себя отъ двуличности, будучи обязано преслѣдовать иногда разсчетъ, а иногда воззрѣніе вдаль; а потому оно можетъ часто находится въ колебаніи между разсчетомъ и воззрѣніемъ; но въ изложеніи проваловъ мы видимъ только такія дѣйствія, которыя, нанося явный вредъ разсчету и воззрѣнію, вели прямо къ погибели. Говоря народнымъ выраженіемъ, по неволѣ приходится сказать, что просто не хватало смѣкалки ни для разсчета, ни для воззрѣнія.

Возьмемъ для доказательства факты, именно: предложенія Русскихъ людей строить желѣзныя дороги на Русскія средства безъ заграничныхъ займовъ, мольбы не увеличивать кабаковъ, не доводить мелкія винокурни до разрушенія, не уничтожать кредитъ для землевладѣльцевъ и не отдавать Николаевской дороги анонимному акціонерному обществу. Развѣ все это вообще и въ отдѣльности взятое не выражаетъ чистѣйшаго патріотическаго вдохновенія? Но было ли это вдохновеніе понято и оцѣнено? Нѣтъ, не только не было понято, а отвергнуто, какъ ненужное и безполезное, отвергнуто потому, что на Русской землѣ не образовалась еще своя финансовая наука, соглашенная съ Русскою жизнью, и вмѣсто нея дѣйствуетъ идолопоклоненіе теоріямъ и взглядамъ иностранныхъ политико-экономистовъ, и къ поклоненію этому съ энергіею Діоклитіановъ въ смыслѣ изнурительнаго надрыва народныхъ силъ привлекаются Русскіе люди. Между тѣмъ въ этихъ изнуряемыхъ силахъ лежитъ истинное понятіе о потребностяхъ жизни, и кто добудетъ это понятіе изъ сердечной глубины Русскаго мышленія, кто пойметъ чистоту народныхъ намѣреній и желаній, тотъ будетъ въ состояніи написать руководящую книгу о Русской экономической наукѣ. Но чтобы почувствовать въ себѣ силу приступить къ этому,

надобно предварительно умѣть читать и понимать еще другую многосложную книгу, называемую Русская жизнь, листы которой раскрываются только для тѣхъ, кто имѣетъ сердце, преисполненное любви къ простымъ сѣрымъ Русскимъ людямъ; для поклонниковъ же чужеземныхъ теорій книга жизни остается навсегда за твердою печатью недовѣрія.

*

Оканчивая повѣствованіе объ экономическомъ состояніи Россіи за пятьдесятъ лѣтъ, я вижу въ немъ сходство съ могильнымъ курганомъ, въ которомъ погребена человѣческая жизнь со всѣми ея несбывшимися надеждами и мучительными страданіями отъ насильственнаго угнетенія общечеловѣческаго роста чужеземными веригами, отравленными ядомъ зависти и злобы.

На этомъ курганѣ, неумолкаемо оглашаемомъ народнымъ рыданіемъ, прилично начертать:

Если равнодушные къ человѣческимъ бѣдствіямъ услышатъ грозный гласъ: «*отъидите отъ Мене и пр.*», то что́ же услышатъ создающіе бѣды и напасти?

Не политико-экономическія витійства, не парламентскія хитросплетенныя рѣчи и не разновидныя конституціи дадутъ намъ разумъ для благоустройства и возвеличенія Россіи, а живущее въ простыхъ чистыхъ сердцахъ Слово Божіе. *ТО—единое*, *ТО*—наставитъ насъ на путь истины и правды.

В. Кокоревъ.

Прибавленіе. Чтеніе «Экономическихъ Проваловъ», печатавшихся въ «Русскомъ Архивѣ» въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ, возбудило желаніе въ лицахъ, наблюдающихъ ходъ Русской жизни, написать свои замѣчанія о томъ, какъ нѣкоторые провалы выразили свои губительныя послѣдствія въ разныхъ мѣстностяхъ обширной Россіи. Замѣчанія эти получены мною въ значительномъ количествѣ, и, нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ вновь получаться. Изъ этого живаго и вѣрнаго матеріала я намѣренъ составить отдѣльныя статьи для помѣщенія ихъ въ «Русскомъ Архивѣ» подъ заглавіемъ: «Дополненія къ Экономическимъ Проваламъ». В. К.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Совѣтъ Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея Славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ Византійской и Славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 Мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, не удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміею въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на Русскомъ языкѣ.

Славянское Общество доставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

8.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ФИЛАРЕТЪ АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Слишкомъ двадцать лѣтъ минуло со дня кончины знаменитаго святителя Руской церкви, архіепископа Черниговскаго Филарета, и до сихъ поръ не явилось полнаго его жизнеописанія, главнѣйше потому, что задача эта слишкомъ трудна, если войти въ оцѣнку и опредѣлить значеніе ученыхъ трудовъ великаго дѣятеля, для чего, по замѣчанію одного изъ его сотрудниковъ, требуется такое же богатство знаній, какимъ владѣлъ онъ самъ и талантъ, не уступающій его таланту.

Желая почтить память святителя, я рѣшился собрать въ настоящемъ очеркѣ все, что̀ разновременно появилось о немъ въ печати, сдѣлать извѣстнымъ, что̀ имѣется у меня и не было оглашено и подѣлиться личными впечатлѣніями изъ близкаго знакомства моего съ преосвященнымъ *).

---

*) Пособіями служили мнѣ: а) собственноручныя записки архіепископа Филарета, набросанныя имъ въ Ригѣ, б) черновыя письма его къ графу Протасову, митрополитамъ Московскому и Кіевскому, графу Дмитрію Николаевичу Толстому и др., в) „Православное Обозрѣніе“ 1886 г., Іюнь и Іюль, г) „Исторія Московской Духовн. Академіи“ С. Смирнова 1879 г., д) „Творенія св. отцовъ“ 1883 и 1884 г. е) „Русская Старина“ 1884 г. кн. IV, 1885 г. кн. X, ж) „Русскій Архивъ“ 1885 г., 10, з) „Кіевская Старина“ 1876 г., и) Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1866, 1867, 1870 и 1872 г., і) Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости, к) „Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій“, С. Пономарева, Полтава 1866 г., л) некрологи, помѣщенные въ нѣкоторыхъ газетахъ, м) „Странникъ“, Сентябрь 1886 г., н) „Русскій Паломникъ 1886 г. кн. 31, о) Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, прот. Смирнова М. 1885 г. п) „Разсказы и преданія, собранныя на мѣстѣ родины преосвященнаго Филарета и обязательно сообщенныя о. Николаемъ Конабѣевскимъ, р) „Разсказы и отзывы сослуживцевъ и лично знавшихъ Филарета въ Московской Академіи, въ Ригѣ, Харьковѣ и Черниговѣ.

Въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи находится древнее село Лѣсное-Конабѣево, значащееся въ грамотѣ царя Θеодора Алексѣевича дворцовымъ. Оно расположено на гористомъ берегу Цны, близъ лѣса, на противуположномъ берегу этой рѣки лежитъ другое Конабѣево, называемое по характеру мѣстности Польнымъ.

Въ Конабѣевѣ былъ когда-то женскій Казанскій монастырь, и село это едва ли не ровнялось своею обширностію городу Шацку, считавшемуся во времена царя Алексѣя Михайловича значительнымъ городомъ.

Съ переходомъ этого села къ Нарышкинымъ оно стало упадать, такъ какъ владѣльцы, имѣя много пустопорожнихъ земель, заселяли ихъ переселенцами изъ Конабѣева. Однако еще въ началѣ настоящаго столѣтія въ немъ было свыше 5 т. м. пола душъ и двѣ церкви съ двойнымъ штатомъ священно-и церковно-служителей въ каждой.

Въ двадцати саженяхъ отъ алтаря одной изъ церквей находился незатѣйливый домъ священника, о. Григорія Аθанасьевича Конабѣевскаго. Домъ состоялъ изъ двухъ просторныхъ избъ, соединенныхъ сѣнями. Въ немъ жила безбѣдно многочисленная семья о. Григорія. У него были престарѣлый отецъ, два брата, три сестры, жена и два сына. Вся семья жила въ согласіи, любви и глубокомъ благочестіи. Впослѣдствіи она раздѣлилась на три дома. Въ родительскомъ домѣ остался о. Григорій, какъ старшій братъ; отецъ же его, желая приготовиться къ смерти и умереть въ монастырѣ, послѣдніе годы провелъ въ Черневской обители, гдѣ и скончался.

Въ Конабѣевѣ проживалъ крестьянинъ Нарышкина по имени Алексѣй. Слылъ онъ за полоумнаго; многіе однако почитали его блаженнымъ, приписывая ему даръ прозорливости. Зимою и лѣтомъ ходилъ онъ въ одной рубахѣ, безъ обуви, получаемыя деньги раздавалъ бѣднымъ, не оставляя себѣ ничего. Много притѣсненій и побоевъ переносилъ Алексѣй отъ управителя имѣнія. Не разъ представляли его въ рекрутское присутствіе, откуда возвращался онъ забракованнымъ. Помѣщикъ Нарышкинъ, пріѣхавъ лѣтомъ въ свою вотчину и встрѣтивъ Алексѣя, пожелалъ узнать что̀ это за человѣкъ? Ему объяснили, что это его крестьянинъ, полоумный или юродивый, Богъ его знаетъ. Нарышкинъ велѣлъ привести его къ себѣ. «Что ты ходишь въ одной рубахѣ? Вотъ тебѣ—одѣнься». И онъ приказалъ дать ему свою одежду. Алексѣй принялъ одежду, но, отойдя немного, снялъ ее и, повѣсивъ на церковной оградѣ, удалился. Нарышкину хотѣлось дознаться: не хотѣлъ ли Алексѣй показаться смѣшнымъ въ несвойственной и необычной для его быта одеждѣ, или здѣсь была другая причина. Опять призвалъ его къ себѣ Нарышкинъ. «Твоя одёжа дорогая, а моя до-

роже твоей», сказалъ ему юродивый. Тогда Нарышкинъ подарилъ 100 рублей. «Вотъ тебѣ. Купи себѣ чего пожелаешь», сказалъ баринъ, подавая Алексѣю сторублевую бумажку. Поблагодарилъ юродивый, получивъ ассигнацію, донесъ ее до церкви и опустилъ въ кружку, что̀ при колокольнѣ была поставлена для доброхотныхъ даяній на святой храмъ. Узнавъ о такомъ поступкѣ юродиваго, Нарышкинъ строго наказалъ своему управителю не притѣснять его и предоставить ему полную свободу. Алексѣй поселился въ томъ же селѣ у протоіерея Дмитрія, брата о. Григорія. У него прожилъ онъ 25 лѣтъ въ великихъ подвигахъ поста и молитвы. Постоянно твердилъ онъ молитву Іисусову, и въ этомъ упражненіи замѣчали его ночью, сидящимъ предъ св. иконами. Каждый постъ онъ пріобщался Св. Таинъ. Часто удалялся онъ въ казенный лѣсъ близъ Арзамаса для молитвеннаго подвига. Тамъ въ 1827 году охотники нашли его тѣло, склоненное къ молитвѣ, тогда какъ душа его отлетѣла въ вѣчность. Тѣло его предано землѣ въ г. Арзамасѣ.

23-го Октября 1805 года въ домѣ о. Григорія была замѣтна особенная суета. Суета эта вызвана была рожденіемъ втораго сына, нареченнаго Димитріемъ въ честь Св. Великомученника Димитрія Солунскаго, котораго память совершается 25-го Октября.

Никто на селѣ еще не зналъ о рожденіи сына у почтеннаго пастыря; зналъ только юродивый Алексѣй и, взобравшись на колокольню, возвѣстилъ о рожденіи трезвономъ. Переполошенный несвоевременнымъ звономъ, народъ бросился къ церкви. Стали спрашивать юродиваго, кто велѣлъ звонить и зачѣмъ? «Радъ Алешка, что родился великій Тимошка! А онъ будетъ звонить, звонить будетъ на всю Русь», отвѣчалъ юродивый. Раздосадованный народъ не внялъ пророческому голосу блаженнаго, и нашлись люди, выместившіе свою досаду на его спинѣ. Юродиваго высѣкли, а онъ приговаривалъ во время наказанія: «бейте больше, родился большой Тимошка». Не довольствуясь однако тѣлеснымъ наказаніемъ, его на цѣлую недѣлю приковали къ столпу.

И такъ первымъ вѣстникомъ явленія на свѣтъ свѣтильника нашей церкви и молитвенника за нашу родину былъ юродивый. И какъ было искони, такъ повторилось и здѣсь: не поразмыслилъ народъ надъ пророческими словами юродиваго, не воздалъ хвалы Богу, а предалъ вѣстника мученію.

Будучи пяти лѣтъ, Дмитрій пѣлъ на клиросѣ и читалъ почти всю Псалтирь наизустъ. Голосъ имѣлъ онъ альтъ очень нѣжный и сохранилъ его до поступленія въ академію. Обучала его чтенію тетка его, дѣвица, умершая девяностолѣтнею. Христіанская жизнь его семьи, служившая, какъ говорятъ, примѣромъ для окружающихъ, доброта и ласки

всѣхъ, въ особенности матери, дѣйствовали на душу и сердце воспріимчиваго ребенка. Отецъ его отличался, при глубокомъ благочестіи, какъ замѣчательный проповѣдникъ и примѣрный священникъ. Мать его, Настасья Васильевна, была образцомъ древне-Русской благочестивой женщины. Убравшись съ хозяйствомъ, въ праздничные дни она непремѣнно шла въ церковь, «чтобы совѣстливѣе было за столъ сѣсть, дара Божія, хлѣба-соли вкусить». Она принимала странниковъ, одѣляла нищихъ. Молитва, въ особенности за дѣтей своихъ, была, какъ утверждаютъ, такою потребностью для нея, что нерѣдко вставала она въ глухую полночь «безъ помѣхи помолиться Богу, съ полнымъ сосредоточеніемъ мыслей и чувствъ и съ усерднымъ колѣнопреклоненіемъ предъ «Подателемъ всяческихъ». Дѣтей своихъ она постоянно брала въ церковь, примѣромъ своей молитвы поучая ихъ молиться. И Дмитрій такъ полюбилъ церковную молитву, что она сдѣлалась для него живѣйшею потребностію. Такая обстановка и посреди ея аскетическая жизнь тетки-наставницы рано развили въ будущемъ Филаретѣ склонность къ монашеству.

Дмитрій былъ небольшаго роста, всегда худенькій, живой и рѣзвый; въ его глазахъ свѣтились умъ и энергія. Отецъ держалъ его въ страхѣ Божіемъ и, не прибѣгая никогда въ наказаніи къ мѣрамъ крутымъ, тѣмъ не менѣе сдерживалъ рѣзваго мальчика. Нѣжная мать иногда находила, что наказаніе не заслужено и укоряла стараго супруга. О. Григорій, не возражая ей при дѣтяхъ, оставшись вдвоемъ, дѣлалъ ей внушеніе, что она портитъ дѣтей и даетъ имъ поводъ къ осужденію отца въ несправедливости. Когда Дмитрій еще былъ очень маленькимъ, отецъ привязывалъ его ниткою къ столу, и Дмитрій долженъ былъ сидѣть или стоять у стола, пока самъ отецъ его не отпуститъ. Наказанія этого стыдился Дмитрій, но не смѣлъ бѣжать, о чемъ вспоминалъ, будучи архіепископомъ. Когда же Дмитрій сталъ учиться, то по своей пылкости не могъ долго оставаться за книгою: его тянуло на улицу побѣгать, и вотъ изъ запертой комнаты онъ черезъ окно бѣжитъ къ товарищамъ, а главное къ рѣкѣ полюбоваться прекрасными видами, подышать во всю дѣтскую грудь свѣжимъ лѣтнимъ воздухомъ. А село Лѣсное Конабѣево дѣйствительно замѣчательно красотою мѣстности: къ Сѣверу отъ него нескончаемые лѣса, на Сѣверо-востокъ обширные луга и пастбища, рѣка Цна, за нею другое Конабѣево.

Красота мѣстности не могла не внести извѣстнаго вклада въ характеръ Дмитрія. Дмитрій съ дѣтства полюбилъ природу. И теперь указываютъ мѣсто любимой прогулки его, гдѣ онъ, пріѣзжая домой изъ училища, а потомъ изъ семинаріи, погружался въ созерцаніе природы. Бывъ ректоромъ Московской духовной академіи, онъ ухажи-

валъ за цвѣтами; изъ Риги онъ писалъ, что подъ окнами «кое-какъ, съ усиліями, развелъ садикъ въ церковной оградѣ»; въ Черниговѣ превратилъ онъ монастырскіе дворы въ сады съ куртинами розъ и другихъ цвѣтовъ. Иногда, любуясь видами изъ своей бесѣдки на обширную долину р. Десны, перерѣзанной шоссе и усѣянной селеніями и рощами, а передъ нимъ историческое мѣсто—сосновую рощу и святое озеро (въ которомъ, по преданію, приняли Св. Крещеніе Черниговцы) онъ сосредоточивался и глубоко вздыхалъ. И куда летѣли эти вздохи? Была ли то дань дѣтскимъ воспоминаніямъ или молитвенное возношеніе къ Творцу?

Способности у Дмитрія были замѣчательныя, память необыкновенная, острота слова и находчивость, по словамъ воспитательницы-тетки, удивительныя. Дальнѣйшимъ его обученіемъ занялся отецъ. Семи лѣтъ, однако, онъ помѣстилъ его въ Вышинскую пустынь къ ученому іеродіакону Никону, бывшему префекту Рязанской семинаріи, гдѣ пробылъ онъ два года и ознакомился со всѣми предметами училищнаго курса. Сюда поступилъ онъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Никитою Воскресенскимъ (впослѣдствіи архимандритъ Никонъ, настоятель Георгіевскаго первокласснаго монастыря близъ Севастополя, скончавшійся на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ).

Въ дѣтствѣ Дмитрія съ нимъ было нѣсколько случаевъ, принятыхъ имъ и его родителями какъ доказательства особаго храненія его Промысломъ. Еще почти младенцемъ, онъ однажды, во время весенняго ледохода, вскочилъ на льдину. Ледъ тронулся, и сообщеніе съ берегомъ такъ скоро прекратилось, что крошечный мальчикъ и не замѣтилъ. Тогда только, познавъ опасность, сталъ онъ осматриваться кругомъ; но, не видя никакой возможности выбраться и никого на берегу, кто могъ бы оказать ему помощь, въ слезахъ крикнулъ онъ: «Маменька! Помолись хоть ты за меня!» И вдругъ, льдину его повернуло къ берегу и притянуло къ выдающемуся мысу. Дмитрій проворно выскочилъ на берегъ, и въ его дѣтской душѣ осталось убѣжденіе, что онъ спасенъ по молитвамъ благочестивой матери. Разсказывая объ этомъ случаѣ уже въ старости, онъ каялся, что отъ родителей скрылъ о томъ, опасаясь, что его откровенность лишитъ его свободы.

Слѣдующіе два случая, по разсказу очевидца ихъ архимандрита Никона, были съ нимъ во время ихъ жизни въ Вышинской пустыни. Разъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, пошли оба они купаться въ р. Вышу. Шли они къ мѣсту, по указанію ихъ наставника, черезъ лѣсъ. Дмитрій былъ въ башмакахъ на босу ногу. Нечаянно наступилъ онъ на большую змѣю. Змѣя обвилась вокругъ его ноги. Небоязненно стряхнулъ онъ башмакъ съ ноги, а съ башмакомъ свалилась и змѣя. Въ испугѣ

и страхѣ заплакалъ Никита. «Братъ! Тебя укусила змѣя?» — «Нѣтъ», спокойно отвѣчалъ Дмитрій. Затѣмъ, взявъ палку, онъ погнался за змѣей и, догнавъ ее въ кустахъ, сказалъ, обратясь къ ней: «Ты меня не уязвила, ибо ангелъ-хранитель мой не допустилъ тебя уязвить меня». Возвратясь къ прежнему мѣсту, онъ взялъ башмакъ и, не надѣвая, отнесъ его къ рѣкѣ, гдѣ ополоснулъ его въ водѣ и положилъ просушить на солнышкѣ. Не успѣли они покупаться, какъ заботливый наставникъ пришелъ къ нимъ. «Мнѣ что-то грустно и скорбно, сказалъ онъ имъ, а вы такъ долго не возвращаетесь». Увидѣвъ мокрый башмакъ, онъ спросилъ: «Дѣти! Чтó это значитъ?» Пріученный говорить правду, Дмитрій разсказалъ все какъ было и показалъ дорогою самое мѣсто, гдѣ произошелъ разсказанный случай. Наставникъ передалъ о случившемся своимъ духовнымъ друзьямъ — іеромонаху Варсонофію и іеродіакону Зосимѣ, которые на другой день совмѣстно съ нимъ отслужили молебенъ Божіей Матери, со слезами благодаря Ее за чудное спасеніе. Узнавъ о молебнѣ и причинѣ его, настоятель съ братіею извѣстили о случившемся родителей Дмитрія. По прибытіи ихъ, настоятель отслужилъ соборнѣ молебенъ, а наставникъ дѣтей о. Никонъ произнесъ проповѣдь, слушая которую всѣ плакали, а нѣкоторые даже рыдали.

Вотъ среда, въ которой жилъ Дмитрій, отрокомъ оставивъ родительскій домъ.

Второй случай былъ слѣдующій. Въ половинѣ Декабря, съ разрѣшенія своего наставника, пошелъ мальчикъ Дмитрій съ Никитой, въ сопровожденіи монастырскаго портнаго, погулять въ лѣсъ. Отойдя около версты отъ пустыни, они замѣтили бѣлокъ. Портной былъ охотникъ; а какъ съ нимъ были лыжи и ружье, то онъ, прицѣпивъ лыжи, погнался по пухлому снѣгу за проворнымъ звѣркомъ. Отроки остались вдвоемъ. Не дождавшись его и услыхавъ звонъ къ вечерней службѣ, они поспѣшили къ монастырю. На пути туда напалъ на Дмитрія волкъ, израненный капканомъ и тѣмъ приведенный въ ярость. Мгновенно смялъ онъ Дмитрія и сталъ рвать зубами. Никита, забывъ страхъ, схватилъ попавшуюся дубинку и сталъ ею отбивать Дмитрія отъ волка. На крикъ его прискакалъ верхомъ монастырскій работникъ, которому совмѣстно съ Никитою едва удалось стащить волка съ Дмитрія. А Дмитрій всталъ и совершенно спокойно объявилъ, что ему ничего волкъ не сдѣлалъ. Оказалось, что на немъ въ клочки порвана заячья шубка и обгрызены сапоги.

Изъ Выши Дмитрій поступилъ въ Шацкое духовное училище. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ на квартирѣ у дьячка Рождественской церкви Александра Онисимова. И опять напалъ онъ на добрыхъ людей.

Вотъ одинъ случай, вызывавшій молитвенное воспоминаніе покойнаго объ его Шацкой хозяйкѣ. Утромъ на его квартиру приходилъ сбитеньщикъ со сбитнемъ и кренделями. Взявъ стаканъ сбитню, Дмитрій пошелъ въ свой сундучекъ за деньгами, допилъ сбитень и поставилъ стаканъ въ сундучекъ, гдѣ въ разсѣянности его и забылъ. Получивъ деньги и повѣряя стаканы, сбитеньщикъ не досчитался одного. Онъ пошелъ осматривать въ сундучкахъ у мальчиковъ и, къ удивленію всѣхъ, нашелъ стаканъ въ сундучкѣ Дмитрія. Дмитрій, горячей головѣ котораго вообразилось, что его поступокъ объяснятъ воровствомъ, растерялся отъ смущенія и убѣжалъ изъ комнаты. Онъ измѣнился въ лицѣ и потерялъ побужденіе къ пищѣ и сну. Послѣ ужина, за которымъ просидѣлъ онъ молча и не прикасаясь къ пищѣ, онъ ранѣе всѣхъ полѣзъ на палати, гдѣ спали обыкновенно всѣ мальчики. Но зорко слѣдила за нимъ добрая хозяйка. Когда влѣзли на палати мальчики и легли спать, неспавшій Дмитрій притворился спящимъ. Онъ думалъ мрачную думу: не могъ вынести онъ позора, которымъ, казалось ему, онъ покрылъ свое имя. Лучше не жить, думалось ему, чѣмъ слыть воромъ. И воспаленная голова ребенка подсказывала ему ужасную мысль—лишить себя жизни. Но лишь только заснули товарищи Дмитрія, онъ услыхалъ нѣжный и участливый голосъ своей хозяйки: «Ты спишь, Митя?» Дмитрій не отвѣчалъ. «Ты спишь, что ли, Митя?» повторилъ тотъ же голосъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ Дмитрій. «Ты боленъ, кажись, Митя? Ты бы хорошенько помолился Богу, да съѣздилъ домой: тамъ немножко бы поправился». Ласковая рѣчь доброй женщины мгновенно облегчила душу ребенка. Дмитрій зарыдалъ. «Что̀ съ тобою, родной мой? Ты совсѣмъ, видно, боленъ». И растроганная его рыданіемъ, она погладила его по головѣ; а когда Дмитрій, тронутый ея ласкою, еще болѣе разрыдался, она сняла его съ палатей, причемъ наткнулась рукою на приготовленный имъ ножъ. Дмитрій сквозь слезъ сознался въ своемъ намѣреніи, объясняя, что положеніе свое находилъ онъ безвыходнымъ и съ позорнымъ именемъ вора не могъ ужиться. Нетрудно уже было этой доброй женщинѣ совершенно успокоить ребенка.

И не объ одной этой женщинѣ вспоминалъ святитель. Въ томъ же Шацкѣ, жена смотрителя училища, Екатерина Ивановна Люминарская, своими ласками и вниманіемъ къ дѣтямъ, учившимся въ училищѣ, стяжала признательную ихъ память. Преосвященный Филаретъ, котораго пережила она, посылалъ ей свои сочиненія и былъ ея всегдашнимъ молитвенникомъ.

Въ 1817 году новый случай ознаменовалъ собою тоже дивное храненіе Дмитрія. Во время сильнѣйшаго пожара въ Шацкѣ, истребив-

шаго весь городъ, крѣпко спавшій Дмитрій былъ разбуженъ своею доброю хозяйкой. Испуганный мальчикъ, вскочивъ съ постели, схватилъ свой сундучекъ съ бѣльемъ и книгами и побѣжалъ съ ними мимо училища, черезъ огромный оврагъ къ Черной слободѣ, расположенной по другую сторону оврага. Считая мѣсто это безопаснымъ отъ пожара и утомленный подъ тяжкою для него ношею, онъ расположился у плетня, саженяхъ во ста отъ дворовъ, и сейчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ. Но свирѣпствовавшій пожаръ, казалось, искалъ все новой жертвы, и огонь метался изъ края въ край. Вскорѣ запылала Черная слободка, а съ нею и самый плетень, у котораго заснулъ никѣмъ не замѣченный Дмитрій. Вотъ ползетъ огонь по плетню и яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ спящаго мальчика. По счастью шла тутъ крестьянка. Она бросилась къ нему, разбудила и тѣмъ спасла.

Природная склонность и направленіе, данное Дмитрію отцомъ, развили у него любовь къ чтенію. Книга была съ дѣтства его неразлучнымъ другомъ и товарищемъ. И находясь въ училищѣ, онъ кромѣ игры въ мячъ не принималъ участія въ дѣтскихъ забавахъ, а въ свободное время весь погружался въ чтеніе. Разсказывалъ о немъ одинъ крестьянинъ, переживиій его, что однажды, увидѣвъ его съ книгою, сидящимъ въ полѣ на десятинномъ столпѣ, онъ замѣтилъ ему: «Митрій! Что бы тебѣ заняться дѣломъ? Вотъ, хоть бы взять соху, да пахать.» — «Ахъ! отвѣчалъ ему Дмитрій, еслибъ ты зналъ, что̀ въ этой книгѣ написано, ты не разстался бы съ нею». «И много разъ», дополнилъ крестьянинъ свой разсказъ, «я видалъ его одного съ книгою либо въ полѣ, либо на лугу».

Пріѣзжая домой изъ училища, а потомъ изъ семинаріи, Дмитрій по прежнему не пропускалъ церковной службы, которая въ двухъ приходахъ справлялась почти ежедневно. По прежнему становился онъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ, участвуя въ нотномъ хоровомъ пѣніи, издавна введенномъ въ Конабѣевѣ. И съ дѣтства развилась у него любовь къ церковному пѣнію, которою отличался онъ до смерти: архіерейскій хоръ его всегда славился особенною стройностію. Онъ самъ часто, не смотря на труды ученые и занятія епархіальныя, присутствовалъ при спѣвкахъ.

Во время каникулъ Дмитрій со своею благочестивою матерью или теткою всегда ходилъ пѣшкомъ на Вышу или въ Черневъ монастырь. Разъ съ теткою посѣтилъ онъ Саровскую пустынь. Путешествіе это было замѣчательно предсказаніемъ о Дмитріѣ старца Серафима. Пошли они въ Саровъ пѣшкомъ и, отстоявъ литургію, отправились въ лѣсъ, гдѣ была келія о. Серафима. Имъ встрѣтился маленькій согбенный старичокъ, въ бѣломъ балахончикѣ, опоясанный веревкой. Онъ остано-

вился, какъ бы ожидая ихъ и опершись на топоръ, служившій ему посохомъ. Угадавъ въ этомъ старичкѣ того великаго передъ Богомъ человѣка, котораго чтитъ вся Россія, наши богомольцы подошли къ нему и поклонились ему въ ноги. Блаженный провидѣцъ, благословивъ ихъ и посмотрѣвъ на Дмитрія, сказалъ: «Сей отрокъ будетъ великимъ свѣтильникомъ церкви и прославится по всей Руси, какъ ученый мужъ». Еще прежде Серафимъ спросилъ пришедшаго къ нему за благословеніемъ со своими родными Никиту, есть ли у него двоюродный братъ Дмитрій? и на утвердительный отвѣтъ сказалъ: «онъ будетъ солить, солить на всю Россію!» Повѣствователь такъ объясняетъ эту образную рѣчь старца: «Соль предохраняетъ отъ порчи снѣдь, дѣлая пищу здоровою и пріятною. Подобно тому Дмитрій, впослѣдствіи архіепископъ Филаретъ, своими молитвами привлекая на міръ благословеніе Божіе, своею дѣятельностію и примѣромъ чистой и благочестивой жизни имѣя нравственное вліяніе на окружающую среду, будетъ предохранять ближнихъ своихъ, свою паству отъ нравственной порчи и тлѣнія и способствовать нравственному ея оздоровленію». Какъ бы желая троекратнымъ свидѣтельствомъ подтвердить свое пророчество, тотъ же старецъ и въ третій разъ, когда позднѣе старшій братъ Дмитрія Василій, возымѣвъ намѣреніе принять монашество, пришелъ за благословеніемъ къ нему, сказалъ: «Это только твоему брату Богъ далъ талантъ каждый мѣсяцъ по книжкѣ изъ кармана вынимать, а ты ступай домой и живи какъ укажетъ Богъ». Василій поступилъ діакономъ въ церковь, гдѣ служилъ его отецъ.

Въ 1819 году, на экзаменѣ въ Шацкомъ училищѣ, въ присутствіи Тамбовскаго преосвященнаго Іоны (впослѣдствіи экзарха Грузіи), Дмитрій и Никита обратили на себя вниманіе своего владыки. Дмитрій былъ первымъ ученикомъ, а Никита вторымъ. Пожелавъ узнать ихъ имена, преосвященный немало удивился: перваго фамилія была Конабѣевскій, а втораго Тартаровъ. Онъ приказалъ перемѣнить имъ фамиліи (что̀ въ то время часто дѣлывалось въ семинаріяхъ): первому называться Гумилевскимъ, а второму Ангеловымъ. «Учитесь оба прилежно», сказалъ имъ владыка, «и ведите себя честно. Я васъ пошлю въ свое время въ академію. Да помните и всѣ вы, дѣти, что наука есть только золотая узда, а лошадь-то поведеніе». Затѣмъ почтенный архипастырь всталъ и, запѣвъ «Днесь благодать Св. Духа насъ собра», приказалъ пѣть съ нимъ и мальчикамъ. Слова его сбылись; но отправлялъ въ академію Гумилевскаго съ Ангеловымъ преемникъ Іоны, архіепископъ Аѳанасій.

По окончаніи перваго года въ богословскомъ отдѣленіи Дмитрій сталъ сватать невѣсту, исполняя желаніе и волю отца, чтобы занять его мѣсто. Но во время послѣднихъ каникулъ, гуляя съ своимъ братомъ

и товарищемъ Никитою въ обширномъ саду, разведенномъ его отцомъ, Дмитрій подошелъ къ одной яблонѣ, задумался, а потомъ повѣдалъ своему другу о дивномъ видѣніи, бывшемъ ему во время сна подъ этою яблонею. «Восторженно передавалъ онъ сонъ», повѣствуетъ разсказчикъ, «а слезы радости текли по его ланитамъ». «Вижу я во снѣ пришедшаго ко мнѣ святителя, подобнаго Василію Великому, и онъ торжественно говоритъ мнѣ: планъ твой и отца твоего разрушится, а исполнится надъ тобою то, что̀ сказано тебѣ впередъ архіереемъ Іоною. Возьми мои сочиненія въ Тамбовской семинарской библіотекѣ, въ нихъ увидишь мой образъ, и читай оныя на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Сверхъ того, ходи каждый день къ утрени въ архидіаконскую церковь и становись передъ образомъ святителя и чудотворца Дмитрія Ростовскаго». Разсказавъ это, Дмитрій со слезами просилъ своего друга до смерти никому не открывать о повѣданномъ. А между тѣмъ самъ онъ отъ этого времени совершенно измѣнилъ прежній образъ жизни. Не смотря на неудовольствіе и даже угрозы отца, онъ не только покинулъ мысль о женитьбѣ, но цѣлый годъ кромѣ церкви и семинаріи никуда не выходилъ и вступилъ въ 1826 году въ Московскую духовную академію, гдѣ черезъ два года принялъ монашество.

Въ семинаріи Дмитрій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Рѣдко кто видѣлъ его безъ книги: и въ классѣ до прихода наставника, и въ квартирѣ своей онъ всегда былъ съ книгой. Помогать въ занятіяхъ товарищамъ составляло его исключительную черту. Отлично зная Латинскій языкъ, онъ передъ классомъ подходилъ къ товарищамъ съ предложеніемъ перевести какое-либо трудное мѣсто изъ Латинской книги. И, говорятъ, всегда передъ началомъ Латинскаго класса толпа товарищей окружала юнаго классика, слушая и записывая его переводъ. Готовность служить товарищамъ, какъ и служить ближнему вообще, была усвоена Дмитріемъ на сознательныхъ началахъ христіанскаго ученія. Трудъ же для него былъ дѣломъ привычнымъ, такъ какъ съ дѣтства онъ постоянно былъ въ трудѣ. Благодаря отличной памяти и навыку къ занятіямъ, онъ скоро выучивалъ уроки и предавался въ свободное время чтенію. Когда же не было книгъ для чтенія, онъ занимался перепискою лекцій богословскаго класса. За трудъ свой онъ, какъ сынъ достаточныхъ родителей, ничего не бралъ; занимался же этимъ единственно, чтобы наполнить время и знакомиться съ предметами высшаго курса. Стыдливость его не менѣе поражала товарищей. Онъ не могъ слышать бранныхъ словъ, весь краснѣлъ; «какъ огнемъ-полымемъ загоралось лицо его», по выраженію его товарища, и онъ сейчасъ же удалялся отъ позволившаго себѣ грубую выходку. Начальство и преподаватели, замѣчая такую скромность въ Дмитріѣ, относи-

лись къ нему особенно мягко. Во весь семинарскій курсъ Дмитрій ни разу не былъ наказанъ, что̀ въ то время составляло едва ли не единственное исключеніе.

По словамъ его товарищей Дмитрій шелъ наравнѣ съ первымъ ученикомъ, но отмѣчался то шестымъ, то третьимъ, то вторымъ. По Нѣмецкому языку онъ считался настолько успѣвшимъ, что, бывъ еще самъ ученикомъ богословскаго класса, исполнялъ обязанность лектора въ низшемъ классѣ. Хотя былъ выше третьяго и даже втораго своего товарища, но выпущенъ четвертымъ, по той странной причинѣ, что лѣтами былъ моложе ихъ и ростомъ менѣе. Дѣйствительно, онъ былъ такъ моложавъ, что его, бывшаго ученика богословскаго класса, можно было принять за ученика училища, т.-е. дать ему самое большее—14 лѣтъ. Но онъ выдавался своими талантами, въ особенности даромъ проповѣдничества, быть можетъ, унаслѣдованнымъ отъ отца. Въ вѣдомости противъ его имени была отмѣтка ректора, архимандрита Іасона: «отлично in declamatione». И очень часто маленькій проповѣдникъ произносилъ съ церковной каѳедры свои проповѣди. Его ребяческій и скромный видъ, его задушевная и теплая рѣчь при красивомъ и оживленномъ лицѣ привлекали много слушателей даже изъ высшаго круга общества.

Въ 1826 году выдержавъ успѣшно пріемные экзамены, Дмитрій Гумилевскій поступилъ въ составъ VII академическаго курса Московской духовной академіи. Аттестуя его всегда какъ лучшаго и благонравнѣйшаго студента, инспекторъ академіи, архимандритъ Евлампій въ 1829 году въ вѣдомости написалъ: «Дмитрій Гумилевскій отличается особенною кротостію и смиреніемъ, строгимъ вниманіемъ къ себѣ и къ поступкамъ своимъ и постоянно благочестивымъ настроеніемъ духа, по которому и расположилъ себя къ иночеству». Такимъ оставался онъ и впослѣдствіи. Такъ въ 1837 году, когда онъ былъ уже ректоромъ академіи, А. Н. Муравьевъ писалъ князю А. Н. Голицыну, что «постническою своею жизнію, скромностію и познаніями Филаретъ отличался передъ всѣми, и эти качества молодаго архимандрита внушаютъ къ нему общее уваженіе».

Итакъ, принятіе Дмитріемъ иночества не вытекало изъ разсчета на извѣстную іерархическую карьеру. Уже архіепископомъ Харьковскимъ, онъ, представляя своимъ посѣтителямъ старушку-тетку свою и наставницу, засвидѣтельствовалъ, что она своею аскетическою жизнію расположила его съ дѣтства къ монашеству. И отъ дѣтства своего, и во весь семинарскій курсъ, въ особенности въ послѣднемъ классѣ, онъ видимо готовился къ монашеству. Его взглядъ на монашество, выраженный въ письмѣ къ его ученику и другу А. В. Горскому, котораго

онъ склонялъ послѣдовать его примѣру, подтверждаетъ, что иночество принято было Дмитріемъ Гумилевскимъ по душевному предрасположенію. Вотъ между прочимъ что писалъ онъ въ Маѣ 1842 г. изъ Риги, гдѣ былъ епископомъ: «И какъ я обрадовался бы, какъ возблагодарилъ бы Господа, когда бы услышалъ, что ты наконецъ рѣшился облечься въ святое иноческое одѣяніе подъ кровомъ преподобнаго Сергія! Господа ради, послушайся, оставь напрасныя твои сомнѣнія: ты будешь полезенъ Церкви Святой; она ждетъ тебя давно, очень давно... Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что безъ Господа Іисуса, безъ благодати Его святой ничего истинно добраго никто еще не дѣлалъ и не можетъ дѣлать. Но сомнѣнія твои не въ томъ и состоятъ, а касаются только того, что ты боишься опасностей, противъ которыхъ Господомъ даны тебѣ средства въ душевныхъ силахъ». На замѣчаніе же Горскаго, что трудно быть ученому монаху, Филаретъ возражаетъ: «Ты указываешь, другъ мой, на мой собственный опытъ тому, какъ трудно жить ученому монаху. Если дѣло касается до моего опыта, то, призвавъ Господа въ помощь, искренно скажу тебѣ, что доселѣ, при содѣйствіи неизреченной милости Господа Іисуса, мнѣ не приходило и на мысль жалѣть о моемъ монашескомъ положеніи. Грѣховъ моихъ бездна, беззаконій моихъ необозримая бездна, а монашество едва ли не въ одномъ имени; тѣмъ неменѣе благодарю Господа моего, что Онъ, не взирая на нечистоты души моей и прошедшія, и настоящія, не отвергнулъ принять меня подъ кровъ иночества. Благодарю за то, что Онъ оградилъ меня отъ волнъ міра и его губительныхъ правилъ, приличій, обычаевъ. Живя здѣсь, еще болѣе могу видѣть, что̀ значитъ жизнь міра, что̀ значатъ его правила и примѣры; могу видѣть, какъ онъ освящаетъ, часто безсознательно, самыя гибельныя дѣла, самыя несообразныя съ христіанскою жизнію правила. Попытайтесь поговорить съ міромъ о подобныхъ дѣлахъ: онъ вамъ представитъ тьму извиненій и оправданій имъ, и вы останетесь только съ тою увѣренностію, что несчастенъ міръ, запутавшій самъ себя въ дѣла языческія, въ правила, противныя христіанской совѣсти. Да, иначе нельзя окончить размышленій о многомъ, что̀ совершается въ мірѣ. Какъ же не благодарить Господа, что Онъ избавилъ душу отъ тяжкихъ и безполезныхъ трудовъ разсчитываться съ обычаями міра, что Онъ далъ душѣ свободу употреблять время и силу на дѣла, столь приближающія душу къ Ему Единому, Кому всѣ кости мои должны служить и возвѣщать: Господи! Господи, кто подобенъ Тебѣ? О скорби же жизни иночеко-ученой ни слова: онѣ могутъ быть тяжки; но Онъ направляетъ ихъ во славу Свою. Подумай же!»

Когда, въ концѣ 1829 года, Дмитрій Гумилевскій заявилъ начальству и митрополиту о своемъ непремѣнномъ намѣреніи принять иноческій чинъ, митрополитъ видимо отнесся съ большимъ одобреніемъ къ такой рѣшимости. Онъ отмѣтилъ Гумилевскаго особеннымъ отличіемъ, давъ ему одному при постриженіи свое имя. За все время 46-ти-лѣтняго начальствованія это былъ единственный примѣръ. Онъ рѣшился оставить въ сторонѣ установившійся обычай давать имя, начинающееся съ той же буквы, какою начинается имя прежнее. Сохранилось преданіе, что Московскій святитель готовилъ его себѣ въ преемники. Въ отношеніяхъ его къ юному иноку замѣчалась отеческая заботливость и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительная строгость. Видно было, что зоркій и неуклонный правитель церкви желалъ образовать достойнаго себѣ преемника. И несомнѣнно, что эта школа мудраго іерарха имѣла великое вліяніе на Филарета. Въ академіи называли юнаго ученаго инока «Филаретикомъ».

По принятіи иноческаго чина (19-го Января 1830 г.) Филаретъ Гумилевскій 29-го Іюня былъ посвященъ въ іеродіаконы. Въ этомъ санѣ оставался онъ до окончанія курса 29-го Августа того же года, когда былъ посвященъ въ іеромонахи.

Изъявившаго принять иноческій чинъ, для богомыслія и бóльшей сосредоточенности, удаляютъ на время отъ общенія съ другими. Въ этомъ одиночествѣ и случилось искушеніе: Филаретъ загрустилъ и покинулъ свою келію. Старецъ, которому поручено было его приготовленіе (духовный отецъ), не найдя его въ затворѣ, повѣдалъ осторожно о случившемся одному брату, которому, при помощи одного товарища Филарета, удалось найти его въ трактирѣ. Товарищъ привелъ его разстроеннаго, взволнованнаго. Между тѣмъ доложили митрополиту, который строго воспретилъ оглашать о томъ, такъ, чтобъ юному Филарету и не было извѣстно, что о случившемся доложено ему. Это доказываетъ необыкновенную опытность Московскаго святителя и глубокое познаніе человѣка: одно оглашеніе о случившемся могло погубить 24-лѣтняго пылкаго Филарета.

Еще бывъ студентомъ, а именно 6-го Іюня 1830 года, Филаретъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ академической библіотеки. Такое назначеніе вполнѣ отвѣчало его склонности. Здѣсь онъ проводилъ все свободное время, роясь въ книгахъ, читая безъ помѣхи. Онъ такъ полюбилъ библіотеку, что когда изъ нея удѣляли часть для вновь открытой Казанской духовной академіи, то съ сокрушеніемъ писалъ: «очень великая будетъ потеря»; но какъ бы въ успокоеніе себѣ тутъ же добавилъ: «но надобно и собою жертвовать для другихъ».

Въ бытность свою ректоромъ академіи онъ настолько обогатилъ библіотеку ея, что каялся въ этомъ какъ въ своемъ увлеченіи. Но тѣмъ неменѣе продолжалъ пополнять ее, уже бывши епископомъ Рижскимъ и предложилъ самъ все новое по богословской Нѣмецкой литературѣ просматривать и полезное выписывать для библіотеки, такъ какъ все это присылалось ему книгопродавцами и учеными. «Такимъ образомъ, писалъ онъ, пожалуй, я буду для васъ издателемъ Litteraturblatt». Изъ Петербурга, жалуясь на скудость источниковъ для его сочиненій, онъ писалъ Горскому: «И можно ли здѣсь сдѣлать то, что въ академіи? Бывало раздѣтый въ библіотекѣ во всемъ привольѣ; а если свои ноги не совсѣмъ послушны: готовъ ко всему любезный мой Александръ Васильевичъ. А здѣсь, и съ людьми во всемъ чужими, чего ожидать, чего надѣяться? Скучно!»

Зорко слѣдивъ за ходомъ академическаго образованія, митрополитъ Филаретъ давалъ особенную цѣну экзаменамъ, тѣмъ болѣе публичнымъ. Заблаговременно правленіемъ академіи представлялись ему записки о предстоявшихъ испытаніяхъ. Тщательно просматривалъ ихъ владыка, требуя исключительной осмотрительности. Но всего строже относился онъ къ сочиненіямъ, предназначавшимся для чтенія на публичныхъ испытаніяхъ. Критика его была строга, можно сказать безпощадна, а подъ часъ, пожалуй, и придирчива. Сочиненія эти представлялись ему послѣ тщательнаго просмотра ректоромъ академіи. 8-го Іюня 1830 г. этимъ ректоромъ, архимандритомъ Поликарпомъ, представлены были два такихъ сочиненія студентовъ послѣдняго курса, изъ коихъ одно іеродіакона Филарета: «О духѣ и свойствѣ христіанскаго мученичества». «Ни того, ни другаго разсужденія, написалъ митрополитъ, не могу признать достаточно приготовленными ни для напечатанія, ни для прочтенія въ публичномъ собраніи. Разсужденіе о мученичествѣ и теперь безконечно обширно и какъ въ отношеніи къ логикѣ, такъ и въ отношеніи къ словесности, слабо. Это принужденное скопленіе словъ и выраженій, историческихъ обстоятельствъ, выписокъ, а не систематическое произведеніе ума, котораго бы всѣ части были направлены къ опредѣленной цѣли. Я прочиталъ около половины онаго (дочитать не имѣю ни времени, ни терпѣнія), но не встрѣтилъ еще ничего, что прямо и съ силою было бы направлено къ указанной во вступленіи цѣли, т.-е. къ защищенію мученичества отъ нареканій. Послѣ неопредѣленнаго и утомительнаго разсказа о гоненіяхъ Іудейскихъ, Римскихъ, Персидскихъ, Магометанскихъ, Россійскихъ поставлено восклицаніе: *таково начало и происхожденіе мученичества! Маккавеи предуготовили* (сіе слово написалъ о. ректоръ) *вѣтхозавѣтную церковь къ таковымъ же подвигамъ въ новозавѣтной*

церкви. На что же было приготовлять ветхозавѣтную церковь къ такимъ подвигамъ, которые не въ ней, а въ послѣдующей за нею новозавѣтной церкви совершаться должны? Мнѣ кажется, это не значитъ очищать сочиненіе отъ погрѣшностей. Впрочемъ, нимало не возбраняется оба разсужденія, о коихъ здѣсь говорено, передать коммиссіи духовныхъ училищъ на ея усмотрѣніе». Коммиссія духовныхъ училищъ была снисходительнѣе митрополита Филарета, суровая критика котораго со смиреніемъ принималась будущимъ ученымъ и свѣтильникомъ церкви.

Такъ точно сурово и строго относился митрополитъ и къ административной дѣятельности своего любимца, когда онъ былъ инспекторомъ и ректоромъ академіи, подчиняя прирожденную ему мягкость и незлобіе требованіямъ службы и порядка.

Іеродіаконъ Филаретъ окончилъ курсъ со степенью магистра, вторымъ, хотя далеко былъ выше своего совмѣстника Нечаева. Предпочтеніе послѣднему, полагаютъ, было оказано какъ воспитаннику своей, т.-е. Московской семинаріи.

По окончаніи курса и посвященіи Филарета въ іеромонахи, онъ оставленъ былъ при академіи бакалавромъ, а въ Сентябрѣ занялъ каѳедру церковной исторіи и, какъ ученый іеромонахъ, былъ причисленъ къ собору іеромонаховъ Московскаго Донскаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ цензоромъ. Цензура немало отнимала у него времени, награждая подчасъ большими хлопотами и непріятностями. Такъ 1834 году онъ одобрилъ къ напечатанію самую невинную книжку, азбуку: «Безцѣнный подарокъ дѣтямъ». Въ слѣдующемъ году книжка эта вышла изъ типографіи въ количествѣ 1200 экземпляровъ. И вотъ, въ 1837 году, когда Филаретъ былъ уже ректоромъ, всплыло пренепріятное дѣло. Митрополитъ Серафимъ привезъ въ Синодъ экземпляръ этой книжки и указалъ непростительныя опечатки, а именно въ Символѣ вѣры напечатано: «Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Отъ Бога истинна рожденна, не Свѣта отъ Свѣта, Бога истина, сотворенна, единосущна Отцу». Въ седьмой заповѣди опущена частица «не». Сообщили Московскому митрополиту объ отобраніи экземпляровъ этой книжки и запрещеніи продажи, а отъ цензуры потребовано объясненіе. Оказалось, что мѣщаниномъ Чижковымъ была представлена азбука для разрѣшенія напечатать, но по напечатаніи она цензурѣ не представлялась, и билета на выпускъ ея въ свѣтъ цензурою не выдавалось. Прошло семь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Управа Благочинія представила объясненія Чижкова и содержателя типографіи Пономарева. Чижковъ, чтобъ оправдаться, представилъ билетъ цензуры; но оказалось, что билетъ выданъ на выпускъ

другой книжки «*Полезный подарокъ дѣтямъ*». Между тѣмъ въ отобранныхъ у Чижкова и у книгопродавцевъ 182 экземплярахъ этой книжки съ указанными погрѣшностями не оказалось ни одной; быть можетъ здѣсь была только ошибка: неисправленный коректурный экземпляръ попалъ въ числѣ другихъ въ продажу и на бѣду попался митрополиту Серафиму. Представляя экземпляръ безъ погрѣшностей, изъ числа отобранныхъ въ Синодъ, митрополитъ Филаретъ ходатайствовалъ объ освобожденіи цензоровъ и комитета отъ отвѣтственности. Синодъ только въ 1839 году далъ знать, что онъ освобождаетъ цензуру отъ отвѣтственности, а Пономарева предалъ суду. Чижковъ же успѣлъ умереть.

Академическая библіотека сдѣлалась жилищемъ молодаго профессора. Здѣсь занимался Филаретъ составленіемъ своихъ лекцій, которыя были полны интереса, новы по содержанію и увлекательны по изложенію. Находя, что Филаретъ былъ историкомъ по призванію, утверждаютъ, что онъ явился въ академіи новаторомъ по этой каѳедрѣ. До него студенты занимались предметомъ этимъ плохо, безъ малѣйшаго интереса, преподаватели тяготились читать его, стараясь перемѣнить на предметъ болѣе интересовавшій студентовъ; а потому болѣе года, много—двухъ, никто не оставался на этой каѳедрѣ. Читали обыкновенно по учебникамъ митрополита Филарета (Начертаніе библейской исторіи) и Иннокентія Пензенскаго (Начертаніе церковной исторіи), дѣлая кое-какія дополненія. Не такъ отнесся къ этому предмету Филаретъ, не любившій стѣснять себя учебниками. Онъ самъ сталъ работать надъ этимъ предметомъ, придавъ своимъ лекціямъ увлекающій интересъ и тѣмъ вызвалъ живое отношеніе къ предмету въ своихъ слушателяхъ. Онъ вдохновилъ одного изъ нихъ, впослѣдствіи своего друга и знаменитаго преемника А. В. Горскаго. Онъ пріучилъ его въ началѣ въ качествѣ помощника своего къ кропотливой работѣ историка.

Ко всякому труду Филаретъ относился съ живымъ интересомъ. можно сказать, съ увлеченіемъ. Его пылкій и живой темпераментъ, привычка къ труду, желаніе служить церкви и ближнему подогрѣвали всякое дѣло въ его рукахъ. Но къ первому предмету своего профессорскаго преподаванія, т.-е. къ исторіи Русской церкви, онъ относился, кажется, съ наибольшимъ одушевленіемъ. И чтобъ разгадать этотъ выборъ въ его ученыхъ трудахъ, мы должны вернуться къ его дѣтству. Мы уже видѣли, какое вліяніе на его характеръ, на его нравственный укладъ имѣла благочестивая семья его родителей вообще, а въ этомъ случаѣ онъ обязанъ исключительно своему отцу. Въ свободные часы, въ особенности въ долгіе зимніе вечера, о. Григорій

имѣлъ обычай собирать свою семью къ большому столу, и самъ читалъ житія святыхъ изъ Четьи-Минеи или изъ Пролога. Ребенокъ Дмитрій, которому не было еще семи лѣтъ, подпершись рученками, съ жадностію слушалъ чтеніе отца и объясненія жизни и мученическихъ подвиговъ святыхъ православной церкви. Въ его дѣтской душѣ складывались образы великихъ подвижниковъ церкви, а въ сердцѣ разгорался огонекъ любви къ Богу и Его святымъ, который, обратившись въ пламя, объялъ его всего въ мужественную пору его служенія церкви. И самъ Филаретъ даетъ понять, какое отводилъ онъ значеніе вліянію на него отца. «Да», писалъ онъ изъ Риги, «теперь, когда такъ давно нѣтъ на свѣтѣ моего родителя, которому много, очень много обязанъ по душѣ, какъ мнѣ по временамъ хочется взглянуть на него хотя на четверть часа! До кончины его не чувствовалъ я такой душевной нужды». И вотъ темою перваго своего студенческаго сочиненія онъ избираетъ «О духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества». Первыми же капитальными трудами его были «Исторія Русской церкви» и «Историческое ученіе объ отцахъ церкви».

Чтобъ видѣть, какъ смотрѣлъ онъ на ученый трудъ, сколько теплоты и одушевленія влагалъ онъ въ него, достаточно прочесть нѣкоторыя письма его къ Горскому. Въ каждомъ почти письмѣ онъ весь выливался, если можно такъ выразиться, въ извѣстную нравственную форму, представляя высокій образецъ служителя Божія. «Читаю и пересматриваю труды отцовъ нашихъ, открытыхъ почтеннымъ и опытнымъ Востоковымъ *). Востоковъ много, весьма много открылъ намъ новаго, иногда такого, на чтò мнѣ приходилось не разъ смотрѣть, но чего не понималъ я. Новый міръ открытъ. И какой же міръ? Міръ отцовъ нашихъ, отцовъ благочестивыхъ, иногда ошибавшихся, но любившихъ Господа Іисуса пламенною душею».

По прочтеніи статьи магистра Аничкова «О крестныхъ ходахъ православной церкви», онъ пишетъ: «Простите, что скажу грѣшную мысль о крестныхъ ходахъ. Сочиненіе написано слишкомъ холодно, обдаетъ душу стужею; священныя дѣйствія—плодъ чувствъ сильныхъ и живыхъ, а потому, по крайней мѣрѣ для ихъ происхожденія и значенія можно пожертвовать строгостію копотливыхъ мыслей и дать просторъ чувству. Скажете: старая пѣснь? Правда, но простите бѣдняку, скудному въ мысляхъ».

Прочитавъ въ «Москвитянинѣ» статью объ осадѣ Троице-Сергіевской Лавры, онъ догадался, что авторъ ея—Голохвастовъ, желавшій

*) Въ „Описаніи рукописей Румянцовскаго музея".

обѣлить своего предка. Но ему горько было, что авторомъ униженъ Палицынъ, и онъ сейчасъ же проситъ Горскаго написать статью объ Авраамiѣ Палицынѣ и помѣстить въ томъ же «Москвитянинѣ». «Не думаю, чтобъ Погодинъ отказался, писалъ онъ: онъ благороденъ и для лица не пожертвуетъ правдою. Напишите ему и отъ меня, что amicus Plato, sed magis amica veritas».

И не одинъ Палицынъ возбудилъ желаніе его возстановить истину: онъ соболѣзновалъ и о князѣ Голицынѣ. «Онъ сорокъ лѣтъ былъ въ тюрьмѣ у Поляковъ; зачѣмъ же такъ безчестить страдальца, родоначальника обширнѣйшаго рода Голицыныхъ?» Считая умноженіе рода благословеніемъ Божіимъ, онъ требуетъ провѣрки свѣдѣній о кн. Голицынѣ. Горскій исполнилъ желаніе своего друга-наставника, но не удовлетворила послѣдняго его статья: онъ находилъ ее холодною. По прочтеніи отзыва объ этой статьѣ, онъ остановился на фразѣ критика: «сочинитель нигдѣ не измѣняетъ покойному своему тону», и желаетъ уяснить эту фразу, высказывается ли здѣсь одобреніе или вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе видѣть иногда болѣе теплоты, «болѣе любви къ предмету». «Что̀ до меня, продолжаетъ онъ, говоря съ вами обыкновеннымъ языкомъ, желаю, чтобы послѣднее требованіе въ показанной степени вы не оставили безъ вниманія. Правда, хотя въ ученыхъ разсужденіяхъ всего болѣе нужно спокойствіе души и естественный ходъ мысли, предоставленной управленію размышляющаго разсудка; но, какъ мнѣ кажется, и въ ученыхъ разсужденіяхъ, если разсуждать надо о предметѣ дорогомъ не для одного разсудка, но и для всей души, неестественно оставлять въ бездѣйствіи чувство; неестественно тому быть, чтобы любовь къ предмету не высказалась въ разсужденіи свойственнымъ ей образомъ, въ словахъ, въ тонѣ выраженій, въ образахъ, дышащихъ жизнію и движеніемъ. Мнѣ кажется, что въ противномъ случаѣ читателю нельзя не оскорбиться холодностію, какую видитъ онъ въ сочинителѣ, такъ какъ холодность эта относится къ предмету достойному любви, уваженія, дѣятельности цѣлой души. Правда, въ такомъ сужденіи моемъ участвуетъ и моя настроенность духа, организація грѣшной души моей, такъ часто тревожной и пылкой и тамъ, гдѣ не нужно горячиться чувству и воображенію, а нужно одно разсужденіе. Но вотъ я смотрю на Нѣмцевъ. Народъ размышляющій, народъ ученый; но какъ хотите, только преобладаніе въ немъ мысли изсушило душу его. Скажите искренно, послѣ спокойнаго размышенія о предметѣ, хорошо ли это, что Нѣмцы теперь съ такимъ хладнокровіемъ пишутъ хулы на Господа Іисуса; а другіе Нѣмцы съ такимъ хладнокровіемъ слушаютъ и читаютъ хулы? Послѣдніе, прочтя хулы языческой души, говорятъ: мы не можемъ не

отдать уваженія богатству свѣдѣній сочинителя, глубокому его изслѣдованію предмета и пр. Какъ? Уважать то, что даръ Божій употребляетъ христіанинъ такъ, какъ употребилъ его Сатана? О, помилуй насъ Богъ отъ такого состоянія! Не хочу опровергать тѣхъ оправданій, которыя Нѣмецкое хладнокровіе привыкло говорить себѣ самому. Всѣ эти оправданіи столь же правы, сколько и хладнокровіе; потому что они плодъ той же холодности къ предметамъ самымъ высокимъ и самымъ дорогимъ для души, для которыхъ жизнь души—не жизнь, а пагуба. Какъ мнѣ кажется, нынѣшнее положеніе Нѣмецкой учености изуродовало положеніе души, ибо какъ назвать состояніе живаго существа, когда въ немъ живетъ и дѣйствуетъ одна только часть на счетъ всѣхъ другихъ частей? Представьте, что въ цѣломъ организмѣ тѣлесномъ жива и здорова одна голова, а руки, ноги, желудокъ, нервы—омертвѣли. Что это такое? Уродъ! Зачѣмъ же не сознаться, что точно тоже означаетъ и душа, въ которой живетъ и дѣйствуетъ одинъ разсудокъ, безъ отдыха, неугомонно настраивающій и разрушающій затѣйливыя мысленныя фигуры? Но я слишкомъ увлекся общимъ предметомъ. Дорожа любимою душею, душевно прошу васъ—остерегитесь Нѣмецкой холодности къ предметамъ высокимъ. Зачѣмъ поставлять себя въ неестественное состояніе? Душа ваша любитъ Господа, сколько успѣла возлюбить Его при помощи Его благодати; говорите же о Господѣ такъ, чтобы всѣ кости ваши говорили о Немъ. Пусть все славитъ Господа, потому что все въ насъ должно славить святое имя Его. Душа ваша чтитъ и любитъ св. угодниковъ Его. Говорите же о св. угодникахъ Его такъ, чтобы вся душа ваша говорила о нихъ должное. Не убивайте чувствъ вашихъ святыхъ грѣшными сомнѣніями, предостереженіями, уступленіями, условіями холоднаго разсудка. Мы и безъ того столько ли любимъ Господа и все угодное Ему, сколько должны бы любить? Столько ли душа наша горитъ усердіемъ и ревностію къ святому закону Его, сколько должна горѣть? Столько ли возросла въ насъ любовь къ благочестію о Христѣ, чтобы могло оно быть живительнымъ началомъ жизни нашей на цѣлую вѣчность? О, вѣчность—вѣчность! Какъ грозна мысль о тебѣ грѣшной, немощной, лѣнивой, гордой, тщеславной душѣ моей! Господи, Господи, умилосердись надъ нами грѣшными! Научи насъ творить святую волю Твою, воспламени насъ огнемъ любви Твоей, да не погибнемъ бездыханные на цѣлую вѣчность!» «Простите мнѣ, что напоминаю о недостаткѣ вашемъ, тогда какъ у меня толпа грѣховъ, которыхъ вовсе не вижу. Въ замѣнъ прошу вспомянуть о мнѣ грѣшномъ, когда будете молить Господа объ исправленіи недостатка вашего».

Трудолюбивый Филаретъ въ числѣ недостатковъ своихъ считалъ лѣность, и это сѣтованіе на лѣность произносилось имъ въ то время, когда очевидецъ его трудовъ, изумляясь неустанной его дѣятельности, задаетъ себѣ вопросъ: «спалъ ли онъ когда-нибудь?»

Несомнѣнно, свѣтлый нравственный обликъ Филарета былъ постоянно передъ глазами его ученика и друга, какъ маякъ въ морскихъ пучинахъ. Замѣчаніе Филарета упало на сердце его юнаго друга, и онъ ищетъ указаній, на что получаетъ сейчасъ же въ отвѣтъ: «Мое маранье объ учености нѣсколько возмутило покой вашъ, и вы спрашиваете, чтожъ дѣлать для того, чтобы совмѣщать ученость съ живымъ духомъ любви къ истинѣ и святости? Первое безъ сомнѣнія произошло въ душѣ вашей отъ того, что объ иномъ сказано очень рѣзко. Не такъ ли? Повторю и теперь съ бо́льшею, чѣмъ прежде, увѣренностію, что требованіе живаго духа у меня болѣе плодъ собственнаго неумѣренно-горячаго и часто безтолковаго свойства души. Да, это совершенная правда. Вполнѣ свято то, что̀ надобно говорить правду, надобно показывать и доказывать истину вопреки тѣмъ, которые говорятъ неправду, а не выказывать себя самого, свое неспокойное состояніе. Въ послѣднемъ случаѣ очень часто бываетъ со мною, что по осмотрѣ оказывается рядъ вопросовъ и дѣльнаго—почти ничего. Тѣмъ не менѣе несогласенъ я хвалить васъ за статью о св. Лаврѣ, что̀ помѣщена въ «Москвитянинѣ». Согласенъ, что необходимо спокойствіе въ изслѣдованіи истины, но не думаю, чтобы хорошо было смотрѣть спокойно на наглое оскорбленіе истины и святости. А Голохвастовъ, если не часто, то по мѣстамъ, не безъ наглости къ св. Лаврѣ. Эти люди воображаютъ себя удивительно какъ учеными и чудными политиками. Еслибы въ душѣ было только желаніе узнать истину, не совсѣмъ ясную для многихъ и даже представленную въ другомъ видѣ: скажи свои мысли съ осторожностію желающаго дознать истину, а не выставляй изъ себя человѣка, который одинъ только и можетъ знать истину, а всѣ прочіе говорили и говорятъ вздоръ. Иначе выходитъ на дѣлѣ, говоря простымъ языкомъ, хвастунъ. Если же придется имѣть дѣло съ хвастуномъ, то для дѣльнаго изслѣдованія у него мѣдный лобъ, отъ котораго все дѣльное летитъ прочь; его надо не вразумлять, а наказывать сатирою. Пусть лежитъ клеймо на немъ, достойное его. Оно остановитъ другихъ хвастуновъ. Иначе вслѣдъ за однимъ появится цѣлый рядъ подобныхъ людей, и тогда прощайся съ правдою по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи лягутъ во гробъ со вредными мыслями, попавшими къ нимъ только по милости мѣднаго лба. Но я уже заговорился; во многоглаголаніи немного добра».

«Что касается до втораго пункта, то не легко рѣшить его, а еще не легче исполнять то, что хотѣлъ бы сказать. Мнѣ кажется, что молитва лучше всего можетъ поддерживать въ душѣ теплоту и жизнь духа. Нелегко молиться такъ, какъ надлежало бы молиться». Объяснивъ значеніе и способы молитвъ, Филаретъ указываетъ на церковныя молитвы. «Онѣ просты, но тѣ изъ нихъ и сильнѣе дѣйствуютъ на душу, болѣе плодотворны, которыя болѣе прочихъ просты. Попались двѣ-три молитвы, сильно поражающія безчувственную душу; повторяй ихъ съ поклонами: согрѣешься». При этомъ онъ по своему всегдашнему обыкновенію шлетъ себѣ укоръ: «Иногда, грѣшный, стою какъ деревяшка, какъ болванъ или брожу мыслями по разнымъ сторонамъ. Что это за молитва?»—«Письмо мое опечалило душу вашу, говоритъ онъ въ слѣдующій разъ. Вмѣстѣ съ вами молю Господа, чтобы было на пользу душѣ. Чего же болѣе желать, какъ не здравія душѣ? Все прочее останется на землѣ. О, какъ бы сохранены были души наши для Господа!» Такъ молодой наставникъ вразумлялъ, ободрялъ и поддерживалъ духъ молодаго своего друга.

Дорожа дружбою Филарета и почитая его какъ руководителя въ духовной жизни, Горскій во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ обращался къ нему за совѣтомъ. Такъ, возымѣвъ намѣреніе принять предложенное ему мѣсто при Константинопольской миссіи, онъ предварительно обращается къ Филарету (тогда епископу Рижскому). Приведемъ отвѣтное письмо Филарета не столько какъ доказательство его вліянія на Горскаго, сколько для лучшаго знакомства съ самимъ авторомъ, съ его взглядомъ на жизнь и на служеніе церкви. «Вы писали о намѣреніи на счетъ Константинополя. Другъ мой! Оставь и мысль объ этомъ. Тебѣ дѣло это представилось совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Ты думаешь найти тамъ пищу для благочестивой любознательности или для благочестивыхъ подвиговъ въ преподаваніи истины Христовой. Нѣтъ, не то ожидаютъ отъ того, кого хотятъ туда послать. Тамъ надобно жить при посольствѣ, въ одномъ углѣ, не рѣдко запершись. Тамъ хотятъ имѣть орудіе политики для переговоровъ, видѣть человѣка, который бы имѣлъ въ виду разсчеты земныхъ властей, а послѣ того, если угодно, и разсчеты по жизни духовной; имѣютъ нужду въ ловкомъ, свѣтскомъ человѣкѣ, который бы умѣлъ подъ черною одеждою скрывать намѣренія земной мудрости. Мы съ тобою не рождены для подобной жизни: она убьетъ насъ. Еслибы тебѣ пришлось здѣсь только недѣлю пожить, то ты понялъ бы, что не только такое мѣсто, каково мѣсто при посольствѣ въ Турціи, но и мѣсто здѣшняго приходскаго священника опутываютъ

сѣтями интригъ земныхъ. На видъ кажется, что хлопочутъ о дѣлѣ вѣры, о дѣлѣ православія, даже только и словъ съ человѣкомъ незнакомымъ, чужимъ, что̀ православіе и вѣра; а все это на языкѣ сердца означаетъ: наше дѣло политика, все прочее дѣло стороннее. Боже мой, Боже мой, какъ тяжело смотрѣть на такое положеніе дѣлъ! Какъ страшно жить среди такихъ людей! Боишься и страшишься за свою душу, не унесли бы и ея бури помышленій въ погибельную пропасть суеты земной. Нынѣ и завтра, сейчасъ и въ слѣдующій часъ объ одномъ заставляютъ думать: то думать о томъ, какъ бы не запутали тебя въ какую-либо интригу, то судить и даже осуждать интригановъ, ставящихъ вѣру и святыню на какую-нибудь ленту, а часто и на улыбку знати высшей. Жизнь такая—мученіе. Господа ради прошу тебя, оставь всякое помышленіе о Константинополѣ».

Онъ сообщаетъ Горскому, что ему приходила мысль вызваться на миссію въ Іерусалимъ, когда Англичане посылали туда своего епископа; удостовѣрившись, что не можетъ разсчитывать на поддержку, Филаретъ отказался отъ этой мысли.

Трогательная забота о нравственной чистотѣ друга выражена въ письмѣ отъ 20 Ноября 1844 г. Самому духовному наставнику еще не было 40 лѣтъ, а между тѣмъ письмо его отражаетъ въ себѣ человѣка уразумѣвшаго жизнь, старика - подвижника. «Мнѣ странная пришла мысль въ голову: пришло желаніе сказать другу о предметѣ, о которомъ умные не говорятъ, а развѣ дураки. Но—пусть по обряду глупца говорить буду съ другомъ. Натура во всѣхъ идетъ одинакимъ путемъ. Во всѣхъ стремленія ея вступаютъ въ права свои то рано, то поздно, то днемъ, то ночью. Надобно много труда и бдительности надъ собою, чтобы тайное стремленіе натуры дурной, начавъ дѣйствовать, не довело обманомъ до положенія слишкомъ дурнаго. И если къ чему это приложить надобно, то всего болѣе къ стремленію половому. Не оскорбись, другъ мой, Господа ради. Не знаю, не вижу тебя теперь. Но когда видѣлъ, то не видѣлъ еще пробужденія стремленій тѣла грѣшнаго. Однако, если даже и доселѣ нѣтъ пробужденія, Господа ради, не вѣрь себѣ, не думай, чтобъ они не пробудились. Трудно, другъ мой, дать тебѣ совѣтъ: какъ поступить съ собой, когда эта бѣда натуры появится въ душѣ? Плакать, плакать надобно; но не скажу того, чтобы и это тотчасъ избавило отъ бѣды. Лучше, далеко лучше, если плакать будешь до наступленія бѣды. Да, другъ мой, готовься напередъ, готовься *слезами и памятью о смерти и гнилости тѣла, объ адѣ*, готовомъ для растлѣннаго тѣла. Ни одна страсть такъ не скрытна, какъ эта страсть. Десятки лѣтъ проходятъ, и ея какъ будто нѣтъ; а когда

появится, то много лѣтъ можетъ пройти, пока ее увидятъ. *Бдите и молитеся.* Прекрасенъ цвѣтокъ—чистота тѣлесная; но, какъ онъ рѣдокъ, какъ онъ дорого достается! Другъ мой, береги душу твою. Смотри за нею зорко. Ахъ, легко быть можетъ, что прекрасный цвѣтокъ легко погибнетъ отъ вѣтра жгучаго! Тысячи извиненій, тысячи оправданій появятся, коль скоро появится въ душѣ это злое растеніе—любовь къ другому полу. Называю злымъ и по сравненію съ чистотою, и по тѣмъ тысячамъ грѣховъ, какіе влечетъ за собою эта страсть. Да, мы не въ раю. Прости, другъ мой, глупости друга души твоей. Если онъ вретъ не ко времени: скажи—Богъ проститъ ему. Обнимаю душу твою, какъ дорогую для Господа Іисуса».

И вотъ гдѣ источникъ обильныхъ слезъ самого Филарета. Отъ первой минуты, когда предсталъ онъ предъ престоломъ Божіимъ въ качествѣ служителя алтаря и до самой смерти, каждую службу, начиная отъ Херувимской пѣсни до причащенія, слезы текли изъ глазъ его; принявъ же Агнца и читая молитву предъ причащеніемъ, онъ всхлипывалъ. И долго, пріобщившись, онъ не могъ унять тока слезъ своихъ. Забывая, кажется, все окружающее, онъ плакалъ, вздыхалъ и молился. Это замедляло служеніе. Сослужащіе съ нимъ иногда даже выражали нетерпѣливость и неудовольствіе (замѣчаетъ служившій при Филаретѣ въ Харьковѣ протоіерей о. Іоаннъ Шароцкій) на обильно текущія слезы и вздохи его преосвященства; но были и такіе, которые радовались этимъ слезамъ, этимъ вздохамъ и въ глубинѣ души благодарили Господа, что Онъ даетъ такой обильный источникъ слезъ архипастырю, *приносящему святые дары о своихъ грѣхахъ и о людскихъ невѣжествіяхъ* (Евр. VII, 27; IX, 7).

Во время всенощной, эти вздохи доносились изъ алтаря до стоящихъ возлѣ клироса и многихъ, освобождая отъ разсѣянности, побуждали сливать свои молитвы съ молитвами смиреннаго архипастыря.

Только два года привелось іеромонаху Филарету читать церковную исторію. Въ началѣ 1832—33 учебнаго года, по волѣ и предначертаніямъ вѣроятно того же руководящаго ума, направлявшаго дѣятельность молодаго ученаго, т.-е. по планамъ митрополита Московскаго, Филарету поручено чтеніе Священнаго Писанія, а затѣмъ нравственнаго и пастырскаго богословія. Видя, какъ относится Филаретъ къ занятіямъ по преподаванію, понимая его умъ и способности, Московскій святитель не желалъ, быть можетъ, однообразнаго ихъ направленія и, находя, что предметъ, читанный Филаретомъ, достаточно освѣщенъ и освѣженъ имъ, онъ направилъ трудъ его къ предметамъ богословскимъ. Пособіемъ для преподаванія этого предмета было сочиненіе профессора С.-Петербургской духовной академіи І. С. Кочетова «Черты дѣятель-

наго ученія вѣры»; но учебникъ этотъ еще при предмѣстникѣ Филарета по преподаванію признавался недостаточнымъ и подвергался значительному измѣненію. Филаретъ и здѣсь явился самобытнымъ. По свидѣтельству отца Смирнова *), «онъ оставилъ о себѣ память какъ объ отличномъ профессорѣ, соединявшемъ въ себѣ съ обширною ученостію необыкновенное трудолюбіе. Онъ выступилъ на это поприще съ новыми пріемами: съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторіею догматовъ, съ рѣзкими опроверженіями мнѣній, порожденныхъ раціонализмомъ въ протестантскомъ Западѣ». Въ своихъ изслѣдованіяхъ Филаретъ руководствовался догматиками Клея и Бреннера; но онъ заимствовалъ у нихъ, и то отчасти, только планъ, а главнымъ образомъ пользовался приведенными ими мѣстами изъ классическихъ писателей и отцовъ церкви. Изложеніе у него, болѣе сжатое, запечатлѣно характеромъ самостоятельной работы. «Филаретъ отличался особеннымъ складомъ рѣчи: выраженія его, особенно тамъ, гдѣ онъ борется съ древними еретиками и неправославіемъ католицизма и протестантства и съ крайними воззрѣніями раціоналистовъ, довольно рѣзки и оригинальны. Таковъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, таковъ и въ догматикѣ».

Чтеніе богословія доставило Филарету громкую извѣстность. Едва онъ пріѣхалъ въ 1841 году въ Петербургъ для посвященія въ епископа Рижскаго, какъ ему предложили наши высшіе духовные іерархи заняться составленіемъ «Догматики» и выписать для того свои лекціи изъ академіи. Когда же, по своей скромности и опасливости, Филаретъ отказывался, то прибѣгли къ посредничеству самаго сильнаго человѣка, оберъ-прокурора Св. Синода, графа Протасова. Тотъ настойчиво присталъ къ Филарету. По поводу этой настойчивости писалъ тогда Филаретъ: «Эти предложенія льстивы для самолюбія, но не льстивы для благоразумія, внимательнаго къ положенію дѣлъ. Я и теперь еще не касаюсь сего дѣла; пусть откроетъ Господь, что̀ грѣшному начинать, куда склонить выю. Да, довольно, почти насытился мечтами. И то правда, кто жъ виноватъ, что гонялся за мечтами? Каждому надобно знать свой путь. Бреди по тому, который указанъ; пойдешь по чужому: не прогнѣвайся, если натолкаютъ въ шею».

Не смотря на выдающуюся дѣятельность Филарета по преподаванію богословія, Московскій митрополитъ не оставлялъ своей тактики, строже чѣмъ къ другимъ относился къ юному профессору и сильно пробиралъ его на экзаменахъ. Но тѣмъ не менѣе тотъ же митрополитъ

*) Исторія Московской духовной академіи.

передавалъ свои проповѣди на просмотръ молодому ученому, о чемъ съ обычною скромностію писалъ сей послѣдній своему другу изъ Петербурга: «Владыко готовитъ къ печати всѣ Московскія проповѣди. И на мою долю досталось читать дѣла великана. Проситъ измѣрять шаги великана. Смѣшное дѣло! Съ моими ли шагами спѣшить по слѣдамъ его?»

1-го Мая 1833 года Филаретъ былъ назначенъ инспекторомъ академіи, т.-е. кромѣ преподавательскихъ занятій онъ былъ пріурочень къ административному труду и тѣмъ болѣе сложному, что съ этою обязанностію соединялось настоятельство въ какомъ-либо монастырѣ. Филарету было поручено настоятельство въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

Кроткому и смиренному иноку должность эта была далеко не легка. Надзоръ за молодыми людьми почти его возраста, подчасъ съ привычками, коихъ чуждался онъ отъ юности, ставилъ его межъ двухъ огней: строгими мѣрами онъ могъ раздражить студентовъ, снисходительность могла навлечь неудовольствіе начальства. А недремлющее око митрополита бдительно слѣдило за всѣмъ, что̀ совершалось въ академіи. Ежемѣсячно инспекторъ долженъ былъ представлять свои донесенія. Тщательно просматривалъ ихъ митрополитъ и дѣлалъ разнаго рода вопросы и замѣчанія.

О трудности своей обязанности жаловался молодой инспекторъ другу своему Горскому. Послѣ разговора объ этомъ предметѣ съ Филаретомъ, Горскій записалъ въ свой дневникъ: «Вотъ какъ опредѣлилось понятіе о высокомъ званіи инспектора здѣшняго мѣста. Онъ долженъ имѣть не простой надзоръ за благопристойностію студентовъ, предупреждать, пресѣкать какіе-либо безпорядки у нихъ, но, проникая до самаго корня всѣхъ безпорядковъ, стараться о преобразованіи ввѣренныхъ ему людей нравственномъ, христіанскомъ. Къ сему должна непремѣнно побудить важность ихъ предназначенія и приготовленія. Они требуются прямо на высокое служеніе церкви; отъ нихъ зависитъ образованіе всѣхъ пастырей церкви. Общество наставниковъ духовныхъ выше становится по своему званію каждаго, въ своемъ кругу дѣйствующаго, священника. Итакъ, смотря на такую цѣль образованія здѣшнихъ молодыхъ людей, нельзя надзирателю ихъ,—тому, кому ввѣрено смотрѣніе за самою существеннѣйшею стороною въ пастырѣ церкви, нравственно-духовною—ограничиваться такимъ тѣснымъ кругомъ, въ какомъ они обыкновенно имѣютъ обращеніе».

Такой взглядъ на нравственно-воспитательный характеръ надзора усвоенъ былъ Филаретомъ и проводился на практикѣ. По крайней мѣрѣ біографъ преосвященнаго Филарета упоминаетъ, что этотъ свѣт-

лый взглядъ *удержалъ*, съ большею силою развилъ и выражалъ на практикѣ А. В. Горскій. И оно естественно, если принять во вниманіе краткость срока служенія Филарета въ должностяхъ инспектора и ректора въ сравненіи со срокомъ службы его друга.

Академическія воспоминанія о Филаретѣ рисуютъ его инспекторомъ не очень строгимъ и заносятъ на страницахъ исторіи академіи, что онъ дополнилъ инструкцію комнатнымъ старшимъ студентамъ, составленную бывшимъ инспекторомъ Евлампіемъ. Заведено было оригинальное правило, которое объяснить можно личнымъ уваженіемъ Филарета къ письменной работѣ. Замѣчая во время классныхъ часовъ студентовъ въ ихъ комнатахъ, онъ сейчасъ же отсылалъ ихъ въ аудиторіи; тѣхъ же, которыхъ заставалъ въ это время за работою письменныхъ сочиненій, оставлялъ за этою работою, не дѣлая замѣчаній.

Разсмотрѣвъ готовившійся проектъ преобразованія Академіи въ 1833 году, Филаретъ изложилъ такъ свой взглядъ: «То, что полагаютъ назначить для классовъ по полтора часа, и мнѣ кажется полезнымъ. Отмѣны ежегодныхъ испытаній великое ли пріобрѣтеніе для учености? Сомнѣваюсь. Дѣло не въ томъ, есть ли испытаніе, а въ томъ, каково испытаніе. Главный вопросъ въ ходѣ образованія—движеніе образованности впередъ. Болѣе ли пріобрѣтутъ студенты, заучивая по примѣру красноголовой птицы словà другихъ, чѣмъ приготовляясь къ живому отчету въ своемъ? Очень сомнѣваюсь. Наконецъ сомнѣніе мое достигаетъ едва ли не крайней степени, когда подумаю о томъ, что хотятъ опытомъ надъ однимъ сочиненіемъ сдѣлать сочинителя. Крайность—заставлять въ двѣ недѣли готовить одно сочиненіе. А дать волю заниматься однимъ два года—почти тоже, что̀ дать волю ничего не дѣлать и не оставлять для себя надежды увидѣть сколько-нибудь опытнаго самомыслителя. Академія не школа для изученія азовъ и букъ. Горе съ тѣми, у кого силъ достаетъ только на то, чтобы перенять замѣченное у другихъ и подражать замѣченному, хотя бы надъ собственною лапкою. Нѣтъ, канцеляристъ не сочинитель и солдатъ не богословъ».

Какъ замѣтно постепенное превращеніе Филаретика въ Филарета. Возьмемъ хотя настоящее его мнѣніе. Въ немъ какъ будто слышатся мысли великаго Филарета со всею оригинальностію ихъ выраженій и неотразимою правдою.

И самъ онъ съ увлеченіемъ предавался работѣ. Углубившись въ нее, онъ не замѣчалъ времени и нерѣдко опаздывалъ на лекціи. Когда онъ былъ ректоромъ, онъ занимался сидя или полулежа на коврѣ. Съ двухъ сторонъ лежала бумага и стояли двѣ чернилицы. Тутъ, дѣлая справки и изысканія, набрасывалъ онъ ихъ на бумагу. Углубленный

въ эту работу, онъ не обращалъ вниманія на то, что руки его испачканы чернилами и что онъ, отирая потъ со лба или протирая глаза, переносилъ чернильныя пятна на лицо. Когда отвлекали его отъ его занятій напоминаніемъ, что студенты ждутъ его въ аудиторіи, онъ бѣжалъ прямо туда съ перепачканными руками и лицомъ. Въ началѣ такой видъ молодаго ректора вызывалъ улыбку студентовъ, но впослѣдствіи они стали относиться къ этому какъ къ дѣлу обыкновенному. Къ тому же какъ только начиналась его лекція, всѣ слушали ее съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Наконецъ, нелюбимый митрополитомъ Филаретомъ ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Поликарпъ 14-го Декабря 1835 года былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ академіи архимандритъ Филаретъ. Своеволіе Поликарпа раздражало митрополита. «Или отрѣшите меня отъ академіи совсѣмъ, или оставьте при ней. Иначе нельзя знать, за что̀ отвѣтствовать», писалъ онъ Поликарпу. Но такія вразумительныя замѣчанія мало трогали Поликарпа. По назначеніи на эту должность смиреннаго Филарета, митрополитъ, въ предупрежденіе подобныхъ столкновеній, написалъ ему такую инструкцію: «Напоминаю вамъ, что неразъ, вѣроятно, при васъ напоминалъ предшественнику не презирать правила устава, которое велитъ рѣшеніе по дѣламъ важнѣйшимъ не приводить въ исполненіе безъ вѣдома архіерея. А какія дѣла важнѣйшія? Для гордаго и невнимательнаго нѣтъ ни одного, а скромно мыслящій самъ узнаетъ ихъ».

На выпискѣ изъ журнала коммиссіи духовныхъ училищъ объ опредѣленіи архимандрита Филарета ректоромъ, митрополитъ Филаретъ положилъ слѣдующую резолюцію: 1) произвести освидѣтельствованіе академическихъ суммъ по приходорасходнымъ книгамъ и счетамъ за 1835 годъ; 2) войти въ разсужденіе о растратѣ суммъ по Казанскому округу при бывшемъ секретарѣ Доброхотовѣ; 3) отъ секретарей потребовать реэстры нерѣшенныхъ дѣлъ и донесеніе о состояніи архивовъ; 4) донести о состояніи библіотеки; 5) представить записку о собственности академической.

Трудно было молодому ректору разрѣшить заданную ему задачу. Многихъ дѣлъ не оказывалось на лицо. Обнаружить этотъ безпорядокъ, значило еще болѣе отягчить положеніе Поликарпа. И вотъ смиренный Филаретъ рѣшился сдѣлать воззваніе къ снисхожденію митрополита. Но митрополитъ на это отвѣчалъ: «Вы требуете, о. ректоръ, чтобы я умѣрялъ требованія правды духомъ любви. Хорошо, согласенъ. Но къ чему сіе клонится? Сказать, что дѣла цѣлы и въ порядкѣ, когда они неполны и нѣтъ ихъ, не значитъ умѣрять правду, но

солгать; не сказать ничего нельзя, ибо о томъ идетъ дѣло. Безпорядокъ нѣсколькихъ лѣтъ уже открылся начальству, и уже сдѣлано то, чего оно требовало, т.-е. предшественникъ вашъ уволенъ. Теперь, сколько бы дѣлъ безпорядочныхъ ни открылось, другаго послѣдствія уже не будетъ для прикосновенныхъ къ безпорядку; теперь самое безопасное время показать все, какъ есть, и потомъ приводить въ порядокъ. А если вы скажете, что дѣла цѣлы, когда они неполны и растеряны, но потомъ случится осмотръ, или справка, которая откроетъ, что они не цѣлы, то вы и ваши сотрудники будете отвѣчать, подобно вашему предшественнику и, можетъ быть, строже, за безпорядокъ вторичный и за безпорядокъ утаенный. И такъ духъ любви говоритъ, сколько мнѣ слышится, что надо чистотою теперешняго дѣйствія беречь васъ и вашихъ сотрудниковъ, отъ чего не будетъ вреда и для вашихъ предшественниковъ, а не надобно уже обличенные грѣхи вашихъ предшественниковъ хитро прикрывать и тѣмъ васъ подвергать опасности, когда хитрость обнаружится. Вы говорите, что нѣкоторыя растерянныя бумаги можно достать изъ семинарскихъ правленій. Сколько работы, сколько времени! Между тѣмъ вы уже будете виноваты, что не даете отчета въ принятіи академіи. Какъ вы потребуете бумаги, особенно представленія? Въ копіяхъ? Сіи копіи будутъ вѣчнымъ доказательствомъ, что подлинныя бумаги растеряны и что вы обманули начальство, донеся о цѣлости. Въ видѣ подлинниковъ, подписанныхъ старымъ числомъ?? Да сохранитъ васъ Богъ отъ того, чтобы пускаться на такіе подлоги!»

Указавъ какіе слѣдуетъ составить реэстры, митрополитъ замѣтилъ: «Пріучайтесь къ понятію о точности въ дѣлахъ, которыя произвольныхъ мудрованій не допускаютъ безъ опасности быть виновату. Хорошо, что я принялъ на себя потребовать отчета въ принятіи академіи. Еслибы его потребовала коммиссія духовныхъ училищъ (какъ и была мысль у нѣкоторыхъ), вы теперь были бы уже виноваты, что до сихъ поръ нѣтъ никакого донесенія, которому надлежало быть тотчасъ, по крайней мѣрѣ о вступленіи въ должность и о принятіи наличныхъ суммъ».

Затѣмъ митрополитъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія на представленіе новаго ректора: «Въ архивѣ переплетать надобно журналы. Этого не много ли? Дѣла не переплетаютъ и тамъ, гдѣ архивы важнѣе вашего. Для денегъ по внѣшнему правленію нужна книга прихода и расхода. А почтовыя объявленія зачѣмъ въ нее писать? Не перемудрите».... «Нехотѣніе ваше разбирать дѣла о суммахъ мнѣ непонятно, и потому ничего сказать не имѣю».

«Премудростію дѣлъ Божіихъ занимаетесь вы, отецъ ректоръ, а не умѣете разобрать премудрости дѣлъ приказныхъ», отвѣчалъ митрополитъ на письмо ректора Филарета о предполагаемомъ имъ способѣ взысканія съ имѣнія умершаго секретаря Доброхотова, растраченной имъ суммы. «Требовать запрещенія на имѣніе, котораго нѣтъ, значитъ приводить въ смѣхъ губернское начальство; требовать запрещенія и ареста имѣнія, которое уже находится у васъ подъ арестомъ, значитъ приводить еще въ бо̀льшій смѣхъ, ибо это значитъ искать рукавицъ, которыя у васъ за поясомъ. (Здѣсь нельзя ни замѣтить, что въ данномъ случаѣ Московскій владыка не стоялъ на строго-юридической почвѣ). Мнѣ кажется, это могли бы понять и сказать вамъ прочіе члены академическаго правленія, еслибы вы ихъ объ этомъ спросили. Могъ бы растолковать вамъ о. намѣстникъ, еслибъ его спросили. Для предосторожности можно было написать въ губернское правленіе о наложеніи запрещенія на имѣніе Доброхотова, *буде таковое имѣется или окажется*; но и это едвали не напрасно, потому что, кажется, нечему быть у него кромѣ того, что̀ въ вашихъ рукахъ. Не думайте, что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческій и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣлать и то, что̀ противно здравому смыслу; разбирайте, давайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь и, поступая осмотрительно, берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло и показываю, какъ ему быть надобно».

Направивъ такъ дѣло и дѣятельность ректора Филарета, митрополитъ доносилъ Синоду между прочимъ: «что по вступленіи въ должность нынѣшняго ректора приняты мѣры къ повѣркѣ архива и приведенію въ порядокъ недосмотрѣнныхъ прежде частей онаго; дано движеніе дѣламъ, частію немалое время остававшимся безъ движенія; сдѣланы распоряженія къ болѣе безопасному движенію переходящихъ чрезъ академію суммъ».

Митрополитъ требовалъ, чтобы ректоръ по дѣламъ особенно важнымъ, предварительно представленія академическаго правленія или конференціи, докладывалъ ему и узнавалъ его мнѣніе. Отступленія въ такихъ случаяхъ вызывали замѣчанія митрополита, которыхъ не избѣжалъ и молодой ректоръ. Такъ, по поводу представленія конференціи объ исходатайствованіи профессору Ѳ. А. Голубинскому пенсіи въ размѣрѣ третьей части жалованья, получаемаго по должности цензора, митрополитъ положилъ резолюцію: «Это значитъ требовать новаго закона. Нужно подумать, чтобы рѣшиться въ добрый часъ, не спѣшить, доложить на мѣстѣ. Я всегда совѣтую о предметахъ, тре-

бующихъ совѣщанія, представлять мнѣ на мѣстѣ, а все долженъ жаловаться, что не такъ бываетъ».

Митрополитъ не пропускалъ ни одной мелочи; даже фразы вызывали его критику. По случаю, напримѣръ, предположеннаго посвященія инспектора іеромонаха Евсевія *) въ архимандриты, академическое правленіе представило о разрѣшеніи ему четырехдневнаго отпуска для исполненія обряда. Митрополитъ написалъ: «Это не увольненіе, а отправленіе по должности». Или, правленіе доноситъ, что отъ случившагося въ Лаврѣ пожара академія не понесла никакого ущерба. Митрополитъ написалъ: «Записка инспектора благочестивѣе сего представленія; тамъ упомянуто о молебствіи». Или, представляютъ объ увольненіи баккалавра Славолюбова на 7 дней въ Москву по крайней нуждѣ. Митрополитъ пишетъ: «На неопредѣленномъ выраженіи *крайняя нужда* нельзя основывать рѣшенія. Человѣкъ, слѣдуя прихоти или незаконному побужденію, можетъ сказать: крайняя нужда». Разъ, ректоръ Филаретъ, не получивъ еще отъ митрополита дозволенія отправиться въ Москву на Пасху, уѣхалъ изъ академіи. Митрополитъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, написалъ ему: «Вы поѣхали въ Москву, не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ письма о вашемъ отбытіи узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ семъ суда нѣтъ; но для предосторожности впредъ скажу, что увольнять самого себя есть поступокъ весьма неоффиціальный и, если дойдетъ до высшаго начальства, могущій имѣть непріятныя послѣдствія».

Такъ строго относился митрополитъ къ молодому своему соименнику. Въ этомъ суровомъ отношеніи нельзя однако не подмѣтить, что митрополитъ, цѣня скромность и смиреніе молодаго ректора, старался смягчить свою рѣчь добавленіями: «Не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло»... «Миръ съ вами»... «Не скучайте затрудненіями»... «Богъ пошлетъ помощь и облегченіе» и т. п. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ представленіи своемъ Синоду, хотя и говоритъ о своихъ распоряженіяхъ, но дѣлаетъ значительное удареніе на томъ, что новые порядки пошли по вступленіи въ должность нынѣшняго ректора, устанавливая тѣмъ въ Синодѣ извѣстную репутацію молодому ректору.

Съ неменьшею строгостію относился Филаретъ и къ учебному дѣлу. Такъ, на конспектѣ по догматическому богословію, представленномъ ректоромъ Филаретомъ въ 1838 году, митрополитъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Въ конспектѣ было написано: «понятіе о Богѣ откровенія ветхозавѣтнаго, понятіе о Богѣ откровенія новозавѣтнаго,

---

*) Евсевій Орлинскій, впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій.

сужденіе разума, пантеистическое понятіе о Богѣ». Митрополитъ написалъ: «Понятіе о Богѣ изъ откровенія ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго. Какъ будто два разныя понятія! Какъ будто откровеніе разнится съ откровеніемъ! Въ урокахъ, можетъ быть, видно, но въ конспектѣ загадочнымъ представляется, какъ и для чего одно изъ лжеученій прислонено къ истинному ученію». На выраженіе: «въ предисловіи Евангелія Іоаннова», митрополитъ замѣтилъ: «Въ началѣ Евангелія. Предисловіемъ называется нѣчто пришлое, непринадлежащее къ составу книги. Странно, что въ столь отрывочномъ конспектѣ словесности не могли пропустить «сатиры» и «элегіи», какъ будто это крайне-нужно для духовной академіи». Въ 1836 году писалъ онъ ректору Филарету, просмотрѣвъ представленныя симъ послѣднимъ два студенческія сочиненія, назначенныя для публичныхъ испытаній: «Возвращаю вамъ разсужденіе о толкованіи Священнаго Писанія по теоріи приспособленія. Самая тема изложена неудачно, такъ и далѣе. Говорить о семъ на Русскомъ небезопасно, чтобы, вмѣсто разрѣшенія возникшихъ сомнѣній, не пробудить сомнѣній, которыхъ не знали. Сочинитель и противниковъ невѣрно изображаетъ и отвѣчаетъ имъ неудовлетворительно» и т. д. «Чтó за слово годичный?» спрашиваетъ между прочимъ митрополитъ. «Седмичный отъ слова седмица. Неужели годичный отъ годицы? Отъ года годовой».

Вотъ какого учителя и руководителя имѣлъ Филаретъ въ началѣ своего преподавательскаго и административнаго служенія.

Архимандриту Филарету не по душѣ, надо думать, была ректорская его служба. Онъ втянулся въ ученыя занятія, отъ которыхъ конечно много отвлекала его ректорская обязанность. Къ тому же любящій, смиренный и снисходительный, онъ нелегко уживался съ холодною формальностію, которая требовалась его службою, а отчасти и съ своеобразными понятіями митрополита. Напримѣръ, извѣщая Горскаго изъ Петербурга въ 1841 году, что митрополитъ согласенъ утвердить продолженіе расходной академической книги, но не иначе какъ тѣмъ числомъ, когда она будетъ ему представлена, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Чтò дѣлать? Порядокъ, порядокъ, порядокъ. Таково время. Время формъ. А содержаніе?»... Когда извѣстное дѣло Павскаго было въ разгарѣ, его переводъ Библіи отбирали, въ Московской духовной академіи производилось слѣдствіе о томъ, кто и черезъ кого выписывалъ экземпляры литографированной Библіи, нашъ ректоръ писалъ Горскому изъ Петербурга, куда былъ вызванъ для хиротоніи: «То, чтò вы пишете объ искренности отвѣтовъ, данныхъ нѣкоторыми студентами, не совсѣмъ порадовало меня. Но Господня воля! Сказавъ о наставникахъ, они не развязали узла, а затянули его и крѣпко затянули. Дай Богъ, чтобы мысли мои были несправедливы и опасенія напрасны. Къ сожалѣнію,

ходъ дѣла нынѣ таковъ, что заставляетъ опасаться многаго. Да, прекрасное дѣло откровенность дѣтская; но и для нея есть случаи, когда она можетъ быть непрекрасною, такъ какъ велѣно намъ быть не только простыми простотою голубиною, но и мудрыми подобно зміѣ. Студенты, добрые студенты мои ошиблись; они еще не знаютъ жизни. Если спрашиваетъ меня судья благонамѣренный, судья съ христіанскою совѣстію, судья такой, который искренно хочетъ заботиться и о грѣхѣ моемъ, и о душѣ моей: я готовъ, я долженъ открыть ему душу. Но если я вижу, что судьѣ моему нужна не душа моя, а нуженъ только грѣхъ, если вижу, что судья самъ сильно боленъ страстями, ищетъ пищи для страстей, готовъ словамъ давать значеніе, котораго они не имѣютъ, оставлять безъ вниманія значеніе, которое принадлежитъ имъ въ душѣ моей: скажите, не обязываетъ ли меня самого любовь къ больному судьѣ моему не говорить ему того, что̀ можетъ раздражать страсть его, не говорить неправды, но и молчать о подробностяхъ правды? Тѣмъ болѣе не говорить о томъ, что̀ для меня самого сомнительно,было ли это или нѣтъ?»

Филаретъ, бывъ ректоромъ, обратилъ вниманіе на тѣсноту аудиторій и больницы, и при немъ надстроенъ третій этажъ для аудиторій и квартиръ для холостыхъ наставниковъ, также флигель для больницы. Преданный своимъ любимымъ ученымъ трудамъ и должности, Филаретъ не входилъ въ хозяйственный порядокъ дѣла о постройкѣ и хотя не было никакихъ злоупотребленій, но самое дѣло оказалось не въ порядкѣ. Правда, здѣсь была вина бывшаго секретаря академическаго правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивость къ нему ректора. Новому секретарю пришлось поправлять чужую бѣду. Тѣмъ не менѣе Филарету памятна была судьба Поликарпа, и его не могло не безпокоить это дѣло. Безпорядокъ обнаружился во время поѣздки Филарета на ревизію Симбирской семинаріи. Выдавая себя головою, онъ писалъ Горскому: «Такъ надобно по грѣхамъ моимъ, чтобы и въ академіи случились вещи, о которыхъ вы пишете. Грѣхъ мой обличенъ; кажется, объ этомъ иначе не надобно думать. Пусть такъ! Воля Господня да будетъ! Онъ—Сердцевѣдецъ. Правда, правда, отъ грѣшника чего ожидать, какъ только грѣховъ? Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ. Накажи, но и помилуй! Накажи здѣсь, но помилуй тамъ—въ вѣчности. Нужно наказаніе, необходимо нужно; я много забылся, много растерялся, многое оставилъ, чего не надлежало бы оставлять, ко многому привыкъ, къ чему не надобно привыкать. Умножились грѣхи мои, какъ вода при таяніи снѣговъ. Умножились нечестія сердца, какъ волосы на дикомъ волѣ. Помилуй мя, помилуй мя Господи! Научи мя творити волю Твою!» Но любимаго ректора не допустили пострадать за его довѣрчивость. Митрополиту не было доложено, и дѣло, какъ мы сказали, приведено въ по-

рядокъ. Исчезнувшія бумаги явились снова при дѣлѣ. Какимъ путемъ? Объ этомъ не надо и говорить. Это было дѣло любви и признательности.

На ректора и инспектора академіи и на ея профессоровъ возлагалась ревизія семинарій. Обязанность эта была крайне непріятна: приходилось жертвовать каникулярнымъ временемъ, лишая себя отдыха, почти всегда наталкиваться на непріятности; да и самая поѣздка при плохихъ тогда дорогахъ и незатѣйливыхъ экипажахъ была утомительна. Этой службы не избѣжалъ и Филаретъ. Въ должности инспектора, въ 1834 году, двадцативосьми-лѣтній ревизоръ осмотрѣлъ семинаріи Вологодскую, Ярославскую и Костромскую, въ 1836 году Виѳанскую и въ 1839 Владимирскую. Отчеты о ревизіяхъ Филаретъ представлялъ своевременно, въ началѣ Октября, что̀ отвѣчало строгой точности митрополита и вызывало его удовольствіе, тогда какъ несвоевременное представленіе ревизіи профессоромъ Голубинскимъ породило цѣлое непріятное дѣло.

Но и здѣсь приходилось Филарету поступаться своимъ мнѣніемъ предъ сильнѣйшимъ авторитетомъ митрополита, неумолимая логика и опытный взглядъ котораго были въ непрестанномъ всеоружіи. Напримѣръ, молодой ревизоръ сдѣлалъ предложеніе: для лучшаго присмотра за учениками въ низшихъ классахъ учредить классическихъ старшихъ изъ учениковъ старшихъ классовъ, которые бы наблюдали за учениками въ классахъ до прихода профессоровъ. Онъ писалъ, что мѣра такая введена въ Ярославской семинаріи по предложенію архіепископа Авраамія. Митрополитъ возразилъ: «Учрежденіе особыхъ классическихъ старшихъ для низшихъ отдѣленій изъ высшаго, по мнѣнію моему, неудобно и способно не уничтожить безпорядокъ, а произвести новый. Если каждый день будетъ назначаемъ особый старшій, то для двухъ частей низшаго отдѣленія надобно ихъ 12, а если и для средняго отдѣленія, то 24. Какой расходъ въ людяхъ, тогда какъ изъ высшаго же отдѣленія назначаются лекторы и старшіе комнатные и квартирные! Какая суета симъ 24 человѣкамъ разобраться днями и мѣстами, кому, когда и куда, и передавать ежедневно другъ другу новоизобрѣтенную книгу порядка и безпорядка. Трудно понять, въ какое время сіи старшіе должны находиться въ классахъ низшаго отдѣленія. Учебный часъ въ низшихъ и высшихъ отдѣленіяхъ начинается одною и тою же минутою: слѣдовательно, ученикъ высшаго отдѣленія долженъ быть въ своемъ отдѣленіи въ то самое время, когда посылаютъ его въ низшее. Говорятъ: до прихода профессора. И такъ надобно профессору опоздать, чтобы дать время ученику высшаго отдѣленія отправить должность старшаго въ низшемъ? И если случится,

что профессоръ богословія будетъ прилежнѣе учителя низшаго отдѣленія и придетъ въ классъ ранѣе: то ученикъ богословія потеряетъ часть своего богословскаго урока, гоняясь за низшимъ отдѣленіемъ. Полагаю: а) распоряженіе, какъ несообразное съ истиннымъ порядкомъ, уничтожить; б) усилить классическій надзоръ классическихъ цензоровъ и чрезъ наставниковъ по каждому классу; в) какъ предположеніе правленіемъ пустаго времени до прихода профессора показываетъ опаздываніе профессоровъ приходомъ въ классы, то подтвердить имъ, чтобы въ классъ приходить не опаздывали, чѣмъ и время безпорядка уничтожится само собою, когда вскорѣ за учениками явится профессоръ и примется за дѣло».

На замѣчаніе инспектора Филарета по ревизіи Вологодской семинаріи митрополитъ написалъ: «Ревизоръ нашелъ, что богословіе преподано частію на Латинскомъ, частію на Русскомъ. Вѣроятно первое изъ возможнаго послушанія уставу, а послѣднее по необходимости, потому что ученики не сильны въ Латинскомъ языкѣ, какъ и ревизоръ замѣтилъ. Въ такомъ случаѣ, требовать непремѣнно преподаванія богословія исключительно на Латинскомъ значило бы требовать неудобнаго и незнакомымъ языкомъ останавливать распространеніе богословскихъ познаній, тогда какъ и кромѣ сего владычество въ православномъ богословіи Латинскаго языка (прежде языческаго, а нынѣ папистическаго и протестантскаго) есть явленіе недовольно сообразное съ духомъ и цѣлію духовныхъ училищъ церкви восточной. По сему полагаю преподаваніе нѣкоторыхъ частей богословія на Русскомъ языкѣ оставить безъ преслѣдованія».

Во Владимирской семинаріи ректоромъ обращено вниманіе на неудовлетворительные отвѣты и сочиненія первыхъ отдѣленій богословія и философіи, частые пропуски уроковъ учениками, измѣненіе семинарскимъ правленіемъ своихъ опредѣленій, утвержденныхъ мѣстнымъ преосвященнымъ, неопрятность и плохое содержаніе учениковъ, что̀ поставлено на видъ семинарскому правленію.

Замѣтивъ въ 1836 году, по пріѣздѣ въ Виѳанскую семинарію, нѣкоторые непорядки, митрополитъ далъ предложеніе академическому правленію «наблюсти, чтобы неправильности сіи были прекращены, и такъ какъ при бывшей ревизіи Виѳанской семинаріи ревизоромъ (Голубинскимъ) неправильности тѣ начальству не открыты, то назначить для сей семинаріи ревизію болѣе внимательную». Академическое правленіе назначило самого ректора Филарета. Такое назначеніе указываетъ намъ, какимъ понималъ Филарета и самъ владыка митрополитъ. Ревизоръ однако далъ благопріятный отзывъ и указалъ на ректора и

инспектора семинаріи, какъ на лицъ, заслуживающихъ одобреніе, что̀ имъ и объявлено было отъ коммиссіи.

Неизвѣстно болѣе подробностей объ упомянутыхъ ревизіяхъ; но въ 1841 году ревизія ректоромъ Филаретомъ своей родной Тамбовской семинаріи была строгая и дала толчекъ въ жизни этой семинаріи. По свидѣтельству лица, начальствовавшаго въ ней впослѣдствіи, и она была произведена умно, авторитетно и внимательно и принесла много пользы духовно-учебнымъ заведеніямъ Тамбовской епархіи. Это подтверждаетъ мнѣніе о несомнѣнной пользѣ, какую добылъ молодой архимандритъ службою подъ непосредственнымъ руководствомъ Московскаго митрополита. Съ другой стороны, строгое и правильное понятіе молодаго ревизора о томъ способѣ, какой избралъ онъ, чтобъ воздать добромъ своей родной семинаріи, указываетъ на его свѣтлый взглядъ. А поле, какъ свидѣтельствуютъ, для обозрѣнія и его очищенія было обширное и заросшее. «Въ Тамбовѣ нашелъ я много новостей, писалъ Филаретъ; нѣкоторыя странны. Но что̀ дѣлать? Господь всѣмъ владѣетъ. Да будетъ святая воля Его и съ нами грѣшными». Въ семинаріи было до 700 воспитанниковъ, и кромѣ того подъ вѣдѣніемъ ректора семинаріи состояли и духовныя училища. Ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Адріанъ, имѣвшій репутацію человѣка добраго, незлобиваго, но очень недалекаго. Съ 1840 года инспекторъ также попался ему человѣкъ, не превосходившій его способностями, но превосходившій странностями. Дѣло поддерживалось наставниками, насколько это было возможно для нихъ, а главнѣе преосвященнымъ Арсеніемъ *). Онъ щадилъ Адріана за его кротость. Ко времени ревизіи преосвященнаго Арсенія уже не было въ Тамбовѣ; а преосвященный Николай, назначенный вмѣсто него, еще не прибылъ.

Присутствовавшіе при ревизіи находили дѣйствія Филарета странными. Смыслъ ихъ и причину могъ понимать одинъ только ректоръ Адріанъ. Филаретъ, прійдя на экзаменъ, послѣ молитвы, занялъ свое кресло, не глядѣвъ ни на учениковъ, ни на преподавателей, которые, по обычаямъ того времени, не исключая и ректора Адріана, стояли. Онъ просмотрѣлъ списокъ, программу и началъ спрашивать; а самъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Ученикъ произноситъ текстъ. «Не тотъ текстъ», замѣчаетъ ревизоръ. Ректоръ Адріанъ подсказываетъ ученику другой. «Не этотъ текстъ», замѣчаетъ, не измѣняя своего положенія, ревизоръ. Онъ имѣлъ видъ тяготившагося порученнымъ ему дѣломъ. Но не дѣло это тяготило его. Пріѣхавъ въ

*) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.

Тамбовъ, онъ остановился у инспектора, отъ котораго, конечно по просьбѣ ректора, перебрался къ сему послѣднему. И это пребываніе тяготило и разстраивало Филарета. «Съ отцомъ Адріаномъ у насъ происходило состязаніе, писалъ онъ Горскому. Странный человѣкъ! Я не думалъ, чтобъ онъ былъ до такой степени страненъ. При извѣстной слабости ума онъ до того упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, что нѣтъ силъ преодолѣвать упорство его».... И вотъ послѣ безсонной ночи, раздраженный утреннимъ состязаніемъ со своимъ хозяиномъ, явился онъ на первый экзаменъ по предмету богословія, читанному тѣмъ же страннымъ человѣкомъ.

Правленіемъ Московской духовной академіи сдѣланы были замѣчанія по докладѣ ревизіи Тамбовской семинаріи. Вслѣдъ за предписаніемъ академическаго правленія было получено второе съ предложеніемъ оберъ-прокурора Св. Синода, завѣдывавшаго въ то время духовно-учебными заведеніями, по тѣмъ же замѣчаніямъ ревизора. Ректоръ Адріанъ былъ переведенъ. Такая быстрота, небывалая въ то время, приписывалась энергіи ревизора. Всѣ указанія его выполнены были въ самомъ непродолжительномъ времени, и польза этой замѣчательной ревизіи была ощутительна.

Командировка ректора Филарета въ Тамбовъ принесла надежду его любящей матери на давно желаемое свиданіе съ нимъ. Но отдаленность Конабѣева отъ почтовой дороги, затѣмъ поспѣшность, которая требовалась дѣломъ (такъ какъ воспитанники семинарій Тамбовской и Пензенской, которыя долженъ былъ обревизовать Филаретъ, не отпускались на каникулы до его прибытія), не дозволили Филарету проѣхать на родину. Изъ Пензы онъ проѣхалъ въ Тамбовъ, оттуда, для поклоненія мощамъ св. Митрофана, въ Воронежъ, а на обратномъ пути, или по недостатку средствъ, или по требованіямъ службы, онъ проѣхалъ прямо въ Москву. Изъ Тамбова же онъ послалъ матери гостинецъ—100 рублей. Старушка-мать сильно была опечалена. «Ужели мнѣ деньги замѣнять свиданіе съ нимъ?» говорила она. И чтобъ успокоиться духомъ и помолиться о сынѣ, она отправилась на Вышу. Возвращаясь изъ монастыря, она простудилась и вскорѣ отошла въ вѣчность.

Только что возвратился Филаретъ въ Москву, какъ ему уже готово было новое порученіе—по указу Св. Синода—ревизія Симбирской семинаріи. Ревизія эта была дѣломъ тяжелымъ. Она не имѣла характера обычной ревизіи, а поручена Филарету вслѣдствіе величайшихъ безпорядковъ, допущенныхъ ректоромъ, архимандритомъ Гавріиломъ. Соболѣзнуя о Филаретѣ, митрополитъ встрѣтилъ его словами: «Не отказаться ли тебѣ за болѣзнію?» Но всегда покорный волѣ начальства

и читая въ ней указаніе Промысла, Филаретъ промолчалъ, «въ той мысли, что о невозможномъ и говорить нечего». Митрополитъ «много далъ совѣтовъ, разсказалъ ходъ дѣла, обративъ вниманіе на трудные пункты дѣла. Господь спасетъ его!» — «Правда колетъ глаза, писалъ Филаретъ изъ Симбирска, а здѣсь она такъ горька, такъ черства, что до бѣды доводитъ. Буди воля Господня! Вамъ извѣстны безтолковыя мои правила, т.-е. дѣлать до упаду. Почти тоже и здѣсь творится со мною. Не браните меня грѣшнаго, а помолитесь о мнѣ Преподобному Сергію». Во всѣ тяжкія минуты жизни въ Петербургѣ и въ Ригѣ онъ постоянно обращался къ молитвенному предстательству преподобнаго Сергія.

Богословскій классъ оказался слабъ, въ экономическихъ дѣлахъ хаосъ, семинарскія зданія строились и рушились. По мнѣнію Филарета нужно было вмѣсто перегородокъ вводить капитальныя стѣны, чтобы не разбирать зданій. «О дѣлахъ семинаріи и доселѣ не могу сказать ничего опредѣленнаго, писалъ Филаретъ (16 Октября). Это — тогу вабогу» [1]. Начальствующія лица Симбирской семинаріи были уволены. Ректоръ Гавріилъ получилъ въ управленіе Зилантьевъ монастырь близъ Казани [2], инспекторъ Благовидовъ переведенъ на должность наставника въ другую семинарію. Распоряженіе это было сдѣлано Св. Синодомъ еще до представленія ревизіи Филарета. Заботою сего послѣдняго было, кѣмъ замѣстить, хотя временно, эти должности. Онъ обратился къ одному архимандриту, тотъ отказался болѣзнію. Тогда онъ рѣшился просить митрополита поручить должность ректора наставнику Смирнову.

Какъ ни много представляла заботы порученная Филарету ревизія, но онъ взялъ еще съ собою работу. «Между дѣлами изысканія грѣховъ чужихъ [3]), писалъ онъ Горскому (очень приличное занятіе для грѣшника!) перелистываю и поправляю тетради, бывшія у митрополита».

Изъ Симбирска Филаретъ проѣхалъ на родину. «Рѣшился побывать на родинѣ, поклониться гробу матушки. Да будетъ воля Божія! Начальству повиновеніе, а роднымъ любовь! То и другое—долгъ. Господь видитъ сердца».

---

[1]) Еврейскія слова изъ 2 стиха въ I главѣ кн. Бытія, опредѣляющія первоначальное состояніе земли: „Земля же бѣ невидима и неустроена“.

[2]) Онъ занялъ послѣ каѳедру богословія въ Казанскомъ университетѣ до 1850—57 учебнаго года.

[3]) Т.-е. ревизія.

Черезъ 12 лѣтъ Филаретъ очутился на родинѣ и, вмѣсто живой и привѣтливой рѣчи родителей, онъ самъ произнесъ «вѣчную память» на двухъ близкихъ сердцу могилахъ, изъ которыхъ одна еще была только прикрыта землею. Въ родномъ храмѣ, гдѣ возносились предъ Богомъ его дѣтскія молитвы, онъ отслужилъ литургію, а потомъ надъ могилами родителей панихиду и простился уже на вѣки съ своимъ роднымъ гнѣздомъ. Въ Шацкѣ онъ посѣтилъ училище и навѣстилъ вдову бывшаго своего начальника, смотрителя училища, Люминарскую. За ласки ея къ нему, ребенку, онъ, говорятъ, имѣлъ случай заплатить ей въ бытность въ Тамбовѣ, назначивъ сына ея въ академію. При этомъ указываютъ на оригинальное мнѣніе Филарета, высказанное въ разговорѣ съ семинарскимъ начальствомъ. «Мы пошлемъ къ вамъ въ академію такого, который и себѣ напишетъ отличное сочиненіе и десяти другимъ», сказалъ одинъ изъ преподавателей. «Намъ такихъ не надо, отвѣчалъ Филаретъ: они испортятъ полъ-академіи, у насъ и безъ него есть подобные».

Въ это самое время на сѣверо-западной окраинѣ Россіи совершалось великое дѣло, и какъ часто малый случай ведетъ за собою большія послѣдствія, такъ было и здѣсь. Въ протестантскомъ краю горсть грошей и нѣсколько кусковъ хлѣба положили основаніе православной Русской церкви. Знать, жертва эта дана была отъ чистаго сердца, исполненнаго любовію къ ближнему, была святая. Въ Лифляндіи, которая при Екатеринѣ Великой называлась просто Рижскою губерніею (а во многомъ намъ не мѣшало бы заимствовать у Великой Государыни) былъ неурожай хлѣба. Народъ умиралъ отъ голода. Человѣкъ семь голодныхъ Латышей забрели во дворъ архіерейскаго дома. Преосвященный Иринархъ, увидѣвъ ихъ, одѣлилъ ихъ изъ скудныхъ средствъ своихъ деньгами и велѣлъ дать имъ хлѣба. Черезъ нѣсколько дней явилось къ нему до 70 душъ Латышей. «Друзья мои, говоритъ имъ епископъ, вы меня извините: то, что̀ далъ я семи, не могу дать семидесяти».— «Нѣтъ, батюшка, отвѣчали пришельцы, мы не за хлѣбомъ пришли къ тебѣ. Когда намъ наши сосѣди сказали, что ты съ такимъ участіемъ отнесся къ ихъ бѣдѣ и помогъ имъ, тогда какъ наши бароны, на которыхъ мы и отцы наши работали въ потѣ лица, равнодушны къ нашему положенію; когда наши пасторы, которыхъ мы содержимъ, безучастны къ намъ; а ты, архіерей чужой намъ церкви, протянулъ по-евангельски руку помощи, мы подумали: стало, ученіе твоей церкви—есть истинное ученіе Христово и церковь твоя—есть истинная Христова церковь. И вотъ мы пришли къ тебѣ съ просьбою: прими насъ въ лоно твоей святой церкви». Просьба ихъ была исполнена, и народъ, за-

бывая о голодѣ, пошелъ по своимъ деревнямъ, проповѣдуя всюду, что онъ обрѣлъ истину. Черезъ нѣсколько дней пришло за тѣмъ же нѣсколько сотъ Латышей къ владыкѣ Иринарху. Повалилъ народъ и тысячами. Спохватились бароны, увидѣвъ, что политическое покрывало, которымъ думалось имъ укрыть иноплеменныхъ туземцевъ, готово слетѣть; что цѣпь, которою обвита страна и за концы которой, казалось, крѣпко держалъ сосѣдъ, порвана. Они стали употреблять всевозможныя козни, пытки, клевету, что̀ повторилось при преемникѣ Иринарха и, пожалуй, отчасти повторяется и нынѣ. Каверзы бароновъ свили гнѣздо при дворѣ, и наконецъ удалось имъ добиться перевода Иринарха, котораго *вывезли* изъ Риги.

Движеніе остановилось. Все, казалось, затихло. Бароны и пасторы ликуютъ. Петербургъ успокоился. Съ православіемъ, значитъ, порѣшено. Бароны и пасторы опять стали распорядителями судебъ страны, гдѣ каждая пядь земли куплена цѣною Русской крови и омыта слезами и мученическою кровію новыхъ чадъ православной церкви. Значитъ, все обстояло благополучно.

Но, быть можетъ, одинъ только умъ смотрѣлъ на это иначе; только онъ одинъ понималъ, что чѣмъ болѣе жертвъ и страданій приносилось во имя церкви, тѣмъ прочнѣе ея основаніе, тѣмъ глубже ея корни проникали въ почву. Не всѣ ли апостолы окончили мученически свою жизнь? Не мученическою ли кровію ихъ послѣдователей орошена нива церкви, прежде чѣмъ принесла плоды? Эта прозорливая мысль принадлежала великому Московскому святителю.

Иначе нельзя объяснить назначеніе его любимца ректора Филарета епископомъ Рижскимъ. Митрополиту извѣстна была пламенная любовь къ церкви молодаго инока, его покорность волѣ Божіей, его смиреніе, его глубокое пониманіе истинъ вѣры и всѣхъ заблужденій протестантства и, наконецъ, близкое знакомство его съ Нѣмецкою богословскою словесностью и Нѣмецкимъ языкомъ. Митрополитъ понималъ, что корни православія на Лифляндской почвѣ должны дать отростки. И лучшаго выбора сдѣлать было нельзя.

Но вѣсть эта, полученная Филаретомъ въ Симбирскѣ, какъ громомъ поразила его. Онъ такъ привязанъ была къ академіи, къ своему дѣлу, къ библіотекѣ, что ничего, казалось, не желалъ болѣе, какъ только не разставаться съ ними. Онъ столько вложилъ труда и такіе, быть можетъ, широкіе имѣлъ планы для своихъ занятій, что ему больно было отречься отъ нихъ. «Довольно, почти насытился мечтами!» съ какою-то грустію пишетъ онъ. Такая же привязанность къ академіи и ученымъ занятіямъ удержала друга его, Горскаго, отъ монашества: хотя по жизни своей онъ былъ истиннымъ монахомъ, но за монаше-

ствомъ шло архіерейство, а съ нимъ неизбѣжная разлука съ академіею и въ значительной мѣрѣ съ наукой.

Еще до полученія этого извѣстія Филаретъ, скучая объ академіи, писалъ Горскому: «За всѣмъ тѣмъ надежды нѣтъ, чтобъ скоро возвратиться подъ теплое крыло Преподобнаго. Да, пока живешь на одномъ мѣстѣ, не чувствуешь, что можно и скучать по мѣсту. Не то случается, когда приходится испытывать на дѣлѣ разность мѣстъ». «Здѣсь живу я въ такой глуши, что голосъ изъ родной лавры и академіи для меня очень дорогъ». И вотъ дошелъ этотъ голосъ, и что̀ принесъ онъ ему? Роковую вѣсть о его назначеніи. Правда, много участія и любви высказано было его другомъ, возвѣщавшимъ тяжелую новость, но это не измѣнило положенія дѣла. «Господь да вознаградитъ тебя за любовь твою ко мнѣ грѣшному», писалъ Филаретъ. «Странное дѣло! Извѣстіе твое много возбудило во мнѣ думъ и скорбей. Но воля Господня да будетъ. Много хотѣлъ писать; но обстоятельства и на этотъ разъ не велятъ поступать такъ, какъ думалъ я прежде сдѣлать. Странное дѣло! одно могу сказать. Ты помнишь, другъ мой, какъ часто говорилъ я тебѣ въ послѣдній разъ о скукѣ душевной, которой объяснить не могъ. Нѣсколько разъ начиналъ я говорить тебѣ объ одномъ чувствѣ или предчувствіи, но каждый разъ останавливался при мысли, что чувства или предчувствія бываютъ иногда тоже, что̀ вѣтеръ, движеніе воздуха. Теперь видно, что чувство или предчувствіе мое не было простое движеніе души. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ послѣднее время постоянно душа чувствовала, что я какъ будто чужой въ академіи. И чувство это было такъ сильно, такъ подавляло меня, что никакъ не могъ прогнать его. Много мнѣ надобно было дѣлать усилія надъ собою, чтобы сколько-нибудь на время заглушить его. Пустота, отчужденіе отъ всего окружающаго меня, отчужденіе всего отъ меня—постоянно оставались въ душѣ. Надобно было бороться съ собою, чтобъ воскресить въ себѣ извѣстный тебѣ пламень любви къ своей академіи, къ ея дѣламъ, къ ея положенію. Скорби, огорченія, которыя въ послѣднее время такъ дружно слѣдовали для меня одна за другою, оставляли одно только чувство во мнѣ: я чужой здѣсь; все говоритъ мнѣ, что я чужой. Едва на часы могъ съ насиліемъ возбудить въ себѣ теплоту любви къ студентамъ, какъ къ своимъ роднымъ, къ дѣламъ академіи, какъ моимъ собственнымъ, какъ опять въ душѣ тоже чувство: ты чужой, и все здѣшнее для тебя чужое. И товарищи трудовъ академическихъ, которыхъ всѣхъ прежде такъ близко къ душѣ держалъ я, казалось, говорили мнѣ: ты чужой. Вотъ, другъ мой, какое чувство тяготило грѣшную душу мою. Теперь тебѣ понятно, почему и искреннее твое слово, искренній твой упрекъ

въ моихъ ошибкахъ и слабостяхъ, то слово любви, которое потрясало всю душу мою, послѣднее время, какъ замѣчалъ ты и самъ, мало будило меня. Что дѣлать было съ собою? Видно, въ душѣ есть свои уставы, которыхъ волѣ трудно переиначить».

Это письмо весьма цѣнно для опредѣленія характера и академической дѣятельности Филарета. Изъ него мы видимъ, какъ близко было къ нему все академическое. Начиная отъ него и до послѣдняго студента, это была одна семья, дружно работавшая ко славѣ церкви и науки. Потому-то время ректорства Филарета считается золотымъ временемъ Московской духовной академіи.

Вотъ отзывъ о немъ и его трудахъ за время его ректорства однаго свѣдущаго лица. «Въ 1840 году, по случаю преобразованій учебной части въ семинаріяхъ, на Московскую академію возложено было составленіе конспекта по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса. Всѣ предметы распредѣлены были между преподавателями, а по догматическому богословію конспектъ составленъ былъ самимъ ректоромъ Филаретомъ. Кромѣ этихъ конспектовъ Филаретомъ въ 1839 году былъ составленъ конспектъ по патристикѣ. Творцомъ этой науки былъ онъ самъ. Составленное имъ «Историческое ученіе объ отцахъ церкви», въ трехъ томахъ, было учебною книгою въ академіяхъ, а сокращенное изложеніе «Ученіе объ отцахъ церкви» было введено какъ учебникъ по патристикѣ въ духовныхъ семинаріяхъ. Такимъ образомъ, благодаря ему, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ была открыта новая каѳедра. Составленные корпораціею ученыхъ въ Московской академіи конспекты и программы, благодаря непосредственному вліянію митрополита Филарета, по силѣ своего многообъемлющаго разумѣнія стоявшаго высоко надъ умами цѣлыхъ ученыхъ обществъ, а также кропотливымъ и усидчивымъ трудомъ неутомимаго архимандрита Филарета, нерѣдко оказывались лучшими, чѣмъ въ другихъ академіяхъ. Такъ составленнымъ въ Московской академіи программамъ логики и психологіи дано предпочтеніе передъ другими, «по ясности изложенія, полнотѣ содержанія и систематической послѣдовательности», и эти программы разосланы для руководства по университетамъ. Такимъ образомъ Московская академія въ управленіе ея Филаретомъ въ научномъ отношеніи стояла выше другихъ и была руководительницею въ постановкѣ философскихъ наукъ въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ слѣдствіе такого высокаго подъема науки въ Московской академіи Св. Синодъ неоднократно возлагалъ на архимандрита Филарета весьма важныя порученія. Такъ ему поручено пересмотрѣть и исправить Славянскій переводъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на

Евангеліе отъ Матѳея. Для исполненія этого порученія изъ профессоровъ академіи былъ составленъ особый комитетъ. Онъ нашелъ Славянскій переводъ неудобнымъ къ употребленію, и по его представленію ему разрѣшено было вновь перевести творенія Златоустаго на Русскій языкъ. Профессору Делицыну поручено было перевести на Русскій языкъ толкованіе св. Іоанна Златоустаго на Посланіе къ Римлянамъ. Труды эти были напечатаны въ 1839 году и производились подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора Филарета.

Множество возникавшихъ вопросовъ, требовавшихъ учености канонической, исторической, а подъ часъ и археологической, тщательно разрабатывались молодымъ ректоромъ, усерднымъ помощникомъ которому въ его трудахъ былъ Горскій.

«Безъ преувеличенія можно сказать, что самое лучшее, золотое время для Московской академіи было время управленія ею архим. Филаретомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого митрополита».—«Въ этотъ періодъ, какъ уже сказано, совершено много переводовъ свято-отческихъ твореній; въ это время корпорація профессоровъ академіи особенно много трудилась надъ составленіемъ самостоятельныхъ сочиненій, въ чемъ легко убѣдиться изъ перечня ученыхъ трудовъ тѣхъ лицъ, которыя служили въ академіи, и во главѣ всѣхъ тружениковъ, какъ образецъ для нихъ, а отчасти и руководитель, былъ самъ ректоръ Филаретъ. Въ «Исторіи Московской академіи» С. К. Смирнова исчислены ученые труды ректоровъ академіи. Изъ этого перечня видно, насколько богаче, разнообразнѣе и плодотворнѣе была ученая дѣятельность архим. Филарета 2-го въ сравненіи съ учеными трудами его предшественниковъ. Первый ректоръ академіи Симеонъ составилъ два слова, второй ректоръ Филаретъ 1-й [1]) (1815—1819) написалъ и напечаталъ тоже два слова; третій Кириллъ [2]) (1819—1824) написалъ пять словъ и одну рѣчъ; четвертый Поликарпъ (1824—1835) издалъ книгу словъ и бесѣдъ, книгу переводовъ съ Греческаго языка на Русскій и составилъ, по порученію начальства, для низшаго класса Latinam Chrestomatiam (1827). Ректоръ же Филаретъ 2-й Гумилевскій въ теченіи шести лѣтъ издалъ гораздо болѣе, чѣмъ его предшественники въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. И труды его не слова и рѣчи, не переводы только съ иностранныхъ языковъ, не учебники для училищъ, а ученыя изслѣдованія, какъ-то: «Изысканіе о проповѣдникахъ XIII вѣка», «Св. Серапіонъ, епископъ

---

[1]) Филаретъ Амфитеатровъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.

[2]) Кириллъ Богословскій-Платоновъ, впослѣдствіи архіепископъ Каменецъ-Подольскій.

Владимирскій», «Свидѣтельство апостольскаго времени о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать крестъ»; весьма цѣнныя и для нашего времени историческія сочиненія какъ-то: «О преп. Максимѣ Грекѣ», «Исторія пѣснопѣвцевъ Греческой церкви», въ 3-хъ частяхъ. Въ тоже время, преподавая догматическое богословіе, онъ составилъ свое знаменитое «Православное Догматическое Богословіе» въ 2-хъ книгахъ. Трудился онъ и надъ переводами съ иностранныхъ языковъ, особенно съ Греческаго, принималъ дѣятельное участіе наравнѣ съ другими въ переводѣ на Русскій языкъ свято-отческихъ твореній. Къ этому же періоду его ученой дѣятельности относится переводъ его «Луга Духовнаго».

«Въ ректуру архим. Филарета Московская академія достигла апогея своей учености. Недаромъ у него явилось желаніе основать при академіи духовный журналъ. Въ этомъ отношеніи онъ сталъ въ уровень съ знаменитымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ. Самая мысль объ изданіи ученаго періодическаго журнала показываетъ избытокъ духовныхъ силъ, высокое стремленіе обогатить и другихъ истинною мудростію. Почти семилѣтнее, упорное, не преклонявшееся даже предъ авторитетомъ митрополита Филарета, преслѣдованіе своей любимой мечты—основать свой академическій журналъ, доводитъ мечту эту до осуществленія. Первые и лучшіе годы изданія этого журнала, т. е. «Твореній Св. Отцовъ» обязаны своимъ содержаніемъ знаменитому труженику Филарету».

Будучи вызванъ въ Петербургъ, оттуда, и за тѣмъ изъ Риги, онъ постоянно побуждалъ Горскаго спѣшить журналомъ и съ грустію передавалъ о разныхъ затрудненіяхъ, поставляемыхъ извнѣ. «Митрополитъ не спѣшитъ движеніемъ журнала; тѣсное время требуетъ того, время, которое заставляетъ зорко смотрѣть за каждымъ шагомъ. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!» Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не взирая на препятствія, онъ проситъ трудиться для журнала: «Господа, ради подвизайтесь съ ревностію для славы имени Христова. Трудъ вашъ тамъ будетъ оцѣненъ».

О живомъ отношеніи Филарета къ этому дѣлу и о томъ, какія представлялись затрудненія, даетъ понятіе слѣдующее письмо его къ Горскому, при которомъ посылалъ онъ изъ Риги статьи свои для журнала. «Посылаю двѣ статьи о Златоустомъ святителѣ. Старался быть краткимъ; но предметъ такъ занимателенъ, такъ великъ, что душа рвется и къ тому, и къ другому: не удержишь. Неандеръ написалъ двѣ книжки, а мнѣ кажется, что можно написать по крайней мѣрѣ два фоліанта и—извините болѣе занимательные, чѣмъ книжки Неандера, нерѣдко пятнавшаго чистое, небесное лицо Златоустаго. Чѣмъ болѣе

читаешь Златоустаго, тѣмъ болѣе увлекаешься имъ, тѣмъ болѣе исполняешься уваженіемъ и любовію къ нему.... Я думалъ и думаю, послать вамъ статью: «Златоустый-учредитель богослуженія»; въ ней много о литургіи. Но опять помѣха: о литургіи говорится въ ней такъ, какъ, можетъ быть, не захотятъ говорить иные, разумѣю раскольниковъ въ штанахъ. Впрочемъ подумаю».

Митрополитъ въ переводѣ отцовъ требовалъ послѣдовательности, и статья о Златоустомъ не могла по этому плану быть напечатана, чего желалось Филарету. «Да, писалъ онъ, если дожидаться будете со статьею о Златоустомъ учителѣ до перевода сочиненій (разумѣю Василія Великаго, Ефрема Сирина, Григорія Нисскаго и др.), вѣроятно дождетесь сего тогда, когда кости мои будутъ лежать въ утробѣ общей матери земли. Нѣтъ, не дожидайтесь! И безъ того не безъ утѣшенія посмотрятъ на Златоустаго. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, тѣмъ болѣе, что Златоустый представленъ не только какъ пишущій и бесѣдующій, но и какъ дѣйствующій или точнѣе—весь дѣйствіе живое и неутомимое. Но это только мои мысли. Хорошо одинъ умъ, а у васъ не два».

Однако, опасаясь, чтобъ въ этомъ желаніи не зародилась земная суетность, онъ, по своему величайшему смиренію и изъ боязни повредить изданію своею настойчивостію, въ догонку за письмомъ шлетъ другое. «Послѣднее письмо написалъ я очень поспѣшно, въ нѣкоторомъ нетерпѣніи; отвѣты о статьяхъ моихъ писаны не въ духѣ спокойномъ, и это безпокоило меня послѣ письма. На все нужно присутствіе духа, а въ тревогѣ душевной, какова бы она ни была *), мысли болѣе или менѣе мятутся и болѣе или менѣе могутъ получить неправильное направленіе. Правда, въ концѣ оговорилъ я, что предоставляю все общему вашему совѣщанію, и это нѣсколько облегчило меня; но тѣмъ не менѣе нехорошо писать письма не въ духѣ спокойномъ или сколько-нибудь безпокойномъ. За это надобно бранить себя. Отъ этого надобно оберегать себя. Въ такихъ случаяхъ всего чаще и всего болѣе дѣйствуетъ самолюбіе. Такъ было со мною и въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ нетерпѣливо захотѣлось, чтобы статья была напечатана. Но для чего эта нетерпѣливость? Къ чему эта нетерпѣливость? Отъ чего она въ душѣ? Плодъ и пища самолюбія. Господи, прости меня грѣшнаго! Согрѣшилъ и каждую минуту согрѣшаю предъ Тобою».

Такое отношеніе къ дѣлу главнаго дѣятеля конечно придавало журналу особое направленіе.

---

*) Онъ писалъ изъ Риги.

Еще не возвратился Филаретъ изъ Симбирска, какъ заботливый другъ сталъ собирать его въ путь: приводить дѣла въ порядокъ къ сдачѣ, библіотеку, вещи, и Филаретъ въ трогательныхъ выраженіяхъ благодаритъ его и, по своему постоянному правилу, отдаетъ себя въ волю Божію.

Не лишне объяснить, какъ установились отношенія Филарета къ Горскому. Два года Горскій слушалъ «Церковную исторію» у Филарета. Человѣкъ съ недюжинными способностями и трудолюбіемъ, Горскій почтительно относился къ труженику науки, молодому профессору. Въ 1833 году, назначенный баккалавромъ этого же предмета въ академіи, Горскій сдѣлался помощникомъ въ трудахъ Филарета, а послѣдній сталъ его руководителемъ. Они вмѣстѣ съ Филаретомъ почти безвыходно проводили время въ академической библіотекѣ. Въ 1835 году, когда Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ и получилъ болѣе просторное помѣщеніе, онъ принялъ Горскаго къ себѣ. И вотъ наука и нравственныя качества связали крѣпкою дружбою, рѣдкою въ наше время, эти два существа. Они сдѣлались необходимыми другъ другу, какъ для успѣшности ученыхъ занятій, такъ и для поддержки въ жизни. Это были два труженика науки, два отшельника, жившіе въ міру. Главнымъ хранителемъ ихъ отъ суеты міра была наука. Трудившемуся, согнувъ спину, цѣлый день, дорогà минута отдыха для тѣла, а умъ не переставалъ работать. Почувствовавъ утомленіе, Филаретъ шелъ въ комнату друга, ложился, чтобъ расправить тѣло, на диванчикѣ и велъ бесѣду съ другомъ о томъ мірѣ, который открываетъ знаніе, о томъ пути, по которому ведетъ оно. И съ какимъ удовольствіемъ объ этихъ минутахъ отдыха и бесѣды вспоминаетъ Филаретъ впослѣдствіи!

Тяжело было Филарету разставаться съ академіею, съ лаврою и съ Московскимъ митрополитомъ. Когда раздували дѣло о переводѣ Библіи, Филаретъ, хотя и опасался за себя, какъ бывшій ректоръ академіи, но предавалъ себя въ волю Божію. «Безъ сомнѣнія дойдутъ и до меня съ вопросами и, безъ сомнѣнія, не повѣрятъ отвѣтамъ. Но пусть будетъ то, что́ угодно Господу. Тѣмъ не менѣе грѣшному Филарету придется поплатиться скорбями за дѣла эти. Въ этомъ сомнѣваться трудно при настоящихъ обстоятельствахъ». Но его болѣе всего смущала возможность дурныхъ послѣдствій для академіи. «Будьте, Господа ради, осторожнѣе въ ведѣніи дѣла передъ комиссіею. Вы знаете мысли членовъ ея. Знаете, что въ одномъ *) немного благоразумія и частію чистоты намѣреній, а въ другомъ почти и вовсе нѣтъ здраваго

*) Агапитъ, бывшій епископъ Томскій, жившій на покоѣ въ Москвѣ и въ слѣдующемъ году получившій въ управленіе Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ).

смысла *). Поймите, что такихъ членовъ избралъ графъ съ особенными видами, чтобы какъ нибудь да обезчестить академію для своей славы. Боже мой, Боже мой! Буди защитникомъ уповающимъ на Тебя единаго!»

Несомнѣнно интрига была направлена противъ Московскаго святителя. Митрополитъ, со своимъ проницательнымъ умомъ и глубокими познаніями, со своею несокрушимою логикою, о которую разбивались всѣ прожекты графа Протасова, стоялъ передъ нимъ на дорогѣ. Дѣятельная роль Аѳанасія и страдательная одряхлѣвшаго митрополита Серафима содѣйствовали намѣреніямъ оберъ-прокурора. Ему желалось очистить для себя поле, и вотъ Филаретъ уволенъ въ Москву, а одновременно съ нимъ и Филаретъ Кіевскій. Вотъ какъ писалъ о томъ нашъ Филаретъ въ письмѣ къ Горскому: «Митрополитъ принялъ дѣло это, разумѣется, не въ духѣ раскольническомъ. Сперва онъ желалъ, чтобы по сему случаю начать дѣло объ изданіи Русскаго перевода». (Какъ извѣстно, Московскій митрополитъ далъ отзывъ, что если народъ жаждетъ читать Священное Писаніе на родномъ языкѣ, то слѣдуетъ удовлетворить этой жаждѣ и существующій переводъ, очистивъ отъ погрѣшностей, издать.) «Но такъ какъ вопль раскольниковъ поднялся такой неистовый противъ перевода, продолжалъ Филаретъ, что думать о переводѣ не было возможности; при томъ его самого сталъ оглашать графъ начальникомъ и сѣятелемъ мыслей, заключающихся въ переводѣ, то принята была другая мысль очень умѣренная: напечатать заглавіе главамъ съ замѣчаніями, или хотя бы одни заглавія. Это предложеніе предательски было взято у него и обращено въ громкое безчестіе лицу его и всему Синоду, за исключеніемъ старика, потерявшаго смыслъ».

То было время, когда все въ церковномъ вѣдомствѣ раболѣпствовало передъ графомъ Протасовымъ. Онъ умѣлъ разобщить духовныхъ іерарховъ и обратить нѣкоторыхъ служителей церкви на служеніе ему и противъ нея. Воспитанникъ іезуитовъ, знавшій свою церковь лишь съ внѣшней стороны, слуга самолюбія и тщеславія, онъ былъ въ области церкви тираномъ въ томъ смыслѣ, какое отводитъ этому слову понятіе народа.

«Съ какимъ удовольствіемъ читаю я каждое письмо твое», писалъ изъ Петербурга Филаретъ своему другу. «Ты, живя въ прежней тишинѣ блаженной, не можешь представить себѣ здѣшняго положенія дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моего положенія. Брошенному въ самую тѣсную атмосферу, гдѣ, кажется, бродятъ и кружатся однѣ тѣни, конечно отрадно получить голосъ изъ любимаго мѣста душъ живыхъ

*) Ѳеофанъ, архимандритъ Донскаго монастыря.

и дышащихъ о Господѣ. Да, это правда, и такая правда очень тяжка для души. Избави Богъ всякаго жить въ нынѣшнее время въ Петербургѣ. Сибирь холодна для тѣла, но и тамъ свободно дѣлаютъ для Господа. Не знаю, что̀ будетъ со мною здѣсь. Положеніе мое таково, что я не умѣю какъ назвать его».

Совѣтуя поспѣшить представленіемъ отчета о ревизіи Виѳанской семинаріи, онъ писалъ: «Вы видите, что нынѣ выискиваютъ грѣхи наши, чтобъ ради ихъ забирать правленіе въ свои руки и церковь сдѣлать ареною честолюбивыхъ подвиговъ. Повѣрьте, Господа ради, что пишу правду, хотя правда эта слишкомъ горька. Надо же пощадить свою душу и церковь, искупленную Господомъ. Тяжело страдать за свою душу. Каково же отвѣчать за страданіе церкви Христовой?»

Однимъ изъ тяжелыхъ дней его Петербургской жизни былъ, конечно, день его представленія оберъ-прокурору графу Протасову. Онъ такъ описываетъ это представленіе. «Болѣе часа продержалъ онъ меня у себя, и все время прошло въ разговорахъ; но это было испытаніе или лучше пытка. Вопросы предлагаемы были самые тяжкіе для души; напр. каковъ такой-то архіерей, такой-то секретарь консисторіи? Поймите сами, что о ректорахъ и семинаріяхъ еще болѣе было допросовъ. Признаюсь, я вышелъ отъ него въ большомъ смущеніи и съ большою тяжестію на душѣ. Онъ самъ послѣ сказалъ другимъ, что пыталъ меня. Да, легко пытать; но каково быть въ пыткѣ? Пусть будетъ воля Божія! Я и теперь не умѣю ничего сказать объ этой бесѣдѣ или точнѣе о ея послѣдствіяхъ. Къ добру ли или къ худу поведетъ она, не знаю. Одно извѣстно мнѣ теперь, что съ этими людьми говорить нелегко, очень нелегко. А отецъ Аѳанасій [1])! О, великій Аѳанасій! Но, да проститъ меня Господь, великій на такія дѣла, о которыхъ не хотѣлось бы никогда и слышать. Признаюсь, что хотя и прежде не были свѣтлы дѣла его, но теперь? Боже мой, Боже мой! До чего доводятъ насъ страсти? До чего доводить можетъ оскорбленная дикая гордость? Человѣкъ будетъ жечь людей на кострѣ, будетъ отдавать святыхъ на поруганіе и однако будетъ оставаться въ полууверенности, что онъ дѣлаетъ все это на пользу человѣчества. Несчастный человѣкъ! Какъ жаль, что таковъ теперь Аѳанасій. Прости меня, другъ мой, что я назову его Іудою [2]). Слишкомъ жестоко? Но, если согрѣшилъ я, Гос-

---

[1]) Ректоръ Петербургской академіи, впослѣдствіи епископъ Астраханскій.

[2]) Герменевтика Аѳанасія запрещена по замѣчаніямъ митрополита Московскаго. Аѳанасій высказывалъ порицанія Еврейскому тексту Библіи, требовалъ канонизаціи перевода LXX толковниковъ, говорилъ о недостаточности Св. Писанія для указанія истинъ вѣры.

поди, прости меня. Другъ мой, я чувствую, что пишу тебѣ только о своихъ чувствахъ и не показываю дѣлъ. Но что же мнѣ дѣлать съ своею душею? Она такъ возмущена, что иначе не можетъ говорить, не можетъ не называть вещей ихъ именемъ, отягченная чернотою именъ. Аѳанасій, да, Аѳанасій, а не другой кто, проповѣдуетъ: для меня исповѣданіе Могилы [3]) и Кормчая, все—и болѣе ничего. Аѳанасій, а не кто другой—орудіе и дѣйствователь отчаянный по видамъ и волѣ бритыхъ раскольниковъ [4]). Что имъ нужно дѣлать, все готовъ дѣлать и дѣлаетъ. Боже мой, спаси насъ! Да, наши грѣхи довели насъ до такого положенія. Господи, даждь ми зрѣти моя согрѣшенія! Несчастный человѣкъ! Язва для своей души! Язва опустошительная для цѣлой церкви! Но вы скоро сами увидите нѣкоторыя изъ дѣлъ его, а меня освободите отъ тяжести говорить о его дѣлахъ».

Еще передъ этимъ писалъ онъ Горскому, что Аѳанасій запретилъ профессору Карпову читать философію по его запискамъ, а далъ ему Винклера [5]). «Вы знаете отвагу о. Аѳанасія. Къ тому присоединилась, какъ видно, сильная охота сдѣлать угодное людямъ вѣка. Господь да проститъ насъ грѣшныхъ!» Тотъ же услужливый Аѳанасій со своимъ комитетомъ, разсматривая книги вреднаго направленія, насчиталъ 177. Оказалось же ихъ 53. «Считали не только число экземпляровъ, но и число книжекъ, частицъ журнальныхъ, и вотъ образовалось число грозное—177. Господи, даждь ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего». Такъ извѣщалъ Филаретъ о дѣятельности комитета, занявшагося просмотромъ книгъ еще въ исполненіе указа Св. Синода 14 Мая 1825 г. (!), по поводу мистическихъ сочиненій.

«Мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ нѣсколько словъ о недавнихъ здѣшнихъ событіяхъ; но они такъ черны, такъ грязны, что лучше молчать о нихъ. Много, быть можетъ, грѣшилъ я, осуждая нынѣшнее теченіе дѣлъ. Но недавнишнія дѣла бритыхъ раскольниковъ до того грязны, что о нихъ трудно было бы и гадать, прежде нежели обнаружились. Теперь одною только мыслію успокоивается душа, тою мыслію, что дѣла сами открыли людей, казавшихся дотолѣ похожими на ревнителей добра; теперь несомнѣнно для каждаго, что изъ бездонной грязной ямы выходятъ ихъ дѣла. И потому остается съ твердостію слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыхъ они не одобряютъ, а еще съ большею любовію молить Господа, чтобы не оставилъ Своею помощію насъ грѣшныхъ. Ихъ же дѣло остается передать суду Правосуднаго и Всевидящаго!)

---

[3]) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.
[4]) Разумѣется, здѣсь графъ Протасовъ и его сотрудники, Сербиновичъ и другіе.
[5]) Winkler, Instutiones philosophiae.

Еще передъ этимъ онъ писалъ Горскому: «Ахъ, другъ мой, еслибъ вы посмотрѣли здѣсь на положеніе нашихъ генераловъ *), вы бы пролили слезы о нихъ! Дѣла въ такомъ положеніи, что едва, едва можно по временамъ дѣлать отраженіе натисковъ. Иначе приходится только встрѣчать пули въ бокъ и лобъ и стоять, не морщась. Да, точно таковы дѣла. О вылазкахъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ и думать нельзя. Вамъ извѣстны мои прежнія мысли и чувствованія; извѣстно, какъ иногда терзалась душа неразсудительными мыслями о бездѣйствіи генераловъ; теперь вижу, что надобно молить Господа, дабы далъ имъ твердость и рѣшимость выдержать осаду. Силы истощены, средства отобраны». Такъ терзался душою при видѣ положенія церкви ея молодой служитель. Когда Горскій, для напечатанія труда Филарета «Историческое ученіе объ отцахъ церкви» совѣтовалъ ему обратиться къ оберъ-прокурору, Филаретъ отвѣчалъ: «Ближе къ душѣ владыка нашъ, но и того не хочется тревожить; онъ и безъ того, многострадальный подвижникъ церкви Господней». По совѣту митрополита, Филаретъ ходатайствовалъ о дозволеніи печатать жизнеописанія святыхъ отдѣльными книжками. Отказъ объяснялъ Горскій экономическими расчетами. «Причина едва ли не въ томъ, отвѣчалъ Филаретъ, что они Русскія. Не смотря на эту причину, не возмущаюсь: насмотрѣлся на дѣянія и дѣла.

Между тѣмъ замедляли отъѣздъ его въ Ригу. Наступила и весна, во время которой Филаретъ страдалъ жестоко лихорадкою. Уже стали разъѣзжаться по дачамъ, а объ отъѣздѣ ни слова. Единственнымъ развлеченіемъ служили ему занятія; но и ихъ вести было трудно безъ пособій, которыми оказалась скудна библіотека Петербургской академіи. «Знаете-ли чего нѣтъ въ библіотекѣ академической? писалъ онъ Горскому. Не угадаете. «Памятниковъ Русской словесности XII вѣка!» По сему разумѣйте и о прочемъ. Старое и извѣтшалое въ довольномъ изобиліи; а новаго не спрашивайте. Они боятся ереси. Конечно это опасеніе дѣло святое, но въ какомъ случаѣ? Христосъ съ ними!»

Единственное пріятное впечатлѣніе, вынесенное имъ во время пребыванія въ Петербургѣ, былъ экзаменъ въ Смольномъ монастырѣ. «Между наставниками лучшій профессоръ исторіи Ахматовъ. Этотъ человѣкъ знаетъ свое дѣло почти какъ нельзя лучше, ловкій, способный заставить слушать себя и со свѣдѣніями обширными. Дѣвушки отвѣчали очень хорошо по исторіи. Мнѣ даже было весело смотрѣть, что такъ умѣютъ учить. Въ глаза бросается особенно то, что отвѣчаютъ очень свободно, и онъ разсуждаетъ съ ними, какъ бы въ обык-

*) Т.-е. членовъ Св. Синода.

новенномъ разговорѣ. Ошибся бы я, еслибъ сказалъ, что это вертлявый франтъ. Нѣтъ, ничего похожаго на то нѣтъ въ немъ. Напротивъ, онъ человѣкъ довольно суровый или по крайней мѣрѣ невеселый. Напримѣръ, онъ не подумалъ объ оскорбленiи правилъ свѣтской вѣжливости, когда вдругъ останавливаетъ одну и говоритъ: «послушайте, порядокъ—душа дѣла; а вы перемѣшали событiя и многое выпустили».

Графъ Протасовъ продолжалъ настаивать, чтобы Филаретъ составлялъ Догматику. Можетъ быть, и здѣсь отчасти таилась причина медленности въ отправленiи Филарета. Гвардейцу, оберъ-прокурору, дѣло это казалось, быть можетъ, очень легкимъ; но не таково оно было для Филарета, который жаловался, что у него нѣтъ даже его тетрадей (т.-е. его лекцiй), нѣтъ даже Новаго Завѣта: все отправлено въ Ригу.

Къ страданiямъ, которыя переживалъ Филаретъ, присоединилась собственная, кровная бѣда. Родная тетка его, сестра его отца, была за мужемъ за крѣпостнымъ крестьяниномъ Нарышкина, Дмитрiевымъ. Онъ и его родственники служили при экономической конторѣ. Главноуправляющимъ былъ Нѣмецъ, человѣкъ злой, жестокiй. Замѣтивъ, что Дмитрiевы осуждаютъ его дѣйствiя относительно крестьянъ, онъ сдѣлался ихъ непримиримымъ врагомъ и искалъ случая отмстить Дмитрiевымъ. По прiѣздѣ помѣщика лѣтомъ въ имѣнiе, Нѣмецъ управляющiй увѣрилъ его, что Дмитрiевы прiобрѣли богатство незаконнымъ образомъ, т.-е. поживившись на барскiй счетъ. Тутъ же была рѣшена ихъ участь: имущество отобрано, нѣкоторые приставлены къ черной работѣ; другiе, молодые, въ томъ числѣ два двоюродныхъ бра[illegible] Филарета, должны были поступить въ солдаты. Филарету сообщилъ объ этомъ семейномъ горѣ дядя его, протоiерей Димитрiй. Филаретъ обратился за совѣтомъ и помощiю къ *своему владыкѣ.* Митрополиту, черезъ тестя Нарышкина, удалось уговорить его—освободить Дмитрiевыхъ и дозволить выкупиться. Распоряженiе объ освобожденiи двумя часами упредило отдачу въ солдаты Дмитрiевыхъ. Нарышкинъ согласился дать волю за 8 тыс. р. Но гдѣ было взять такую сумму? «Теперь дѣло за деньгами. Четыре тысячи внесено, а четыре еще надобно внесть. Надобно помогать. Да и Татаринъ не отказался бы отъ помощи въ подобномъ случаѣ. Буди святая воля Его!» Въ этомъ дѣлѣ много помогъ Филарету, какъ слышали мы, другъ его дѣтства, сынъ бывшаго управляющаго Нарышкиныхъ, впослѣдствiи товарищъ министра финансовъ Ш. Съ нимъ Филаретъ до самой смерти велъ переписку.

Филаретъ отправилъ брата, прибывшаго къ нему по этому печальному случаю въ Петербургъ, въ обратный путь на родину, поручивъ ему въ Троицкой лаврѣ отдать письмо къ Горскому. «Примите

его съ любовію. Пусть онъ и сынъ его помолятся Угоднику Божію. Имъ преклонить головы тамъ, конечно, негдѣ, какъ развѣ у твоей любви. Пригрѣй ихъ съ любовію. Они жили здѣсь довольно долго, но мало или не все нужное для нуждъ своихъ получали. Поговорите съ ними и покажите св. лавру. А еще одна просьба въ томъ: ссудите имъ на дорогу рублей 25. У меня теперь нѣтъ: живу кое-какъ, что́ имѣлъ, отдалъ имъ. Упованіе на Господа Бога! Постараюсь воздать любви твоей любовію». Въ денежныхъ средствахъ Филаретъ былъ очень затрудненъ: за сочиненія свои онъ еще не могъ ничего получать; нѣсколько лѣтъ прошло прежде, чѣмъ ихъ одобрили къ печати. Добрый и сострадательный къ нуждамъ ближняго, онъ не дѣлалъ сбереженій изъ своего неособенно-большаго жалованья. Да и всякій излишекъ шелъ у него на книги.

Къ роднымъ своимъ, въ особенности къ матери, Филаретъ питалъ нѣжную привязанность. И къ чести его надо отнести, что онъ во время служенія своего не окружалъ себя роднею, которая, при его довѣрчивой натурѣ, при всецѣломъ посвященіи времени трудамъ ученымъ, могла злоупотреблять его именемъ, а если и нѣтъ, то подала бы поводъ къ лишней клеветѣ. По просьбѣ своего роднаго племянника, бывшаго діакономъ въ Конабѣевѣ, онъ написалъ Тамбовскому преосвященному, нельзя ли назначить его вторымъ священникомъ въ томъ же селѣ. Послѣ пожара 1828 года, истребившаго все Конабѣево, оно сильно упало. Многіе крестьяне переведены были въ другія вотчины, вмѣсто двухъ деревянныхъ церквей выстроена одна каменная при одномъ штатѣ священнослужителей. Мѣстный священникъ, узнавъ о письмѣ Филарета, отправился къ преосвященному и объяснилъ ему, что двоимъ священникамъ нечѣмъ будетъ жить. «Не могу, отвѣчалъ владыка, не исполнить желанія такого уважаемаго архипастыря (Филаретъ въ то время былъ архіепископомъ Харьковскимъ) и долженъ сдѣлать представленіе въ Синодъ». Священникъ просилъ дозволенія самому написать Филарету. Филаретъ, узнавъ изъ письма священника объ обстоятельствахъ дѣла, отказался отъ своего ходатайства.

Письма Филарета къ матери, роднымъ, дядѣ протоіерею Дмитрію Воскресенскому, съ которымъ онъ велъ постоянную переписку, дышали нѣжною дружбою и участіемъ. Къ сожалѣнію, они истреблены пожаромъ 1869 года. Эти письма, по свидѣтельству лица, имѣвшаго случай читать ихъ, наглядно выражали высокій характеръ святителя. Матери своей онъ постоянно посылалъ деньги. Разъ вдова-дьячиха (жива до сего времени) обратилась къ матери Филарета за помощью: не доставало ей денегъ заплатить за лошадь. Старушка Настасья Васильевна, давая ей деньги, замѣтила: «Какой у меня добрый сынъ!

Пишетъ, что мало прислалъ денегъ, потому что всѣ роздалъ; а того не знаетъ, что мнѣ и тѣ деньги, которыя присылаетъ, дѣвать некуда». Одинъ родственникъ-священникъ просваталъ дочь и обратился за денежною помощію къ Филарету, бывшему тогда въ Харьковѣ. «Денегъ у меня теперь нѣтъ, но передайте вашему свату, что я ихъ скоро вышлю и увѣрьте, что архіерей не обманетъ». Черезъ двѣ недѣли онъ получилъ 200 р. На могилѣ матери Филаретъ соорудилъ памятникъ, а въ родную церковь прислалъ на поминовеніе 300 р. и серебряные сосуды цѣною въ 400 р. Когда къ нему, въ Харьковъ, пріѣхали его дядя протоіерей Дмитрій и старушка тетка-наставница, онъ со слезами встрѣтилъ ихъ и неоднократно восклицалъ: «Милые мои дядюшка и тетушка! Ну, какъ я радъ видѣть васъ!» На другой день онъ предложилъ дядѣ служить съ собою, а послѣ литургіи, представляя посѣтителямъ своихъ деревенскихъ гостей, засвидѣтельствовалъ, что теткѣ своей обязанъ развитіемъ въ немъ склонности къ монашеству. Случайно одинъ священникъ, осужденный Филаретомъ на пребываніе въ монастырѣ, встрѣтилъ пріѣзжаго гостя. Сознавая свою вину, батюшка выразилъ свое горе: семья изъ-за него страдаетъ. Какъ ни былъ строгъ Филаретъ къ погрѣшностямъ, за которыя осудилъ священника, но по просьбѣ своего дорогаго гостя простилъ его. Двоихъ племянниковъ своихъ онъ вызвалъ въ Харьковъ, опредѣлилъ въ семинарію, но единственно для надзора за ними и руководства. Окончивъ курсъ, они поступили въ сельскіе священники. Денежную же помощь онъ оказывалъ бѣднымъ родственникамъ заочно.

Не только родные пользовались его вниманіемъ и поддержкою, но всякій землякъ былъ ему близокъ. Такъ одинъ юноша, не окончившій курса въ Тамбовской семинаріи, съ сумкою за плечами и рублемъ, пришелъ въ Харьковъ. Письмо діакона Василія, брата архіепископа Филарета, должно было отворить дверь бѣдному юношѣ. Съ участіемъ принялъ его святитель, поговорилъ съ нимъ и, подмѣтивъ его способности, далъ предложеніе семинарскому начальству принять его въ богословскій классъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ юноша, окончивъ академическій курсъ, назначенъ наставникомъ въ Черниговскую семинарію въ бытность Филарета уже архіепископомъ Черниговскимъ. Его трудолюбіе пріобрѣло ему любовь и расположеніе святителя до конца его жизни.

Листовскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

СЪ ИВАНОМЪ СЕРГѢЕВИЧЕМЪ АКСАКОВЫМЪ.

Располагая письмами Ивана Сергѣевича за много лѣтъ, мы надѣемся когда-нибудь составить по ихъ поводу особый литературный трудъ. Но во множествѣ дорогаго для насъ матерьяла, разбираться въ которомъ еще и не время, нашлась часть такого, что ничто не мѣшаетъ напечатать его теперь же. Можно даже сказать, черезъ это исполнится только собственная воля покойнаго. „Я сберегу *наши письма*, потомъ мы ихъ пересмотримъ и напечатаемъ“... такъ писалъ онъ тому, съ кѣмъ велъ эту переписку. Это письма совершенно исключительныя: они посвящены вопросамъ древней Русской Исторіи и обращены къ одному изъ ея любителей. Всѣ они писаны осенью 1878 г., слѣдовательно относятся ко времени его „Варваринскаго заточенья“. Скорбной памяти это была лютая година! Здѣсь не у мѣста воскрешать въ памяти всю обиду того времени; но въ поясненіе самихъ писемъ—безъ чего особенно первое изъ нихъ осталось бы совершенно непонятно —нельзя не сказать о томъ нѣсколькихъ словъ.

Исходъ 1870-хъ и начало 1880-хъ годовъ составляетъ въ нашей исторіи прискорбнѣйшую страницу. Никогда наша внутренняя и внѣшняя политика (а онѣ всегда неразлучны) не вступали еще столь явно и въ такую полную неразлучность съ иноземною политикой нашихъ мнимыхъ союзниковъ и завѣдомыхъ враговъ, какъ въ тѣ дни. Систематическій заговоръ, смаклерованный про насъ въ Берлинѣ, приводился тогда въ дѣйствіе уже во всей своей многосторонности и по всѣмъ пунктамъ. Намъ собственно не было и повода вмѣшиваться *не въ сво дѣла*, разъ мы ихъ добровольно передали изъ рукъ въ руки. Тамъ все катилось какъ по наклонной плоскости съ возраставшей быстротою, куда было предуказано: намъ оставалось только любоваться, въ томъ и состояла внѣшняя политика. А внутри, у себя дома, въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, мы и подавно были иностранцами. Вонъ изъ дому—этотъ нашъ въ нѣкоторомъ родѣ національный девизъ—

достигалъ тогда своего апогея и уже по необходимости переходилъ въ другой. Наступило такое всеобщее попущенье и распущенье, образовалось такое множество отдѣльныхъ, противорѣчившихъ другъ другу, самодержавій (сколько отдѣльныхъ министерствъ, столько и отдѣльныхъ самодержавій), что въ концѣ концовъ приходилось поневолѣ сказать: хоть совсѣмъ вонъ изъ дому бѣги, лишь бы не провалиться. Казалось, все и было тогда у насъ готово повершиться такою окончательною реформой, послѣ которой ужъ и надежды бы не осталось когда-либо вернуться домой. Таково было это время, когда славный громитель Берлинскаго трактата, и именно этимъ стяжавшій громчайшую славу, И. С. Аксаковъ долженъ былъ чуть не въ 24 часа оставить Москву и... нашелъ себѣ мирное пристанище въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ с. Варваринѣ. „*Ссылка Московскаго патріота*“ такъ по всей Москвѣ уличный народъ называлъ тогда эту исторію.—Слышали?—спрашивали всѣ другъ у друга—не только въ каретахъ и колясках разъѣзжающіе съ визитами и обыкновенно при сей вѣрной оказіи распространяющіе всѣ новости на свѣтѣ; а еще лавочники и пирожники, булочники и мясники, Московскіе разнощики и просвирни, нищіе толпившіеся на паперти и извощики на биржѣ.—Какъ, что̀ и почему—недоумѣвали. „Патріотъ былъ“—другаго объясненія въ народѣ не находилось. „Должно, Нѣмцы упросили Государя“—сказалъ тогда одинъ мужикъ. Самъ И. С. Аксаковъ недоумѣвалъ—не о резолюціи ему объявленной, а именно о необъявленіи мотива *).

На прощаньи онъ особенно просилъ не оставлять его безъ вѣстей въ изгнаніи. Привыкшіе къ ежедневной бесѣдѣ съ нимъ, разумѣется, пересылались и письмами чуть не каждый день то по почтѣ, то съ нарочными. Но о чемъ было тогда переписываться? Чѣмъ порадовать изгнанника? О чемъ собесѣдовать? О томъ ли, что Боснія и Герцеговина окончательно отдавались Австріи и въ Петербургѣ приходили еще въ негодованіе: какъ это дикіе Босняки да Герцеговинцы не цѣлуютъ г-на Филипповича въ бритый подбородокъ и не заключаютъ въ свои объятія эту вылущенную фигуру поджараго Австрійскаго генерала? О томъ ли, съ какою предупредительной поспѣшностью былъ закрытъ въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, отобраны всѣ его бумаги и забраны его денежныя суммы? О томъ ли всеобщемъ унынiи, что̀ распространялось уже не по днямъ, а по часамъ отъ всеобщаго же убѣжденія (а въ немъ хотѣлось бы

*) Извѣстная рѣчь И. С. Аксакова по поводу Берлинскаго конгресса была имъ произнесена 22-го Іюня 1878 года. Первоначально напечаталъ ее г. Пуцыковичъ, тогдашній издатель „Гражданина“. Потомъ она перешла въ прочія газеты, коихъ отдѣльныя нумера—такъ было въ Москвѣ по крайней мѣрѣ—отбирались полиціею. Между тѣмъ, она сдѣлалась достояніемъ всей Европейской прессы. Резолюція объ его удаленіи изъ Москвы объявлена ему была въ Воскресенье 23-го Іюля того же года.

сомнѣваться, во что бы ни стало) въ полной неспособности и несостоятельности и безнадежности тѣхъ сферъ.... какихъ же именно? да хоть тѣхъ самыхъ, достойнымъ представителемъ коихъ былъ тогда напримѣръ извѣстный изобрѣтатель конныхъ полицейскихъ урядниковъ, вскорѣ потомъ самоубившійся Маковъ? О чемъ еще? Объ убіеніи ли генерала Мезенцова среди бѣла дня на улицѣ въ Петербургѣ? Не о тѣхъ ли именно міазмахъ, которыя начинали уже всюду носиться, въ смрадомъ напоенномъ воздухѣ, свидѣтельствуя о начинавшемся повальномъ разложеньи?.. А наша, сама не вѣдавшая что творитъ, такъ называемая „либеральная" пресса ихъ-то и выдавала еще, эти міазмы, за „свѣжія вѣянья", за „самоновѣйшія вѣянья", привѣтствуя въ нихъ канунъ какого-то „окончательнаго" повальнаго обновленья!..

Случилось такъ, что одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ съ тогдашнимъ Варваринскимъ заточникомъ, дѣлясь съ нимъ именно такими новостями, задохнулся отъ ихъ угара. Онъ писалъ Ивану Сергѣевичу: „...Самому стало тяжело, какъ только отправилъ къ вамъ вчерашнее письмо. Отъ горькой дѣйствительности, отъ нашей отвратительной современности ухожу въ глубь вѣковъ, хоронюсь въ лѣтописи, еще больше замыкаюсь въ себя"... Все это письмо и вышло нечаяннымъ экспромптомъ о Русской Исторіи. Оказалось, что ничѣмъ такъ нельзя было угодить изгнаннику: онъ и самъ задыхался отъ тогдашнихъ вѣстей. Довольно было этого, и вотъ самъ И. С. Аксаковъ разразился восторженнѣйшимъ диѳирамбомъ и Русскому народу и родной Исторіи, въ отвѣтъ своему собесѣднику.

Вотъ первое изъ этихъ писемъ И. С. Аксакова.

Варварино, 28-го Августа 1878 года.

«....Но что хорошо, замѣчательно хорошо, это ваше письмо о Русской Исторіи. У васъ есть положительное призваніе къ этому дѣлу. Знаете, что я придумалъ. Вы никогда не соберетесь написать ученой книги; учебникъ можетъ быть вы и кончите, но учебникъ пишется по данной программѣ и допускаетъ лишь аксіомы историческія, а ничего проблематичнаго. Не начать-ли вамъ рядъ *писемъ ко мнѣ*, послѣдовательный, о Русской Исторіи? Эта форма очень удобна; въ ней чувствуешь себя свободнѣе, нежели въ книгѣ, гдѣ человѣкъ чувствуетъ себя на каѳедрѣ и баситъ или говоритъ не обычнымъ своимъ голосомъ. Пишите ихъ просто; я сберегу ихъ, потомъ пересмотримъ и напечатаемъ. Конечно, цеховое ученое дурачье назоветъ васъ диллетантомъ; но на нихъ смотрѣть нечего. Подумайте-ка объ этомъ. Съ какимъ бы наслажденіемъ прочелъ бы ваше письмо братъ Константинъ, онъ, который говорилъ: исторія Русскаго народа есть житіе Русскаго народа. Какъ вѣрны ваши слова, что погруженіе въ исторію Русскаго народа заставляетъ не то что мириться, но извинять современность (я смягчаю ваше выраженіе), именно потому, что идеалъ слишкомъ ши-

рокъ и глубокъ. Я пришелъ къ тому же черезъ погруженіе не въ исторію въ буквальномъ смыслѣ, но въ живой деревенскій *миръ* (не міръ). И въ этомъ великое наше преимущество, что настоящее нашего народа, нашъ мужикъ XIX вѣка поясняетъ намъ былое, точно также какъ и былое поясняетъ настоящее нашего народа. Вглядитесь, вдумайтесь, вчувствуйтесь, если можно такъ выразиться, въ Русскую деревню, и вы поймете его исторію. Ужасно трудна задача Русскаго народа, и именно потому, что она повидимому такъ проста. Откажись онъ отъ правды Божьей и повѣрь въ правду внѣшнюю, откажись отъ инстинктовъ истинной широчайшей свободы въ пользу лже-свободы конституціонной: легче было бы жить ему на свѣтѣ. Но именно потому, что онъ отречься отъ своего идеала не можетъ, этотъ христіаннѣйшій народъ въ мірѣ, отъ того-то—и слава Богу!—мерзѣе выступаетъ на его исторической жизни всякое противорѣчіе, вносимое правительствомъ или отчудившимся обществомъ. Я страшно возмущаюсь мыслью о конституціи. И такъ уже много лжи, а тутъ явится лженародъ, и рѣшеніе, состоявшееся по большинству нѣсколькихъ десятковъ глупыхъ головъ въ странѣ, имѣющей стомилліонное населеніе, народъ *обязанъ* будетъ чтить какъ истину, какъ *свое* собственное рѣшеніе, какъ плодъ свободы. Но вы слишкомъ мало отводите мѣста значенію личностей, съ ихъ животными эгоизмами, въ жизни народныхъ массъ. И самъ народъ, въ сознаніи своемъ, не освобождаетъ себя отъ нравственной отвѣтственности за нихъ. Онъ понимаетъ возможность покаянія всѣмъ народомъ, онъ выражается «наши грѣхи». Изъ вашихъ словъ выходитъ, будто отдѣльныя личности могутъ пакостить сколько угодно: вреда не будетъ, весною все покроется новыми листьями *). Это едвали такъ. Безъ сомнѣнія, сила жизни не умретъ, но ей придется бороться и пробиваться сквозь гниль путемъ страдальческаго процесса. Гниль заражаетъ атмосферу, которою живетъ народъ. Когда въ деревнѣ Гладышевѣ, въ Московской губ., какъ я самъ слышалъ, тринадцатилѣтнія крестьянскія дѣвки поютъ: «папироска, другъ мой тайный»: то вы чувствуете, что это развратъ, проникшій въ самую

---

*) Со стороны Ивана Сергѣевича это отвѣтъ на то мѣсто письма, гдѣ говорилось: „Забавенъ дѣлается, и только забавенъ, весь этотъ муравейникъ пошлостей, ничтожностей и бездарностей. Да знаютъ-ли они еще? Единичныя воли съ ихъ животнымъ эгоизмомъ производятъ въ исторіи результаты обратно противуположные тѣмъ, какихъ они желаютъ. Въ исторіи народа верховный и главный факторъ одинъ—онъ же пребываетъ во вѣкъ; а животные эгоизмы отдѣльныхъ лицъ сгниваютъ какъ листья осенью, и весною никто не жалѣетъ о прошлогоднихъ листьяхъ“. Это самое и оспариваетъ Иванъ Сергѣевичъ.

сердцевину дерева, не то что̀ листья; а если вы прослѣдите генеалогію разврата, то вы и уткнетесь въ дѣйствіе личностей нашихъ государственныхъ мужей Петербургскихъ, и оно не покажется *«только забавнымъ»*. Тѣмъ не менѣе, стихія духовная Русскаго народа такъ сильна и такъ живо я ее слышу душою, что не своротить Петербургу Россіи съ ея историческаго пути, не лишить народъ его призванія. Истинно назидателенъ молитвенный миръ Русскихъ полей. Я упиваюсь имъ. Миръ—это стихія Русскаго народа; въ немъ сила, побѣда, въ немъ истина. И Русскій солдатъ—даже когда дерется—носитъ миръ въ душѣ!

Посылаю вамъ стихи, написанные мною послѣ 17-тилѣтняго перерыва! Это меня самого утѣшило *). Для устраненія недоразумѣній, можетъ быть не лишнее напомнить, что въ литургіи ежедневно возглашается: «*побѣдную* пѣснь поюще, вопіюще.... *осанна въ вышнихъ*!» Она во всѣхъ смыслахъ побѣдная».

Письмо къ И. С. Аксакову, въ отвѣтъ на его посланіе, помѣчено отъ 31-го Августа 1878 года и заключало въ себѣ приблизительно слѣдующее:

«....Теперь о вашемъ предложеніи историческихъ писемъ. Благодарю васъ за него; но вѣдь это къ труду да и еще трудъ. Къ радости моей, вы ошиблись и ошибаетесь: увѣренъ, что сдѣлаю то, что̀ мнѣ хочется, потому что въ умѣ сдѣлано, а это главное. Что̀ вы пишете объ учебникѣ, это совершенно справедливо; но пока и задача не въ томъ. Лишь бы раскрыть логическое строеніе всего того, что́ до сихъ поръ въ разныхъ исторіяхъ представляется *deus ex machina*, а у Карамзина фальшиво. Фальшивость уже въ духѣ того времени, которое стремилось и въ Русской избѣ видѣть зачатки Аѳинскаго Парѳенона.

Если, говорю, удастся вѣрная осмысленная картина, какихъ бы размѣровъ ни вышла, тогда по ней можно будетъ сдѣлать и миніатюру: учебникъ вѣрный. А до тѣхъ поръ весь трудъ собирать и писать черновой матеріалъ. И вѣдь вотъ что́, скажу вамъ, трудно-то: приходится все начинать съизнова и съ азбуки. Возьмемъ для примѣра старинное дѣленіе на княжества. Какъ искони сидѣли роды-племена, каждое само о себѣ, отъ другихъ особо, такъ потомъ (по племяннымъ особенностямъ) начали слагаться и княжества. Въ общихъ чертахъ это и намѣчается обыкновенно, потому что нельзя этого сломать даже при нелѣпостяхъ «теоріи родоваго быта» и т. п.; но однако слабо намѣчается. А во вторыхъ, ухватитесь за одно это, и вотъ уже

---

*) Теперь это общеизвѣстное стихотвореніе *Варварино*, гдѣ и упоминается о молитвенномъ мирѣ полей.

открывается цѣлая бездна нескончаемыхъ изслѣдованій! Все это подтверждается до мелочей и до самыхъ тонкихъ подробностей. Иное становится очевидно прямо по географическимъ условіямъ (рѣки, ихъ источники и устья), другое по другимъ. Почему, напримѣръ, старинное Полоцкое княжество (отъ другихъ особое, Полочане) имѣетъ межеумочную полосу (Пинскъ, Туровъ, даже Берестье, т.-е. Брестъ-Литовскъ)? И почему Владиміръ-Волынское княжество оказываетъ притизанія на эти мѣста? И пр., и пр. и пр. Всякая вѣрная мысль подтверждается рѣшительно до мелочей; а у насъ и въ главныхъ, такъ сказать, топорныхъ чертахъ почти еще ничто не утверждено окончательно. Приходится, такимъ образомъ, одно изъ двухъ: *или* вдаться въ эти изслѣдованія (а имъ и конца не будетъ), *или* удовольствоваться тѣмъ, чтобы по главнымъ вопросамъ доискаться основъ, лишь основъ и ужъ намѣренно ни въ какія подробности не вдаваться: схватить лишь общія главныя черты, все и передать лишь въ общихъ чертахъ. Боясь растеряться въ мелочныхъ подробностяхъ, я и ищу составить свой матеріалъ (не говорю написать исторію) въ топорныхъ чертахъ. Съ одной стороны, это трудно, потому что надо быть очень увѣрену въ вѣрности того, что̀ дерзаешь выставить въ крупныхъ чертахъ; но съ другой и легко: отсѣкаются подробности. Жалѣю, что ужъ и забылъ, что̀ такое писалъ я вамъ по Русской Исторіи, что̀ вы нашли вѣрнымъ; потому что нѣтъ-нѣтъ просто хотѣлось бы спросить вашего совѣта то по одному вопросу, то по другому и знать, въ чемъ именно мы сходимся? Очень важна эта оцѣнка со стороны: такъ оно или не такъ представляется человѣку со свѣжаго воздуха?

Вотъ вамъ одинъ изъ такихъ запросовъ. Исторія Новгорода (такъ мы привыкли съ дѣтства по всѣмъ учебникамъ) ведется отличительно отъ всѣхъ прочихъ княженій. Учась Русской исторіи, занимаются все время неисчислимыми княженіями, гдѣ первенствуетъ Кіевъ, потомъ Владиміръ, потомъ Москва; а Новгородъ стоитъ отлично отъ другихъ. И вдругъ, въ Московскомъ періодѣ, Новгородъ втискивается заднимъ числомъ для того, чтобы тутъ же и покончить съ нимъ: молъ, присоединенъ къ Москвѣ. Это мнѣ всегда казалось отчасти правильнымъ (самъ не зналъ чѣмъ) и все-таки страннымъ; думалось: нѣтъ ли тутъ ошибки? Притомъ, сочинители «родоваго быта» видѣли въ Новгородѣ какой-то особый порядокъ, другимъ не присущій; а прочіе изслѣдователи, напротивъ того, усматривали всюду, а не только въ Новгородѣ, вѣче и миръ. Это и дало поводъ автору диссертаціи *Вѣче и Князь* выразиться такъ, что у Новгорода одна и таже исторія со всѣми прочими областями и «отличается лишь количественно, а не качественно». Всѣ наконецъ про Новгородъ говорили исключительно (И. Д. Бѣляевъ) и

у нихъ, казалось мнѣ, ложь перепутана съ правдой. Въ чемъ же дѣло? Выслушайте мою мысль и дайте отвѣтъ: такъ ли оно, какъ кажется теперь самому мнѣ?

Сидѣли роды-племена, каждое само о себѣ, отъ другихъ особо; помнили даже своихъ родоначальниковъ, то есть тѣхъ, кто поднялъ нѣкогда свой родъ-племя со стараго мѣста и перевелъ на новое (Кій, Вятко, Родимъ). Иные не помянуты, но все равно: ведутся у нихъ князьки своего рода племени (у Древлянъ—Малъ). У иныхъ не помянуты и князьки, все равно: очевидно, это племя; племенная особенность звучитъ въ имени: Сѣверъ, Сѣвера и т. д. И такъ, Славяне сидѣли племенами; имя рода-племени сказывало эту племенную особенность. Князья, призванные Новгородомъ «володѣти», забрали все, что̀ было Славянскаго; гдѣ только звучитъ языкъ Славянскій—то́ и ихъ. Впослѣдствіи, племенное областное чувство сказывалось въ желаніи каждаго племени, каждой области имѣть самобытнаго у себя князя (дѣлавшагося для той мѣстности какъ-бы прирожденнымъ со своимъ нисходящимъ потомствомъ). Прежнее чувство и понятіе князька (этой верхушки и крышки въ роду-племени) перешло и на владѣтельныхъ князей Рюрикова дома. А Новгородъ рода-племени никогда не составлялъ. Новгородцы—это выселенники изъ Стар-города, морскіе колонисты, торговое Варяжское населеніе, ватаги. Они не родъ-племя, какъ Вятичи, Поляне, Древляне; они—это и отмѣчено Несторомъ—просто Славяне. Понятно, почему такъ. Иначе и быть не могло съ выселенниками, съ колонистами, которые приходили ватагами. Новгородъ ихъ сборный пунктъ. Они просто—Славяне. Князь нуженъ былъ Новгородцамъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, какъ своего рода маклеръ торговыхъ сдѣлокъ и третьй при разныхъ пререканіяхъ; но и только. Но «владѣтельный» князь, да съ его еще тамъ политикою—имъ даромъ не нуженъ. Они только того и просятъ: будь у насъ маклеромъ и гдѣ нужно третьѣй; платить мы тебѣ будемъ хорошо; но «володѣти»» и никакой политики, ради Бога, не затѣвай. А князьямъ именно хочется «володѣти»; имъ любо у родовъ-племенъ съ самаго начала: въ Кіевѣ, у Древлянъ, у Сѣверянъ, всюду лишь бы не въ Новгородѣ. (Еще Дунайскій Святославъ сказалъ съ усмѣшкой: да кто жъ къ вамъ пойдетъ?). Когда дѣло пошло въ ходъ, и князья, ищущіе «володѣти», все болѣе и болѣе затѣваютъ прямо политику, Новгородцы имъ просто головой киваютъ: это, молъ, все вы тамъ заводите, а не у насъ; они на то Поляне, и Древляне и т. п.; а у насъ не затѣвайте: маклерствуйте, и только. Слѣдовательно, весь этотъ буйный духъ въ Новгородѣ вовсе не такъ буенъ противъ прочихъ, а у прочихъ вовсе не такъ «*терпѣливъ и покорливъ ужъ отъ природы*» (Погодинъ), чтобы

однимъ этимъ и объяснять себѣ всю разницу общаго строенія Русской земли противъ особенностей Новгородскихъ. Тутъ органическія причины: у Новгородцевъ одно строеніе, а у Полянъ, Древлянъ и пр. другое. Княженіе князей, ищущихъ «*володѣти*», по органическимъ причинамъ прививается на Югѣ; а у Новгородцевъ ему и мѣста нѣтъ. Но князь имъ, какъ маклеръ торговому народу и третья̆, не говоря уже о необходимости изрѣдка усмирятъ Чудь, еще нужнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ (гдѣ еще велись свои Ходаты и Малы). Князья понимаютъ это съ самаго начала, даже первопризванный Рюрикъ. Ярославъ вовсе не какой-нибудь непослушный сынъ противъ отца, противъ Владимира Святаго, что подъ конецъ забунтовалъ противъ старика; нѣтъ! а оцѣненный по достоинству Новгородцами, онъ самъ хорошо понимаетъ эту отличительность Новгорода и Новгородцевъ противъ остальной Русской земли. Когда онъ переходитъ «володѣти» въ Кіевъ, онъ, Ярославъ, и далъ Новгороду конституцію: слово въ слово конституція и значитъ уставная льготная грамота. «По ней ходите!» сказалъ онъ про писанную бумагу, это и былъ писанный договоръ власти съ народомъ. Новгородъ и пошелъ управляться по уставной льготной грамотѣ Ярослава, цѣлыя вѣка потомъ и ссылается онъ на свою конституцію. Очень ясно, что этотъ порядокъ могъ длиться во весь *такъ называемый* удѣльный періодъ (это неправильное названіе), и лишь въ такъ называемый удѣльный періодъ. Новгородъ могъ быть господиномъ, пока о бокъ не завелся другой господинъ, болѣе понимавшій къ чему онъ стремится. Въ такъ называемый удѣльный періодъ не было того «государева господства», которое завелось съ Москвы. Господа́ должны были сшибиться, и другой господинъ покончилъ съ Новгородскимъ господствомъ.

Если это такъ (я не упоминаю объ ушкуйникахъ, о распространеніи самихъ Новгородскихъ колоній—это все отсюда же), тогда понятно: пускай исторія Новгорода и идетъ въ общей исторіи Русской земли отличительно (намѣренно не говорю: особнякомъ); заднимъ числомъ объ ней и можно сказать при Москвѣ; а до тѣхъ поръ и важности нѣтъ никакой знать, какой тамъ князь сидитъ, тотъ или другой? Это очень важно лишь въ тѣхъ областяхъ, гдѣ князья обнаруживаютъ наклонность (и мѣстныя условія тому способствуютъ) удержаться въ родѣ своемъ. А въ Новгородѣ объ этомъ не могло быть и помину. Ссылаясь на свою конституцію, Новгородъ по ней и управляется. Большею частью, великій князь туда посылалъ старшаго сына, зная, что ему тамъ не усидѣть въ родѣ своемъ и что потомъ ему дастся отчина другая. Вотъ и отличительность Новгородской исторіи. Мнѣ кажется, что при этомъ взглядѣ дѣлается вполнѣ понятна внѣшняя исторія Новгорода и замиряются всѣ

кривотолки объ немъ какъ господъ поклонниковъ «родоваго быта», такъ и другихъ.

Еще одинъ вопросъ. Читали ли вы, если не ошибаюсь, это въ Воскресенской лѣтописи? (всѣхъ ихъ знаю въ лицо, а по кличкамъ не отличаю: такъ иные дома въ Москвѣ, знаешь ихъ самъ по привычкѣ, а по адресу никакъ не укажешь другому) читали ли вы шагъ за шагомъ и годъ за годомъ всѣ эти лѣтописныя мелочи, мало и отличающіяся другъ отъ друга, такъ что все сливается въ какую-то одну тишь и гладь... какъ вдругъ подкралось время присылки отъ Цареградскаго патріарха грамоты Андрею Боголюбскому съ отказомъ поставить митрополита во Владимирѣ, съ объясненіемъ и причинъ: почему такъ? Что это за *металлическая нота*, такъ сказать? Эпизодъ весьма замѣчательный! До этого времени словно кромѣ степи и степняковъ ничего и въ заводѣ нѣтъ во всей Русской исторіи. Опять и послѣ Боголюбскаго тишь да гладь степная, всѣ новости въ родѣ похода Игоря на Половцевъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ; опять-таки никакихъ «государственныхъ запросовъ». А этотъ эпизодъ звучитъ именно металлическою нотой. Но вотъ въ чемъ дѣло: не проглядываемъ-ли мы многаго въ нашей исторіи за этимъ, съ виду степнымъ, однообразіемъ? Не проглядываемъ-ли именно потому, что лѣтописецъ о многомъ умалчиваетъ, какъ объ извѣстномъ для всѣхъ въ его время, а мы самое неупоминаніе объ этомъ принимаемъ за доказательство, что ничего такого и въ заводѣ не было? Не проглядываютъ ли у насъ до сихъ поръ весьма сильнаго (и даже въ канцелярскомъ отношеніи весьма сложно обставленнаго) государственнаго дѣла въ Русской исторіи за все ея первое время? Не вдругъ же взялось такое положеніе вещей, при которомъ мыслима эта патріаршая грамота къ князю Андрею Боголюбскому. Это чуть не цѣлое ученіе объ «*имперіи*» въ собственномъ смыслѣ этого языческаго слова. Съ одной стороны, у насъ хотятъ видѣть сразу «государство на западный образецъ» еще при Рюрикѣ и жалѣютъ, что «Нормандскій обычай, система удѣловъ» (никакой системы не было), или еще что нибудь помѣшало чему-то. А съ другой стороны, проглядываютъ «государственное дѣло», которое было и велось. Олега рядятъ въ тогу и спрашиваютъ: достоинъ ли онъ вѣнца героя? а что Олегъ весьма толково договаривался съ Греками и что эти договоры подлинные, въ этомъ сомнѣваются. Такъ или иначе, но, скажите, помните ли этотъ отвѣтъ патріарха Боголюбскому? По моему, онъ очень замѣчателенъ. Мнѣ бы хотѣлось провѣрить собственное впечатлѣніе: такъ оно или не такъ?»

И. С. Аксаковъ, отвѣчалъ 6-го Сентября 1878 года:

«Мнѣ кажется, ваша мысль о значеніи князя въ Новгородѣ и объ истекающей отсюда отличительности исторіи Новгорода отъ обща-

го строя исторіи остальной Руси, *совершенно вѣрною.* Дѣйствительно, князь въ Новгородѣ не *володѣлъ*, а служилъ, цѣловалъ крестъ «быть княземъ на всей волѣ Новгородской». У меня нѣтъ книгъ подъ рукою, а хотѣлось бы справиться, носилъ ли Новгородъ при князьяхъ титулъ «господина» или «государя Великаго Новгорода». Есть купчая грамота, Новгородская, на землю (я читалъ ее у Неволина): «продаю азъ такому-то землю моего владѣнія *государя Великаго Новгорода отчины*». Таже формула въ современныхъ *Московскихъ* грамотахъ, съ замѣною имени Новгорода именемъ *князя.* Что̀ касается до Славянъ Ильменскихъ, прозвавшихся, какъ говоритъ Несторъ, *своимъ именемъ*, то мнѣ неясно, откуда они сюда залѣзли, съ Юга или съ Сѣвера? Если съ Юга, то можетъ быть сюда заползли и Поляне, оторвавшіеся отъ своего рода-племени и утратившіе свое племенное именованіе. (При этомъ объяснялось бы сходство нѣкоторыхъ рѣзкихъ особенностей Южно-русскаго нарѣчія съ говоромъ Новгородской губерніи, на что̀ указываетъ Кулишъ). Если съ Сѣвера, то пожалуй, что и такъ по вашему. Вопросъ въ томъ, Ильменскіе ли Славяне поставили Новгородъ, и сами они, Ильменскіе Славяне, только колонія поморскихъ Славянъ, или же Ильменское поселеніе само по себѣ, а Новгородъ самъ по себѣ? Во всякомъ случаѣ, на Новгородѣ лежитъ печать «вольнаго города» на манеръ Ганзейскихъ. Какъ вы объясняете себѣ названіе *Славянскій концъ*?

Исторія наша совершенно правильно начинается съ Рюрика. Рюрикъ и затѣмъ весь родъ его является истиннымъ носителемъ государственнаго принципа, государственнаго духа среди бытовыхъ племенъ, среди *земщины* Славянской. Бывшіе до Рюрика князья, такъ сказать, земскіе князья; въ Рюриковичахъ уже нѣтъ земскаго характера. По крайней мѣрѣ, въ великихъ князьяхъ слышится присутствіе государственныхъ замысловъ и идеаловъ. А съ принятіемъ христіанства изъ Византіи явилась совсѣмъ готовая теорія и формула, которая черезъ духовенство и книжниковъ проникла въ сознаніе князей и народа гораздо раньше практическаго примѣненія. Поминаніе князей на эктеніяхъ въ церквахъ, напримѣръ, риторическія привѣтствія, славословія, взяты готовыми изъ Византіи, такъ что не все степь да степь до Боголюбскаго. Вспомните присылку изъ Византіи короны Владиміру Мономаху; «шапка Мономаха»—царская регалія и до сихъ поръ. Это весьма металлическая нота. И *на новой почвѣ,* Суздальской, сильнѣе выступаетъ, чѣмъ на Кіевской и вообще западно-Русской, этотъ государственный новый строй. Вы чувствуете, что голубой фонъ вешняго, Кіевскаго періода Русской исторіи, сѣрѣетъ. Хоть Владиміръ, Переяславль—тѣ же родовыя названія городовъ, да уже климатъ гру-

бѣе. Суровѣе стало. Чины являются. При убіеніи Боголюбскаго упоминаются въ первый разъ *дворяне*. Тамъ, на Юго-западѣ все же земская жизнь была сильнѣе, имѣла больше историческихъ преданій; а здѣсь князья имѣли, какъ говорятъ Французы, les coudées franches: не съ чѣмъ и не съ кѣмъ считаться. Собственно патріаршую грамоту я смутно помню; но, сколько помню, вы опредѣляете ее, кажется, вѣрно, то-есть вѣрно, что придаете ей значеніе. Но формація государственная не останавливалась; сѣмя постоянно зрѣло, наливалось, пустило ростокъ, и цвѣткомъ разцвѣло уже въ Москвѣ. Смотрите, какая уже въ началѣ XIV вѣка и даже въ XIII является развитая гражданственность и *письменность*, гдѣ же? На землѣ почти безъ преданій, почти дикой: это не Поляне, даже не Вятичи и Родимичи. Москва и большая часть Суздальской земли, Ярославская земля—почва Финская (Меря, Мурома), колоніи Славянскія. Загляните въ духовныя князей, въ грамоты, въ этотъ замѣчательнѣйшій выработанный юридическій языкъ, которому слѣдовало бы давнымъ давно составить и издать словарь. Одни наименованія пошлинъ и всякихъ денежныхъ взысканій чего стоятъ! Вся эта государственная школа и цивилизація двигалась и передвигалась съ князьями. Это передвиженіе на Востокъ или Сѣверо-востокъ уже само по себѣ металлически звучитъ въ исторіи. *Безплеменное княжество провозглашаетъ единство; безъ всякихъ преданій земской, мѣстной, вообще исторической жизни, преданій кромѣ великокняжескихъ, династическихъ и государственныхъ.* Немножко à la Петербургъ. Что вы на это скажете?»

На это письмо Иванъ Сергѣевичъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ 9-го Сентября 1878 года.

«Не правда ли, что мысль о родахъ-племенахъ и о составившихся именно *по нимъ* княженіяхъ (болѣе или менѣе, потому что есть и др. факторы) наводитъ сама собою еще на слѣдующую, отсюда вытекающую мысль? Географическое мѣсто, ему же имя Москва, составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ *tabula rasa*. Вѣдь, оно такъ и есть. И меня очень обрадовало, что вы меня объ этомъ спросили. Но, кажется мнѣ, совсѣмъ иначе надо сказать: à la Петербургъ—это не такъ. Вопервыхъ, здѣсь дѣйствительное и естественное средоточіе. Москва—это наша Месопотамія, то-есть междурѣчіе: страна между Волгой и Окою, и по середкѣ еще Москва-рѣка. Ужъ по одному этому сама исторія ищетъ этого мѣста; не то что какъ этотъ бѣднякъ Петръ, котораго только обстоятельства вытѣснили и выбили на Сѣверъ, и онъ выбился къ морю хоть тамъ. А по своему Русскому чувству (великій Русскій человѣкъ это былъ, хотя смолоду былъ *физіологически* боленъ

болѣзнью, ей же имя московщина, бородатые стрѣльцы) онъ искалъ Цареградскаго берега; его тянуло къ Черному морю... а ужъ только потомъ къ морю вообще—хоть тамъ. А во 2-хъ, есть тутъ и болѣе существенное дѣло. Племена жили-были себѣ, и задолго до Рюрика сложили свой бытъ: всякій молодецъ на свой образецъ. Кіевъ, Черниговъ и проч. образовались въ доисторическое (хочу сказать только до-Рюриково) время. А Москва образовалась, зачалась и пошла уже во время историческаго процесса, въ то именно время, которое по преимуществу дѣлало нашу исторію. Это по преимуществу исторіею сдѣланная «политическая мѣстность», вся образовавшаяся въ историческомъ уже процессѣ, съ самаго своего начала. Это очень важно. Кіевъ, Черниговъ и проч. поэтому (можно такъ выразиться условно) имѣли нѣкоторый оттѣнокъ какъ бы мѣстнаго провинціализма, были запечатлѣны физіономіею своего собственнаго провинціализма (условно говорю),—а Москва нѣтъ. Это прямо—*вселенское* относительно и Кіева, и Чернигова, и Новгорода, и Полоцка. Тутъ *вся* Русь. Москва прямо сложилась по тому политическому типу, на тотъ образецъ, который былъ выработанъ такъ называемымъ удѣльнымъ періодомъ во всѣхъ прочихъ княжествахъ и городахъ, но безъ оттѣнка мѣстнаго провинціализма (нисходящаго своимъ источникомъ до глубины родовъ-племенъ). Однакожъ, слѣдовательно, это не то чтò городъ безъ преданій (лишь при этомъ можно бы было сказать: à la Петербургъ). Нѣтъ, другое! Это исполненіе чаянія удѣльнаго періода. Въ этомъ смыслѣ правъ Константинъ Сергѣевичъ, сказавъ: «періодъ удѣловъ кончился, когда найдено было искомое, къ которому онъ стремился—Москва». Вдобавокъ къ этому: здѣсь, именно здѣсь, дѣйствительное замиреніе нашего Сѣвера и нашего Юга: такъ даже со стороны флоры и фауны. Новгородъ—ель да сосна; за нимъ къ Студеному морю—мохъ да болота. Кіевъ на рубежѣ поля, степь—ковыль, тополь пирамидальный, букъ, дубъ,—и синее теплое море уже близко. Москва ничуть не Великороссія и не Малороссія: она органическое замиреніе того и другаго. Въ географическомъ отношеніи—тутъ *береза* и дубъ, и кленъ, и липа, но ужъ также ель да сосна. Такъ и все. Тутъ локотокъ объ локотокъ сближаются оба населенія: и Юга и Сѣвера. Всѣ силы земли, даже дальній Галичъ, участвуютъ въ сложеніи Москвы, въ ея крови, въ ея ростѣ и строѣ. (Новгородъ также, какъ и Кіевъ). Но и конца бы не было перечислять всѣ такія подробности, разъ мы напали на эту тему.

Отведу ваше вниманіе на другое; но, собственно говоря, это будетъ тоже самое. Что такое Великороссія и чтò такое Малороссія? Прежде я думалъ, что Малороссъ и Великоруссъ двѣ разновидности,

которыхъ Москва явилась органическимъ замиреніемъ и что Малороссы—это Поляне, а Великоруссъ—это Новгородъ; я говорилъ: Москва ни то ни другое, а точка безъ различія или примиреніе двухъ крайнихъ полюсовъ. Теперь я говорю тоже самое, но по другому. Мнѣ кажется теперь только, наконецъ, я правъ. Разсудите меня. Вотъ вамъ и новый запросъ, по которому жду отвѣта. Вотъ въ чемъ дѣло: что Москва органическое замиреніе Сѣвера и Юга—это вѣрно, это и остается; что Новгородъ Великоруссъ, это также вѣрно; но чтобъ Поляне были «*Малороссами*» — это неправда. Дѣло въ томъ, что выраженія «*Малороссъ*» и «*Великоруссъ*», какъ они нынѣ употребляются на разговорномъ языкѣ—термины позднѣйшіе и ровно ничего не значутъ, когда говорятъ о Полянахъ. Поляне Кіевскихъ мѣстъ и позднѣйшіе Хохлы не одно и тоже. Существенное отличіе Великорусскаго типа отъ Малороссійскаго въ томъ, напримѣръ, что первый далъ Донскаго казака, а второй—Запорожца: ихъ не смѣшаешь другъ съ другомъ. Но Донскіе казаки и Волжинскіе прямо сродни Новгородцамъ, а Запорожцы—не отъ Полянъ. Терминами «*Великоруссъ* и «*Малороссъ*» изначала любили и сейчасъ любятъ злоупотреблять Поляки; для Поляка и Москва—Великоруссъ! А я настаиваю, что пока подъ Великороссіей разумѣютъ Москву и говорятъ: Великороссія, т.-е. Москва, или еще нарѣчіе Великорусское, т.-е. молъ, по преимуществу Московское—до тѣхъ поръ говорятъ вздоръ. Нѣтъ нарѣчія Московскаго: это Русскій языкъ; но онъ же не есть «Великорусскій». Языкъ Русскій, или, чтò тоже самое, Русскій народъ—историческій языкъ и народъ. Первоначально Кіевъ «дѣлалъ Русскую Исторію»; и Русскій языкъ, и Русскій народъ зачались здѣсь; весь этотъ періодъ и зовутъ Кіевскимъ. Потомъ, стремя Русской исторіи обратилось на Сѣверъ: это ужъ Владимирскій или, прямо скажемъ, Московскій періодъ. А Хохлы никогда не «дѣлали Русской исторіи»; они входили въ нее едва замѣтной струей во время Кіевскаго періода и тогда смѣшивались въ общемъ потокѣ Русской исторіи; потомъ, оторвавшись отъ нея, замерли въ Запорожцевъ и окончательно кристализовались въ мѣстный провинціализмъ уже подъ вліяніемъ польщизны. Есть несомнѣнно типъ «Великорусскій» въ собственномъ смыслѣ—это *Новгородъ.* Да! Древній Новгородецъ—вотъ Великоруссъ какъ провинціализмъ мѣстный. Но Москва не Великороссія въ этомъ смыслѣ. Она и сейчасъ—замиреніе обоихъ типовъ. Несторовы Поляне гораздо ближе подходили къ стариннымъ Новгородцамъ, чѣмъ такъ называемые позднѣйшіе Хохлы, чѣмъ сами нынѣшніе Малороссы подходятъ и къ древнему, и къ нынѣшнему Новгородцу. Итакъ, нѣкогда Новгородъ и Кіевъ, Новгородцы и Поляне, были двѣ дѣйствительныя разновидности, два полюса про-

тивуположныхъ,—и Москва явилась дѣйствительною точкой замиренія двухъ этихъ разновидностей. Но Новгородецъ, какъ изстари, такъ и сейчасъ, составляетъ дѣйствительно особый типъ, собственно такъ называемый въ тѣсномъ смыслѣ «*Великорусскій*»; Поляне же, имѣвшіе свой отпечатокъ собственнаго же мѣстнаго провинціализма, встарь вовсе не имѣли нынѣшняго Малороссійскаго оттѣнка: они не Хохлы.

Путаница еще увеличивается тѣмъ, что на нынѣшнемъ разговорномъ языкѣ берутъ термины «*Малороссъ*» и «*Великоруссъ*» то за политическіе термины, то за этнографическіе, по произволу. Такимъ произволомъ въ употребленіи этихъ терминовъ и затемнѣніемъ ихъ настоящаго смысла опять-таки отличаются Поляки. Царь Алексѣй Михайловичъ, да и раньше Иванъ Грозный и даже Третій, очень рады величать себя *Великая Россія*,—понятно въ какомъ смыслѣ. Это смыслъ уже чисто-политическій. И въ этомъ смыслѣ, разумѣется, Москва значится на первомъ планѣ: выходитъ такъ, что такъ какъ она здѣсь главная, то она-то даже и главный, дескать, Великоруссъ! Ничуть не бывало.

Что-жъ такое, наконецъ, «*Малороссъ*» и «*Малороссы*»? Хоть въ зачаткѣ не были ли ими тѣ сами Несторовы Поляне? Ибо, можно сказать: положимъ, при Полянахъ не было ни слова, ни понятія «Малороссіи»; но однакожъ, напримѣръ, типъ старовѣра, Великорусскій типъ старообрядца, существовалъ же, когда еще и слова не было старообрядецъ? Чтожъ такое «Малоруссъ», именно какъ этнографическая разновидность? Это степь даже до подошвы Кавказскихъ горъ; это степныя станицы кочевыхъ Славянскихъ племенъ, чуть не со Скиѳами мѣшающіяся, потомъ съ Хазарами, потомъ съ Половцами. Это Берендѣи, Ковуи и прочіе Черные Клобуки, «яже зовоміе Черкасы» и т. д. и т. д. Всѣ они, въ эпоху Кія, этого родоначальника рода-племени Полянъ, мѣшались въ Черноморскихъ степяхъ съ Азіатскими народцами-степняками также точно, какъ и въ княжескія времена. При князьяхъ они уже составляли очень замѣтную южную примѣсь, разселенную по *Роси*—примѣсь, если не собственно Азіатской крови, то все-таки однакожъ Азіатскую, потому что сами, наконецъ, Ясы и Касоги—кто же они? Вотъ эта-то «южно-русская» степная примѣсь, дававшая себя слышать во времена Полянъ лишь на окраинахъ этого рода-племени, потомъ постоянно подваливала все болѣе и болѣе къ Кіеву изъ Черноморской степи. Изъ нихъ образовалось тутъ ужъ очень густое народонаселеніе еще до Татаръ. Потомъ оно и стеклось къ Кіевскимъ оставленнымъ мѣстамъ послѣ Татаръ. Когда наконецъ волны Татарскаго нашествія схлынули съ здѣшнихъ мѣстъ—эти самыя станицы, сохранивъ за собой наслѣдіе отъ Татаръ въ самомъ

имени *казакъ*, и выступили здѣсь хозяевами: южными казаками Малороссійскаго типа, Запорожскаго, а не Донскаго. Историческое стремя тогда уже перешло совсѣмъ на Сѣверъ; такъ какъ они, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, совсѣмъ оторвались отъ этого историческаго стремени, то и застыли и кристаллизовались въ мѣстный провинціализмъ.

Это очень важный вопросъ въ исторіи нашего языка, то есть Русскаго народа. Этимъ упраздняются всѣ споры Максимовича съ Погодинымъ. Совершенно справедливо то, что̀ я всегда отъ васъ слышалъ: Малороссія—это кристаллизовавшійся провинціализмъ. Но вокругъ чего, какого ядра, сложился кристаллъ? И Польщизна, и поэтическій климатъ, и свобода отъ Татаръ (сравнительно съ Сѣверомъ все-таки свобода)—тутъ много было факторовъ, обособившихъ здѣшнюю мѣстность и придавшихъ ей особый колоритъ. Но главное и существенное обособленіе началось еще во времена Кіевскаго главенства—именно отъ «*Поросъскаго*» населенія. Торки и остатки разныхъ Черноморскихъ кочевыхъ скопищъ, поселенныя подъ Переяславлемъ на Альтѣ; Ревуги и Шельбиры, Могутные и Татраны, поселенные въ Черниговскихъ мѣстахъ; наконецъ Ковуи и Берендеи и весь Чорный Клобукъ «яже зовоміи Черкасы» подъ Кіевомъ—вотъ заготовляющееся народонаселеніе будущей «Малороссіи», т.-е. будущіе Хохлы. Вначалѣ все это входило, какъ малая струя, въ общее стремя складывавшагося тогда Русскаго народа и Русской исторіи; а впослѣдствіи, когда по лѣтописному выраженію «разодралась земля Русская» (говорю про время Татаръ и послѣ Татаръ) все это и замерло въ нѣкоторый исключительный и совершенно-особенный мѣстный провинціализмъ, прямо подъ вліяніемъ польщизны—именно въ силу того, что оторвалось отъ настоящаго центра, двигавшаго развитіе дальнѣйшихъ историческихъ судебъ Русскаго народа. Мнѣ хочется вашимъ отвѣтомъ провѣрить себя; а разъ допустить теперешнее мое объясненіе—многое доскажется: оно чревато и дальнѣйшими объясненіями (по отношенію, наприм., къ вопросу о Донскихъ казакахъ и Запорожцахъ; о ближайшемъ сходствѣ Карпатской Руси съ Великоруссомъ, а не съ Малороссомъ, и т. д.

Что васъ такъ смущаетъ приходъ Новгородцевъ отъ сѣверныхъ, Поморскихъ Славянъ? Варяги, по выраженію Нестора (а онъ зналъ Русскій языкъ и не разумѣлъ подъ Варягами этнографическаго термина) Варяги сидятъ по морю (Финскій рукавъ Балтійскаго моря) даже до Мордвы и Волжанъ (Болгаръ), «ссѣдятся съ племенемъ Симовымъ»—и даже далѣе на Востокъ, подходя чуть не къ Арабамъ. Въ Новгородѣ съ давнихъ поръ—амальгама, какъ впрочемъ амальгама вездѣ по прибрежью сѣверныхъ морскихъ Славянъ. Варягъ—это въ нѣкоторомъ родѣ и есть амальгама изъ Шведовъ, и Готовъ, и

Славянъ, и Датчанъ... «Славянскій конецъ» въ самомъ Новгородѣ то самое для тамошняго Норманна (выражусь такъ) что *Альдога*—для Славянина. *Альдога* подъ носомъ у Новгорода, и Славянина *Альдога* нимало не смущаетъ. Впрочемъ, я можетъ быть невѣрно понялъ вашу мысль и не уяснилъ во всей значимости о чемъ вы меня спрашиваете».

Очевидно изъ приведеннаго письма, что собесѣдникъ И. С. Аксакова не поскупился утруждать его разными вопросами по своей спеціальности; удивительно еще, какъ Варваринскій заточникъ находилъ время для такой переписки, когда и тамъ, въ Варваринѣ, его осаждали со всѣхъ сторонъ „злобою дневи". Это и сказалось, между прочимъ, въ его отвѣтномъ письмѣ.

«До сихъ поръ не собрался вамъ отвѣчать», пишетъ И. С. Аксаковъ отъ 20-го Сентября 1878 г. «Увы! мнѣ и здѣсь не даютъ покоя съ просьбами и ходатайствами... Очень отрадно было мнѣ узнать, что во имя мое собрали сыну попа Зимонича денегъ; мнѣ очень дорогъ этотъ знакъ вниманія и памяти. Я получилъ съ оказіей же письмо... одного... превратившагося въ яраго Сербскаго патріота, избраннаго глуповатыми Сербскими дѣятелями въ посредники «между Сербскою и Русской національной партіей»!?! Ужъ онъ однажды нагрянулъ въ Варварино, направленный сюда другимъ «дѣятелемъ»... но я его часа черезъ два же назадъ отправилъ.... Скверная сторона всякаго общественнаго дѣла, особенно же съ политическимъ характеромъ, это множество *моли*, которое оно поднимаетъ. Дѣло совершено и сдано въ архивъ, а еще долго будутъ сновать всякаго рода «дѣятели», непризванные и непрошеные, страстные охотники до секретныхъ миссій, до роли политическихъ агентовъ и т. п.

Вполнѣ согласенъ съ вами на счетъ Москвы; только едва ли вѣрно ваше выраженіе, что «она вся сложилась по тому историческому типу, на тотъ образецъ, который былъ выработанъ удѣльнымъ періодомъ во всѣхъ прочихъ княжествахъ и городахъ; но безъ оттѣнка мѣстнаго провинціализма». Едва ли это такъ. Во всѣхъ городахъ, кромѣ Москвы, бывали вѣча, въ Москвѣ ихъ не бывало. Вѣча—это не провинціализмъ; это общій всѣмъ племенамъ строй мѣстной земской жизни. Не историческій типъ *удѣльнаго періода* лежитъ на немъ (? Московскомъ княженіи), а сразу налагается характеръ чего-то совсѣмъ новаго, грядущаго самодержавія и всероссійства, какъ искомаго. Тутъ не было именно *мѣстной земщины*. Этого и не было нужно. Но оттого Москва и тяжела пришлась, что вездѣ передавила не только политическую, но и всякую мѣстную автономію. «Хочу княжить въ Новгородѣ, какъ княжу въ Москвѣ»... идеалъ *самодержца* предносился (не только единовластца, какимъ былъ одно время и Ярославъ, но

выраженію, помнится, Нестора) предъ нашими князьями Мономаховичами постоянно. Я хочу только пояснить свои слова, почему я сказалъ, что Москва—городъ безъ преданій мѣстныхъ. Мысль ваша о томъ, что удѣлы отвѣчаютъ родамъ-племенамъ очень плодовита, но вѣдь на этомъ дробленіе не остановилось. Если сначала пришлось удоволить мѣстные провинціализмы, снабдивъ ихъ князьями, то въ слѣдующемъ поколѣніи этой надобности уже не было. А дробились до безконечности, какъ дробятся и теперь наслѣдственныя вотчины у дворянъ, такъ что въ принципѣ удѣльномъ есть какое-то свое самостоятельное происхожденіе, независимое отъ родовъ-племенъ».

«Что касается вашей мысли о томъ что̀ такое Малороссъ и Великоруссъ, то мнѣ кажется она очень остроумною и основательною. Откуда взялся Малороссъ современный, или съ его казацкимъ типомъ—все что̀ вы говорите, это безусловно вѣрно. Замѣчу только кстати, что Черкасами называли себя и Донскіе казаки, и у нихъ главный городъ Черкаскъ, и тутъ было не безъ примѣси Азіатской, хотя Великорусскій элементъ преобладалъ и превозмогъ окончательно. Но чѣмъ же замѣнить названіе *Великорусскаго* для той этнографической стихіи, которая выражается этимъ словомъ и сказывается въ цвѣтѣ волосъ, въ чертахъ лица, въ бородѣ, въ языкѣ? Называть «Новгородскимъ?» Такъ что путать все-таки придется; придется и Вятичей и Родимичей причислять къ Новгородскому типу (вѣдь Вятичи жили, кажется, въ нынѣшней Калужской губерніи). Знаете что̀? Древній *политическій* терминъ Великороссіи, дѣйствительно, обнимаетъ собою и всю настоящую этнографическую Русь. И теперь вѣдь Рязань говоритъ иначе чѣмъ Ярославль, Кострома имѣетъ свой говоръ, Олонецкая губернія свой; есть *аковцы, оковцы*, цекавцы и пр., но все «Великоруссы» въ смыслѣ даже этнографическомъ: всѣ съ бородами; существенный типъ одинъ, такъ что терминъ этотъ можетъ быть оставленъ какъ и этнографическій. Что̀ не Великорусскій типъ, то не чистый Русскій типъ, а ополячившійся или обазіатившійся. Можетъ быть, Поляне въ старину не больше рознились отъ Новгородцевъ, чѣмъ Вятичи, въ этнографическомъ смыслѣ. Замѣтьте одно, что преданія о Кіевѣ, о Владимирѣ поются только на Сѣверѣ, на Востокѣ, а не въ самой Малороссіи. Если таковыя преданія могли быть утрачены въ Малороссіи, то тѣмъ легче предположить совершенное уклоненіе Малороссійскаго типа отъ древне-Полянскаго. Это ужъ новый, казацкій типъ, который едва ли знали Поляне. Подъ господствомъ этого типа Малороссія называетъ себя—замѣтьте—*Украйной*. Это *народное* названіе, а *Малороссія*—книжное, ученое, политическое. Впрочемъ, и Поляки называютъ Малороссію Украйной. Но что̀ вы скажете про

названія: Бѣлая Русь, Червонная Русь, Черная Русь? Это откуда взялось? Чтó вы скажете однако про оселедецъ Святослава, на который съ такою гордостью указываютъ ученые хохлы, видя въ немъ прототипъ казака? Я ужъ забылъ, Несторъ разсказываетъ объ оселедцѣ или Греческій лѣтописецъ, Анна Комненъ или кто другой. Если Несторъ, то самое тó, что онъ это записалъ, доказываетъ, что таковъ былъ личный вкусъ Святослава, подражавшаго, можетъ быть, Болгарамъ или Половцамъ или кому-либо изъ сихъ и имъ подобныхъ».

«Слѣдуетъ, вмѣсто Великорусское *племя*, употреблять выраженіе: Великорусскій *типъ*. Для меня вопросъ между прочимъ сводится къ *бородѣ*. Носили ли бороду Вятичи и Поляне? Первые теперь носятъ. Не подъ замиряющемъ же вліяніемъ Москвы отпустили они бороду! Борода есть существенный этнографическій признакъ такъ называемаго Великорусскаго племени. Борода, рубашка *сверхъ* шароваръ. На фрескахъ Софійскаго собора рубашка сверхъ шароваръ; есть и бородатые и безбородые. О какой мѣстности говоря, упоминаетъ Несторъ о баняхъ; помните: добровольно себя мучили, жгли и т. д.? Потому спрашиваю, что Несторъ, значитъ, живя среди Полянъ, знавалъ бани, а Малороссія *никакихъ банъ не знаетъ,* и обычая этого нѣтъ: это стало чертою Великорусской. Все это вамъ данныя для разработки вопроса».

На это письмо отвѣчалъ собесѣдникъ И. С. Аксакова уже цѣлымъ посланіемъ со множествомъ историческихъ выкладокъ.

«... Съ прихода Варяговъ въ каждомъ городѣ завелся Кремль, притонъ князя съ дружиной. Съ принятіемъ православной вѣры тутъ же соборъ, духовная сѣнь—дворъ митрополичій, или архіепископа, или епископа, или (какъ въ какомъ нибудь Друцкѣ) просто духовника княжескаго. Какъ Кремль знаменуетъ резиденцію князя (самость, самостоятельность столицы на всю прилегающую къ ней область, *о себѣ особо*), также точно и свой собственный соборъ въ городѣ. Если во взаимныхъ походахъ другъ на друга княжества на княжество (а это иногда значитъ только князя на князя, а иногда и народонаселенія на народонаселеніе) они грабятъ, жгутъ церкви, снимаютъ соборныя паникадила, срываютъ колокола и пр. даже съ особеннымъ ожесточеніемъ—это не отъ нечестія, не отъ посягательства на святотатство, а отъ того, что самостоятельность собора, даже просто главной Кремлевской церкви—символъ и политической особности; а этого-то, молъ, и не смѣй! Вамъ, дескать, Владимирцамъ—Суздаль да Ростовъ приходъ, а своего прихода не затѣвай! И такъ, Кремль подъ сѣнію святыхъ соборовъ—вотъ, прежде всего, образецъ и типъ, выработанный исторіею Кіевской Руси. Далѣе. Дворъ княжескій, дружина, мужи, отроки (какъ и все остальное включительно «до имѣнія княжескаго»

и разграниченія его съ некняжескимъ) началось съ прихода Варяговъ, завелось и обзавелось такъ именно, какъ на первыхъ порахъ было проще и удобнѣе. В. такое мало по малу устроивалось, складывалось и видоизмѣнялось на разстояніи удѣльныхъ вѣковъ въ зависимости отъ всей же совокупности тогдашнихъ обстоятельствъ и условій. Рюрикъ, напримѣръ, разослалъ по городамъ «*мужи свои*», братьевъ, родню, наконецъ и просто *мужей*. Все это были очень важныя и, что̀ называется, высокопоставленныя особы. Многихъ (какъ напр. Рогвольда въ Полоцкѣ) отъ Рюрика не отличишь; они даже смѣшиваются. Мало по малу все это перевелось или видоизмѣнилось совершенно. И тутъ перемѣна идетъ съ двухъ концовъ. Съ одного конца сама дружина отпадаетъ отъ князя. Не говорю уже о переводѣ дружины изъ Варяговъ, подобно тому, какъ ее перевелъ Владимиръ святой, когда отослалъ буйныхъ Варяговъ въ Грецію и тайно писалъ, чтобы ихъ болѣе на Русь не возвращали; а просто, дружина отпадала отъ князя, напримѣръ, при его смерти. Иногда она переходитъ къ сыну или вообще къ наслѣднику, но иные и не хотятъ перейти. Вездѣ обозначается: дружина старая, старики дружины отца и дѣда, часто при молодомъ князѣ отстраненные отъ дѣлъ и вообще не у дѣлъ. Эта часть дружины просто сидитъ въ городѣ, какъ богачъ-землевладѣлецъ, и въ городѣ имѣетъ силу, власть, и почетъ, и деньги, а за городомъ въ области—свои полусамостоятельныя земли. Съ другаго конца, къ этимъ Тукды, Тюдорамъ, Ратмирамъ изъ самого народа примыкаютъ разные Жирославичи, Добрыничи, наконецъ пожалуй Кучковичи. Эти, вовсе не Варяги сначала (ни въ ярлахъ, ни въ боярахъ не были), по своему бытовому типу и положенію прямо примыкаютъ къ нимъ. Слово *дружина* переходитъ въ нарицательное существительное и значитъ всякую сборную единицу; а при князѣ заводится—дворъ, дворяне и т. д. Выраженіе «бояре, бояринъ» (позднѣе, при Московскихъ царяхъ опять означающіе чинъ) сходитъ въ то время на простое выраженіе: верхній классъ, самое высшее сословіе(чего не было при Рюрикѣ, когда, напримѣръ, Аскольдъ и Диръ «бяста боярина, но не рода его»). Все это, повторяю, какъ и въ разныхъ имущественныхъ отношеніяхъ, движется, развивается, видоизмѣняется изъ вѣка въ вѣкъ, и вотъ Москва возникаетъ по всему этому именно, строясь и складываясь уже на готовый, исторіею созданный образецъ. Ясно, причемъ тутъ будетъ *вѣче* (съ оговоркою, что на Москвѣ-рѣкѣ никакого рода-племени Славянскаго, самого о себѣ отъ другихъ особаго, не сидѣло). Съ одной стороны этотъ княжескій и княземъ устроенный городъ не имѣетъ «*мѣстной дружины*» въ двухъ смыслахъ. Во 1-хъ) не имѣетъ Древлянъ съ ихъ княземъ Маломъ; извѣстный изслѣдователь старины,

въ своемъ сочиненіи *княжеская и до-княжеская Русь*, Пассекъ именно это, то есть все мѣстное населеніе, изстари управлявшееся родомъ своимъ, и зоветъ дружиною, — и это ошибочно. Во 2-хъ) Москва съ самаго начала (что̀ повелось еще со временъ Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ на Клязьмѣ) имѣя лишь дворянъ, дворъ князя, не имѣетъ и Радшей и Тюдоровъ, столповъ еще Варяжскаго времени, отпавшихъ отъ непосредственной службы князю и осѣвшихъ по разнымъ Суздалямъ да Ростовамъ какъ столпы, которыхъ и свернуть трудно. Итакъ ясно, что Москвѣ старинныхъ *вѣчей* нечего и имѣть; но съ другой стороны все же Московское народонаселеніе съ древнѣйшихъ временъ и до Ивана Грознаго, и далѣе, особенно при Шуйскомъ и въ смуту, и даже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сходится на *вѣче*, если подъ этимъ разумѣть простой обычай совѣщаться міромъ о мірскихъ дѣлахъ. Всему Московскому населенію это вовсе не чуждо; это и ему «за обычай» просто на просто также, какъ это «за обычай» на всей Руси сходиться для совѣщанія. Рости княжеской власти до череды царской въ Москвѣ поэтому, конечно, очень удобно. Отческая власть всегда и по существу дѣла самодержавна; идеалъ самодержца исконный, онъ таковъ еще въ Славянской семьѣ; это — естественный обычай, и къ тому естественно идетъ княжеская власть. Запечатлѣно же оно византійствомъ и татарщиной въ нѣкоторый спеціальный оттѣнокъ; но это ужъ иное дѣло и, во всякомъ случаѣ, второстепенность.

Намекъ, что роды-племена дали княжества, не надо доводить до какой нибудь всеисключающей теоріи, а ужъ подавно до доктрины. Въ отдаленнѣйшіе, еще такъ сказать библейскія времена Славянщины, всякій меньшой въ семьѣ могъ сдѣлаться старшимъ, взявъ свой нисходящій родъ съ собою и уведя его на новоселье, гдѣ уже и самъ «княжилъ въ родѣ своемъ». Не больше; да больше ничего и не надо. Но, съ другой стороны, весьма понятно, что это общее «*родъ-племя*» (все равно — Древляне-ли, Поляне-ли, Вятичи-ли, Родимичи-ли) по существу дѣла, можетъ еще дробиться на мелкія и мельчайшія части; и это дробленіе (также выражаясь княжествами, то есть когда княжій домъ распался на отдѣльныя колѣна, а потомъ еще колѣна разбились на поколѣнія и т. д.) будетъ совпадать съ дробленіемъ, уже такъ сказать, фамильныхъ разновидностей самого рода-племени. Тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Такъ напримѣръ Полочане сидятъ особо отъ Полянъ. Довольно для нихъ имѣть собственнаго князя, Полочанамъ противъ Полянъ. Это сразу и дано имъ въ Рогнѣдичахъ; но затѣмъ, копнитесь самихъ Полочанъ, и вы сейчасъ увидите, что вообще Полочане, довольныя особымъ княземъ противъ Полянъ, еще не будутъ довольны въ собственныхъ, родственныхъ счетахъ между собою. Тутъ сейчасъ выглянутъ напримѣръ (беру только часть) старинные Дряго-

вичи. И вотъ, между самими Полоцкими князьями впослѣдствіи раздробятся естественно ихъ владѣнія по этимъ фамильнымъ разновидностямъ (какія нибудь особыя княженія: Туровъ, Пинскъ и др.). Напримѣръ, еще Сѣверяне. На весь ихъ край, на весь ихъ родъ-племя стольный ихъ городъ Черниговъ, и противъ опять-таки Полянъ вся Сѣвера довольна имѣть особаго князя. Она и имѣетъ его; а копнитесь опять самихъ Сѣверянъ и сейчасъ опять увидите разныя разности. У нихъ есть, во первыхъ, по рѣкамъ дальные выселки: племя *Ерза,* Рязань; есть и украйна — межеумочное мѣсто къ *Лѣсу* (Вятичи) и къ *Полю* (степь), это нынѣшнія Курскія мѣста. И вотъ, со временемъ, заводятся особыя княженія: у одного стольный городъ Рязань, у другаго— Новгородъ-Сѣверскъ и т. д. до безконечности. Но не въ этомъ дѣло, и не это важно. (Китайскій былъ бы это трудъ до ниточки прослѣдить и подтвердить намекъ о «родахъ-племенахъ» въ началѣ нашей исторіи: довольно уже это чуять чутьемъ хоть въ общихъ чертахъ, чтобы опознаваться въ главномъ ходѣ исторіи). А дѣло и важность въ томъ, чтобы, напавъ на слѣдъ этого и выставя это хоть въ главныхъ чертахъ—далѣе не блуждать вкривь и вкось въ этомъ «саморостѣ» Русской исторіи, признавая тутъ какую-то Норманскую систему. Дѣлить сыновей поровну—коренной Русскій обычай; владѣть сообща родомъ своимъ, такъ что при старикахъ-дядяхъ дѣти одного изъ умершихъ нераздѣлившихся братьевъ наслѣдуютъ лишь то, чтò дяди имъ добровольно выдѣлятъ, какъ сиротамъ, а то еще и вовсе не выдѣлятъ— это также исконный Русскій обычай. При чемъ тутъ Норманы? Ничѣмъ не лучше Нормандской системы и Соловьевскій «родовой бытъ» и прочія доктрины и системы. Оно такъ дѣйствительно и было, что княженія давали подъ-княженія, какъ колѣна князей—поколѣнія. Наконецъ, «удѣлъ» сошелъ просто въ «выдѣлъ» того или другаго одиночнаго города: города стали дѣлиться (уже это даже не помѣщики-князья, а князья-однодворцы) по улицамъ; еще хуже: улицы по дворамъ.

Теперь о Малороссіи и Великороссіи. Надо, наконецъ, упразднить этотъ вопросъ Погодина съ Максимовичемъ: «по каковски говорили Владимиры Мономахи и Юріи Долгорукіе—по Малороссійски или по Великорусски? Самое то, что Малороссія не поетъ пѣсенъ Кіевскаго періода, доказываетъ, что «*Малороссъ*» въ этнографическомъ смыслѣ—южный, съ примѣсью азіатства, степнякъ и этотъ степнякъ кристаллизовался въ Малоросса—позднѣе, притомъ подъ вліяніемъ Польщизны. Но это еще и доказываетъ, что терминъ «Великороссъ»—терминъ опять-таки политическій: все, чтó дѣлало Русскую исторію включительно и съ Московскимъ государствомъ, тò и поетъ Кіевскія пѣсни; а чтò не дѣлало общей нашей исторіи—то и знать не знаетъ этихъ пѣсенъ. Итакъ, Поляне вовсе не

Малороссы или, что̀ тоже самое, «Малороссы» вовсе не древніе Несторовы Поляне. Украйна—слово слишкомъ Русское, мѣткое слово; оно употребляется въ разныхъ случаяхъ и всегда порусски мѣтко. Полякамъ свойственно разумѣть подъ этимъ словомъ лишь то, что̀ именно имъ угодно. Вы вѣдь знаете, что упоминаются Вятскія и Сибирскія украйны, даже Рязанскія и прочія. Но есть одна въ Русской Исторіи собственно такъ называемая Украйна, Украйна по преимуществу, просто Украйна. (Какъ много «лѣсовъ» и «залѣсій» и «полѣсій; но есть Великій *Лѣсъ*, лѣсъ собственно такъ называемый; лѣсной кряжъ даже и нынѣ дающій себя знать). Итакъ, что̀ такое Украйна? Мы какъ будто—представьте себѣ—присутствуемъ при мірозданіи не только Русской Исторіи, а того мѣста, гдѣ уготовляется жилье для человѣка, для Русскаго народа. Пространство отъ Кіево-Днѣпровскихъ мѣстъ, и отъ Чернаго моря до Каспійскаго—только что осохшее дно морское (Каспій понижается еще и сейчасъ; еще даже геологически Русская территорія складывается). Кіевъ на рубежѣ Поля; это Поле тянется на Востокъ, сливаясь съ Азійскими предѣлами; а глядѣть съ Юга вверхъ, отъ моря на Сѣверъ—нѣтъ ей, кажется, и на Сѣверѣ, этой степи конца-краю. Край ей нашелся въ нынѣшнихъ Калужскихъ мѣстахъ. Тутъ кряжъ, великій лѣсной рубежъ, *Лѣсъ*. Вотъ—край осохшаго дна морскаго (въ частности Донецкой степи) и есть *Украйна*; это межеумочная полоса, не то поле не то лѣсъ, промежуточная полоса между Полемъ (въ древнемъ смыслѣ) и Лѣсомъ (также въ древнемъ смыслѣ). Это есть дѣйствительно Украйна. Въ этомъ собственно смыслѣ и сейчасъ Курскія, Новгородъ-Сѣверскія, мѣста—украйна. А Полякамъ — попольски и мыслить и натягивать всѣ названія! Изобрѣтатели разныхъ *Русей* (!!)—и Червонныхъ, и Черныхъ, и Бѣлыхъ, все они же. Довольно легкихъ признаковъ и примѣтъ, хотя бы даже просто пустыхъ созвучій,—и у Поляковъ сейчасъ новоиспекается особенная порода Руси, видите-ли прямо даже въ этнографическомъ смыслѣ. Не по бѣлобрысости ли Литвиновъ зовется Бѣлая Русь? «Червонная»—прямо не по созвучію ли городовъ Червенскихъ? И тутъ путаница все одна и таже: политическій терминъ, доктрина (кому это нужно) ухитрилась вдолбить въ мозги всѣмъ какъ чисто этнографическій терминъ. Покойникъ И. Д. Бѣляевъ горячо говорилъ мнѣ, что всѣ эти Черныя и Красныя Руси изобрѣли Поляки. Несторъ говоритъ о баняхъ въ Новгородѣ (? при Андреѣ Первозванномъ) *). Левъ Діаконъ о бритьѣ Святослава: «*оселедокъ въ знакъ своего*

---

*) Банею угощаетъ въ Кіевѣ Ольга пословъ Древлянскихъ, гдѣ ихъ и сожгли. Въ Кіевскихъ пѣсняхъ извѣстно угощеніе банею мнимаго посла, на что̀ и отвѣтъ съ его стороны: „Это съ дороги не худо бы!". *Позднѣйшее примѣчаніе.*

высокаго происхожденія». Явный вздоръ. Но Святославъ все живетъ въ степяхъ (Хозары) или у Болгаръ (см. Гильфердинга: *важные Болгары носили чалму*. Не значитъ ли это, скажу отъ себя, верхній классъ, то есть побѣдители, т.-е. Азіаты: тогда, пожалуй, этимъ примирится и Левъ Діаконъ въ нелѣпомъ, безъ того, утвержденіи, что оселедецъ у Святослава означалъ *важное происхожденіе*. Надо думать, впрочемъ что у Святослава, при его образѣ жизни въ степяхъ, не брей онъ бороды и всей головы, какъ разные Азіаты, вся голова бы покрылась струпьями: онъ во многомъ перенялъ обычай кочевниковъ. О Святославѣ это упомянуто въ его походѣ на Грековъ, при описаніи свиданія на Дунаѣ съ Цимисхіемъ. Если хохломаны любятъ ссылаться на Святославовъ оселедецъ, это, казалось бы, ихъ самихъ должно убѣдить, что «Хохлы» происходятъ отъ степняковъ, кочевниковъ, придвинувшихся къ Кіевскимъ предѣламъ изъ Черноморскихъ степей».

И. С. Аксаковъ отвѣчалъ на это, отъ 29 Сентября 1878 года:

«Благодарю васъ за два большихъ листа историческихъ выкладокъ. Очень желательно было бы видѣть все это въ стройномъ изложеніи, въ которомъ та «естественность», которую вы такъ часто поминаете, выяснилась бы не какъ система, но какъ начало. Все-таки нельзя не видѣть, что цѣлое поколѣніе князей княжитъ, управляетъ, получаетъ доходъ; и что самый дѣлежъ зависитъ отъ количества дѣлящихся между собой, а не отъ мѣстной потребности. У князя лишній сынъ, и лишній удѣлъ выходитъ, хотя этому городишкѣ и нѣтъ надобности въ князѣ; а просто потому, что княжить и жить народною казной—его, князька, достояніе и право. Это каста князей, *родъ-племя княжеское*. Княжили и занимали столы не по *призванію*, не по *избранію* мѣстному, а по *праву* и по своимъ родовымъ счетамъ. Въ томъ, что всѣ эти князья (за исключеніемъ какого нибудь Полоцка) одного рода—было объединительное начало этихъ всѣхъ племенъ, ихъ связь государственная. Впрочемъ, очень трудно пускаться въ полемику въ перепискѣ: инаго не доскажешь, другое не точно выразишь, и выйдетъ недоразумѣніе. Князья не то что *мужй*, которыхъ можно было поставившему ихъ смѣщать, а *мужй* не смѣли и думать о надѣленіи своихъ сыновей. Во всякомъ случаѣ, этотъ порядокъ имѣлъ соизволеніе народа до тѣхъ поръ, пока не почувствовалась потребность болѣе крѣпкаго государственнаго объединенія отъ постоянной княжеской межеусобицы и утраты чувства единства рода въ князьяхъ. Москва и выкинула это знамя единства, и именно поэтому она и должна была быть *localtraditionslos*; она была меньше всѣхъ, но побѣждала сильнѣйшихъ именно своимъ знаменемъ. Тверь была сильнѣе Москвы; но Тверь была Тверь, а не Русь, которую представляла въ своемъ

лицѣ Москва. Тутъ начинается крутой переворотъ, настоящее государственное строеніе. Идея государственности *сознательно* проводится и все запечатлѣваетъ собою. Начинается *централизація*, «запись о томъ, что̀ тянетъ душегубствомъ въ Москвѣ», и не душегубствомъ только, но и въ другихъ сферахъ государственной жизни. Московскій князь уже не естественникъ, а юристъ и суровый юристъ».

«Что же касается до вопроса о Малороссахъ и Великоруссахъ, *вполнѣ довольствуюсь* вашимъ разъясненіемъ; но все-таки любопытно было бы точнѣе выяснить себѣ чистый типъ *Полянъ* въ сравненіи съ Новгородцами, просто типъ племени. Когда же вы перейдете къ послѣдовательному изложенію? Прочтите рефератъ по поводу древнихъ хорватскихъ хроникъ и законниковъ на вѣчахъ составленныхъ: такъ и вѣетъ родною стариной. Хроника—точно Несторъ, и языкъ тотъ же почти, понятнѣе намъ Русскимъ, чѣмъ современнымъ Хорватамъ....»

Какъ бы отзвукъ этого обмѣна мыслей слышится еще и въ дальнѣйшихъ письмахъ И. С. Аксакова. Такъ, напримѣръ, ему заданъ былъ дружескій вопросъ: при современномъ состояніи Русскаго общества благовременно-ли было затѣвать послѣднюю Восточную войну? Не было ли и нѣтъ ли со стороны такъ-называемаго „Славянофильства“ нѣкотораго, если не прямаго, недоразумѣнія, то по крайней мѣрѣ недосказа, нѣкотораго постояннаго якобы намѣреннаго умолчанія кое о чемъ, причемъ и выходило въ публикѣ недоразумѣніе относительно Славянъ? Не пора-ли, наконецъ, разсѣять подобное недоразумѣніе? И. С. Аксаковъ отвѣчалъ цѣлымъ письмомъ, которое мы въ правѣ привести здѣсь-же.

Въ ночь съ 27-го на 28-е Октября 1878 г., Варварино.

«Благодарю васъ за письмо, *присланное не по почтѣ*. Отвѣчать на него пришлось бы цѣлою диссертаціей, которою я и надѣюсь заняться. Знаю, что вопросъ этотъ поставленъ нашимъ торопливымъ, опережающимъ исторію сознаніемъ и «Вѣстникъ Европы» даже ставитъ его въ лицѣ Пыпина, и многіе другіе. Отвѣчать надо. Но упускаютъ изъ виду, что въ Русской жизни, да и въ Славянской, по преимуществу, ничто не дѣлается по программѣ; alles wird, а не wird gemacht; всякая формула у̀же (тѣснѣе) содержанія и нравственно претитъ; что судьбы Славянскихъ племенъ тѣсно связаны съ нашей внутренней духовной судьбою, то-есть съ нашимъ собственнымъ развитіемъ въ духѣ нашей народности, *о немъ же только* и могутъ чаять себѣ жизни и спасенія всѣ остальныя Славянскія племена. Такъ Петербургъ, какъ принципъ, никогда не рѣшитъ Славянскаго вопроса, а можетъ только погубить и Россію, и Славянъ. Все, что̀ творится органическаго, теперь выбивается какъ растительная сила изъ-подъ пластовъ мусору, щебню и пр. не благодаря Петербургу, а *malgré*».

«Хорошее было время, когда сначала органически творилась жизнь народа, а потомъ уже наступало историческое сознаніе. Хорошо было Ассирійцамъ, напримѣръ: лѣтъ черезъ 300 являлась «исторія». Потомъ сознаніе придвигалось все ближе и ближе, наконецъ стало шлепать по пятамъ всякое историческое событіе. Дошло до того, что не вступило еще событіе въ свой полдень, какъ уже пишется исторія утра; пишется, наконецъ, исторія въ самый моментъ совершающагося, еще несовершившагося событія. А теперь историческое сознаніе пытается перегнать самую исторію и мѣшаетъ ея свободному творчеству. *Представьте себѣ, напр., въ медицинѣ:* изобрѣтутъ и чуть-ли ужъ не изобрѣли способы освѣщать тѣло внутри, такъ что всѣ его процессы будутъ видны, и эмбріонъ во чревѣ *матери* будетъ развиваться на виду у всѣхъ. Несчастнымъ Славянскимъ племенамъ предстоитъ именно теперь эта пытка: прямо изъ эпоса, имъ бы нужно нѣсколько столѣтій, въ тиши и уединеніи, про себя, подрости, окрѣпнуть, какъ крѣпнутъ дѣти, того не замѣчая... Нѣтъ, прямо въ среду взрослыхъ, да въ зеркальной комнатѣ, на виду у всѣхъ развивайся, твори и проч.! Тутъ ложь такъ и стережетъ на каждомъ шагу!... Боюсь, впрочемъ, что, не полно высказывая свою мысль, подаю поводъ къ недоразумѣніямъ».

Въ какой степени самъ И. С. Аксаковъ переживалъ современную „совершавшуюся“ тогда Русскую исторію и былъ переполненъ все тѣми же впечатлѣніями, которыхъ въ немъ не изгладила и ссылка, особенно видно изъ письма, написаннаго вскорѣ за приведеннымъ выше.

12-го Ноября 1878 г. Варварино.

«Послѣ завтра годовщина кончины Өедора Васильевича Чижова. Я заказалъ въ Варваринской церкви заупокойную обѣдню. Сколько смертей потомъ и событій совершилось въ этотъ годъ. И Плевненская послѣдняя битва, и переходъ черезъ Балканы, и Санъ-Стефанскій договоръ, и кончина князя Черкасскаго, и кончина матушки, и Берлинскій конгрессъ, и мое изгнаніе, и то̀, что̀ готовится. Еслибы Славянскій Комитетъ не былъ закрытъ, и я оставался предсѣдателемъ, вѣдь мудрено было бы теперь молчать. А повтореніе этихъ пріемовъ говоренія или протеста «по воздуху по пустому носящагося» стало бы подъ конецъ даже смѣшно. Собственно говоря, тутъ выразилась своя *правда.* Знамя держалось такъ высоко, что невозможно было его убрать смиренно, уложить въ ящикъ или преклониться передъ рѣшеніемъ конгресса, нужно было, чтобъ его выхватили враждующіе знамени и разорвали въ клочки, чтобы употреблено было... насиліе... Я теперь по уши погруженъ въ скучнѣйшее дѣло, но въ сущности оно дѣло серіозное. Всѣ эти направленія, сочувствія, порывы, движенія великихъ историческихъ идей, имѣютъ, и дожны имѣть, чтобъ не быть какъ

«звукъ пустой», свою реальную сторону, подкладку практическихъ хлопотъ и заботъ. Рѣчи говорить, это чтò! Это сласть, а тутъ есть сухоядѣніе. Я доволенъ въ себѣ тѣмъ, что я—и чернорабочій. Чернорабочимъ способенъ былъ быть и Юрій Самаринъ. Веду все это объясненіе къ тому, что составилъ частью и составляю подробныя отчетныя записки и потомъ денежные отчеты и всяческія таблицы по тремъ операціямъ стоимостью до полмилліона: по покупкѣ и перевозкѣ оружія, по обмундированію первыхъ шести и потомъ вторыхъ шести Болгарскихъ дружинъ. Я обязанъ отдать во всемъ этомъ окончательный отчетъ тѣмъ купцамъ, которые почтили меня довѣріемъ и которыми я предсѣдательствовалъ.—Пришлось изъ хаоса, захваченнаго мною при переѣздѣ, все выбирать, сортировать, сшивать, а главное считать, считать, считать и составлять расчеты кальсонамъ, ремнямъ, мундирамъ и проч. А тутъ и *офиціальныя* благодарности, и лично мнѣ *офиціально* открытый кредитъ, и переписка *офиціальная* и пр. Курьезныя вещи! И нельзя не составить подробно: тутъ есть денежный вопросъ. Надѣюсь на этой недѣлѣ, наконецъ, кончить; потомъ все это уложу въ большущій ящикъ и перешлю по почтѣ».

Въ этомъ же мѣсяцѣ, а именно 28-го Ноября, И. С. Аксаковъ писалъ:

«Сегодня утромъ явился ко мнѣ исправникъ съ письмомъ Владимирскаго губернатора о томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 24-го Ноября извѣщаетъ его, что «Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить г-ну Аксакову возвратиться въ Москву». Больше ничего. Я радъ, что нѣтъ ни внушеній, ни какихъ либо обязательствъ на будущее».

Спустя двѣ недѣли послѣ того, И. С. Аксаковъ былъ уже въ Москвѣ. Пишущему эти строки привелось тогда, при его отъѣздѣ въ Варварино, проводить его до Троицы; а теперь, при возвращеніи, встрѣтить на вокзалѣ. Около четырехъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ. Никогда еще не достигалъ онъ такого разительнаго сходства съ своимъ отцемъ, Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, какъ это невольно-бы кинулось въ глаза всякому при теперешней встрѣчѣ. Онъ не постарѣлъ, нѣтъ! но за эти меньше чѣмъ полгода произошла въ немъ и внушительная перемѣна. На всей его фигурѣ, съ головы до ногъ, лежалъ глубокій отпечатокъ какого-то совершенно особеннаго душевнаго затишья и мира; чѣмъ-то елейнымъ вѣяло отъ этой тихости, и тó самое, чтò принято называть маститостью, взялось въ немъ. Такимъ онъ уже и былъ до конца дней.

Н. М. Павловъ.

ЗАМѢТКА О БУТУРЛИНЫХЪ.

Въ газетѣ „Новое Время" нѣкто М. И. П. печатаетъ статьи подъ заглавіемъ: „Забытое прошлое окрестностей Петербурга". Къ сожалѣнію нѣтъ почти ни одной изъ нихъ, гдѣ не было бы грубыхъ ошибокъ, и это тѣмъ болѣе поразительно, что даже выписки изъ извѣстныхъ печатныхъ источниковъ искажаются. Ограничимся двумя указаніями на ошибки этихъ статей, которыя, благодаря предмету ихъ, очень занимательны. Упоминая о дачѣ графа Бутурлина по дорогѣ въ Петергофъ, г. М. И. П. говоритъ между прочимъ: „Внукъ фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина, Дмитрій Петровичъ обладалъ богатою библіотекою въ Москвѣ, которая сгорѣла въ 1812 году; онъ не любилъ называться графомъ и женатъ былъ на Комбурлей". Это доказываетъ, что г-у М. И. П. вполнѣ неизвѣстны не только родословія древнихъ Русскихъ родовъ, но и исторія нашего просвѣщенія. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, женатый на Елисаветѣ Михайловнѣ Комбурлей, ничего общаго съ графами Бутурлиными (кромѣ происхожденія) не имѣлъ. Онъ былъ сперва флигель-адъютантомъ императора Александра I, извѣстенъ какъ военный писатель и авторъ „Исторіи Смутнаго Времени". Дмитрій Петровичъ скончался въ 1849 году д. т. сов. и членомъ Государственнаго Совѣта. Елисавета Михайловна скончалась въ Парижѣ въ 1859 году. Дочь ихъ Анна Дмитріевна замужемъ за графомъ П. С. Строгановымъ. Извѣстный же библіофилъ графъ Дмитрій Петровичъ отъ графства своего никогда не отказывался. Онъ былъ роднымъ племянникомъ графовъ Александра и Семена Романовичей Воронцовыхъ и славной княгини Дашковой. Интересная переписка его съ обоими дядями появилась въ XXXII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова". Онъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой, троюродной сестрѣ своей. Они жили въ Москвѣ въ великолѣпномъ домѣ на Басманной и славились своимъ гостепріимствомъ. Въ домѣ ихъ, кромѣ прекрасныхъ картинъ, статуй и мебели, была библіотека, соединявшая въ себѣ всѣ рѣдкости книжнаго дѣла. Петербуржцы и иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, находили самый радушный пріемъ у графа Дмитрія Петровича. Одною изъ его странностей было то, что,

никогда не бывъ въ Парижѣ, онъ зналъ его какъ свои пять пальцевъ и удивлялъ Французовъ, говоря имъ подробно о тѣхъ мѣстахъ Французской столицы, которыя имъ самимъ были неизвѣстны. Вскорѣ послѣ Московскаго пожара семейство графа Бутурлина поѣхало за границу и окончательно поселилось во Флоренціи, гдѣ они купили себѣ дворецъ, до сихъ поръ принадлежащій ихъ потомству. Тамъ графъ Дмитрій Петровичъ снова предался своей страсти къ библіографіи и кромѣ того серіозно занялся воспитаніемъ своихъ сыновей, графовъ Петра и Михаила Дмитріевичей. Воспитателемъ ихъ онъ выбралъ весьма замѣчательнаго Англичанина Слона, біографія котораго представляетъ интересную повѣсть въ своемъ родѣ.

Отецъ Слона былъ дворецкимъ послѣдняго изъ Стюартовъ, кардинала Іоркскаго (cardinal d'York), умершаго въ Римѣ въ 1804 году. Самъ Слонъ остался послѣ отца малолѣтнимъ сиротою. Знатные Англичане, находившіеся въ то время въ Италіи, по врожденному ихъ народности уваженію старинныхъ преданій, изъ преданности къ памяти угасшаго представителя старшей вѣтви королевскаго Британскаго рода, составили подписку до того значительную, что молодой Слонъ могъ получить блистательное воспитаніе сперва въ одной изъ первыхъ школъ Англіи, а потомъ, если не ошибаемся, въ Оксфордскомъ университетѣ. Окончивъ свое воспитаніе, онъ вернулся въ Италію и поступилъ въ домъ графа Бутурлина, чтобы руководить образованіемъ сперва старшаго его сына Петра, а потомъ и Михаила (на 13 лѣтъ бывшаго моложе своего брата).

Подъ вліяніемъ Іезуитовъ, графиня Анна Артемьевна перешла въ латинство и совратила въ папскую схизму почти всю свою семью. Только старый графъ да младшій сынъ графъ Михаилъ Дмитріевичъ не поддались ея рвенію. Всѣхъ дочерей своихъ графиня Бутурлина выдала замужъ за Итальянцевъ. Старшая Марія Дмитріевна вышла замужъ за Тосканца графа Дини, вторая Елисавета Дмитріевна за богатаго Миланца, маркиза Сомарива, которому принадлежала великолѣпная вилла этого имени на Комскомъ озерѣ. Младшая тоже вышла за Ломбардца князя Видоніа-Сорреджіано. Любимаго сына своего графа Петра Дмитріевича, человѣка очень умнаго и симпатичнаго, женила графиня Анна Артемьевна на богатѣйшей Полькѣ графинѣ Аврорѣ Осиповнѣ Понятовской *), ультрамонтанкѣ, которая, кромѣ собственнаго, очень значительнаго, состоянія, имѣла еще нѣсколько дядей-холостяковъ, владѣвшихъ огромными имѣніями въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ. У Петра Дмитріевича былъ сынъ графъ Дмитрій Петровичъ, котораго воспиталъ тотъ же Англичанинъ Слонъ. Окончивъ его воспитаніе, Слонъ занялся дѣлами Бутурлиныхъ, которыя были очень разстроены. У нихъ были, между прочимъ, большія имѣнія въ Новороссійскомъ краѣ. Туда отправился Слонъ и съ рѣдкимъ умѣніемъ выплатилъ всѣ долги, ввелъ

---

*) Братъ графини А. О. Бутурлиной, графъ Понятовскій, принадлежалъ къ числу благороднѣйшихъ, трезвыхъ Поляковъ. Онъ служилъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ и вѣроятно благодаря ему, графы Бутурлины продолжали владѣть своими помѣстьями въ Россіи. П. Б.

вездѣ отличный порядокъ и, обезпечивъ своихъ друзей, вернулся въ Италію. Здѣсь онъ обратился къ графинѣ Аврорѣ Осиповнѣ и, въ откровенномъ разговорѣ съ нею, изложилъ, что вся жизнь его до сихъ поръ была посвящена семейству графовъ Бутурлиныхъ, что онъ воспиталъ два ихъ поколѣнія, привелъ дѣла ихъ въ порядокъ и что теперь онъ хочетъ поработать для себя, что ему извѣстны въ Тосканѣ богатѣйшія руды бисмута и что, желая попробовать счастія, онъ проситъ у графини небольшую сумму денегъ взаймы, чтобы начать это выгодное дѣло. Графиня Аврора Осиповна была отъявленная Полька и католичка, но женщина благородная, благодарная и отъ души приверженная къ Слону, который самъ былъ ревностнымъ католикомъ *). Она всячески старалась отговорить его отъ этого намѣренія, сообщила, что уже нѣсколько обществъ раззорилось на этомъ воображаемомъ бисмутѣ и что она не желаетъ, чтобы Слонъ вмѣстѣ съ данными ему деньгами потерялъ бы и тотъ небольшой достатокъ, который онъ имѣлъ. Но представленія графини не подѣйствовали на Слона и, послѣ долгихъ преній, она, скрѣпя сердце, передала ему просимыя имъ деньги. Оказалось, что Слонъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ и что ему удалось въ недолгое время сдѣлаться милліонеромъ. Онъ женился, купилъ во Флоренціи дворецъ, а подъ городомъ великолѣпную виллу, принадлежавшую нѣкогда славному въ лѣтописяхъ Италіи, Флорентинскому герцогу Лоренцо Медичи, извѣстному своимъ прозваніемъ il magnifico (великолѣпный). Кромѣ того Слонъ устроилъ удивительный фронтонъ въ церкви Св. Креста (Santa Croce), этомъ мавзолеѣ Итальянскихъ знаменитостей, и наградилъ какъ Флоренцію, такъ и окрестности ея разными богоугодными заведеніями. Умирая Слонъ не забылъ никого изъ своихъ близкихъ, ни вдову свою, ни бѣдныхъ, ни столько обязанный ему родъ графовъ Бутурлиныхъ. Всѣмъ досталось много, а болѣе всѣхъ одному изъ сыновей послѣдняго его воспитанника графа Дмитрія Петровича, которому онъ завѣщалъ большую часть своего огромнаго состоянія.

Любитель Старины.

---

*) На переходъ графовъ Бутурлиныхъ въ католичество безъ сомнѣнія подѣйствовала незамужняя сестра графини Анны Артемьевны, графиня Марья Артемьевна Воронцова, женщина высокихъ достоинствъ, но еще въ Россіи совращенная Іезуитомъ аббатомъ Розавеномъ. Надѣемся, что въ наши дни, когда основы Православія болѣе прежняго раскрылись передъ западнымъ міромъ, благородная семья графовъ Бутурлиныхъ найдетъ болѣе способовъ разъяснить себѣ его сущность, напр. во Французскихъ сочиненіяхъ А. С. Хомякова, въ Англійскомъ переводѣ проповѣдей Филарета, и получить для себя нравственную возможность возвратиться къ вѣрѣ предковъ своихъ. П. Б.

ПИСЬМО ПРИНЦЕССЫ ІОАННЫ-ЕЛИСАВЕТЫ АНГАЛЬТЪ-ЦЕРБСКОЙ КЪ КНЯЗЮ ВАСИЛІЮ АНИКИТИЧУ РЕПНИНУ

отъ 3 (14) Мая 1746 года.

Родительница императрицы Екатерины Великой *принцесса Іоанна-Елисавета Ангальтъ-Цербская* (1712—1760) была дочерью герцога *Христіана-Августа Голштинскаго* († 1726), родоначальника Евтинской вѣтви Голштейнъ-Готторпскаго дома (давшей трехъ королей Шведскому престолу во второй половинѣ XVIII-го столѣтія) и герцогини *Альбертины* († 1755), урожденной принцессы Баденъ-Дурлахской [1]. Старшій братъ отца принцессы Іоанны-Елисаветы *Фридрихъ-Карлъ*, женатый на старшей сестрѣ знаменитаго Карла XII-го короля Шведскаго, былъ убитъ (въ 1702 г.) во время Сѣверной войны, въ сраженіи подъ Клисовымъ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына герцога *Карла Фридриха* (1700—1739), женившагося въ 1725 году на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ (1706—1728). Отъ этого брака родился 18-го Февраля 1728 года герцогъ *Петръ-Ульрихъ* (будущій императоръ Петръ III-й), очутившійся одновременно въ началѣ сороковыхъ годовъ (1741—1742) законнымъ наслѣдникомъ Россіи и Швеціи, будучи кромѣ того владѣтельнымъ герцогомъ Голштинскимъ [2].

Принцесса Іоанна-Елисавета въ 1727 году, пятнадцати лѣтъ отъ роду, вышедшая замужъ за принца *Христіана-Августа* Ангальтъ-Цербскаго (1690—1747), находилась, слѣдовательно, какъ будто въ отдаленномъ родствѣ съ императрицею Елисаветою Петровною, какъ дво-

---

[1]) Извлеченныя изъ подлинныхъ дѣлъ свѣдѣнія о родителяхъ императрицы Екатерины Великой помѣщены въ 1-й книгѣ сборника „Осмнадцатый вѣкъ". Герцогиня Альбертина долгое время получала пенсію изъ Россіи (Указъ Сенату отъ 12-го Февраля 1745 г.).

[2]) Такимъ образомъ Петръ III-й и Екатерина Великая были между собою троюродные братъ и сестра. П. Б.

юродная сестра мужа ея сестры Анны Петровны. Но дальнее родство могло сдѣлаться весьма близкимъ, еслибы состоялся тотъ бракъ, который императрица Екатерина Первая устроила было для своей второй дочери. Еще въ 1726 году цесаревна Елисавета Петровна была обручена со старшимъ братомъ принцессы Іоанны-Елисаветы, герцогомъ Карломъ-Августомъ Голштинскимъ, носившимъ титулъ епископа Любскаго. Неожиданная кончина этого герцога въ Петербургѣ въ 1727 г. и послѣдовавшая вскорѣ за ней кончина горячо-любимой сестры, оставили въ любящемъ сердцѣ Елисаветы Петровны неизгладимые слѣды, выразившіеся особенною нѣжною привязанностью къ всему Голштинскому дому и имѣвшіе послѣдствіемъ какъ признаніе герцога Петра-Ульриха наслѣдникомъ Русскаго престола, такъ и избраніе *герцога Адольфа-Фридриха* (втораго брата принцессы Іоанны-Елисаветы), наслѣдникомъ Шведскаго престола. Отсюда и то предпочтеніе, которое оказано было дочери принцессы Іоанны-Елисаваты, т.-е. будущей Екатеринѣ Великой, при выборѣ невѣсты великому князю Петру Өедоровичу. Соперницъ у Екатерины было, какъ извѣстно, много; но только двѣ изъ нихъ могли внушить опасенія принцессѣ Цербской. Первая была сестра Фридриха II-го короля Прусскаго, *принцесса Луиза-Ульрика*, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за вышеупомянутаго герцога Адольфа-Фридриха, бывшаго уже тогда наслѣдникомъ Шведскимъ (принцесса Луиза-Ульрика была матерью *Густава III-го*, короля Шведскаго). Другая принцесса, которую прочили въ невѣсты будущему Петру III-му, была *Маріанна*, дочь *Августа III-го* короля Польскаго, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за курфиста Максиміліана Баварскаго. Сестры принцессы Маріанны была замужемъ—одна за дофиномъ Франціи, отцомъ Людовика XVI-го, а другая за Карломъ III-мъ, королемъ Испанскимъ и Неаполитанскимъ. Брака великаго князя Петра Өеодоровича съ этой принцессой Маріанной особенно желалъ *Бестужевъ*.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, помимо политическихъ соображеній, игравшихъ столь значительную роль въ выборѣ невѣсты наслѣднику Русскаго престола и окончившихся торжествомъ такъ-называемой Французской партіи Русскаго двора, которая въ лицѣ *Лестока* и *графа М. Л. Воронцова* одержала временно верхъ надъ Бестужевымъ, личное сердечное расположеніе императрицы Елисаветы Петровны къ Голштинскому дому было въ дѣйствительности главною причиною состоявшагося выбора. Заочно, еще въ 1727 году, Елисавета Петровна питала дружбу къ принцесѣ Іоаннѣ-Елисаветѣ. Графиня Мавра Егоровна Шувалова (тогда еще дѣвица Шепелева) въ любопытныхъ письмахъ своихъ, писанныхъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1727 года къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ изъ Киля (гдѣ она находилась

при герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ) своеобразнымъ слогомъ расточаетъ похвалы всѣмъ представителямъ Голштинскаго дома; но принцесса Елисавета у нея всегда на первомъ планѣ. «*Я чаю, ежели бы вы изволили увидать замужнюю принцессу Елисавету, истинно бы вы въ нее влюбились*», говоритъ она въ письмѣ отъ 6-го Декабря, а далѣе въ письмѣ отъ 11-го Декабря прибавляетъ: «*По истинно, матушка-цесаревна, не могу похвальбы болье написать о замужней принцессъ, что истинно весьма превзошла своихъ сестеръ, и я такъ въ нее влюбилась. И цесаревна* (Анна Петровна) *сама сію лучше любить тѣхъ двухъ; постоянно учтива и ласкова. Изволь посмотрѣть на Бишова портретъ: то и она*» *).

По кончинѣ Анны Петровны (1728) сношенія цесаревны Елисаветы съ Голштинскимъ домомъ прекратились, и сердечное расположеніе ея къ его представителямъ и представительницамъ было подавлено обстоятельствами. Затворническая жизнь цесаревны въ продолженіе всего царствованія императрицы Анны Іоанновны совпала съ той эпохой, когда Голштинія, во время малолѣтства владѣтельнаго герцога Петра Ульриха (Петра III-го) была управляема его отцомъ и потомъ двоюроднымъ дядею *Адольфомъ-Фридрихомъ* и находилась въ положеніи затруднительномъ какъ относительно политики, такъ и финансовъ. День 25-го Ноября 1741 года внезапно измѣнилъ всѣ отношенія на Сѣверѣ Европы. Вступивъ на престолъ, императрица Елисавета Петровна прежде всего обратила вниманіе на Голштинію, откуда призвала она къ себѣ племянника своего Петра-Ульриха и объявила его наслѣдникомъ Имперіи. Пятнадцатилѣтній владѣтель незначительной страны превратился въ наслѣдника могущественнѣйшей державы; значеніе его личности мѣняется, и изъ зауряднаго жениха, какихъ много было въ Германіи, онъ становится женихомъ единственнымъ въ своемъ родѣ по могуществу и богатству. Не ошибочно, кажется, будетъ предположить, что принцеса Іоанна-Елисавета не оставалась въ это время въ бездѣйствіи, а напротивъ того, всѣми силами изворотливаго и ловкаго ума своего, старалась устроить судьбу своей дочери, соединивъ ее съ судьбою двоюроднаго племянника своего, герцога Петра-Ульриха. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что, зная личное расположеніе Императрицы къ себѣ, сама принцесса, своими происками, навела Фридриха Великаго на мысль устроить бракъ Петра Ѳеодоровича съ

*) Бишовъ—это покойный женихъ Елисаветы Петровны, епископъ Любскій. „Русская Старина“ 1870, I, стр. 406—407. О сходствѣ своемъ съ покойнымъ братомъ принцесса сама говоритъ въ реляціи своей о пріѣздѣ въ Россію („Сборникъ Имп. Историческаго Общества“, VII, 26) М. М.—Кто были эти двѣ тетки Екатерины Великой по матери? П. Б.

дочерью своею. Кромѣ тѣхъ политическихъ соображеній, которыми руководствовался въ это время геніальный Прусскій король и о которыхъ онъ самъ говоритъ въ Запискахъ своихъ, Фридрихъ II-й нашелъ въ принцессѣ Цербской полезное для себя орудіе: совмѣстно съ барономъ Мардефельдомъ (Прусскимъ посланникомъ въ Россіи) и столь извѣстнымъ маркизомъ Де-ла-Шетарди, она могла бы содѣйствовать осуществленію завѣтной его мысли, т.-е. заключенію союза съ Россіею. Какъ бы то ни было, но бракъ былъ улаженъ помимо канцлера Бестужева, и на пріѣздъ Цербскихъ принцессъ въ Россію дано тайное согласіе Императрицы. Знакомая уже отчасти съ Русскою придворною сферою черезъ близкаго друга своего Ивана Ивановича Бецкаго [1]) и снабженная инструкціями Прусскаго короля, принцесса Іоанна-Елисавета прибыла съ дочерью своею въ первыхъ числахъ Февраля 1744 года въ Москву, гдѣ въ то время находилась императрица Елисавета Петровна со всѣмъ дворомъ.

Дружелюбно и ласково принятая Императрицею, принцесса нашла борьбу политическихъ партій при Русскомъ дворѣ въ полномъ разгарѣ и въ условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ ея довѣрителю, Фридриху II-му. Несчастный Лопухинскій заговоръ и участіе, принятое въ немъ имперскимъ посланникомъ маркизомъ Боттою, пошатнули значеніе вѣрнаго поборника Австрійскаго союза, канцлера Бестужева; партія такъ-называемая Французская съ Лестокомъ и Воронцовымъ во главѣ, казалось, должна была восторжествовать. Но обстоятельства внезапно измѣнились: вскрытіе переписки Шетарди, его арестъ и позорное изгнаніе набросили тѣнь на принцессу Цербскую, раскрывъ ея сношенія съ Германіею и обнаруживъ всю сѣть интригъ, которыми «*скоропостижный*» [2]) король Прусскій опутывалъ С.-Петербургскій кабинетъ отчасти при помощи принцессы. Побѣда осталась за Бестужевымъ. Еще за два мѣсяца до путешествія Императрицы въ Кіевъ, а именно въ Маѣ 1744 года, въ Троицкой Лаврѣ, произошло первое и, по словамъ императрицы Екатерины, грозное столкновеніе между Елисаветою Петровною и принцессой Цербской. Отношенія ихъ такъ обострились, что была рѣчь объ отсылкѣ принцессы съ дочерью обратно въ Цербстъ [3]). Она пробыла однако еще слишкомъ годъ въ Россіи, въ постоянныхъ мелочныхъ пререканіяхъ съ дочерью своею (которая была дальновиднѣе ея) и лавируя болѣе или менѣе искусно въ придвор-

---

[1]) „Осмнадцатый Вѣкъ", I, 10 и 12. Бецкій жилъ тогда у отца своего князя И. Ю. Трубецкаго, въ Москвѣ на Покровкѣ, въ домѣ нынѣшней 4-й гимназіи, и въ этомъ домѣ сначала поселилась Іоанна-Елисавета съ дочерью. П. Б.—[2]) Такъ называли при нашемъ дворѣ Фридриха II-го преимущественно во время Семилѣтней войны.

[3]) Mémoires de Catherine II, стр. 15.

ныхъ и политическихъ интригахъ. Принцесса имѣла, наконецъ, счастіе присутствовать при давно-ожидаемомъ бракѣ своей дочери (21 Августа 1745 г.) совершившемся въ условіяхъ далеко несхожихъ съ тѣми, которыми она надѣялась обставить себя во время пріѣзда своего въ Россію, за полтора года передъ тѣмъ. Утративъ однажды расположеніе Императрицы, принцесса не могла или не сумѣла болѣе никогда его вернуть: нѣжная дружба замѣнилась холодностью и полнымъ недовѣріемъ. Мѣсяцъ спустя послѣ бракосочетанія, а именно 28-го Сентября 1745 года, принцесса выѣхала изъ С.-Петербурга обратно въ Цербстъ въ сопровожденіи неразлучныхъ съ нею фрейлины *Кейнъ* и камеръ-юнкера *Латольфа*. Герцогъ Августъ Голштинскій (ея младшій братъ) провожалъ ее до Каскова, а великій князь и великая княгиня только до Краснаго Села. Тамъ разстались они на вѣки: имъ не суждено было болѣе видѣться.

Не безъ нѣкотораго удовольствія сообщалъ 6-го Октября канцлеръ Бестужевъ путешествовавшему въ то время вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову извѣстіе о выѣздѣ изъ Россіи принцессы Цербской [1]). Удовлетвореніе, испытываемое канцлеромъ, было тѣмъ болѣе полно, а горесть принцессы тѣмъ болѣе чувствительна, что при отъѣздѣ принцессы на нее письменно возложено было Императрицею щекотливое порученіе передать королю Прусскому требованіе Государыни, чтобы посланникъ его при Русскомъ дворѣ баронъ Мардефельдъ былъ немедленно отозванъ.

Нѣсколько времени спустя, въ письмѣ отъ 4-го Декабря, Бестужевъ сообщалъ графу Воронцову повелѣніе Государыни, чтобы ни супруга его, т.-е. графиня Анна Карловна, ни супруга посланника нашего при Берлинскомъ дворѣ графа Петра Григорьевича Чернышева графиня Екатерина Андреевна, не цѣловали бы руки у принцессы Цербской во время пребыванія ея въ Берлинѣ.

Какъ утѣшеніе въ горести, принцесса получила передъ отъѣздомъ своимъ 50 тыс. рублей деньгами и два сундука съ различными подарками. Не менѣе щедро одарены были всѣ лица ея свиты [2]). Черезъ два мѣсяца состоялось повелѣніе о сформированіи Русскаго двора для Наслѣдника Престола и его супруги (вмѣсто бывшаго при нихъ до тѣхъ поръ Голштинскаго двора). Оберъ-гофмаршалъ графъ Брим-

---

[1]) „Архивъ Князя Воронцова", II, 122.

[2]) Фрейлина *Кейнъ* получила 4 тыс. руб. и бриліантовый шлейфъ (?); камеръ-юнкеръ *Латольфъ* 5 тыс. руб. и соболью шубу; другихъ два камеръ-юнкера по 2 т. р.; камеръ-лакей 500 руб. и каждый лакей по 200 руб. (Указъ Сенату отъ 24-го Сентября 1745 г. и „Архивъ Князя Воронцова", II, 122).

моръ и оберъ-камергеръ Бергхольцъ отпущены обратно въ Голштинію, а оберъ-гофмейстеромъ къ молодому двору назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-адъютантъ *князь Василій Аникитичъ Репнинъ* [1]).

Князь Репнинъ (1696—1748 г.), сынъ фельдмаршала князя Аникиты Ивановича и отецъ фельдмаршала князя Николая Васильевича Репниныхъ, принадлежалъ къ тѣмъ Русскимъ молодымъ людямъ, которые, получивъ, по повелѣнію Петра Великаго, образованіе свое за границей, оставались тѣмъ не менѣе вполнѣ Русскими по убѣжденіямъ своимъ. Съ разрѣшенія Государя князь В. А. Репнинъ служилъ въ арміи принца Евгенія Савойскаго во время извѣстныхъ кампаній его противъ турокъ въ 1717—1718 годахъ. Принявъ затѣмъ блистательное участіе въ походахъ Миниха (1736—1739) и въ особенности въ штурмѣ Очакова (1737), князь Репнинъ находился уже въ 1744 г. въ чинѣ генералъ-аншефа. Вскорѣ послѣ празднованія Абовскаго мира, а именно въ 1744 г. въ Декабрѣ, пожалованъ онъ генералъ-адъютантомъ, а 20-го Ноября 1745 г. назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ [2]). Вѣроятно, что одновременно съ назначеніемъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ кн. Репнинъ былъ назначенъ директоромъ Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, а также и оберъ-гофмейстеромъ Великаго Князя Наслѣдника. Императрица Екатерина описываетъ его слѣдующимъ образомъ. «Le comte Brummer et le g-d chambellan Berckholtz ayant été dispensés de leurs fonctions près du grand-duc, l'Impératrice nomma pour accompagner le grand-duc prince Basile Repnine. Cette nomination était assurément ce que l'Impératrice pouvait faire de mieux; car le prince Repnine était non seulement un homme d'honneur et de probité, mais c'était encore un homme d'esprit et un très galant homme, rempli de candeur et de loyauté. Moi, en mon particulier, je n'eus qu'à me louer des procédés du prince Repnine. Pour le comte Brummer je n'en eus pas de regrets: il m'ennuyait avec ses éternels discours politiques; il sentait l'intrigue, tandis que le caractère franc et militaire du prince Repnine m'inspirait de la confiance [3]). Нащокинъ въ Запискахъ своихъ гово-

---

[1]) „Архивъ Князя Воронцова", II, 136.

[2]) Во время пребыванія двора въ 1744 г. въ Москвѣ, князь Репнинъ оставался главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и тамъ впервыя увидѣлъ принцессу Цербскую по пріѣздѣ ея въ Москву. Принцесса ошибочно называетъ его вице-губернаторомъ въ своей реляціи о прибытіи въ С.-Петербургъ. „Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества", VII, 19.

[3]) Mémoires de Catherine, 60, 61. По увольненіи графа Брюммера и оберъ-камергера Берхгольца отъ должностей ихъ при великомъ князѣ Императрица опредѣлила князя Василія Репнина сопровождать великаго князя. Конечно, она не могла никого лучше выбрать; ибо князь Репнинъ былъ человѣкъ не только честный и надежный, но еще отли-

ритъ, что «*Князь Репнинъ былъ человѣкъ весьма умный и ученый, въ особенности по инженерству и фортификаціи, точью нрава былъ горячаго и имѣлъ честное правосудіе, за что многими нелюбимъ былъ* [1]). Изъ Записокъ Екатерины видно, что во время путешествія императрицы Елисаветы Петровны по Балтійскимъ провинціямъ, лѣтомъ 1746 года, князь Репнинъ, возмущенный надменнымъ поведеніемъ *Маріи Симоновны Чоглоковой* (гофмейстерины Великой Княгини и двоюродной сестры Императрицы) совѣтывалъ Великой Княгинѣ довести о томъ до свѣдѣнія Императрицы черезъ графиню Мавру Егоровну Шувалову [2]). Въ слѣдующую затѣмъ зиму (1746—1747), когда Императрица предприняла путешествіе въ Тихвинскій монастырь, князь Репнинъ остался въ Петербургѣ подъ предлогомъ болѣзни, а должность оберъ-гофмейстера исправлялъ мужъ гофмейстерины *Николай Наумовичъ Чоглоковъ*. Весною 1747 года князь Репнинъ переѣхалъ (опять-таки будто по болѣзни) изъ дворца на жительство въ собственный домъ, и тотъ же Чоглоковъ вступилъ «ad interim» въ должность оберъ-гофмейстера. Преданный Бестужеву Чоглоковъ ознаменовалъ начало своей придворной службы содѣйствіемъ къ удаленію изъ Россіи герцога *Августа Голштинскаго*, младшаго брата принцессы Іоанны-Елисаветы, остававшагося въ Россіи съ 1745 года. Въ зиму съ 1747 на 1748 годъ состоялось назначеніе князя Репнина командиромъ корпуса, который отправлялся на помощь императрицѣ Маріи-Терезіи и одно появленіе котораго на берегахъ Рейна въ Палатинатѣ ускорило значительно заключеніе Ахенскаго мира. Войска Русскія не успѣли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и на обратномъ пути ихъ въ Россію князь Репнинъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, скончался 31-го Іюля 1748 года въ лагерѣ при *Кульмбахѣ* [3]). Есть извѣстіе, что Версальскій кабинетъ предлагалъ 100 тыс. червонцевъ князю Репнину за умедленіе похода; но Репнинъ, отвергнувъ, конечно, предло-

---

чался умомъ, большою вѣжливостью, неподкупностью и чувствомъ законности. Я въ особенности не могла нахвалиться образомъ дѣйствій князя Репнина. О графѣ же Брюмерѣ я не жалѣла: онъ мнѣ надоѣдалъ своими вѣчными политическими разговорами; отъ него несло пройдошествомъ, тогда какъ открытый нравъ такого военнаго человѣка, какъ князь Репнинъ, внушалъ мнѣ довѣріе. [1]) Записки Нащокина, стр. 88.

[2]) Супруга князя Василія Аникитича (княгиня Марія Ивановна, род. 1707 г., скончалась 1770 г.) Репнина, рожденная графиня Головина, находилась въ числѣ дамъ, сопутствовавшихъ Императрицѣ, и сильно поддерживала своего мужа противъ Чоглоковой. М. М.—Семейное преданіе, сообщенное намъ княжною Варварою Николаевной Репниной, несомнительно утверждаетъ, что супруга князя В. А. Репнина была не графиня Головина, а дочь одного Нѣмецкаго пастора; не отсюда ли и сближеніе его съ Іоанною-Елисаветою? Но можетъ быть онъ былъ женатъ дважды. П. Б.

[3]) Кульмбахъ—мѣстечко въ Баваріи, въ 20 верстахъ отъ Барейта.

женіе, донесъ о таковомъ Императрицѣ [1]. Императрица Екатерина, говоря въ Запискахъ своихъ о событіяхъ 1747 и 1748 годовъ, выражается между прочимъ: «Pendant cet hiver nous apprîmes que le prince Repnine, tout malade qu'il était, devait commander le corps de troupes qu'on allait envoyer au secours de l'Impératrice-reine Marie-Thérèse. C'était une disgrâce formelle pour le prince Repnine. Il y alla et n'en revint jamais, parce qu'il mourût de chagrin en Bohême [2]. Странно какъ-то звучатъ въ настоящее время послѣднія двѣ фразы, выражающія собой типичную характеристику XVIII вѣка: назначеніе начальникомъ арміи считалось тогда немилостью! Но какъ бы то ни было, съ горя ли (что̀ очень сомнительно) или отъ удара, но князь Репнинъ скончался, и Великая Княгиня лишилась преданнаго ей человѣка рыцарскихъ правилъ, который одинъ въ толпѣ окружавшихъ ее царедворцевъ сочувствовалъ ей, понималъ ее и по возможности старался облегчить ея положеніе, сдѣлавшееся крайне для нея тягостнымъ вслѣдствіе крутыхъ мѣръ, принятыхъ могущественнымъ въ то время канцлеромъ Бестужевымъ.

Къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ состоявшееся распоряженіе, по которому запрещено было Великой Княгинѣ переписываться съ матерью своею, иначе какъ оффиціальными письмами, составленными для нея въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Но, несмотря на запрещеніе, Великая Княгиня находила иногда способъ переписываться съ Цербстомъ и помимо коллегіи [3], на что̀ Бестужевъ неоднократно жаловался Императрицѣ [4]. Есть основаніе предположить, что князь Василій Аникитичъ былъ именно тѣмъ лицомъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя рѣшались, на свой страхъ, облегчать сношенія между матерью и дочерью и отъ имени своего заводили переписку съ принцессой Цербской. Въ письмѣ отъ 21-го Ноября 1746 года, писанномъ къ вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову, принцесса Іоанна-Елисавета обращается къ нему съ просьбою,

---

[1] „Военный Энциклопедическій Лексиконъ", томъ XI, стр. 201. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ въ біографическихъ отмѣткахъ своихъ „Архивъ Князя Воронцова", XXXIII, стр. 23 (прибавленіе) говоритъ, что назначеніе князя Репнина командиромъ корпуса, было результатомъ интриги, имѣвшей послѣдствіемъ переходъ фельдмаршала *Кейта* изъ Русской службы въ Прусскую.

[2] Mémoires de Catherine, стр. 85. Въ эту зиму узнали мы, что князю Репнину, хотя онъ былъ совсѣмъ боленъ, повелѣно начальствовать войскомъ, которое посылали на помощь императрицѣ Маріи-Терезіи. Это было для князя Репнина явною опалою. Онъ отправился и не вернулся, скончавшись съ горя въ Богеміи.

[3] Mémoires de Catherine II, p. 92 и 93.

[4] Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ XXII, стр. 124 и Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ VII, стр. 69.

выраженною слѣдующимъ образомъ: «J'ose ajouter une prière à votre excellence; c'est qu'elle veuille procurer (sic) que le grand-maître (que j'embrasse) ose me continuer ses innocentes relations. Votre excellence sait le plaisir qu'elles donnent outre que ce sont les uniques, n'ayant, comme je le sens bien, rien à espérer de la part de la Grande-Duchesse» [1]). Упоминаемый grand-maître, означаетъ-ли оно grand-maître d'artillerie или grand-maître de la cour, все равно [2]), есть безъ сомнѣнія князь В. А. Репнинъ, и слѣдовательно существованіе переписки между нимъ и принцессою не подлежитъ сомнѣнію [3]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно эта переписка и была причиною удаленія князя Репнина отъ двора. Всесильный Бестужевъ, которому князь недостаточно подчинялся, замѣнилъ его при молодомъ дворѣ четою Чоглоковыхъ и сталъ затѣмъ удалять отъ Великаго Князя и Великой Княгини всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ не могъ вполнѣ разсчитывать, не исключая и прислуги. Съ удаленіемъ князя Репнина отъ двора, продолжалась ли переписка принцессы Цербской съ кѣмъ-либо изъ лицъ, преданныхъ Великой Княгинѣ—намъ неизвѣстно; но нѣсколько лѣтъ спустя, отношенія самой Великой Княгини къ грозному Бестужеву совершенно измѣнились, и вражда замѣнилась дружбою, какъ только Великая Княгиня стала вмѣшиваться въ политическія дѣла, дотолѣ ей вполнѣ чуждыя.

Прилагаемое письмо принцессы Іоанны-Елисаветы Цербской есть драгоцѣнный, случайно уцѣлѣвшій отрывокъ переписки ея съ княземъ Василіемъ Аникитичемъ Репнинымъ, начавшейся вѣроятно тотчасъ же послѣ отъѣзда принцессы изъ Россіи, т.-е. въ зиму 1745—1746 года. Оно писано 3 (14) Мая 1746 года изъ Цербста, куда принцесса вернулась еще въ концѣ Ноября, пробывъ два мѣсяца въ дорогѣ, изъ которыхъ почти мѣсяцъ въ Берлинѣ. Письмо это не есть начало переписки, а продолженіе ея, что̀ видно изъ самаго его содержанія. Два мѣсяца послѣ отправленія этого письма изъ Цербста въ С.-Петербургъ, путешествовавшій въ то время по Европѣ временно-опальный вице-канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ посѣтилъ принцессу Цербскую въ ея замкѣ Дорнбургѣ близъ Цербста [4]). Нѣсколько дней по отъ-

---

[1]) „Архивъ Князя Воронцова", томъ I, стр. 434. Осмѣливаюсь присоединить просьбу къ вашему сіятельству: похлопочите, чтобы оберъ-гофмейстеръ (котораго я обнимаю) не опасался посылать мнѣ свои невинныя сообщенія. Ваше сіятельство знаете, какое они доставляютъ мнѣ удовольствіе; къ тому же ихъ только я и имѣю; а со стороны великой княгини, мнѣ, какъ я вполнѣ понимаю, ожидать нечего.

[2]) Въ письмѣ отъ 11-го Іюля 1746 г. принцесса называетъ князя Репнина „Le bon Ober-Hofmeister", „Арх. Кн. Воронцова", т. I, стр. 423.

[3]) „Арх. князя Воронцова", т. I, стр. 431, письмо № 8.

[4]) „Осмнадцатый Вѣкъ", I, 132.

ѣздѣ графа Воронцова изъ Дорнбурга, принцесса посылаетъ ему въ Берлинъ нѣсколько писемъ на имена Императрицы, Великаго Князя, Великой Княгини, а также и другихъ лицъ, съ просьбою отвезти ихъ съ собою въ Россію. Въ числѣ писемъ находилось одно на имя князя Репнина со вложенными въ него двумя другими письмами: первое на имя Лестока, а второе на имя графини Румянцовой, причемъ принцесса считаетъ нужнымъ завѣрить вице-канцлера, что въ письмахъ этихъ ничего не заключается другаго кромѣ выраженій преданности, уваженія и дружбы и что письма Лестоку и графинѣ Румянцовой потому только вложены въ кувертъ «Grand-Maître» т.-е. князя Репнина, чтобы не обременить самого графа Воронцова излишнимъ количествомъ пакетовъ [1]). Вслѣдствіе понятной ошибки графа Воронцова, отправившаго письма эти по почтѣ вмѣсто того чтобы взять съ собою, они (и вѣроятно всѣ безъ исключенія) попали въ руки канцлера Бестужева [2]).

Подлинникъ письма принцессы Цербской отъ 3 (14) Мая 1746 года хранится въ домашнемъ архивѣ князя Александра Михайловича Голицына, въ подмосковномъ селѣ его Петровскомъ (Звѣнигородскаго уѣзда) и находится въ числѣ бумагъ князя Ѳедора Николаевича Голицына (роднаго дѣда князя Александра Михайловича). Къ князю Ѳедору Николаевичу письмо перешло вѣроятно отъ князя Николая Васильевича Репнина (сына князя Василія Аникитича), на дочери котораго князь Ѳедоръ Николаевичъ былъ женатъ первымъ бракомъ.

Письмо принцессы Цербской написано на пяти страницахъ своеобразнымъ почеркомъ, образецъ котораго приложенъ къ I-му тому «Архива Князя Воронцова». Оно довольно хорошо сохранилось; только два слова невозможно разобрать. Мы позволили себѣ поставить вопросительные знаки у тѣхъ фразъ, смыслъ или намеки которыхъ намъ непонятны. Въ верху первой страницы письмà рукою принцессы поставленъ № 32.

М. М.

15-го Іюня 1887 года.

---

[1]) Арх. Кн. Воронцова Т. I, стр. 423.

[2]) Исторія Соловьева Т. XXII, стр. 123.

Слѣдующая собственноручная приписка императрицы Екатерины къ ея письму отъ 29-го Августа 1746 писанному къ принцессѣ Елисаветѣ: *Enfin voilà l'énigme expliqué; à bon entendeur salut. Devinez, Madame, s'il vous et possible, et croyez que je suis toujours la même* — не относится ли къ открытію негласной переписки? (Сборникъ Русскаго Истор. Общества. т. VII, стр. 70).

Lettre autographe

de la princesse I. E. Anhalt-Zerbst au prince B. Repnine.

Je suis ravie de me trouver dans mon tort à l'égard de la vendue (sic) de mes chiffons d'écris (?). Ce n'est pas que cette certitude me départîsse d'une idée impropre à la discrétion des occasions publiques; cependant, pourvu que ce que l'on a à se dire ne se perde pas—on doit se trouver contenté et ne pas s'arrêter à des soupçons, au bout du compte, peu vérifiés et qui ne peuvent importer entre correspondants qui n'écrivent que pour écrire.

J'aime assez à me flatter pour consentir volontiers à me borner avec V. E. à ne pas décider des raisons du silence des personnes avec auxquelles je dois assez pour ne jamais me porter contre elles; ces considérations, l'entretien de sentiments justes, ne diminuent en aucune façon du prix du souvenir obligeant de ceux qui me le conservent et qui, sans l'exprimer par eux-mêmes, aiment à me faire interprêter leur silence; je veux bien à mon tour que le mien ne les mette pas en doute sur mon amitié, le cas que je fais de leur discrétion et l'estime sincère que je ne cesserai de leur porter.

Vous retombez toujours, Monsieur, où par un excès de modestie, ou par un doute de mon discernement—dans votre ancienne faute: je vous prie de vous convaincre une fois pour toutes, que vos lettres me donnent un plaisir infini et que du tout au tout on ne saurait leur en préférer.

L'intention de la Grande-Duchesse a été assez heuresement exécutée par la précaution que j'avais prise de prévenir la personne à laquelle ses paquets avaient été adressés, pour que, quoique Monsieur l'Ambassadeur de Hollande n'aye pas pris son chemin par Berlin et délivré ses comissions au comte de Bestouscheff à Dresde, je les ai reçus assez promptement. Je vous suis extrêmement obligée de vos soins et de vos inquiètudes pour ce qui regarde celles (?) qui vous restent; je me (sic) patienterais volontiers, pourvuque j'aie du vrai bon, car à vous avouer ma pensée le portrait de la tabatière ne ressemble guère. J'espère que Messieurs de l'Académie ne laisseront pas échapper la belle occasion du bon portrait que *Grood* tire actuellement de la Grande-Duchesse

pour en publier des estampes; cela est d'autant plus nécessaire que l'on les vends (sic) actuellement en Allemagne sous l'abominable forme dont je joins des exemplaires ici; je les fais tous acheter dans les endroits où ils se trouvent et redemande les empreintes dans les imprimeries de Dresde, Halle et de Leipzig, à quelque prix qu'elles soient.

Celui de Sa Majesté Impériale par écrit me paraît très bien; s'il y a des défauts—il est aussi peu étonnant qu'en (sic) ceux qu'ébauchent les peintres. La Personne qui l'a écrit marque évidemment un génie propre à une entreprise aussi difficile; je me sens trop inférieure à une tâche aussi peu commune pour oser risquer l'entreprise. En attendant ne craignez pas que je publie ce que votre bonne opinion m'a prouvé et faites moi le plaisir de me mettre de la confidence de l'auteur; je conçois qu'il doit vous intéresser de près.

La résignation chrétienne avec laquelle vous vous remettez, Monsieur, à la Providence—est une suite naturelle de la vraie contemplation et des influences de la Grâce. Si tout le monde savait penser ainsi que vous—seraient (sic) tranquilles et réellement heureuses.

L'ordre de votre propre lettre conduit de cet article sérieux (?) au vulgaire; je m'y conforme donc et vous dirai tout naturellement—que je ne saurais m'apprivoiser (sic) (неразобранное слово) en faveur des intermetzo, où déjà je me sens revoltée de ne voir continuellement en scène que deux bouffons et une figure muette (?).

Je ne suis pas assez au fait des deux Ministres qui se croisent entre Copenhagen et Stokholm pour décider de leur capacités; *Puchkine* a une physionomie qui pomet que du moins il ne restera pas longtemps novice.

Je connais pour le lui avoir entendu dire plus d'une fois, qui est celui de vos amis qui a su qualifier les qualités des deux belles; je ne suis pas née pour le contredire (?).

Je profite autant du printemps que les demoiselles de la cour de celui de leur âge pour se donner des (неразобранное слово); la différence d'elles à moi consiste en la réalité et l'invénalité (?).

Je suis ravie que l'accident du Grand-Veneur ait été de peu de durée et ne sors pas de l'étonnement où je suis que le Vice-Chancellier veuille risquer le trajet de la mer.

Je vous prie de me préciser ce que vous nommez le Caroussel. Toutes les dents que mon frère se fait tirer me désespèrent; je suis persuadée que c'est *M-e Genti* (?) qui lui met cela dans la tête; je vous prie de lui dire de ma part que s'il continue ainsi—il se reduira à boire des bouillons tout le reste de sa vie; je suis convaincue que de suivre à cet égard les meilleurs de la faculté est absolument le moyen

de dépeupler sa bouche; il faut beaucoup de patience à la vérité pour résister à la douleur; cependant maux pour maux, il vaut mieux choisir les passagers.

La mort du géneral *Stoffel* avec la nécessité de la confirmation de celle du général *Bryly* me fait souvenir qu'en fait de nouvelles de cette nature le public se plaît souvent à faire d'une pierre deux coups; lors de la mort de l'Impératrice Anne, de celle de l'Empereur Charles Six qui arrivèrent en même temps—on s'avisa de publier encore celles des rois de France, de Pologne, du Pape et de la reine de Danemarck—laissant cependant la vie au vieux palatin et au landgrave de Darmstadt dont l'un avait quatre-vingt et l'autre quatre-vingt-dix ans.

La frele *Kayn* est depuis hier de retour d'un voyage qu'elle avait entrepris (à ce qu'elle expose) en faveur d'une cousine qu'elle n'a pas vu depuis longtemps—à la foire de Leipzig. Son père qui ne l'a vue de plusieurs années étant arrivé en son absence, cela donna lieu à une scène divertissante. Elle ne le sut pas plutôt que nous la fîmes travestir en cavalier; on devança son entrée dans l'appartement où le bon vieux *Kayn* était avec nous—par l'annonce d'un gentilhomme du jeune Prince de Bernbourg—qui, intentionné de venir nous voir, envoyait en demander la permission. Introduite—elle s'acquitta de tout le sérieux dont elle était capable, d'un compliment qui s'y rapportait. Le vieillard était là qui la contemplait des pieds jusqu'à la tête et qui ne revenait pas de son étonnement sur la démarche, les révérences et l'air guindé du prétendu ambassadeur. Enfin cela avait duré au delà de la demi-heure. Je feignis de lui trouver du rapport à une personne connue, je consultais *Kayn* sur ce qu'il en pensait; il conclut qu'il y en avait, mais qu'il ne lui revenait pas de qui (sic). «Regardez bien»—dis-je. Il dit qu'il cherchait, mais que sa mémoire ne le lui rendait pas. Un éclat de rire général démentit enfin le travesti, et il n'eut pas tiré la bouche (sic)—que sa mine s'éventa d'elle-même; le père a avoué que sans cela il ne l'aurait absolument par connue.

En voici, ce me semble, assez pour des riens et quatre feuilles et demie passablement mal remplies pour les intérêts de celui à qui elles s'adressent; l'amitié est indulgente—j'y prends mon refuge; je vous assure que je suis de la plus sincère estime, Monsieur, de votre excellence la toute acquise et dévouée amie et très humble servante Élisabeth.

à Zerbst, 14 (3) May 1746.

La Kayn me prie de présenter ses devoirs à Votre Excellence et de lui dire qu'elle ne manquera pas de lui écrire par l'ordinaire prochain et qu'elle aura soin de lui procurer les pièces souhaitées.

ПЕРЕВОДЪ.

Милостивый государь.

Я чрезвычайно рада, что находилась въ заблужденіи относительно продажи моихъ тряпокъ (?) и хотя увѣренность эта не отдаляетъ отъ меня нѣкоторой недовѣрчивости, касающейся вѣрности общественныхъ (почтовыхъ) сообщеній, тѣмъ не менѣе, коль скоро то что имѣешь сообщить другъ другу не теряется, то нужно уже считать себя удовлетвореннымъ и не останавливаться на подозрѣніяхъ, въ сущности мало провѣренныхъ и не имѣющихъ значенія между лицами, пишущими для того только, чтобы переписываться между собой [1]).

Я согласна считать нужнымъ не распространяться съ вашимъ сіятельствомъ о причинахъ молчанія тѣхъ особъ, которымъ я слишкомъ много обязана, чтобы позволить себѣ обратиться противъ нихъ. Это соображеніе, а также и сохраненіе чувства справедливости, не уменьшатъ никоимъ образомъ цѣну любезныхъ напоминаній о себѣ тѣхъ лицъ, которыя меня помнятъ и которыя, хотя и не выражаютъ ихъ лично, но стараются по крайней мѣрѣ объяснить мнѣ причины своего молчанія. Я бы также желала, съ своей стороны, чтобъ и мое молчаніе не вселило бы имъ сомнѣнія въ моей дружбѣ, а убѣдило бы ихъ въ томъ, что я цѣню ихъ осторожность и не перестану питать къ нимъ чувства искренняго уваженія.

Вы снова впадаете, милостивый государь, въ свою прежнюю ошибку. Есть-ли это слѣдствіе вашей скромности, или же результатъ того недовѣрія, которое вы питаете къ моему разсудку? Прошу васъ убѣдиться разъ навсегда, что письма ваши доставляютъ мнѣ неограниченное удовольствіе и что я безусловно предпочитаю ихъ всѣмъ прочимъ [2]).

Желаніе великой княгини было довольно удачно исполнено, благодаря мѣрамъ предосторожности, мною принятымъ. Я предупредила заблаговременно ту особу, которой пакеты были адресованы, и хотя Голландскій посланникъ и не проѣхалъ черезъ Берлинъ и поэтому не вручилъ своихъ посылокъ графу Бестужеву [3]) въ Дрезденѣ, я тѣмъ не менѣе ихъ довольно скоро получила.

---

[1]) Относится до запрещенія великой княгинѣ переписываться съ матерью и до способовъ, которыми онѣ тѣмъ не менѣе сообщались одна съ другою.

[2]) Эта фраза служитъ доказательствомъ существованія правильной переписки между принцессой и княземъ Репнинымъ, а также и того, что прилагаемое письмо не есть начало переписки, а продолженіе ея.

[3]) Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (родился 1688, ум. 1760), старшій братъ канцлера, былъ въ 1746 году посланникомъ нашимъ при Польско-Саксонскомъ дворѣ. Это было началомъ его вторичной дипломатической карьеры, вызванной необходимостью покинуть мѣсто оберъ-гофмаршала, вслѣдствіе участія, принятаго его женою

Я крайне благодарна вамъ за хлопоты и заботы ваши объ оставшихся на попеченіи вашемъ остальныхъ порученіяхъ моихъ; я охотно потерплю, лишь бы получить мнѣ нѣчто дѣйствительно хорошее, потому что, сознаваясь откровенно, я скажу вамъ, что портретъ на табакеркѣ вовсе не похожъ. Надѣюсь, что господа академики не пропустятъ удобнаго случая воспользоваться прекраснымъ портретомъ, который *Гродъ* [4]) снимаетъ въ настоящее время съ великой княгини, чтобы снять съ него эстампы; это тѣмъ болѣе необходимо, что въ настоящее время въ Германіи продаютъ отвратительные портреты великой княгини, образчики которыхъ при семъ прилагаю; я посылаю ихъ скупать вездѣ, гдѣ только они продаются, и требую обратно снимки изъ книгопечатней Дрезденскихъ, Галльскихъ и Лейпцигскихъ, за какую бы ни было цѣну.

Что же касается до письменнаго портрета ея императорскаго величества, то скажу вамъ, что онъ мнѣ кажется прекрасно написаннымъ, и если и имѣетъ недостатки, то такіе только, какіе бываютъ у начинающихъ художниковъ. Особа, его написавшая, выказала несомнѣнный талантъ, необходимый для исполненія столь трудной задачи; я себя считаю слишкомъ посредственной, чтобы дерзнуть начать подобное предпріятіе. Будьте увѣрены, что я не распространю то, чѣмъ я обязана вашему хорошему обо мнѣ мнѣнію, и доставьте мнѣ удовольствіе посвятить меня въ тайну автора; я вполнѣ понимаю, что онъ вамъ близокъ и что вы имъ живо интересуетесь [5]).

Христіанское смиреніе, съ которымъ вы поручаете себя Провидѣнію, милостивый государь, есть естественное послѣдствіе истиннаго созерцанія

въ Лопухинскомъ заговорѣ. Въ 1746 году отношенія графа М. И. къ брату канцлеру были уже враждебны.

[4]) Извѣстный портретистъ. Подробности описываемаго портрета находятся въ сочиненіи А. А. Васильчикова *Liste alphabétique des portraits russes,* tome I, 128—129, и. т. д. Не объ этомъ-ли портретѣ говорится въ письмѣ в. к. Екатерины Алексѣевны къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ 26-го Января 1746 г. (Сбор. Импер. Историческаго Общества, томъ VII, стр. 69)? Упоминаемый въ письмѣ „G. maître" есть, безъ сомнѣнія, князь Репнинъ.

[5]) Не идетъ-ли здѣсь рѣчь объ одномъ изъ первыхъ сочинительскихъ опытовъ императрицы Екатерины II-й, уничтоженныхъ, можетъ быть, ею въ 1758 году во время паденія Бестужева. Въ Запискахъ своихъ (стр. 28, 29, 30) она довольно подробно говорить о самомъ первомъ своемъ сочиненіи, писанномъ въ концѣ 1744 года въ Москвѣ, имѣющемъ предметомъ свою собственную характеристику и озаглавленномъ *Portrait d'un philosophe de 15 ans.* Одобреніе, которое сочиненіе это заслужило отъ случайнаго ея учителя графа Гилленборга (бывшаго въ то время чрезвычайнымъ посломъ Шведскимъ въ Россіи), давняго друга принцессы Цербской, не побудило ли юную великую княгиню написать годъ спустя характеристику Императрицы, и не появилась ли она въ печати когда-нибудь? (см. Catalogue Rossica, томъ II, стр. 119, № 1065).

Бога и Его неисчерпаемой милости. Еслибы *всѣ* могли также мыслить, какъ вы, какъ были бы *всѣ* на этомъ свѣтѣ спокойны и дѣйствительно счастливы!

Порядокъ изложенія вашего собственнаго письма приводитъ отъ серьезнаго къ обыкновенному. Подражая ему, я вамъ весьма просто скажу, что мнѣ невозможно пріучить себя къ „интермецо" (?), гдѣ я и безъ того возмущена тѣмъ, что постоянно вижу въ сценѣ двухъ шутовъ и одно нѣмое лицо (?).

Я недостаточно знакома съ двумя посланниками [6]), переѣзжающими изъ Копенгагена въ Стокгольмъ и обратно, чтобы судить объ ихъ способностяхъ; но у Пушкина выраженіе лица доказываетъ, что онъ недолго останется новичкомъ.

Мнѣ очень хорошо знакомъ (благо я отъ него не одинъ разъ то слышала) тотъ изъ вашихъ друзей, который съумѣлъ опредѣлить качества двухъ красавицъ, и я не рождена для того, чтобъ ему противорѣчить (?).

Я столько же пользуюсь весной, сколько придворныя фрейлины пользуются весной своей жизни, чтобы пріискать себѣ... (неразобранное слово). Разница между ними и мною заключается въ существенности и въ непродажности (?).

Я крайне довольна, что случившееся съ оберъ-егермейстеромъ [7]) приключеніе было непродолжительно и не прихожу въ себя отъ удивленія, что вице-канцлеръ [8]) рѣшается предпринять морское путешествіе.

---

[6]) *Баронъ Іоаннъ-Альбертъ Корфъ* и *Алексѣй Михайловичъ Мусинъ-Пушкинъ*. Баронъ *Корфъ*, бывшій президентъ Академіи Наукъ (род. 1697, ум. 1766), былъ въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ посланникомъ нашимъ въ Даніи. Его извѣстная библіотека, пріобрѣтенная въ 1764 году императрицею Екатериною для великаго князя Павла Петровича, принадлежала потомъ великому князю Константину Павловичу, а затѣмъ лицомъ, получившимъ ее въ наслѣдство отъ великаго князя (генераломъ Александровымъ) пожертвована въ Гельсингфорскій университетъ, гдѣ находится и по настоящее время. *Алексѣй Михайловичъ Мусинъ-Пушкинъ* былъ посланникомъ сперва въ Испаніи, затѣмъ въ Швеціи и наконецъ въ Даніи; въ Январѣ мѣсяцѣ 1746 состоялся указъ о переводѣ Пушкина изъ Швеціи въ Данію, а Корфа изъ Даніи въ Швецію; но въ 1747 году Пушкинъ отозванъ былъ въ Россію, и на его мѣсто назначенъ знаменитый впослѣдствіи Никита Ивановичъ Панинъ; въ 1748 году Панинъ переведенъ былъ въ Швецію, а Корфъ снова въ Данію, гдѣ и оставался до самой кончины своей.

[7]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, въ то время всесильный фаворитъ.

[8]) Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Морское путешествіе не состоялось. Графъ Воронцовъ вернулся въ Россію сухимъ путемъ въ концѣ Августа 1746 года.

Прошу васъ точно объяснить мнѣ, что вы называете „Карусель". Всѣ зубы, которые мой братъ [9]) позволяетъ себѣ выдергивать, приводятъ меня въ отчаяніе; я увѣрена, что это никто иной, какъ г. *Жанти* (?), который вбилъ ему въ голову эту мысль; я васъ прошу сказать ему отъ моего имени, что если онъ будетъ продолжать такъ дѣйствовать, то доведетъ себя до того, что принужденъ будетъ всю остальную жизнь свою питаться однимъ бульономъ. Я увѣрена, что въ этомъ случаѣ лучшій способъ вовсе лишиться зубовъ своихъ—есть повиновеніе знаменитымъ докторамъ. Правда и то, что нужно много терпѣнія, чтобы выдержать зубную боль; но тѣмъ не менѣе изъ двухъ золъ надо выбрать то, которое имѣетъ менѣе пагубныхъ послѣдствій.

Смерть добраго генерала *Штофеля* [10]) и требующее подтвержденія извѣстіе о смерти генерала *Брилли* [11]) напоминаетъ мнѣ, что въ извѣстіяхъ подобнаго рода молва часто старается опередить факты. Въ эпоху кончины императрицы Анны Іоанновны, случившейся одновременно съ кончиною императора Карла VI, вздумали, неизвѣстно почему, обнародывать еще извѣстія о будто бы случившихся кончинахъ королей Французскаго и Польскаго, папы Римскаго и королевы Датской, оставивъ однако въ живыхъ стараго Палатина, а также и ландграфа Дармштадтскаго, которымъ было одному восемьдесятъ, а другому девяносто лѣтъ.

Фрейлина *Кейнъ* только вчера возвратилась съ Лейпцигской ярмарки, куда она ѣздила (какъ она увѣряетъ) для свиданія съ одной двоюродною сестрой своей, которую давно не видала. Отецъ ея, не видавшій свою дочь уже нѣсколько лѣтъ, пріѣхалъ къ намъ во время ея отсутствія. Это послужило поводомъ къ забавной сценѣ. Какъ только она пріѣхала и узнала, что отецъ ея у насъ, то мы тотчасъ же одѣли ее въ мужской придворный костюмъ и предупредили ея вшествіе въ наши апартаменты громкимъ возвѣщеніемъ о пріѣздѣ молодаго дворянина, присланнаго какъ будто бы

---

[9]) Герцогъ Августъ Голштинскій, епископъ Любскій, а затѣмъ правитель Ольденбургскій, младшій братъ принцесы Іоанны-Елисаветы Цербской (род. 1718, ум. 1785). Онъ былъ вызванъ Императрицей въ Россію еще въ 1745 г., вопреки желанію своей сестры, и пользовался большою милостью Государыни до 1746 г. При отъѣздѣ его изъ Россіи ему пожаловано 30 тысячъ руб. (указы Сенату 20 Мая и 26 Іюня 1747).

[10]) Генералъ-поручикъ *Штофель*, отецъ генерала Штофеля, столь извѣстнаго въ походахъ Суворова и Потемкина. Штофель-отецъ въ 1737 году, во время Миниховскихъ походовъ, былъ товарищемъ князя В. А. Репнина.

[11]) Инженеръ-генералъ *Брилли* (скончавшійся только въ 1754, а не въ 1746 г.) былъ долго комендантомъ въ Ригѣ, гдѣ кн. Репнинъ командовалъ дивизіею съ 1742 по 1744 годъ. Вѣроятно, какъ Штофель, такъ и Брилли были лично извѣстны принцессѣ во время ея проѣзда черезъ Ригу 1744 года. (Сборн. Императорскаго Историч. Общества, томъ VII, стр. 9—67).

молодымъ *княземъ Бернбургскимъ*, который, желая насъ посѣтить, посылалъ освѣдомиться о дозволеніи пріѣхать. Какъ только она вошла въ комнату, то произнесла привѣтствіе свое со всѣмъ тѣмъ серьезнымъ тономъ, какое она только въ состояніи была выказать. Старикъ разглядывалъ ее съ головы до ногъ и не скрывалъ своего удивленія при видѣ странной походки, низкихъ поклоновъ и вообще жеманности мнимаго посланника. Это продолжалось болѣе получаса времени, какъ я вдругъ высказала мысль, что нахожу какое-то сходство между посланникомъ и кѣмъ-то очень намъ знакомымъ. Я спросила *Кейна*, что̀ онъ объ этомъ думаетъ, на что̀ онъ отвѣчалъ мнѣ, что сходство дѣйствительно есть, но что онъ не можетъ припомнить съ кѣмъ. „Посмотрите хорошенько", сказала я ему, на что̀ онъ еще разъ выразилъ мнѣ, что онъ все ищетъ, но что память ему измѣняетъ. Общій взрывъ хохота обличилъ, наконецъ, переодѣтую, которая сама разсмѣялась и тѣмъ выдала себя окончательно. Отецъ увѣряетъ, что не будь смѣха, онъ никогда бы ея не узналъ.

Мнѣ кажется однако, что достаточно болтать пустяки; вотъ уже четыре съ половиною страницы кое-какъ наполненныя, въ ущербъ терпѣнію того, кому онѣ адресованы; но дружба снисходительна, и я въ ней ищу убѣжища. Увѣряю васъ, что я всегда останусь съ чувствами самаго искренняго уваженія, милостивый государь, вашего сіятельства послушнымъ и преданнымъ другомъ, а также и покорнѣйшею слугою.

Елисавета.

Цербстъ, 3 (14) Мая 1746.

Фрейлина *Кейнъ* проситъ меня передать вашему сіятельству ея глубокое почтеніе, а также и увѣреніе, что она не замедлитъ вамъ написать со слѣдующею обыкновенною почтою, при чемъ постарается доставить вамъ требуемое.

АНЕКДОТЫ О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ, ЗАПИСАННЫЕ АДМИРАЛОМЪ А. С. ШИШКОВЫМЪ *).

1.

Екатерина, въ разсматриваніи дѣлъ, а особливо касающихся до обвиненія людей или до рѣшенія участи человѣческой, была такъ осторожна, что, кажется, сама благость не могла превзойти ее въ человѣколюбіи. Однажды, занимаясь дѣлами, читаетъ она бумаги. Въ кабинетѣ у нея была тогда дѣвица Александра Васильевна Энгельгардъ, племянница князя Потемкина, которую она очень любила. Екатерина, по прочтеніи бумаги, хотѣла подписать; но вдругъ остановилась, подумала немного, выдвинула ящикъ, положила ее туда и опять задвинула; потомъ обратилась къ дѣвицѣ Энгельгардтъ и спросила у нея: «Знаешь ли ты, зачѣмъ я эту бумагу спрятала?» — «Не знаю, Государыня». — «За тѣмъ, что надобно подписать приговоръ, а я чувствую себя скучною. Скука внушаетъ суровость; въ такомъ расположеніи духа не должно приступать къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ. Я уже это надъ собою испытала: мнѣ случалось, что я въ веселый часъ прочитавъ то, что̀ рѣшила въ скучной, находила себя слишкомъ строгою и сама рѣшеніемъ своимъ была недовольна».

(Слышалъ отъ А. В. Энгельгардъ, нынѣ графини Браницкой).

2.

Екатерина въ лѣтнее время жила въ Царскомъ Селѣ: жилище, какъ говоритъ Ломоносовъ, приличное *богинѣ красныхъ сихъ высотъ*. Она по утрамъ, одѣтая просто, любила прогуливаться въ садахъ. Обыкновенно хаживала она съ Марьей Савишною Перекусихиной, долго-

---

*) Извлечены изъ Смирдинскаго сборника „Новоселье“, 1833 года. П. Б.

временно при ней служившею. Однажды идутъ онѣ обѣ по одной изъ тѣнистыхъ аллей сего сада. Ихъ обгоняетъ молодой, статный мужчина, который заглядываетъ въ глаза Императрицѣ, думая, можетъ быть, увидѣть прекрасное личико, но, не найдя ожидаемаго, продолжаетъ путь свой, не снимая шляпы. Монархиня, пропустивъ его немного, обращается къ сопутницѣ своей и говоритъ ей: «Какой невѣжа!»— Г-жа Перекусихина, по добротѣ сердца своего, опасаясь, чтобъ Императрица, прогнѣвясь, не приказала ему остановиться, сказала къ его оправданію: «Государыня! Конечно этому человѣку нигдѣ не случалось васъ видѣть».—«Я въ этомъ увѣрена», отвѣчала Екатерина; «да я и виню его не за дерзость передъ Царемъ, а только за неучтивость передъ женщинами».

(Слышалъ отъ самой г-жи Перекусихиной).

3.

Въ другое лѣто, въ томъ же Царскомъ Селѣ, Екатерина, прогуливаясь по саду, видитъ поставленную на дорогѣ маленькую искусно выработанную мельницу, на которой написано: *Мели, мели, да денежки бери;* и тутъ же означено имя Преображенскаго полку солдата. Государыня, удивляясь красивости этой игрушки, сдѣланной рукою солдата, приказала ее взять и отослать въ Петербургъ къ начальнику того полка графу Татищеву, приказавъ его увѣдомить, гдѣ и какъ она нашла ее. Татищевъ призываетъ къ себѣ солдата и хочетъ наказать его за дерзость поступка, но въ тоже время получаетъ отъ Императрицы, со вложеніемъ пятидесяти рублей, записку: «Деньги солдату отдать и наказанія инаго не дѣлать, какъ только при собраніи въ полку прочитать ему, какой штрафъ полагается тому, кто на чужой землѣ, не спросясь хозяина, мельницу построитъ».

(Слышалъ отъ самаго графа Татищева).

4.

Екатерина не благопріятствовала единоторжію, зная, что торговля и промыслы, предоставленные въ однѣ руки, прибыльны для казны, но тягостны для народа. При самомъ началѣ восшествія своего на престолъ, уничтожила она откупъ таможенныхъ сборовъ, отданныхъ передъ тѣмъ купцу Шемякину, приказавъ заплатить ему убытокъ по его показанію. Соль и вино, хотя по древнимъ постановленіямъ

принадлежали къ царскимъ сокровищницамъ, всегда были казенныя и приносили вѣрный доходъ; однакоже Екатерина приказала заготовлять соль учрежденнымъ мѣстамъ отъ правительства и для того только продавать, чтобы народъ не былъ притѣсненъ откупами, предоставя всякому свободу пользоваться мелочною продажею. Винный откупъ хотя безпрестанно возросталъ и въ ея время простирался уже до двадцати милліоновъ, но желаніе ея всегда стремилось къ тому, чтобы раздѣлить оный по городамъ и селеніямъ какъ можно мелочнѣе и во многія руки. Сочиненный ею Винный Уставъ ясно то свидѣтельствуетъ. Въ 1794 г., въ бытность президентомъ Комерцъ-Коллегіи Державина, поданъ ему былъ проектъ отъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ особъ, коимъ просили они отдать имъ на откупъ табакъ и нѣкоторые другіе продукты, за что предлагали казнѣ доходу десять милліоновъ и впредь хотѣли торговаться. Державинъ представилъ сей проектъ Екатеринѣ. Она въ тоже самое время прочла его со вниманіемъ отъ начала до конца, хотя онъ на нѣсколькихъ листахъ написанъ былъ и, написавъ нѣчто на лоскуткѣ бумаги, отдала Державину сей лоскутокъ вмѣстѣ съ проектомъ, не сказавъ ни слова. Державинъ, по пріѣздѣ домой, прочиталъ слѣдующее: «Проекторамъ, знать, неизвѣстно, что на подобные откупы и прожекты въ Успенскомъ соборѣ на престолѣ, въ Москвѣ, положено проклятіе въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, понеже Имперіи и торгу разорительны. Чево имъ объявить».

(Списано, не перемѣняя ни буквы, съ собственной руки Императрицы).

Въ отвѣтахъ своихъ на вопросы Дидерота о внутреннемъ состояніи Россіи (см. „Р. Архивъ", 1880, кн. III-я), Екатерина тоже говоритъ, что единоторжіе было при отцѣ Петра Великаго проклято на соборѣ. Это важное показаніе требуетъ подробнаго разъясненія, каковаго ждемъ отъ изслѣдователей Русской Исторіи XVII вѣка. Надо замѣтить, что Екатерина, къ концу жизни своей, много занимаясь Русскою исторіею, имѣла въ рукахъ бумаги, можетъ быть еще и до сихъ поръ неоглашенныя и даже съ тѣхъ поръ утраченныя. П. Б.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА КЪ Д. П. ГОЛОХВАСТОВУ.

1.

Милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

Прежде нежели я буду утруждать васъ просьбою объ обмѣнѣ аттестата, выданнаго мнѣ въ 1833, позвольте мнѣ удостовѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ нужно это. У меня не *свидѣтельство*, получаемое на актѣ, а аттестатъ, только *писанной и на простой бумагѣ*. Гражданскій губернаторъ говоритъ, что онъ не видывалъ аттестатовъ изъ Университета не пергаментныхъ. Но ежели это все равно и писанный аттестатъ тоже gültig *) при представленіи къ чину кол. ассес.: то для чего же мѣнять? Ежели, напротивъ, въ Сенатѣ могутъ сдѣлать затрурненіе, то я покорнѣйше попросилъ бы васъ принять на себя трудъ приказать мнѣ выслать печатный аттестатъ, а я тотчасъ возвращу писанный (на которомъ никакой подписи нѣтъ). Прислалъ бы я его и теперь, да боюсь, скоро пойдутъ представленія.

Извините, что я васъ безпокою такой неважной просьбой, за то будьте увѣрены: третьяго аттестата просить не буду до тѣхъ поръ, пока или опять вступлю въ студенты или мой сынъ выйдетъ изъ него, и такъ въ обоихъ случаяхъ не такъ-то скоро.

Прошу свидѣтельствовать наше искреннѣйшее почтеніе Надеждѣ Владимировнѣ **). Въ заключеніе позвольте повторить тѣ чувства уваженія, съ которыми честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Герценъ.

Владимиръ,
1839, Ноября 4-го.

P. S. При семъ прилагаю *примѣты* аттестата.

---

*) Т. е. годенъ. Герценъ въ эту пору зачитывался Нѣмецкихъ книгъ. П. Б.

**) Супругѣ Д. П. Голохвастова, урожденной Новосильцовой. П. Б.

2.

Милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

Позвольте васъ ото всей души поблагодарить за письмо отъ 5-го Февраля. Я только что убѣдился было въ необходимости втораго путешествія въ Петербургъ, какъ обстоятельства совершенно перемѣнились: графъ Строгановъ переводитъ меня оффиціально въ свое министерство; третьяго дня губернаторъ получилъ предписаніе, и такъ дѣло кончилось само собою. Константинъ Ив. Арсеньевъ вторично просилъ Гресера (какъ пишетъ Сережа), чтобъ онъ принялъ мою просьбу, пока не замѣщены двѣ ваканціи чиновниковъ при канцеляріи.

Читая ваше письмо, мнѣ пришло въ головѣ странное сближеніе двухъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я ссылался папенькѣ на васъ и просилъ вашего совѣта. Въ 1829 году я писалъ къ вамъ изъ Васильевскаго ein Philister-Brief съ примѣрами изъ Римской Исторіи и съ Латинскими словами и просилъ уговорить папеньку не задерживать еще годъ моего вступленія въ университетъ. Теперь, черезъ одиннадцать лѣтъ, повторились тѣже обстоятельства; а ежели я вздумаю, сколько я пережилъ перемѣнъ въ себѣ, сколько свѣтлаго и темнаго пережилъ съ 1829! Тогда я былъ даже еще не студентъ, смотрѣлъ на все въ цвѣтные очки; теперь женатъ, теперь уже прожилъ бурный и порывистый періодъ, понялъ семейное счастіе и тихое, стройное развитіе совершеннолѣтія.

У моего дофина прорѣзался зубъ. Доселѣ это ему не стоило большихъ трудовъ. Наташа благодаритъ за память; она здорова. Вы не можете себѣ представить, какъ въ этомъ скромномъ углу земнаго шара тихо и счастливо живемъ мы, окруженные книгами и рѣдко являясь въ маленькомъ большомъ обществѣ Владимира.

Очень благодаренъ вамъ, Дмитрій Павловичъ, за Ильинскаго; я особенно коротко хотя не знаю, но знаю (и потому рискнулъ просить), что онъ очень бѣденъ и тихой, благородной человѣкъ.

Надеждѣ Владимировнѣ просимъ передать наше усердное почтеніе. Саша съ зубомъ вашимъ малюткамъ. А я честь имѣю пребывать вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Герценъ.

Владимиръ,
1840, 10-го Февраля.

3.

Милостивый государь, Дмитрій Павловичъ!

Я долго лишалъ себя удовольствія извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, потому-что хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, какъ я нахожусь въ новыхъ обстоятельствахъ и на новомъ поприщѣ. Простое же извѣщеніе было бы лишнее и потому, что, поѣхавши въ Петербургъ, нельзя сбиться съ дороги, особливо въ дилижансѣ. Послѣдняя приписка ваша отъ 15-го Іюня ускорила исполненіе моего желанія, и потому, поблагодаривши за нее, я начну.

Во-первыхъ, графа вблизи я нашелъ далеко не такимъ грознымъ; при нѣкоторыхъ недостаткахъ, онъ весьма добрый и благородный человѣкъ. Во-вторыхъ, министерская служба и не отяготительна, и не трудна, хотя сказать правду, въ ней нѣтъ и особенныхъ агрементовъ. Сквозь длинную анфиладу столовъ, отдѣленій, канцелярій, департаментовъ, начальнику никакъ нельзя и въ микроскопъ разглядѣть: хорошъ или худъ, уменъ или глупъ какой-нибудь armer Titular-Rath.

Постоянной мечтой моей, idée-fixe, совсѣмъ не то. Малѣйшее мѣсто помощника, товарища библіотекаря, или не знаю чего въ свитѣ Цесаревича, я не промѣнялъ бы на лучшее мѣсто въ министерствѣ. Въ этомъ моя служебная вѣра, инстинктъ, внутреннѣйшее убѣжденіе. К. И. Арсеньевъ со мною несказанно хорошъ; у него я бываю, но молчу: пусть онъ узнаетъ меня. Буду молчать и съ В. А. Жуковскимъ до поры. Но цѣли этой не выпущу изъ вида. Меня свитѣ указало Провидѣніе.

Серёжу вы видѣли; стало, мнѣ писать объ немъ нечего. Мы нанимаемъ вмѣстѣ квартиру въ настоящемъ Петербургскомъ домѣ, то-есть не домѣ, а orbis: тутъ есть лавки, магазейны, директоры министерствъ, m-me Allan, офицеры, винные погреба, шесть этажей и нѣсколько сотъ оконъ; тутъ по подряду на весь домъ ставятъ воду, топятъ печи, вставляютъ рамы, натираютъ полы. Все это совершенно противуположно Московскому широкому комфорту; у папеньки, напр., есть лѣса и степи на дворѣ стараго дома. Вообще, новизны много для меня, не смотря на то, что я поглядѣлъ свѣтъ—въ Вяткѣ и Перми. Эта близость къ Европѣ, которая всякой день подъѣзжаетъ на пароходѣ по Англійской набережной; эта необычайная дѣятельность и, наконецъ, море! Я теперь, какъ Камоенсъ, могу сказать: «И я плавалъ по широкому морю». Это все хорошо; но худо то, что до 1-го Іюля здѣсь дождливая весна, а съ 1-го Іюля дождливая осень. А въ Москвѣ теперь такъ тепло, что даже папенька пишетъ объ этомъ, qui est assez difficile, какъ вы знаете, на этотъ счетъ.

Жена и малютка здоровы. Дай Богъ, чтобъ мое письмо и вашихъ застало также здоровыхъ, какъ я видѣлъ ихъ. Свидѣтельствую наше усердное почтеніе Надеждѣ Владимировнѣ и примите еще разъ удостовѣреніе въ тѣхъ чувствахъ истиннаго почтенія, съ какими остаюсь вашъ покорный слуга.

А. Герценъ.

С.-Петербургъ, 1840 г. Іюля 3-го.

P. S. Можетъ быть, это письмо найдетъ васъ въ Покровскомъ. Знаете ли вы, что уже прошло *одиннадцать* лѣтъ, какъ я былъ тамъ у васъ? E pur se muove!

Письмо графа А. А. Закревскаго къ попечителю Московскаго университета Д. П. Голохвастову.

Весьма секретно.

Милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

По встрѣтившейся надобности покорнѣйше прошу ваше превосходительство доставить мнѣ въ непродолжительномъ времени свѣдѣніе о образѣ жизни и мыслей профессоровъ здѣшняго университета Грановскаго и Кудрявцова, увѣдомя притомъ, какъ они ведутъ себя въ отношеніи къ университетскому начальству и студентамъ; не были ли они за границей для довершенія образованія; въ какихъ именно университетахъ, и наконецъ, довольны ли вы духомъ и направленіемъ ихъ лекцій.

Подобныя же свѣдѣнія не оставьте сообщить мнѣ о профессорѣ Соловьевѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Графъ А. Закревскій.

№ 801.
28 го Мая 1849 года.
Москва.

Его превосходительству Д. П. Голохвастову.

Отвѣтъ.

На секретное отношеніе в. с. отъ 28-го сего мѣсяца за № 801, относительно преподавателей Московскаго университета Грановскаго, Кудрявцова и Соловьева имѣю честь отвѣтствовать слѣдующее.

Исправляющій должность о. п. магистръ Грановскій, изъ дворянъ Орловской губерніи, кончивъ курсъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ, съ высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4-го Маія 1836 года, отправленъ былъ на два года въ Берлинъ для усовершенствованія себя по части Всеобщей Исторіи и слушалъ лекціи въ тамошнемъ универси-

тетѣ. Двухлѣтній срокъ его пребыванія за границей въ 1837 году съ высочайшаго соизволенія продолженъ еще на годъ. Съ 17 Сентября 1839 года онъ началъ въ Московскомъ университетѣ чтеніе лекцій Средней и Новой Исторіи.

Соловьевъ, сынъ священника, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, былъ за границею, но не по распоряженію и не на счетъ правительства, потому офиціальныхъ свѣдѣній о его ученыхъ занятіяхъ въ чужихъ краяхъ нѣтъ *). Онъ состоитъ при университетѣ въ качествѣ преподавателя съ 24-го Августа 1845 года.

Исправл. должн. адъюнкта Кудрявцовъ, изъ духовнаго званія, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, былъ отправленъ съ высочайшаго соизволенія въ Мартѣ 1845 года въ Берлинъ и нѣкоторыя мѣста Германіи и Италіи на два года; сдѣлалъ поѣздку чрезъ Саксонію и Богемію въ южныя части Германіи и Италіи, преимущественно въ Австрію и Баварію для осмотра памятниковъ искусствъ древняго и новаго. Съ этой цѣлью наиболѣе оставался въ Мюнхенѣ. Одинъ семестръ пробылъ въ Берлинѣ, одинъ въ Парижѣ. Получилъ отсрочку заграничнаго своего пребыванія на полгода. При здѣшнемъ университетѣ состоитъ въ качествѣ преподавателя съ 15-го Августа 1847 года.

Въ образѣ жизни всѣхъ ихъ ничего предосудительнаго неизвѣстно. По образу мыслей и ученому направленію всѣ трое могутъ почесться противниками такъ называемыхъ Славянофиловъ и скорѣе наклонными къ европеизму, что̀ и можно было замѣтить изъ сочиненій, помѣщенныхъ ими въ разныхъ Петербургскихъ журналахъ. Въ отношеніи къ университетскому начальству никогда не были замѣчены въ сопротивленіи или нарушеніи должнаго къ нему уваженія. Въ отношеніи къ студентамъ, какъ преподаватели усердные, трудолюбивые и знающіе свое дѣло, всегда пользовались ихъ уваженіемъ и любовію; но чтобы входили съ ними въ непозволительныя связи или сношенія, того извѣстно не было. Что касается до духа и направленія ихъ лекцій въ настоящее время, то съ этой стороны также ничего вреднаго не замѣтно, тѣмъ болѣе, что какъ люди весьма умные, они очень хорошо понимаютъ, что, въ особенности со времени послѣднихъ событій въ Европѣ, надзоръ со всѣхъ сторонъ долженъ быть усиленъ и что еслибы они позволяли себѣ на лекціяхъ, посѣщаемыхъ многими молодыми людьми, говорить что либо противное духу правительства, то это никакъ не могло бы остаться тайною.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

---

*) С. М. Соловьевъ ѣздилъ въ чужіе края при дѣтяхъ графа А. Г Строганова П. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Однажды, въ разговорѣ съ ниже подписавшимся, коснувшись воспоминаній о Московскомъ обществѣ и литературныхъ его представителяхъ, современныхъ нашей молодости, князь Юрій Александровичъ Оболенскій спросилъ меня, слыхалъ ли я стихотворную шутку Льва Ивановича Арнольди, за которую И. С. Аксаковъ «произвелъ его въ Арнольдины». Я не зналъ этой шутки и, когда князь Ю. А. сталъ передавать ее на память, взялъ карандашъ и записалъ ее. Съ позволенія князя Ю. А-ча посылаю ее въ «Русскій Архивъ». Вотъ она:

Въ здоровомъ климатѣ,
На почвѣ плодотворной,
Не знаю, какъ и кѣмъ
Наброшено зерно.
И вотъ подъ бурями
И тихо, и свободно
Все развивается оно.
Хозяева за нимъ
Немного и ходили:
Садовники плохіе были.
Однако деревцо
Цвѣло уже красиво,
Хоть тихо и лѣниво,
И обѣщалось дать къ веснѣ
Златыхъ плодовъ:
Такъ было чудное зерно
Могучихъ силъ тогда полно!
Но вскорѣ деревцо
Досталося въ наслѣдство
Другому молодцу.

Онъ парень ловкій былъ;
Соскучился все ждать
И за-море въ сосѣдство
Пустился въ путь,
И край тотъ чудный посѣтилъ,
Гдѣ все лишь чувствъ отрада,
Гдѣ свѣжіе плоды
Деревья тяготятъ,
Гдѣ много разрослось
Златаго винограда.

И вотъ хозяинъ мой
Все думу думаетъ,—
Разумникъ былъ большой,
Къ тому же и упрямъ,
И крѣпокъ, и силенъ.
И диво дивное
Затѣялъ вскорѣ онъ:
И ну со всѣхъ садовъ
Срывать, гдѣ только могъ,
Красивѣйшихъ плодовъ,
И все къ себѣ таскать.
Потомъ сталъ къ дереву
Цвѣточки прививать,
Навязывать плоды,
Мѣнять и корни, и верхушки,
И сдѣлалъ для себя
Изъ дерева игрушку.
Онъ долго тѣшился.
Ему всѣ удивлялись.
Сосѣди надъ его работою смѣялись,
Однако-жъ все-таки изъ сада своего
Съ боязнью новою смотрѣли на него.
И новые владѣльцы говорили:
Ну, что бы тамъ сосѣди ни твердили,
По крайней мѣрѣ, и у насъ
Цвѣтутъ теперь плоды:
Хотя нельзя ихъ ѣсть,
За то они у насъ,
По крайней мѣрѣ, есть....
И сгибло деревцо,
И замерли въ немъ силы:
Оно не дѣйствуетъ
И не даетъ цвѣтовъ,
А отъ испорченныхъ плодовъ
Ужъ вѣетъ запахомъ могилы.
Такъ гибнетъ иногда
Отъ солнечныхъ лучей
Въ тѣни развившійся
Младой цвѣтокъ полей.
Такъ въ жизни иногда
Усердное лѣченье
Здоровый организмъ
Приводитъ въ разрушенье.
Но, къ счастью дерева,
Все можетъ измѣниться:

Садовникъ уродится,
Который тотчасъ же
Сорвалъ бы всѣ плоды
И, дерево поливъ
Струей живой воды,
Какъ въ прежней долѣ,
Оставилъ снова бы
Цвѣсти его на волѣ,
Питаться воздухомъ роднымъ,
Свободнымъ, чистымъ и живымъ.
И деревцо тогда
Поднимется высоко,
И вѣтви отъ него
Раскинутся широко
Затѣмъ, что чудное зерно
Все тайныхъ силъ еще полно....

Эту шутку, какъ видятъ читатели, и по содержанію, и по формѣ, слѣдуетъ отнести къ разряду басень. Она написана около 1852 года, т. е. въ самый разгаръ тогдашней литературной борьбы между славянофилами и западниками, когда одни видѣли и указывали основы и корни Русской исторической жизни въ до-Петровской Руси, а другіе отрицали въ ней историческое значеніе и только въ Петровскомъ времени признавали начало Русской исторіи.

Кстати, позволяю себѣ, съ согласія князя Ю. А. Оболенскаго, подѣлиться и нѣкоторыми другими его воспоминаніями. Лѣтомъ 1848 г. въ Москвѣ, какъ извѣстно, свирѣпствовала холера. Князь Ю. А. жилъ это лѣто на дачѣ своего отца, князя Александра Петровича, въ Петровскомъ паркѣ. Тамъ однажды утромъ встрѣтился онъ съ извѣстнымъ въ то время острословомъ, Московскимъ старожиломъ, Сергѣемъ Алексѣевичемъ Нееловымъ. Гуляя, зашли они навѣстить одну изъ почитательницъ или обожательницъ знаменитѣйшаго въ то время доктора А. И. Овера, 80-лѣтнюю Наталью Петровну Полозову, которая и жила на одной изъ дачъ Овера. Застали они старушку за завтракомъ и, къ удивленію своему, увидали, что она съ большимъ аппетитомъ кушала грибы въ сметанѣ. С. А. Нееловъ остановился и, нимало не задумываясь, произнесъ:

Сей случай для меня необычайно новъ!
Я думалъ, что сморчки не кушаютъ грибовъ.

Вотъ и еще острое словцо, обращенное С. А. Нееловымъ къ княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Гагариной, которая тогда только-что возвратилась изъ поѣздки своей въ Харьковъ:

Прелестная княжна, въ которой все такъ мило,
Скажи мнѣ, сколько харь ты въ Харьковѣ плѣнила?

Собралась какъ-то зимою на тройкахъ въ подмосковное имѣніе С. Т. Аксакова, Абрамцово (въ трехъ верстахъ отъ Хотькова монастыря) цѣлая компанія, состоявшая изъ Гильфердинговъ (отца и сына), извѣстнаго актера М. С. Щепкина, И. С. Тургенева, князей Андрея Васильевича и Юрія Акександровича Оболенскихъ. Выѣхали они поздно, ѣхали почти всю ночь и порядкомъ устали. Тотчасъ по пріѣздѣ К. С. Аксаковъ повелъ гостей къ себѣ на верхъ и уложилъ на большихъ диванахъ. На одномъ диванѣ расположились И. С. Тургеневъ и князь Ю. А-чъ, а на другомъ за перегородкою легли и тотчасъ затѣяли филологическій споръ А. Ѳ. Гильфердингъ (сынъ) и К. С. Аксаковъ. Кто помнитъ сильный, звучный баритонъ К. С. Аксакова и дѣтски-пискливый голосокъ *) Гильфердинга, тотъ пойметъ комическій контрастъ въ голосахъ спорщиковъ и невозможность заснуть сосѣдямъ. Въ спорѣ кричитъ Аксаковъ: «Да примите же въ разсчетъ, что буква *еры* оправдываетъ букву *еръ*». Чтобы какъ нибудь обратить вниманіе спорщиковъ на то, что они не даютъ спать сосѣдямъ, Тургеневъ закричалъ изъ-за перегородки: «Помилуйте, Константинъ Сергѣевичъ! Какъ можетъ буква *еры* кого-нибудь и что-нибудь оправдывать, когда она сама нуждается въ оправданіи?»...

Извѣстно, что К. С. Аксаковъ никогда не лгалъ, считая грѣхомъ солгать даже ради шутки. Однажды ночью въ тарантасѣ ѣдутъ они съ братомъ по Троицкой дорогѣ въ Абрамцово. Иванъ Сергѣевичъ крѣпко спалъ, а Константинъ только дремалъ. Встрѣтилась телѣга, и сидѣвшій въ ней крестьянинъ, за темнотою предполагавшій, что въ тарантасѣ ѣдутъ люди, до которыхъ у него была надобность, сталъ кричать: «Иванъ, Иванъ, а Иванъ!» Боясь, чтобы эти крики не разбудили брата, К. С. выпрыгнулъ изъ тарантаса и сказалъ кричавшему: «никакого Ивана тутъ нѣтъ». Тотъ замолчалъ. Усѣвшись въ тарантасъ, К. С. вспомнилъ, что въ тарантасѣ Иванъ, его братъ, и, снова выпрыгнувъ изъ тарантаса, нагналъ ѣхавшаго крестьянина и сказалъ ему: «Постой, въ тарантасѣ есть Иванъ, точно; но это мой братъ, а не тотъ, котораго тебѣ надобно....»

Н. Новиковъ.

---

*) А. Ѳ. Гильфердингъ говорилъ отмѣнно тонкимъ, писклывымъ голосомъ. Однажды, жаркимъ лѣтомъ, онъ работалъ у Хомякова въ комнатѣ возлѣ кабинета, въ которомъ сидѣлъ Хомяковъ съ кѣмъ-то изъ гостей своихъ. Окна были настежъ. Невидимый изъ кабинета Гильфердингъ обратился къ Хомякову съ какимъ-то вопросомъ. Собесѣдникъ Хомякова сталъ отмахиваться: ему показалось, что на него съ пискомъ летитъ комаръ. П. Б.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЗАГАДОЧНОЙ КОНЧИНѢ ВАРШАВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА А. Д. ГЕРШТЕНЦВЕЙГА.

Въ Январьской книжкѣ «Русскаго Архива» за 1885 годъ я описалъ съ полнымъ безпристрастіемъ самоубійство генерала Герштенцвейга въ Варшавѣ въ 1861 году.

Для сопоставленія показаній объ этомъ удивительномъ случаѣ «Русскій Архивъ» сослался на статью покойнаго Н. В. Берга, помѣщенную въ томъ же изданіи за 1872 годъ, и оказалось, что моя статья расходится во многихъ подробностяхъ съ статьею г-на Берга.

Но вотъ, въ Январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 годъ, появилась новая статья С. М. Борщова, противурѣчащая обѣимъ предыдущимъ статьямъ.

Для разъясненія истины надо сличить противорѣчащія мнѣ и себѣ взаимно статьи гг. Берга и Борщова.

Первый основалъ свое свидѣтельство на показаніи адъютанта Полѣнова, послѣдній на личномъ своемъ участіи.

Бергъ говоритъ: «Левшинъ *) получилъ приказаніе отправиться въ цитадель и, произведя тамъ, *вмѣстѣ съ комендантомъ ея генераломъ Ермоловымъ*, возможно-скорую сортировку арестованнымъ, освободить тѣхъ, кто покажется *имъ* менѣе опаснымъ и виновнымъ, причемъ обращать вниманіе на возрастъ».

Борщовъ увѣряетъ, будто *Государь Императоръ* телеграфировалъ графу Ламберту изъ Ливадіи, чтобы мѣры въ отношеніи арестованныхъ въ костелахъ бунтовщиковъ «не были очень круты», вслѣдствіе чего Ламбертъ приказалъ Левшину «осмотрѣть всѣхъ арестованныхъ и освободить тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся моложе 20 и старше 40 лѣтъ и по убѣжденію его признаны будутъ имъ невинными и попавшими въ костелы вслѣдствіе какой-либо случайности, что̀ Левшинъ и исполнилъ».

---

*) Варшавскій полицмейстеръ. Н. Б.

Вопервыхъ, комендантъ Ермоловъ не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ Левшина, который всегда кокетничалъ съ мятежниками и въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно; вовторыхъ, никакого высочайшаго повелѣнія по этому дѣлу, сколько извѣстно, не было. Еслибы таковое состоялось, то не произошло бы ссоры между Герштенцвейгомъ и графомъ Ламбертомъ, потому что послѣдній показалъ бы первому высочайшую телеграмму и тѣмъ замкнулъ бы уста Герштенцвейгу.

Бергъ: «Послѣ этого (освобожденія Левшинымъ арестованныхъ), генералъ - губернаторъ отправился въ *замокъ,* гдѣ узналъ все и имѣлъ съ намѣстникомъ *глазъ-на-глазъ* то *крупное объясненіе,* о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайною. Иные думаютъ, что Герштенцвейгъ высказалъ намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій, состоявшихъ въ томъ, что онъ чрезъ нѣсколько часовъ приказалъ освободить арестованныхъ. Къ чему же была вся эта ночная печальная комедія, свалка народа съ войсками, при звонѣ набатнаго колокола? Къ чему былъ соблазнъ нарушенія собственнаго приказа?»

Борщовъ: «Герштенцвейгъ, узнавъ объ этомъ, сдѣланномъ помимо его распоряженіи, страшно взбѣшенный, тотчасъ же отправился къ намѣстнику и безъ доклада вбѣжалъ, такъ-сказать, въ его кабинетъ, *гдѣ въ то время находился и я».*

Герштенцвейгъ отправился не въ *замокъ,* а въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ жилъ тогда намѣстникъ. Узналъ онъ о дѣйствіяхъ Левшина не въ замкѣ, а въ цитадели, куда пріѣзжалъ лично и гдѣ вмѣсто 1684 человѣкъ, нашелъ только 20, но и тѣхъ Левшинъ готовился выпустить. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ какъ встрѣчи его съ громадными толпами освобожденныхъ, оглашавшихъ воздухъ пѣснію: «Еще Польска не сгинэла» и криками: «Нехъ жые Наполеонъ и Викторія!» такъ и столкновенія его съ Левшинымъ. Ермолова при этомъ вовсе не было. Это объяснено мною подробно въ моей статьѣ. При объясненіи генералъ-губернатора съ намѣстникомъ дѣйствительно никого не было, и они схватились *глазъ-на-глазъ.* Да проститъ мнѣ многоуважаемый Сергѣй Михайловичъ *), если я возобновлю въ его памяти то обстоятельство, что за нимъ графъ Ламбертъ послалъ тогда уже, какъ Герштенцвейгъ и Хрулевъ вышли изъ его кабинета и уѣхали домой. Не припомнитъ ли г. Борщовъ словъ своихъ, сказанныхъ по выходѣ

---

*) Борщовъ.

изъ кабинета графа: «Вотъ странность! Вчера ужъ какъ я упрашивалъ графа отпустить меня въ *Ниццу* (но не во *Флоренцію,* какъ пишетъ онъ теперь) къ больной матери—и слушать не хотѣлъ, говоря: «Ты мнѣ нуженъ тутъ въ это жаркое время», а сегодня вдругъ самъ упрашиваетъ, чтобъ я ѣхалъ туда какъ можно скорѣе! Другая странность та, что графъ приказалъ мнѣ зайти къ Герштенцвейгу и спросить, не будетъ ли отъ него какого-нибудь порученія къ женѣ его въ *Ниццу* (все-таки не во *Флоренцію*) и принести ему отвѣтъ».

Послѣ этого оставляемъ на отвѣтственности г. Борщова слѣдующій его разсказъ:

«— Что̀ значатъ сдѣланныя вами и безъ всякаго моего о томъ вѣдома распоряженія объ освобожденіи изъ цитадели заарестованныхъ мною въ костелахъ? *дерзкимъ тономъ и возвысивъ голосъ* спросилъ Герштенцвейгъ намѣстника. Если это не есть прямая *измѣна* (?), то въ крайнемъ случаѣ желаніе показать себя человѣкомъ гуманнымъ предъ лицомъ Европы. Когда нужно было карать, то вы на меня возложили обязанность эту, предоставляя одному себѣ исключительное право милованія и тѣмъ преступили вами же утвержденное постановленіе военнаго совѣта».

Казалось бы ничего не было проще, какъ показать генералъ-губернатору телеграмму съ высочайшимъ повелѣніемъ, еслибы таковое существовало, чтобы успокоить гнѣвъ Герштенцвейга; но г. Борщовъ влагаетъ въ уста графа Ламберта слѣдующее празднословіе:

«—Прошу васъ успокоиться и опомниться, Александръ Даниловичъ, сдержанно отвѣчалъ графъ Ламбертъ. Возложивъ на васъ эту обязанность, я полагалъ совершенно излишнимъ дѣлать вамъ такія указанія, которыя необходимы для какого нибудь ефрейтора (?), а не для военнаго генералъ-губернатора, особенно же для васъ. Если я и указалъ вамъ идти по извѣстному направленію, и вы на пути этомъ встрѣтили пропасть, то вамъ слѣдовало ее обойти, а не бросаться въ нее» (??).

«— *Ты* (?!) отрицаешь слова свои и сдѣланное *тобою* самимъ распоряженіе», съ запальчивостію возразилъ Герштенцвейгъ.

«Разговоръ принималъ между ними такой оборотъ, что я невольно началъ бояться за болѣе серьезныя послѣдствія.

«Нѣсколько разъ пытался я уговаривать ихъ, но всѣ старанія мои были тщетны, причемъ Герштенцвейгъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Съ какого права вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ наши объясненія? Извольте выдти отсюда: это до васъ не касается».

«— Вы забываете, что онъ не у васъ, а у меня, сказалъ графъ Ламбертъ, и я не предоставлялъ еще вамъ права распоряжаться въ моемъ домѣ; прошу васъ, Борщовъ, остаться; по крайней мѣрѣ вы

можете быть свидѣтелемъ, насколько забываются и до какой степени наглости иногда доходятъ благовоспитанные люди».

«— А, *тебѣ* еще нужны свидѣтели! возразилъ Герштенцвейгъ и со словами: «*ты измѣнникъ* и...» *бросился* къ графу Ламберту; но зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ, я, къ счастію, успѣлъ стать между ними и, *отстранивъ Герштенцвейга, тѣмъ предупредить дерзкое его намѣреніе*» (?!).

Позволю себѣ еще одно обстоятельство припомнить почтеннѣйшему Сергѣю Михайловичу, именно. Когда Степанъ Александровичъ Хрулевъ, 10 Апрѣля 1866 года, на второй день Пасхи, пригласилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ къ себѣ на «красное яичко» утромъ, онъ Борщовъ, генералъ Викентій Михайловичъ Козловскій, я и другіе, просили хозяина разсказать, что̀ въ дѣйствительности случилось въ кабинетѣ графа Ламберта? На это Хрулевъ отвѣчалъ: «тайна принадлежитъ не мнѣ, и я унесу ее съ собою въ могилу». И онъ унесъ ее въ могилу, дѣйствительно.

Удивительно, что память г. Борщова могла сохранить такую массу словоизверженій и забыть такія важныя обстоятельства!

Плохую однакоже услугу оказалъ Сергѣй Михайловичь памяти Герштенцвейга и дисциплинѣ Русской арміи, открывая потомству, будто Герштенцвейгъ былъ способенъ на кулачную расправу—и съ кѣмъ же? Съ главнокомандующимъ арміею и намѣстникомъ Царя! Дорого бы дали за это извѣстіе заграннчно-Польская печать того времени и закупленныя противъ Россіи «Opinione Nationale», «Presse», «Patrie» et tutti quanti. Извергая всю грязь на Россію и выдумывая о ней тысячи самыхъ чудовищныхъ небылицъ, печать эта не осмѣлилась даже выдумать описываемаго г. Борщовымъ факта, изъ опасенія, что этому не повѣрятъ даже враги Россіи и припишутъ выдумку слишкомъ преувеличенной журнальной злобѣ.

Г. Борщовъ продолжаетъ: «Воспользовавшись этою минутою, графъ, сильно взволнованный, отворилъ дверь изъ кабинета и, увидавъ генерала Хрулева, сказалъ ему: «Вы-то мнѣ и нужны, Степанъ Александровичъ; прошу васъ пожаловать ко мнѣ, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же возвратился. Объяснивъ генералу Хрулеву все между Герштенцвейгомъ и имъ происшедшее, графъ Ламбертъ присовокупилъ:

«— За симъ, предоставляю вамъ, С. А., рѣшить, что̀ послѣ этого остается намъ дѣлать, хотя, говоря по совѣсти, я не могу себя упрекнуть ни въ чемъ, что̀ могло бы дать поводъ къ подобной выходкѣ Александра Даниловича, который, полагаю, и самъ въ томъ долженъ сознаться».

«— Здѣсь не мѣсто ни сознанію, ни отрицанію, а остается дѣлать то, что̀ въ подобныхъ случаяхъ дѣлается между порядочными людьми: я готовъ дать вамъ удовлетвореніе», сказалъ Герштенцвейгъ.

Наконецъ, «рѣшено было остановиться на Американской дуэли, называемой Французами «duel à la courte paille», при чемъ посредникъ подаетъ противникамъ два конца носоваго платка, на одномъ изъ которыхъ завязывается узелокъ, и вытащившій таковой обязанъ добровольно застрѣлиться. Посредникомъ этимъ бымъ генералъ Хрулевъ, и жребій палъ на Герштенцвейга, который и вытащилъ злосчастный узелокъ, приведшій его къ самоубійству».

Вѣроятно все это было такъ; но если г. Борщовъ былъ личнымъ свидѣтелемъ ссоры, то почему графъ Ламбертъ не избралъ его, какъ личнаго своего друга, этимъ посредникомъ и не поручилъ ему завязать узелокъ на платкѣ, а послалъ за Хрулевымъ? Вѣдь намѣстникъ хотѣлъ сохранить этотъ случай въ глубочайшей тайнѣ; зачѣмъ же было посвящать въ нее четвертое лицо, генерала Хрулева, когда г. Борщовъ могъ вполнѣ замѣнить его?

Бергъ описываетъ это такъ: «Намѣстникъ и Герштенцвейгъ вызвали другъ друга на дуэль, которую, по мнѣнію большинства, во избѣжаніе скандала, рѣшились привести въ исполненіе особымъ, такъ называемымъ Американскимъ способомъ. Брошенъ былъ жребій: кому выпадетъ «пистолетъ», тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герштенцвейгу»...

Ни о Борщовѣ, ни о Хрулевѣ не говорится ни слова. Далѣе, самоубійство, со словъ адъютанта, Бергъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Герштенцвейгъ уѣхалъ изъ за̀мка часу въ пятомъ дня, чрезвычайно разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя дома съ директоромъ своей канцеляріи Честилинымъ и адъютантомъ Полѣновымъ. Пообѣдавъ, Герштенцвейгъ легъ въ своемъ кабинетѣ отдохнуть, не раздѣваясь, въ сюртукѣ, какъ былъ, и не велѣлъ никого принимать. Такъ пролежалъ онъ почти безъ движенія весь тотъ вечеръ. На другой день, 5-го Октября, вставъ съ постели въ 7 часовъ утра, *онъ зарядилъ револьверъ, и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза.* (Спрашивается: кто же это видѣлъ? Не самъ ли адъютантъ, разсказывавшій это Бергу?) Первая пуля, скользнувъ по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ *одиннадцать трещинъ* (!), и пуля, пробивъ лобъ и скользнувъ по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ. Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и *сохранилъ всѣ чувства* (?!). Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ,

онъ легъ и позвонилъ. Выстрѣловъ въ домѣ никто не слыхалъ. Вошедшій по звонку человѣкъ, увидѣвъ генерала окровавленнымъ, бросился къ дежурному адъютанту. Когда тотъ вбѣжалъ—«Imaginez-vous, сказалъ ему *спокойно* (?) Герштенцвейгъ: deux coups, et je ne suis pas encore mort». (Вобразите: два выстрѣла, и я еще живъ)».

Слышите: это *послѣ 11-ти трещинъ въ черепѣ* несчастный такъ *спокойно* разговариваетъ съ адъютантомъ, какъ будто разсказываетъ ему о выпитыхъ двухъ стаканахъ воды!... Но на этомъ не конецъ. Бергъ, со словъ того же адъютанта, продолжаетъ: «Въ девятомъ часу *пріѣхалъ Ламбертъ* (?) и, желая говорить съ больнымъ на-единѣ, далъ знакъ адъютанту, чтобы онъ вышелъ; но тотъ *объяснилъ, что безъ приказанія своего генерала сдѣлать этого не можетъ* (?!) «Прикажите», сказалъ Ламбертъ. Герштенцвейгъ, повидимому, неохотно далъ знакъ»...

Все это послѣ 11-ти трещинъ въ черепѣ!

Спрашиваемъ всѣхъ военныхъ: кто бы изъ нихъ осмѣлился ослушаться личнаго приказанія главнокомандующаго и отвѣчать ему такою дерзостію, какою хвастается адъютантъ?

Еслибы Герштенцвейгъ дѣйствительно сохранилъ послѣ второй пули столько *спокойствія*, *чувствъ* и *полной памяти*, то безъ сомнѣнія пустилъ бы въ себя третью пулю, чтобъ прекратить страданія и ужъ вѣрно не разговаривалъ бы *спокойно* съ адъютантомъ и намѣстникомъ.

Надобно удивляться не адъютанту, а г-ну Бергу, что онъ повѣрилъ такой сказкѣ и огласилъ ее въ печати.

Всѣмъ теперь извѣстно, что Герштенцвейгъ, послѣ втораго выстрѣла, былъ поднятъ безъ языка и сознанія, лежалъ въ забытьи 19 дней, жилъ какъ бы жизнью полипа и умеръ на 20-й день подъ ножемъ анатома. Графъ Ламбертъ и не думалъ къ нему пріѣзжать, потому что самъ слегъ въ постель, и кровь показалась у него изъ горла.

С. М. Борщовъ также ничего не говоритъ объ этомъ свиданіи; да и говорить нечего, потому что графъ Ламбертъ послалъ его къ Герштенцвейгу спросить, не дастъ ли онъ какого-нибудь порученія къ женѣ, при чемъ графъ прибавилъ: «Но прошу васъ поспѣшить и, никуда не заѣзжая, тотчасъ же отправиться къ нему. При настоящихъ обстоятельствахъ каждая минута можетъ быть дорога».

По словамъ Борщова это было *на другой день* послѣ рѣшенія о дуэли. Въ этомъ случаѣ онъ не расходится съ Бергомъ; но далѣе противорѣчитъ себѣ.

«Простившись съ графомъ — пишетъ Борщовъ — я немедленно исполнилъ его желаніе; но когда, по прибытіи моемъ въ Брюлевскій

дворецъ, гдѣ жилъ военный генералъ-губернаторъ *), я приказалъ доложить ему о себѣ, то швейцаръ сказалъ мнѣ, что онъ боленъ и никого не приказалъ принимать. Я велѣлъ вызвать ко мнѣ дежурнаго его адъютанта. Послѣдній, нѣсколько смущенный, подтвердилъ мнѣ слова швейцара, присовокупивъ, что Александръ Даниловичъ *простудился во время арестованія въ костелахъ*, и, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, легъ въ постель, вслѣдствіе чего, въ данную минуту, онъ не можетъ его безпокоить».

Стало быть, онъ «простудился» только *вчера*, такъ какъ *арестованіе въ костелахъ* было наканунѣ дня дуэли, 3-го Октября, а дуэль состоялась 4-го числа, слѣдовательно, Герштенцвейгъ застрѣлился въ *тотъ же день*, какъ доказано въ моей статьѣ, а *не на другой день*.

«Я просилъ адъютанта—продолжаетъ Борщовъ — передать военному генералъ-губернатору, что намѣстникъ, зная о моемъ на другой день отъѣздѣ во Флоренцію (въ Ниццу), гдѣ находилась супруга генерала Герштенцвейга, поручилъ мнѣ спросить его, не пожелаетъ ли онъ дать мнѣ какое-либо къ ней порученіе; а такъ какъ я лишенъ возможности его видѣть, то чтобы онъ соблаговолилъ меня о томъ извѣстить въ Англійскій отель, гдѣ я жилъ. Вошедшій въ эту минуту въ пріемную комнату оберъ-полицеймейстеръ полковникъ Пильсудскій сказалъ мнѣ тихонько:

« — Представьте себѣ, Александръ Даниловичъ застрѣлился!»

Очевидно, дежурный адъютантъ не могъ исполнить порученія С. М. Борщова, потому что генералъ-губернаторъ былъ въ *безпамятствѣ*; но еслибы онъ находился при такомъ сознаніи, какъ описываетъ Бергъ, то адъютантъ не смѣлъ бы не доложить ему о пріѣздѣ Борщова; напротивъ, самъ созналъ бы необходимость доклада. Съ своей стороны Герштенцвейгъ не видѣлъ бы надобности скрываться отъ Борщова и отказывать ему въ пріемѣ уже потому, что Борщовъ, по словамъ его, былъ свидѣтелемъ ссоры, и слѣдовательно отъ него самоубійство секретомъ не было.

Въ настоящемъ спорѣ послѣднее слово, конечно, принадлежитъ исторіи, которая съумѣетъ отличить истину отъ хвастливости.

Теобальдъ.

15-го Марта 1887 г.

*) Т.-е. Герштенцвейгъ. П. Б.

ПО ПОВОДУ „ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОВАЛОВЪ“.

ПИСЬМО В. А. ПОЛЕТИКИ КЪ В. А. КОКОРЕВУ.

Изъ цѣлаго ряда, большею частію сочувственныхъ письменныхъ заявленій, полученныхъ какъ В. А. Кокоревымъ, такъ и нами, за время появленія въ „Русскомъ Архивѣ“ „Экономическихъ Проваловъ“, считаемъ полезнымъ сообщить читателямъ нижеслѣдующее письмо В. А. Полетики, обращенное къ В. А. Кокореву, вслѣдъ за напечатаніемъ первыхъ „Проваловъ“. Содержащіяся въ немъ возраженія могутъ служить къ дѣльному уясненію предмета, каковое конечно и послѣдуетъ. Письмо печатается съ любезнаго дозволенія обѣихъ сторонъ. П. Б.

Любезный Василій Александровичъ!

Прочитавъ ваши «Экономическіе Провалы» со вниманіемъ, соотвѣтствующимъ моему уваженію къ вашимъ дарованіямъ и сердечной моей къ вамъ привязанности, чувствую потребность войти съ вами въ состязательство. Возраженія мои пишу я для вашего личнаго прочтенія.

Къ сожалѣнію, я почти вовсе не знакомъ съ сельско-хозяйственными вопросами и потому не могу позволить себѣ сужденія о главнѣйшемъ изъ указываемыхъ вами «Проваловъ», т.-е. о конечномъ разстройствѣ нашего сельскаго хозяйства, причиненномъ ему дурною системою акцизныхъ сборовъ со спирта.

Не могу не признать силы нѣкоторыхъ изъ вашихъ доводовъ. Понимаю, что насильственное обращеніе на винокуреніе лучшаго хлѣбнаго зерна, въ наиболѣе производительной, черноземной мѣстности, могло вредно отразиться на добротности сѣмянъ и на производительность посѣвовъ. Признаю вредъ, нанесенный скотоводству сѣверныхъ

губерній насильственнымъ лишеніемъ скота любимой имъ пищи. Но не могу только укорениться въ убѣжденіи, что повсемѣстное въ Россіи разстройство сельскаго хозяйства произошло единственно вслѣдствіе дурной системы акцизнаго сбора, а не вызвано также и другими обстоятельствами, можетъ быть, гораздо болѣе значительными.

Что̀ касается до другихъ указанныхъ вами «Проваловъ», то, по моему мнѣнію, на нихъ можно смотрѣть и съ другой точки зрѣнія, а именно:

1. Установленіе неизмѣнной, металлической денежной единицы составляетъ положительную необходимость для правильнаго денежнаго обращенія страны и для всѣхъ ея экономическихъ оборотовъ, какъ внутреннихъ, такъ и международныхъ. Девальвація 1839 года была совершенно необходима, такъ какъ ассигнаціонный рубль—тогдашняя денежная единица—потерялъ всякую опредѣленную стоимость, какъ нынѣшній кредитный рубль. Нельзя же вообразить себѣ, чтобы какое бы то ни было государство могло постоянно и безнаказанно хозяйничать на бумажныя деньги; иначе для государства оказалось бы возможнымъ, устроивши у себя обширную фабрику бумажныхъ денегъ, пріобрѣтать даромъ сокровища всего міра. Но развѣ это мыслимо? Если металлическій рубль можетъ казаться слишкомъ крупною денежною единицею, то не надо забывать, что Пруссія вела отлично свое хозяйство и достигала крайней дешевизны жизни, имѣя денежною единицею талеръ, т. е. величину, равнозначущую съ нашимъ металлическимъ рублемъ. Англійская счетная денежная единица—фунтъ стерлинговъ—въ 6¼ разъ превосходитъ нашъ металлическій рубль.

2. Начать проложеніе желѣзныхъ путей въ Россіи, иначе какъ постройкою Николаевской дороги, едва-ли было возможно по всей совокупности политическихъ, экономическихъ, техническихъ и административныхъ условій страны. Если нѣкоторыя изъ замосковныхъ дорогъ (впрочемъ только Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) оказались выгодными при самомъ открытіи по нимъ движенія, то это произошло, главнымъ образомъ потому, что сооруженію этихъ дорогъ предшествовала постройка Николаевской дороги, связавшей Московскій районъ съ вывознымъ Петербургскимъ портомъ. Весь путь отъ Москвы до Чернаго моря до сихъ поръ не оплачиваетъ процентовъ и погашенія на капиталъ, употребленный на его сооруженіе. Однимъ сооруженіемъ Московско-Черноморской дороги нельзя было предотвратить Крымской войны, вызванной непосильнымъ намъ высокомѣріемъ внѣшней политики Николаевскаго царствованія. Севастополемъ мы заплатили не за одно неустройство нашихъ дорогъ, а за нашу общую отсталость. Когда *паровой* Европейскій флотъ подошелъ къ Севасто-

полю, то нашему *парусному* флоту нельзя было вступить съ нимъ въ состязательство, и ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ только затопиться. Военные успѣхи десанта произошли не отъ его сравнительной съ нашими войсками многочисленности, а потому что Европейскіе солдаты были вооружены скорострѣльными штуцерами, тогда какъ у нашихъ были темпистыя ружья съ деревянными шомполами и кремневыми замками. Сколько бы нашихъ солдатъ мы ни подвозили тогда къ Севастополю, они всѣ были бы перестрѣлены, потому что, при всей ихъ храбрости и самоотверженности, они все-таки не могли бы плетью перешибить обуха.

3. Нашъ ленъ мы не можемъ противупоставить хлопку, потому что хлопокъ родится несравненно обильнѣе льна и обработывается несравненно дешевле. Воспрещая привозъ хлопка, мы могли бы лишить наше рабочее населеніе дешевыхъ ситцевыхъ рубахъ, но этимъ еще не предоставили бы ему возможности пользоваться дешевыми полотняными рубашками.

4. Транспортъ Кяхтинскаго чая имѣлъ совершенно ничтожное значеніе для благосостоянія Сибири. Экономическій ростъ этого края начался только съ водвореніемъ тамъ золотопромышленности въ началѣ сороковыхъ годовъ. Когда, въ 1841 году, я пріѣхалъ на службу въ Барнаулъ, самая парадная комната въ лучшемъ городскомъ домѣ, занятомъ начальникомъ заводовъ, была обита холстомъ, выбѣленнымъ известкою, и освѣщалась сальными свѣчами. Товарищъ мой за полдюжины вязаныхъ чулокъ вымѣнялъ себѣ корову.

5. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, когда рабочее крѣпостное тягло перестало быть обезпеченіемъ ссудъ, выдававшихся подъ залогъ его дароваго труда помѣщику, преобразованіе опекунскихъ совѣтовъ стало совершенною необходимостію. Лишенный дароваго труда и вынужденный переходить къ неизвѣданному еще хозяйничанью по вольному найму, помѣщикъ терялъ опредѣленную кредитную способность. Продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ, на прежнемъ основаніи, могло бы привести государственное казначейство къ неисчислимымъ потерямъ.

Читая ваши «Экономическіе Провалы», невольно останавливаешься на мысли: почему же въ теченіе пятидесяти лѣтъ, о которыхъ вы вспоминаете, намъ суждено было испытывать одни только «провалы» и никогда не доводилось присутствовать при какомъ-либо экономическомъ подъемѣ. Вопросъ рождается самъ собою; но вы о немъ умалчиваете и, удостовѣряя, что безпрерывные, полувѣковые провалы привели насъ къ «самому мрачному времени нуждъ и лишеній», все-таки не отка-

зываетесь отъ хвастливаго предположенія о какомъ-то «великомъ значеніи», которое намъ будто бы на роду написано.

Мнѣ хотѣлось бы дополнить ваши разсужденія посильнымъ объясненіемъ истинныхъ причинъ тѣхъ проваловъ, о которыхъ вы вспоминаете. Я послѣдую вашему примѣру и, не роясь въ матеріалахъ, буду дѣлать мои выводы на единственномъ основаніи моихъ личныхъ воспоминаній.

Сознательное отношеніе къ жизни для насъ обоихъ начинается со времени самаго яркаго пустоцвѣта Николаевскаго царствованія, одного изъ самыхъ тяжелыхъ въ исторіи Россіи. Характеристическими чертами этой эпохи было какое-то высокомѣрное, тщеславное, ничѣмъ не оправдываемое и совершенно для насъ разорительное притязаніе на опекунство надъ Европою, при самомъ насильственномъ угнетеніи Русской мысли и при величайшей скудости самостоятельной Русской жизнедѣятельности.

Мы посылали на свой счетъ корпусъ Русскихъ войскъ оборонять султана отъ паши Египетскаго. Русская армія ходила усмирять Венгровъ, возставшихъ противъ императора Австрійскаго; мы предлагали Англійскому послу дѣлить Балканскій полуостровъ, не зная даже какой отвѣтъ послѣдуетъ на наше предложеніе; мы претерпѣли Севастопольскій погромъ, добиваясь ни къ чему намъ ненужнаго протектората надъ Славянскими провинціями Турціи.

А между тѣмъ у насъ дома все болѣе и болѣе глохло всяческое проявленіе жизни. Вся Русская интеллигенція, т.-е. все дворянское сословіе, или прямо изъ пеленокъ поступало на казенное иждивеніе и оставалось на немъ всю свою жизнь, ровно ничего не дѣлая и упражняясь только въ чинопочитаніи, или совершенно тунеядствовало на счетъ крѣпостнаго труда, все болѣе и болѣе хирѣвшаго и деморализовавшагося. Мы во всемъ бездѣйствовали и неизмѣримо отставали отъ другихъ даже въ дѣлѣ войсковаго снаряженія, составлявшаго предметъ ежедневныхъ, личныхъ заботъ императора, во все время его тридцатилѣтняго царствованія.

Въ одной изъ моихъ публичныхъ рѣчей мнѣ привелось приравнять Николаевское царствованіе къ постройкѣ Исаакіевскаго собора. Огромное сооруженіе, основанное на болотѣ, безъ достаточнаго укрѣпленія фундамента; масса драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, совершенно потерявшихъ свое значеніе при неумѣломъ и безвкусномъ ихъ употребленіи; монументальное, поглощающее десятки милліоновъ зданіе, сооружаемое безъ художественнаго плана и безъ творческой мысли. Какъ Агасѳеру, заключилъ я это сравненіе, отринувшему Носителя Божественнаго Слова, присуждено было вѣчно блуждать, никогда не

находя успокоенія, такъ и этому зданію, символу эпохи угашенія духа, суждено, кажется, вѣчно строиться и никогда не быть достроеннымъ.

Тщеславная и высокомѣрная внѣшняя политика въ связи съ непробуднымъ застоемъ внутренней жизни и была истинною причиною нашихъ безустанныхъ экономическихъ проваловъ и нашего обнищанія.

Что главнѣйшія цѣли нашей внѣшней политики, за послѣдніе полвѣка, были совершенно призрачны, вовсе не соотвѣтствовали нашимъ дѣйствительнымъ интересамъ и только служили къ нашему разоренію, убѣдительно доказывается нашимъ отношеніемъ къ Восточному вопросу.

Вопросъ этотъ, въ томъ чтò до насъ касается, былъ разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно славными войнами Екатерининскаго царствованія: Россія овладѣла сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря и освободила свою территорію отъ послѣднихъ слѣдовъ Татарской власти. Неразрѣшенною оставалась только задача объ утвержденіи полной нейтральности проливовъ и Средиземнаго моря, чтò и могло быть нами достигнуто безъ всякихъ пожертвованій, такъ какъ интересы наши въ разрѣшеніи этой задачи вполнѣ совпадаютъ съ интересами всей континентальной Европы. Но мы предпочли донкихотствовать на послѣдніе гроши Русскаго мужика. Сами лишенные всяческихъ признаковъ гражданской свободы, мы не уставали лить Русскую кровь за освобожденіе другихъ; сами погрязшіе въ расколахъ и безвѣріи, разорялись для водруженія креста на Софійскомъ храмѣ. И вотъ, въ теченіи цѣлаго столѣтія, мы не перестаемъ воевать за освобожденіе Грековъ, Румынъ, Сербовъ и Болгаръ, которые всѣ отъ насъ отворачиваются, предпочитая лучше возсоединяться съ общечеловѣческою культурою, чѣмъ съ нашими своеобразными порядками. Севастопольскій «провалъ», казалось бы достаточно уже обнаружилъ какъ призрачность и тщеславіе нашей внѣшней политики, такъ и наше ужасающее внутреннее безсиліе. Мы было и толкнулись на новый путь; но послѣ нѣсколькихъ свѣтлыхъ, поистинѣ плодотворныхъ, освободительныхъ порывовъ насъ опять окутала мгла реакціи.

Болгарскій «провалъ» былъ для насъ точнымъ повтореніемъ Севастопольскаго «провала» и довершилъ окончательное разстройство нашихъ финансовъ.

Теперь мы наканунѣ еще новаго «экономическаго провала», быть можетъ, болѣе разорительнаго, чѣмъ всѣ предъидущіе. Развившаяся подъ крыломъ нашей отсталости и нашего бездѣйствія Американская и Индійская хлѣбныя торговли угрожаютъ совершенно вытѣснить наше хлѣбное зерно съ Европейскихъ рынковъ. Какъ пройдемъ мы черезъ этотъ «экономическій провалъ», не смѣю даже и предугадывать.

И такъ вотъ мое послѣднее слово. Не случайныя и малозначущія ошибки финансовой администраціи, на которыя вы указываете, привели насъ къ «мрачному времени нуждъ и лишеній», а хроническая, полувѣковая связь призрачной, тщеславной, разорительной для насъ внѣшней политики съ непробуднымъ застоемъ и вынужденною отсталостію нашей внутренней жизни.

Позвольте мнѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по поводу Аксаковскаго возгласа: («Пора домой! Въ пристань спасенія, въ Москву»), которымъ вы начинаете ваши разсужденія. Почему же Москву можемъ мы называть своимъ домомъ и почему она можетъ быть для насъ пристанью спасенія?

Возмемъ хотя бы насъ съ вами. Вы сѣверянинъ, несомнѣнный потомокъ одного изъ тѣхъ Новгородскихъ колонизаторовъ, которые, во славу Русскаго имени, прошли всю Сибирь до Чукотскаго носа и вездѣ насадили корни Русской народности. Для васъ «домой!» значило бы въ Новгородъ, къ преданіямъ сѣвернаго народоправства.

Я Малоросъ. Для меня «домой!» значитъ въ Кіевъ, откуда излился на Россію свѣтъ Христова ученія и гдѣ появились первые въ Россіи пересадки классической мудрости, хотя и попорченные значительно Византійскимъ изувѣрствомъ *).

Почему же должны мы признать своимъ домомъ Москву—этого ублюдка, происшедшаго отъ изнасилованія Русской суевѣрной бабы кровожаднымъ Татариномъ? Не можете ли вы мнѣ указать, какой слѣдъ во всемірной исторіи оставила Москва въ теченіи своего семивѣковаго существованія? Зародилась ли тамъ какая-либо мысль, плодотворно повліявшая на развитіе человѣчества; раздалось ли оттуда какое-либо свѣжее, просвѣтляющее слово; показалось ли тамъ какое-либо вѣковѣчное произведеніе искусства?

Да и намъ-то самимъ, что̀ оставила Москва въ наслѣдство? Расколъ, стрѣлецкіе бунты, кормленіе воеводъ, приказную волокиту, а вмѣсто памятниковъ искуства: Ивановскую колокольню, царя-пушку, да царя-колокола!

Вмѣсто возгласа «Пора домой, въ Москву», которымъ вы начали ваши разсужденія, предпочитаю окончить мой отвѣтъ противоположнымъ возгласомъ: Впередъ! Къ знанію, къ свѣту и къ свободѣ!

Марта 17-го 1887.

В. Полетика.

---

*) Не забылъ ли авторъ прибавить: и польщизною? П. Б.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ Запискахъ Н. Н. Муравьева, въ „Русскомъ Архивѣ" 1885, тетрадь 12-я, стр. 438, колонія названа Сарта-Галы; слѣдуетъ *Сарта-Чалы*. Пріятель Муравьева старикъ Грузинъ (тамъ же, стр. 440 и 441) былъ не Цинамегоровъ, а *Цинамсгоровъ*.

*

Въ „Р. Архивѣ" 1887, кн. 1-я, стр. 23-я сказано про графа П. А. Строганова, что онъ принесъ на революціонныя потребности какія-то *серебряныя кольца* (boucles d'argent). Это вовсе не кольца, а пряжки съ башмаковъ. Извѣстенъ анекдотъ о Дюмурье. Когда онъ былъ министромъ Людовика XVI-го, гофмаршалъ сказалъ ему съ ужасомъ, увидя министра Ролана (извѣстнаго Жирондиста): Но у него нѣтъ пряжекъ на башмакахъ!— Ахъ, отвѣчалъ Дюмурье, все погибло (tout est perdu).

Покойный графъ С. Г. Строгановъ сказывалъ про своего тестя, что иногда, подъ вліяніемъ воспоминаній о молодыхъ своихъ лѣтахъ, онъ становился страненъ, чудилъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего уходилъ въ комнаты своихъ слугъ, садился съ ними обѣдать и потѣшался равенствомъ.

*

Н. А. Рѣшетовъ, въ статьѣ: „Люди и дѣла давно минувшихъ дней", напечатанной въ 12-й книжкѣ „Русскаго Архива" за 1886 г., говоря на стр. 497 о Михаилѣ Александровичѣ Офросимовѣ, бывшемъ Московскомъ генералъ-губернаторѣ, упоминаетъ, между прочемъ, о сочиненномъ М. А. романсѣ: „Коварный другъ, но сердцу милый" и извѣстной, по словамъ г. Рѣшетова, музыкѣ къ нему Алябьева.

Дѣйствительно послѣдній написалъ музыку на названный романсъ; но если онъ пользовался, въ свое время, большою извѣстностью, то отнюдь не благодаря музыкѣ А. А. Алябьева, а конечно покойнаго отца моего Николая Алексѣевича Титова, товарища и друга Офросимова съ молодыхъ ихъ лѣтъ.

Романсъ этотъ появился въ печати въ началѣ 20-хъ годовъ, вскорѣ за первымъ въ Россіи романсомъ отца: „Уединенная Сосна", слова также М. А. Офросимова, о чемъ мой батюшка и замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ: „Древняя и Новая Россія" за 1878 годъ, Декабрь, стр. 265 и 269.

Популярность музыки романса „Коварный другъ" Титова была столь широка, что онъ выдержалъ, не только что въ Россіи, нѣсколько изданій, какъ и значительная часть произведеній отца моего, но, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ включенъ, безъ вѣдома композитора, въ коллекцію Русскихъ романсовъ и пѣсень прекрасно переведенныхъ на Нѣмецкій языкъ и изданныхъ за границею подъ заглавіемъ: „Sammlung Russischen Romanzen und Volkslieder". Uebersetzung v. Bruno. Edition: Fritz Schuberth. Hamburg. „Trugvoller Freund". v. Titoff.

Изъ романсовъ же и пѣсень А. А. Алябьева, въ этомъ собраніи находятся: безсмертный „Соловей мой, соловей!", Пѣснь бѣдняка"' „Лучь надежды" и „Вечеркомъ въ румяну зорю".

Н. Н. Титовъ.

С.-Петербургъ, 5 Февраля 1887 г.

*

Въ превосходной статьѣ А. А. Чумикова о сватовствѣ Шведскаго короля Густава IV-го, пропущено нами указаніе Шведскихъ источниковъ, на основаніи которыхъ написана эта статья. Вотъ они:

Minnen ur Sweriges nyare Historia samlade af Baron von Schinkel. Stokholm 1853.—Portefeuille. Historisca Anteckningar af Friherr von Adlerbet.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

